

ACADEMIA DE ȘTIINȚE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. X _ nr. 1-2

CHIȘINĂU 2014

ACADEMIA DE ȘTIINȚE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef / Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Chișinău), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, mem. cor. al Academiei Române (Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, acad. al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție – **Larisa Ciobanu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural AȘM, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия АНМ, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the „Archaeological Magazine”, the Institute of Cultural Legacy of the Academy of Sciences of RM, bul. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001 Chisinau, the Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами
All the papers to be published are reviewed by experts

**CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS
STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES**

Валентин Дергачев, Ольга Ларина (<i>Кишинэу</i>). Планиграфия и структура поселения культуры Криш Сакаровка I (Р. Молдова).....	6
Виталий Цимиданов (<i>Донецк</i>). «Ограбленные» погребения Белозерской культуры.....	31
Эвелина Кравченко (<i>Киев</i>). Кто сжег Уч-Баш? (к вопросу о финале предскифского периода в Северном Причерноморье).....	49
Сергей Махортых (<i>Киев</i>). Об одной группе раннескифских памятников Днепровского лесостепного Правобережья.....	71
Денис Гречко (<i>Киев</i>). О бескурганных погребениях аборигенного населения восточноевропейской лесостепи скифского времени.....	81
Vasile Haheu (<i>Chişinău</i>). Lumea egeeană şi impactul cultural al acesteia asupra evoluţiei tracilor septentrionali.....	105
Alexandru Levinschi (<i>Chişinău</i>). Ceramica grecească de lux în aşezările getice din silvostepa Nistru-Prut.....	119
Vasile Iarmulski, Octavian Munteanu (<i>Chişinău</i>). Ceramica lucrată cu mâna din aşezarea Lucăşeuca II (secolele II-I a. Chr.).....	124
Сергей Курчатov (<i>Кишинэу</i>). Следы неведомых «царей».....	132
Светлана Рябцева (<i>Кишинэу</i>). Перстни с полусферическими щитками и специфика престижного ювелирного убора X-XII вв. населения Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы.....	143
Silviu Oţa (<i>Bucureşti</i>). Podoabe de tradiţie bizantină descoperite în aşezările rurale şi târguri de la nordul Dunării (secolele XI-XIV).....	168
Ion Ursu (<i>Chişinău</i>). Sabia la populaţiile turanice din spaţiul carpato-nistrean în secolele -XIV.....	177

**MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS**

Сергей Коваленко (<i>Кишинэу</i>). Верхнепалеолитическая стоянка Дрэгэнешть X.....	184
Olga Larina, Ghenadie Sirbu (<i>Chişinău</i>). Rezultatele investigaţiilor arheologice din aşezările Feteşti I şi II (r-nul Edineţ).....	192
Геннадий Тощев (<i>Запорожье</i>). Кромлехи с каменными плитами со знаками в Причерноморье и Крыу.....	203
Сергей Агульников, Еужениу Мистрян (<i>Кишинэу</i>). Новые находки каменных орудий на памятниках позднего бронзового века степной зоны Молдовы.....	206
Виталий Синика, Игорь Четвериков (<i>Тирасполь</i>), Николай Тельнов (<i>Кишинэу</i>). Материалы из разрушенных скифских погребальных комплексов IV-II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра.....	213
Lilia Dergaciova (<i>Chişinău</i>). Monede medievale moldovenesti din colecţii particulare din Republica Moldova (VIII).....	222

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Vasile Haheu, Victoria Surdu, Dumitru Bratco (*Chișinău*). Despre moarte și „moartea simbolică” la tracii septentrionali (considerații preliminare).....229

Vasile Haheu, Dumitru Bratco (*Chișinău*). Vitivinicultura Moldovei în epoca medievală.....241

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Angela Simalcsik (*Iași*), **Alexandra Comșa** (*București*), **Vasilica Monica Groza, Robert Daniel Simalcsik** (*Iași*). Trepanația – ritual simbolic/magico-religios sau procedeu terapeutic? Necropola medievală de la Lozova (r-nul Strășeni, Republica Moldova), secolele XIV-XV. Studiu de caz.....252

Luminița Bejenaru (*Iași*), **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (*Chișinău*), **Simina Stanc** (*Iași*). Considerații privind importanța porcului domestic (*Sus domesticus*) în economia alimentară a Moldovei medievale.....271

Роман Кройтор (*Кишинэу*). Биомеханические и эко-морфологические особенности черепа неандертальского человека.....290

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Sergiu Constantin Enea, *Elemente de arheologie funerară în spațiul carpato-danubian. Neolitic și eneolitic*, Cluj-Napoca, Editura Argonaut, 2011, 197 p., ISBN 978-973-109-301-7 (Ghenadie Sîrbu, *Chișinău*).....303

Liviu Marta, Daniel V. Sana, Ioan Bejinariu, L. Nagy Márta, Elisabeta Berendi, *The late Bronze Age settlement of Nyíregyháza-Oros „Űr Csere”*. Satu Mare, Editura Muzeului Sătmărean, 2010, 272 pagini, 20 figuri, 4 planșe tipologice, 41 planșe, ISBN 978-973-1843-42-1 (Livia Sîrbu, *Chișinău*).....307

VIAȚA ȘTIINȚIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

Conferința științifică cu participare internațională a IPC **Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei, și studiului artelor** (ediția a VI-a), Chișinău, 22-23 mai 2014.....312

Masa rotundă cu tema **Arheologia din RSSM în anii 40-60 ai sec. XX** (Ludmila Bacumenco-Pîrnău, *Chișinău*).....314

Susținerea unei teze de doctorat în cadrul Centrului de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM, cu tema **Migrația bastarnilor în spațiul carpato-nistrean (în baza necropolei de la Borosești)**, elaborată de Vasile Iarmulschi (Octavian Munteanu, *Chișinău*).....316

Revista Arheologică, serie nouă, la a 10-a aniversare (Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Larisa Ciobanu, *Chișinău*).....319

Indicele bibliografic al Revistei Arheologice, serie nouă (volumele I [2005] - X [2014]) (Ludmila Bacumenco-Pîrnău, *Chișinău*).....321

IN HONOREM

Omagiu Profesorului Gheorghe Postică la 60 de ani (Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Larisa Ciobanu, *Chișinău*).....337

IN MEMORIAM

Памяти Георгия Феоктистовича Чеботаренко (Н. Тельнов, <i>Кишинэу</i>).....	340
LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION.....	343
INFORMAȚII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE.....	347
ИНФОРМАЦИЯ И УСЛОВИЯ ИЗДАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА.....	349
INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE.....	351

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Валентин Дергачев, Ольга Ларина

Планиграфия и структура поселения культуры Криш Сакаровка I (Р. Молдова)

Keywords: Neolithic, Crish Culture, Republic of Moldova, Sakarovka I settlement, layout, social structure.

Cuvinte cheie: Neolitic, cultura Criș, R. Moldova, așezarea Sacarovca I, planigrafie, structura socială.

Ключевые слова: Неолит, культура Криш, Р. Молдова, поселение Сакаровка I, планировка, социальная структура.

Valentin Dergachev, Olga Larina

Structure and layout of the Crish Culture settlement Sakarovka I (Republic of Moldova)

The article deals with the problem of structure and layout of the Crish Culture settlement from the Republic of Moldova – Sakarovka I. A territory of 5.6 thousand square meters of the settlement was investigated. This surface attains 80-90% of the total area of monument. The total number of 45 complexes of Crish cultural level was investigated. These complexes can be classified as several groups and subgroups according to their construction type and functional significance:

A. Housing and household complexes: **a)** long-term dugouts / semi-dugouts (8 items); **b)** temporary ground-based housings and outbuildings (8 items).

B. Economic outbuilding complexes: **a)** recessed into the ground (8 items) and **b)** ground-based agglomerations of archaeological vestiges (14 items).

C. Stone platforms with ritual purpose (6 items).

D. Funerary complex (1 item).

The space arrangement of complexes permits us to delimitate the settlement into two functionally independent areas: **A)** zone of „habitat” with long-term constructions; **B)** „economic” zone with temporary constructions recessed into the ground, including the main part of the household complexes recessed in ground and the ground-based agglomerations of archaeological vestiges. Two stone platforms situated in the central part of settlement can represent a religious center for all inhabitants. Other four stone platforms situated near of the dwelling complexes, probably, can be regarded as family worship centers. Delimitation of the settlement into two functional areas can be confirmed by archeological artifacts yielded by the cultural layer. The main part pottery, flint-stone artifacts, faunal remains and other specific artifacts were discovered in the „economic” area and are extremely rare in the „habitat” zone.

The complex Nr.21 situated in the centre of the settlement is the most significant object of the monument under study. This is a two-level house that consist of a cellar and a ground floor. 26.9% of materials specific to investigated complexes and 21% of materials from all over settlement (inclusive from the cultural level) were discovered here. The only artifacts with religious purpose were also discovered in the complex Nr.21: this is a clay altar (found at the cellar level) and a stylized anthropomorphic figurine. This complex could belong to a family or to an important person that had a leading role in the community.

Valentin Dergaciov, Olga Larina

Planigrafia și structura așezării de tip Criș Sacarovca I (R. Moldova)

Lucrarea este dedicată problemei planigrafiei și structurii așezării de tip Criș Sacarovca I din R. Moldova. Așezarea a fost cercetată pe o suprafață de peste 5,6 mii metri pătrați ceea ce constituie cca 80-90% din suprafața ei totală. Au fost evidențiate și cercetate 45 complexe cu materiale de tip Criș, care din punct de vedere constructiv și funcțional se împart în câteva grupuri și subgrupuri cu destinație deosebită.

A. Locuințe: **a)** – de lungă durată, adâncite în sol (bordee=semibordee) (8 complexe); **b)** – temporare, de suprafață (8 complexe).

B. Complexe de gospodărie: **a)** – adâncite în sol (8 complexe) și **b)** – acumulări de suprafață (14 complexe).

C. Platforme de piatră cu caracter cultic (6 complexe).

D. Învmormântări (1 complex).

Analiza poziției complexelor în cadrul așezării permite de a delimita două zone relativ desinestătoare ale acesteia: **A)** – zona „de habitat”, corespunzătoare amplasării majorității locuințelor de lungă durată și **B)** – zona „de gospodărie”, în care se încadrează locuințele temporare de suprafață și majoritatea complexelor de gospodărie adâncite în sol și de suprafață. Dintre platformele de piatră, două (amplasate alături și ocupând o poziție centrală în cadrul așezării), reprezintă, probabil, un obiectiv cultic comun, pe când celelate, situate în apropierea unoa sau altor locuințe de bază, reprezintă, probabil, obiective cultice familiale.

Delimitarea așezării în două zone relativ independente se confirmă perfect și din planigrafia categoriilor principale de materiale, depistate în stratul cultural. Majoritatea ceramicii, pieselor din silex, resturilor faunistice etc. țin de zona „de gospodărie” și se întâlnesc extrem de rar în zona „de habitat”.

Printr-o poziție deosebită se remarcă rămășițele locuinței – obiectivul nr. 21, din zona centrală a așezării. Este unica locuință, care, cu certitudine, conținea două niveluri: unul subteran și altul de suprafață. Ea acumulează 26,9% din totalitatea

materialelor, caracteristice complexelor cercetate sau 21% din totalitatea materialelor așezării (inclusiv din stratul de cultură). Mai mult ca atât, anume din această locuință provin singurele piese cu caracter cultic: un altar tripod din lut (găsit nemijlocit pe podeaua cuptorului din nivelul subteran) și o figurină antropomorfă stilizată. Respectiv, locuința poate fi tratată ca aparținând unei familii sau persoane cu funcții de conducere în cadrul comunității.

Валентин Дергачев, Ольга Ларина

Планиграфия и структура поселения культуры Криш Сакаровка I (Р. Молдова)

Статья посвящена проблеме планировки и структуры поселения культуры Криш Сакаровка I (Республика Молдова). Поселение раскопано на площади более чем 5,6 тыс. кв.м., что составляет около 80-90% всей площади памятника. Исследовано 45 комплексов, относящихся к кришскому горизонту. По конструктивным особенностям, характеру проявления и содержанию материалов, изученные объекты подразделяются на несколько групп и/или подгрупп, отражающие их разнообразное функциональное предназначение.

Это: **А** – жилищно-хозяйственные комплексы, подразделяющиеся на долговременные, углубленные в грунт землянки/полуземлянки и временные наземные жилищно-хозяйственные комплексы; **Б** – хозяйственно-производственные комплексы, включающие углубленные в грунт сооружения и наземные концентрации. **В** – каменные площадки-вымостки, ритуального характера. Анализ размещения археологических объектов на поселении позволяет говорить о функционально неоднородной структуре поселения, состоящей из двух частей: «обитаемой» и хозяйственно-производственной. Первая соотносится, главным образом, с размещением жилищ-землянок/полуземлянок, вторая – преимущественно с локализацией хозяйственно-производственных комплексов. Отмеченное разделение подтверждается и анализом планиграфии материалов культурного слоя. Особо выделяется одно из жилищ поселения, занимающее как бы центральное положение, реконструируемое как двухэтажное (с подполом) и содержащее наибольшее число материалов, в том числе единственные обнаруженные на поселении предметы культа (антропоморфная статуэтка и глиняный altar). Соответственно, жилище интерпретируется как принадлежащее лицу/семейству с особым социальным статусом, особыми социальными функциями, типа старейшины или главы поселенческого коллектива.

Открытие и исследование памятников культуры Криш к востоку от Карпат, в румынской Молдове, относится еще к 40-50 гг. прошлого столетия (Nestor et al. 1950; Comșa 1978). На территории Р. Молдова первые памятники этой культуры были открыты только лишь в 60-70-х гг. того же столетия (Селиште, Сакаровка). Однако, поскольку материалы их раскопок не были своевременно обнародованы в литературе, они долгое время рассматривались как относящиеся к Буго-Днестровской культуре (Markevich 1973, 22-23; Dergachev, Markevich 1987, 42). Ситуация с их культурной принадлежностью окончательно прояснилась только к началу 90-х гг., благодаря, с одной стороны, началу планомерного исследования ранее уже известного поселения Сакаровка I (Dergachev et al. 1991), а с другой – целенаправленным полевым исследованиям по верификации целого ряда спорных в культурном отношении памятников мезолита и неолита северных районов (Larina et al. 1997).

Между тем, несмотря на множество относительно хорошо изученных памятников, как в Румынии (Ursulescu 1984; Popușoi 2005), так уже и в Молдове (Larina 1994; 2010, 198 и след.), проблема планиграфии и внутренней структуры поселений культу-

ры Криш остается одной из наименее разработанных. И главной причиной тому являются раскопки «траншейным» методом и отдельными, изолированными участками.

На протяжении 1989-1998 гг. авторами были проведены раскопки поселения культуры Криш Сакаровка I, исследования которого были начаты еще в 1978-1979 гг. В.М. Бикбаевым и В.И. Маркевичем (Dergachev et al. 1991). Поселение находится в 1,7 км к ВЮВ от одноименного села, Сынжерейского р-на, на севере Молдовы (Рис. 1). Это относительно небольшой поселенческий комплекс, занимающий вытянутую с юго-востока на северо-запад кромку высокого плато (абсолютная высота 220-230 м) водораздела рр. Солонец и Большой Чулук, впадающих в р. Рэут (Рис. 2). Длина поселения около 130-140 м при ширине около 60-70 м. В общей сложности, с учетом раскопок В.И. Маркевича, на поселении была вскрыта единая площадь в более чем 5,6 тыс. кв.м., составляющая около 80-90% всей площади памятника. Было изучено 45 комплексов, относящихся к кришскому горизонту (Рис. 3).

Поселение характеризуется типично кришскими материалами (Рис. 4), имеющими многочисленные прямые параллели в позднейших памятниках этой культуры Восточного При-

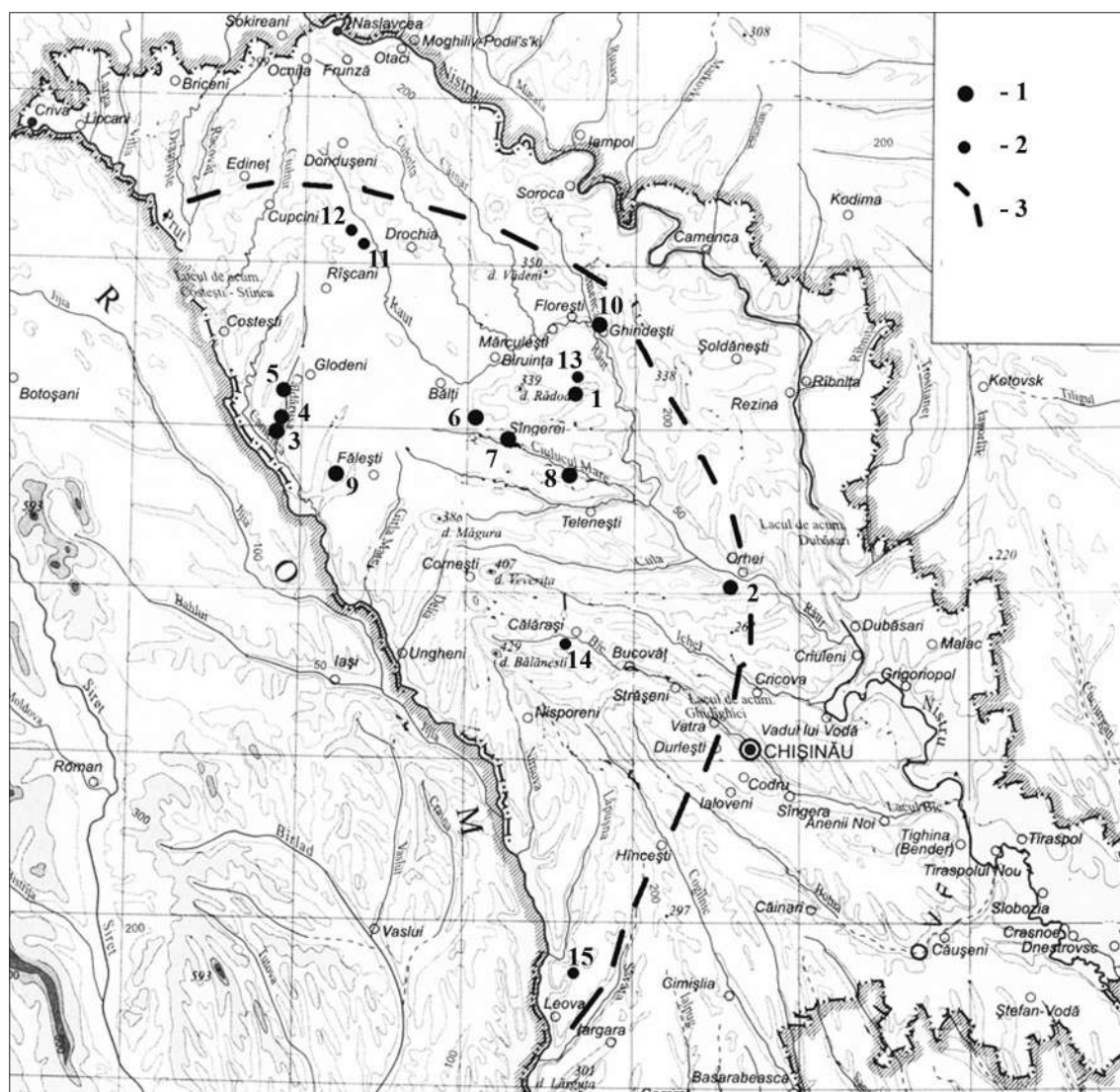

Рис. 1. Памятники культуры Криш Молдовы. 1 – Сакаровка I; 2 – Селиште I; 3-4 – Вишоара I-II; 5 – Устя; 6 – Биличешкий Ной X; 7 – Сынжерей XIX; 8 – Михайловка VII; 9 – Навырнец II; 10 – Гиндешть; 11 – Цариград II; 12 – Окиул Алб; 13 – Дрэгэнешть; 14 – Хородиште; 15 – Сэрэтенъ. Условные обозначения: 1 – достоверные памятники; 2 – памятники, культурная принадлежность которых нуждается в дополнительных уточнениях; 3 – северо-восточная граница памятников культуры Криш.

Fig. 1. Monuments of Criș Culture from Moldova:

1, Sacarovca I; 2, Seliște I; 3-4, Viișoara I-II; 5, Ustia; 6, Bilicenii Noi X; 7, Singerei XIX; 8, Mihailovca VII; 9, Navîrneț II; 10, Ghindești; 11, Țarigrad II; 12, Ochiul Alb; 13, Drăgănești; 14, Horodiște; 15, Sărăteni.

Symbols: 1, reliable monuments of Criș Culture; 2, Monuments that need further refinement of their cultural identity; 3, Northern and Eastern border of distribution of monuments of Criș Culture.

карпатья (горизонта IVб, по общей периодизации Г. Лазарович) (Ursulescu 1984; Popușoi 2005), но без расписной керамики (зафиксированы лишь единичные фрагменты) и с заметной долей элементов буго-днестровской культуры в керамике и кремневом инвентаре (Рис. 4,9,28).

С классификационной точки зрения, учитывая конструктивные особенности, характер и содержание зафиксированных в них материалов, все объекты-комплексы отчетливо распадаются на несколько относительно самостоятельных групп и/или подгрупп, отражающие их разно-

функциональную природу и предназначение.

А. Жилищно-хозяйственные комплексы

Под жилищно-хозяйственными комплексами мы подразумеваем остатки любых сооружений, предположительно выполнявших двоякую функцию: в качестве объектов постоянного или временного проживания и одновременно, как места наибольшего сосредоточения повседневных хозяйственно-бытовых и производственных работ. Именно в силу этих обстоятельств, эти комплексы предполагают относительно обстоятельные, сложные и вместительные конструкции, пригодные для проживания малой или большой семьи, наличие остатков специализированных сооружений для обогрева и приготовления пищи,

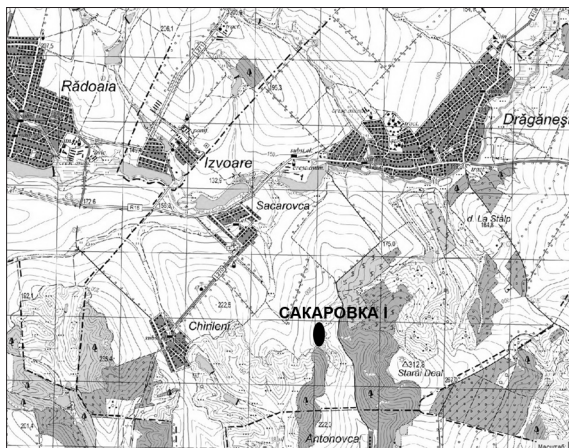

Рис. 2. Ситуационный план расположения поселения Сакаровка I.

Fig. 2. Layout of the settlement Sacarova I.

а так же наибольшее сосредоточение остатков быта и практикуемых обителями этих жилищ занятий.

Группа распадается на две самостоятельные подгруппы. Одну из них составляют долговременные, стационарные жилища-землянки или полуземлянки, вторую – наземные легкие конструкции, предназначенные, предположительно, для недолгого – сезонного обитания и выполнения определенных хозяйственно-производственных нужд.

Долговременные, углубленные в грунт жилища

Эта категория в археологической литературе обычно обозначается как жилища-землянки

или жилища-полуземлянки, разделение которых зачастую имеет достаточно условный характер.

На нашем поселении эта категория представлена восемью объектами. Это объекты, обозначенные под №№1, 3, 5-6, 21, 46-47 и 51 (Рис. 3). Графические планы трех из наиболее выразительных комплексов представлены на рисунке 5, где их планы, для лучшего сравнительного визуального восприятия, сведены к единому масштабу.

Именно, перечисленные объекты, наиболее полно соответствуют критериям, предполагаемым для долговременных, стационарных жилищ, способных вместить в себя малую или большую семью. Основные их характеристики заключаются в следующих показателях.

Все выделенные объекты характеризуются, как обстоятельные в конструктивном отношении сооружения, с хорошо выраженным углубленным в грунт котлованом (Рис. 5). Они, как правило, имеют крутые, закругляющиеся ко дну стенки. В зависимости от места их расположения и конфигурации рельефа, максимальные глубины этих котлованов составляют, приблизительно, от 0,8 до 2,0-2,2 м от современной дневной поверхности (далее СДП) или, в перерасчете на предполагаемую древнюю дневную поверхность (далее ДДП), от 0,5-0,6 до 1,5-1,8 м. Наименьшими глубинами котлованов, около 0,8-0,9 м от СДП или около 0,5-0,8 м от ДДП, выделяются объекты №№5, 6. Это объекты, расположенные на самой кромке, обрывающегося к каньону склона, в северо-восточной части поселения (Рис. 3), и сооружение под № 46 (Рис. 5, №46), на западной периферии возвышения «Старый Дял», в юго-восточной части памятника (Рис. 3). Наибольшими глубинами выделяются котлованы жилищ – объекты №1 (Рис. 5, №1) и №51, расположенные в высокой, юго-восточной части памятника (Рис. 3) и, в особенности, котлован жилища – объект №21 (Рис. 5, №21), занимающий, как бы, обособленное положение в северо-западной части поселения (Рис. 3), и глубина которого составляет около 2,0-2,2 м от СДП или около 1,7-2,0 м от ДДП.

В плане, рассматриваемые сооружения, отличаются конфигурацией, но, в целом, все они тяготеют к несколько вытянутой округлой, овальной или подпрямоугольной фор-

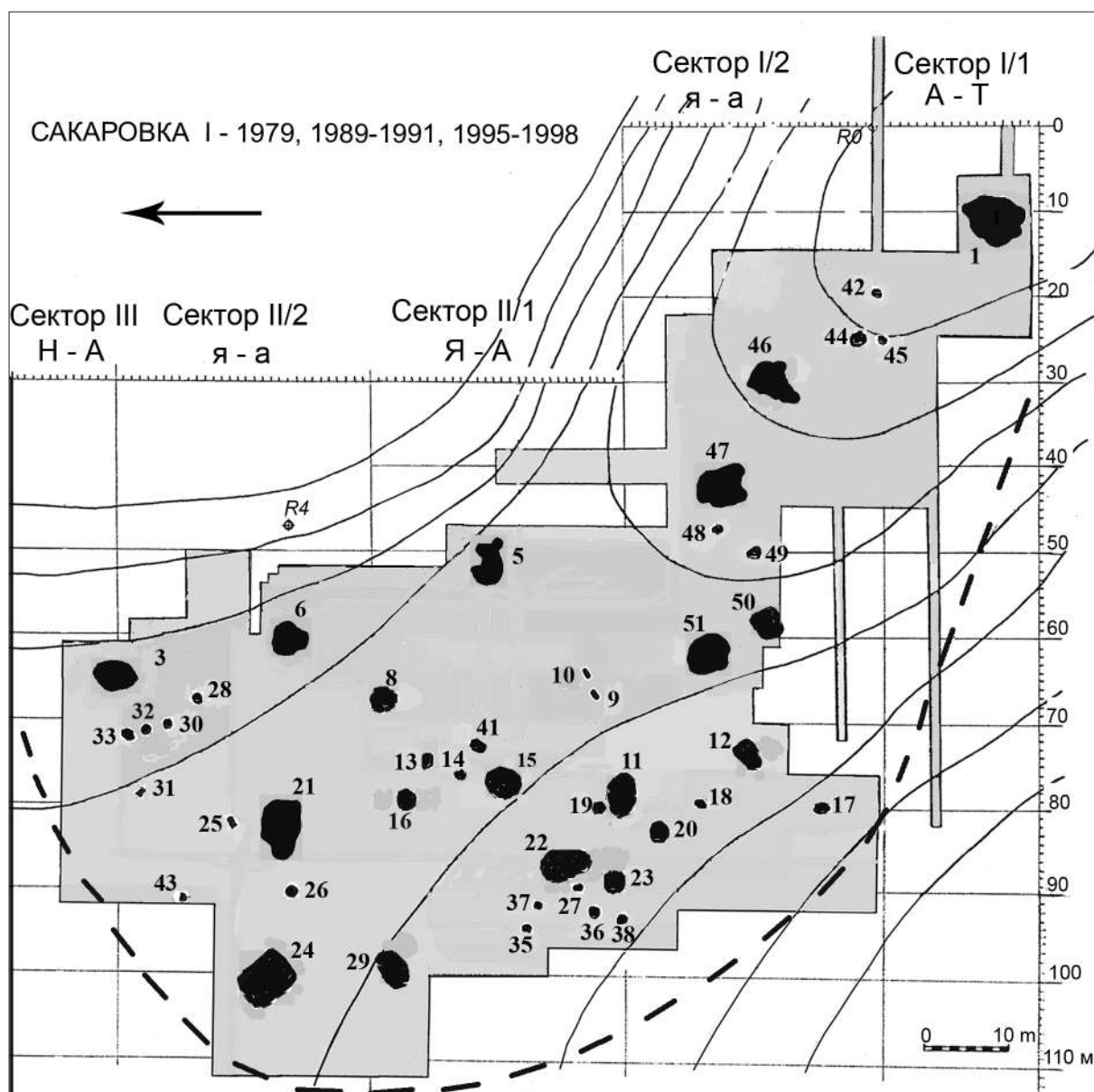

Рис. 3. Комплексы культуры Криш поселения Сакаровка I.
Fig. 3. Implement complexes of Culture Criș from Sacarovca I.

ме с сильно закругленными углами. Округло-овальными очертаниями отличаются жилища – объекты №№1, 3, 5, 6 (Рис. 3; Рис. 5) и 51 (Рис. 3). А подпрямоугольными или подквадратными формами, с сильно закругленными углами – объекты под №№21, 46 и 47 (Рис. 3; Рис. 5).

Различной является ориентация этих сооружений по длинной оси, хотя мы никогда не узнаем о степени соответствия ориентации углубленных в грунт котлованов, ориентации их надземных настроек. В двух случаях – объ-

екты №№5 и 21, котлованы сооружений ориентированы достаточно строго с востока на запад (Рис. 3; Рис. 5), в четырех других – объекты №№1, 3, 6 и 47 (Рис. 3; Рис. 5), с незначительными отклонениями – с севера на восток. Котлован жилища – объект №46 ориентирован с северо-востока на юго-запад (Рис. 5), в то время как объект №51 демонстрирует противоположную ориентацию – с юго-востока на северо-запад (Рис. 3). Принципиальным показателем, в данном контексте, выступают размеры этих

сооружении, хотя, опять-таки, мы не можем знать, в какой мере они отражают размеры их надземных частей, которые могли быть и большими. Из всех зафиксированных на поселении объектов, это не только наиболее обстоятельные в конструктивном отношении, но и самые крупные по размерам сооружения. Среднестатистическая площадь одного такого сооружения составляет около 13 кв.м. и колеблется в диапазоне от 6 до 20-25 кв.м. Наименьшими размерами выделяются объекты №№5 и 51, площадь которых составляет приблизительно

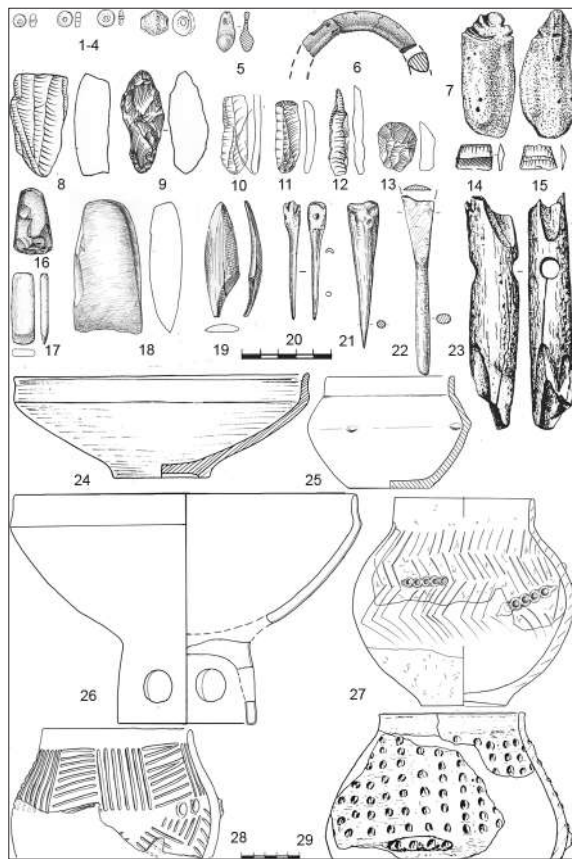

Рис. 4. Материалы характерные для поселения Сакаровка I. 1-4, 6-7 – глина, 5, 19-23 – кость, рог, 8-15 – кремнь, 16-18 – сланец, 24-29 – керамика.

Fig. 4. Typical raw materials used in the settlement of Sacarovca I: 1-4, 6-7 – clay; 5, 19-23 – bone, antler; 8-15 – flint stone, 16-18 – slate, 24-29 – ceramics.

от 6 до 8 кв.м. Более крупными, средними размерами характеризуются объекты №№3, 6, 21, 46 и 47, с площадью приблизительно от 11 до 15 кв.м. Наибольшими размерами выделяется объект №1 – площадью около 25 кв.м. (Рис. 6).

Другой важный показатель: все рассматриваемые здесь объекты содержали в себе явные остатки очагов и/или печей, предположительно служивших для освещения и отопления сооружений, приготовления пищи и/или, возможно, реализации каких-то особых, специальных производств. Остатки двух, по-видимому, печей или специально оформленных глиняных очагов, и двух очажных ям были зафиксированы В.И. Маркевичем в жилище – объект №1 (Рис. 5). Остатки простых, по-видимому, открытых очагов имелись в сооружениях №№3 и 5. В сооружении № 6, наряду с двумя зольными пятнами на полу, природа которых остается неясной, содержались остатки развала печи, линзообразно нависающей над заполнением придонной части. Сходный, но гораздо более крупный и насыщенный развал, очевиднее всего, сводчатой печи, линзообразно нависавший над заполнением придонной части сооружения, зарегистрирован в жилище – объект №21. И это, притом, что, в ее придонной части (в северо-восточном углу в небольшом подбье) была обустроена, отчасти хорошо сохранившаяся печь (Рис. 5, №21, профиль). Остатки отопительных сооружений в виде концентрации золы и углей с разрозненными кусками печины и подовой обмазки имелись также в сооружениях под номерами 46 (Рис. 5, №46), 47 и 51.

Интерес представляют и встречающиеся в заполнении котлованов куски обмазки с отпечатками тонких прутьев, веток или камыша, косвенно подтверждающие наличие над ними надземных стен. Они обнаружены в трех из исследованных объектов, в жилищах №№1, 46 и 47.

Любопытно, что во всех случаях входы в земляные сооружения находились, вероятнее всего, с западной стороны, с большими или меньшими отклонениями. Исключение в этом отношении, как будто, составляло сооружение 47, вход которого, предположительно был обращен на юг (Рис. 3).

Из всех обнаруженных сооружений, в конструктивном отношении особый интерес вызывают остатки объектов №№21 и 6, которые, по развалам крупных стационарных печей, нависающих в верхней части заполнения котлованов (Рис. 3; Рис. 5, №21), определенно можно реконструировать как остатки жилищ

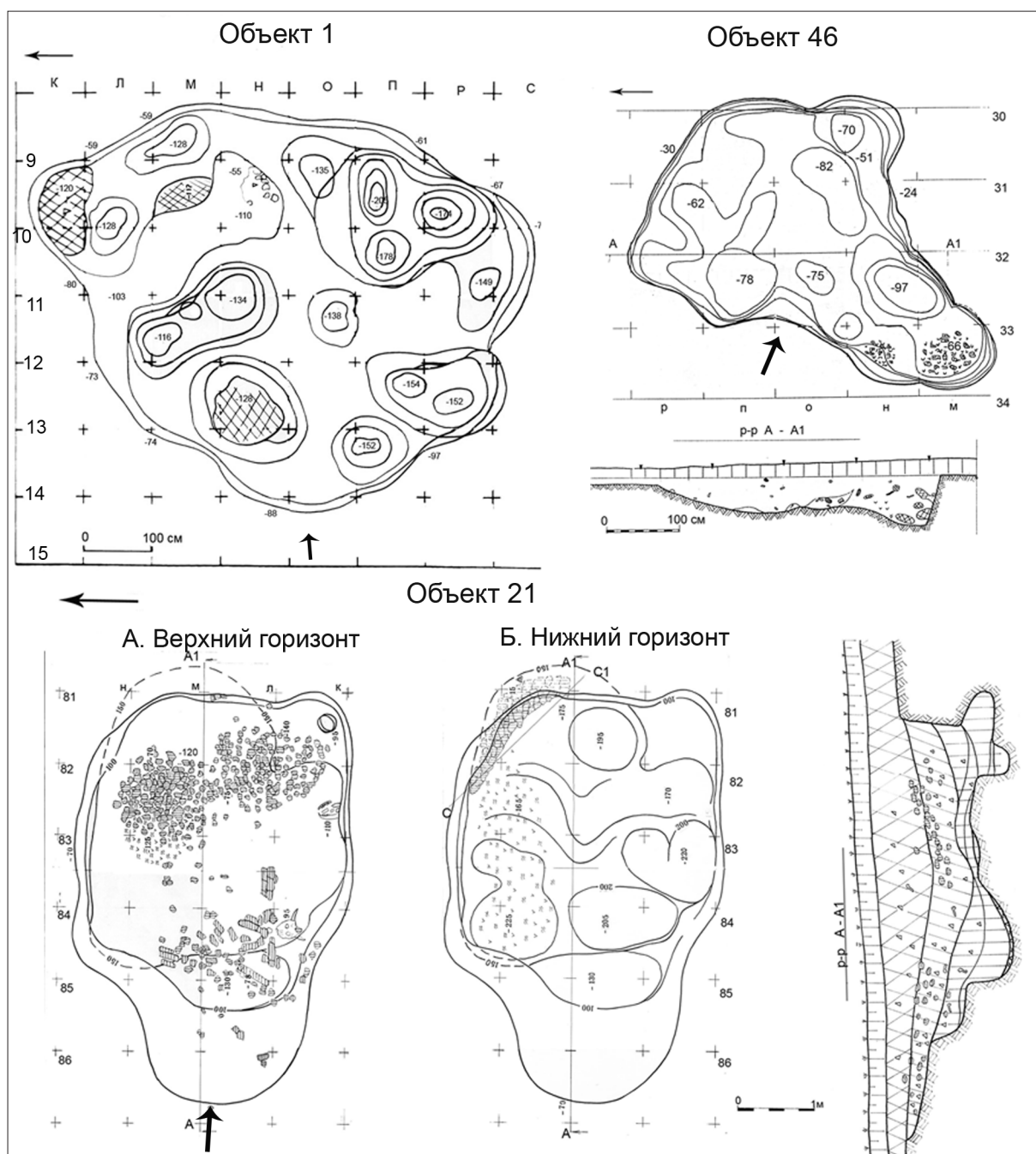

Рис. 5. Долговременные, углубленные в грунт жилища – землянки/полуземлянки. Объекты №№1, 21 и 46. Стрелки – предполагаемое место входа в жилище.

Fig. 5. Long-term recessed into the ground dwellings (dugouts/semi-dugouts). The objects Nr.1, 21, and 46. Arrows indicate the supposed entrance in the dwelling.

с двумя уровнями: наземным и углубленным в грунт. То-есть, имеется в виду наземные дома с более или менее обширным подполом.

И последнее важное обстоятельство. В сравнении со всеми остальными комплексами,

именно на охарактеризованные объекты приходится наибольшее число артефактов, отражающих как сферу производства, так и сферу потребления. Это касается практически всех категорий материалов: кремневых изделий,

керамики, изделий из камня, кости или глины и, в особенности, остатков фауны (таблица – Рис. 6). На каждый из комплексов этой группы, в среднем приходится по более 4 тысячам находок (Рис. 7). А в целом – на все эти восемь объекта приходится 73,4% (32.734 ед.) материалов, от всех комплексных находок (Рис. 7).

Таким образом, по совокупности характеристик, описанные объекты выступают в качестве единственно возможных, основных долговременных, стационарных жилых комплексов, способных вместить в себя как малую, так и большую семью и сосредоточить в себе все основные домашние производства.

Временные наземные жилищно-хозяйственные комплексы

Под ними мы подразумеваем наземные, легкие, крытые конструкции, предназначенные для временного – преимущественно сезонного (в весенне-осенние периоды) обитания

в них отдельных семей или членов общины и, главным образом, для выполнения тех или иных хозяйственно-производственных работ. С большей или меньшей уверенностью к этой категории могут быть отнесены восемь из выявленных нами объектов: №№11-12, 15, 22, 24, 29 и, возможно – 8 и 50 (Рис. 3).

В отличие от ранее рассмотренной категории, временные наземные жилищно-хозяйственные комплексы отличаются отсутствием явно выраженных конструктивных деталей, таких, скажем, как земляные котлованы, что собственно и осложняет их уверенное определение. На поселении Сакаровка I, в силу чрезвычайно слабой выраженности культурного слоя, эти объекты обычно проявляются как более или менее обширные концентрации материалов, разной интенсивности, без четких внешних границ, залегающие, предположительно, на уровне древней дневной поверхности, с

№№ объектов/ характеристики	Об. 1	Об. 3	Об. 5	Об. 6	Об. 21	Об. 46	Об. 47	Об. 51	Всего и в % от ИТО- ГО
Макс. Размер, м.	7,6x5,8	6,0x4,0	3,8x2,5	4,2x4,0	5,8x3,6	5,2x4,3	4,8x2,5	3,6x3,2	
Макс.глуб. ДДП	~1,2 м	~1,0	~0,6	~0,8	~1,8	~0,7	~1,0	~1,4	
Площадь, в кв. м.	~25	~16	~6	~12	~15	~11	~12	~8	
ИНВЕНТАРЬ									
Крем-ых изд., ед.	<u>1498</u> 26,9%	<u>378</u> 6,8%	<u>106</u> 1,9%	<u>863</u> 15,5%	<u>1838</u> 33,1%	<u>198</u> 3,6%	<u>168</u> 3,0%	<u>512</u> 9,2%	<u>5561</u> 17,0%
Керамика, фр.	<u>976</u> 14,6%	<u>586</u> 8,8%	<u>278</u> 4,2%	<u>894</u> 13,4%	<u>2554</u> 38,2%	<u>211</u> 3,2%	<u>576</u> 8,6%	<u>609</u> 9,1%	<u>6684</u> 20,4%
Изд. из камня, ед.	<u>17</u> 19,3%	<u>15</u> 17,0%	<u>2</u> 2,3%	<u>9</u> 10,2%	<u>23</u> 26,1%	<u>3</u> 3,4%	<u>7</u> 8,0%	<u>12</u> 13,6%	<u>88</u> 0,3%
Изд. из кости, рога	<u>42</u> 23,9%	<u>6</u> 3,4%	<u>1</u> 0,6%	<u>26</u> 14,8%	<u>51</u> 29,0%	<u>3</u> 1,7%	<u>6</u> 3,4%	<u>41</u> 23,3%	<u>176</u> 0,5%
Изд. из глины	–	<u>1</u> 1,6%	<u>6</u> 9,4%	<u>11</u> 17,2%	<u>28</u> 43,8%	–	<u>8</u> 12,5%	<u>10</u> 15,6%	<u>64</u> 0,2%
Украшения, разные	<u>12</u> 14,1%	<u>2</u> 2,4%	<u>2</u> 2,4%	<u>9</u> 10,6%	<u>36</u> 42,4%	<u>1</u> 1,2%	<u>1</u> 1,2%	<u>22</u> 25,9%	<u>85</u> 0,3%
Предметы культа	–	–	–	–	<u>3</u> 100%	–	–	–	<u>3</u> 0,01%
ВСЕГО	<u>2545</u> 20,2%	<u>988</u> 7,8%	<u>395</u> 3,1%	<u>1812</u> 14,3%	<u>4533</u> 35,8%	<u>416</u> 3,3%	<u>766</u> 6,1%	<u>1206</u> 9,5%	<u>12661</u> 38,7%
Ост. фауны, фр.	<u>3634</u> 18,1%	<u>586+</u> 2,9%+	<u>933+</u> 4,6%+	<u>1603+</u> 8,0%+	<u>7472</u> 37,2%	<u>831</u> 4,1%	<u>1035</u> 5,2%	<u>3979</u> 19,8%	<u>20073</u> 61,3%
ИТОГО	<u>6179</u> 18,9%	<u>1574+</u> 4,8%	<u>1328+</u> 4,1%	<u>3415+</u> 10,4%	<u>12005</u> 36,7%	<u>1247</u> 3,8%	<u>1801</u> 5,5%	<u>5185</u> 15,8%	<u>32734</u> 100%

Рис. 6. Сводные данные по характеристике жилищ – землянок/полуземлянок.

Fig. 6. Summary of characteristics of the dwellings: dugouts and semi-dugouts.

ГРУППЫ	№№ Объ- ектов	Всего по комплексам и группам		В % от сумм. ком-сов	В % от ИТО- ГО
		Еди-ниц	В%		
1	2	3	4	5	6
ЖИЛИЩА	1	6179	18,9	13,9	10,8
	3	1574+	4,8	3,5	2,8
	5	1328+	4,1	3,0	2,3
	6	3415	10,4	7,7	6,0
	21	12005	36,7	26,9	21,05
	46	1247	3,8	2,8	2,2
	47	1801	5,5	4,0	3,2
	51	5185	15,8	11,6	9,1
	ВСЕ- ГО	<u>32734</u> 4091*	100%	73,4%	57,4%
ВРЕМЕННЫЕ НАЗЕМНЫЕ СООР	8-?	44	1,0	0,1	0,08
	11	1681	38,1	3,8	2,9
	12	248	5,6	0,6	0,4
	15	452	10,2	1,0	0,8
	22	528	12,0	1,2	0,9
	24	1225	27,8	2,7	2,1
	29	224	5,1	0,5	0,4
	50-?	10	0,2	0,02	0,02
	ВСЕ- ГО	<u>4412</u> 551*	100%	9,9%	7,7%
ХОЗ.-ПРОИЗВОД. УГЛУБЛЕННЫЕ СООР.	16	661	15,3	1,5	1,2
	19	48	1,1	0,1	0,08
	23	1789	41,4	4,0	3,1
	32	68	1,6	0,2	0,1
	33	49	1,1	0,1	0,09
	41	284	6,6	0,6	0,5
	44	1421	32,9	3,2	2,5
	48	0	0	0	0
	ВСЕ- ГО	<u>4320</u> 540*	100%	9,7%	7,6%

отдельными незначительными углублениями, разрозненными остатками каких-то не четких кострищ, очагов и/или печей, разбросанными кусками обожженной глины с отпечатками ветвей или прутьев от легких конструкций стен сооружений и относительно малым числом инвентаря и фаунистических остатков.

Из отнесенных нами к этой категории комплексов, по размерам более всего выделяются объекты №№11 и 24 (Рис. 8). Первый из них представляет собой поверхностную, подовальную в плане концентрацию матери-

1	2	3	4	5	6
ПОВЕРХНОСТНЫЕ СКОПЛЕНИЯ	13	699	22,3	1,6	1,2
	14	130	4,1	0,3	0,2
	17	20	0,6	0,04	0,04
	18	0	0	0	0
	20	407	13,0	0,9	0,7
	26	32	1,0	0,07	0,06
	27	105	3,4	0,2	0,2
	28	72	2,3	0,2	0,1
	30	29	0,9	0,07	0,06
	35	611	19,5	1,4	1,1
	36	576	18,4	1,3	1,01
	37	371	11,8	0,8	0,7
	38	62	2,0	0,1	0,1
	49	20	0,6	0,04	0,04
	ВСЕ- ГО	<u>3134</u> 224*	100%	7,0%	5,5%
ПЛОЩАДКИ- ВЫМОСТКИ	9	2	15,4	0,004	0,004
	10	0	0	0	0
	25	7	53,8	0,02	0,01
	31	3	23,1	0,007	0,005
	43	1	7,7	0,002	0,002
	45	0	0	0	0
	ВСЕ- ГО	<u>13</u> 2*	100%	0,03%	0,02%
ВСЕГО по комплексам		<u>44613</u>		<u>44613</u> 100%	<u>44613</u> 78,2%
Культ. слой				<u>12424</u> 100%	<u>12424</u> 21,8%
ИТОГО				<u>57034</u>	<u>57034</u> 100%

Рис. 7. Количественное распределение материалов по разнофункциональным комплексам. * – среднеарифметическая на один комплекс.

Fig. 7. Quantitative distribution of materials among the multi-functional complexes. The asterisk (*) indicates the arithmetic average for one complex.

алов, ориентированную с востока на запад, с незначительным углублением (0,1-0,15 м) всей ее центральной части (Рис. 8, №11). Ее максимальные размеры 6,0x3,5 м, общая площадь около 17 кв.м. Второй из обозначенных объектов проявлял себя как отдельные более или менее интенсивные скопления материалов, относительно равномерно распределявшиеся на уровне древней дневной поверхности и образующие единую подпрямоугольную конфигурацию, ориентированную с юго-востока на юго-запад. Ее максимальные размеры 4,4x3,5,

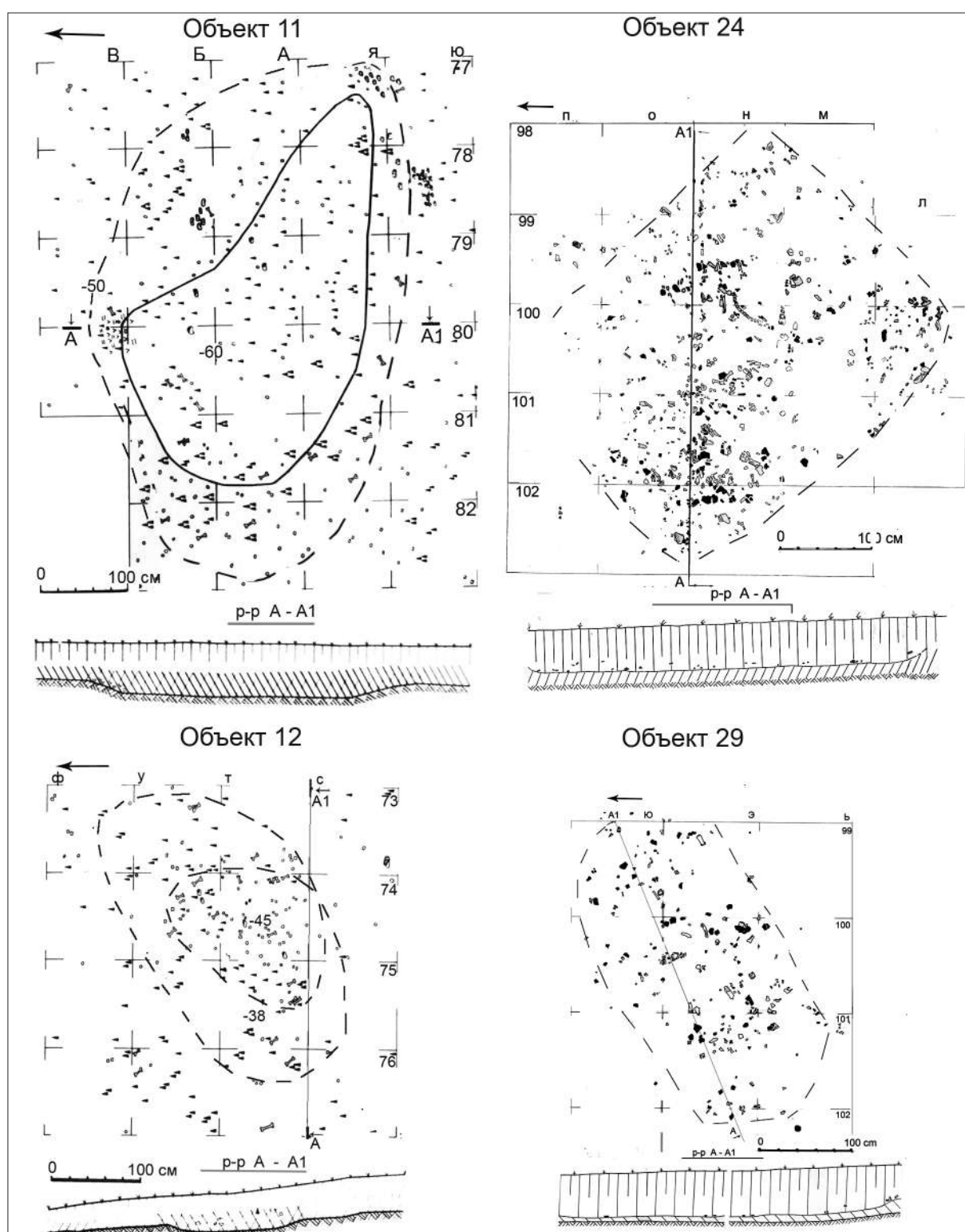

Рис. 8. Временные наземные жилищно-хозяйственные комплексы. Объекты №№11, 12, 24 и 29

Fig. 8. Temporary ground-based housing and outbuilding complexes. The objects Nr.11, 12, 24, and 29.

площадью около 15 кв.м. (Рис. 8, №24). Оба эти объекта включали в себя как явные остатки

очагов или печей, так и остатки от конструкций стен сооружений. В первом случае, остатки оча-

га или печи зафиксированы по россыпи мелких угольков и разрозненным мелким кускам прокаленной до ярко-оранжевого цвета печины, с одной хорошо проглаженной поверхностью. Вместе с тем, в разных местах скопления обнаружено 70 фрагментов обожженной глиняной обмазки с четкими отпечатками плаха, определенно происходящих от стен сооружения. В случае же объекта №24, остатки очага зафиксированы по скоплению, включающему более 20 кусков обожженной подовой обмазки, множество угольков и пережженные каменные изделия. Что же касается конструктивных дета-

с остальными, именно на эти два объекта приходится наибольшее число как инвентаря, так и фаунистических остатков (Рис. 9), хотя, при этом, их число заметно ниже чем в большинстве из ранее рассмотренных долговременных, стационарных жилищ землянок/полуземлянок (для сравнения см. Рис. 6 и 7).

Все остальные объекты, отнесенные к рассматриваемой категории, отличаются несоразмерно меньшими размерами, площадью приблизительно от 4 до 6-6,5 кв.м. Вполне допустимо, что эти показатели отражают реальные параметры каких-то оборудованных

№№ объектов/ характеристики	Об. 8-?	Об. 11	Об. 12	Об. 15	Об. 22	Об. 24	Об. 29	Об. 50-?	Всего и в % от ИТО- ГО
Макс. размер. м	2,8х2,8	6,0х3,5	4,0х2,0	3,4х2,0	3,4х2,0	4,4х3,5	3,8х2,0	2,5х2,4	
Макс. глуб. ДДП	~ 0,5 м	~ 0,35	~ 0,3	~ 0,35	ДДП	ДДП	ДДП	~0,3	
Площадь, в кв. м.	~ 6	~ 16	~ 6	~ 6	~6,5	~ 15	~ 6	~ 4	
ИНВЕНТАРЬ									
Крем-ых изд., ед.	<u>34</u> 6,4%	<u>108</u> 20,3%	<u>78</u> 14,7%	<u>89</u> 16,7%	<u>47</u> 8,8%	<u>134</u> 25,2%	<u>38</u> 7,1%	<u>4</u> 0,8%	<u>532</u> 12,1%
Керамика, фр.	<u>4</u> 0,2%	<u>951</u> 53,3%	<u>81</u> 4,5%	<u>196</u> 11,0%	<u>110</u> 6,2%	<u>325</u> 18,2%	<u>115</u> 6,4%	<u>1</u> 0,1	<u>1783</u> 40,4%
Изд. из камня, ед.	<u>1</u> 3,8%	<u>5</u> 19,2%	<u>1</u> 3,8%	<u>1</u> 3,8%	<u>1</u> 3,8%	<u>14</u> 53,8%	<u>3</u> 11,5%	—	<u>26</u> 0,6%
Изд. из кости, рога	—	<u>3</u> 17,6%	—	—	<u>4</u> 23,5%	<u>10</u> 58,8%	—	—	<u>17</u> 0,4%
Изд. из глины	—	<u>3</u> 21,4%	—	—	<u>1</u> 7,1%	<u>6</u> 42,9%	<u>4</u> 28,6%	—	<u>14</u> 0,3%
Украшения, разные	<u>5</u> 35,7%	<u>7</u> 50%	<u>1</u> 7,1%	—	—	<u>1</u> 7,1%	—	—	<u>14</u> 0,3%
ВСЕГО	<u>44</u> 1,8%	<u>1077</u> 45,1%	<u>161</u> 6,7%	<u>286</u> 12,0%	<u>163</u> 6,8%	<u>490</u> 20,5%	<u>160</u> 6,7%	<u>5</u> 0,2%	<u>2386</u> 54,1%
Ост. фауны, фр.	—	<u>604</u> 29,8%	<u>87</u> 4,3%	<u>166</u> 8,2%	<u>365</u> 18,0%	<u>735</u> 36,3%	<u>64</u> 3,2%	<u>5</u> 0,2%	<u>2026</u> 45,9%
ИТОГО	<u>44</u> 1,0%	<u>1681</u> 38,1%	<u>248</u> 5,6%	<u>452</u> 10,2%	<u>528</u> 12,0%	<u>1225</u> 27,8%	<u>224</u> 5,1%	<u>10</u> 0,2%	<u>4412</u> 100%

Рис. 9. Сводные данные по характеристике временных наземных жилищно-хозяйственных комплексов.

Fig. 9. Summary of characteristics of the temporary ground-based housing and outbuilding complexes.

лей, то в этом случае они представлены более 60 известняковыми и песчаниковыми камнями малых размеров, встречающихся по периметру скопления и, в особенности, в южном ее углу. Обращает на себя внимание, что, в сравнении

навесами и легкими стенами сооружений прошлого. Но, нельзя также исключать и то, что некоторые из выявленных скоплений, на самом деле могли представлять лишь часть более обширного «оборудованного» пространства.

За одним исключением (объект №50), все эти объекты проявляют себя как более или менее интенсивные поверхностные скопления материалов или в виде незначительных углублений, округлой или подовальной формы, с различной ориентацией.

Подобно объекту №11, комплекс, обозначенный под №12, представлен поверхностным скоплением материалов, с незначительным углублением (5-10 см) в центральной части. Скопление имело овальные очертания, ориентировано с северо-востока на юго-запад, размерами 3,0x2,0 м, площадью около 6 кв.м. (Рис. 8, №12). Помимо обычного инвентаря, в

скоплении зафиксированы и отдельные куски обожженной глины, возможно происходящие от несохранившегося очага.

В отличие от него, объекты №№22 и 29, как и в случае объекта №24, представляли собой поверхностные скопления, относительно равномерно распределяющиеся на уровне древней дневной поверхности. Оба эти скопления имели овальные очертания, без четких внешних границ (Рис. 8, №29). Первое из них было ориентировано с юго-востока на северо-запад, размерами около 3,4x2,0 м, площадью около 6,5 кв.м. Второе – скопление №29, размерами около 3,8x2,0 м и площадью около 6,0

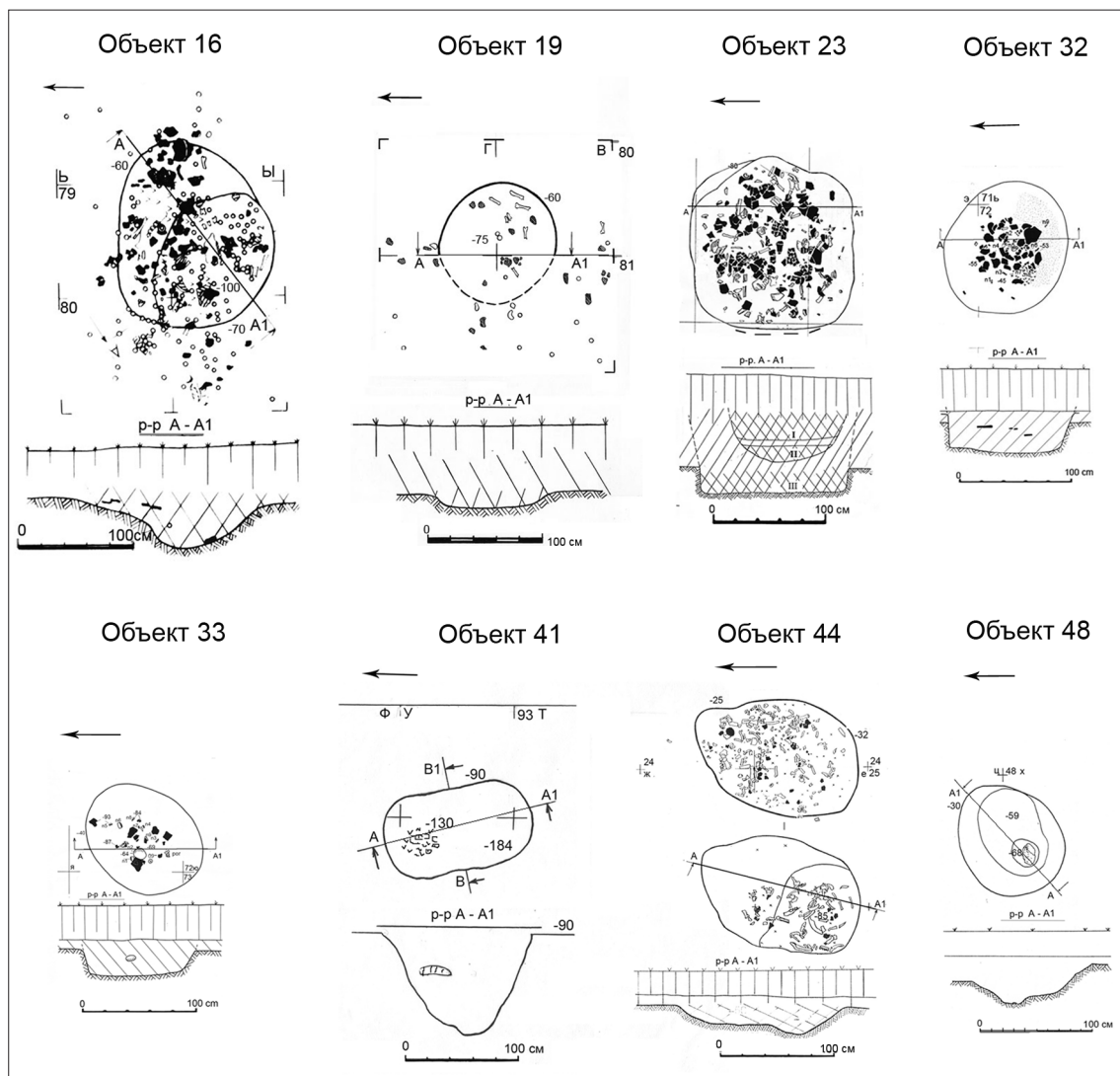

Рис. 10. Углубленные в грунт хозяйственно-производственные комплексы. Объекты №№16, 19, 23, 32, 33, 41, 44 и 48.

Fig. 10. Recessed into the ground economical-industrial complexes. The objects Nr.16, 19, 23, 32, 33, 41, 44, and 48.

№№ объектов/ характеристики	Об. 16	Об. 19	Об. 23	Об. 32	Об. 33	Об. 41	Об. 44	Об. 48	Всего и в % от ИТО-ГО
Макс. размеры, м.	1,75x1,5	1,0x1,0	1,5x1,5	1,0x1,15	1,1x0,9	1,3x0,8	1,5x1,0	1,6x0,9	
Макс. глуб. ДДП	~0,35м	~0,15	~0,6	~0,5	~0,3	~0,95	~0,35	~0,3	
Площадь, в кв. м.	~2	~1	~2	~1	~1	~1	~1	~1	
ИНВЕНТАРЬ									
Крем-ых изд., ед.	<u>145</u> 17,2%	<u>3</u> 0,4%	<u>551</u> <u>65,3%</u>	<u>10</u> 1,2%	<u>13</u> 1,5%	<u>13</u> 1,5%	<u>109</u> 12,9%	–	<u>844</u> 19,5%
Керамика, фр.	<u>249</u> 29,2%	<u>27</u> 3,2%	<u>352</u> 41,3%	<u>43</u> 5,0%	<u>32</u> 3,8%	<u>42</u> 4,9%	<u>107</u> 12,6%	–	<u>852</u> 19,7%
Изд. из камня, ед.	<u>4</u> 21,1%	<u>1</u> 5,3%	<u>5</u> 26,3%	<u>3</u> 15,8%	<u>2</u> 10,5%	–	<u>4</u> 21,1%	–	<u>19</u> 0,4%
Изд. из кости, рога	<u>2</u> 15,4%	–	<u>6</u> 46,2%	–	<u>1</u> 7,7%	–	<u>4</u> 30,8%	–	<u>13</u> 0,3%
Изд. из глины	–	–	<u>3</u> 60%	<u>1</u> 20%	–	–	<u>1</u> 20%	–	<u>5</u> 0,1%
Украшения, разные	–	–	<u>7</u> 100%	–	–	–	–	–	<u>7</u> 0,2%
ВСЕГО	<u>400</u> 23,0%	<u>31</u> 1,8%	<u>924</u> 53,1%	<u>57</u> 3,3%	<u>48</u> 2,8%	<u>55</u> 3,2%	<u>225</u> 12,9%	0	<u>1740</u> 40,3%
Ост. фауны, фр.	<u>261</u> 10,1%	<u>17</u> 0,7%	<u>865</u> 33,5%	<u>11</u> 0,4%	<u>1</u> 0,04%	<u>229</u> 8,9%	<u>1196</u> 46,4%	–	<u>2580</u> 59,7%
ИТОГО	<u>661</u> 15,3%	<u>48</u> 1,1%	<u>1789</u> 41,4%	<u>68</u> 1,6%	<u>49</u> 1,1%	<u>284</u> 6,6%	<u>1421</u> <u>32,9%</u>	0	<u>4320</u> <u>100%</u>

Рис. 11. Сводные данные по характеристике углубленных в грунт хозяйственно-производственных комплексов.

Fig. 11. Summary of characteristics of the recessed into the ground economical-industrial complexes.

кв.м., было ориентировано с северо-востока на юго-запад. В обоих этих скоплениях, кроме обычного инвентаря, обнаружены отдельные куски подовой прокаленной докрасна печи от предполагаемых очагов. Все эти три скопления, в сравнении с двумя первыми, отличаются заметно меньшим числом инвентарных единиц, так и числом фаунистических остатков (Рис. 9).

Последние три комплекса выделяются от рассмотренных выше незначительной углубленностью в грунт/материк и, соответственно, имели хорошо выраженные контуры.

Объект №15 представляет собой слабо опущенную в грунт на 10-15 см, достаточно обширную овальную яму, с ровным дном, размерами 3,4x2,5 м, площадью около 6 кв.м., ориентированная с севера на юг (Рис. 3). Как и в других случаях, наряду с иными материалами, в ее заполнении встречались раз-

розненные фрагменты обожженной до беловато-серого цвета подовой обмазки с одной заглаженной поверхностью от, по-видимому, несохранившегося очага. Объект характеризуется достаточно большим числом инвентаря и остатками фауны, по численности вполне сопоставимыми с показателями по трем предшествующим объектам.

Объект №8. Как и предшествующий, представляет собой неглубокую (0,4-0,5 м) округлую в плане яму диаметром 2,8 м, площадью около 6 кв.м., с покатыми стенками (Рис. 3). Объект отличается малым числом материалов, среди которых и несколько мелких кусочков обожженной глины.

Последний из комплексов этой группы – объект №50, отличается подтрапецевидной в плане формой, размерами 2,35x2,45x1,8, площадью около 4 кв.м. Он также несколько углублен в грунт (на 0,3-0,5 м) (Рис. 3). Одна-

ко, в отличие от всех остальных, его заполнение не содержало каких-либо выразительных материалов. Его отнесение к неолитическому горизонту остается достаточно условным.

Сравнивая характеристики этой группы с данными по первой из рассмотренных групп, еще раз обратим внимание на два важных обстоятельства, подчеркивающие их своеобразие. Если средняя площадь одного из жилищных комплексов оценивается приблизительно в 13 кв.м., то площадь одного из временных жилищно-хозяйственных комплексов, в среднем – составляет около 8,3 кв.м. И это обстоятельство само по себе указывает на второстепенное значение последних, по сравнению с первыми. Однако, куда более разительными в этом плане выступают показатели по насыщенности этих комплексов материальными остатками. Как уже отмечалось, в среднем, на каждый из основных жилищных комплексов приходится по чуть более 4 тыс. единиц инвентаря. А на каждый из временных наземных жилищно-хозяйственных комплексов всего лишь по 550 единиц. Восемь основных жилищ вбирают в себе 73,4% от всего материала, известного для комплексных объектов. На тех же восемь временных жилищно-хозяйственных комплексов приходится только 9,9% этих материалов (Рис. 7).

Б. Хозяйственно-производственные комплексы

К этой категории мы относим небольшие комплексы, предположительно функционировавшие более или менее короткое время и связанные с выполнением каких-то определенных, конкретных хозяйственно-производственных действий. По своему проявлению, они также распадаются на две самостоятельные подгруппы. Одну из них образуют углубленные в грунт комплексы, что возможно указывает на их какое-то специальное и более долговременное использование. Вторую подгруппу составляют простые поверхностные концентрации материалов, соответствующие местам каких-то кратковременных, возможно, одноактных хозяйственно-производственных работ.

Углубленные в грунт сооружения

В эту подгруппу выделяются восемь из выявленных нами комплексов – объекты

№№16, 19, 23, 32-33, 41, 44 и 48 (Рис.10).

Все эти комплексы, как правило, углублены в грунт, т.е. в древнюю дневную поверхность, и, соответственно, имеют четкие контуры. Глубина их обычно составляет от 15-30 до 50-60 см, и только в одном случае (объект №41) – 95 см. Дно ям ровное – объекты №№19, 23, 32-33, или с различными уровнями – объекты №№16, 41,44, 48 (Рис. 10).

Все комплексы имеют округлые или овальные в плане очертания с различными ориентировками. Из подовальных сооружений три ориентированы с востока на запад, с незначительными отклонениями (объекты №№16, 23 и 32), три с северо-востока на юго-запад (объекты №№33, 44 и 48) и одно с северо-запада на юго-восток – объект №41 (Рис. 10).

Отличительная особенность этих комплексов, в сравнении с предшествующими, это относительно малые размеры и, как следствие этого, малая площадь. Относительно крупными размерами выделяются лишь два объекта – №16 (1,75х1,5 м) и №23 (1,5х1,5 м), площадь каждого из которых составляет приблизительно около 2 кв.м. Размеры остальных заметно меньше и их площадь обычно варьирует в пределах, плюс-минус, одного кв.м (Рис. 10; Рис. 11).

Все комплексы, за исключением объекта №48, содержали обычные материалы, представленные, главным образом, изделиями из кремня, фрагментами керамики и фаунистическими остатками, залегающих на разных уровнях заполнения ям или же концентрирующихся в определенных их частях. Так, в объекте №16 фрагменты керамики сосредотачивались, преимущественно, в восточной части ямы, а находки кремней, главным образом, в ее западной части, отчасти выходя и за пределы ее контуров (Рис. 10, №16). А в объектах №№32 и 33, большинство материалов находилось в центральной части ям. Любопытно, что, если в случае первого из комплексов, материалы как бы сосредотачивались вокруг двух обломков каменных зернотерок, то во втором – вокруг небольшого камня – куранта (Рис. 10, №№32-33).

Особый интерес вызывает объект №23, который вобрал в себя три разных уровня заполнения ямы, разделенных между собой стерильными прослойками, что определенно указывает на его относительно длительное ис-

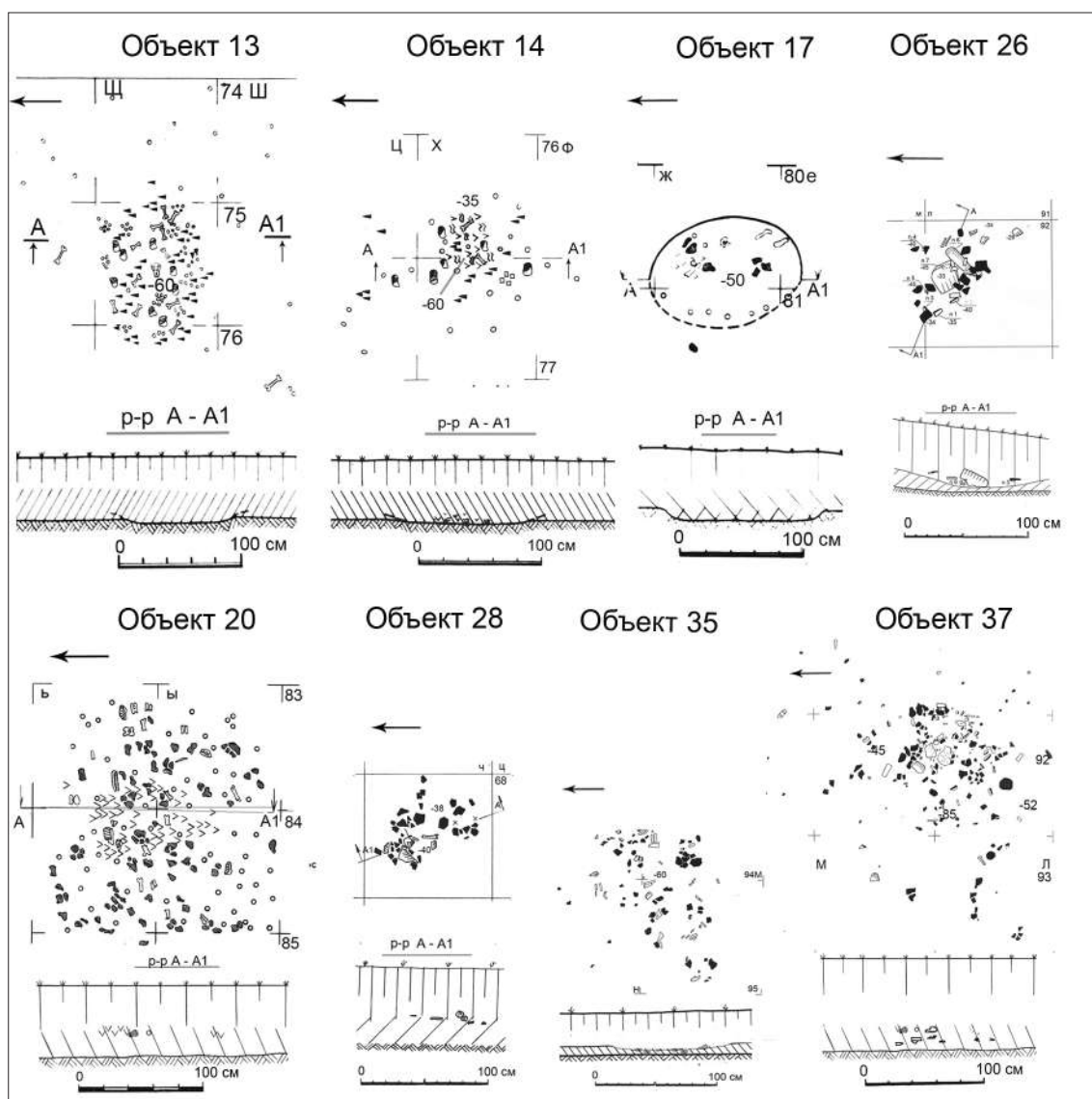

Рис. 12. Наземные, поверхностные хозяйственно-производственные комплексы. Объекты №№13, 14, 17, 20, 26, 28, 35 и 37.
Fig. 12. Ground based economical-industrial complexes. The objects Nr.13, 14, 17, 20, 26, 28, 35, and 37.

пользование (Рис. 10, №23, профиль).

Помимо обычного материала, в заполнении четырех из объектов найдены остатки горения (угольки) и разрозненные куски печины (объекты №№16, 23, 41 и 44). Обращает на себя внимание достаточно большое число обожженных или сильно кальцинированных костей, содержащихся в объектах №23 (верхний и нижний горизонты) и 41. В объекте №16 имелись два известняковых камня, с одной, по-видимому, искусственно выровненной поверхностью и со следами воздействия огня. А в объекте №44 найдены куски обмазки стен с

отпечатками тонких веток.

В отдельных комплексах, обнаружены также и единичные орудия труда. Так, в частности, в объекте №19 имелась речная галька со следами использования в качестве отбойника; в объекте №23 – обломки зернотерок, фрагмент сланцевого тесла, пять костяных лоцил, три дисковидных орудия на обломках стенок сосудов; в объекте №33 – орудие из рога оленя; в объекте №44 – орудия из кости и рога. А в комплексе – объект №23, помимо орудий труда, найдены так же две бусины и обломки от пяти глиняных браслетов.

№№ объектов/ характеристики	Об. 13	Об. 14	Об. 17	Об. 18	Об. 20	Об. 26	Об. 27
Макс. размеры, м.	1,2x1,0	1,0x1,0	1,2x0,9	1,0x0,4	2,0x2,0	0,8x0,6	0,7x0,4
Макс. глуб. от ДДП	~0,1м	~0,1	~0,1	~0,15	~ДДП	~ДДП	~ДДП
Площадь, в кв. м.	~0,8	~0,8	~0,8	~0,8	~3,0	~0,4	~0,5
ИНВЕНТАРЬ							
Крем-ых изд., ед.	<u>134</u> 29,9%	<u>29</u> 6,5%	<u>7</u> 1,6%	–	<u>57</u> 12,7%	<u>6</u> 1,3%	<u>32</u> 7,1%
Керамика, фр.	<u>83</u> 9,5%	<u>82</u> 9,3%	<u>10</u> 1,1%	–	<u>153</u> 17,4%	<u>18</u> 2,1%	–
Изд. из камня, ед.	<u>1</u> 6,7%	<u>2</u> 13,3%	<u>1</u> 6,7%	–	–	<u>2</u> 13,3%	<u>1</u> 6,7%
Изд. из кости, рога	<u>1?</u> 16,7%	<u>1</u> 16,7%	–	–	–	<u>1</u> 16,7%	–
Изд. из глины	–	–	–	–	–	–	–
Украшения	–	–	–	–	–	–	–
ВСЕГО	<u>219</u> 16,2%	<u>114</u> 8,4%	<u>18</u> 1,3%	–	<u>210</u> 15,5%	<u>27</u> 2,0%	<u>33</u> 2,4%
Ост. фауны, фр.	<u>480</u> 26,9%	<u>16</u> 0,9%	<u>2</u> 0,1%	–	<u>197</u> 11,0%	<u>5</u> 0,3%	<u>72</u> 4,0%
ИТОГО	<u>699</u> 22,3%	<u>130</u> 4,1%	<u>20</u> 0,6%	0	<u>407</u> 13,0%	<u>32</u> 1,0%	<u>105</u> 3,4%

Продолжение

№№ объектов/ характеристики	Об. 28	Об. 30	Об. 35	Об. 36	Об. 37	Об. 38	Об. 49	Всего и в % от ИТО-ГО
Макс. размеры, м.	0,8x0,4	0,7x0,5	1,6x1,0	1,5x1,0	1,9x1,0	1,5x0,9	0,6x0,5	
Макс. глуб. ДДП	~ ДДП	~ ДДП	~ ДДП	~ ДДП	~ ДДП	~ ДДП	~ ДДП	
Площадь, в кв. м	~0,6	~0,5	~1,0	~1,2	~1,0	~1,2	~0,4	
ИНВЕНТАРЬ								
Крем-ых изд., ед.	<u>4</u> 0,9%	<u>2</u> 0,4	<u>13</u> 2,9%	<u>75</u> 16,7%	<u>69</u> 15,4%	<u>17</u> 3,8	<u>3</u> 0,7%	<u>448</u> 14,3%
Керамика, фр.	<u>28</u> 3,2%	<u>10</u> 1,1%	<u>62</u> 7,1%	<u>141</u> 16,1%	<u>250</u> 28,5%	<u>27</u> 3,1%	<u>14</u> 1,6%	<u>878</u> 28,0%
Изд. из камня, ед.	<u>1</u> 6,7%	<u>1</u> 6,7%	<u>1</u> 6,7%	—	<u>3</u> 20%	<u>1</u> 6,7%	<u>1</u> 6,7%	<u>15</u> 0,5%
Изд. из кости, рога	—	—	<u>1</u> 16,7%	<u>1</u> 16,7%	<u>1</u> 16,7%	—	—	<u>6</u> 0,2%
Изд. из глины	—	—	—	<u>1</u> 33,3%	<u>1</u> 33,3%	<u>1</u> 33,3%	—	<u>3</u> 0,1%
Украшения	—	—	—	—	—	<u>1</u> 100%	—	<u>1</u> 0,03
ВСЕГО	<u>33</u> 2,4%	<u>13</u> 1,0%	<u>77</u> 5,7%	<u>218</u> 16,1%	<u>324</u> 24,0%	<u>47</u> 3,5%	<u>18</u> 1,3%	<u>1351</u> 43,1%
Ост. фауны, фр.	<u>39</u> 2,2%	<u>16</u> 0,9%	<u>534</u> 29,9%	<u>358</u> 20,1%	<u>47</u> 2,6%	<u>15</u> 0,8%	<u>2</u> 0,1%	<u>1783</u> 56,9%
ИТОГО	<u>72</u> 2,3%	<u>29</u> 0,9%	<u>611</u> 19,5%	<u>576</u> 18,4%	<u>371</u> 11,8%	<u>62</u> 2,0%	<u>20</u> 0,6%	<u>3134</u> 100%

Рис. 13. Сводные данные по характеристике наземных хозяйственно-производственных комплексов.

Fig. 13. Summary of characteristics of the ground based economical-industrial complexes.

Важно и общее число инвентарных единиц, содержащихся в каждом из комплексов этой подгруппы (Рис. 7; Рис. 11). Сравнивая их соотношение с ранее охарактеризованными временными наземными жилищно-хо-

зяйственными комплексами, легко заметить, что, несмотря на несоизмеримо меньшие размеры и площади (8,3 против 1,2 кв.м.), они дают, практически, сходные показатели, как по среднеарифметическому числу находок на

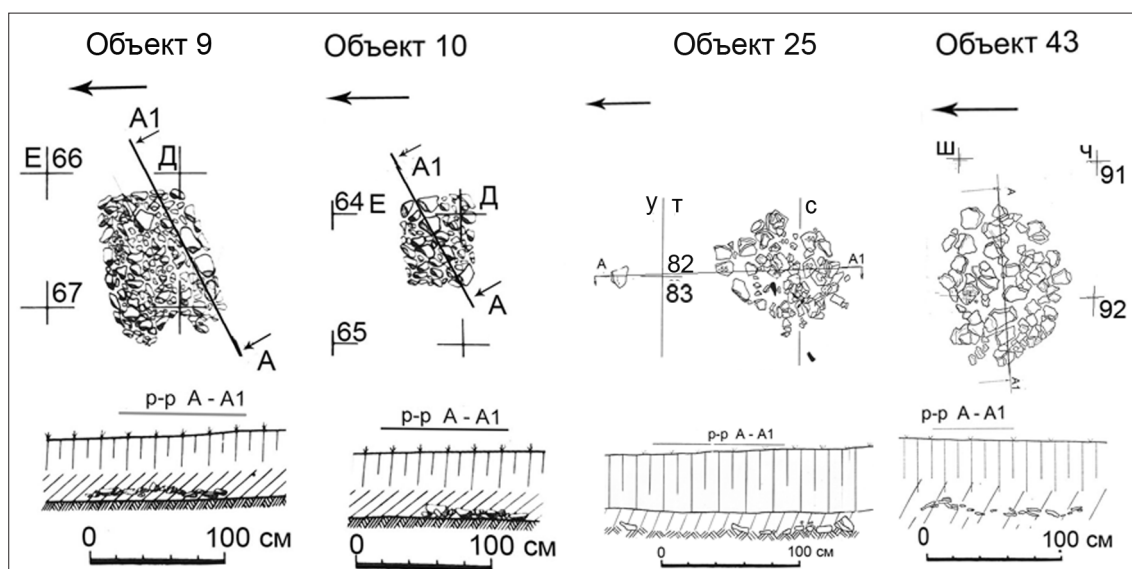

Рис. 14. Каменные площадки-вымостки. Объекты №№9-10, 25 и 43.

Fig. 14. Stone pavement platforms. The objects Nr.9-10, 25, and 43.

один комплекс (соответственно – 551 и 540 единиц), так и по доле от общего числа материалов (соответственно – 9,9% и 9,7%) (Рис. 7). А это однозначно указывает на их относительно равное по интенсивности использование.

Таким образом, характер, размеры этих сооружений и содержащиеся в них материалы полностью подтверждают наши предположения о том, что все эти комплексы имели целевое, специальное производственное назначение и, в основном, использовались, относительно длительное время.

Наземные концентрации

Таких комплексов в нашем случае насчитывается 14. Это объекты №№13-14, 17-18, 20, 26-28, 30, 35-38 и 49 (Рис. 3; Рис. 12).

В сравнении с ранее рассмотренными, комплексы этой разновидности выделяются как простые поверхностные концентрации материалов, лежащие на уровне древней дневной поверхности. Соответственно, в зависимости от их положения на древнем рельефе, их глубина составляет обычно от 0,4 до 0,6 м от современной поверхности (Рис. 12). Лишь в единичных случаях, некоторые из них слегка как бы «продавлены» в материковый суглинок, глубиной до 10-15 см (Рис. 12, №№13-14,17).

Как правило, все подобные концентрации имеют небольшие размеры, без четких конфигураций, мощностью до 15-20, изредка – 30

см. Среднестатистическая площадь каждого из них составляет чуть меньше одного кв.м. (0,9) и колеблется от 0,3-0,4 до 1,0-1,2 кв.м. Наибольшими размерами выделяется только объект №20, площадью около 3,0 кв.м (Рис. 12, №20). Наименьшими – объекты №№26, 27, 28 30 и 49, площадью около 0,3-0,6 кв.м. (Рис. 12, №№26, 28; Рис. 13).

В пяти из объектов зафиксированы разрозненные куски обожженной обмазки или печины, отдельные угольки и/или сильно обожженные кости животных, свидетельствующие о том, что, по крайней мере, некоторые из них служили местом разведения костров и/или местом каких-то временных очагов (объекты №№14, 20, 36, 37, 49).

В целом, все рассмотренные концентрации, как и комплексы предшествующей группы, отличаются относительно бедным инвентарем, включающем обычно все те же категории материалов: фрагменты керамики, кремневые изделия, кости животных, изредка орудия труда и в одном случае – украшение (объект №38). За одним исключением (объект №18), число инвентаря составляет от двух-трех десятков до 500-600 единиц (включая остатки костей животных) (Рис. 13). Среднеарифметическое число инвентаря на каждый из комплексов этой группы составляет 224 находки, что в два с лишним раза меньше чем в

комплексах двух предшествующих групп. А их общая доля среди комплексных материалов – 7,0%, хотя число этих комплексов почти в два раза выше числа каждой из двух предшествующих групп (Рис. 7).

Характерна частая встречаемость в этих комплексах обломков зернотерок, растиральных камней и пестов (объекты №№14, 26, 27, 28, 30, 35, 37, 49), что указывает на использование объектов в качестве мест для обмолота злаковых.

В. Каменные площадки-вымостки

В третью, относительно самостоятельную группу, выделяются каменные площадки-вымостки, предназначение которых, можно предполагать, связано с отправлением культовых ритуалов. Таких объектов зафиксировано шесть – №№9-10, 25, 31, 43, 45 (Рис. 3; Рис. 14).

Во всех шести случаях речь идет о небольших площадках-вымостках, компактно выложенных из камней непосредственно на древ-

№№ объектов/ характеристики	Об. 9	Об. 10	Об. 25	Об. 31	Об. 43	Об. 45	Всего и в % от ИТО- ГО
Макс. размеры, м.	1,2х0,8	0,76х0,6	1,0х0,6	0,9х0,7	1,15х0,96	0,7х0,5	
Макс. глуб. ДДП	ДДП	ДДП	ДДП	ДДП	ДДП	ДДП	
Площадь, в кв. м.	~0,9	~0,4	~0,6	~0,6	~1,1	~0,35	
ИНВЕНТАРЬ							
Крем-ых изд., ед.	<u>1</u> 14,3%	–	<u>1+3</u> 57,1%	<u>1+1</u> 28,6%	–	–	<u>3+4</u> 53,8%
Керамика, фр.	–	–	–	–	–	–	0
Изд. из камня, ед.	--	–	–	–	–	–	0
Изд. из кости	–	–	–	–	–	–	0
Изд. из глины	–	–	–	–	–	–	0
Охра	<u>1</u> 33,3%	–	–	<u>1</u> 33,3%	<u>1-?</u> 33,3%	–	<u>2+1</u> 23,1%
ВСЕГО	<u>2</u> 20%	<u>0</u>	<u>4</u> 40%	<u>3</u> 30%	<u>1</u> 10%	<u>0</u>	<u>10</u> 76,9%
Ост. фауны, фр.	–	–	<u>3</u> 100%	–	–	–	<u>3</u> 23,1%
ИТОГО	<u>2</u> 15,4%	<u>0</u>	<u>7</u> 53,8%	<u>3</u> 23,1%	<u>1</u> 7,7%	<u>0</u>	<u>13</u> 100%

Рис. 15. Сводные данные по характеристике каменных площадок-вымосток.

Fig. 15. Summary of characteristics of the stone pavement platforms.

С другой стороны, интерес представляет наличие в четырех из них развалов целых или почти целых сосудов, редких для этого поселения (объекты №№26, 28, 30, 49), что косвенно выдает кратковременность рассматриваемых комплексов-накоплений.

Таким образом, по совокупности данных вся эта группа объектов уверенно определяется как места одноразового или относительно кратковременного выполнения тех или иных определенных хозяйственно-производственных действий.

ней дневной поверхности. В трех случаях, эти вымостки имели подпрямоугольные формы (объекты №№9, 10 и 25), в трех других – подовально-округлые очертания (объекты №№31, 43 и 45) (Рис. 14).

Все они выделяются небольшими размерами, длиной от 0,7-0,9 до 1,0-1,2 м, при ширине от 0,5 до 0,9 м. Среднестатистическая площадь каждой из них составляет 0,7 кв.м. и варьирует от 0,35 до 1,1 кв. м. В пяти случаях, они были ориентированы с юго-запада на северо-восток (объекты №№9-10, 25, 43 и 45) и

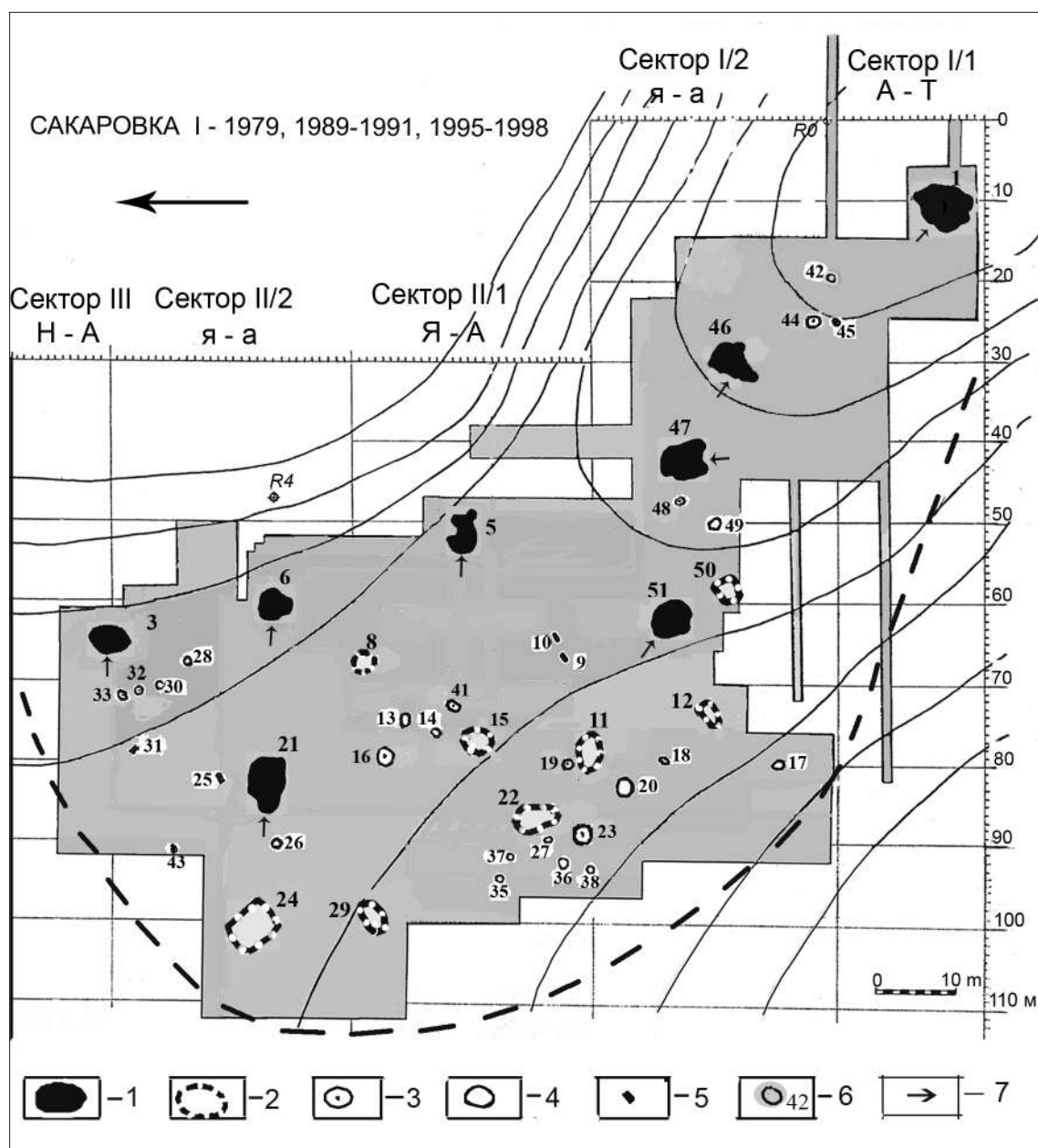

Рис. 16. Планировка разнофункциональных комплексов поселения Сакаровка I. Условные обозначения: 1 – жилища – землянки/полуземлянки (№№1, 3, 5-6, 21, 46-47, 51); 2 – временные наземные жилищно-хозяйственные комплексы (№№8, 11, 12, 15, 22, 24, 29, 50); 3 – углубленные в грунт хозяйственно-производственные комплексы (№№16, 19, 23, 32-33, 41, 44, 48); 4 – наземные хозяйственно-производственные комплексы (№№13-14, 17-18, 20, 26-28, 30, 35-38, 49); 5 – каменные площадки-вымостки (№№9-10, 25, 31, 43, 45); 6 – погребальный комплекс (№42); 7 – предполагаемый вход в жилища – землянки/полуземлянки.

Fig. 16. Disposition of the multi-functional complexes of the settlement Sacarovka I. Symbols: 1, dwellings: dugouts and semi-dugouts (Nr.1, 3, 5-6, 21, 46-47, 51); 2, temporary ground-based housing and outbuilding complexes (Nr.8, 11, 12, 15, 22, 24, 29, 50); 3, recessed into the ground economical-industrial complexes (Nr.16, 19, 23, 32-33, 41, 44, 48); 4, ground based economical-industrial complexes (Nr.13-14, 17-18, 20, 26-28, 30, 35-38, 49); 5, stone pavement platforms (Nr.9-10, 25, 31, 43, 45); 6, погребальный комплекс (Nr.42); 7, supposed entrance in the dwellings (dugouts/semi-dugouts).

только в одном (объект №31) – с северо-запада на юго-восток (Рис. 14).

Все без исключения площадки были выложены из уплощенных плит мелкоструктурного песчаника розоватого цвета (!), с отдельными включениями камня-ракушечника. Камни обычно укладывались ровной, заглаженной поверхностью вверх, в один ряд, не перекрывая друг друга. Наиболее крупные по размерам камни (22x15x8; 15x12x5 см) укладывались по краям, с выравниванием или скруглением торцовых сторон, а более мелкие камни размещались между ними.

В двух случаях, верхняя поверхность отдельных камней, как будто бы, носила на себе следы воздействия огня (объекты №№9, 10). Но воздействие сильного огня особенно очевидно в случае объекта №43, в котором отдельные камни, под воздействием высоких температур, просто раскололись или рассыпались на мелкие кусочки.

Привлекает внимание присутствие в двух из объектов отдельных кусочков ярко-красной охры (объект №№9 и 31), и в одном случае, кусочка обожженной глины (объект №43). Последние, как и преднамеренное использова-

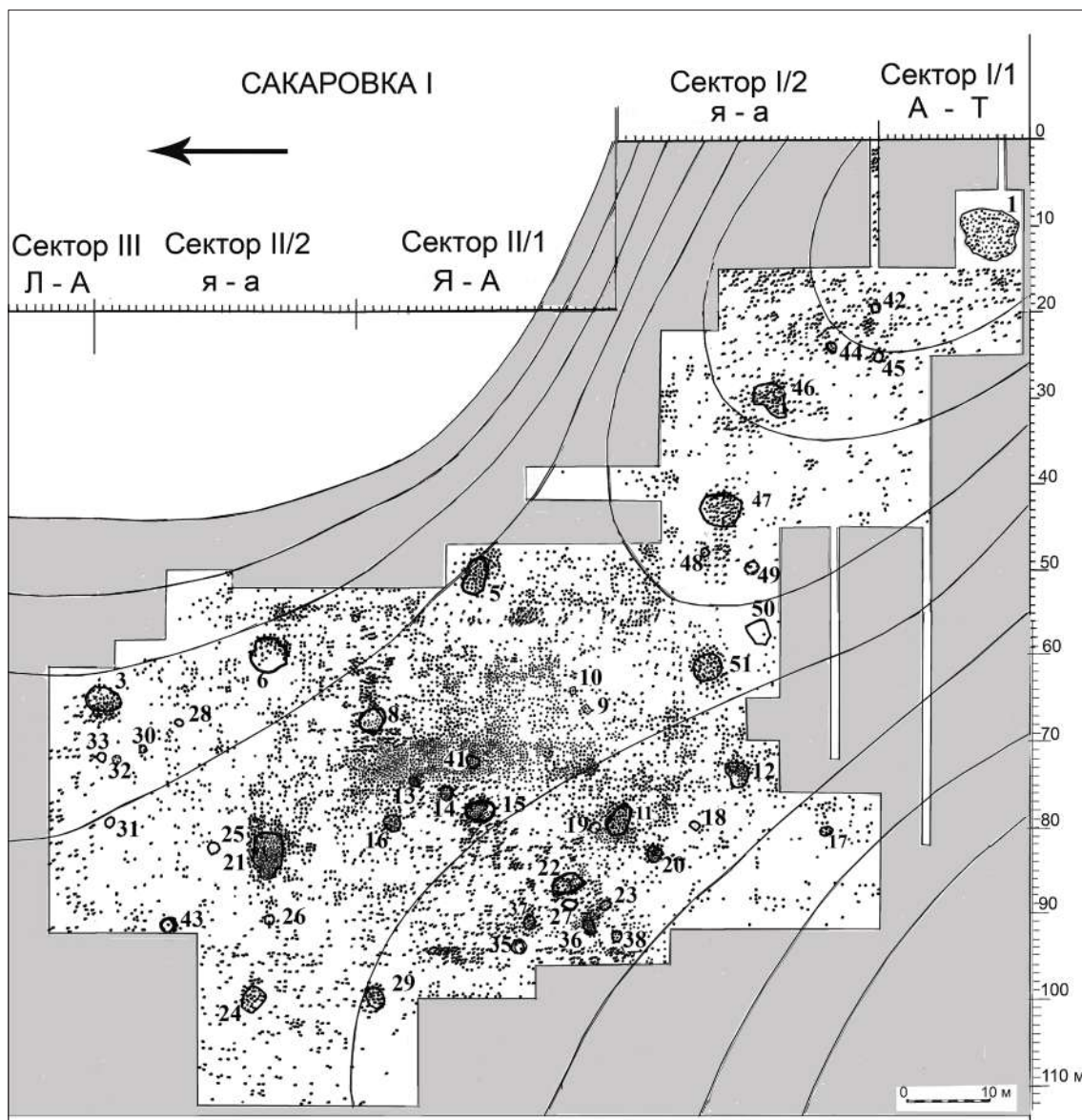

Рис. 17. Планиграфия кремневого материала.

Fig. 17. The planigraphy of flint-stone material.

ние в конструкциях мелкопесчаниковых камней розоватого цвета, определенно указывают на какое-то символическое их значение.

Примечательно также то, что в отличие от всех ранее рассмотренных категорий, эти комплексы, за единичными исключениями, не содержали в себе никаких обычных материалов. Более того, таковые, как правило, отсутствовали и в непосредственной близости от самих этих комплексов. Исключение в этом отношении составляют одна кремневая пластина с мелкой ретушью, найденная среди камней объекта №9; кремневая пластина без следов обработки и использования, обнаруженная как бы в вертикально воткнутом в материковый суглинок состоянии, под камнями объекта №25 и один отщеп без следов использования, найденный среди камней объекта №31. Еще одно исключение составляет обломок трубчатой кости, обнаруженный на уровне камней в объекте №25. Кроме того, два отщепа, по одной пластине и челюстная кость крупного рогатого скота, обнаружены еще в случае объектов №№25 и 31, но, за пределами самих площадок. Сводные данные по характеристике комплексов рассматриваемой здесь подгруппы отражены в таблице – Рис. 15.

Примечательны объекты №№9 и 10. По компактности уложенных камней, они заметно отличаются от всех остальных объектов этой категории. Более того, объекты располагались в непосредственной близости друг от друга, в 1,8 м один от другого, при практически единой ориентировке (Рис. 3; Рис. 14, №№9-10). Эти обстоятельства позволяют предположить, что в функциональном отношении, оба эти комплекса могли выступать в качестве составляющих одного и того же мегакомплекса.

Отмеченные характеристики дают все основания рассматривать эту категорию комплексов, как имеющую культовое, ритуальное значение.

Г. Погребальные комплексы

Категория представлена всего одним единственным комплексом. Речь идет об объекте №42. Он обнаружен в юго-восточной части поселения (Рис. 3). К сожалению, из-за малой глубины (0,25-0,32 м от СДП) и воздействия пахотных механизмов, комплекс сохранился крайне плохо. Погребение было совершено в

округло-подквадратной яме, глубиной в 0,16 м от уровня обнаруженных контуров. Судя по частично сохранившимся остаткам скелета, погребенный (взрослый) был уложен в скорченном положении на левом боку, кистями рук, по-видимому, у лица, ориентированный головой на северо-запад. В заполнении ямы зафиксированы мелкие, неопределенные, кальцинированные кости, мелкие кусочки печины и обожженной глины. Найдены также 11 мелких кремневых изделий и один фрагмент стенки, типичного для поселения столового сосуда.

Погребения для поселений культуры Криш вполне обычное явление, но единичность случая и плохая сохранность нашего комплекса, не дают основания судить о том, является ли это культовым захоронением или рядовым погребением в обычном, традиционном его понимании.

Таковы основные данные по классификации и характеристике, выявленных на поселении комплексов.

Планировка поселения и некоторые соображения социологического свойства

Напомним, Сакаровка I относительно небольшой поселенческий комплекс, занимающий вытянутую с юго-востока на северо-запад кромку высокого плато, длиной около 130-140 м при ширине около 60-70 м. Большая, сплошная раскопанная площадь поселения и большое разнообразие выявленных на нем жилищных, хозяйственно-производственных и культовых сооружений, позволяют впервые обратиться к вопросу о планировке поселений культуры Криш Восточного Прикарпатья.

На рисунке 16 нанесены все обнаруженные на нашем поселении объекты, со специальным обозначением каждой из охарактеризованных выше категории комплексов. Что выясняется?

Шесть из восьми выделенных нами догровременных жилищ землянок/полуземлянок отчетливо выстроились в один ряд, по дуге вдоль кромки плато, по краю каньона, занимая северо-восточную периферию поселения (Рис. 16,1). Из этого ряда выбиваются только два комплекса, объект №51, занимающий несколько более южные позиции и объект №21, расположенный как бы в центре северо-западной части поселения (Рис. 16, №21). Обращает на

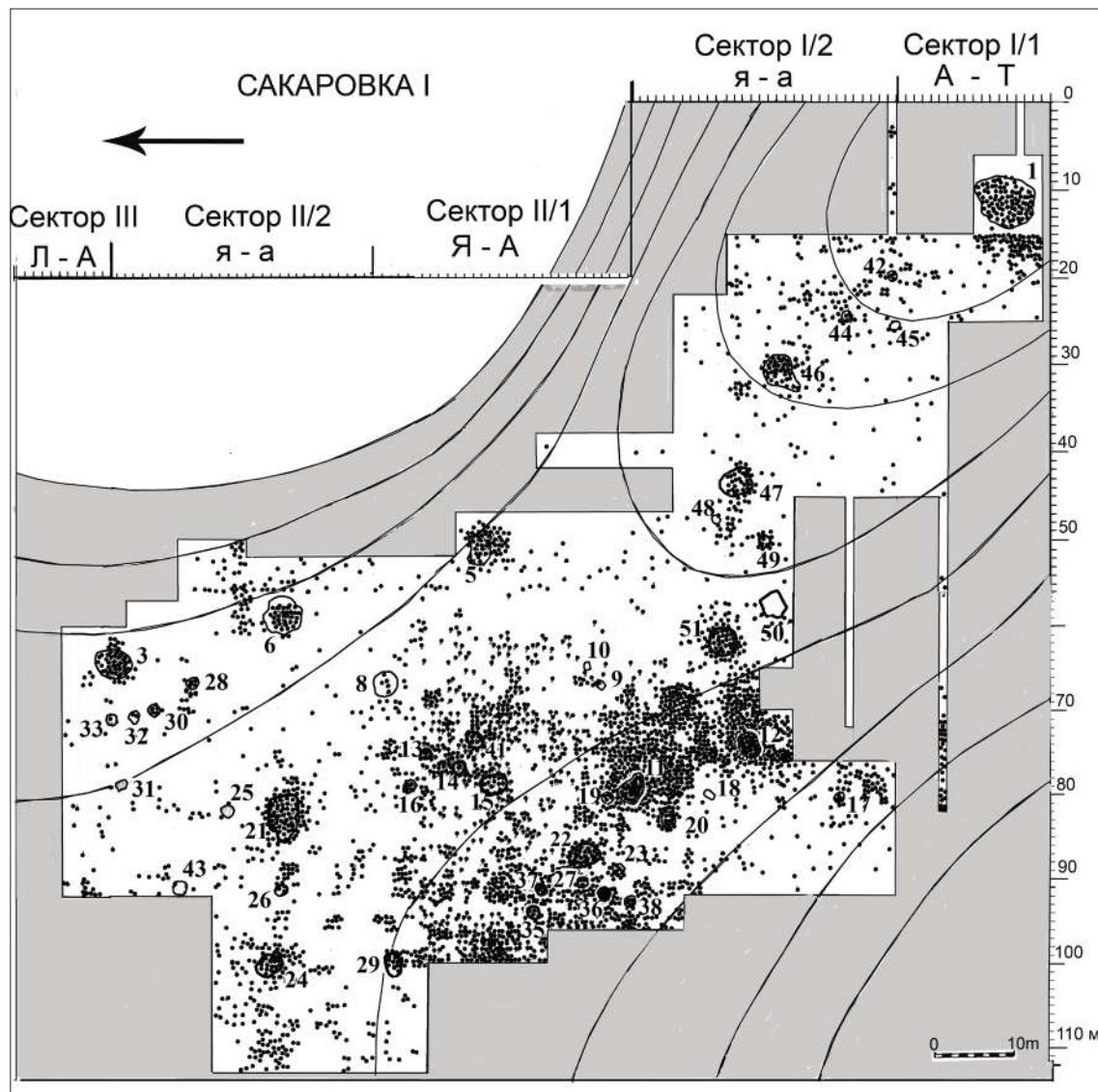

Рис. 18. Планиграфия керамического материала.

Fig. 18. The planigraphy of ceramic material.

себя внимание то обстоятельство, что при подобной планировке жилищ, предполагаемые выходы из них, оказываются обращенными, преимущественно, на запад, т.е. к внутренней, центральной части поселения. Исключение из этого правила составляет, как будто бы, лишь выход из жилища – объект №47, обращенный на юг (Рис. 16,7).

В отличие от долговременных жилищ – землянок/полуземлянок, все временные наземные жилищно-хозяйственные комплексы, за одним исключением, оказываются сосредоточенными в западной и юго-западной части поселения (Рис. 16,2). Исключение здесь составляет

только комплекс – объект №8, локализирующийся несколько северо-восточнее. Совершенно другую картину демонстрируют небольшие, сугубо хозяйственно-производственные комплексы, представленные как углубленными в грунт, так и простыми поверхностными концентрациями.

Из восьми углубленных в грунт хозяйственно-производственных комплексов, четыре приходятся на ту же юго-западную зону поселения, что и наземные жилищно-хозяйственные комплексы (Рис. 16, объекты №№16, 19, 23, 41). Два других размещаются близ жилища – объект №3 (Рис. 16, объекты №№32, 33), один близ жилища – объект №47 (Рис. 16,

объект №48) и один близ жилища – объект №46 (Рис. 16, объект №44).

Сходным же образом проявляют себя и простые, поверхностные концентрации материалов. Из 14 комплексов, 10 попадают на юго-западную часть поселения (Рис. 16, объекты №№13, 14, 17, 18, 20, 27, 35, 36, 37, 38), два – в непосредственной близости от жилища – объект №3 (Рис. 16, объекты №№28, 30), один близ жилища – объект №21 (Рис. 16, объект №26) и один близ жилища – объект №47 (Рис. 16, объект №49).

Осмысливая эти данные, становится вполне очевидным, что обустройство и функционирование поселенческого пространства включало две относительно самостоятельные зоны. Одну – «обитаемую», занятую долговременными жилищами-землянками/полуземлянками, соответствующую, главным образом, северо-восточной ее периферии. Вторую – производственную, включающую временные наземные жилищно-производственные и большинство сугубо хозяйственно-производственных комплексов, соответствующих преимущественно западной и юго-западной части поселения. Хотя при этом, отдельные углубленные в грунт или поверхностные концентрации, представляющие недолговременные производственные комплексы, могли располагаться и в непосредственной близости от некоторых из жилищ-землянок.

Важно обратить внимание, что вывод о двухзональной организации поселенческого пространства полностью подкрепляется и планиграфией распределения двух из основных категории материалов культурного слоя: кремневых изделий (Рис. 17) и керамики (Рис. 18). Как отчетливо явствует из этих иллюстраций, наибольшая насыщенность культурного слоя кремневыми находками и фрагментами керамики, связана не столько с зоной расположения жилищ – землянок, сколько с зоной размещения временных наземных жилищно-производственных и хозяйственно-производственных комплексов. То же самое, кстати, относится и к распределению фаунистических остатков культурного слоя. Особый интерес вызывает размещение на поселении каменных площадок-вымоستков, трактуемых нами, предположительно,

как культовые ритуальные объекты.

Два из них, несколько отличающиеся от остальных по «плотности – компактности» конструкций и тем, что расположены в непосредственной близости друг от друга, занимают относительно просторное, как бы центральное место на поселении, на стыке «обитаемой» и производственной зон (Рис. 16, объекты №№9 и 10). Другой подобный комплекс приходится на юго-восточную часть поселения, между жилищами – объекты №46 и 1 (Рис. 16, объект №45), а три последних – на северо-западной периферии поселения. Один

Рис. 19. Глиняный алтарь из жилища – объект № 21.

Fig. 19. The clay altar from the dwelling Nr 21.

из них более всего близок к жилищу – объект №21 (Рис. 16, объект №25), другой – как бы ближе к жилищу – объект №3 (Рис. 16, объект №31) и один – на самой периферии раскопанной площади (Рис. 16, объект №43).

Учитывая центральное положение объектов под №№ 9 и 10, и их возможную функциональную взаимосвязь, о чем сказано ранее, вполне допустимо, что они составляли единый культовый комплекс общекolleктивного, общепоселенческого значения. В то время как остальные площадки-вымостки, расположенные вблизи тех или иных жилищ, можно трактовать как особые, посемейные, пожилищные культовые места. И в заключение, несколько предварительных соображений социологического свойства.

Как было уже отмечено, раскопанная нами площадь в 5600 кв.м, на взгляд авторов,

составляет не менее 80-90% всей площади поселения. Помимо восьми выявленных нами жилищ, можно допустить, наличие, по крайней мере, одного, возможно двух-трех, но не более, не исследованных комплекса – землянок. Принимая число в 10 жилищ – землянок за базовую единицу отсчета и, допустив, что в каждом из них обитала семья из в среднем 8-10 человек, можно предположить, что общее число жителей поселения составляло приблизительно около 100 человек. При свойственном для традиционных сообществ соотношении: 15-20% – старики; 25-35% – взрослые и 45-60% – дети, мы выходим на вполне дееспособный коллектив, включающий около 40 активных, взрослых членов общины, способных к выполнению любых обстоятельных коллективных работ, так и к самозащите от возможных внешних угроз.

О высокой, внутренней социальной организации быта и производства на поселении вполне определенно свидетельствует сам факт, разделения поселения на две зоны: «обитаемую», занятую жилищами – землянками/полуземлянками и производственную, предназначенную преимущественно для различных хозяйственно-производственных работ. Вместе с тем, частые случаи, когда недолговременные, сугубо производственные углубленные в грунт или поверхностные комплексы располагались вблизи отдельных жилищ – землянок, однозначно указывают на то, что большинство хозяйственно-бытовых работ осуществлялись посемейно, т.е. по каждой семье, в каждом из жилищ по отдельности.

С социологической точки зрения, особый интерес представляют остатки жилища – объект №21. Во-первых, это жилище выделяется по своему положению на поселении, занимая как обособленные позиции в его северо-западной части (Рис. 16, объект №21). Во-вторых, как уже отмечалось, именно этот объект с наибольшей вероятностью реконструируется как двухуровневое жилище, включающее наземное сооружение и полноценную по высоте землянку. Более того, именно на этот комплекс

приходится наибольшее число депонированных артефактов. Это касается буквально всех категорий инвентаря: кремневых изделий (33,1%), фрагментов керамики (38,2%), изделий из кости (29%), камня (26,1%) и глины (43,8%), украшений (42,4%) и пр., которые в совокупности составляют 36,7% от всех находок, содержащихся в жилищах – землянках (Рис. 6, объект №21), или 26,9% от всех материалов, обнаруженных в закрытых комплексах (Рис. 7, объект №21), или же – 21,05% от всех материалов поселения (включительно из культурного слоя).

Особо обращаем внимание на высокую долю, содержащихся в этом комплексе остатков фауны (37,2%) (Рис. 6), составляющих 28,2% от всех остатков фауны, найденных в комплексных объектах или 26,5% от остатков фауны всего поселения (включительно из культурного слоя). Дело в том, что, если кремневые и каменные изделия, керамика или глиняные и костяные изделия отражают собой как сферу производств, так и сферу потребления, то остатки фауны – более всего отражают сферу потребления. Не важно, кто взрастил или кто добыл на охоте то или иное животное. Преобладающее депонирование костных остатков в рамках конкретного жилища, косвенно выступает критерием того, что именно обитатели этого комплекса потребляли относительно наибольшую долю этих продуктов.

Следуя этим данным, можно уверенно утверждать, что в случае объекта №21 мы имеем дело с жилищем, один из обитателей которого был наделен каким-то особым социальным статусом, особыми социальными функциями, типа старейшины или главы поселенческого коллектива. И, следует добавить, что подобная трактовка этого объекта, полностью подтверждается еще и тем, что, именно на это жилище приходится три единственных, найденных на поселении предмета, трактуемых как культовые. Главные из них, это глиняная антропоморфная статуэтка (Рис. 4,7), и что еще важнее – глиняный алтарь, найденный непосредственно у края печи-очага в придонной части жилища (Рис. 19).

Литература

Comşa 1978: E. Comşa, Contributions a l'étude de la culture Criş en Moldavie (Le site de Glăvăneştii Vechi). Dacia NS XXII, 1978, 9-36.

Dergachev, Markevich 1987: V.A. Dergachev, V.I. Markevich, Perekhod k proizvodiaschemy khoziaistvu. Etnokul'turnye obrazovaniia neolita. Istoriia Moldavskoi SSR. Tom 1 (Kishinev 1987) // В.А. Дергачев, В.И. Маркевич, Переход к производящему хозяйству. Этнокультурные образования неолита. История Молдавской ССР. Том 1 (Кишинев 1987), 39-45.

Dergachev et al. 1991: V. Dergachev, A. Sherratt, O. Larina, Recent Results of Neolithic Research in Moldavia (USSR). Oxford Journal of Archaeology 10, 1, 1991, 1-16.

Larina 1994: O. Larina, Culturi din epoca neolitică (Chişinău 1994).

Larina 2010: O.V. Larina, Începuturile economiei productive. Neoliticul. In: Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi antică (Chişinău 2010), 177-218.

Larina et al. 1997: O.V. Larina, K.-P. Vechler, V.A. Dergachev, S.I. Kovalenko, V. M. Bikbaev, Novye polevye issledovaniia pamiatnikov mezolita i neolita Moldovy. In: Vestigii arheologice din Moldova (Chişinău 1997), 62-110 // О.В. Ларина, К.-Р. Вехлер, В.А. Дергачев, С.И. Коваленко, В.М. Бикбаев, Новые полевые исследования памятников мезолита и неолита Молдовы. In: Vestigii arheologice din Moldova (Chişinău 1997), 62-110.

Markevich 1973: V.I. Markevich, Pamiatniki epokh neolita i eneolita. Arkheologicheskaia karta Moldavskoi SSR. Vyp. 2 (Kishinev 1973) // В.И. Маркевич, Памятники эпох неолита и энеолита. Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 2 (Кишинев 1973).

Nestor 1950: I. Nestor, Probleme noi în legătură cu neoliticul din RPR. SCIV 1, nr. 2, 1950, 208-219.

Popușoi 2005: E. Popușoi, Trestiana. Monografie arheologică (Bârlad 2005).

Ursulescu 1984: N. Ursulescu, Evoluția culturii Starcevo-Criş pe teritoriul Moldovei. Muzeul Judeţean (Suceava 1984).

Валентин Анисимович Дергачев, доктор хабилитат исторических наук, Центр Археологии, Институт культурного наследия Академии Наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре 1, МД 2001, Республика Молдова.

Ольга Ларина, доктор исторических наук, Центр Археологии, Институт культурного наследия Академии Наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре 1, МД 2001, Республика Молдова.

Виталий Цимиданов

«Ограбленные» погребения Белозерской культуры

Keywords: the period of late Bronze, Belozerka culture, burials, ceremonies.

Ключевые слова: период поздней бронзы, белозерская культура, погребения, обряды.

Cuvinte cheie: perioada bronzului târziu, cultura Belozerka, morminte, ritualuri.

Vitalii Tsimidanov

The Belozerka culture „robbed” burials

In the article there are examined the Belozerka culture burials which were blasted in antiquity. An author analysed 56 burials with the different variants of destruction of skeletons. It allowed to do a few conclusions, the most important following: 1) the ceremony of dissection of graves existed in Belozerka culture society; 2) were blasted mainly burials of people which had high social position in the time of life; 3) burials were unsealed for disposal of the dead were considered magically dangerous; 4) probably bones which were extracted from graves used in ceremonies.

Vitalii Tsimidanov

Morminte „jefuite” ale culturii Belozerka

În articol se examinează mormintele culturii Belozerka, distruse din vechime. Autorul a analizat 56 de morminte cu diverse variante de răvășire a scheletului. Acest lucru i-a permis să tragă câteva concluzii, cele mai importante dintre care ar fi următoarele: 1) în comunitatea purtătorilor culturii Belozerka se practica deshumarea decedaților; 2) se distrugeau, în special, mormintele celor care în viață au ocupat poziții sociale înalte; 3) înmormântările erau devastate în scopul anihilării decedaților, considerați periculoși din punct de vedere al magiei; 4) probabil, oasele scoase din morminte se utilizau în ritualuri.

Виталий Цимиданов

«Ограбленные» погребения белозерской культуры

В статье рассматриваются погребения белозерской культуры, разрушенные в древности. Автор проанализировал 56 погребений с различными вариантами разрушения костяков. Это позволило сделать несколько выводов, важнейшие из которых следующие: 1) в белозерском обществе существовал обряд вскрытия могил; 2) разрушались, главным образом, погребения людей, занимавших при жизни высокую социальную позицию; 3) погребения были вскрыты для обезвреживания покойников, которые считались магически опасными; 4) вероятно, кости, извлеченные из могил, использовались в обрядах.

В настоящее время наблюдается всплеск интереса исследователей к т.н. «ограбленным» погребениям эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии. Такие погребения известны в синташтинской, петровской, срубной, алакульской, федоровской, бегазы-дандыбаевской и некоторых других культурах. Долгое время доминировала точка зрения, что люди (в т.ч. и представители древних социумов), вскрывавшие эти погребения, руководствовались исключительно соображениями наживы. Однако, с конца прошлого столетия все больше сторонников приобретает гипотеза, согласно которой нарушение многих из данных захоронений носило ритуальный характер (см., например: Korochkova, Stefanov 1999; Nelin 2001; Usmanova 2002, 134; Tsimidanov 2004a, 69; Skarbovenko 2006, 26; Usmanova et al. 2006, 72-77; Lifanov et al. 2008, 127; Papin, Popova 2008, 125; Ismagil et al. 2009, 109; Agul'nikov 2010, 185;

Avanesova 2013, 79-82; Kushtan 2013, 99; Podobed et al. 2013, 463; Sotnikova 2013, 38; Berseneva 2014, 78; Epimakhov 2014; Novozhenov 2014, 121-122). Для изучения этой проблематики значительный интерес представляют материалы белозерской культуры, памятники которой локализуются, в основном, в степном Причерноморье от реки Молочная на востоке до низовий Дуная и Прута на западе (Otroshchenko 1986, ris. 34) и датируются около XII-X вв. до н.э. (Otroshchenko 1986, 149-150; Dergachev, Bochkarev 2002, ris. 1)¹.

Среди белозерских захоронений немало таких, которые демонстрируют следы вскрытия могилы, произошедшего через определенный

1. Такая датировка в настоящее время имеет больше всего сторонников. Но в последние годы предлагались и другие. Например, С. Агульников считает правомерным датировать белозерские памятники концом XIII – первой половиной X вв. до н.э. (Agul'nikov 2005).

срок после предания умершего земле. В публикациях подобные захоронения именуются, как правило, «ограбленными» или «разграбленными», а порой подчеркивается, что «ограбление» произошло в древности (Shmaglii, Cherniakov 1970, 68, 69, 80; Leskov 1971, 77; 1981, 68-69, 71; Otroshchenko 1975, 193; 1985, 519; Cherniakov 1977, 33; Sharafutdinova 1982, 76; Toshchev 1984, 25; Evdokimov 1987, 109, 110 и др.; 1999, 99; Agul'nikov, Khakheu 1988, 75, 76, 77; Vanchugov, Subbotin 1989, 56, 57; Popandopulo 1989, 124; Chebotarenko et al. 1989, 28-29, 49; Agul'nikov, Ketraru 1991, 129; Iarovii, Agul'nikov 1995, 182-183; Agul'nikov 2003, 151; 2010, 191; Ivanova et al. 2005, 6, 9, 13). Мы уже высказывали предположение, что разрушение белозерских погребений носило ритуальный характер, хотя и не приводили в защиту данной идеи никаких аргументов (Tsimidanov 2004a, 69; Podobed et al. 2013, 463). Следует отметить, что еще задолго до выделения белозерской культуры Е. Махно и И. Шарафутдинова, публикуя материалы Компанийцевского могильника, Полтавская обл., констатировали, что присутствовавшее в нем погребение 8 «має сліди зруйнування, очевидно культового»² (Makhno, Sharafutdinova 1972, 73). На наш взгляд, данное захоронение и по особенностям погребального обряда, и по набору инвентаря – типично белозерское. Таким образом, упомянутых авторов можно считать первооткрывателями практики обрядового нарушения захоронений в белозерской культуре. Три десятилетия спустя С. Агульников допустил присутствие в белозерских некрополях могил с подзахоронениями, сопровождавшимися смещением останков умершего, погребенного раньше, и «ритуально разрушенных или нарушенных» погребений. Последние, по мнению автора, «связаны с эксгумацией погребенных спустя некоторое время после захоронения с целью «очищения» (Agul'nikov 2003, 154). Исследователь предложил критерии выделения ритуально разрушенных или нарушенных погребений: в данных комплексах скелет умершего потревожен, но инвентарь находится в первоначальном положении (Agul'nikov 2003, 154). В дальнейшем С. Агульников проанализировал серию захоронений белозерской

культуры, где скелеты были в той или иной степени разрушены. В итоге он сделал вывод, что в данной культуре существовал обряд «посещения» мертвых, «связанный со вскрытием могилы после определенного периода с перемещением костей и предметов внутри погребальной камеры» (Agul'nikov 2010, 185). Уточним, что некоторые белозерские захоронения С. Агульников счел возможным трактовать как ограбленные в прямом смысле этого слова (Agul'nikov 2010, 189, 191)³.

Представляется, что проблема существования в среде носителей белозерской культуры практики вскрытия погребений заслуживает более углубленного изучения. С этой целью нами был обработан массив белозерских захоронений, включающий 56 комплексов, где костяки демонстрировали те или иные следы антропогенного воздействия, произошедшего после похорон, или останки людей отсутствовали вообще⁴. Ниже, чтобы не употреблять громоздких словосочетаний, погребения со следами вскрытия мы будем обозначать аббревиатурой «РП» («разрушенные погребения»). Соответственно, лиц, производивших вскрытие могил, мы называем нейтральным словом «разрушители».

РП составляют около 17,7% в массиве из 356 учтенных нами захоронений белозерской

3. Данная работа представляет значительный интерес. Тем более огорчительно, что в подписях к помещенным в ней рисункам 8, 9 и 10 вкрались ошибки (ср.: Agul'nikov 1996, fig. 6, 9, 11).

4. При составлении сводки не были учтены захоронения финальной бронзы Крыма из могильников Суучхан и Донское (Kolotukhin 1996, 29-30; 2003, 22-23), относимые некоторыми авторами к белозерской культуре, поскольку, во-первых, принадлежность отмеченных комплексов к данной культуре до сих пор не вполне обоснована, и, во-вторых, не ясно, нарушались ли эти захоронения в бронзовом веке или – в значительно более позднее время. Также не брались в расчет те разрушенные захоронения, относительно которых затруднительно было установить, является ли разрушение антропогенным, или оно вызвано действием природных факторов. Из комплексов, где отсутствовали останки умерших, в сводку включались лишь те, при раскопках которых зафиксированы следы проникновения в могилу, поскольку если таковые не выявлены, то велика вероятность того, что захоронение было кенотафом.

2. В переводе на русский язык: «имеет следы разрушения, очевидно культового».

культуры⁵. При этом показатель по Молдове – 13,0% (учтено 108 белозерских захоронений), по Одесской области – 18,5% (учтено 130 комплексов), по Херсонской области – 9,8% (учтен 61 комплекс), по Запорожской области – 38,1% (учтено 42 погребения). Приводить данные о частоте встречаемости РП по Полтавской, Днепропетровской областям и Крыму не имеет смысла, поскольку применительно к данным регионам нами учтено лишь 1, 5 и 9 белозерских погребений соответственно. Из приведенных выше показателей относительно достоверны лишь показатели по Молдове и Одесской области. Показатель по Херсонщине достоверен значительно меньше, ибо до сих пор не появились полные публикации двух замечательных белозерских могильников – Широчанского и Брилевского. В первом были выявлены 130 или 128 захоронений (Leskov 1971, 76; 1981, 67). А. Лесков отмечает, что из них «несколько» выделялись большими размерами ям и сложностью могильных конструкций, причем «эти могилы, кроме одной, оказались разграбленными» (Leskov 1981, 71). К сожалению, в опубликованных исследователем кратких сведениях о могильнике точное количество таких захоронений не уточняется. Впрочем, слово «несколько» в русском языке относится, как правило, к количеству не более 10. Отсюда удельный вес РП в массиве захоронений Широчанского могильника едва ли превосходил 7%.

В Брилевском могильнике, как указано в краткой заметке об этом памятнике (Evdokimov 1999), было исследовано 185 погребений. Из них 15 являлись основными в курганах, а 170 размещались в межкурганном пространстве. Автор публикации сообщает, что могильные ямы подкурганных захоронений имели, как правило, большие размеры, а ниже добавляет: «Все основные погребения в больших ямах ограблены в древности» (Evdokimov 1999, 99). Сколько было «ограбленных» погребений, опять не ясно. Но, во всяком случае, 2 погребения из 15 избежали разрушения (Evdokimov 1999, 99). О присут-

ствии «ограбленных» комплексов среди грунтовых захоронений Г. Евдокимов не пишет. Таким образом, группа РП в могильнике была представлена, вероятно, не более, чем 13 захоронениями, что составляет около 7%.

Довольно высокий показатель по Запорожской области тоже не достоверен, т.к. нами не могли быть использованы материалы Верхнехортицкого могильника. Здесь исследовано 75 погребений. Но из работы, где приведены краткие сведения о могильнике, не ясно, были ли среди них «ограбленные» (Попандо-пуло 1999).

В зависимости от того, в каком состоянии находились останки умерших в учтенных нами РП, последние были разбиты на следующие варианты:

I. Погребения, где останки умерших не обнаружены. Данных комплексов учтено 8;

II. Погребения, где кости умерших размещались в пределах могильной ямы бессистемно⁶ (учтено 19);

III. Погребения, где разрозненные останки умерших располагались в яме более или менее компактно (учтено 12);

IV. Погребения, где сохранилась *in situ* часть черепа (учтено 2);

V. Погребение, где уцелела *in situ* верхняя часть костяка (учтено 1);

VI. Погребения, где сохранились *in situ* нижние части костяков (учтено 13);

VII. Погребение, где был смещен череп (учтено 1).

Следует отметить, что С. Агульников отнес к числу захоронений со следами «посещения» мертвых серию комплексов, где следы нарушения могилы отсутствовали, инвентарь не был потревожен, но черепа или кости конечностей умерших находились не *in situ*, а также погребение, в котором кости скелета были компактно сложены (Agul'nikov 2010, 185, 187). На наш взгляд, упомянутые комплексы не обязательно трактовать как подвергнутые постпохоронному нарушению. В частности, б. С некоторой долей условности в данную группу мы включили и те захоронения, применительно к которым авторы публикаций лишь констатируют присутствие в могиле остатков скелета, но не уточняют, как размещались кости. Идя на такой шаг, мы исходили из того, что если бы какая-то система в размещении останков людей имела место, авторы обратили бы на это внимание.

5. При подсчетах, помимо упомянутых выше 56 РП, были учтены 7 РП с территории Запорожской обл., не попавшие в сводку из-за того, что по ним у нас нет данных относительно размещения в могиле останков умерших.

локализация черепа или иных частей скелета отдельно от костей, с которыми они должны соединяться, может быть следствием расчленения трупа в ходе похорон. Практика расчленения умерших в культурах эпохи бронзы имела довольно широкое распространение (см., например: Usachuk et al. 2010, 195-198). Демонстрируют ее и некоторые погребения белозерской культуры (Toshchev 1992, 25). Бытовало в бронзовом веке, в т.ч. в белозерской культуре, и совершение т.н. «вторичных» погребений, характерной чертой которых является помещение в могилу не целостного тела умершего, а его костей, освобожденных от мягких тканей (см., например Evdokimov 1987, 113; 1999, 103; Kramarev 2000, 96; Tsimidanov 2004b, 61-62; Litvinenko 2011). Погребая такие кости, люди или укладывали их в определенной системе, или просто сваливать в кучу на дне могилы. При этом, как правило, в яме оказывалось большинство костей умершего. То же, кстати сказать, присуще и большей части погребений, где покойников перед преданием земле подвергали расчленению. Соответственно, комплексы, демонстрирующие нарушение анатомического порядка умерших, мы включали в свою сводку лишь тогда, когда фиксировались следы вскрытия могилы или, во всяком случае, нарушение целостности скелета было куда более радикальным, чем это присуще расчлененным и вторичным погребениям.

Перейдем теперь к рассмотрению РП выделенных вариантов.

Среди наиболее ярких комплексов **варианта I** – погребение из Зальца, 1/3, Одесская обл. Судя по данным стратиграфии (Ivanova et al. 2005, рис. 2), разрушители начали копать свой лаз в, примерно, 1 м к северу от участка поверхности кургана, под которым находилась могильная яма. Наткнувшись на слой выкида из погребения, они повернули в южном направлении и в итоге проникли в могилу. Этот нюанс показывает, что разрушители не действовали наугад, но представляли себе, каким образом размещаются друг относительно друга могильная яма и выкид⁷. Разрушение

погребения было произведено довольно радикально. В яме, имевшей размеры 3,0 x 2,1 м, археологами не выявлено ни одной кости человека и ни одного предмета погребального инвентаря. Лишь в лазе обнаружен зуб животного. Добавим, что дно могилы было почти полностью изрыто разрушителями (Ivanova et al. 2005, 9).

В кургане 1 из Александровки, Днепропетровская обл., были выявлены 2 РП. К обеим могилам шли лазы, но – не сверху, а сбоку, от полы кургана. При этом разрушители идеально точно вышли на погребения (Romashko 1979, рис. 2,1), т.е., несомненно, они знали, где находятся могилы. Погребение 2 данного кургана (Romashko 1979, 106) может быть отнесено к рассматриваемому варианту.

Другие комплексы варианта I: Балабан, 12/1 (Chebotarenko et al. 1989, 49) (Молдова); Баштановка, к. 6, центральное захоронение (Shmaglii, Cherniakov 1970, 80); Струмок, 2/2 (Toshchev 1984, 24-25, 27); Васильевка, 5/1; 12/1 (Vanchugov, Subbotin 1989, 56-57) (Одесская обл.); Каланчак, к. 2 (Otroshchenko 1986, 126) (Херсонская обл.).

Все перечисленные комплексы социально неординарны⁸. Из них пять выявлены в индивидуальных курганах⁹. Еще три исследованы в курганах, возведенных над двумя белозерскими захоронениями. При этом в двух случаях погребение рассматриваемого варианта являлось центральным, а в одном демонстрировало «равноправную» по отношению к другому захоронению локализацию. Все могильные ямы имели большие размеры (от 2,0x1,7 до 4,0x4,0 м)¹⁰. В 5 ямах наличествовали канавки вдоль стен или угловые ямки.

В четырех могилах варианта I не выявлено погребального инвентаря, в других четырех он (или его остатки) присутствовал. При этом в трех захоронениях находились сосуды или их фрагменты (Балабан, 12/1; Васильевка, 5/1; Александровка, 1/2), в одном – бронзовый нож

8. О критериях выделения социально неординарных погребений белозерской культуры см.: Vanchugov 1990, 56-58; 1997; Tsimidanov 1993.

9. Т.е. курганах, возведенных над 1 погребением.

10. К большим ямам здесь и ниже мы относим те, где длина хотя бы одной из сторон составляла 2 м и более (см.: Tsimidanov 1993, 42).

7. То, что белозерские захоронения «грабили» люди, прекрасно знавшие, где данные могилы находятся, т.е. современники или даже «сородичи», уже отмечалось (Leskov 1981, 71).

(Васильевка, 12/1), в одном – пест (Каланчак, к. 2), в одном – бронзовые браслет и фрагмент изделия неясного назначения (Александровка, 1/2) и в одном – фрагмент булавы или игла от фибулы (Балабан, 12/1). То, что в могилах отсутствовали кости умерших, свидетельствует о целенаправленном извлечении последних (либо еще не разложившегося тела) из ямы. Возможно, могилы после проникновения в них закапывались. Об этом говорит локализация некоторых артефактов не на дне, а в заполнении.

Среди погребений **варианта II** – одно из самых известных захоронений белозерской культуры (и – самое неординарное по трудовым затратам) – погребение, исследованное Н. Веселовским в 1916 г. в кургане Широкая Могила близ с. Малая Лепетиха (нынешняя Херсонская обл.). Здесь под грандиозной насыпью (высота – 9,6 м, диаметр – 120 м), в центре подкурганной площадки, окруженной кромехом, была обнаружена перекрытая мощным деревянным накатником могильная яма размерами около 3,2 x 3,0 м, где имелись канавки вдоль стен и четыре ямки в углах. В восточной части могилы были разбросаны кости погребенного. Там же находился биметаллический нож (бронзовый с железным лезвием). Другой нож (бронзовый) выявлен в одной из ямок (Leskov 1981, 68-69; Sharafutdinova 1982, 76; Otroshchenko 1986, 126). Добавим, что под южной полкой кургана размещалась еще одна яма. Стенки ее были обложены деревянными плахами. Никаких костей или вещей в яме не найдено, а потому это сооружение трактуется неоднозначно – как «место тризны» (Leskov 1981, 68) или ограбленное погребение (Otroshchenko 1986, 126). В данном случае нас интересует центральное захоронение. То, что оно было разрушено в древности, едва ли может вызывать сомнения, ибо точно попасть в могилу, «затерянную» в столь грандиозном кургане, могли только люди, знавшие, где она находилась. С другой стороны, прокопать грабительский ход сквозь огромную толщу насыпи орудиями, которые имелись в распоряжении людей эпохи поздней бронзы, едва ли возможно. Отсюда следует вывод, что вскрытие захоронения имело место еще до того, как насыпь была возведена в ее окончательном виде.

Применительно к погребению из Казаклии, 7/1, Молдова также можно уверенно констатировать, что расположение могилы было известно разрушителям. В данном случае лаз, шедший сверху, попал точно на погребение (Agul'nikov 2003, рис. 2). Разрушители не просто проникли в могилу, но вдобавок еще и углубились на, примерно, 60 см в ее дно в западной части ямы. Разрозненные кости умершего – незначительная часть скелета – локализовались в центральной части погребальной камеры. Близ южной стенки обнаружены нижняя челюсть погребенного (но череп отсутствовал) и сосуд (Agulnikov 1996, 19-20; Agul'nikov 2003, 140).

Точное попадание лаза на погребение демонстрирует и упоминавшийся выше курган 1 из Александровки. К варианту II относится п. 1 из данного кургана. В могиле на разных уровнях и в лазе находились единичные кости человека. Из инвентаря уцелели только фрагменты сосуда (выявлены как в яме, так и в лазе). Найдены также кости животных (Romashko 1979, 106).

Помимо захоронений, упомянутых выше, к варианту II были отнесены следующие: Тараклия, 5/1; 6/1; 7/1; 9/3 (Agul'nikov, Khakheu 1988, 74-77); Погребя, 3/1 (Agul'nikov, Ketraru 1991); Казаклия, п. 62 (Agulnikov 1996, 46) (Молдова); Баштановка, 2/1, к. 6, южное захоронение (Shmaglii, Cherniakov 1970, 68, 80); Кочковатое, 31/1; 35/1; 46/1; 50/3 (Vanchugov et al. 1992, 28-29, 35, 37, 47, 58, 59); Будуржель, западное пятно, п. 2 (Toshchev 1992, 19) (Одесская обл.); Белозерский Лиман, 2/5 (Pleshivenko 2006, 30); Мамай-Гора, объект 174, п. 2 (Toshchev 2007, 263) (Запорожская обл.); Компанийцы, п. 8(26) (Makhno, Sharafutdinova 1972, 73) (Полтавская обл.).

Из перечисленных погребений, по меньшей мере, 16 подчеркнута неординарны. Они являлись основными в индивидуальных курганах и/или были совершены в больших ямах (от 2,1x1,55 до 4,4x3,9). В 8 могилах прослежены ямки или канавки (в 2 случаях имели место обе эти «архитектурные» особенности). Возраст многих умерших не известен, но, во всяком случае, один из них являлся ребенком (Кочковатое, 50/3). Практически во всех погребениях рассматриваемого варианта отсутствовали те или иные части скелетов. К сожалению,

в большинстве случаев авторы публикаций не уточняли, какие именно кости находились в могилах, а каких там не было. Тем не менее, относительно 5 комплексов (Белозерский Лиман, 2/5; Казаклия, 7/1; Кочковатое, 46/1; 50/3; Будуржель, западное пятно, п. 2) можно констатировать, что разрушители извлекли из ямы череп. При этом в первых трех из перечисленных захоронений при отсутствии черепа в могиле находилась нижняя челюсть.

В трех из 19 погребений II варианта не было выявлено никаких остатков инвентаря. В 13 комплексах присутствовала керамика (как правило, сосуды являлись фрагментированными). В 8 захоронениях обнаружены некерамические изделия, в т.ч. ножи – бронзовые (Широкая Могила; Будуржель, западное пятно, п. 2; Компанийцы, п. 8(26)), биметаллические (Широкая Могила; Кочковатое, 31/1), железные (Погребя, 3/1¹¹), оселок (Компанийцы, п. 8[26]), пряслице (Кочковатое, 35/1), бронзовое изделие неясного назначения (Кочковатое, 31/1), фрагмент железного предмета (Кочковатое, 35/1), стеклянные бусы (Погребя, 3/1; Кочковатое, 35/1), пронизи из золота (Погребя, 3/1), бронзовая «сережка», подвески из смолы и клешни краба (Мамай-Гора, объект 174, п. 2).

Из комплексов, отнесенных к варианту III, достаточно ярким является погребение из Зальца, 4/3, Одесская обл. Оно размещалось не в центре кургана, а в, примерно, 10 м к юго-западу от него (и в 17 м от наиболее высокой точки кургана) (Ivanova et al. 2005, ris. 7). Отсюда видно, что разрушители знали, где расположена могила. Яма имела большие размеры (3,8x2,6 м). Дно ее было перекопано. От человеческого скелета сохранились лишь фрагменты черепа и трубчатых костей, локализовавшиеся в юго-восточном углу могилы. В нижней части заполнения погребальной камеры выявлены бронзовые нож и накладка от деревянной чаши, а также 90 янтарных бус. Кроме того, над погребением, в заполнении лаза, найден фрагмент оселка (Ivanova et al. 2005, 15, 18).

Не менее любопытную ситуацию демонстрирует захоронение из Балабана, 5/1, Молдова. Курганная насыпь располагалась по со-

11. Нож был фрагментирован.

седству с более ранними, но в тех не выявлено следов проникновения. Интересующее нас погребение локализовалось не в центре кургана, а в его северо-западном секторе, и, тем не менее, оно было найдено разрушителями. Отсюда видно, что последние действовали целенаправленно: их интересовала конкретная могила, и они знали ее месторасположение. В ходе нарушения погребения кости умершего были сброшены в кучу на уступ ямы. Никаких вещей в могиле не было выявлено (Chebotarenko et al. 1989, 28-29).

Другие комплексы III варианта – Казаклия, п. 4; 9; 56 (Agulnikov 1996, 22-23, 25, 44) (Молдова); Кочковатое, 49/2; 49/3; 50/2 (Vanchugov et al. 1992, 55-56, 58, ris. 16-27, 17-8) (Одесская обл.); Сивашовка, 10/2¹² (Otroschenko, Shevchenko 1987, 134-136) (Херсонская обл.); Белозерский Лиман, 2/8 (Pleshivenko 2006, 30); Мамай-Гора, объект 177, п. 3; объект 178, п. 1 (Toshchev 2007, 263) (Запорожская обл.).

В погребении из Кочковатого, 49/3 некоторые кости конечностей в момент разрушения были еще сочленены. Ориентировка останков погребенного диссонирует и с ориентировкой могилы, и с «канонами» белозерского погребального обряда (см.: Vanchugov et al. 1992, ris. 16-27). Отсюда возникает впечатление, что разрушители, «похозяйничав» в яме, попытались затем сложить покрытые остатками плоти кости умершего, имитируя их расположение в скелете. А вот погребение из Балабана, 5/1 было нарушено тогда, когда мягкие ткани полностью истлели. Только в этом случае кости можно было свалить кучей на ступеньке могильной ямы.

Среди умерших в рассматриваемой группе захоронений преобладают взрослые. Среди них была, по меньшей мере, 1 женщина (Кочковатое, 50/2). Один из погребенных, возраст которых установлен, являлся старцем (Кочковатое, 49/2), а еще один – подростком (Кочковатое, 49/3).

Лишь в 2 захоронениях группы III не было обнаружено никаких остатков погребального

12. Данный комплекс можно было бы трактовать как вторичное захоронение, но присутствовавшие в нем браслеты размещались в заполнении ямы, что является весомым аргументом в пользу постпохоронного нарушения могилы.

инвентаря. В 10 случаях таковые присутствовали в могилах, причем, в отличие от комплексов I и II групп, они были представлены почти исключительно посудой и украшениями. Керамика находилась в 5 могилах. Любопытно, что при этом все сосуды были целыми или, во всяком случае, их фрагменты размещались компактно. Другой инвентарь – бронзовые нож и накладка от деревянной чаши (Зальц, 4/3), фрагмент зернотерки (Казаклия, п. 56), бронзовые колоколовидная подвеска (Казаклия, п. 56), кольца (Казаклия, п. 9; Кочковатое, 49/2; Сивашовка, 10/2), браслеты (Сивашовка, 10/2), пронизи (Сивашовка, 10/2), «застежка» (Сивашовка, 10/2), бусы из стекла, янтаря, гагата, перламутра (Казаклия, п. 9; Зальц, 4/3; Кочковатое, 49/3; 50/2; Сивашовка, 10/2), подвески из морских раковин (Сивашовка, 10/2; Мамай-Гора, объект 177, п. 3) и клешни краба (Мамай-Гора, объект 177, п. 3), костяная булава (Сивашовка, 10/2).

Вариант IV представлен погребениями из Кочковатого, 33/1 (Vanchugov et al. 1992, 32-33) и Любимовки, 12/1, Запорожская обл. (Otroshchenko 1986, рис. 37-4, 42-4). Оба они были совершены в больших ямах усложненной конструкции (канавка в первом случае и ямки во втором). Из инвентаря сохранились фрагмент зернотерки (Кочковатое, 33/1) и бронзовый нож (Любимовка, 12/1).

Комплекс **варианта V** выявлен в кургане 4 могильника Степной, Запорожская обл. Это – погребение 2, где уцелели череп, часть позвоночника и грудной клетки, а также локтевая кость правой руки взрослого человека. Из инвентаря сохранились сосуд и бусы. Могильная яма не отличалась большими размерами (1,75 x 1,70 м), но была усложнена ямками (Otroshchenko 1975, рис. 3).

Среди комплексов **варианта VI** одним из самых неординарных является захоронение из Васильевки, 3/3, Одесская обл. Оно являлось основным в кургане¹³ и было совершено в большой яме (2,9x2,5 м) с ямками по углам. В могиле сохранились нижняя часть костяка, причем от правой ноги – только бедренная кость, а от левой – бедренная и примыкающие

к ней обломки берцовых костей. Из вещей уцелели фрагменты 3 сосудов и бронзовый наконечник стрелы (Ванчугов, Субботин 1989, 55-56, рис. 3-4).

Другие комплексы данного варианта – Казаклия, п. 28 (Agulnikov 1996, 32) (Молдова); Суворово, 6/1 (Cherniakov 1977, 33, 35); Кочковатое, 29/2; 49/1; 50/1¹⁴ (Vanchugov et al. 1992, 23, 25, 54-55, 56); Лиман, 3/1 (Subbotin, Toshchev 2002, 25) (Одесская обл.); Чернянка, п. 5 (Kubyshev, Cherniakov 1986, рис. 2-5); Первомаевка I, 5/2; 5/3 (Evdokimov 1987, 109-112) (Херсонская обл.); Степной, 8/1 (Otroshchenko 2003, 350); Белозерский Лиман, 2/9 (Pleshivenko 2006, 31) (Запорожская обл.). Условно к VI варианту было отнесено погребение из Кочковатого, 51/1, где *in situ* сохранились некоторые кости конечностей, но в придачу – и остатки черепа. Данный комплекс интересен тем, что здесь некоторые ребра, выявленные в заполнении погребальной камеры, были в сочленении. Это свидетельствует о проникновении разрушителей в могилу спустя небольшой промежуток времени после похорон – когда мягкие ткани тела еще не истлели (Vanchugov et al. 1992, 59).

Среди умерших, останки которых выявлены в захоронениях VI варианта, вновь преобладают взрослые. Подростков – лишь 2 (Казаклия, п. 28; Чернянка, п. 5). В 3 случаях установлен пол взрослых. Среди последних – 3 мужчины, в т.ч. 2 молодых (Кочковатое, 50/1; 51/1; Первомаевка I, 5/3) и женщина преклонного возраста (Первомаевка I, 5/2).

В части рассматриваемых захоронений, помимо уцелевших *in situ* костей конечностей, были обнаружены и другие кости, но, по крайней мере, в 6 случаях, отсутствовали черепа. Еще в одном случае в могиле не было черепной коробки, хотя сохранился фрагмент нижней челюсти.

Остатки вещей выявлены только в 7 могилах варианта VI. Среди них – керамика (сосуды в трех захоронениях и фрагменты сосуда

13. За пределами ровика, окружавшего захоронение, было выявлено погребение ребенка, которое являлось или впускным или сопутствующим основному.

14. По мнению авторов публикации, захоронение являлось парным, причем один погребенный был положен в яму, а второй – в подбой, сделанный в восточной стенке. На самом деле, скорее всего, «подбой» – часть могильного сооружения черноголовской культуры, впускного в данный курган (Otroshchenko 2001, 191).

в одном), бронзовый наконечник стрелы (Васильевка, 3/3), железный нож (Кочковатое, 29/2¹⁵; Первомаевка I, 5/3), костяная игла (Первомаевка I, 5/2), обработанный камень (Первомаевка I, 5/3), бронзовая булава (Чернянка, п. 5), золотые пронизи (Суворово, 6/1), бусы (Первомаевка I, 5/2; 5/3; Степной, 8/1), каменная подвеска, костяная «лунница» (Степной, 8/1).

Вариант VII представлен погребением из Глиного, 4/2, Молдова. Оно являлось основным в кургане. Могильная яма имела размеры 3,7х2,8 м. В двух ее углах находились ямки. В ходе раскопок были прослежены два вырытых разрушителями лаза, шедших к захоронению с двух сторон. Тем не менее, останки умершего (взрослого) демонстрировали лишь незначительные нарушения: некоторые мелкие кости оказались сдвинутыми, а череп смещен к стопам. Нижняя челюсть была сочленена с черепом, откуда правомерен вывод, что могила была вскрыта, когда мягкие ткани еще не истлели. Помимо останков умершего, в могиле обнаружены 3 сосуда (один – фрагментированный) (Iarovii, Agul'nikov 1995).

Переходя к осмыслению приведенной выше информации, стоит заострить внимание на том, что ни одна из культур юга Восточной Европы, более ранних, чем белозерская, не дает такого высокого удельного веса РП, как последняя. Можно полностью согласиться с Е. Бунятян, констатировавшей, что именно с белозерского времени начинается систематическое «ограбление»¹⁶ курганов (Buniatian 2001, 103). Интересно, что в предскифское время масштабы данного явления резко сократились. Об этом, в частности, свидетельствует сводка «киммерийских» захоронений, которую привел в своей монографии С. Махортых (2005). Автор учел 129 захоронений «черногоровской группы» и 96 – «новочеркасской группы» (Makhortykh 2005, 52, 95). В сумме это дает 225 комплексов. Следует, однако, сделать поправку на то, что в сводку исследователя попало около десятка захоронений, которые на

самом деле относятся к белозерской культуре¹⁷. В итоге остается примерно 215 предскифских погребений. Из них, по меньшей мере, 5 были разрушены в древности (Астахово I, 3/11; Красное, 2/7; Луговое, 2/2; Новосельское II, п. 4; Рисовое, 6/3 (Makhortykh 2005, 315, 340, 342, 348, 354)). С некоторой долей вероятности данный список можно пополнить еще 3 комплексами – Луганское (Стрижена Могила); Родионовка, 1/4; Рюмино, 1/2 (Makhortykh 2005, 342, 354-355, 355-356)¹⁸. Таким образом, удельный вес РП в рассматриваемом массиве захоронений составляет около 2,3% или 3,7%. Столь низкие показатели тем более удивительны, что в предскифских погребениях встречаются изделия, которые, несомненно, представляли для людей того времени значительную материальную ценность, – бронзовое и железное оружие, бронзовые детали узды, украшения из золота, импортная посуда и т.п. Таким образом, мы видим ситуацию, принципиально отличающуюся от имевшей место в скифское время, когда тотально грабились не только «царские», но и относительно рядовые погребения (Khazanov, Chernenko 1979, 19-20). Вернемся, однако, к белозерской культуре.

Некоторые исследователи уже констатировали, что «грабились» прежде всего те белозерские погребения, которые выделялись избыточными трудовыми затратами. В частности, – погребения в больших ямах, могилах со сложными конструкциями (Leskov 1981, 71; Otroshchenko 1986, 131; Evdokimov 1999, 99), погребения, над которыми были возведены большие (по меркам белозерской культуры) курганы (Otroshchenko 1975, 193). Произведенные нами подсчеты (см. Табл. 1) показывают аналогичную картину. В частности, удельный вес РП наиболее высок среди основных курганных погребений, совершенных в больших ямах, причем данный показатель довольно близок (с учетом недостаточной репрезентативности сводки) в массиве погребений с

15. Фрагмент.

16. Уточним, что Е. Бунятян употребляет данный термин без кавычек. Из контекста ее статьи следует, что, по мнению автора, всплеск грабежа могил явился результатом появления сильной социально-имущественной дифференциации.

17. См., например: Podobed et al. 2012, 216, 223. Рамки работы не позволяют детально останавливаться на данном вопросе.

18. В сводке С. Махортыха присутствуют еще 4 разрушенных в древности захоронения (Александровка (Самарский), 6/2; Александровка, 1/1; 1/2; Глиное, 4/2), но они, на наш взгляд, относятся к белозерской культуре.

большими ямами из индивидуальных курганов, с одной стороны, и в массиве погребений с большими ямами, находившихся в курганах с 2 и более захоронениями. Основные погребения в малых ямах вскрывались значительно реже, но, вместе с тем, – чаще, чем захоронения грунтовых могильников, даже и совершенные в больших ямах. Реже всего разрушались впускные курганные погребения.

Итак, разрушители главное внимание уделяли вскрытию основных курганных захоронений, т.е. погребений верхушки общества. Отсюда, на первый взгляд, вытекает, что РП белозерской культуры – следствие банального мародерства. А. Лесков, интерпретируя действия «грабителей», разрывших часть погребений Широчанского могильника, писал, что этими людьми руководила «жажда обогащения за счет ограбления», которая была сильнее, чем «боязнь кары за преступление» (Leskov 1981, 71). Действительно, если разрушители искали материальные ценности, им прежде всего следовало вскрывать могилы лиц с высоким общественным положением, ибо для погребального обряда белозерской культуры характерна корреляция повышенных трудозатрат и «богатства» инвентаря (см.: Vanchugov 1997, 160). Но тут возникает вопрос: а что конкретно разрушители могли найти в этих могилах? Ответить на него не просто, ибо, как мы видели, большая часть наиболее неординарных в социальном плане белозерских захоронений разрушена. Тем не менее, некоторое их количество избежало вскрытия. Среди последних нам известно 15 захоронений, демонстрировавших «текст» «индивидуальный курган + большая яма». Из них 2 выявлены в больших курганах, к каковым мы, вслед за В. Ванчуговым (1990, 58), относим курганы с диаметром 30 и более метров. Это – погребения из Зализничного (высота кургана – 4,0 м, диаметр – 40 м) (Subbotin, Cherniakov 1973; Vanchugov 1990, 47, 49) и Струмка, 7/1 (высота кургана – 1,0 м, диаметр – 35 м) (Toshchev 1984, 27-28) (Одесская обл.). В первом захоронении погребальный инвентарь отсутствовал, во втором были выявлены оселок, бронзовая фибула, золотые височное кольцо и пронизь.

Еще 13 не разрушенных комплексов происходят из малых курганов (их высота до-

стигала 1,25 м, а диаметр – 25 м). Это – погребения из Балабана, 11/1 (Chebotarenko et al. 1989, 47), Хаджиллара, 1/3 (Agul'nikov 2011, 280-284) (Молдова), Алкалии, 2/1 (Vanchugov, Subbotin 1993, 41; Kašuba 2009, 196), Кальчево, 1/1 (Subbotin 1996, 100), Кочковатого, 34/1 (Vanchugov et al. 1992, 33-35), Суворово, 4/1 (Cherniakov 1977, 30-31), Широкого, 2/1 (Vanchugov 1990, 47), 3/3 (Vanchugov 1990, табл. 2, рис. 33-14) (Одесская обл.), Степного, 3/1 (Otroschenko 1975, 197; 1986, 126; Kašuba 2009, 196, 197) (Запорожская обл.), Каир, 4/1 (Agul'nikov, Shilov 1990, 67-68), Лукьяновки (Sharafutdinova 1982, 74), Первомаевки (1957), 6/2 (Illins'ka et al. 1960, 138), Первомаевка III, 6/1 (Evdokimov 1987, 117) (Херсонская обл.). Погребальный инвентарь в данных захоронениях представлен керамикой (9 комплексов; число сосудов достигало 8), деревянными чашами с бронзовыми накладками (2), биметаллическим ножом (1), бронзовыми ножами (6), фибулами (4), браслетом (1), колоколо-видными подвесками (1), цепочкой (1), золотыми пронизями (1; 3 экз.), бусами из стекла, бирюзы, гешира, янтаря (5; число бусин доходило до 32), костяным наконечником стрелы (1), каменными оселком (1), точилом (1), растиральником (1), глиняным пряслицем (1), кремнем (1). Таким образом, никаких особых «сокровищ» белозерские погребения, похоже, не сулили. В среде носителей данной культуры бытовали и значительно более ценные вещи (по крайней мере, куда более металлоемкие, чем те металлические изделия, которые перечислены выше). Таковыми являлись, в частности, кельты, долота, тесла, наконечники копий (Otroschenko 1986, 139), импортные секиры, кинжалы, бронзовые чаши (Cherniakov 1985, 128; Vanchugov 1990, 93-95), клепаные котлы (Bochkarev 2010, 208). Но все данные предметы известны покладам, случайным находкам и литейным формам. В захоронениях эти изделия до сих пор не найдены, откуда правомерен вывод, что в контекст погребального обряда они не включались.

Естественно, и некоторые вещи, клавшиеся в могилы, могли иметь большую материальную ценность. Особенно это касается биметаллических ножей и золотых украшений (Vanchugov 1997, 165-166). Тем не менее, как

отмечалось выше, первые были выявлены в 2 РП. Еще в 2 РП присутствовали золотые пронизи. Кроме того, в РП найдены бронзовые ножи (6 случаев), ножи из железа (3), бронзовые наконечник стрелы (1), накладка от чаши (1), браслеты (2), булавка (1), кольца (1), колоколовидная подвеска (1), пронизи (1), а также – бусы из стекла, янтаря и других материалов (10; в 1 случае бусин было 90). На все эти вещи разрушители почему-то не позарились.

В ряде случаев обращает на себя внимание некоторая «нелогичность» или, скорее, – избирательность действий людей, вскрывавших погребения. Так, в могильнике Кочковатое из 28 белозерских комплексов к РП могут быть отнесены, как минимум, 12, т.е. около 42,9%. Столь высокий показатель свидетельствует о целеустремленности разрушителей. Тем более странно, что нетронутым осталось одно из самых неординарных захоронений – п. 1 к. 42. Оно было совершено в самой большой из всех ям данного могильника (размеры – 3,2 x 2,7 м), где к тому же имелись канавка и ямки, а инвентарь был представлен бронзовым ножом и золотым кольцом (Vanchugov et al. 1992, 42-44). Любопытно и то, что в кургане 42 все 3 погребения оказались нетронутыми, тогда как погребения курганов 49 и 50, примыкавших к кургану 42 с северо-востока и юго-запада, были разрушены (Vanchugov et al. 1992, 42-44, 54-59).

В грунтовом могильнике Будуржель из 44 захоронений к РП может быть отнесено только 1 – п. 2 «западного пятна», обособленное от остальных (Toshchev 1992, 19, рис. 2). Прочие погребения избежали вскрытия, и это при том, что многие из них, как и погребение из «западного пятна», размещались в небольших возвышенностях, визуально фиксирувавшихся на местности, а к тому же некоторые из данных захоронений содержали различные вещи, в т.ч. ножи из бронзы (2 экз.) и железа, браслеты из бронзы и серебра, бронзовые булавки, пронизи, височные подвески, не говоря уже о стеклянных бусах и разнообразной керамической посуде (Toshchev 1992, 19-28). Добавим, что в грунтовом Широфанском могильнике, где захоронения в больших ямах оказались totally разрушенными, одна подобная могила все-таки уцелела. В ней находились фибула, бусы и золотые пронизи (Leskov 1981, 71).

Важным моментом является то, что все РП демонстрируют те или иные нарушения целостности останков умерших. Наиболее радикальные нарушения – полное извлечение останков погребенного из могилы (РП группы I) или приведение их в такое состояние, когда практически ни одна из костей умершего не остается *in situ* (РП группы II). Любопытно следующее. Наши подсчеты (см. Табл. 2) показывают, что сильнее всего были разрушены захоронения лиц, относившихся к социальной элите. Так, в массиве основных РП из больших курганов комплексы групп I и II, взятые суммарно, составляют 93,3%. Соответствующий показатель по основным РП, ямы которых были большими, а перекрывавшие их курганы – малыми, – 35,0%. Показатели по основным РП, совершенным в малых ямах и покоившихся под малыми курганами, а также по РП из грунтовых могильников – еще меньше. Как можно видеть, чем выше была социальная позиция человека, тем большей являлась вероятность, что после вскрытия могилы его останки разрушат самым радикальным образом. Из отмеченного вытекает, что разрушители руководствовались какими-то нормами. Существование данных гипотетических норм подтверждается и повторяемостью некоторых действий разрушителей, например:

1. В 13 случаях лица, вскрывшие могилу, нарушили часть костяка, но при этом оставили в неповрежденном виде кости ног (по крайней мере, некоторые);

2. В 11 случаях из могил были удалены черепа умерших;

3. В 4 случаях из могильных ям были извлечены черепные коробки покойников, но оставлены нижние челюсти.

Все перечисленные действия, направленные на останки погребенных, не имели никакого утилитарного смысла. Более того, то, что в ряде РП остались биметаллические ножи, золотые украшения и изделия из бронзы, делает гипотезу о решающей роли материального фактора в разрушении белозерских захоронений еще более уязвимой. В итоге правомерно рассматривать нарушение белозерских могил как обрядовое явление. Главной целью их вскрытия являлось не добытие каких-то «сокровищ», а совершение различных мани-

пуляций с останками погребенных. Извлечение же из могил вещей могло производиться попутно – в соответствии с известным принципом: «И не хочется, да нельзя упускать такой случай!»¹⁹.

Выше мы привели факты, свидетельствующие о том, что во многих случаях, если не во всех, белозерские могилы вскрывались людьми, прекрасно знавшими, где эти могилы находятся, то есть, очевидно, принадлежавшими к тем же социумам, что и погребенные. Понять, зачем эти люди тревожили покой умерших, позволяют фольклорные и этнографические данные. Они показывают, что вскрытие могил чаще всего производилось для обезвреживания покойников, особенно, тех, которые слыли при жизни наделенными магическими способностями, например, колдунов. У многих народов, если возникало опасение, что умерший наносит вред живым, люди раскапывали его могилу и наносили телу различные увечья, в т.ч. производили расчленение (Nikitina 1928, 323; Babaeva 1993, 16; Vovk 1995, 179). Добавим, что в фольклоре нашли отражение представления о том, что именно расчленение позволяет наиболее радикально нейтрализовать ведьм, демонов и т.д. (см., например: (Usachuk et al. 2010, 196)).

Еще одним способом уберечься от «вредоносного» покойника было перезахоронение последнего в другом месте (Nikitina 1928, 323; Miller 1992, 425). А порой тела «опасных» умерших просто выбрасывали из могил²⁰ (Narty 1989, 211; Babaeva 1993, 16). Возможно, следы подобной практики являются белозерские РП группы I.

Вскрытию белозерских погребений может быть предложено и иное объяснение. Останки покойников, в т.ч. кости, у некоторых народов выступали в качестве обрядовых атрибутов, а потому их извлекали из могил и использовали в различных манипуляциях (Kalandarov 2001, 48; Moisei, Chuchko 2007, 118-119). Именно с этой целью разрушители могли забирать с собой черепа, которые, как отмечено выше, отсутствовали в части РП. Данное предположение подтверждается тем, что у носителей бе-

лозерской культуры существовал своего рода «культ черепов». Так, некоторые белозерские захоронения демонстрирует следы различных манипуляций с черепами умерших (Agul'nikov 2003, 154; 2010, 185), а в ряде случаев покойников хоронили без голов (Agul'nikov 2010, 185, 187). Добавим, что обрядовое использование человеческих черепов зафиксировано и в ходе раскопок поселения белозерской культуры Бай-Кият, Крым. Здесь в помещении XI близ северной и южной стен обнаружено по одному черепу без нижних челюстей (Kolotukhin 2003, 46).

Итак, есть основания допускать, что разрушение белозерских погребений происходило с целью обезвреживания магически опасных покойников, причем кости умерших, особенно черепа, могли использоваться в дальнейшем как обрядовые атрибуты, якобы обладающие чудесной силой. Естественно, мы не считаем, что каждый представитель белозерского общества, могила которого была вскрыта, при жизни являлся колдуном. Более вероятным будет предполагать существование у белозерцев аниматизма – верования в особую сверхъестественную силу, которая разлита по всему окружающему миру и может концентрироваться в людях (см.: Chertikhin 1977, 35). Наибольшее распространение аниматизм получил в Меланезии и Полинезии, где бытовала вера в таинственную силу мана, которая реализуется через людей, наделенных ею, и может использоваться и во вред, и на пользу (Tokarev 1986, 75-77, 87-88; Stingl 1991, 155-156). Носителями маны считались не все люди, а только те, кто был успешен в жизни – вожди, храбрые воины, искусные ремесленники, земледельцы, получавшие хороший урожай и т.д. При этом, по мере нарастания социальной дифференциации, «монополистами» маны все более становились представители социальной верхушки. Чтобы данная параллель не показалась слишком далекой, следует сказать, что вера в упомянутую силу существовала и у народов Евразии. Она, например, зафиксирована у узбеков Хорезма, где может рассматриваться как сохранившийся «осколок» домусульманских верований иранских народов (Snesarev 1969, 104). Да и получившая широкое распространение в средневековой Европе и дожившая до современности

19. Сформулирован О. Генри в рассказе «Квадратура круга» (см.: О. Genri 1956, 316).

20. Как правило, их бросали в воду.

вера в то, что правители, священнослужители и праведники способны обеспечивать благополучие людей, исцелять больных и т.д., – ни что

иное, как все тот же аниматизм. На наш взгляд, бытование подобных представлений вполне вероятно и у носителей белозерской культуры.

Библиография

Agulnikov 1996: S. Agulnikov, Necropola culturii Belozerka de la Cazaclia. Bibliotheca Thracologica XIV (București 1996).

Agul'nikov 2003: S. Agul'nikov, Pogrebal'nyi obriad Kazakliiskogo mogil'nika belozerskoi kul'tury. In: Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic (Chișinău 2003), 139-163 // С. Агульников, Погребальный обряд Казаклийского могильника белозерской культуры. В сб.: Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic (Chișinău 2003), 139-163.

Agul'nikov 2005: S.M. Agul'nikov, Hronologiiia i periodizatsiia belozerskikh pamiatnikov Pruto-Dnestrovskogo mezhdurech'ia. RA I, 1, 2005, 77-91 // С.М. Агульников, Хронология и периодизация белозерских памятников Пруто-Днестровского междуречья. RA I, 1, 2005, 77-91.

Agul'nikov 2010: S.M. Agul'nikov, Nekotorye osobennosti pogrebal'nogo obriada belozerskoi kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia. In: Indoevropeiskaia istoriia v svete novykh issledovanii (Moskva 2010), 183-192 // С.М. Агульников, Некоторые особенности погребального обряда белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья. В сб.: Индоевропейская история в свете новых исследований (Москва 2010), 183-192.

Agul'nikov 2011: S.M. Agul'nikov, Mogil'nik belozerskoi kul'tury u s. Hadzhillar v Severo-Vostochnom Budzhake. Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia/MASP 12 (Odessa 2011), 278-293 // С.М. Агульников, Могильник белозерской культуры у с. Хаджиллар в Северо-Восточном Буджаке. Материалы по археологии Северного Причерноморья/МАСП 12 (Одесса 2011), 278-293.

Agul'nikov, Ketraru 1991: S.M. Agul'nikov, N.A. Ketraru, Kurgan belozerskoi kul'tury u s. Pogrebna. Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia (V tys. do n.e. – V v. n.e.) (Kiev 1991), 128-130 // С.М. Агульников, Н.А. Кетрару, Курган белозерской культуры у с. Погреба. Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.) (Киев 1991), 128-130.

Agul'nikov, Haheu 1988: S.M. Agul'nikov, V.P. Haheu, Kurgannyi mogil'nik belozerskogo vremeni u p. Tarakliia. In: Arheologicheskie issledovaniia v Moldavii/AIM v 1983 g. (Kishinev 1988), 74-79 // С.М. Агульников, В.П. Хахей, Курганный могильник белозерского времени у п. Тараклия. В сб.: Археологические исследования в Молдавии/АИМ в 1983 г. (Кишинев 1988), 74-79.

Agul'nikov, Shilov 1990: S.M. Agul'nikov, Ju.A. Shilov, Kurgan belozerskoi kul'tury u s. Kairy. Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ia i Kryma I (Zaporozh'e 1990), 67-70 // С.М. Агульников, Ю.А. Шилов, Курган белозерской культуры у с. Каиры. Древности Степного Причерноморья и Крыма I (Запорожье 1990), 67-70.

Avanesova 2013: N.A. Avanesova, Buston VI – nekropol' ognepoklonnikov dourbanisticheskoi Baktrii (Samarkand 2013) // Н.А. Аванесова, Бустон VI – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии (Самарканд 2013).

Babaeva 1993: N.S. Babaeva, Drevnie verovaniia gornykh tadjhikov Iuzhnogo Tadjhikistana v pohoronno-pominal'noi obriadnosti (konets XIX – nachalo XX veka) (Dushanbe 1993) // Н.С. Бабаева, Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец XIX – начало XX века) (Душанбе 1993).

Berseneva 2014: N.A. Berseneva, Malen'kie predki? Detskie pogrebeniia v kontekste sintashtinskogo pogrebal'nogo obriada (epokha bronzy Iuzhnogo Zaural'a). In: Arheologi"yani'ng shi'ngi'na shi'qqan: K.A. Aqi'shevti'ng twghani'na 90 ji'l tolwi'na arnalghan «Qazaqstan terri'tori'yasi'ndaghi' ejelgi ja'ne ortaghasi'rli'q memleketter» atti' hali'qarali'q ghi'li'mi" konferenci"ya materi"aldari'ni'ng ji'naghi'

(Almaty 2014), 76-83 // Н.А. Берсенева, Маленькие предки? Детские погребения в контексте синташтинского погребального обряда (эпоха бронзы Южного Зауралья). Археологияның шыңына шыққан: К.А. Ақышевтың туғанына 90 жыл толуына арналған «Қазақстан территориясындағы ежелгі және ортағасырлық мемлекеттер» атты халықаралық ғылыми конференция материалдарының жинағы (Алматы 2014), 76-83.

Bochkarev 2010: V.S. Bochkarev, Kul'turogenез i drevnee metalloproizvodstvo Vostochnoi Evropy (Sankt-Peterburg 2010) // В.С. Бочкарев, Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы (Санкт-Петербург 2010).

Buniatian 2001: K.P. Buniatian, Geneza kochovogo skotarstva u Pivnichnomu Prichornomor'i. Maristerium 6 (Kiiv 2001), 101-105 // К.П. Бунятян, Генеза кочового скотарства у Північному Причорномор'ї. Марістеріум 6 (Київ 2001), 101-105.

Chebotaenko et al. 1989: G.F. Chebotaenko, E.V. Iarovoi, N.P. Tel'nov, Kurgany Budzhakskoi stepi (Kishinev 1989) // Г.Ф. Чеботаренко, Е.В. Яровой, Н.П. Тельнов, Курганы Буджакской степи (Кишинев 1989).

Cherniakov 1977: I.T. Cherniakov, Kimmeriiskie kurgany bliz ust'ia Dunaia. In: Skify i sarmaty (Kiev 1977), 29-36 // И.Т. Черняков, Киммерийские курганы близ устья Дуная. В сб.: Скифы и сарматы (Киев 1977), 29-36.

Cherniakov 1985: I.T. Cherniakov, Severo-Zapadnoe Prichernomor'e vo vtoroi polovine II tysiachieletia do n.e. (Kiev 1985) // И.Т. Черняков, Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э. (Киев 1985).

Chertikhin 1977: V. Chertikhin, U istokov religii (Moskva 1977) // В. Чертихин, У истоков религии (Москва 1977).

Dergachev, Bochkarev 2002: V.A. Dergachev, V.S. Bochkarev, Metallicheskie serpy pozdnei bronzy Vostochnoi Evropy (Kishinev 2002) // В.А. Дергачев, В.С. Бочкарев, Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы (Кишинев 2002).

Evdokimov 1987: G.L. Evdokimov, Kurgannyi mogil'nik belozerskogo vremeni u s. Pervomaevka. In: Drevneishie skotovody stepi iuga Ukrainy (Kiev 1987), 107-126 // Г.Л. Евдокимов, Курганный могильник белозерского времени у с. Первوماевка. В сб.: Древнейшие скотоводы степей юга Украины (Киев 1987), 107-126.

Evdokimov 1999: G.L. Evdokimov, Nekotorye itogi izuchenii materialov Brilevskogo mogil'nika. Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (k 100-letiiu B.N. Grakova). III Grakovskie chteniia (Zaporozh'e 1999), 99-103 // Г.Л. Евдокимов, Некоторые итоги изучения материалов Брилевского могильника. Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). III Граковские чтения (Запорожье 1999), 99-103.

Epimakhov 2014: A.V. Epimakhov, Potrevozhennye pogrebeniia bronzovogo veka Iuzhnogo Urala: kriterii interpretatsii. In: Arheologi'iani'ng shi'ngi'na shi'qqan: K.A. Aqi'shevti'ng twghani'na 90 ji'l tolwi'na arnalghan «Qazaqstan terri'tori'yasi'ndaghi' ejelgi ja'ne ortaghasi'rli'q memleketter» atti' hali'qarali'q ghi'li'mi' konferenci'ya materi'aldari'ni'ng ji'naghi' (Almati' 2014), 93-100 // А.В. Епимахов, Потребованные погребения бронзового века Южного Урала: критерии интерпретации. Археологияның шыңына шыққан: К.А. Ақышевтың туғанына 90 жыл толуына арналған «Қазақстан территориясындағы ежелгі және ортағасырлық мемлекеттер» атты халықаралық ғылыми конференция материалдарының жинағы (Алматы 2014), 93-100.

Iarovii, Agul'nikov 1995: E.V. Iarovoi, S.M. Agul'nikov, Kurgan belozers'kogo chasu bilia s. Glinne v Nyzhn'omu Podnistrov' i. Drevnosti Stepnogo Prychernomor'ia i Kryma V (Zaporozh'e 1995), 181-184 // Е.В. Яровий, С.М. Агульников, Курган белозерського часу біля с. Глинне в Нижньому Подністров'ї. Древности Степного Причерноморья и Крыма V (Запорожье 1995), 181-184.

Ivanova et al. 2005: S.V. Ivanova, V.G. Petrenko, N.E. Vetchinnikova, Kurgany drevnikh skotovodov mezhdurech'ia Iuzhnogo Buga i Dnestra (Odessa 2005) // С.В. Иванова, В.Г. Петренко, Н.Е. Ветчинникова, Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра (Одесса 2005).

Illins'ka et al.: V.A. Illins'ka, G.T. Kovpanenko, E.O. Petrovs'ka, Rozkopky kurganiv epokh bronzy po-

blyzu s. Pervomaivki. Arheologichni pam'iatki IX, 1960, 127-140 // В.А. Іллінська, Г.Т. Ковпаненко, Є.О. Петровська, Розкопки курганів епох бронзи поблизу с. Первوماївки. Археологічні пам'ятки IX, 1960, 127-140.

Ismagil et al.: R. Ismagil, Iu.A. Morozov, M.S. Chaplygin, Nikolaevskie kurgany («Elena») na reke Sterlia v Bashkortostane (Ufa 2009) // Р. Исмагил, Ю.А. Морозов, М.С. Чаплыгин, Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане (Уфа 2009).

Kalandarov 2001: T.S. Kalandarov, Magiia v semeino-bytovoi obriadnosti shugnancev. Etnograficheskoe obozrenie 1, 2001, 39-53 // Т.С. Каландаров, Магия в семейно-бытовой обрядности шугнанцев. Этнографическое обозрение 1, 2001, 39-53.

Kašuba 2009: M. Kašuba, Die ältesten Fibeln im Nordpontos. Eurasia Antiqua XIV, 2009, 193-232.

Khazanov, Chernenko 1979: A.M. Khazanov, E.V. Chernenko, Chas i motivi pograbbuvannia skifs'kykh kurganiv. Arkheologiiia 30, 1979, 18-26 // А.М. Хазанов, Є.В. Черненко, Час і мотиви пограбування скіфських курганів. Археологія 30, 1979, 18-26.

Khrapunov, Vlasov 2005: Y.N. Khrapunov, V.P. Vlasov, Novyi mogyl'nik belozerskoi kul'tury v Tsentral'nom Krymu. Starozhytnosti Stepovogo Prichornomor'ia ta Krimu XII (Zaporizhzhia 2005), 141-154 // И.Н. Храпунов, В.П. Власов, Новый могильник белозерской культуры в Центральном Крыму. Старожитності Степового Причорномор'я та Криму XII (Запоріжжя 2005), 141-154.

Kolotuhin 1996: V.A. Kolotuhin, Gornyi Krym v epokhu pozdnei bronzy – nachale zheleznogo veka (Etnokul'turnye protsessy) (Kiev 1996) // В.А. Колотухин, Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века (Этнокультурные процессы) (Киев 1996).

Kolotuhin 2003: V.A. Kolotuhin, Pozdnnii bronzovyi vek Kryma (Kiev 2003) // В.А. Колотухин, Поздний бронзовый век Крыма (Киев 2003).

Korochkova, Stefanov 1999: O.N. Korochkova, V.I. Stefanov, O nekotorykh osobennostiah pogrebal'noi praktiki naseleniia alakul'skoi kul'tury v Zaural'e. XIV Ural'skoe arheologicheskoe soveshchanie (Cheliabinsk 1999), 81-82 // О.Н. Корочкова, В.И. Стефанов, О некоторых особенностях погребальной практики населения алакульской культуры в Зауралье. XIV Уральское археологическое совещание (Челябинск 1999), 81-82.

Kramarev 2000: A.I. Kramarev, Osnovnye vidy pogrebenii sрубnoi kul'tury lesostepnogo Povolzh'ia. In: Vzaimodeistvie i razvitie drevnih kul'tur iuzhnogo pogranich'ia Evropy i Azii (Saratov 2000), 92-98 // А.И. Крамарев, Основные виды погребений срубной культуры лесостепного Поволжья. В сб.: Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии (Саратов 2000), 92-98.

Kubyshev, Chernjakov 1986: A.I. Kubyshev, I.T. Chernjakov, Gruntovyi mogil'nik belozerskoi kul'tury u sela Chernianka. Sovetskaia arkheologiiia 3, 1986, 139-157 // А.И. Кубышев, И.Т. Черняков, Грунтовый могильник белозерской культуры у села Чернянка. Советская археология 3, 1986, 139-157.

Kushtan 2013: D.P. Kushtan D.P., Pivden' Lisostepovogo Podniprovia za dobi pizn'oi bronzy. Arkheologichniy al'manakh 29 (Donets'k 2013) // Д.П. Куштан Д.П., Південь Лісостепоного Подніпров'я за доби пізньої бронзи. Археологічний альманах 29 (Донецьк 2013).

Leskov 1971: A.M. Leskov, Predskifskii period v stepiakh Severnogo Prichernomor'ia. Problemy skifskoi arkheologii. MIA 177, 1971, 75-91 // А.М. Лесков, Предскифский период в степях Северного Причерноморья. Проблемы скифской археологии. МИА 177, 1971, 75-91.

Leskov 1981: A.M. Leskov, Kurgany: nakhodka, problemy (Leningrad 1981) // А.М. Лесков, Курганы: находки, проблемы (Ленинград 1981).

Litvinenko 2011: R.O. Litvinenko, Obriad vtorynnogo pokhovannia v kul'turakh Babyns'kogo kola. Donets'kii arkheologichniy zbirnik 15, 2011, 7-35 // Р.О. Литвиненко, Обряд вторинного похоронения в культурах Бабинського кола. Донецький археологічний збірник 15, 2011, 7-35.

Lifanov et al. 2008: N.A. Lifanov, A.I. Kramarev, V.A. Tsibin, Issledovaniia kurgannogo mogil'nika Stepanovka III v 2006 g. In: Aktual'nye problemy arheologii Urala i Povolzh'ia (Samara 2008), 123-130 // Н.А. Лифанов, А.И. Крамарев, В.А. Цибин, Исследования курганного могильника Степановка III в 2006 г. В сб.: Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья (Самара 2008), 123-130.

- Mahno, Sharafutdinova 1972:** E.V. Mahno, I.M. Sharafutdinova, Mogil'nyk epokhi pizn'oi bronzi poblizu khutora Kompaniitsi na Dnipri. Arkheologiya 6, 1972, 70-81 // Є.В. Махно, І.М. Шарафутдінова, Моги́льник епохи пізньої бронзи поблизу хутора Компанійці на Дніпрі. Археологія 6, 1972, 70-81.
- Makhortykh 2005:** S.V. Makhortykh, Kimmeriitsy Severnogo Prichernomor'ia (Kiev 2005) // С.В. Махортых, Киммерийцы Северного Причерноморья (Киев 2005).
- Miller 1992:** V. Miller, Osetinskie etiudy (Vladikavkaz 1992) // В. Миллер, Осетинские этюды (Владикавказ 1992).
- Moisei, Chuchko, 2007:** A. Moisei, M. Chuchko, Metereologichna magija ukrains'kogo ta skhidnoromans'kogo naselennia Bukoviny u svitli dokumentiv i narratyviv XVIII-XIX st. Pitannia starodavn'oi ta seredn'ovichnoi istorii, arkheologii i etnologii 2 (24) (Chernivtsi 2007), 113-122 // А. Мойсей, М. Чучко, Метереологічна магія українського та східнороманського населення Буковини у світлі документів і нарративів XVIII-XIX ст. Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології 2 (24) (Чернівці 2007), 113-122.
- Narty 1989:** Narty. Osetinskii geroicheskii epos. Kn. 2 (Moskva 1989) // Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2 (Москва 1989).
- Nelin 2001:** D.V. Nelin, «Ograblenie» pogrebenii epokhi bronzy: problemy interpretatsii. In: Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiia (Samara 2001), 317-321 // Д.В. Нелин, «Ограбление» погребений эпохи бронзы: проблемы интерпретации. В сб.: Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация (Самара 2001), 317-321.
- Nikitina 1928:** N.A. Nikitina, K voprosu o russkikh koldunakh. In: Sbornik Muzeia antropologii i etnografii (Leningrad 1928), 299-325 // Н.А. Никитина, К вопросу о русских колдунах. В сб.: Сборник Музея антропологии и этнографии (Ленинград 1928), 299-325.
- Novozhenov 2014:** V.A. Novozhenov, Etnokul'turnye markery andronovskogo pogrebal'nogo obriada (po materialam mogil'nika Karagaily 3). «Arheologi"ya ja'ne a'tnologi"yadaghi' ma'deni"etter sabaqtasti'ghi' ma'selesi' atti' «VI Orazbaev okwlari'» hali'qarali'q ghi'li'mi"-ta'jiri"veliq konferenci"ya materi"aldari' (Almaty 2014), 115-127 // В.А. Новоженов, Этнокультурные маркеры андроновского погребального обряда (по материалам могильника Карагайлы 3). «Археология және этнологиядағы мәдениеттер сабақтастығы мәселесі» атты «VI Оразбаев оқулары» халықаралық ғылыми-тәжіривелік конференция материалдары (Алматы 2014), 115-127.
- Genri 1956:** O. Genri, Rassказы (Kiev 1956) // О. Генри, Рассказы (Киев 1956).
- Otroshchenko 1975:** V.V. Otroshchenko, Novyi kurgannyi mogil'nik belozerskogo vremeni. In: Skifskii mir (Kiev 1975), 193-206 // В.В. Отрощенко, Новый курганный могильник белозерского времени. В сб.: Скифский мир (Киев 1975), 193-206.
- Otroshchenko 1985:** V.V. Otroshchenko, Belozerskaia kul'tura. Arkheologiya Ukrainskoi SSR. T. I (Kiev 1985), 519-526 // В.В. Отрощенко, Белозерская культура. Археология Украинской ССР. Т. I (Киев 1985), 519-526.
- Otroshchenko 1986:** V.V. Otroshchenko, Belozerskaia kul'tura. In: S.S. Berezanskaja, V.V. Otroshchenko, N.N. Cherednichenko, I.N. Sharafutdinova, Kul'tury epokhi bronzy na territorii Ukrainy (Kiev 1986), 118-152 // В.В. Отрощенко, Белозерская культура. В сб.: С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Н.Н. Чередниченко, Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1986), 118-152.
- Otroshchenko 2001:** V.V. Otroshchenko, Problemy periodizatsii kul'tur seredn'oi ta pizn'oi bronzi pivdnia Skhidnoi Evropy (kul'turno-stratigrafichni zistavlennia) (Kiiv 2001) // В.В. Отрощенко, Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення) (Київ 2001).
- Otroshchenko 2003:** V.V. Otroshchenko, Radiocarbon chronology of the Bilozerka culture – based on barrows near the village of Zapovitne (the «Stepnoy» cemetery). Baltic-Pontic Studies 12, 2003, 336-364.
- Otroshchenko, Shevchenko 1987:** V.V. Otroshchenko, N.P. Shevchenko, O vostochnoi granitse i vostochnykh sviaziah plemen belozerskoi kul'tury. In.: Mezhplemennye svyazi epokhi bronzy na territorii

Ukrainy (Kiev 1987), 131-144 // В.В. Отрощенко, Н.П. Шевченко, О восточной границе и восточных связях племен белозерской культуры. В сб.: Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1987), 131-144.

Papin, Popova 2008: D.V. Papin, O.A. Popova, K voprosu o sootnoshenii polovozrastnogo statusa umershikh s elementami pogrebal'nogo obriada v andronovskoi kul'ture Altaia (po materialam mogil'nika Rublevo VIII). VII istoricheskie chteniia pamiati Mihaila Petrovicha Griaznova (Omsk 2008), 123-128 // Д.В. Папин, О.А. Попова, К вопросу о соотношении половозрастного статуса умерших с элементами погребального обряда в андроновской культуре Алтая (по материалам могильника Рублево VIII). VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова (Омск 2008), 123-128.

Pleshivenko 2006: A.G. Pleshivenko, Kurgany epokhi bronzy u Belozerskogo limana. Muzeinii visnik 6 (Zaporizhzhia 2006), 15-45 // А.Г. Плешивенко, Курганы эпохи бронзы у Белозерского лимана. Музейний вісник 6 (Запоріжжя 2006), 15-45.

Podobed et al. 2012: V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov, Nekotorye diskussionnye problemy arkheologii iuga Vostochnoi Evropy finala bronzovogo veka. Donec'kii arkheologichnii zbirnik 16, 2012, 194-245 // В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов, Некоторые дискуссионные проблемы археологии юга Восточной Европы финала бронзового века. Донецький археологічний збірник 16, 2012, 194-245.

Podobed et al. 2013: V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov, Kul't kabana v stepnoi i leso-stepnoi Evrazii vo II – nachale I tys. do n.e. Dalali'q Ewrazi'yaning beghazi'-da'ndibay ma'deni'eti. J. Kurmankulovti'ng 65 ji'ldi'q mereytoyi'na arnalghan ghi'li'mi' maqalalar ji'naghi' (Almati' 2013), 453-484 // В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов, Культ кабана в степной и лесостепной Евразии во II – начале I тыс. до н.э. Далалық Еуразияның бегазы-дәндібай мәдениеті. Ж. Құрманқұловтың 65 жылдық мерейтойына арналған ғылыми мақалалар жинағы (Алматы 2013), 453-484.

Popandopulo 1989: Z.H. Popandopulo, Mogil'nik belozerskogo vremeni na Nizhnem Dnepre. In: Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ia I (Zaporozh'e 1989), 123-124 // З.Х. Попандопуло, Могильник белозерского времени на Нижнем Днепре. В сб.: Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья I (Запорожье 1989), 123-124.

Popandopulo 1999: Z.H. Popandopulo, Verkhnekhortitskii mogil'nik belozerskogo vremeni. In: Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (k 100-letiiu B.N. Grakova). III Grakovskie chteniia (Zaporozh'e 1999), 209-211 // З.Х. Попандопуло, Верхнехортицкий могильник белозерского времени. В сб.: Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). III Граковские чтения (Запорожье 1999), 209-211.

Riftin, Khasanov 1977: B. Riftin, M. Khasanov, Istochniki i analiz siuzhetov dungsanskikh skazok. Dungsanskie narodnye skazki i predaniia (Moskva 1977), 403-505 // Б. Рифтин, М. Хасанов, Источники и анализ сюжетов дунганских сказок. Дунганские народные сказки и предания (Москва 1977), 403-505.

Romashko 1979: V.A. Romashko, Novye kimmeriiskie pamiatniki v materialakh ekspeditsii DGU. In: Kurgannye drevnosti Stepnogo Podneprov'ia (III-I tys. do n.e.) (Dnepropetrovsk 1979), 104-110 // В.А. Ромашко, Новые киммерийские памятники в материалах экспедиции ДГУ. В сб.: Курганные древности Степного Поднепровья (III-I тыс. до н.э.) (Днепропетровск 1979), 104-110.

Skarbovenko 2006: V.A. Skarbovenko, Issledovanie kurganov 5 i 6. In: Kalinovskii I kurgannyi mogil'nik (Samara 2006), 24-41 // В.А. Скарбовенко, Исследование курганов 5 и 6. В сб.: Калиновский I курганный могильник (Самара 2006), 24-41.

Snesarev 1969: G.P. Snesarev, Relikty domusul'manskikh verovanii i obriadov u uzbekov Khorezma (Moskva 1969) // Г.П. Снесарев, Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма (Москва 1969).

Sotnikova 2013: S.V. Sotnikova, O semantike parnykh pogrebenii andronovskoi epokhi. Mirovozzrenie naseleniia Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive VI (Barnaul 2013), 36-49 // С.В. Сотникова, О семантике парных погребений андроновской эпохи. Мировоззрение населения Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе VI (Барнаул 2013), 36-49.

Stingl 1991: M. Stingl, Tainstvennaia Polineziia (Moskva 1991) // М. Стингл, Таинственная Полинезия (Москва 1991).

Subbotin 1997: L.V. Subbotin, Issledovanie kurgannoi gruppy u s. Kalcheva. Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ia i Kryma VI (Zaporozh'e 1997), 98-105 // Л.В. Субботин, Исследование курганной группы у с. Калчева. Древности Степного Причерноморья и Крыма VI (Запорожье 1997), 98-105.

Subbotin, Toshchev 2002: L.V. Subbotin, G.N. Toshchev, Arheologicheskie drevnosti Budzhaka. Kurgannaia gruppy u s. Liman (Zaporozh'e 2002) // Л.В. Субботин, Г.Н. Тощев, Археологические древности Буджака. Курганная группа у с. Лиман (Запорожье 2002).

Subbotin, Cherniakov 1973: L.V. Subbotin, I.T. Cherniakov, Frakiiskii kenotaf u s. Zaliznichnoe na levoberezh'e Nizhnego Pridunav'ia. Sovetskaia arkhologiya 2, 1973, 238-240 // Л.В. Субботин, И.Т. Черняков, Фракийский кенотаф у с. Зализничное на левобережье Нижнего Приднубья. Советская археология 2, 1973, 238-240.

Tokarev 1986: S.A. Tokarev, Religii v istorii narodov mira (Moskva 1986) // С.А. Токарев, Религия в истории народов мира (Москва 1986).

Toshchev 1984: G.N. Toshchev, Pamiatniki belozerskogo perioda u s. Strumok Odesskoi oblasti. In: Rannii zheleznyi vek Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Kiev 1984), 24-32 // Г.Н. Тощев, Памятники белозерского периода у с. Струмок Одесской области. В сб.: Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья (Киев 1984), 24-32.

Toshchev 1992: G.N. Toshchev, Belozerskii mogil'nik Budurzheh v Podunav'e. Rossiiskaia arkhologiya 3, 1992, 19-30 // Г.Н. Тощев, Белозерский могильник Будуржель в Подунавье. Российская археология 3, 1992, 19-30.

Toshhev 2007: G.N. Toshhev, Belozerskii mogil'nik na Mamai-Gore. Materialy ta doslidzhennia z arheologii Shidnoi Ukraini 7 (Lugansk 2007), 262-264 // Г.Н. Тощев, Белозерский могильник на Мамай-Горе. Матеріали та дослідження з археології Східної України 7 (Луганськ 2007), 262-264.

Tsimidanov 1993: V.V. Tsimidanov, O tipe potestarnoi organizatsii belozerskogo obshchestva. In: Drevnee Prichernomor'e (Odessa 1993), 42-43 // В.В. Цимиданов, О типе потестарной организации белозерского общества. В сб.: Древнее Причерноморье (Одесса 1993), 42-43.

Tsimidanov 2004a: V.V. Tsimidanov, Dereviannye chashi v srubnoi kul'ture. Donetskii arkhologicheskii sbornik 11, 2004, 55-76 // В.В. Цимиданов, Деревянные чаши в срубной культуре. Донецкий археологический сборник 11, 2004, 55-76.

Tsimidanov 2004b: V.V. Tsimidanov, Social'naia struktura srubnogo obshchestva (Donetsk 2004) // В.В. Цимиданов, Социальная структура срубного общества (Донецк 2004).

Usachuk et al. 2010: A.N. Usachuk, V.A. Podobed, Iu.B. Polidovich, V.V. Tsimidanov, Raskopki kurgana srubnoi kul'tury na territorii aeroporta goroda Donetska. Donetskii arkhologichnyi zbirnik. 2009-2010 13/14, 2010, 185-202 // А.Н. Усачук, В.А. Подобед, Ю.Б. Полидович, В.В. Цимиданов, Раскопки кургана срубной культуры на территории аэропорта города Донецка. Донецкий археологічний збірник. 2009-2010 13/14, 2010, 185-202.

Usmanova 2002: E.R. Usmanova, «Mirovaia gora» i sakral'noe prostranstvo v andronovskom pogrebal'nom obriade (po materialam mogil'nika Lisakovskii). In: Severnaia Evraziia v epokhu bronzy: prostranstvo, vremia, kul'tura (Barnaul 2002), 132-135 // Э.Р. Усманова, «Мировая гора» и сакральное пространство в андроновском погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский). В сб.: Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура (Барнаул 2002), 132-135.

Usmanova et al. 2006: E.R. Usmanova, V.K. Merc, A.V. Ventreska, O nekotorykh siuzhetakh v «tekste» pogrebal'nogo obriada epokhi bronzy (po materialam mogil'nikov Lisakovskii i Kara-Tumsuk. Izuchenie pamiatnikov arkhologii Pavlodarskogo Priirtysh'ia 2 (Pavlodar 2006), 70-80 // Э.Р. Усманова, В.К. Мерц, А.В. Вентреска, О некоторых сюжетах в «тексте» погребального обряда эпохи бронзы (по материалам могильников Лисаковский и Кара-Тумсук. Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья 2 (Павлодар 2006), 70-80.

Sharafutdinova 1982: I.N. Sharafutdinova, Stepnoe Podneprov'e v epokhu pozdnei bronzy (Kiev 1982)

// И.Н. Шарафутдинова, Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы (Киев 1982).

Shmaglii, Cherniakov 1970: N.M. Shmaglii, I.T. Cherniakov, Kurgany stepnoi chasti mezhdurech'ia Dunaia i Dnestra. Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia 6, ch. 1 (Odessa 1970), 5-115 // Н.М. Шмаглий, И.Т. Черняков, Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра. Материалы по археологии Северного Причерноморья 6, ч. 1 (Одесса 1970), 5-115.

Vanchugov 1990: V.P. Vanchugov, Belozerskie pamiatniki v Severo-Zapadnom Prichernomor'e (Kiev 1990) // В.П. Ванчугов, Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье (Киев 1990).

Vanchugov 1997: V.P. Vanchugov, Pogrebal'nyi obriad belozerskoi kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (opyt sotsial'noi rekonstruktsii). In: Arheologiya i etnografiia Vostochnoi Evropy: materialy i issledovaniia (Odessa 1997), 154-167 // В.П. Ванчугов, Погребальный обряд белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья (опыт социальной реконструкции). В сб.: Археология и этнография Восточной Европы: материалы и исследования (Одесса 1997), 154-167.

Vanchugov, Subbotin 1989: V.P. Vanchugov, L.V. Subbotin, Vasil'evskii kurgannyi mogil'nik belozerskoi kul'tury na levoberezh'e Nizhnego Podunav'ia. In: Arheologicheskie pamiatniki stepei Podnestrov'ia i Podunav'ia (Kiev 1989), 54-65 // В.П. Ванчугов, Л.В. Субботин, Васильевский курганный могильник белозерской культуры на левобережье Нижнего Подунавья. В сб.: Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья (Киев 1989), 54-65.

Vanchugov, Subbotin 1993: V.P. Vanchugov, L.V. Subbotin, Bogatye belozerskie pogrebeniia mogil'nika Alkaliia. In: Drevnee Prichernomor'e (Odessa 1993), 41-42 // В.П. Ванчугов, Л.В. Субботин, Богатые белозерские погребения могильника Алкалия. В сб.: Древнее Причерноморье (Одесса 1993), 41-42.

Vanchugov et al. 1992: V.P. Vanchugov, L.V. Subbotin, A.N. Dzigovskii, Kurgany primorskoii chasti Dnestro-Dunaiskogo mezhdurech'ia (Kiev 1992) // В.П. Ванчугов, Л.В. Субботин, А.Н. Дзиговский, Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья (Киев 1992).

Vovk 1995: Kh.K. Vovk, Studii' z ukrai'ns'koi' etnografii' ta antropologii' (Kii'v 1995) // Х.К. Вовк, Студії з української етнографії та антропології (Київ 1995).

Цимиданов Виталий Владиславович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела охраны памятников археологии, Донецкий областной краеведческий музей, ул. Челюскинцев, 189-А, г. Донецк, 83048, Украина, e-mail: archaeodon@front.ru

Эвелина Кравченко

Кто сжег Уч-Баш?

(к вопросу о финале предскифского периода в Северном Причерноморье)

Keywords: Uch-Bash settlement, the Novocherkassk antiquity.

Cuvinte cheie: așezărea Uch-Bash, perioada prescitică, vestigiilor de tip Novocherkassk.

Ключевые слова: поселение Уч-Баш, новочеркасские древности.

Evelina Kravchenko

Who burned Uch-Bash? (the issue of the final Pry-Scythian period in the Northern Black Sea)

The basis of this article is the archaeological material from excavations of 2006-2011 of Uch-Bash settlement and survey in Inkerman valley near Sebastopol, provided by Inkerman expedition (Institute of Archaeology of NAS of Ukraine and National Preserve of Tauric Chersonesos). For the analysis we used materials from the archives of NPCT excavated by S.F. Strzheletskiy, O.Ya.Savelia and E.A. Kravchenko. Excavations opened a part of a fortified settlement, its western edge. Stratigraphic layers of this part of the site can be summarized as four stages of life. The most significant stage lighting articulated above problems is the third phase, associated with the construction and destruction of the stone fortifications on Uch-Bach, dating from about the mid of the 8th cent. BC.

Analogies to finds of the layers of destruction presented in clear Novocherkassk type complexes in the Black Sea Steppe, Crimea, Northern Caucasus, Moldova and the Balkans, the number of such sites is extremely small. Basically, it is the nomadic elite funerary complexes regarding with stage and the type of Novocherkassk, in which we find the weapons and other items, and also the nomadic elite funerary complexes with things, which are similar to the ceramic of horizon IV of Uch-Bash. So, we can say that two different nomadic tribes faced in the South-Western Crimea around the middle of the 8th cent. BC. The first, earlier, in which burials the pottery of horizon IV-UB of Kizil-Koba culture was found, represented as the Chernogorovka antiquities. And the second, which arms and horse equipment are found in a layer of destruction of Uch-Bash, is known according archaeological terminology as the Novocherkassk antiquity.

Evelina Kravchenko

Cine a incendiat fortificația Uch-Bash? (cu privire la finalul perioadei prescitice în zona de nord a Mării Negre)

La baza studiului a stat materialul arheologic din săpăturile așezării Uch-Bash, realizate în anii 2006-2011, și cercetările din valea Inkerman de lângă Sevastopol, efectuate de către expediția Inkerman (Institutul de Arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei și Rezervația Națională „Hersonesul Tauridik”). Pentru cercetări au fost utilizate materiale din arhiva și fondurile Rezervației Naționale „Hersonesul Tauridik” provenind din săpăturile lui C.F. Strzheletskii, O.Ia. Savelia și E.A. Kravchenko. Prin investigații a fost dezvelită periferia de vest a așezării fortificate. Nivelurile stratigrafice reprezintă patru etape de habitat. Cea mai importantă etapă pentru elucidarea problemei enunțate în titlu este a treia, legată de edificarea și distrugerea fortificațiilor de piatră de la Uch-Bash, datată aproximativ la mijlocul sec. VIII a.Chr.

Analogii pentru descoperirile din straturile ruinelor se găsesc în complexele rafinate de tip Novocherkassk din stepele Mării Negre, în Crimeea, în Kaukazul de Nord, în Moldova și în Balcani. Numărul monumentelor de acest fel este foarte limitat. În general, acestea sunt complexele funerare elitare nomade de tip Novocherkassk cu piese de armament asemănătoare ș.a., precum și complexele funerare elitare de nomazi, inventarul ceramic al cărora corespunde sortimentului ceramic specific orizontului IV-UB. Se poate spune că în Crimeea, la mijlocul sec. VIII a.Chr., s-au ciocnit două popoare nomade diferite. Primul, timpuriu, a lăsat morminte cu ceramică caracteristică orizontului IV-UB al culturii Kizil-Koba și reprezintă vestigii de aspect Chernogorov. Al doilea, arme și piese de harnașament specifice căruia au fost găsite în stratul distrugerilor de la Uch-Bash, conform terminologiei arheologice, se atribuie vestigiilor de tip Novocherkassk.

Эвелина Кравченко

Кто сжег Уч-Баш? (к вопросу о финале предскифского периода в Северном Причерноморье)

В основу статьи положен археологический материал из раскопок 2006-2011 гг. поселения Уч-Баш и исследований в Инкерманской долине под Севастополем, проведенных Инкерманской экспедицией (Институт археологии НАН Украины и Национальный заповедник «Херсонес Таврический»). Для исследования использовался материал из архива и фондов НЗХТ из раскопок С.Ф. Стрелецкого, О.Я. Савели и Э.А. Кравченко. Раскопками открыта часть укрепленного поселения, его западная окраина. Стратиграфические слои этой части поселения можно обобщить как четыре этапа жизнедеятельности. Важнейшим этапом для освещения изложенных выше проблем является третий этап, связанный со строительством и разрушением каменных укреплений на Уч-Баше, приходящийся примерно на середину VIII в. до н.э.

Аналогии с находками из слоев разрушения представлены в рафинированных новочеркасских комплексах, в причерноморских степях, в Крыму, на Северном Кавказе, в Молдове и на Балканах. Количество таких памятников

крайне мало. В основном, это элитные кочевнические погребальные комплексы новочеркасского типа с подобными предметами вооружения и др., а также элитные кочевнические погребальные комплексы, керамика из которых соответствует керамическому набору горизонта IV-UB. Можно говорить, что два разных кочевых народа столкнулись в Крыму в середине VIII в. до н.э. Первый, ранний, в погребениях которого была найдена керамика горизонта IV-УБ кизил-кобинской культуры, представлен черногоровскими древностями. Второй, оружие и конское снаряжение которого было найдено в слое разрушения Уч-Баша, согласно археологической терминологии относится к новочеркасским древностям.

Начало эпохи раннего железа в Северном Причерноморье – это период серьезных изменений практически во всех сферах жизнедеятельности обществ, от климатической ситуации до формирования традиционного уклада и хозяйства.

В это время народы, населяющие северо-причерноморские земли, впервые, и собственно, первыми из европейских народов, столкнулись с кочевническими обществами, которые тогда предстали феноменом для местного населения.

При колоссальной истории исследования этого времени начало эпохи железа в целом изобилует массой нерешенных вопросов от появления металлургии железа в Северном Причерноморье до этнической принадлежности первых кочевых племен, появившихся в регионе, и их соотношения с тем или иным типом материальной культуры.

Одним из таких вопросов является соотношение во времени и на конкретных памятниках с конкретными типами материальной культуры местного и пришлого населения в конце предскифского периода, т.е. непосредственно перед появлением ранних келермесских древностей, связываемых со скифами.

При современном уровне разработки этой проблемы можно предполагать, что в это время, где-то около VIII в. до н.э. по лесостепной зоне Северного Причерноморья проходит волна разрушений, фиксируемая по остаткам нескольких крупных городищ и прекращением жизни на большинстве поселений как укрепленных, так и неукрепленных (Terenozhkin 1961, 17).

Этим же временем датируется и финал кобяковской культуры (Sharafutdinova 1980, 70, ср: Rotarov 2001, 34-38). В контексте этого последними исследованиями на поселении Уч-Баш (рис. 1) был открыт ряд ком-

плексов, который, во-первых, пролил свет на события, происходившие в это время в Юго-Западном Крыму, а во-вторых, распространил горизонт лесостепных разрушений на Крым (Kravchenko 2010; Kravchenko et al. 2011b; Kravchenko et al. 2012a). Разрушением Уч-Баша заканчивается дотаврский период кизил-кобинской культуры, синхронный предскифскому времени Северного Причерноморья.

Поэтому мы формулируем простой вопрос «Кто сжег Уч-Баш?», и простой ответ на него представляется нам крайне важным. Свойства крымских грунтов позволяют про-

Рис. 1. Поселение Уч-Баш.

Fig. 1. The settlement of Uch -Bash.

следить археологически горизонт разрушения намного лучше, нежели это возможно для черноземов лесостепи, что делает полученные при раскопках Уч-Баша результаты уникальными.

Раскопки, проводимые на Уч-Баше с 2006 г. по ныне (Savelia et al. 2008; Kravchenko et al. 2010; Kravchenko et al. 2012a), открыли участок укрепленного поселения, его западную окраину. Стратиграфически слои этой части памятника (раскоп 1) (рис. 2-5) могут быть обобщены как четыре этапа жизнедеятельности. Первый связан с сооружением внешнего рва и

вала, датируется около середины – второй половины IX в. до н.э. Второй этап – это функционирование железоделательной мастерской, сооруженной с внешней стороны вала, которая датируется второй половиной IX – первой половиной VIII вв. до н.э. (Kravchenko 2009; Kravchenko 2011a; Kravchenko et al. 2013, 100-106; Kravchenko 2013, 158-188). Третий этап связан со спешным возведением каменных оборонительных сооружений и их разрушением в скорости после возведения (рис. 3). Чет-

Знаковым и наиболее значимым этапом для освещения озвученной выше проблемы является третий этап, связанный с возведением и разрушением каменных укреплений на Уч-Баше. Археологически этот этап представлен слоями щебнистого суглинка и супеси, стратиграфически залегающими один над другим (рис. 3-5).

Отметим также, что остатки оборонительных сооружений на Уч-Баше в центральной его части были открыты впервые еще в

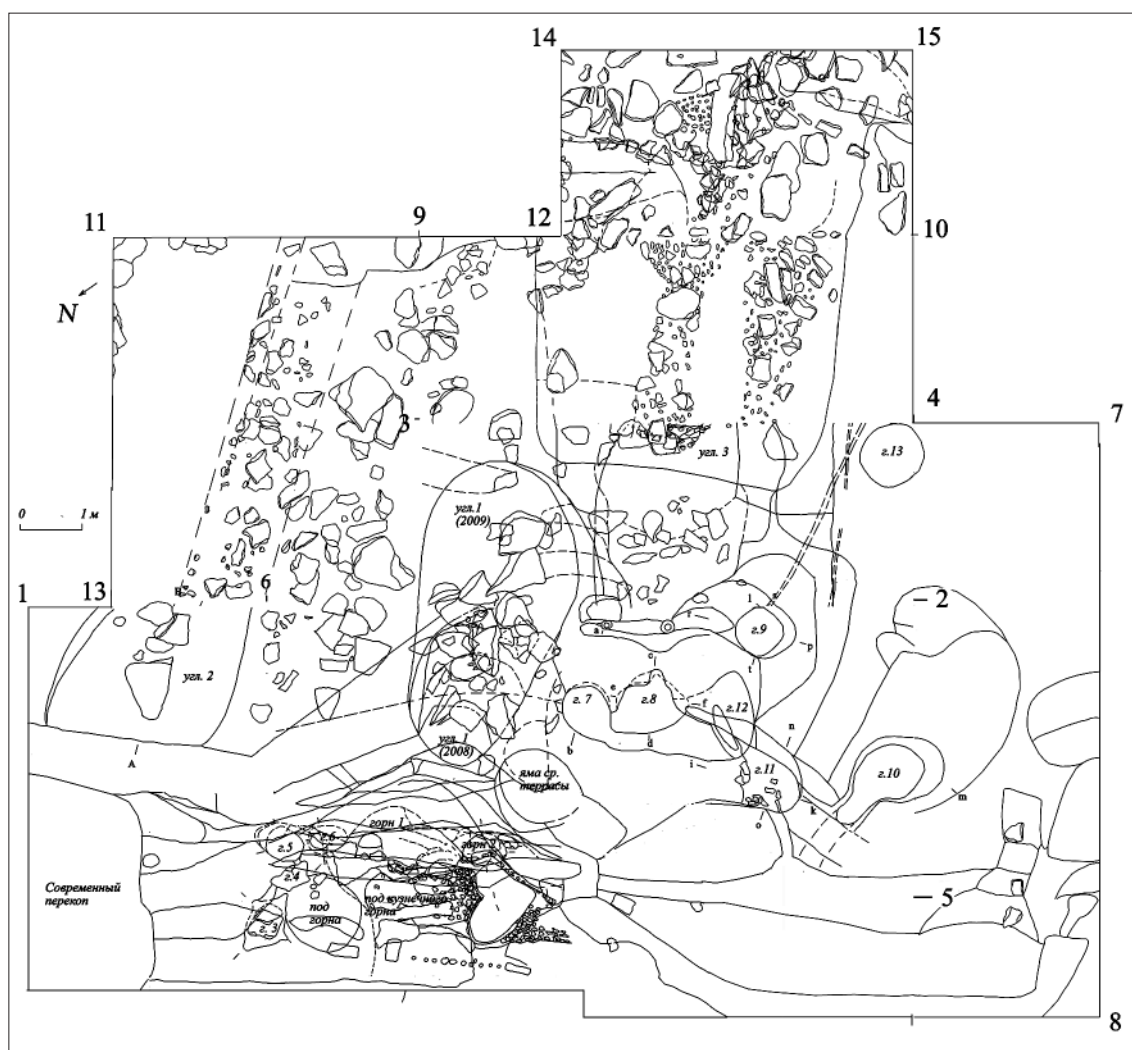

Рис. 2. Сводный план раскопа 1 (2006-2011) поселения Уч-Баш.

Fig. 2. Plan of excavation 1 (2006-2011) of Uch-Bash settlement.

вертый репрезентован мощными зольно-мусорными накоплениями, сплошным массивом перекрывшими разрушенную и сгоревшую крепость, приходящимися на вторую половину VIII – начало VII вв. до н.э.

1952 г. С.Ф. Стржелецким (Strzheletskii 1952). В тексте отчета он без колебаний связал открытые остатки кладки с кизил-кобинским поселением. Однако, следом за этим, видимо под влиянием Б.Н. Гракова, в предваритель-

Рис. 3. Поселение Уч-Баш. Раскоп 1. Древняя дневная поверхность, слой горения, нижний горизонт щебнистого слоя. Остатки каменных кладок на материке и каменные завалы на древнем горизонте. I – направление кладок внешней стены; II – направление кладки внутренней стены; III – направление кладки открытого участка поперечной стены. 1 – фрагмент сверленного каменного топора в кладке внешней стены, 2 – фрагмент модели молота из мергеля под упавшим камнем, 3 – бронзовый наконечник стрелы новочеркасского типа, 4 – отпечаток ноги, 5 – пуговицевидная бляшка под упавшим камнем, 6 – восьмерковидная бляшка под щебнистым завалом, 7 – фрагмент молота из черного диорита, 8 – костяной лавролистный наконечник стрелы, 9 – обломок трехдырчатого овального в сечении псаля; 10 – мергелевая катушка с восьмиконечной звездой, 11 – обломок брусковидного дырчатого псаля; 12 – фрагмент диоритовой булавы.

Fig. 3. The settlement of Uch-Bash. Excavation 1. Ancient surface layer, burning layer, lower horizon of gravelly layer. Remains of stone walls on the natural ground and stone rubble on the ancient horizon. I – direction of exterior wall; II – direction of the inner wall; III – direction of the open end of shear walls. 1 – a fragment of a drilled stone axe in masonry exterior wall, 2 – fragment of the model of marl hammer under a fallen stone, 3 – bronze arrowhead of Novocherkassk type, 4 – footprint, 5 – button-shaped plaque under a fallen stone, 6 – eight-shaped plaque under the rubble gravelly, 7 – fragment of black diorite hammer, 8 – bay-shaped bone arrowhead, 9 – fragment of cheekpieces, three-holed, oval in cross-section; 10 – marl reel with eight-pointed star, 11 – fragment of block-shaped holed cheekpieces; 12 – fragment of diorite mace.

ной публикации строительные остатки были соотнесены со средневековым монастырским комплексом. Следует предполагать, что автор раскопок был прав в первом случае, поскольку характер описываемых им строительных остатков целиком соответствует комплексам, исследованным нами последние годы. Это подтверждает и единственная найденная нами в научном архиве НЗ «Херсонес Таврический» фотография траншеи с остатками оборонительной стены из раскопок С.Ф. Стржелецкого в 1952 г. (рис. 6).

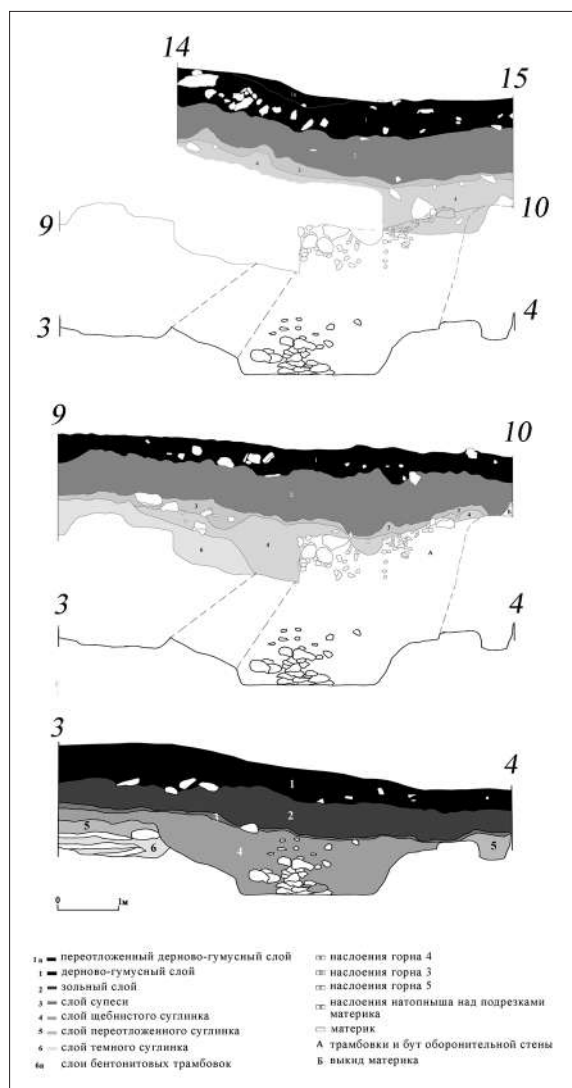

Рис. 4. Стратиграфические разрезы и проекции раскопа 1 поселения Уч-Баш согласно нумерации реперов на плане 2006-2011 гг. (рис. 2).

Fig. 4. Stratigraphic crossing and projections of excavation 1 of Uch-Bash according to the marks on the plan 2006-2011 (fig. 2).

Слой щебнистого суглинка (рис. 3; 5), мощностью до 1 м перекрывал площадь раскопа практически повсеместно. В слое лежали группы камней завала кладок оборонительных сооружений, как видно на плане, двумя полосами, вытянутыми в меридиональном направлении (рис. 3). Поверхность слоя, особенно в нижней части раскопа на склоне над искусственными террасами сохранила следы сильного пожара с прокалом камней и остатками углей, на которые упали крупные плиты из конструкции стен. Слой состоял из светлого суглинка с полосами темного в котлованах подсыпки фундамента, с камнями мелкого, среднего и крупного бута (рис. 4). Среди находок – кизил-кобинская керамика, кости животных, обломки изделий. Подошва слоя щебнистого суглинка лежит или на материке в местах остатков строительных конструкций или на слое темного суглинка связываемого со временем функционирования железоделательной мастерской, где слой представлен завалом камней мелкого бута, оползшим по склону вниз. Перекрывает его слой супеси (рис. 5).

Слой супеси также фиксируется по всей поверхности раскопа и практически везде незначительный – до 0,15/0,20 м (рис. 4; 5). Слой соответствует уровню древней дневной поверхности с пятнами горения и завалом стены, которую полностью перекрывает. Он состоит из мелкодисперсного супесчаного грунта, накопленного за время запустения поселения, содержит в себе находки в основном с уровня древней дневной поверхности с момента разгрома поселения. Следует отметить чрезвычайную наполненность этого слоя находками, связанными с предметами вооружения, конской сбруи и украшений костюма, о чем пойдет речь далее. Слой супеси также содержал большое количество морских и речных гольшей, что не характерно для других слоев, практически одного размера и веса. Этот слой перекрыт мощным слоем зольника, материальные остатки которого демонстрируют следующий этап жизнедеятельности на месте сгоревшего поселения и следующий период кизил-кобинской культуры – таврский.

Остатки оборонительных сооружений представлены несколькими рядами разрушенных и оползших каменных конструкций со

шейся в процессе сверления (рис. 3,2; 21,3).

После снятия камней в СВ части прирезки в В углу были зачищены 2 ступени, поднимающиеся к востоку в борт раскопа. Открытые фасы стены ориентированы меридианально с небольшим отклонением к З. Видимо, стена перегораживала мыс, на котором располагалось поселение, в самой узкой его части. Отсутствие культурного слоя с внешней сторо-

см, глубина у носка – 2-6 см. Носок в материке не отпечатался. Стопа ориентирована на запад к внутреннему фасу стены. Вмятина была заполнена слоем суглинка, связываемым нами с подсыпкой фундамента стены, соответственно след был оставлен предположительно во время сооружения стены. Факт оставленного глубокого следа в плотной бентонитовой глине говорит о том, что строительство проходило в

Рис. 7. Остатки кладок внешней стены на материке (раскопки 2010 г.).

Fig. 7. Remains of masonry of exterior wall on the natural ground (excavated in 2010).

ны, незначительная плотность кладки и слоя с внутренней стороны, просадка забутовки на разрезе 9-10 (рис. 4) говорят о том, что возведена она была критически быстро и в скорости после этого была разрушена и сожжена. Непосредственно на границе слоя горения (супесь) и слоя разрушения стены (щебнистого суглинка) в 3 см от ЮВ бровки раскопа 2010 г. был найден бронзовый двухлопастной наконечник стрелы с пламевидной головкой, острие которого было согнуто от сильного удара о твердую поверхность (рис. 3,3; 12,6). Наконечник стрелы предварительно определяет время сожжения VIII в. до н.э.

На подрезке материка возле внутреннего фаса стены сохранился *отпечаток стопы* человека в бентонитовой глине с натоптышем (рис. 3,4). Отпечатана правая нога в мягкой обуви, косо подогнутая вправо. Длина отпечатка по внешнему краю стопы – 32 см, ширина у пятки 10 см, начало подъема от пятки на 14 см, ширина у голеностопного сустава 10 см. Глубина отпечатка у пятки 4-5 см, подъем – 2

дождливое время года при очень неблагоприятных условиях, когда бентонит полностью размягчился. Косвенно это подтверждает насущную необходимость в возведении оборонительных сооружений в кратчайшие сроки.

На расстоянии 5 м по длине стены от края прямоугольного углубления под фундамент была обнаружена поперечная кладка, вперевязь примыкающая к внешней стене под прямым углом. *Кладка поперечной стены* (рис. 3; 4; 11) сохранилась в один-два ряда камней. Открыт один ее фас и забутованная часть. Кладка постелисто-орфостатная, ориентирована с В на З. В торце лежит крупный камень, перекрывавший кладку по всей ее открытой ширине. Пространство между камнями было забутовано щебнем. Оползшие камни завала у подошвы кладки, видимо, представляли орфостаты с ее фаса.

На соседней прирезке раскопа 1 в 4 м к востоку от открытой внешней стены были обнаружены остатки второй, параллельной внешней оборонительной стене – внутренней

стены (рис. 3; 8-10). Камни ее завала упали внутрь «периболы» и впервые были зафиксированы еще раскопками 2007 г. в слое супеси на слое суглинка со следами перекала (рис. 5). Под одним из этих камней была найдена бронзовая бляшка-пуговица (рис. 3,5; 12,4). Камни второй (внутренней) оборонительной стены (рис. 3) лежали сплошной линией на суглинистом слое по всей длине раскопа 1. На поверхности ряда камней прослежены следы перекала, а на подошве – большое количество прилипших крупных углей. Ширина сохранившейся кладки с ЮВ – 1,3 м, с СЗ – 0,7 м. Длина открытой части кладки – 4,4 м. Кладка четкой системы не имела. Над уровнем древней дневной поверхности – слоем супеси – прослежено три ряда камней среднего и мелкого бута, уложенных пастелью и орфостатно (рис. 8). Размеры камней: 0,4х0,2х0,6 м; 0,24х0,15х0,1 м; 0,15х0,07х0,05 м. С южного фаса кладки уровень залегания камней резко понижался.

Рис. 8. Остатки кладок внутренней стены. Верх (раскопки 2011г.).

Fig. 8. Remains of masonry of inner wall, top (excavations of 2011).

Камни завала внутренней стены компактными группами располагались по всей длине раскопа в меридиональном направлении. В СЗ части раскопа после разборки завала проявилась систематичность в залегании рядов камней. Каменные кладки перемежались прослойками грунта до 0,25 м с большим количеством крупных углей. Обнаженные участки кладки представляли собой пастелью уложенные крупные плиты (рис. 9; 10), часть из которых упала или съехала вниз. Некоторые из

них лежали на материковой поверхности, маркируя уровень древней дневной поверхности в разных частях раскопа на момент разрушения стены. Материал из подошвы стены относится к горизонту IV-УБ.

У центральной части стены четко фиксировался пролом (рис. 9), у которого было найдено несколько крупных обломком от одного

Рис. 9. Пролом во внутренней стене (раскопки 2011 г.).
Fig. 9. Breach in the inner wall (excavated in 2011).

молота из черного диорита (рис. 3,7; 12,9), обломки боевых топоров и молотов из местного зеленого диорита (рис. 12,10), костяная стрела (рис. 3,8; 12,7), обломок псалия (рис. 3,9; 12,2), пращевые камни, votивный предмет – катушка с восьмиконечной звездой (рис. 3,10; 14,7), подвески из морских раковин в большом количестве, под завалом камней был найден развал чернолощеного сосуда (не реконструируется). В слое щебня встречались пережженные докрасна камни, крупные угли¹.

Как мы уже упоминали, археологический материал со слоев разрушения раскопа 1 довольно репрезентативен.

Керамика представлена видами горизонта IV-УБ как из слоя щебнистого суглинка, так и из слоя супеси, что вполне логично относительно одномоментности их формирования (тип 13: вид IV/4, тип 19: вид IV/6, тип 23: вид IV/8, 9 (рис. 13; 14) (Kravchenko 2011b, 63-68)). Помимо известных, в слоях разрушения были найдены сосуды с неизвестными ранее на Уч-Баше элементами декора: закраина миски, украшенная зубчатым штампом (рис. 13,8),

1. Каменные конструкции продолжают в бровках раскопа 1 и будут исследоваться в дальнейшем.

несколько фрагментированных кубков с орнаментом в виде опущенных вниз от шейки горизонтально или с наклоном каннелюр по всему тулову сосуда. Причем, в одном случае, сверху ограниченных каймой из трех горизонтальных каннелюр (рис. 13,9; 14,5); крестообразные налпы на стенках мисок (рис. 14,9), сквозные проколы под венчиком горшковидных сосудов (рис. 14,1). Все эти элементы декора присут-

Рис. 10. Остатки кладки внутренней стены на щебнисто-бентонитовой трамбовке нивелировки рва (раскопки 2011 г.).

Fig. 10. Remains of masonry of inner wall on debris-bentonite compaction leveling the ditch (excavated in 2011).

ствуют на керамике синхронных культур Северного Причерноморья, таких как Басарабь (Gumă 1993, pl. LXIII,3-6; СII,18), Бабадаг (III фаза) (Morints 1987; Morints, Jugănaru 1995), они известны в позднечернолессих и жаботинских комплексах (Krushel'nits'ka 1985; 1998; Daragan 2004) и характерны для этих культур в большей мере, чем для кизил-кобинской. Обращают на себя внимание несколько новых солярных знаков – шестиконечная звездочка на донце лощеного кубка и восьмиконечная – на уплощенной поверхности каменной катушки (рис. 14,6,7). Также одним из важных индикаторов керамики из слоев разрушения являются сложнопрофилированные ручки лощеных кубков, по всей длине которых моделированы два параллельных продольных углубления (рис. 13,4,5). Интересно, что подобный декор встречается на кизил-кобинских памятниках следующего горизонта, относящегося уже к таврскому периоду (Kravchenko 2007). В жилой части городища ведущие типы представлены

целыми формами (рис. 15-17). Не останавливаясь на обширном круге аналогов, констатируем, что ведущие типы парадной керамики этого горизонта представлены в черногоровских и новочеркасских погребениях: к. 98Б возле с. Парканы (Makhortykh 2003, ris. 36, 18), п.3 к.9 возле с. Шалаши (Kolotukhin 2000, ris. 25,2), п.2. к.5 возле п. Зимогорье (Dubovskaia 1985, 166-172, ris. 1; 2). Тут же отметим, что единственная реконструируемая корчага из Зольного кургана соотносится с типом уже следующего – V горизонта Уч-Баша, наиболее репрезентативно представленного в слое зольника раскопа 1, перекрывающего слой супеси.

Стрелы. Следует обратить особое внимание на находку бронзового двухлопастного наконечника стрелы новочеркасского типа в верхнем горизонте завала щебня (рис. 12,6). Наконечник имел загнутое острие от удара о твердую поверхность. Видимо стрела была выпущена с близкого расстояния. Количество такого типа наконечников в Северном Причерноморье очень невелико. Под такого типа стрелы была изготовлена форма из Новочеркасского клада, такие наконечники известны в материале поселения у с. Алчедар в Молдове, подобные наконечники встречены в рафинированных новочеркасских погребальных комплексах – у с. Белоградец в Болгарии, с Носачевского кургана, с кургана у с. Зольное в Крыму, к.178 у с. Паркань (Terenozhkin 1976, 35, ris. 9; 55, ris. 25,6, 56, ris. 26; 79, ris. 45; 137, ris. 82; Makhortykh 2005, 112, ris. 39).

Видимо к иному типу восходит втульчатый наконечник с лавролистным острием, из-

Рис. 11. Внешняя стена и кладка поперечной стены на материковой поверхности (раскопки 2011 г.).

Fig. 11. The outer wall and masonry of shear wall on the natural ground (excavations of 2011).

готовленный из кости, нехарактерного для изготовления стрел материала (рис. 12,7; 18,1).

Втулка наконечника овальная, острие ромбическое в сечении с четко выточенным ребром прочности. Возможно, наконечник является репликой бронзовых двулопастных лавролистных наконечников с короткой втулкой (Dubovskaia 1993, 140). Костяные и роговые аналоги нам неизвестны. Наконечник происходит из слоя супеси.

Наконечники втульчатые квадратные в сечении происходят из слоя суглинка (рис. 12,8; 18,2), заготовки найдены также в слое зольника (рис. 18,5,6). Из зольника же происходит и утилизированный бракованный наконечник (рис. 18,7). Такие наконечники отличаются по форме острия: из зольника происходят пирамидальные наконечники (рис.

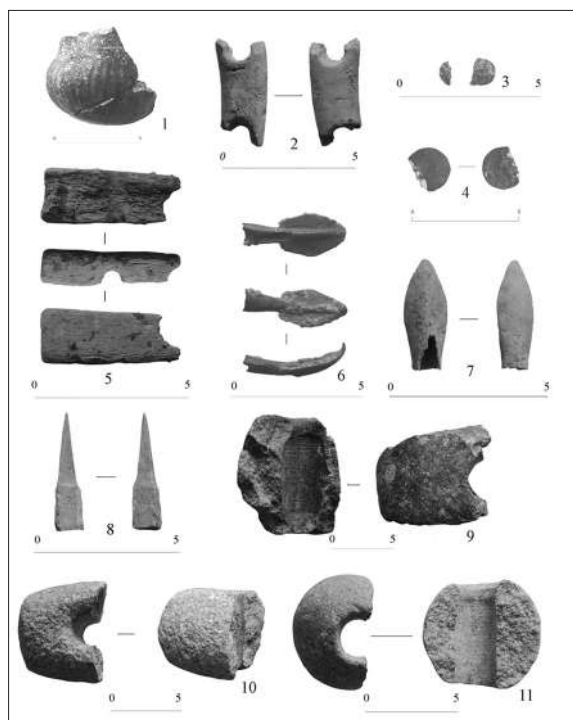

Рис. 12. Археологический материал из слоя разрушения раскопа 1 поселения Уч-Баш.

Fig. 12. Archaeological material from the layer of destruction of excavation 1 of Uch-Bash.

18,7), а из суглинистых слоев – брусковидные с заостренным острием (рис. 18,2). Известны такие наконечники с брусковидной нижней частью среди находок в хозяйственных ямах Уч-Баша, где относятся к горизонту II-УБ (Kravchenko 2011a, рис. 152,4) (рис. 19,4). Пирамидальные наконечники, аналогичные уч-башским, известны в материале Зольного кур-

гана, Малой Цимбалки, курганов Ставрополя (Terenozhkin 1976, ris. 17,13; 24,12; 25,12), есть они среди колчаных наборов Украинской Лесостепи: к. 346 возле с. Теплино (Skoryi 2003, ris. 6,7), Старшая Могила (Il'inskaia 1968, tabl. II, 6, 7), к. 2 возле с. Лазурцы в Поросье (Kovpanenko 1981, ris. 26, 2).

Все эти наконечники отличаются от не-

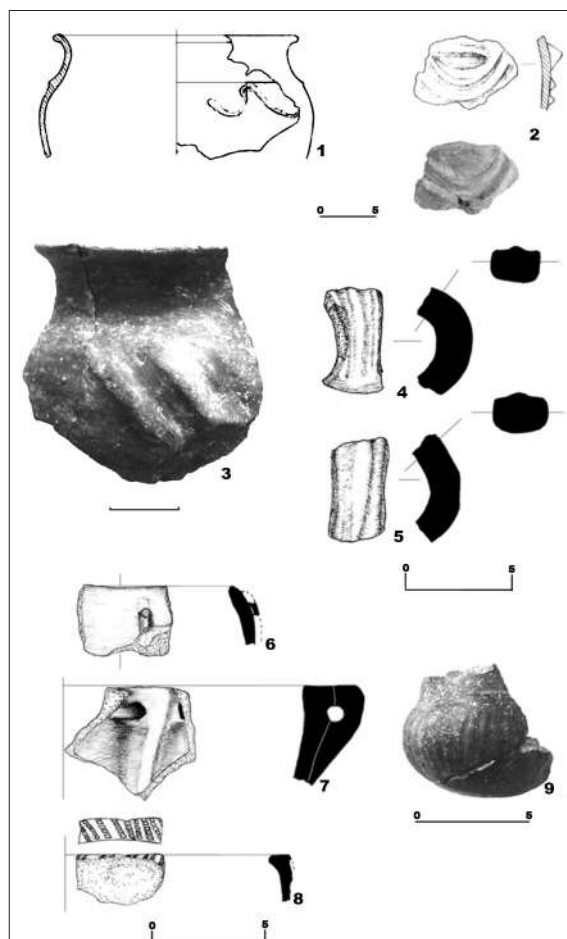

Рис. 13. Керамика из слоя щебнистого суглинка раскопа 1 поселения Уч-Баш.

Fig. 13. Pottery from layer of gravely loam of excavation 1.

скольких экземпляров ромбических роговых втульчатых с вырезами шипа наконечников стрел, найденных на Уч-Баше в ранних комплексах (рис. 19,1-3). Треугольные наконечники с подобными вырезами и высверленной втулкой известны среди материала Кировского поселения (Leskov 1970, 35). А.И. Тереножкин относил четырехгранные наконечники с вырезом в нижней части к самым архаичным среди черноголовских, связанным с белозерскими (Terenozhkin 1976, 136). Неряшливо выполнен-

ные костяные острия с вырезом определяют как позднебронзовые прототипы черногоровских и другие исследователи (Dubovskaia 1993, 157, ris. 77,43; Makhortykh 2005).

Псалии. Оба псалия с раскопок 2011 г. происходят из слоя супеси.

1. Фрагмент стержневидного псалия с одним суженным концом с выгибом посередине и овальными отверстиями в одной плоскости (рис. 3,9; 12,2; 20,2). Принадлежит к известным как тип Жирноклеевский 1 по Вальчаку (Val'chak et al. 1996, 23-46, 36), или дырчатым с короткими концами по Махортых (Makhortykh 2005, 44). Аналогичные псалии известны из кургана у хут. Кубанского, происходящие из новочеркасского комплекса (Anfimov 1975, 35-51, ris. 4, 8), п.31 Николаевського могильника (Val'chak et al. 1996, 23-46, ris. 4,14; 12), п.9 к.6 у х. Жирноклеевский (Val'chak et al. 1996, 23-46, ris. 4,12), в материале центральноевропейских памятников (Велем) (Val'chak et al. 1996, 23-46, ris. 4,1) и других комплексах.

2. Фрагмент псалия – брусковидного с близкорасположенными круглыми маленькими отверстиями (рис. 3,11; 12,5; 20,3). Полных аналогий нет. Подобные маленькие отверстия известны на псалии с Аржана (Terenozhkin 1976, ris. 86,8), но там крайние и центральное отверстия находятся в разных плоскостях. Псалий из п.24 Березовского могильника на Северном Кавказе (Vinogradov et al. 1980, 184-199, ris. 6,21) по типу ближе к учбашской находке, там отверстия расположены близко, но березовский псалий овальный. Похожий псалий известен также на Бельском городище и является ближайшей аналогией учбашскому (Shramko 1987, ris. 38,4,5).

3. Нижняя часть костяного трехдырчатого псалия с отверстиями на одной оси, найденного на обмозке строения 2 в 1953 г. раскопками С.Ф. Стржелецкого (рис. 19,5; 20,1). По А.И. Тереножкину псалий относится к стержневидным с отверстиями в одной плоскости (Terenozhkin 1976, 181). Подобные псалии широко датируются от белозерского до раннечерногоровского времени. Такой псалий известен в материале II фазы Бабадаг, имеющей также широкую датировку в пределах X-IX вв. до н.э. (Morints 1987, 52, 64, fig. 14,2). Обломок псалия этого типа есть в материале поселения Цах-

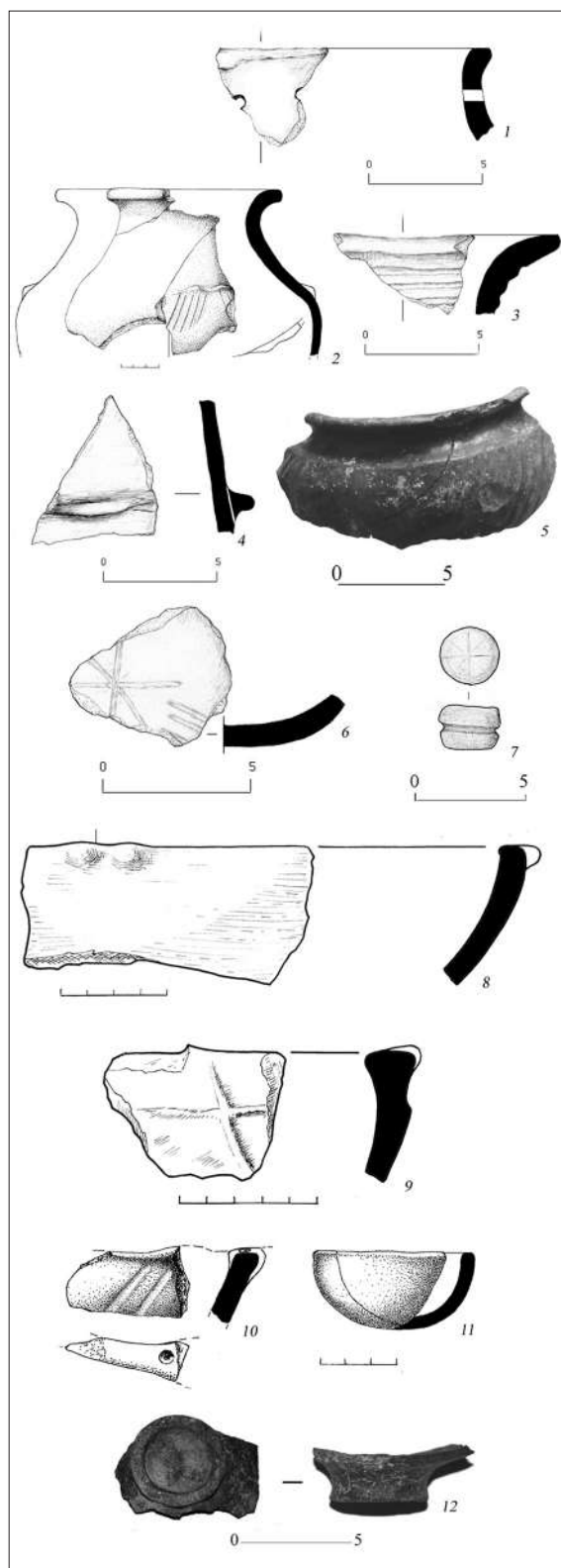

Рис. 14. Находки из слоя супеси раскопа 1 поселения Уч-Баш.

Fig. 14. Finds from the sandy layer of excavation 1.

нэуць группы Козия-Сахарна и других поселений этой группы (Kashuba 2000, ris. XXX,4,5,11). М.Т. Кашуба на основании аналогий приходит к выводу об идентичности этого типа псалиев позднечернолесским находкам и черногоровским комплексам северо-восточной зоны по О.Р. Дубовской (Kashuba 2000, 325, 326). На нынешний момент такие псалии относят к группе с отверстиями одинакового размера на одной оси без шляпок на концах и без утолщения вокруг отверстий (тип Жирноклеевский-1) (Val'chak et al. 1996, 35-36), отвечающей раннему этапу черногоровской культуры степей Восточной Европы.

Оба фрагмента псалиев, найденные в 2011 г., отличаются от известного обломка псалия из раскопок С.Ф. Стржелецкого, также отнесенного к Жирноклеевским типам. Однако аналоги к нему восходят к несколько более ранним комплексам, как это видно и по учбашским материалам: Субботовское поселение (Makhortykh 2005, 44), Бабадаг II фазы (Morintz 1987, 39-67, fig. 14,2), Цахнэуць (Kashuba 2000, 241-488, ris. XXX,4,5,11), погребение у стан. Соленовская (Terenozhkin 1976, ris. 24,16), Цареука в Молдове (Terenozhkin 1976, ris. 63,1), п. 5 мог. Подгорный (Val'chak et al. 1996, 23-46, ris. 5,1-4).

Таким образом, у нас есть основания для постановки вопроса о выделении двух псалиев, определенных как тип жирноклеевский 1 (рис. 20,1,2), в разные типы, еще и потому, что они отличаются между собой не только по форме, но и по массивности, что косвенно может свидетельствовать о разных их «технических» характеристиках.

Вдобавок еще следует отметить, что фрагмент брусковидного псалия, аналоги которого тяготеют уже к скифским памятникам, найден в том же слое пожара, что и фрагмент стержневидного 2011 г., тяготеющий к новочеркасским комплексам, – возле участка пролома оборонительной стены (рис. 3,11).

Фрагментированные каменные *топоры*, *молоты*, *булавы* (рис. 12; 21), пращевые камни также массово представлены на подошве слоя супеси в слое горения. Стоит также отметить тот факт, что ни одного целого предмета в слое разрушения найдено не было (за исключением наконечников стрел и других очень мелких вещей). Обращает на себя внимание также и полное отсутствие челове-

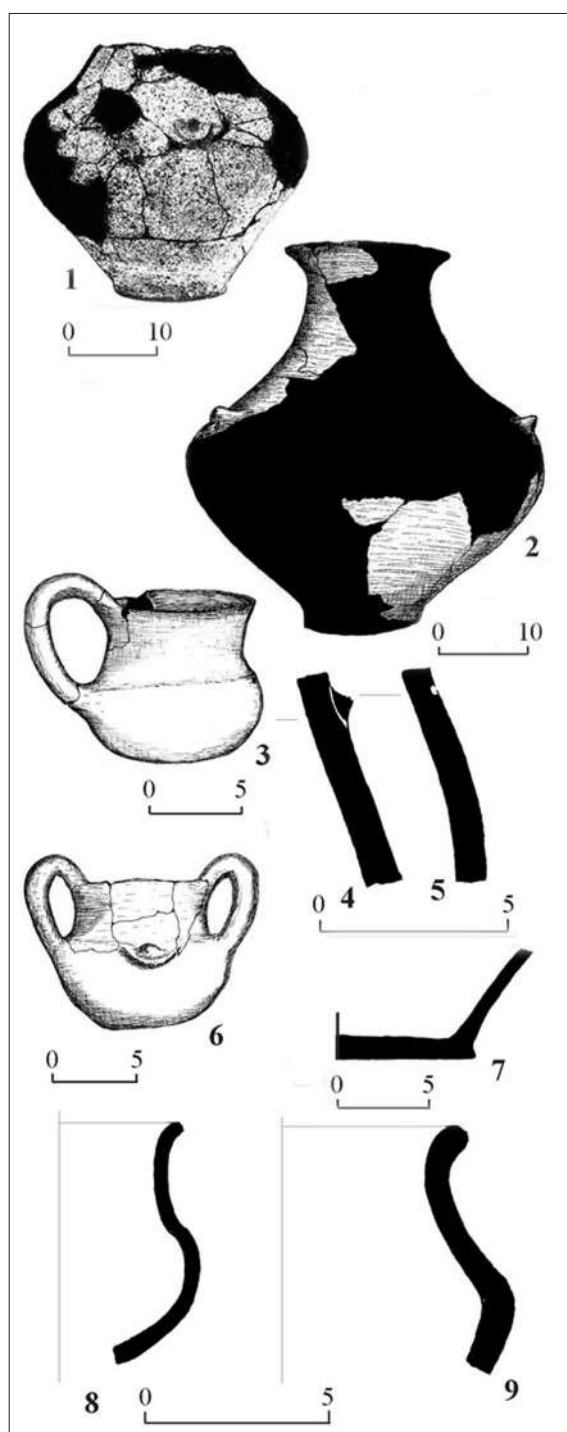

Рис. 15. Керамика из жилой части поселения горизонта IV-УБ. Дом 3 (Kravchenko 2011, ris. 81).

Fig. 15. Ceramics from the residential part of the settlement from horizon IV-UB, house 3 (Kravchenko 2011, fig. 81).

ских костей на древней дневной поверхности, связанной со временем разрушения городища. На подошве слоя супеси была найдена половина булавы из серого диорита, расколотая в

процессе использования со следами ударов о не очень твердый предмет на выпуклой рабочей части (рис. 3,12; 12,11). Целая шлифованная булава, изготовленная из мраморовидного известняка, видимо не боевая, а парадная вещь, найдена в слое в северной части Уч-Баша (рис. 21,1) (Terenozhkin 1976, 102). Она имеет на поверхности потертости, осо-

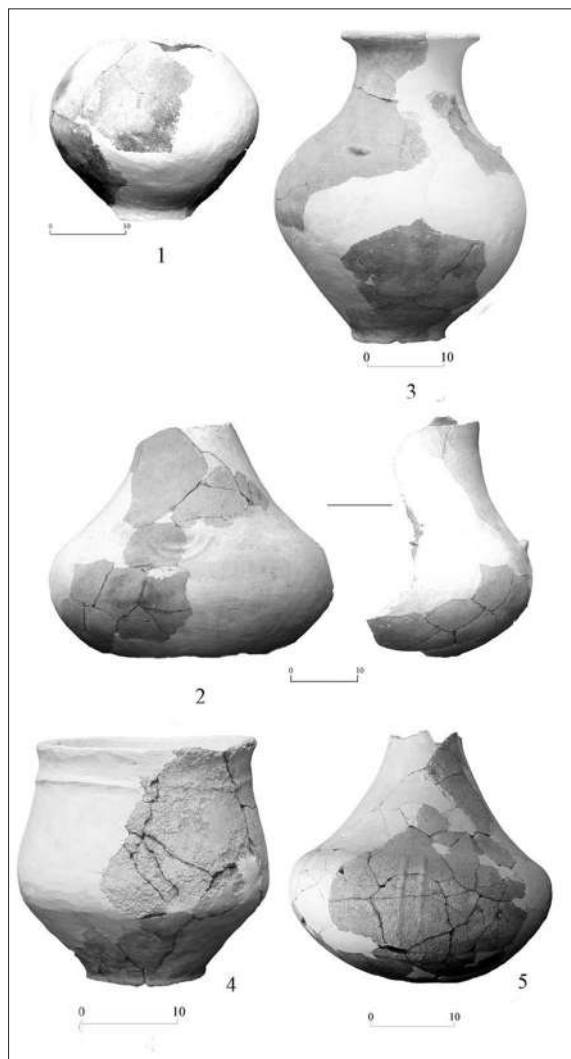

Рис. 16. Керамика из жилой части поселения горизонта IV-УБ. Керамический брак из ямы 46 (Kravchenko 2011, ris. 89).

Fig. 16. Ceramics from the residential part of the settlement from horizon IV-UB, ceramic spoilage of the pit 46 (Kravchenko 2011, fig. 89).

бенно у отверстия для древка с нижней стороны, однако не имеет следов от ударов – ее выпуклая часть тщательно отшлифованная и гладкая. Еще одна небольшая вотивная бу-

лава из диорита была найдена разведками у восточного склона Уч-Баша (рис. 21,2). Этот предмет тоже был фрагментирован. Находки булав в предскифских памятниках Причерноморья крайне редки. Каменная булава известна в инвентаре Николаевского могильника (Terenozhkin 1976, ris. 84) и в погребении у с. Луговое в Восточном Крыму (Terenozhkin 1976, ris. 20). С.В. Махортых находки булав в киммерийских комплексах Северного Причерноморья не приводит (Makhortykh 2005).

Фрагменты молотов из слоя разрушения представлены брусковидными и цилиндрическими формами. Один из молотов, обломки которого собраны у пролома внутренней стены (рис. 3,7; 12,9), изготовлен из черного диорита, возможно, являлся кузнечным инструментом в основном своем применении. Второй фрагмент из серого диорита принадлежит молоту цилиндрической формы (рис. 12,10). Среди материала из этого слоя также известны несколько фрагментов топоров молотов цилиндрическо-конической формы, но преобладают традиционные для Уч-Баша брусковидно-пирамидальные топоры и топоры-молоты.

Пращевые камни из слоя супеси делятся на два типа. Первый представлен идеально круглыми тщательно оббитыми шарами диаметром около 5-6 см из кремня с очень шершавой поверхностью. Такие пращевики известны в материале Уч-Баша с самых ранних его горизонтов и, вероятно, использовались его жителями традиционно. Изготовление такого изделия из кремня требовало немало усилий, поэтому стоит предполагать, что они использовались не как метательное оружие, а как кистени или как-то иначе. В пользу такого предположения свидетельствует очень шероховатая поверхность этих кремневых шаров, большое количество найденных на поселении разбитых и расколотых изделий и небольшое количество целых.

Второй тип – это морские и речные глыбы округлой или продолговатой формы примерно одинаковые по весу и размеру, найденные в большом количестве у разрушенных стен на древней дневной поверхности. Эти камни мы склонны рассматривать как метательное оружие. Особо выделяется группа таких камней из балаклавского розового мрамора.

моровидного известняка. Такой камень залегает только в геологических напластованиях Балаклавы, а, значит, был принесен на Уч-Баш оттуда. Кем они были использованы как метательное оружие – осажденными или нападавшими, – остается неясным.

Еще одной интересной категорией материала являются бронзовые *бляшки* – детали и украшения одежды. На раскопе 1 они представлены двумя находками плохой сохранности: небольшой пуговицевидной бронзовой бляшкой с близкорасположенными креплениями проушины (рис. 3,5; 12,4) как у бляшек из Носачевского кургана (Terenzhkin 1976, ris. 45) и фрагментированной восьмерковидной бляшкой с выпуклинами (рис. 3,6; 12,3) как у бляшек из Субботовского клада (Terenzhkin 1976, ris. 57). Пуговицевидные бляшки позд-

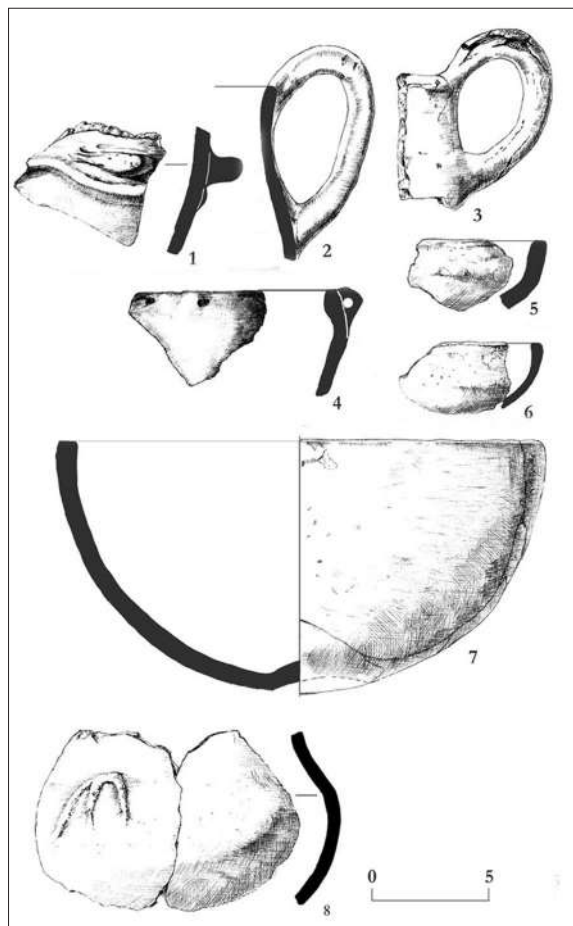

Рис. 17. Керамика из жилой части поселения горизонта IV-УБ. Яма 65 (Kravchenko 2011, ris. 91).

Fig. 17. Ceramics from the residential part of the settlement from horizon IV-UB, pit 65 (Kravchenko 2011, fig. 91).

нейшего предскифского времени в основном известны по погребальным комплексам с вещами как черногоровской группы, так и новочеркасской [Носачевский курган, пос. Сахарна (Terenzhkin 1976, ris. 45, 62); Мелитополь 2/3, возможно, Черногоровка 1/3 (Makhortykh 2005, 68)]. Восьмерковидные бляхи определяются как украшения одежды и происходят из следующих контекстов: поселение у с. Алчедар (Terenzhkin 1976, ris. 61), поселение Сахарна (Terenzhkin 1976, ris. 62), клад 1955

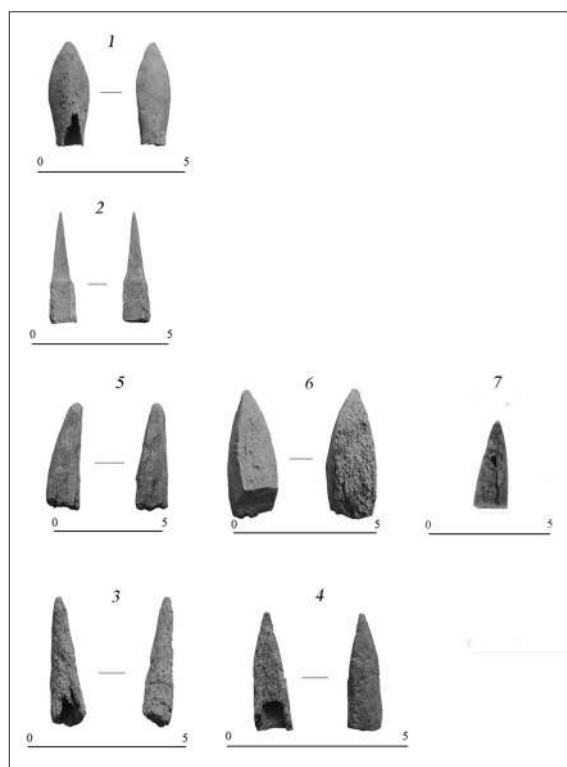

Рис. 18. Наконечники стрел из кости и рога и заготовки к ним с раскопа 1 поселения Уч-Баш.

Fig. 18. Arrowheads from bone and horn, harvesting from excavation 1.

г. из Субботовского городища (Terenzhkin 1976, ris. 57), Бурчак 9/1 (Makhortykh 2005, ris. 55), Софиевка, п.3 (Makhortykh 2005, 361), Соколово 3/4 (Makhortykh 2005, ris. 144), Рюмшино, 1/3 (Makhortykh 2005, ris. 136), Бирюково 8/2 (Makhortykh 2005, ris. 58), Зимогорье 2/5 (Makhortykh 2005, ris. 89). Интересно, что практически все поселенческие пункты находятся рядом с погребальными комплексами, в которых встречены стрелы новочеркасского типа, а погребальные комплексы в основном

представлены обрядом с элементами скорченности на боку или слабоскорченного погребенного на боку или спине с преобладающей ориентацией на восток.

Отметим, что костяные бляшки-прототипы найденных на Уч-Баше бронзовых изделий, формируют основную определяющую для учбашских псалиев группу памятников, в которую входят комплексы Жирноклеевского, Красной Деревни и Николаевского могильников (Val'chak et al. 1996, 28). А бронзовые восьмерковидные штампованные бляшки с выпуклинами известны также в отдельных погребениях ранней ананьинской культуры, причем там они коррелируются с вещами кавказского происхождения – удилами с кольцевидными окончаниями, мечем кабардино-пя-

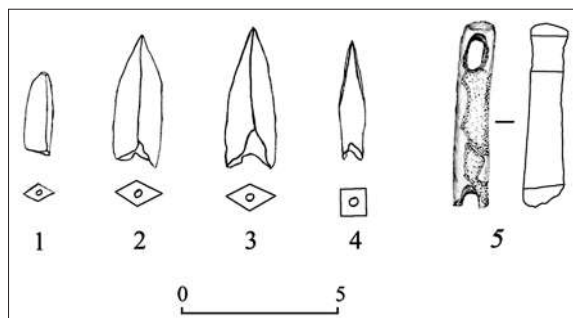

Рис. 19. Роговые наконечники стрел и фрагмент псалия из жилой зоны поселения Уч-Баш (Kravchenko 2011, ris. 152).

Fig. 19. Horn arrowheads and fragment of cheekpieces from a residential area of Uch-Bash settlement (Kravchenko 2011, fig. 152).

тигорского типа, пронизками. Синхронные комплексы содержат псалии с тремя близкорасположенными овальными отверстиями. Весь этот комплекс вещей в ананьинской культуре соотносится с обрядом захоронения вытянуто или полускорчено, ориентированных меридианально (Halikov 1980, 101). Этими, видимо неслучайными, совпадениями не ограничивается ряд соотношений между процессами в Волго-Камье, на Северном Кавказе и в Крыму. Есть основания синхронизировать процессы появления железоделательного производства в этих регионах, что также является частью рассматриваемой проблемы (Zav'ialov et al. 2009; Rozanova et al. 1988; Voznesenskaia 1975; Khakhutaishvili 1977; Bgazhba et al. 1989;

Рис. 20. Роговые псалии с поселения Уч-Баш.

Fig. 20. Horn cheekpieces from Uch-Bash settlement.

Kravchenko et al. 2013a; Koriakova et al. 2011).

Обе учбашские бляшки происходят из подошвы слоя супеси, причем пуговицевидная была найдена под упавшим камнем из завала стены, перекрытым супесчаным слоем, а фрагменты восьмерковидной найдены на

уровне дневной поверхности у внутреннего фаса внешней стены рядом с целым кубком (рис. 12,1; 13,9). Раскопками 2012 г. в хозяйственной яме наипозднейшего V горизонта Уч-Баша были найдены еще две бронзовые бляшки таких же типов. Обратим внимание на то, что комплексы и слои этого горизонта непосредственно перекрывают супесчаный слой раскопа 1 и синхронные ему комплексы поселенческой части городища.

Условия находок ранних восьмерковидных и небольших бронзовых пуговицевидных бляшек недалеко друг от друга, то есть в паре, – в погребениях в районе головы погребенного, а на поселениях в непосредственной близости друг от друга на древней дневной поверхности или в комплексе, позволяет интерпретировать их как составные функциональные части головного убора (или детали одежды?), видимо, принадлежащего отдельной этнической группе населения.

Вопросы датировки слоев разрушения. Общая датировка предметов вооружения, конской сбруи и бронзовых украшений приходится на время около VIII века до н.э., что полностью соответствует датировке по керамике поздних комплексов горизонта IV-УБ кизил-кобинской культуры.

Аналогии находкам из слоев разрушения представлены в рафинированных новочеркасских комплексах Причерноморской Лесостепи, Крыма, Подонья, Прикубанья, Северного Кавказа, Молдовы и Балкан, подобный набор при отдельных идентичных чертах погребального обряда присутствует в комплексах погребений более раннего времени Поволжья, Приказанских степей и Казахстана, при этом количество таких памятников крайне невелико. В основном, это элитные погребальные кочевнические комплексы, в которых мы находим предметы вооружения и др. и которые в Причерноморском регионе, а также в Поволжье нередко сопровождалась вещами новочеркасского типа. В другую группу входят элитные погребальные кочевнические комплексы Причерноморской степи, в которых находятся аналогии с керамикой горизонта III и IV-УБ. При этом, такие комплексы появляются в Северном Причерноморье с начала горизонта III-УБ, т.е. с середины/конца X в. до н.э. Уч-

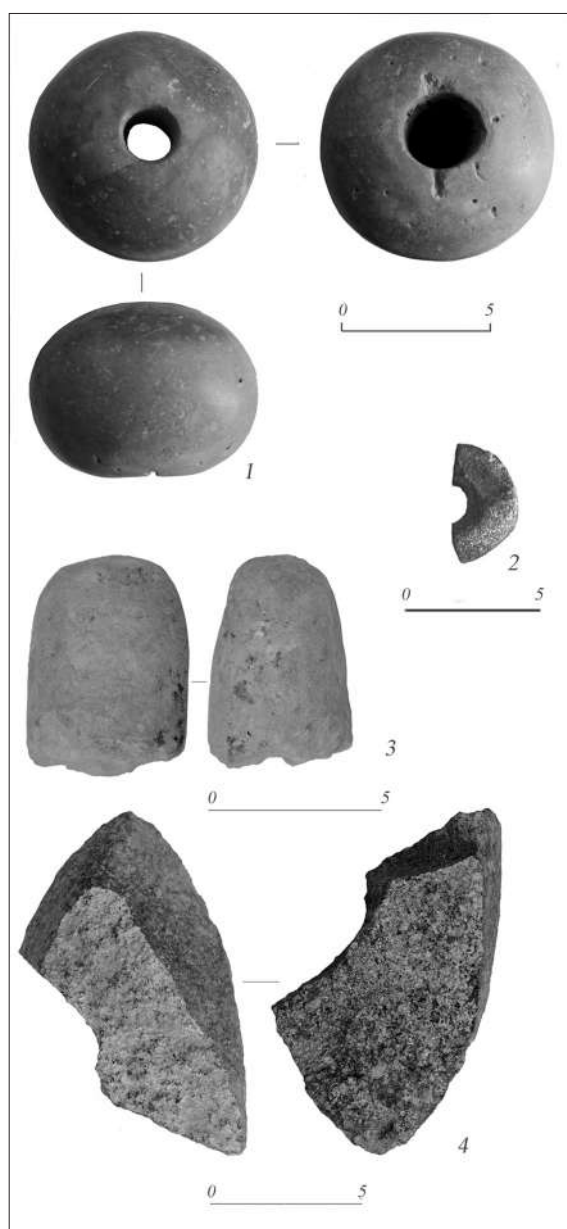

Рис. 21. Находки с поселения Уч-Баш: 1 – булава из слоя жилой зоны (раскопки С.Ф.Стржеleckкого, 1953, раскоп 2); 2 – фрагмент булавы из сборов под мысом Уч-Баш (разведки автора, 2009); 3 – фрагмент модели топора-молота (раскопки автора, 2010, раскоп 1); 4 – фрагмент топора (раскопки автора, 2010, раскоп 1).

Fig. 21. Finds from Uch-Bash settlement: 1 – mace from layer of the residential part (excavations by S.F. Strzheleckiy, 1953, excavation 2); 2 – piece of mace from the surface under cusp of Uch-Bash (survey by author, 2009); 3 – fragment of the model of axe-hammer (excavations by author, 2010, excavation 1); 4 – a fragment of axe (excavations by author, 2010, excavation 1).

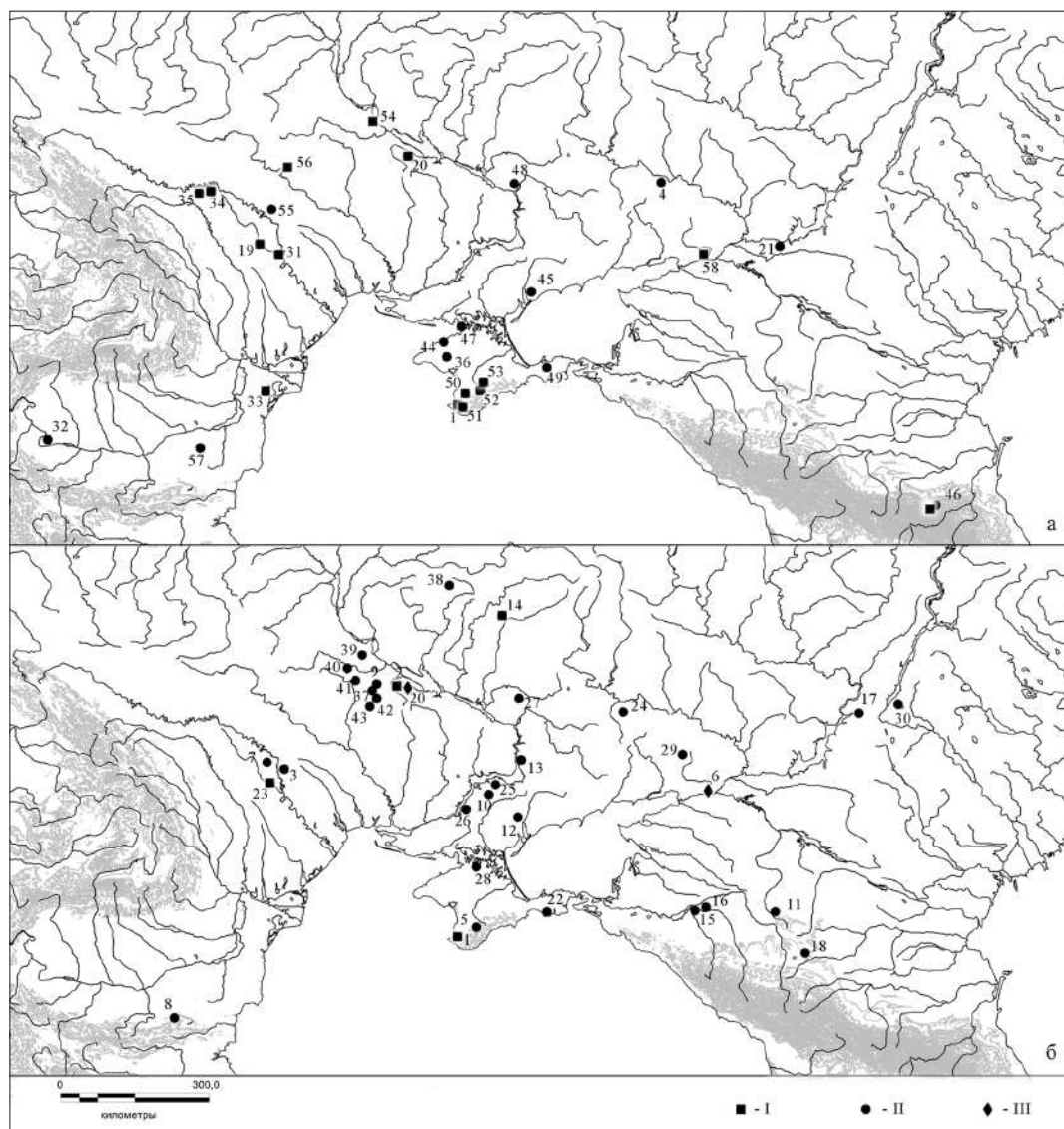

Рис. 22. Карты распространения аналогий вещам из горизонтов III и IV-УБ (а) и слоя разрушения (б): 1 – Уч-Баш, 2 – Жаботын, 3 – Парканы, 4 – Зимогорье, 5 – Зольное, 6 – ст. Новочеркасская, 7 – Алчедар, 8 – Белоградец, 9 – Носачево, 10 – Мала Цимбалка, 11 – Ставрополь, 12 – Мелитополь, 13 – Малокатериновка, 14 – Бельск, 15 – хут. Кубанский, 16 – Николаевский, 17 – Жирноклеевский, 18 – Березовский, 19 – Цахнеуць, 20 – Суботив, 21 – ст. Соленовская, 22 – Луговое, 23 – Сахарна, 24 – Черногоровка, 25 – Бурчак, 26 – Софиевка, 27 – Соколово, 28 – Рюмшино, 29 – Бирюково, 30 – Красная Деревня, 31 – Царевка, 32 – Басарабь, 33 – Бабадаг, 34 – Непоротов, 35 – Днестровка, 36 – Шалаши, 37 – Теплино, 38 – Старша Могила, 39 – Лазурцы, 40 – Медвин, 41 – Стеблив, 42 – Репяховата Могила, 43 – Журовка, 44 – Владимировка, 45 – Аккермень, 46 – Сержень-Юрт, 47 – Рисовое, 48 – Булаховка, 49 – Астатнино, 50 – Ашлама-Дере, 51 – Сахарная Головка, 52 – Кизил-Коба, 53 – Дружное I, 54 – Григоровка, 55 – Мервинцы, 56 – Немиров, 57 – Сборяново, 58 – Кобяково. I – поселения, II – могильники, III – клады.

Fig. 22. Maps of shearing analogies to things of horizons III and IV-UB (a) and layer of destruction (b): 1 – Uch-Bash, 2 – Zhaboty, 3 – Parkany, 4 – Zimogorye, 5 – Zol'noe, 6 – NovoCherkasskaia, 7 – Alchedar, 8 – Belogradets, 9 – Nosachevo, 10 – Mala Tsimbalka, 11 – Stavropol', 12 – Melitopol', 13 – Malokaterynovka, 14 – Biel'sk, 15 – Kubanskiy, 16 – Nikolaevskiy, 17 – Zhirnokleevskiy, 18 – Berezovskiy, 19 – Tsahneuts', 20 – Subotiv, 21 – Solenovskaya, 22 – Lugovoe, 23 – Sakharna, 24 – Chernogorovka, 25 – Burchak, 26 – Sofievka, 27 – Sokolovo, 28 – Ryumshyno, 29 – Biryukovo, 30 – Krasnaya Derevniya, 31 – Tsarevka, 32 – Bessarab', 33 – Babadag, 34 – Neporotove, 35 – Dnistrovka, 36 – Shalashy, 37 – Teplyne, 38 – Starsha Mogyla, 39 – Lazurtsy, 40 – Medwyn, 41 – Stebliv, 42 – Repyakhovata Mogila, 43 – Zhurovka, 44 – Volodymyrivka, 45 – Akkermen', 46 – Serzhen'-Yurt, 47 – Rysove, 48 – Bulahovka, 49 – Astanino, 50 – Ashlama-Dere, 51 – Sakharna Golovka, 52 – Kyzyl-Koba, 53 – Druzhnoye I, 54 – Grygorovka, 55 – Mervyntsi, 56 – Nemyriv, 57 – Sboryanovo, 58 – Kobyakovo. I – settlements, II – cemeteries, III – treasures.

тывая то, что металлургический комплекс на Уч-Баше также предшествует слоям разрушения и приходится на горизонт IV-УБ – время около конца IX – первой половины VIII вв. до н.э. можно говорить о том, что на юге Северного Причерноморья около середины VIII в. до н.э. столкнулись два разных народа.

Первый, более ранний, в погребениях которого встречается керамика горизонтов III и IV-УБ кизил-кобинской культуры, представлен черногоровскими древностями. А второй, предметы вооружения и конского снаряжения которого найдены в слое разрушения Уч-Баша, а именно: бронзовый наконечник стрелы, пирамидальные квадратные в сечении и пулевидные роговые наконечники стрел, обапсалия из раскопа 1, булавы, боевые цилиндрическо-конические топоры-молоты, а также обломки цилиндрических молотов, бронзовые бляшки – известен по археологической терминологии, как новочеркасские древности или их более ранние прототипы. Тут уместно также упомянуть, что погребение 1 кургана 1 у с. Зольное Симферопольского района оставлено без сомнения не степняками-черногоровцами, но и не принадлежит населению крымских предгорий, как предполагала О. Дубовская (Dubovskaia 1993).

Суммарно все находки из слоя разрушения приходятся на время около середины VIII в. до н.э., что в принципе, согласуется с появлением кочевнических подкурганых погребений вытянуто на боку/спине или с элементами скорченности с новочеркасским набором. Присутствие элементов этого набора в слоях разрушения Уч-Баша, доминанта черногоровских параллелей в поселенческом комплексе Уч-Баша предыдущих периодов (рис. 22), близкие аналогии в субстрате раннего населения Уч-Баша белозерским древностям позволяют говорить о следующем. Финал предскифского периода, ознаменованный сменой кочевых народов, демонстрирует и смену в этнических характеристиках местного населения. Племя, населявшее Инкерманскую долину, при тесных контактах с кочевым миром, а именно, «черногоровцами», демонстрирует полный коллапс с приходом «новочеркасцев», которые более контактны уже со следующим населением долины и практически не имеют в

своих комплексах вещей предыдущих типов. Более того, с этого времени, т.е. с коллапса культуры и хозяйства населения кизил-кобинской культуры дотаврских периодов и новой инвазии с Предкавказья и Кубани историческая ситуация в регионе не меняется, в том числе и с появлением скифов. Также следует отметить схожесть погребальных обрядов белозерской культуры, культур Северного Кавказа и таврского периода кизил-кобинской, который, собственно и начинается после разрушения Уч-Баша. Все эти обстоятельства косвенно указывают на то, что новочеркасские погребения в Северном Причерноморье и Крыму в частности более соотносятся с кругом раннескифской культуры и истории, нежели с местным населением, под которым некоторые исследователи подразумевают киммерийцев (Zhebelev 1953; Shchepins'kii 1977).

С другой стороны, аналогий комплексу учбашских находок в подкурганых степных погребениях причерноморских степей крайне мало. Та же проблема возникла и у С.И. Круц при антропологическом изучении останков „новочеркасцев” (Kruts 2002), которых она с некоторыми оговорками относительно малочисленности выборки вслед за А.И. Тереножкиным, Н.Л. Членовой и В.Н. Корпусовой (Terenozhkin 1976; Chlenova 1973; Korpusova et al. 1980) соотнесла с неким восточным импульсом. Однако мы вслед за выводами антропологов не склонны соотносить появление новочеркасских древностей в Северном Причерноморье напрямую с карасукской культурой. Поэтому, учитывая всю сложность затронутой проблемы, стоит предположить, что поселение Уч-Баш XI – середины VIII вв. до н.э. прекратило существование после набега отдельной группы кочевых племен, не связанной своей ранней историей с Северным Причерноморьем, соотносящихся с древностями приказанских степей, Поволжья и Подонья. При крайне малом количестве погребальных комплексов, связываемых с «новочеркасцами» в Причерноморье (рис. 22) и их географическом расположении – цепочкой с востока на запад в приграничных с оседлыми культурами зонах, складывается впечатление, что их появление было единоразовым и очень стремительным явлением (аналогичным появлению гуннских погребений в

эпоху Великого переселения народов) и именно они маркируют срез исторических эпох предскифского и скифского периода. Таким обра-

зом, они не могут быть связаны с мифическими киммерийцами Геродота, владевшими, по его сообщению, причерноморскими степями.

Bibliography

Anfimov 1975: N.V. Anfimov, Novyi pamiatnik drevnemeotskoi kul'tury (mogil'nik khut. Kubanskogo). In: (ed. A.I. Terenozhkin) Skifskii mir (Kiev 1975), 35-51 // Н.В. Анфимов, Новый памятник древнемеотской культуры (могильник хут. Кубанского). В сб.: (отв. ред. А.И. Тереножкин) Скифский мир (Киев 1975), 35-51.

Bgazhba et al. 1989: O.Kh. Bgazhba, L.S. Rozanova, N.N. Terekhova, Obrabotka zheleza v drevnei Kolkhide. In: (ed. E.N. Chernykh) Estestvennonauchnye metody v arkheologii (Moskva 1989), 117-139 // О.Х. Бражба, Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова, Обработка железа в древней Колхиде. В сб.: (отв. ред. Е.Н. Черных) Естественные методы в археологии (Москва 1989), 117-139.

Chlenova 1973: N.L. Chlenova, Karasukskie nakhodki na Urale i v Vostochnoi Evrope. SA 2, 1973, 191-204 // Н.Л. Членова, Карасукские находки на Урале и в Восточной Европе. СА 2, 1973, 191-204.

Daragan 2004: M.N. Daragan, Periodisierung und Chronologie der Siedlung Žabotin. Eurasia Antiqua 10, 2004, 55-146.

Dubovskaia 1985: O.R. Dubovskaia, Pogrebenie luchnika rannego zheleznogo veka. SA 2, 1985, 166-172 // О.Р. Дубовская, Погребение лучника раннего железного века. СА 2, 1985, 166-172.

Dubovskaia 1993: O.R. Dubovskaia, Voprosy slozheniia inventarnogo kompleksa Chernogorovskoi kul'tury. Arkheologicheskii al'manakh 2, 1993, 137-160 // О.Р. Дубовская, Вопросы сложения инвентарного комплекса Черногоровской культуры. Археологический альманах 2, 1993, 137-160.

Gumă 1993: M. Gumă, Civilizația primei epoci a fierului în sud-vestul României. Bibliotheca Thracologica IV, 1993.

Khakhutaishvili 1977: D.A. Khakhutaishvili, Novootkrytye pamiatniki drevnekolchidskoi metallurgii zheleza. KSIA 151, 1977, 29-33 // Д.А. Хахутайшвили, Новооткрытые памятники древнеколхидской металлургии железа. КСИА 151, 1977, 29-33.

Khalikov 1980: A.Kh. Khalikov, Prikazanskaia kul'tura. SAI VI-24, 1980 // А.Х. Халиков, Приказанская культура. САИ VI-24, 1980.

Il'inskaia 1968: V.A. Il'inskaia, Skify Dneprovskogo lesostepnogo Levoberezh'ja (Kiev 1968) // В.А. Ильинская, Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (Киев 1968).

Kashuba 2000: M.T. Kashuba, Rannee zhelezo v lesostepi mezhdru Dnestrom i Siretom (kul'tura Koziiia-Sakharna). Stratum plus 3, 2000, 241-488 // М.Т. Кашуба, Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна). Stratum plus 3, 2000, 241-488.

Kolotukhin 2000: V.A. Kolotukhin, Kimmeriitsy i skify Stepnogo Kryma (Simferopol' 2000) // В.А. Колотухин, Киммерийцы и скифы Степного Крыма (Симферополь 2000).

Korpusova, Belozor 1980: V.N. Korpusova, V.P. Belozor, Mogila kimmeriiskogo voina u Dzhankoia v Krymu. SA 3, 1980, 238-246 // В.Н. Корпусова, В.П. Белозор, Могила киммерийского воина у Джанкоя в Крыму. СА 3, 1980, 238-246.

Koriakova et al. 2011: L.N. Koriakova, S.V. Kuz'minyh, G.V. Bel'tikova, Perekhod k ispol'zovaniiu zheleza v Severnoi Evrazii. Kruglyi stol „Perehod ot epohi bronzy k epohe zheleza v Severnoi Evrazii”, S.-Petersburg, Russia, Iune 23-24, 2011 (S.-Petersburg 2011), 10-16 // Л.Н. Корякова, С.В. Кузьминых, Г.В. Бельтикова, Переход к использованию железа в Северной Евразии. Крутой стол „Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии”, С.-Петербург, Россия, июнь 23-24, 2011 (С.-Петербург 2011), 10-16.

Kovpanenko 1981: G.T. Kovpanenko, Kurgany ranneskifskogo vremeni v basseine r. Ros' (Kiev 1981) // Г.Т. Ковпаненко, Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось (Киев 1981).

- Kovpanenko et al. 1989:** G.T. Kovpanenko, S.S. Bessonova, S.A. Skorii, Pamiatniki skifskoi epokhi Dneprovskogo lesostepnogo Pravoberezh'ia (Kiev 1989) // Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорий, Памятники скифской эпохи Днепроовского лесостепного Правобережья (Киев 1989).
- Kravchenko 2007:** E.A. Kravchenko, K voprosu ob izmeneniiakh v material'noi kul'ture naseleniia Gornogo Kryma v predskifskoe vremia. RA III, 1-2, 2007, 282-294 // Э.А. Кравченко, К вопросу об изменениях в материальной культуре населения Горного Крыма в предскифское время. РА III, 1-2, 2007, 282-294.
- Kravchenko 2009:** E.A. Kravchenko, Metallurgicheskii kompleks na poselenii Uch-Bash. Starozhitnosti Pivnichnogo Prichornomor'ia ta Krimu 15, 2009, 71-76 // Э.А. Кравченко, Metallургический комплекс на поселении Уч-Баш. Старожитности Північного Причорномор'я та Криму 15, 2009, 71-76.
- Kravchenko 2010:** E.A. Kravchenko, Raskopki poselenija Uch-Bash v 2010 g. Nauchnyi arhiv IA NANU, inv. nr. 2010/13 (Sevastopol' 2011) // Э.А. Кравченко, Раскопки поселения Уч-Баш в 2010 г. Научный архив ИА НАНУ, инв. №.2010/13 (Севастополь 2011).
- Kravchenko et al. 2010:** E.A. Kravchenko, R.V. Lysenko, O.Ja. Savelia, D.A. Shevchenko, Raboty Inker-manskogo otriada. Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni 2010, 238-240 // Э.А. Кравченко, Р.В. Лысенко, О.Я. Савеля, Д.А. Шевченко, Работы Инкерманского отряда. Археологічні дослідження в Україні 2010, 238-240.
- Kravchenko 2011a:** E.A. Kravchenko, Poselenie drevnikh metallurgov v Iugo-Zapadnom Krymu. Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni. Eksperimental'naia arheologii: zavdannia, metodi, modeliuvannia 2, 2011, 119-133 // Э.А. Кравченко, Поселение древних металлургов в Юго-Западном Крыму. Археологічні дослідження в Україні. Экспериментальная археология: завдання, методи, моделювання 2, 2011, 119-133.
- Kravchenko 2011b:** E.A. Kravchenko, Kizil-kobins'ka kul'tura u Zakhidnomu Krimu (Kiïv-Luts'k 2011) // Э.А. Кравченко, Кизил-кобинська культура у Західному Криму (Київ-Луцьк 2011).
- Kravchenko et al. 2012a:** E.A. Kravchenko, S.N. Razumov, Je.V. Ovchinnikov, Raskopki poseleniia Uch-Bash v 2011 g. Nauchnyi arhiv IA NANU, inv. nr. 2011 (Sevastopol' 2012) // Э.А. Кравченко, С.Н. Разумов, Э.В. Овчинников, Раскопки поселения Уч-Баш в 2011 г. Научный архив ИА НАНУ, инв. №. 2011 (Севастополь 2012).
- Kravchenko et al. 2012b:** E.A. Kravchenko, S.N. Razumov, E.V. Ovchinnikov, Raskopki poseleniia Uch-Bash, Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni, 2012, 58-61 // Э.А. Кравченко, С.Н. Разумов, Э.В. Овчинников, Раскопки поселения Уч-Баш. Археологічні дослідження в Україні, 2012, 58-61.
- Kravchenko 2013:** E.A. Kravchenko, Rannee zhelezo v Severnom Prichernomor'e i poselenie Uch-Bash: tehnologii i traditsiia. Rossiiskii arheologicheskii ezhegodnik 3, 2013, 158-188 // Э.А. Кравченко, Раннее железо в Северном Причерноморье и поселение Уч-Баш: технология и традиция. Российский археологический ежегодник 3, 2013, 158-188.
- Kravchenko et al. 2013:** E.A. Kravchenko, T.Iu. Goshko, Rannee zhelezo v Severnom Prichernomor'e: tekhnologii i traditsiia. ADIU 10, 2013, 100-106 // Э.А. Кравченко, Т.Ю. Гошко, Раннее железо в Северном Причерноморье: технология и традиция. АДІУ 10, 2013, 100-106.
- Kruts 2002:** S.I. Kruts, Antropologichni dani do kimmeriis'koï problemi. Arkheologii 4, 2002, 13-29 // С.І. Круц, Антропологічні дані до кіммерійської проблеми. Археологія 4, 2002, 13-29.
- Krushel'nits'ka 1985:** L.I. Krushel'nits'ka, Vzaemozv'iazki naselennia Prikarpatia i Volini z plemenami Shidnoi i Central'noi Evropi (Kiïv 1985) // Л.І. Крушельницька, Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи (Київ 1985).
- Krushel'nits'ka 1998:** L.I. Krushel'nits'ka, Chornolis'ka kul'tura Seredn'ogo Podnistrov'ia (L'viv 1998) // Л.І. Крушельницька, Чорноліська культура Середнього Подністрів'я (Львів 1998).
- Leskov 1970:** A.M. Leskov, Kirovskoe poselenie. In: (ed. S.N. Bibikov) Drevnosti vostochnogo Kryma (Kiev 1970), 7-59 // А.М. Лесков, Кировское поселение. В сб.: (отв. ред. С.Н. Бибилов) Древности Восточного Крыма (Киев 1970), 7-59.
- Makhortykh 2003:** S.V. Makhortykh, Kul'turnye kontakty naseleniia Severnogo Prichernomor'ia i Tsentral'noi Evropy v kimmeriiskuiu epokhu (Kiev 2003) // С.В. Махортых, Культурные контакты на-

селения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху (Киев 2003).

Mahortyh 2005: S.V. Makhortykh, *Kimmeriitsy Severnogo Prichernomor'ia* (Kiev 2005) // С.В. Махортых, Киммерийцы Северного Причерноморья (Киев 2005).

Morintz 1987: S. Morintz, *Hallstattul timpuriu ei mijlociu on zona istro-pontica. Thraco-Dacica VIII*, 1987, 39-67.

Morintz, Juganaru 1995: S. Morintz, G. Juganaru, *Raport privind săpăturile arheologice efectuate în sectorul V al aşezării hallstattiene de la Babadag (1991-1992)*. Peuce XI, 1995, 177-202.

Potapov 2001: V.V. Potapov, *K voprosu o final'noi date kobiakovskoi kul'tury na Nizhnem Donu. Kruglyi stol „Perekhod ot epokhi bronzy k epokhe zheleza v Severnoi Evrazii”*, S.-Petersburg, Russia, June 23-24, 2011 (S.-Petersburg 2011), 34-38 // В.В. Потапов, К вопросу о финальной дате кобьяковской культуры на Нижнем Дону. Круглый стол „Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии”, С.-Петербург, Россия, июнь 23-24, 2011 (С.-Петербург 2011), 34-38.

Rozanova, Terekhova 1988: L.S. Rozanova, N.N. Terekhova, *Tehnologicheskaiia kharakteristika zheleznykh izdelii iz pamiatnikov Kurskogo Poseim'ia*. KSIA 194, 1988, 30-36 // Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова, Технологическая характеристика железных изделий из памятников Курского Посеймья. КСИА 194, 1988, 30-36.

Savelia et al. 2008: O.Ia. Savelia, E.A. Kravchenko, R.V. Lysenko, A.V. Fillipenko, D.A. Shevchenko, *Rezultaty issledovaniia poseleniia Uch-Bash v 2006-2008 gg. Arkheologichni doslidzhenia v Ukraïni 2008, 2009, 261-263* // О.Я. Савеля, Э.А. Кравченко, Р.В. Лысенко, А.В. Филиппенко, Д.А. Шевченко, Результаты исследований поселения Уч-Баш в 2006-2008 гг. Археологічні дослідження в Україні 2008, 2009, 261-263.

Sharafutdinova 1980: E.S. Sharafutdinova, *Pamiatniki predskifskogo vremeni na Nizhnem Donu (kobiakovskaia kul'tura)*. SAI BI-II, 1980 // Э.С. Шарафутдинова, Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобьяковская культура). САИ BI-II, 1980.

Shchepins'kii 1977: A.O. Shchepins'kii, *Naselennia Pivdennogo berega Krimu v epohu rann'ogo zaliza. Arheologiiia 21, 1977, 26-39* // А.О. Щепинський, Населення Південного берега Криму в епоху раннього заліза. Археологія 21, 1977, 26-39.

Shramko 1987: B.A. Shramko, *Bel'skoe gorodishche skifskoi epokhi (gorod Gelon) (Kiev 1987)* // Б.А. Шрамко, Бельское городище скифской эпохи (город Гелон) (Киев 1987).

Skoryi 2003: S.A. Skoryi, *Skify v Dneprovskoi pravoberezhnoi Lesostepi (Kiev 2003)* // С.А. Скорый, Скифы в Днепровской правобережной Лесостепи (Киев 2003).

Strzheletskii 1952: S.F. Strzheletskii, *Otchet o raskopkakh rannetavrskogo poseleniia Uch-Bash X-VIII vv. do n.e. v 1952 g. NA NZHT, inv. nr. 680/I-III (Sevastopol' 1952)* // С.Ф. Стржеleckий, Отчет о раскопках раннетаврского поселения Уч-Баш X-VIII вв. до н.э. в 1952 г. НА НЗХТ, инв. №.680/I-III (Севастополь 1952).

Terenzhkin 1961: A.I. Terenzhkin, *Predskifskii period na Dneprovskom Pravoberezh'e (Kiev 1961)* // А.И. Тереножкин, Предскифский период на Днепровском Правобережье (Киев 1961).

Terenzhkin 1976: A.I. Terenzhkin, *Kimmeriitsy (Kyiv 1976)* // А.И. Тереножкин, Киммерийцы (Киев 1976).

Val'chak et al. 1996: S.B. Val'chak, V.I. Mamontov, A.A. Sazonov, *Rannie pamiatniki chernogorovskogo etapa v Vostochnoi Evrope: proiskhozhdenie i khronologiiia. Istoriko-arkheologicheskii al'manakh 2, 1996, 23-45* // С.Б. Вальчак, В.И. Мамонтов, А.А. Сазонов, Ранние памятники черногооровского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология. Историко-археологический альманах 2, 1996, 23-45.

Vinogradov et al. 1980: V.B. Vinogradov, S.L. Dudarev, A.P. Rudich, *Kimmeriisko-kavkazskie sviazi. In: (ed. A.I. Terenzhkin) Skifiia i Kavkaz (Kiev 1980), 184-199* // В.Б. Виноградов, С.Л. Дударев, А.П. Рудич, Киммерийско-кавказские связи. В сб.: (отв. ред. А.И. Тереножкин) Скифия и Кавказ (Киев 1980), 184-199.

Voznesenskaia 1975: G.A. Voznesenskaia, *Tekhnologiiia proizvodstva zheleznykh predmetov Tliiskogo mogil'nika. In: (ed. B.A. Kolchin) Ocherki tehnologii drevneishikh proizvodstv (Moskva 1975), 76-116* // Г.А. Вознесенская, Технология производства железных предметов Тлийского могильника. В

сб.: (ред. Б.А. Колчин) Очерки технологии древнейших производств (Москва 1975), 76-116.

Zav'ialov et al. 2009: V.I. Zav'ialov, L.S. Rozanova, N.N. Terehova, Istoriiia kuznechnogo remesla finno-ugorskikh narodov Povolzh'ia i Predural'ia (Moskva 2009) // В.И. Завьялов, Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова, История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья (Москва 2009).

Zhebelev 1953: S.A. Zhebelev, Severnoe Prichernomor'e (Moscow-Leningrad 1953) // С.А. Жебелев, Северное Причерноморье (Москва-Ленинград 1953).

Кравченко Эвелина Антоновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии НАН Украины; Украина, 04210, Киев-210, пр. Героев Сталинграда, 12; +38 (044) 418-27-75 (t); +38 (044) 418-33-06 (f); evekravchenko@ukr.net

Сергей Махортых

Об одной группе раннескифских памятников Днепровского лесостепного Правобережья

Keywords: Scythian burials, VII century B.C., Dnieper right-bank forest-steppe, bronze bridles, ceramic goblets.

Cuvinte cheie: morminte scitice, sec. VII a.Chr., silvostepa din dreapta Niprului, zăbale de bronz, cupe de lut.

Ключевые слова: скифские захоронения, VII в. до н.э., Днепровская правобережная лесостепь, бронзовые удила, глиняные кубки.

Serghei Makhortykh

On Early Scythian group of monuments from Dnieper right-bank forest-steppe

The article is focused upon the analysis of one of the earliest chronological groups of the Scythian burials from Dnieper right-bank forest-steppe dated back to VII century BC. The collection of artifacts from the burials under study includes bronze stirrup-like bits and ceramic goblets decorated with geometric patterns.

Serghei Makhortykh

Despre un grup de monumente scitice timpurii din silvostepa din dreapta Niprului

Articolul este consacrat analizei unuia dintre cele mai timpurii grupuri cronologice de morminte scitice din sec. VII a.Chr. amplasate în silvostepa din dreapta Niprului. Drept inventar aceste complexe funerare conțin zăbale de bronz în formă de scăriță de șa și vase de lut în formă de cupe, decorate cu ornamente geometrice.

Сергей Махортых

Об одной группе раннескифских памятников Днепровского лесостепного Правобережья

Статья посвящена рассмотрению одной из наиболее ранних хронологических групп раннескифских захоронений VII в. до н.э. Днепровской Правобережной лесостепи, в состав инвентаря которых входят бронзовые стремячковые удила и глиняные сосуды в виде кубков, украшенные геометрическим орнаментом.

Изучение хронологии раннескифских древностей юга Восточной Европы относится к числу актуальных задач современного скифоведения. Вместе с тем, в этой области научного знания остается еще много нерешенных вопросов. Особенно это касается обоснования выделения, а также анализа конкретного содержания различных этапов раннескифской культуры.

Предлагаемая статья посвящена рассмотрению одной из наиболее ранних хронологических групп раннескифских захоронений Днепровской Правобережной лесостепи. В состав их вещевого набора входят бронзовые стремячковые удила и глиняные сосуды в виде кубков, как правило, украшенные геометрическим орнаментом: Жаботин курган 524, Константиновка курган 15, Макеевка курган 453, Медвин II курган 2, Теклино курган 346, Тенетинка курган 183, Яснозорье курган 6 погребение 1, и возможно, курган 2 у с. Константиновка (Pînskaia 1975, 20, 28-29, 32, 41, 48; Galanina 1977, 19; Kovpanenko 1981, 42; Kovpanenko et al. 1994, 52-57).

Взаимовстречаемость этих предметов, до сих пор не зафиксированная в Днепровском лесостепном Левобережье, является проявлением региональной специфики Поросья и бассейна Тясмина, а также хронологическим маркером памятников, датирующихся в рамках второй и/или третьей четверти VII в. до н.э.

Заметим, что наряду с захоронениями в курганах Жаботин 2 и 524, Тенетинка 183, Константиновка 15, Теклино 346, В.А. Ильинская включала в группу древнейших раннескифских комплексов Днепровского лесостепного Правобережья конца VII – рубежа VII-VI вв. до н.э., погребения (например, в урочище Дарьевка близ Шполы) потенциальных участников скифских переднеазиатских походов (Pînskaia 1975, 62). Присоединившись к мнению В.А. Ильинской о докелермесском возрасте жаботинских курганов, С.В. Полин датировал их в целом VIII-VII вв. до н.э. (Polin 1987, 23). Следует подчеркнуть, что сочетание в курганах VII в. до н.э. предметов «доскифского типа» с предметами раннескифской архаики не всегда может являться достаточным

основанием для их отнесения к предкелермесской поре, поскольку присутствие уздечных принадлежностей, характерных, с одной стороны, для культуры новочеркасского этапа, а с другой – раннескифского периода, зафиксировано и в самом Келермесском могильнике (Galanina 1983, 49-51). Отметим также точку зрения С.А.Скорого, синхронизирующего в пределах начала – первой четверти VII в. до н.э. комплексы из Жаботина 524, Тенетинки 183, Медвина 2, поскольку все они содержали бронзовые трубчатые псалии с муфтообразными отверстиями. Вместе с тем, погребение 1 в кургане 6 у с. Яснозорье, где также оказались бронзовые муфтовые псалии, было отнесено исследователем к середине – второй половине VII в. до н.э. (Skoryi 2003, 35, 38).

1. Уздечные принадлежности

Перечисленные выше захоронения объединяет присутствие в их инвентаре конских принадлежностей, в том числе бронзовых стремячковых удил, большинство которых, в отличие от предскифских находок (Terenzhkin 1976), снабжены выступами на подножке стремячка (курган 524 Жаботин, курган 15 Константиновка, курган 453 Макеевка, курган 183 Тенетинка и др.). Эти предметы, как правило, имеют гладкие стержни. Исключение составляют удила из курганов 524 Жаботин и 6 Яснозорье, грызла у которых покрыты насечками или квадратами (рис. 1, 1; 2, 2). Эти орнаментированные экземпляры сближаются с образцами из скифских захоронений Северного Кавказа (курганы 1, 3, 6, 7 Красное Знамя, курганы 5, 16 Новозаведенное II, Костромской курган, Подгорная, Говердовский курган 1 и др.), где удила с литой насечкой на грызлах получили широкое распространение в середине – второй половине VII в. до н.э. (Petrenko 2006, 74, tabl. 47, 16, 24; 48, 29, 36, 41; 49, 44, 48; Makhortykh 2009, 236, fig. 1).

Как правило, в погребениях выявлено по одному экземпляру удила. Исключение составляет захоронение в кургане 346 Теклино, где помимо бронзовых стремячковых выявлены две пары железных удил (Bobrinskii 1901, 20).

Разнообразием в составе анализируемых уздечных наборов отличаются псалии. Значительная их часть изготовлена из бронзы, относится к классу трехдырчатых и имеет муфтоо-

бразные расширения в местах отверстий (семь экз.) – курган 524 Жаботин, курган 183 Тенетинка, курган 2 Медвин II, курган 6 Яснозорье. Вместе с тем, эти изделия отличаются друг от друга формой (слабоизогнутая дуговидная, Г-образная или прямая стержневидная), а также оформлением нижнего окончания псалий

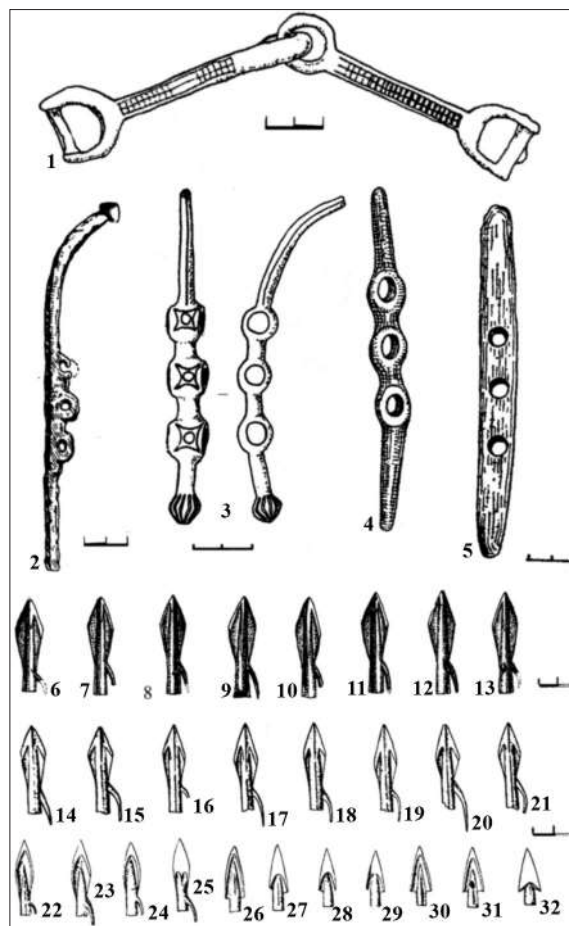

Рис. 1. Предметы конского снаряжения и наконечники стрел из раннескифских захоронений юга Восточной Европы: 1, 3, 6-13 – Жаботин курган 524; 2 – Макеевка курган 453; 3 – Яснозорье курган 6; 4 – Тенетинка курган 183; 5 – Теклино курган 346; 14-32 – Холмская курган 4 (по Алексеев 2003; Василенко, Кондрашев, Пьянков 1993; Галанина 1977; Ильинская 1975; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994; Рябкова 2012).

Fig. 1. Objects of horse harness and arrowheads from Early Scythian burials of South-Eastern Europe: 1, 3, 6-13, Zhabotin Tumulus 524; 2, Makeyevka Tumulus 453; 3, Yasnozorye Tumulus 6; 4, Tenetinka Tumulus 183; 5, Teklino Tumulus 346; 14-32, Holmskaya Tumulus 4 (adapted from Alekseev 2003; Vasilinenko, Kondrashev & Piankov 1993; Galanina 1977; Ilyinskaya 1975; Kovpanenko, Bessonova & Skoryi 1994; Ryabkova 2012).

(рис. 1,3,4; 2,3,4; 3,1,4). У четырех экземпляров они декорированы в виде копыта, у двух – ребристой шишечкой, у одного – гладкий, в то время как противоположные концы, как правило, не орнаментированы, за исключением псалиев из Яснозорья, у которых они оформлены в виде входящих друг в друга четырех конусов. Помимо этого, боковые стороны муфт на псалиях из кургана 524 Жаботина украшены солярными знаками (рис. 1,3).

Ближайшие соответствия упомянутым муфтообразным псалиям известны на Северном Кавказе, в памятниках Закубанья (Хаджох I) и Центрального Предкавказья (хут. Алексеевский), где они датируются началом – первой половиной VII в. до н.э. (Sazonov 2000; Erlikh 2007, 130).

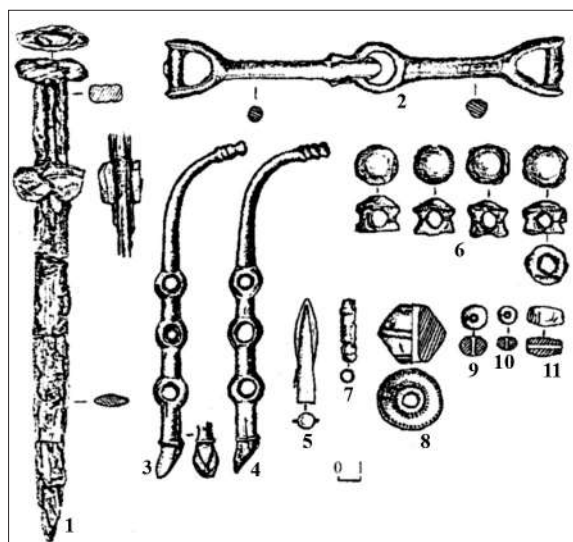

Рис. 2. Яснозорье, курган 6 погребение 1: находки из погребения (по Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994).

Fig. 2. Yasnozorye, the burial 1 of tumulus 6: artifacts discovered in the burial (adapted from Kovpanenko, Bessonova & Skoryi 1994).

Ссылаясь на наличие ряда морфологических особенностей, Т.В. Рябкова разделяет псалии жаботинского типа на несколько вариантов. При этом находки из курганов 524 у с. Жаботин и 375 у с. Емчиха относятся ею к т.н. классическому варианту, имеющему шишечки на обоих концах псалия (Riabkova 2007, 132). Отметим, что верхние окончания псалиев из курганов у сс. Жаботин и Емчиха обломаны, поэтому их отнесение к классическому варианту является некорректным. Более того, сам факт фрагментированности, наряду со стерто-

стью орнамента на стержнях удил из кургана 524 Жаботин, свидетельствует о длительном использовании этих уздечных наборов, а также, очевидно, более молодой хронологической позиции, по сравнению с северокавказскими комплексами.

Следует упомянуть и железные раннескифские трехпетельчатые псалии, украшенные шишечками на одном или двух концах или вообще без утолщений, встреченные вместе в одних комплексах (Galanina 1999, 62, рис. 3,1-3). Данный пример свидетельствует не только об их синхронном бытовании, но и предостерегает от излишней формализации при характеристике отдельных типологических признаков. Это замечание представляется актуальным и в отношении бронзовых псалиев жаботинского типа.

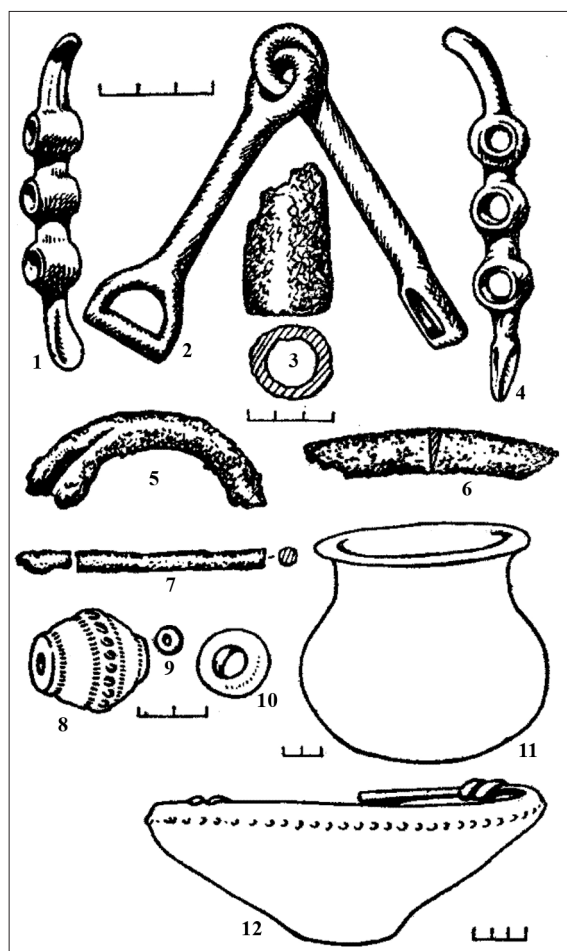

Рис. 3. Медвин, группа II, курган 2: вещи из могилы (по Ковпаненко 1981).

Fig. 3. Medvin, cluster II, tumulus 2: implements from tumulus (adapted from Kovpanenko 1981).

Как известно, традиция изготовления муфтовых псалиев не получила распространения на востоке Евразии, в отличие от Центральной и юга Восточной Европы, где они были чрезвычайно популярны еще с предскифского периода (Makhortykh 2003, 47-48). В связи с этим, рассматривать упомянутые выше находки муфтовых псалиев на территории Приднепровья и Северного Кавказа в качестве центральноазиатской инновации нет оснований (Riabkova 2007, 133). Скорее, можно говорить об обратном процессе, а именно о проникновении отдельных уздечных принад-

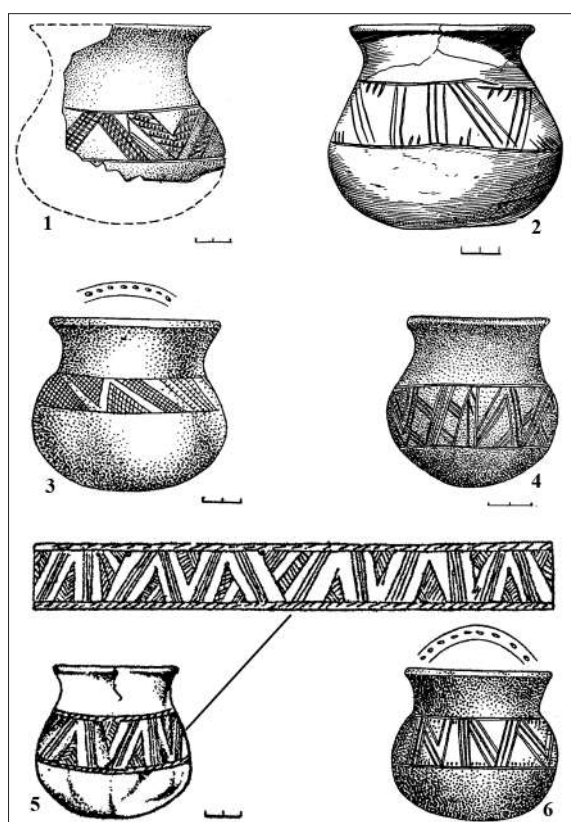

Рис. 4. Кубки украшенные геометрическим орнаментом: 1 – Жаботин курган 524; 2 – Макеевка курган 453; 3 – Теклино курган 346; 4 – Константиновка курган 15; 5 – Яснозорье курган 6; 6 – Тенетинка курган 183 (по Ильинская 1975; Галанина 1977; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994).

Fig. 4. Goblets with geometric pattern ornamentation: 1, Zhabotin Tumulus 524; 2, Makeyevka Tumulus 453; 3, Teklino Tumulus 346; 4, Konstantinovka Tumulus; 5, Yasnozorye Tumulus 6; 6, Tenetinka Tumulus 183 (adapted from Ilyinskaya 1975; Galanina 1977; Kovpanenko, Bessonova & Skoryi 1994).

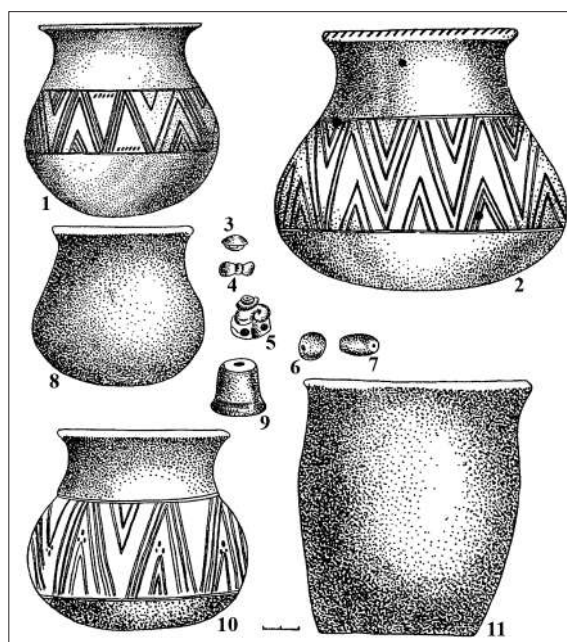

Рис. 5. Инвентарь погребений: 1 – курган 343 на р. Ташлык; 2 – курган 509 у с. Турия; 3-11 – курган 211 на р. Тенетинка (по Ильинская 1975).

Fig. 5. Implements discovered in burials: 1, tumulus 343 near Tashlyk River; 2, tumulus 509 near Turia Village; 3-11, tumulus 211 near Tenetinka River (adapted from Ilyinskaya 1975).

лежностей из Восточной Европы на территорию азиатской части евразийских степей, что, к примеру, находит подтверждение в материалах раннесакских памятников Приаралья – курган 66 Уйгарак (Makhortykh 2005, 94-95).

Помимо бронзовых, среди рассматриваемого конского снаряжения довольно многочисленными являются и железные псалии (шесть экз.), представленные, в том числе трехпетельчатыми Г-образными экземплярами с шишечкой на верхнем конце (курган 453 Макеевка) (рис. 1,2). Железные трехпетельчатые псалии являются одним из основных типов псалиев, бытовавших на юге Восточной Европы в VII-VI вв. до н.э. В настоящее время известно 112 таких находок с территории лесостепной Украины и более 130 экз. – Северного Кавказа (Mogilov 2008; Makhortykh 2013, 274). Сближаясь между собой наличием петель, они отличаются прямым или чаще загнутым верхним концом стержня и декорированием его окончаний разного рода утолщениями. Экземпляры с раскованными нижними окончания-

ми в виде плоской лопаточки или кружочка относятся к числу более молодых хронологических разновидностей.

Кроме железных, в кургане 346 Теклино найдены костяные трехдырчатые псалии, три из которых гладкие и имеют прямую стержневидную форму, а у одного – окончание оформлено в виде копыта (рис. 1,5) (Il'inskaia 1975, tabl. XXV, 11, 20). Подобные разновидности костяных псалиев являются довольно редкими в эпоху скифской архаики и находят немногочисленные соответствия на территории украинской лесостепи (Mogilov 2008, ris. 52,7; 53,9; 55,7). Костяные псалии с тремя отверстиями в сопровождении бронзовых стремячовидных удиц и блях с изображением свернувшейся в кольцо пантеры найдены и в степной зоне Северного Причерноморья – в кургане 2 у с. Константиновка (Liberov 1951, 141, ris. 45).

2. Керамика

Наряду с бронзовыми стремячовидными удилами, другой важной составляющей инвентарного комплекса рассматриваемых захоронений является глиняная посуда, и в частности кубки, как правило, украшенные поясом резного геометрического орнамента и сопровождающиеся другими керамическими находками.

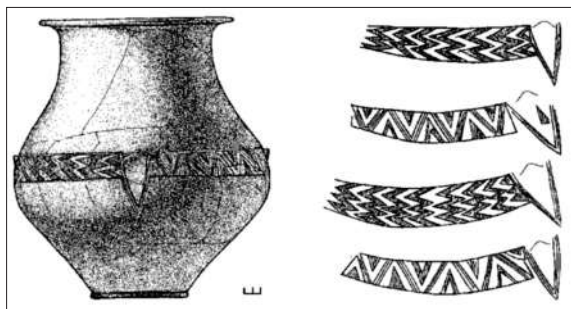

Рис. 6. Перемырки, курган 1: орнаментированная корчажка из погребения (по Кулатова, Супруненко 2010).

Fig. 6. Peremyrki, Tumulus 1: ornamented wine pot from burial (adapted from Kulatova & Suprunenko 2010).

Так, в кургане 524 у с. Жаботин найдено четыре сосуда: кубок, два черпака с высокими ручками и сосуд типа корчажки, нижняя часть которой покрыта неглубокими, слегка наклонными каннелюрами (Il'inskaia 1975, tabl. VII).

Кубки вместе с черпаками встречены еще в двух захоронениях: в курганах 6 Яснозорье и 15 Константиновка. Керамический набор

в первом случае дополнялся горшком, украшенным двумя налипными валиками, а также мисками, одна из которых конической формы на высоком поддоне, а во втором – горшком с налипным валиком с защипами по корпусу и проколами под краем венчика (Il'inskaia 1975, tabl. XIV,9; Kovpanenko et al. 1994, 54, ris. 5).

В кургане 346 Теклино кубок сопровождался высокой корчагой, а в Медвин II курган 2 – лепной миской, украшенной жемчужинами и налпами (Il'inskaia 1975, 41; Kovpanenko 1977, 57, ris. 11, 11).

Кубок из погребения в кургане 183 Тенетинка оказался там единственной керамической находкой. В кургане 453 Макеевка выявлены обломки глиняной посуды, в составе которой сохранился кубок (Galanina 1977, 19).

Таким образом, помимо кубков (семь экз.), шесть из которых орнаментированы, а один – с гладкой поверхностью (Медвин II курган 2), в рассматриваемых захоронениях встречены четыре черпака. Остальные виды посуды представлены меньшим количеством находок. Среди них две миски, украшенные по венчику «горошинами» (Медвин II курган 2, Яснозорье курган 6). В одном случае, она сочеталась с миской конической формы на высоком поддоне.

Горшки тоже довольно немногочисленны (Константиновка курган 15, Яснозорье курган 6), причем оба с налипными валиками на тулове. Корчага с «выступами» по бокам и, предположительно, корчажка, украшенная капелированным орнаментом, представлены единичными экземплярами (Теклино курган 346, Жаботин курган 524).

Ниже остановимся на более подробном описании выявленных в рассматриваемых погребениях керамических находок, и в первую очередь кубков.

Из погребения 1 кургана 6 у с. Яснозорье происходит кубок с округлым корпусом и выделенной шейкой (рис. 4,5). Венчик слегка отогнут наружу. Центральная часть корпуса занята орнаментальным фризом, ограниченным двумя параллельными линиями, между которыми расположен орнамент из коротких косых черточек. Пояс узора заполнен отходящими вверх и вниз узкими треугольниками, между которыми помещены наклонные параллельные линии.

Штриховка внутри треугольников двух типов: а) один угол в основании треугольника заштрихован сверху вниз параллельными линиями, затем следует интервал, а за ним – полоса, идущая параллельно длинной стороне треугольника, заштрихованная наклонными параллельными черточками; б) один из углов треугольника заштрихован наклонными параллельными линиями, а остальное пространство – под углом по направлению к первой штриховке (Kovrapenko et al. 1994, 53).

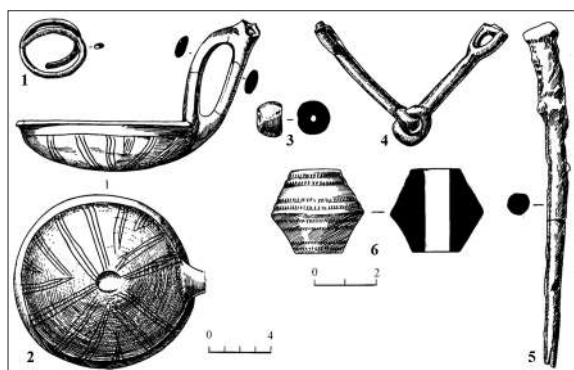

Рис.7. Находки из могилы в кургане 460 у с. Макеевка (по Галанина 1977).

Fig. 7. Findings from a burial from the tumulus 460 near Makeyevka Village (adapted from Galanina 1977).

Орнаментальные композиции, близкие изображенным на яснозорском кубке в виде наклонных линий, образующих чередующиеся геометрические фигуры, в том числе, зигзагообразную ленту, в основании которой располагались свисающие и разнообразно декорированные треугольники, находят аналогии на сосудах из таких раннескифских памятников Днепроовского Приднепровья как курган 211 на р. Тенетинка, курган 509 Турия, курган 343 на р. Ташлык, а также курган 1 в урочище Перемырки близ Бельска (рис. 5,1,2,10; 6) (Il'inskaia 1975, tabl. XXIV,4; XXX,17; Kulatova, Suprunenko 2010, ris. 9).

Примечательно, что на кубке из ташлыкского кургана 343, наряду с орнаментом в виде треугольников, «вписанным» в отсеки зигзагообразной ленты, присутствует и «замещающий» его орнамент из чередующихся коротких мелких черточек (рис. 5,1). Подобные проявления орнаментального «модернизма» еще в большей степени характерны для декора

близких между собой кубков из курганов 453 Макеевки и 183 Тенетинки, также входящих в рассматриваемую группу захоронений Днепроовского лесостепного Правобережья (рис. 4,2,6). Эти сосуды с отогнутым наружу венчиком и округлым приземистым туловом украшены резным линейным орнаментом, состоящим из нескольких параллельных линий и зигзагоподобной ленты, в основании которой нанесены короткие насечки. На кубке из кургана 15 Константиновки наклонные черточки располагались не столько в основании орнаментального фриза, сколько заполняли пространство между линиями, а отчасти и внутри треугольников (рис. 4,4).

Основу декора кубка из кургана 524 Жаботина составляют широкие заштрихованные ленты, образующие чередующиеся вершинами в разные стороны треугольники, а из кургана Теклино 346 – треугольники и ленты, заштрихованные густой сеткой (рис. 4,1,3). Вместе с тем, на обеих сосудах присутствуют косые параллельные линии с «щеточкой», которые считаются имитацией более архаичной сплошной клетчатой штриховки (Bruiako 2005, 28)¹.

Необходимо отметить отсутствие пря-

1. В составе набора посуды из кургана 524 у с. Жаботин присутствуют также два неглубоких черпака, один из которых не лощеный, со слабо профилированным венчиком и орнаментом в виде узкого горизонтального пояса, заполненного вертикальными параллельными черточками. Второй черпак лощеный, украшенный радиально расходящимся от дна резным орнаментом, который образуют группы строенных линий, образующих фигуры вписанных друг в друга треугольников дополненных орнаментом в виде параллельно нанесенных линий (Il'inskaia 1975, tabl. VII,12,17). Близкие черпаки декорированные линейным, радиально расходящимся узором, в сопровождении бронзовых стремажковидных удили встречаются и в других раннескифских захоронениях Среднего Приднепровья (курганы 6 Берестяги и 460 Макеевка), что позволяет расширить рассматриваемую группу архаических памятников лесостепного Правобережья за счет этих комплексов (рис. 7,2; 8,6) (Kovrapenko 1981, ris. 2; Galanina 1977, tabl. 9,1-6). Примечательно, что черпаки с радиальным орнаментом встречаются лишь в раннескифских и отсутствуют в предскифских захоронениях лесостепной Украины, что важно для уточнения времени бытования подобных сосудов на бытовых памятниках Среднего Поднепровья, в том числе и на Жаботинском поселении (Daragan 2011, tabl. 109,5). В.А. Ильинская считала мелкие черпаки с линейным, радиально расходящимся узором позднейшими в развитии орнаментированной посуды раннескифской эпохи и связывала их, главным образом, с курганами старшей журавской группы, которые относятся С.В. Полиным ко второй половине VII – началу VI вв. до н.э. (Il'inskaia 1975, 123; Polin 1987, 27).

мых соответствий рассматриваемым кубкам и представленным на них орнаментальным композициям в киммерийских захоронениях второй половины VIII – первой четверти VII вв. до н.э., а также синхронных поселенческих комплексах Днепровского лесостепного Правобережья, и в частности на Жаботинском поселении (Skoryi 1999; Daragan 2011, ris. V, 38), что, на мой взгляд, является свидетельством существования между ними определенного хронологического разрыва.

Нет также достаточных оснований для

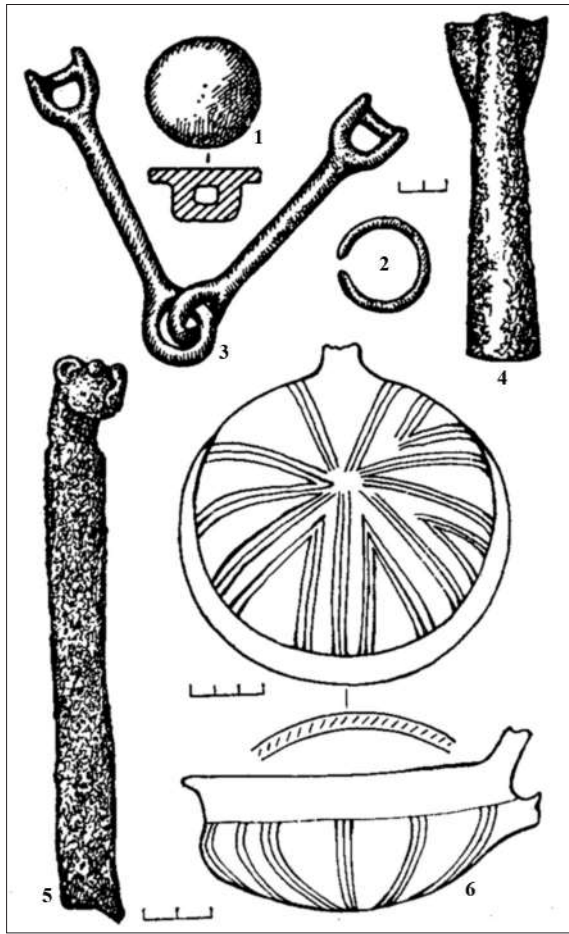

Рис. 8. Инвентарь погребения кургана 6 у с. Берестняги (по Ковпаненко 1981).

Fig. 8. Implements of a burial from the tumulus 6 near Berestnyagi Village (adapted from Kovpanenko 1981).

ограничения времени бытования т.н. «геометрической керамики» в Правобережной Украине серединой VII в. до н.э. (Bruiako 2005, 45). Большинство содержащих такую посуду раннескифских захоронений (помимо упо-

минавшихся ранее, Макеевка курган 453, Яснозорье курган 6 и др., к ним примыкает ряд синхронных или более поздних по времени комплексов – Пищальники, Тенетинка курган 211, Турия курган 509, Осняги курган 1 и др.) соотносится с келермесским горизонтом древностей середины – второй половины VII в. до н.э. (Galanina 1997, 190; Маслов 2012)².

Что касается кургана 524 у с. Жаботин, то выявленные там наконечники стрел «жаботинского типа», представленные несколькими модификациями, также свидетельствуют о близости хронологических позиций этого захоронения и келермесских комплексов Закубанья (Riabkova 2012, 348). Довольно показательным является и погребение 1 кургана 4 у ст. Холмская на Северо-Западном Кавказе, где, как и в кургане 524 Жаботин, выявлена представительная серия (не менее 16 экз.) наконечников жаботинского типа с длинными шипами и пером ромбической формы (рис. 1, 14-21). Важно, что этот колчаный набор, в отличие от жаботинского, в меньшей степени пострадал от грабителей и, помимо «классических» жаботинских, включал ряд других типов, в том числе более 30 трехлопастых наконечников со сводчатой, лавролистной или комбинированной трехгранно-трехлопастной головками (рис. 1, 22-32), а также костяную колчанную застежку, относящиеся ко второй половине VII в. до н.э. (Vasilinenko et al. 1993, 34, 36).

Этот, а также некоторые другие примеры обнаружения жаботинских наконечников с шипами и пером ромбической формы в кочевнических захоронениях VII в. до н.э. юга Восточной Европы, указывает на то, что они не могут служить основанием для разделения памятников на докелермесские и келермесские, а также ограничивать дату содержащих их комплексов серединой VII в. до н.э. Возражения вызывает также предположение М.Н. Дараган (Daragan 2011, 574-576) о синхронизации кургана 524 у с. Жаботин с такими северокавказскими комплексами как погребение в кургане у хут. Алексеевский и курган 9 мо

2. Нельзя считать удачной недавнюю попытку А.Ю. Алексеева (Alekseev 2008, 9) отнести «старшую» группу келермесских курганов (1/В и 2/В) к «допоходному» пласту скифских древностей и датировать ее ранее 670-х г. до н.э. (Erlikh 2011, 58; Maslov 2012).

гильника Красное Знамя на основании выявленных в них бронзовых наконечников стрел. В действительности, они отличаются друг от друга типолого-хронологическими характеристиками.

К числу особенностей рассматриваемой группы памятников Правобережья среднего Приднепровья относятся тесные культурные связи с Северным Кавказом, которые подтверждаются присутствием в их инвентаре предметов (бронзовая ситула, удила с орнаментированными стержнями и др.), истоки и/или параллели которым следует искать в этом регионе. Из этого также следует, что рас-

сматриваемая группа приднепровских раннескифских памятников с орнаментированными кубками и бронзовыми стремячкovidными удилами не может датироваться более ранним временем, чем архаические скифские памятники Северного Кавказа. Вместе с тем, очевидной является синхронность этих памятников с келермесским культурным горизонтом, что позволяет датировать эту группу в рамках второй и/или третьей четверти VII в. до н.э. При этом, курганы 524 Жаботин и 346 Тенетинка, вероятно, занимают в ней относительно более древнюю хронологическую позицию, а Макевка 453 и Яснозорье к.6 – более молодую.

Литература

- Alekseev 2008:** A.Iu. Alekseev, „Starshie” kelermesskie kurgany. Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Suzdale. T.2 (Moskva 2008), 9-10 // А.Ю. Алексеев, «Старшие» келермесские курганы. Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 2 (Москва 2008), 9-10.
- Bobrinskii 1901:** A. Bobrinskii, Kurgany i sluchainye nakhodki bliz mestechka Smely, T.3 (Sankt-Peterburg 1901) // А. Бобринский, Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, Т.3 (Санкт-Петербург 1901).
- Bruiaiko 2005:** I.B. Bruiaiko, Rannie kochevniki v Evrope (Kishinev 2005) // И.В. Бруяко, Ранние кочевники в Европе (Кишинев 2005).
- Daragan 2011:** M.N. Daragan, Nachalo rannego zheleznogo veka v Dneprovskoi Pravoberezhnoi lesostepi (Kiev 2011) // М.Н. Дараган, Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной лесостепи (Киев 2011).
- Erlikh 2007:** V.R. Erlikh, Severo-Zapadnii Kavkaz v nachale zheleznogo veka (Moskva 2007) // В.Р. Эрлих, Северо-Западный Кавказ в начале железного века (Москва 2007).
- Erlikh 2011:** V.R. Erlikh, Levoberezh'e Kubani v period „skifskoi arkhaiki”. Nekotorye diskussionnye problemy. In: (ed. D.V. Vasil'ev) Dialog gorodskoi i stepnoi kultur na evraziiskom prostranstve (Kazan' 2011) // В.Р. Эрлих, Левобережье Кубани в период «скифской архаики». Некоторые дискуссионные проблемы. В сб.: (отв. ред. Д.В. Васильев) Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве (Казань 2011), 57-62.
- Galanina 1977:** L.K. Galanina, Skifskie drevnosti Podneprov'ia (Moskva 1977) // Л.К. Галанина, Скифские древности Поднепровья (Москва 1977).
- Galanina 1983:** L.K. Galanina, Ranneskifskie uzdechnye nabory (po materialam Kelermesskikh kurganov). Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha 23, 1983, 32-55 // Л.К. Галанина, Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов). Археологический сборник Государственного Эрмитажа 24, 1983, 32-55.
- Galanina 1997:** L.K. Galanina, Kelermesskie kurgany (Moskva 1997) // Л.К. Галанина, Келермесские курганы (Москва 1997).
- Galanina 1999:** L.K. Galanina, Ul'skii kurgan (raskopki N.I. Veselovskogo v 1910 g.). Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha 34, 1999, 58-67 // Л.К. Галанина, Ульский курган (раскопки Н.И. Веселовского в 1910 г.). Археологический сборник Государственного Эрмитажа 34, 1999, 58-67.
- Il'inskaia 1975:** V.A. Il'inskaia, Ranneskifskie kurgany basseina r. Tiasmin (Kiev 1975) // В.А. Ильинская, Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (Киев 1975).

- Kovpanenko 1977:** G.T. Kovpanenko, Kurgany skifskogo vremeni u s. Medvin v Poros'e In: (ed. A.I. Terenozhkin) Skify i Sarmaty (Kiev 1977), 40-72 // Г.Т. Ковпаненко, Курганы скифского времени у с. Медвин в Поросье. В сб.: (отв. ред. А.И. Тереножкин) Скифы и сарматы (Киев 1977), 40-72.
- Kovpanenko 1981:** G.T. Kovpanenko, Kurgany ranneskifskogo vremeni v bassejne r. Ros' // Г.Т. Ковпаненко, Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось (Киев 1981).
- Kovpanenko et al. 1994:** G.T. Kovpanenko, S.S. Bessonova, C.A. Skorii, Novye pogrebeniia rannego zheleznogo veka v Poros'e. In: (ed. E.V. Chernenko) Drevnosti skifov (Kiev 1994), 41-63 // Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Новые погребения раннего железного века в Поросье. В сб.: (отв. ред. Е.В. Черненко) Древности скифов (Киев 1994), 41-63.
- Kulatova, Suprunenko 2010:** I.M. Kulatova, O.B. Suprunenko, Kurgani skifskogo chasu zakhidnoi okrugy Bil'skogo gorodisha (Kiev 2010) // I.M. Кулатова, О.Б. Супруненко, Кургани скифського часу західної округи Більського городища (Київ 2010).
- Liberov 1951:** P.D. Liberov, Kurgany u sela Konstantinovki, KSIIMK 37, 1951, 137-143 // П.Д. Либеров, Курганы у села Константиновки, КСИИМК 37, 1951, 137-143.
- Maslov 2012:** V.E. Maslov, K probleme khronologii drevnostei kelermesskogo gorizonta. Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik 2, 2012, 342-359 // В.Е. Маслов, К проблеме хронологии древностей келермесского горизонта. Российский археологический ежегодник 2, 2012, 342-359.
- Makhortykh 2003:** S.V. Makhortykh, Kul'turnye kontakty naseleniia Severnogo Prichernomor'ia i Tsentral'noy Evropy v kimmeriyskuiu epokhu (Kiev 2003) // С.В. Махортых, Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху (Киев 2003).
- Makhortykh 2005:** S.V. Makhortykh, Uzdechnye prinadlezhnosti iuga Vostochnoi Evropy v predskifskii period. Snariazhenie kochevnikov Evrazii (Barnaul 2005), 92-95 // С.В. Махортых, Уздечные принадлежности юга Восточной Европы в предскифский период. Снаряжение кочевников Евразии (Барнаул 2005), 92-95.
- Makhortykh 2009:** S.V. Makhortykh, Ranneskifskie stremechkovidnye udila Severnogo Kavkaza. Piataia mezhdunarodnaia Kubanskaia arkheologicheskaiia konferetsiia (Krasnodar 2009), 236-239 // С.В. Махортых, Раннескифские стремечковидные удила Северного Кавказа. Пятая международная Кубанская археологическая конференция (Краснодар 2009), 236-239.
- Makhortykh 2013:** S.V. Makhortykh, Ranneskifskie psalii Severnogo Kavkaza. Shestaia mezhdunarodnaia Kubanskaia arkheologicheskaiia konferetsiia (Krasnodar 2013), 247-277 // С.В. Махортых, Раннескифские псалии Северного Кавказа. Шестая международная Кубанская археологическая конференция (Краснодар 2013), 274-277.
- Mogilov 2008:** O.D. Mogilov, Sporiadzhennia konia skifs'koi dobi v lisostepu Skhidnoi Evropi (Kiev-Kam'ianets-Podilskii 2008) // О.Д. Могиллов, Спорядження коня скифської доби у лісостепу Східної Європи. (Київ - Кам'янець-Подільський 2008).
- Polin 1987:** S.V. Polin, Khronologiiia ranneskifskikh pam'iatok. Arkheologiiia // С.В. Полін, Хронологія ранньоскифських пам'яток. Археологія 59, 1987, 17-36.
- Petrenko 2006:** V.G. Petrenko, Krasnoznamenskii mogilnik (Moskva 2006) // В.Г. Петренко, Краснознаменский могильник (Москва 1997).
- Riabkova 2007:** T.V. Riabkova, K voprosu o tipologii i proiskhozhdenii psaliev tipov „Zhabotin” i „Uashkhitu”, Rannii zaliznii vik Evrazii. Do 100-richia vid dnia narodzhennia O.I. Terenozhkina. Materialy mizhnarodnoi naukovoii konferentsii (Kiev-Chigirin 2007), 131-135 // Т.В. Рябкова. К вопросу о типологии и происхождении псалиев типов «Жаботин» и «Уашхиту», Ранний залізний вік Євразії. До 100-річчя від дня народження О.І. Тереножкіна. Матеріали міжнародної наукової конференції (Київ-Чигирин 2007), 131-135.
- Riabkova 2012:** T.V. Riabkova, Kolchannii nabor iz kurgana 524 u s. Zhabotin. Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiiami. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posvjaschennoi 110-letiu so dnia rozhdeniia M.P. Griaznova. Kn.2 (Sankt-Peterburg 2012), 345-350 // Т.В. Рябкова, Колчанний набір из кургана 524 у с. Жаботин. Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию

со дня рождения М.П. Грязнова. Кн. 2 (Санкт-Петербург 2012), 345-350.

Sazonov 2000: A.A. Sazonov, Khadzhokhskie kurgany – nekropol' drevnemeotskikh vozhdei. Informatsionno-analiticheskii vestnik 3, 2000, 42-67 // А.А. Сазонов, Хаджохские курганы – некрополь древнемеотских вождей. Информационно-аналитический вестник 3, 2000, 42-67.

Skorii 1999: S.A. Skorii, Kimmeriitsy v ukrainskoi lesostepi // С.А. Скорый, Киммерийцы в украинской лесостепи (Киев 1999).

Skorii 2003: S.A. Skorii, Skify v Dneprovskoi Pravoberezhnoi lesostepi // С.А. Скорый, Скифы в Днепровской Правобережной лесостепи (Киев 2003)

Terenozhkin 1976: A.I. Terenozhkin, Kimmeriitsi (Kiev 1976) // А.И. Тереножкин, Киммерийцы (Киев 1976).

Vasilinenko et al. 1993: D.E. Vasilinenko, A.B. Kondrashev, A.B. P'iankov, Arkheologicheskie materialy predskifskogo vremeni iz Zapadnogo Zakuban'ia In: (ed. B.A. Raev) Drevnosti Kubani i Chernomor'ia (Krasnodar 1993), 21-38 // Д.Э. Василенко, А.В. Кондрашев, А.В. Пьянков, Археологические материалы предскифского времени из Западного Закубанья. В сб.: (отв. ред. Б.А. Раев) Древности Кубани и Черноморья (Краснодар 1993), 21-38.

Махортых Сергей Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии НАН Украины, Адрес: пр. Героев Сталинграда 12, тел. (38-044) 418 27 75; факс 418 33 06, mail: makhortykh@yahoo.com

Денис Гречко

О бескурганных погребениях аборигенного населения Восточноевропейской лесостепи скифского времени

Keywords: East European forest-steppe zone, Scythian time, funeral ceremony, ground burial, human remains exposure.

Cuvinte cheie: silvostepa est-europeană, perioada scitică.

Ключевые слова: Восточноевропейская лесостепь, скифское время, погребальная церемония, грунтовая могила, выставление.

Denis Grechko

On ground burials of indigenous population of East European forest-steppe zone from the Scythian time

The article describes the main burial traditions of the indigenous population inhabiting forest-steppe zone of Eastern Europe in the Scythian time. The study revealed various funeral traditions. The remains of the deceased could be buried in a ground burial on the territory of settlements (in household buildings, in special graves). The bones of dead could be stored in the settlement after exposure. The forest-steppe population had a cult of forefathers which was expressed in worship of human remains.

Denis Grechko

Cu privire la mormintele plane ale populației aborigene din silvostepa est-europeană în perioada scitică

În articol sunt evidențiate principalele forme ale ritualului funerar practicat de populația autohtonă din silvostepa Europei de Est din perioada scitică. Modalitățile de înmormântare a decedaților erau diverse. Corpul putea fi înhumat în morminte plane, în perimetrul așezării (în amenajări gospodărești sau locative, în morminte speciale). Oasele decedatului, după ce erau expuse, puteau fi păstrate pe teritoriul așezării. La populația din silvostepă exista un dezvoltat cult al strămoșilor, care se manifesta prin venerarea rămășițelor lor pământești.

Денис Гречко

О бескурганных погребениях аборигенного населения Восточноевропейской лесостепи скифского времени

В статье выделяются основные формы погребального обряда автохтонного населения лесостепи Восточной Европы скифского времени. Способы обращения с умершим были разнообразными. Тело могло захораниваться в грунтовых могилах, на территории поселения (в хозяйственных или жилых сооружениях, специальных могилах). Кости умершего после выставления могли сохраняться на территории поселения. У населения лесостепи существовал развитый культ предков, который выражался в почитании их останков.

На сегодняшний день факт существования в лесостепи, начиная с раннескифского времени, объединения кочевников (скифов-иранцев) и земледельческого аборигенного населения под эгидой первых является общепризнанным. Данные группы населения имели различную этническую принадлежность, отличные традиции и стояли на разных уровнях социально-экономического развития. Захоронения кочевников хорошо изучены, и их обрядность подробно описана в целом ряде работ, чего нельзя сказать о погребениях земледельцев. В количественном отношении аборигенное население значительно превосходило полукочевую элиту, о чем свидетельствует хорошо развитая поселенческая структура. При этом, изучение погребально-поминальной обрядности обитателей поселений и горо-

дищ чрезвычайно затруднено незначительностью источниковой базы. Число захоронений явно не соответствует демографическим характеристикам поселенческих памятников. Целью работы является попытка выделить и охарактеризовать основные формы бескурганных погребальных обрядов оседлого населения восточноевропейской лесостепи. Критерии выделения подкурганных захоронений земледельцев и их анализ в силу значительной источниковой базы будут темой специальной работы.

Попытки выделения захоронений аборигенного населения делались неоднократно. С.А. Скорый разделил могилы автохтонов на три основные группы: бескурганные грунтовые могильники, подкурганные захоронения

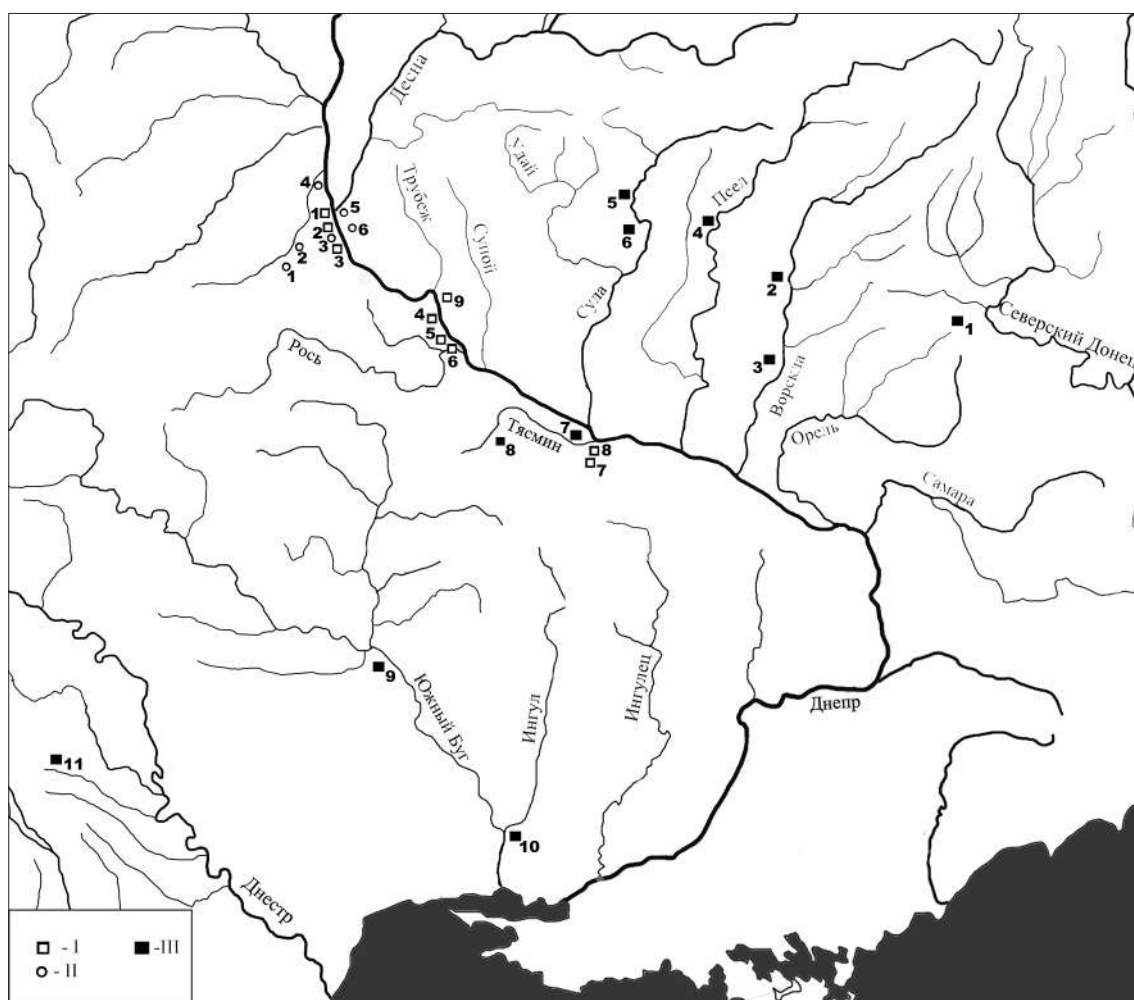

Рис. 1. Погребальные и поселенческие памятники позднего бронзового века и скифского времени юга Восточной Европы. I – грунтовые могильники (1 – Пирогов; 2 – Обухов, Великая Бугаевка; 3 – Халепье; 4 – Бучак; 5 – Грищенцы; 6 – Пекари; 7 – Заломы; 8 – Светловодск); II – грунтовые могильники подгорцевско-милоградского культурного круга (1 – Малополовецкое-3; 2 – Кошчевка-4; 3 – Подгорцы; 4 – Казаровичи; 5 – Погребы; 6 – Руденки); III – поселения и городища (1 – Новоселовка; 2 – Бельск, Царина Могила, Опошня; 3 – Пожарная Балка; 4 – Кнышовка; 5 – Басовка; 6 – Глинское; 7 – Субботов; 8 – Мотронин; 9 – Виноградный Сад; 10 – Дикий Сад; 11 – Глинжень II).

Fig. 1. Funerary monuments and settlements of the Late Bronze Age and Scythian time of the South of Eastern Europe. I – ground burials (1 – Pirogov; 2 – Obukhov; Velikaya Bugaevka; 3 – Halepie; 4 – Buchak; 5 – Grischentsy; 6 – Pekari; 7 – Zalomi; 8 – Svetlovodsk); II – ground burials of podgortsevsko-milogradskiy cultural circle (1 – Malopolovetskoe-3; 2 – Koscheevka-4; 3 – Pidgirtsy; 4 – Kazarovichi; 5 – Pogrebi; 6 – Rudenki); III – hillforts and settlements (1 – Novoselovka; 2 – Bel'sk; Tsarina Mogila; Oposhnya; 3 – Pozharnaya Balka; 4 – Knyshovka; 5 – Basovka; 6 – Glinsk; 7 – Subbotov; 8 – Motronin; 9 – Vinogradniy Sad; 10 – Dikiy Sad; 11 – Glinzhen' II).

полностью сожженных на стороне покойников и погребения без выраженных кочевнических признаков. Важным нам представляется вывод о генетической связи грунтовых захоронений с традициями предскифского времени (Skoryi 2003, 62-65).

Идея о существовании у земледельческого населения Среднего Дона скифского времени бес-

курганного обряда погребения уже долгое время развивается В.Д. Березуцким и Ю.Д. Разуваевым (см. подробнее Razuvaev 2013, 239-244). Поддерживает это мнение А.П.Медведев (1999, 123-124)¹.

1. При этом, А.П. Медведев не считает захоронения Семилукского городища проявлениями данного обряда, а соотносит их с трагической судьбой обитателей укрепления в конце скифского времени (Medvedev 1999, 148-149).

При анализе погребальной обрядности земледельческого населения необходимо учитывать его происхождение и уровень социально-экономического развития. Ряд признаков (незначительный уровень материальной культуры и благосостояния, отсутствие монументальных сооружений на поселениях и городищах, отсутствие следов неравенства и следов внутриобщинной эксплуатации) позволил высказать А.П. Медведеву важный вывод о том, «что основная масса оседлого населения фактически продолжала существовать в условиях позднепервобытно-общинного строя практически с еще во многом сохранившейся эгалитарной внутренней структурой» (Medvedev 1999, 123-124). Таким образом, не стоит переносить полностью характеристики мировоззрения и культов скифов при рассмотрении религиозной жизни земледельцев. С другой стороны, можно предполагать наличие архаических погребальных обрядов, известных из этнографии, которые оставляют мало следов и плохо фиксируются археологически.

С.А. Токаревым был рассмотрен путь развития форм погребения и показано все многообразие форм захоронений первобытных народов (Tokarev 1990, 164-169). Относительно места размещения останков умершего можно предварительно выделить несколько форм погребений у земледельческого населения лесостепи. Все они по способу обращения с телом покойного могут быть отнесены к трупосохранению² и его вариантам: подкурганные захоронения (тип I)³; грунтовые могильники и отдельные погребения (тип II); погребения на территории поселения [в специальных могилах (вариант 1) и в хозяйственных или жилых сооружениях (вариант 2)] (тип III); сохранение части костей предка в доме или на территории поселения (находки отдельных костей в слое или комплексах) (тип IV)⁴ (рис. 1).

2. Проявления обрядов связанных с трупои уничтожением не фиксируются археологически, что не исключает их возможного существования.

3. Анализ данного типа погребений является темой специальной работы.

4. М.Т. Кашуба четко отличает данные находки от погребений и не включает их в типологию (Kashuba 2008, 107-109).

Грунтовые могильники

Бескурганные некрополи, характерные для оседлого населения, зафиксированы в Днепровском лесостепном Правобережье и на Среднем Дону (Skoryi 2003, 62-64; Razuvayev 2013). В Правобережной лесостепи С.А. Скорый насчитывает девять пунктов, где зафиксированы грунтовые захоронения скифского времени. Не вызывает особых сомнений принадлежность местным земледельцам погребенных в Пироговском могильнике и некрополе у с. Грищенцы (Petrenko 1962, 143, 149). Система в расположении погребений в опубликованных могильниках прослеживается лишь на Пироговском могильнике/некрополе, где можно предполагать ряды могил по оси север-юг (рис. 2) (Kubishev et al. 1995, 107). Погребальный обряд обоих могильников характеризуется биритуализмом (рис. 2,2-9). В двух случаях открыты одиночные захоронения: Обухов в Киевском Поднепровье (рис. 3,2) и Бушево в Поросье (Gorokhovskii 1979, 105-107; Skoryi 2003, 63).

К грунтовым погребениям раннескифского времени Днепровского лесостепного Правобережья стоит добавить кремационное погребение 89/2000 г., выявленное на могильнике черняховской культуры Великая Бугаевка-1 (рис. 3,1) (Lysenko 2010, 106-107). Еще одно захоронение (№1) по обряду кремации обнаружено у с. Халепье на правом берегу Днепра. Кальцинированные кости зафиксированы вместе с лепным горшком, украшенным налепным валиком и рядом наколов под ним (Lysenko 2010, 110-111). Кроме того, при раскопках зарубинецкого могильника Дедов Шпиль у с. Бучак возле Канева была найдена камерная гробница, обшитая деревом и перекрытая накатником. Среди перемещенных костей был найден лощеный кубок, украшенный наколами (Maksimov, Petrovskaya 2008, 30). В 2012 году у с. Пекари Каневского района Черкасской области, в ур. Городище, через балку от поселения скифского времени, было выявлено грунтовое погребение⁵.

В обрыве левого берега Днепра, возле поселения пред- и раннескифского времени Белое Озеро 1 у с. Цибли было выявлено три погребения, с которыми связываются находки черпа-

5. Работа с описанием комплекса находится в печати.

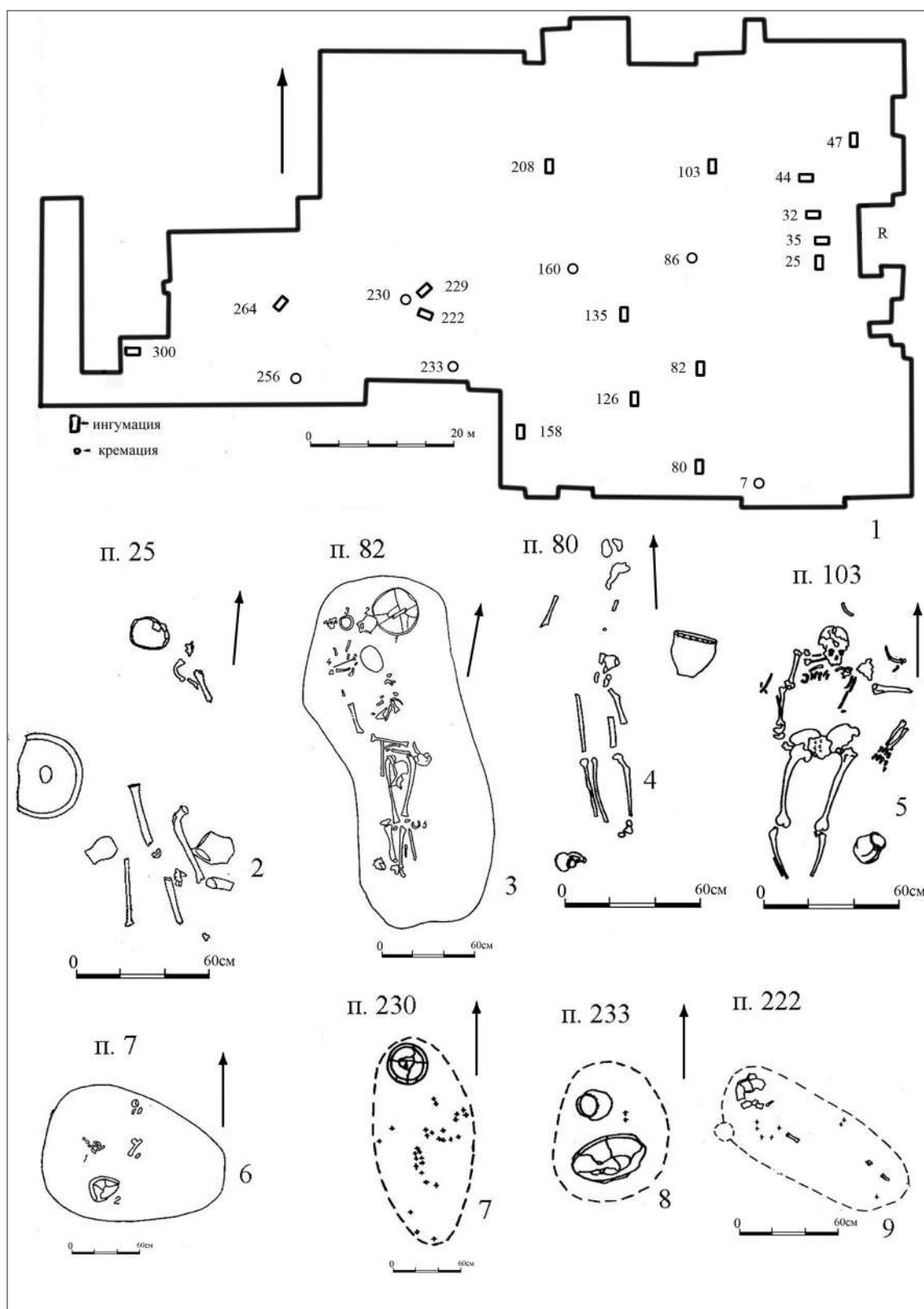

Рис. 2. План Пироговского могильника и некоторых погребений (по Kubishev, Skiba, Skoryi 1995).

Fig. 2. Plan of the Pirogov necropolis and some of burials (after Kubishev, Skiba, Skoryi 1995).

ков и кубков. Исследователи предполагают наличие могильника (Rozdobud'ko, Iurchenko 2007, 51-52). На территории с. Дучинци на Псле было зафиксировано три грунтовых захоронения. Утверждать, что это остатки грунтового могильника, а не погребения на территории поселения, мешает наличие культурного слоя скифского времени (Sherstiuk 2011, 317-321).

В окрестностях Киева известны и грунтовые могильники милоградско-подгорцевского культурного круга – Малополовецкое-3, Подгорцы, Казаровичи, Рудяки, Кощеевка-4, Погребы (Maksimov, Petrovskaia 2008; Lysenko 2010). В бассейне Десны и Сейма известны грунтовый могильник у с. Долинское, обряд и инвентарь которого близок Пироговскому, и захоронения юхновской культуры на заброшенных городищах (Марица, Полужье, Киселевка II, Горбово, Кудлаевка, Мезин). При этом можно согласиться с Д.В. Каравайко, что основным обрядом данной культуры была кремация и захоронение праха в неглубоких ямках за территорией городищ (Karavaiko 2012, 46-74).

На территории Среднего Дона на данный момент известно два могильника Ксизово-16, расположенный в непосредственной близости от синхронного поселения Ксизово-17 (рис. 3,3-4) (Kozmirschuk et al. 2011, 202) и Кулаковка (рис. 3,5-6) (Razuvaev 2012, 165-169). Кроме того исследовано несколько отдельных захоронений: у с. Ольховатка, у хут. Терновушка, у хут. Бузенки (Siniuk, Berezutskii 2001, 151).

Таким образом, можно говорить, что наибольшее количество грунтовых могильников и отдельных захоронений выявлено в междуречье рек Ирпень и Рось. Данный регион характеризуется контактом местных земледельцев с племенами лесной зоны, которые активно проникают в данный регион уже в раннескифское время (Lysenko 2004a, 23). Распространение бескурганных могильников лишь в регионах, где происходило взаимодействие с лесными племенами (Среднее Поднепровье, Средний Дон), возможно, указывает на истоки либо причины появления данной традиции.

Следующая территориальная группа грунтовых некрополей выявлена в предстепи на территории современной Кировоградской области. До полной публикации материалов труд-

но утверждать что-то конкретное о могильниках у с. Заломы и Светловодска (Bokii 1980, 101; Bokii 1987, 22-24). Остатки, видимо, грунтового погребения, которое сопровождалось железными удилами и мечом последней четверти V – первой четверти IV вв. до н.э., выявлены в северо-западной части Жаботинского поселения (Pokrovskaiia 1957). В отношении атрибуции данных некрополей можно предположить их принадлежность оседавшим в V-IV вв. до н.э. степным скифам, поскольку несколько южнее известна целая серия подобных памятников (Ostapenko 2007, 143-172).

Есть основания допускать наличие грунтовых погребений на территории курганных некрополей. На Перещепинском могильнике Бельского городища выявлено два бескурганных захоронения (рис. 3,7) (Kulatova, Suprunenko, 2010, 142-144). На территории некрополя V-IV вв. до н.э. у с. Богдановка в Черном Лесу были открыты четыре погребения между насыпями курганов (Terenozhkin 1949, 13-14, 16).

Малочисленность грунтовых могильников в Восточноевропейской лесостепи может объясняться трудностью их обнаружения, хотя их значительное количество в междуречье Роси и Ирпеня говорит о том, что стоит задуматься над иным объяснением данного явления. Можно предположить, что они были лишь одной из форм погребения земледельцев, а их число отражает их реальный удельный вес от всей совокупности обрядов.

Захоронения на территории поселений и городищ

Погребения на поселениях (тип III) хорошо известны в восточноевропейской Лесостепи в скифское время. Объекты стоит разделить на два основных варианта: в специально выкопанных ямах (тип III. 1) и во вторично использованных хозяйственных или жилых постройках (тип III. 2).

Захоронения первого варианта на Среднем Дону представлены могильником на городище Мостище. Исследовано пять погребений конца V- начала IV вв. до н.э., ориентированных широтно или по линии СВ-ЮЗ, которые принадлежали ребенку, подростку и трем взрослым. Интересно, что погребения 1-4 впи-

саны во внешнее кольцо лабиринта бронзового века, а погребение 5 находилось под каменной вымосткой (Siniuk, Berezutskii 2001, 124-125, рис. 79-80; 150-152). Расположение группы захоронений на городище находит прямые аналогии у племен юхновской культуры, которые были ближайшими соседями населения Среднего Дона скифского времени.

В бассейне Ворсклы несколько погребений зафиксировано на Восточном укреплении Бельского городища. В 1967 г. в раскопе XV было расчищено захоронение на уровне древнего горизонта или немного в него углубленное, которое было перекрыто культурным слоем (рис. 4,1). Скорченный костяк лежал черепом на юг с костями рук на груди (Shramko 1965, 16). Еще одно частично разрушенное захоронение скорченного костяка, ориентированного черепом на юг, было найдено в 1982 г. в раскопе XXX (рис. 4,3). Оба погребения безинвентарные. Нельзя исключать их принадлежность эпохе бронзы (Shramko 1982, 7), хотя единственное погребение бронзового века на территории Восточного укрепления отличается от вышеописанных и было совершено в яме, которая была впущена в древний горизонт и ориентирована по линии СВВ-ЮЗЗ (рис. 4,2). В восточной части ямы был найден череп, а ближе к центру – лепной горшок (Shramko 1980, 8). Скорченные погребения с южной ориентировкой, которые имеют аналогии среди лесостепных захоронений второй половины VII–VI вв. до н.э., я склонен относить к скифскому времени.

Две могилы были исследованы в 1983 году. В погребении №1 костяк лежал в вытянутом положении на спине и был ориентирован черепом на ЮЗ. Слева, у головы стояла лепная не лощенная миска черного цвета (рис. 4,4). Детское захоронение (№2) было найдено в яме 36, которая была засыпана песком (рис. 4,6) (Shramko 1983, 16-17).

В 1994 году в раскопе XXXIII в нижней части культурного слоя было выявлено погребение подростка. Контуры ямы не прослежены. Покойник лежал в скорченном положении на правом боку головой на запад (рис. 4,5). У костей ног стояли горшок с пальцевыми вдавлениями и проколами, а также миска с налечами. Над погребением найден развал еще

одной миски (Shramko 1994, 9-10).

В зольнике №2 в ур. Царина Могила было исследовано скорченное погребение подростка(?), ориентированное головой на юг. У ног выявлен лепной сосуд (рис. 5,3) (Murzin et al. 2000, 5-6)⁶. Два захоронения были исследованы на поселении Опошня-11 на Ворскле (рис. 5,1-2) (Trots'ka 2003, 194-195).

В бассейне Сулы два погребения выявлены на территории поселения Матяшив Яр 2 (Zharov, Terpilovskii 2006, 89). К сожалению, описание объектов отсутствует. Инвентарь погребений датируется раннескифским временем.

Захоронения второго типа дважды встречены на Мотронинском городище. Погребение №1 в раскопе I (1988 г.) было выявлено в хозяйственной яме (рис. 5,4). На дне ямы были уложены ничком в противоположные стороны мужчины зрелого возраста и женщина 25-30 лет. Комплекс датируется концом VI – началом V вв. до н.э. (Bessonova, Skoryi 2001, 8). Еще одно погребение было зафиксировано у предполагаемого центра зольника в яме 10-1990. В слое мусора было совершено захоронение мужчины зрелого возраста, который лежал ничком головой на восток (рис. 5,5) (Bessonova, Skoryi 2001, 22-23). Захоронение ребенка 7-9 месяцев было выявлено в хозяйственной яме 2 на многослойном поселении «Харьков пер. Климовского» в г. Харьков (Peliashenko, Buinov 2010, 324-326). Погребение в яме на поселении Новоселовка было исследовано в 2011 году (Shramko et al. 2012, 447)⁷. Находки человеческих останков в ямах Западного⁸ укрепления Бельского городища, исследованные И.Б. Шрамко, не опубликованы.

Выделяется погребение ребенка 6-7 лет под очагом в землянке на Хотовском городище (Petrovskaya 1970, 132). Подобный обряд, связанный с культом предков, можно соотносить с «закладными» покойниками.

6. В.П. Белозор не исключает его предскифскую принадлежность (Murzin et al. 2000, 10). Учитывая его расположение (или впуск) под зольником и южную ориентировку, я склонен относить его к раннескифскому времени.

7. Об еще одном захоронении на данном поселении в хозяйственной яме, мне любезно сообщил автор раскопок, К.Ю. Пеляшенко, которому я благодарен за информацию.

8. Одно захоронение было показано участникам международной конференции в июне 2012 года.

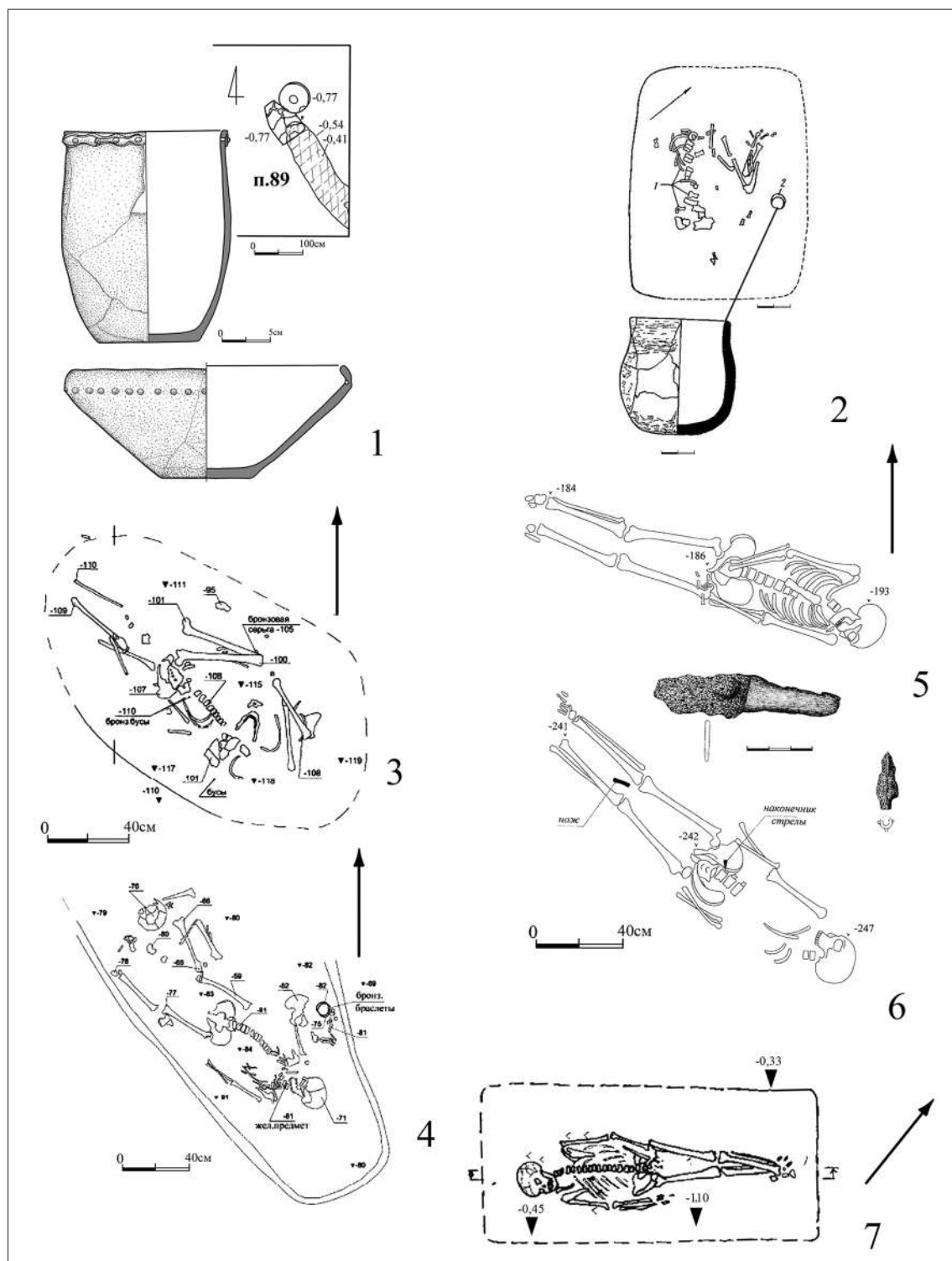

Рис. 3. Грунтовые погребения Среднего Поднепровья. 1 – Великая Бугаевка, погребение 89/2000; 2 – Обухов; 3-4 – Ксизово-16; 5-6 – Кулаковка; 7 – Перещепинский могильник, погребение 1 (1 – по Lysenko 2010; 2 – по Gorokhovs'kii 1979; 3-4 – по Kozmirschuk, Moiseev, Razuvaev 2011; 5-6 – по Razuvaev 2012; 7 – по Kulatova, Suprunenko 2010).

Fig. 3. Ground burials of the Middle Dnieper area. 1 – Velikaya Bugaevka, burial 89/2000; 2 – Obukhov; 3-4 – Ksizovo -16; 5-6 – Kulakovka; 7 – Pereschepino necropolis, burial 1 (1 – after Lysenko, 2010; 4 – after Gorokhovs'kii 1979; 3-4 – по Kozmirschuk, Moiseev, Razuvaev 2011; 5-6 – по Razuvaev 2012; 7 – по Kulatova, Suprunenko 2010).

Памятник	Череп или его фрагмент	Нижняя челюсть	Трубчатые кости
Восточное укрепление Бельского городища	159	1	2
Западное укрепление ^I	6	2	6
Царина Могила ^{II} , зольник 1	9	1	4
Царина Могила, зольник 3	6	1	2
Царина Могила, зольник 4	4		4
Полковая Никитовка, р. 4	1	1	
Лихачевка	4	1	
Кнышовское городище	74	5	1 ^{III}
Глинское городище	12	2	6
Мотронинское городище	1		12
Пожарная Балка	4	1	2
Ширяевское городище		1	2
Всего	284 ^{IV}	23	39

Табл. 1. Находки костей человека на поселениях и городищах восточноевропейской Лесостепи скифского времени^V

I. Опубликованы лишь результаты раскопок В.А. Городцова (Gorodtsov 1911, 10-26) и П.Я. Гавриша, который указывает на обнаружение при раскопках зольника №7 двадцати шести человеческих костей, среди которых преобладали фрагменты черепов и челюстей. Состав костей точно не описан, поэтому я их не учитываю в таблице (Gavrish 2006, 18). Материалы из раскопок И.Б. Шрамко не опубликованы.

II. В.А. Городцов обнаружил атлант и нижнюю челюсть в зольнике 9 (Gorodtsov 1911, 31-32)

III. По данным отчетов невозможно установить точное число трубчатых костей найденных в 1988 г. (Gavrish 1988, 28-29)

IV. Единичные находки фрагментов черепов сделаны на поселениях Завадовка (Shramko I.B. 2001), Олефирщина (Andrienko 1974), Грищенцы (Petrenko 1967, 2), Пастырском городище (Braichevskii 1955).

V. В виду ограниченности объема статьи нет возможности привести все ссылки в списке литературы на соответствующие отчеты.

Год	Череп	Нижняя челюсть	Ключица	Трубчатые кости рук	Бедренная кость	Таз	Позвонки	Ребра
1947		2			1		1	1
1957 ^I	9	4	2	15	11	2	13 ^{II}	10
1959 ^{III}	1 (ж)	1 (м)		3				
Всего: 84	10	7	2	18	12	2	14	11

Табл. 2. Находки человеческих костей на Басовском городище (по П'inskaia 1947; 1957; 1959).

I. В дневнике указано, что в глубине юго-западной части завала обмазки было найдено 73 кости человека и целый лепной сосуд, но они не охарактеризованы (с. 17). Еще 5 костей также не названы (с. 33, 78). Данные фрагменты (78 экз.) мы не учитываем в таблице.

II. Два поясничных, остальные шейные

III. 16 костей от 6 индивидов.

Аналогичные комплексы единичны. К предскифскому времени относится захоронение подростка 10-12 лет под валом Малого городка Субботовского городища, которое, ве-

роятно, является «строительной жертвой» (Klochko et al. 1998, 97), нет в списке литературы. Традиция захоронения людей на поселениях возникла в среднем палеолите. Мы в

общих чертах рассмотрим ее проявления, начиная с предскифского времени среди культур, которые повлияли на сложение культуры населения лесостепи скифского времени.

Захоронения усопших известны на поселениях культуры Сахарна в Среднеднестровском регионе (тип П.3, по М.Т. Кашубе). М.Т. Кашуба собрала многочисленные данные о депонировании человеческих скелетов на поселениях и городищах Средней Европы периода НаВ, которые свидетельствуют о широком распространении данного явления (Kaşuba 2008).

Захоронение подростка на дне хозяйственной ямы известно на Тясминском городище чернолесской культуры (Terenozhkin 1961, 43). Погребения в ямах зафиксированы на поселениях чернолесской культуры у с. Непоротов и Ломачинцы на Днестре (Krushel'nits'ka 1998, 32-34, 39-40). Захоронения были выявлены в жилище 4а и яме 7 (раскоп 8) Субботовского городища (Lysenko 2004, 263-264)⁹. На поселении Долиняны в хозяйственных ямах найдены погребение расчлененного скелета мужчины и женщины с тремя детьми (Smirnova 1981, 44-46).

Данные погребения можно связывать с архаической традицией погребения людей в их жилищах. Исследователи связывают подобные погребения со схожестью семиотических контекстов жилища и погребальной камеры. Р.О. Мимоход связывает их с ритуалом оставления жилища (Mimokhod 1997, 112-114)¹⁰. Многие исследователи предполагают, что кости людей на поселениях являлись жертвоприношениями (Bessonova, Skoryi 2001, 8) или принадлежали умершим неестественной смертью и др. В целом, создание подобных комплексов можно связывать с сакрализацией жилого пространства и трансформацией хаоса в космос. Вероятно, захоронением умерших на поселениях устанавливалась связь с предками, под духовной защитой которых и находились потомки. Можно допускать что часть погребенных на городищах могли умереть во время эпидемий. Стоит отметить, отличие погребений данного типа от мест захоронений погиб

ших в результате военных действий или других экстраординарных событий (Семилюкское городище (рис. 5,6), Коломак и др.).

О выставлениях

Сохранение части костей предка в доме или на территории поселения, являются проявлениями культа предков, который включает почитание их останков. Данный способ захоронения относится к классу выставления. При данном способе обращения с телом не происходит изоляции останков от социального окружения (Smirnov 1997, 14, 24-27).

Традиция имеет многочисленные проявления у различных народов находящихся на разных ступенях культурного развития. Первые проявления обряда выставления фиксируются вместе с формированием веры в посмертное существование. Рассмотрим более подробно случаи находок человеческих костей на поселениях позднего бронзового века юга Восточной Европы с целью определения возможной генетической связи с традициями племен раннего железного века.

На поселении сабашиновской культуры Виноградный Сад на Южном Буге, в помещении 3, были выявлены черепная крышка человека, в помещении 4 – фрагмент правой бедренной кости со следами обработки, а в помещении 2 – отсеченная лицевая часть черепа (Fomenko et al. 2006, 373). Кроме того, на поселении выявлено полифункциональное орудие из бедренной кости (Fomenko et al. 2005, 309-310). На еще одном селище у хут. Кременчук на Южном Буге были найдены две нижние челюсти. Человеческие кости были обнаружены и на соседних поселениях (Щуцкое 1 и др.). В.Н. Фоменко считает, что данные находки являются следами ритуального каннибализма (2003, 306). Я.П. Гершкович указывает на находки в сабашиновских зольниках в культурном слое и внутри ям отдельных костей и черепов людей (Gershkovich 2004, 105).

В.А. Ромашко справедливо отмечает, что значительное количество человеческих костей на поселениях Павлоград и Богуслав-1 богуславско-белозерской культуры финального бронзового века, позволяет предполагать, что жители поселений не хоронили останки умерших в земле. Исследователь отмечает важный для данного вопроса момент – человеческие

9. Хочу выразить благодарность С.Д. Лысенко за консультации при подготовке данной работы.

10. Жертвы, закопанные в пол жилища, могут быть связаны с культовой практикой, относящейся и ко времени его функционирования (Gorbov, Mimokhod, 1999, 25).

кости нередко находят на поселениях тех культур, погребальный обряд которых мало известен (Romashko 2013, 169).

Разрозненные кости человека, которые долго пребывали на открытом воздухе, найдены в углубленном сооружении на белогрудовско-чернолесском поселении Волковка (Lysenko 2002, 90-91). При исследовании Субботовского городища были выявлены фрагменты человеческих костей. С.Д. Лысенко, со ссылкой на данные этнографии, не исключает, что кости могли принадлежать предкам и сохраняться в жилище определенное время. В Среднем Поднепровье в предскифское время, по мнению С.Д. Лысенко, фиксируется преобладание использования костей ног и черепов в ритуальных целях (Lysenko 2004, 263-264).

При исследовании городища белозерской культуры Дикий Сад в Николаеве, в ямах и помещениях было найдено не менее десяти черепов, две нижних челюсти и фаланга человека. Данные находки К.В. Горбенко связывает с культом предков (Gorbenko 2000, 53-54; 2007, 9).

Интерес вызывает святилище Глиджень II, где было обнаружено большое количество специально депонированных человеческих костей, зачастую обработанных (останки 165 индивидов) (Gol'tseva, Kashuba 1995, 11-31). М.Т. Кашуба отличает их от погребений и называет «ритуальными скоплениями с человеческими костями». Исследовательница предложила считать данные комплексы «дарами богам» и привела им широкие параллели на территории Средней Европы (Урненфельд, Бабадаг) (Kashuba 2008).

Своим происхождением земледельческое население лесостепи в основном связано с племенами тщицецкого культурного круга (далее ТКК) позднего бронзового века - предскифского времени Днепровского лесостепного Правобережья (Il'inskaia 1975, 8; Lysenko 2004a, 20-24). У племен белогрудовской, чернолесской культур и жаботинского периода существовали разнообразные погребальные обряды: подкурганые и грунтовые захоронения, кремация и ингумация, несколько вариантов ориентировки умерших (Terenozhkin, 1961; Il'inskaia 1975, 74-87).

Исследователи давно обращают внимание

на находки человеческих костей при раскопках поселений и городищ скифского времени. В.А. Ильинская предполагала, что достаточно высокий уровень культуры лесостепного населения не позволяет видеть в массовых находках остатков людей на Басовском, Ширяевском, Кнышевском городищах следов канибализма. Выдающаяся исследовательница предполагала, что в будущем будет найдено более повседневное объяснение данному явлению (Il'inskaia 1970, 35).

Существование обряда выставления среди погребальных традиций жителей Семилюкского городища скифского времени предполагали А.Д. Пряхин и Ю.Д. Разуваев, но из-за недостаточности данных не стали развивать данную идею (Priakhin, Razuvaev, 1993, 19; критика см. Medvedev 1999, 148-149). Присутствие подобных обрядов в скифской среде предполагает С.С. Бессонова (Bessonova 1990, 22).

Специалисты по погребальной обрядности греков Северного Причерноморья допускают проживание групп варваров в некоторых городах Боспора и на прилегающих территориях, которые практиковали выставление умерших (Sorokina, Sudarev 2001, 377-383). И.П. Русанова отмечала, что сохранение костей и черепов не было характерным для древнегреческой и скифской культовой практики и распространение этого обычая, вероятно, связано с традицией лесостепных культур (Rusanova 2002, 139).

Вначале хотелось бы привести данные о находках человеческих костей на территории поселений и городищ Восточноевропейской лесостепи скифского времени (таб. 1), после чего предложить свой вариант реконструкции процессов, следами которых являются данные материалы.

Как мы видим, наибольшим числом костей представлены черепа и их фрагменты, нижние челюсти и длинные трубчатые кости. Несколько разнообразнее состав костей, найденных на Басовском городище (таб. 2).

Среди находок преобладают черепа и их фрагменты (рис. 6,1-3,5-6). Череп и его культ занимал особое место в религиозной жизни людей. М.Б. Медникова обратила внимание на различную семантику частей тела. Посткраниальный скелет связан с нижним миром,

а череп является элементом жилищ и культовых сооружений, представляя позитивную функцию, воплощенную в культе предков (Mednikova 2003, 107). Известна практика отсечения головы и дальнейшего использования черепа покойника и у кочевых скифов.

Много информации содержат и данные этнографии. Традиция сохранять черепа предков зафиксирована у юкагиров Сибири. А.Х. Халиков приводит важные данные о наземном обряде погребения у приобских угров: тело умершего находится в специальной постройке до разрушения мягких тканей или самого сооружения. После этого кости могут погребаться либо сохраняться в доме или специальном месте. Чаще всего сохранялись черепа, в которых, как предполагалось, обитает главная возрождающаяся душа (Khalikov 1977, 100). Согласно преданию, тело шамана (или главы рода) очищали от мягких тканей, кости разделяли между членами рода, а череп доставался старшему в роде (Iokhonev 1900, 181). В Полинезии головы вождей хранят в специальных храмах (Shternberg 1936, 340). Череп и (или) нижняя челюсть после подготовки выставлялись в домах и культовых местах у ацтеков (Vaïian 1949, tab. 48).

Важным является вопрос о возможности извлечения черепов из погребений. Однако, погребения без голов в Лесостепи единичны (Bandurovskii et al. 1998, 172-174). В скифских могильниках Буджакской степи известны захоронения черепов и обезглавленные тела (Redina 1994, 201-203). Для населения лесостепи, которое хоронило часть своих умерших под курганами, было свойственно положение в могилу полного костяка, даже если это было вторичное захоронение.

Значительным количеством представлены отдельные нижние челюсти. Высокий семиотический статус данные кости имеют с палеолита (Smirnov 1997, 3). «Культ челюстей» зафиксирован у племен срубной и белозерской культур позднего бронзового века (подробнее см. Usachuk et al. 2010, 197-198).

Выделяется значительное количество бедренных костей (Басовка, Кнышевка, Царина Могила, Восточный Бельск и др.), некоторые из них имеют следы перимортальных манипуляций (Kozak, Shul'ts 2006, 79-90). Исследова-

тели отмечают феномен искусственно обработанных бедренных костей человека. Данные кости, по-видимому, могут рассматриваться как сакральный предмет, начиная с позднего палеолита. Предполагается их вероятное использование в качестве инсигний власти или определенного социального положения, в качестве ударных музыкальных инструментов, либо как олицетворение культа предков, преемственности поколений и идеи возрождения (Mednikova 2004, 224-227).

Стоит подробнее остановиться на местах находок человеческих костей на поселениях. На Кнышовском городище, интересующие нас находки, были сделаны в двух помещениях, восьми ямах и колодце. Два фрагмента черепа зафиксированы в основании глинобитного жертвенника (Gavrish 1988, 18). Остальные кости были обнаружены в культурном слое. Кроме одного случая, все находки сделаны на территории, которая прилегает к валу (fig. 7).

При исследовании Восточного Бельска было встречено значительное количество костей человека. Кроме находок в культурном слое, отметим следующие комплексы. Возле остатков жертвенника VI-V вв. до н.э. были найдены фрагменты черепа, челюсти, зубы и фрагмент бедренной кости. Б.А. Шрамко считал их следами культового каннибализма (Shramko 1965, 13). У ямы №31 зафиксирован круглый жертвенник, у основания которого был найден фрагмент верхней челюсти человека (Shramko 1966, 4-5). Кроме того фрагменты черепов найдены в жилищах №12-14-1967, 49-30-83, 3-11-1966, хозяйственных постройках №48-30-1983, 7-28-1978, 44-26-1977, в ямах №95-28-1979, 11-4(5)-1965, 21-25-1974 (Shramko 1987, 55-79). В засыпке жилища №8-25-1974 были обнаружены черепная крышка, обломок антропоморфной статуэтки и бараньи астрагалы (Shramko 1987, 58). В жилище VI в. до н.э. №25-26-1976 вместе с разбитыми костями собак и их черепами, кусками жертвенника и культовой пластикой была найдена срезанная лицевая часть черепа (Shramko 1987, 51). Части черепа и мелкая глиняная пластика выявлены в жилище №81-28-1979, в котором на черепках двух собак, был сооружен жертвенник (Shramko 1987, 55). В яме №11-XXX-1980 было

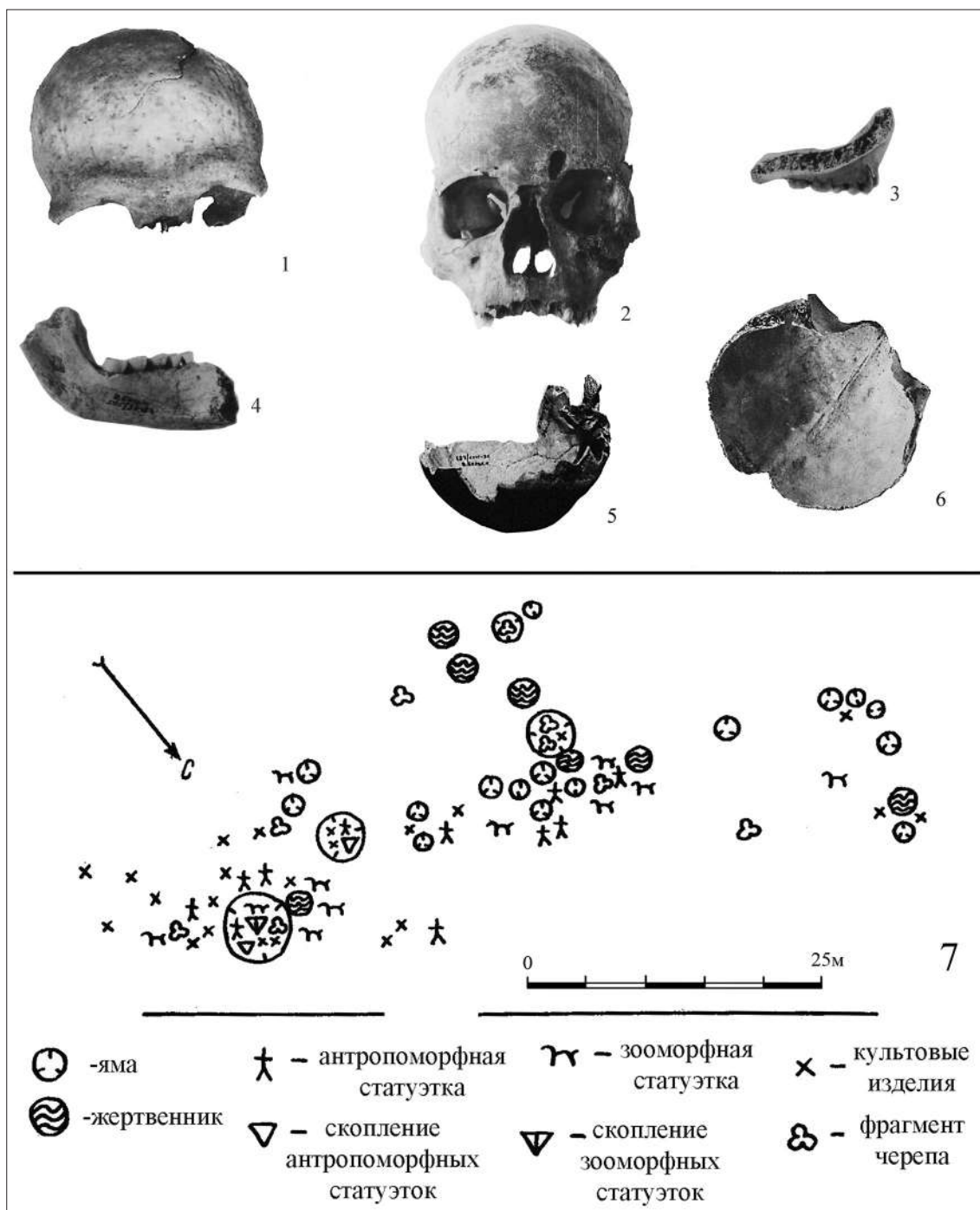

Рис. 6. Фрагменты черепов и нижних челюстей (1-6) и святилище (7) из Восточного Бельска (по Shramko 1970; 1979; 1980; 1983; 1987; 1991).

Fig. 6. Fragments of the skulls and mandibles(1-6) and sanctuary (7) from the East Bel'sk (after Shramko 1970, 1979, 1980 , 1983, 1987, 1991).

найдено пряслице, череп ребенка 3-4 лет и глиняная шестилучевая поделка (Shramko 1980).

Выделяется раскоп XXIII, расположенный вдоль вала, в котором выявлены остатки

святилища (рис. 6,7) (Shramko 1987, 127-128). При его исследовании было найдено более 160 глиняных статуэток и фрагменты девяти черепов. В яме №33 данного раскопа вместе с во-

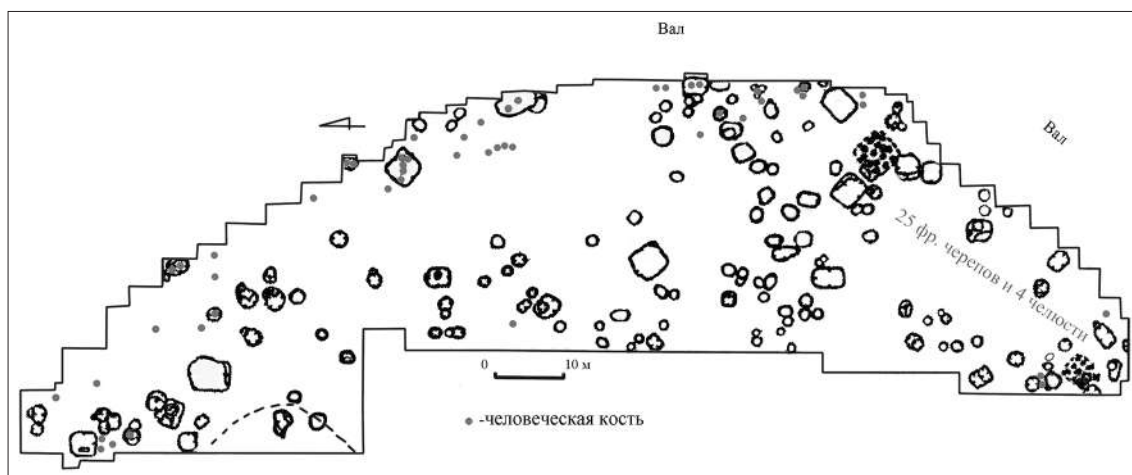

Рис. 7. Местонахождения человеческих костей на Кнышовском городище (по Gavrish 1988; 1989; 1990; 1991; 1992).

Fig. 7. Location of the human bones in the Knyshovskoe hillfort (after Gavrish 1988; 1989; 1990; 1991; 1992).

тивной пластикой были найдены обломки черепа (Shramko 1973, 5-11). При исследовании Мотронинского городища, в заполнении ямы погребения 1, была найдена лицевая часть черепа с глазницами. Другие кости были обнаружены в помещении 1-7-1993 и хозяйственных ямах (Bessonova, Skoryi 2001).

Интерес вызывает обнаруженное в 1957 году при исследовании Басовского городища (раскоп 1 у вала, ур. Башта) скопление к северо-западу от очага жилища 1, которое состояло из комьев обмазки, керамики и костей животных и людей (рис. 8,2) (Il'inskaia 1957, 7). Подобные комплексы стоит выделить в отдельный тип жертвенников, которые представляют собой скопления фрагментов керамики, костей животных и людей. К данному типу относятся два комплекса (жертвенник 1 и 3) Цариной Могила (рис. 9). (Murzin et al. 2001, 39 Chernenko et al. 2004, 19-20). Похожим объектом является яма №40 у вала Кнышевского городища, в заполнении которой был найден череп ребенка, вокруг которого лежало много костей животных и куски жертвенника (Gavrish 1989, 14).

Выделяется жертвенник 2, обнаруженный в зольнике 3 в ур. Царина Могила. Череп был вмонтирован в глиняное конусообразное возвышение в яме (рис. 8,1) (Murzin et al. 2001, 39-41).

Можно допустить, что находки человеческих костей в данных случаях могут быть связаны с культом предков, в котором данные «жертвенники» были местами их почитания.

Если допускать возможность убийства людей у данных объектов, то сама идея жертвоприношения, где центральное место занимает убийство и расчленение тела, является актом повторения космогонии. Данное «конструктивное» жертвоприношение является по своей природе имитативным, «включенным в общий комплекс цикличности, «вечного возвращения», идея которого характерна для архаического сознания» (Dmitrieva 2000, 15). Данные действия, по заключенному в них смыслу, близки демембрации и эндоканнибализму.

Можно сделать несколько наблюдений. Не менее половины костей найдено в культурном слое. Нельзя исключать того, что они были помещены в углубления в культурном слое, поэтому не фиксировались в однородном грунте. Часть черепов и их фрагментов найдено в непосредственной близости от жертвенников. Особое внимание привлекает серия находок в помещениях культового назначения (Кнышев-ка №1-1988, Восточный Бельск №81-28-1979 и, особенно, 85-29-1981). В сооружениях, кроме костей человека, фиксировались жертвенники или их остатки, кости животных и мелкая глиняная пластика. Привлекает внимание наличие в трех случаях находок у жертвенников черепов или костяков собак, которые дважды лежали в их основании. Связь собаки с погребальными культами во многих культурах общеизвестна. Среди комплексов Восточного Бельска выделяется культовая постройка №85-

29-1981 начала V в. до н.э. (рис. 10). В одной из ям в ее дне (А) было найдено 108 костей человека¹¹ преимущественно фрагменты черепов, 36 из которых зафиксированы на дне). Кроме того, в помещении найдено 12 частей антропо- и зооморфных статуэток, скопление костей животных, включая целый череп лоса (Shramko 1981, 4-5). Данное сооружение, вероятно, было своеобразным «домом мертвых».

Наземные постройки с остатками захоронений¹² известны на дьяковских городищах Березняки и Саввино-Сторожевском. К.М. Свириной предполагает, что «городище, несомненно, являлось социально значимым организованным пространством, которое в зависимости от обстоятельств выполняло разные функции – поселение и производственный центр, святилище, место погребения умерших» (Svirin 2008, 140).

Способы депонирования человеческих скелетов и их частей на поселениях отличаются от типов ритуальных скоплений культуры Сахарна, выделенных М.Т. Кашубой (Kashuba 2008, 106-120). В лесостепи скопления человеческих костей единичны (тип I), а зачастую представлены единичные фрагменты или черепки. Части скелетов не сопровождаются сосудами, не обжигаются и не складываются в урны (типы II-III). Некоторые аналогии находит тип IV, с той разницей, что кости помещаются не в специально подготовленные ямы со специфическим заполнением, а в обычные хозяйственные. В целом, стоит отметить меньшую роль огня в ритуалах.

Выставления по данным антропологии

На данном этапе работы доступны данные антропологических исследований костей из ур. Царина Могила и нескольких черепов из Восточного укрепления Бельского городища.

Кости из зольников 1-3 Цариной Могилы имели следы посмертных манипуляций, среди которых стоит отметить декапитацию, скальпирование¹³, следы отделения мягких тканей, демандибуляцию, пробивание отверстий,

11. Указано только в общем, что это фрагменты черепов. О наличии других костей данных в отчете нет.

12. Принципиально важным является размещение подобных построек на территории обитаемых городищ.

13. Что может говорить не обязательно о жертвоприношении, а, например, о приготовлении трупа к погребению.

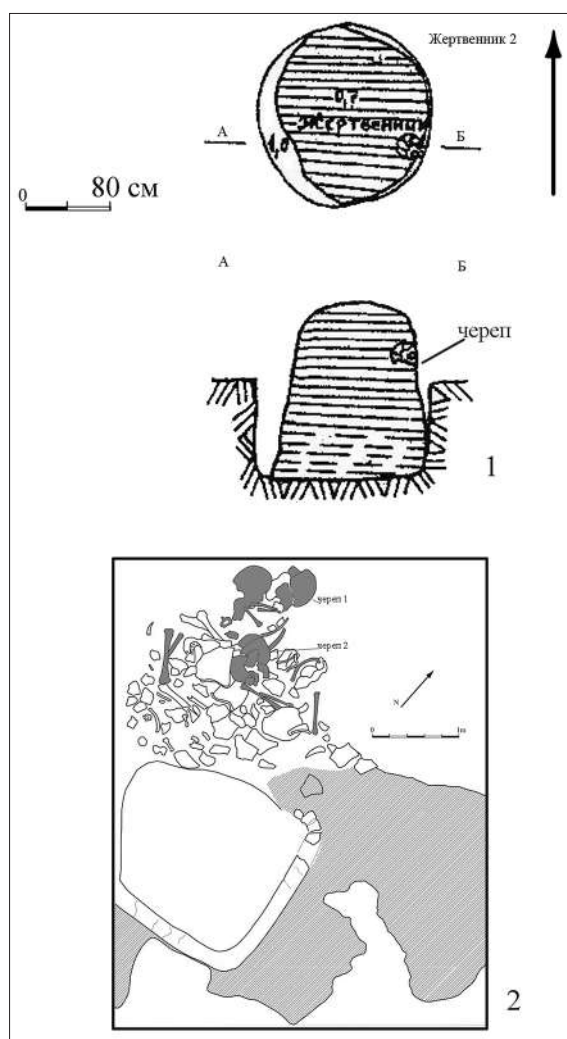

Рис. 8. Жертвенник 2 зольника 3 в ур. Царина Могила (1) и в жилище 1 Басовского городища (2) (1 - по Murzin et al. 2001; 2 - по Il'inskaia 1957).

Fig. 8. Altar 2 of the ash hill 3 of the Tsarina Mogila (1) and in the dwelling 1 of the Basovka hillfort (2) (1 - after Murzin et al. 2001; 2 - after Il'inskaia 1957).

следы зубов хищников, полировку, оббитость эпифизов (Kozak, Shul'ts 2006, 79-90). Перимортальные и посмертные манипуляции зафиксированы на половине костей (16 из 32). Результаты исследования говорят в пользу выставления умерших, поскольку большинство костей долгое время были на открытом воздухе (солнце) (Kozak, Shul'ts 2006, 77-91).

О пребывании черепов где-то до попадания в землю свидетельствуют данные исследования черепа из Цариной Могилы, в котором грунт отличался от выявленного в раскопе (Kozak, Shul'ts 2006, 82).

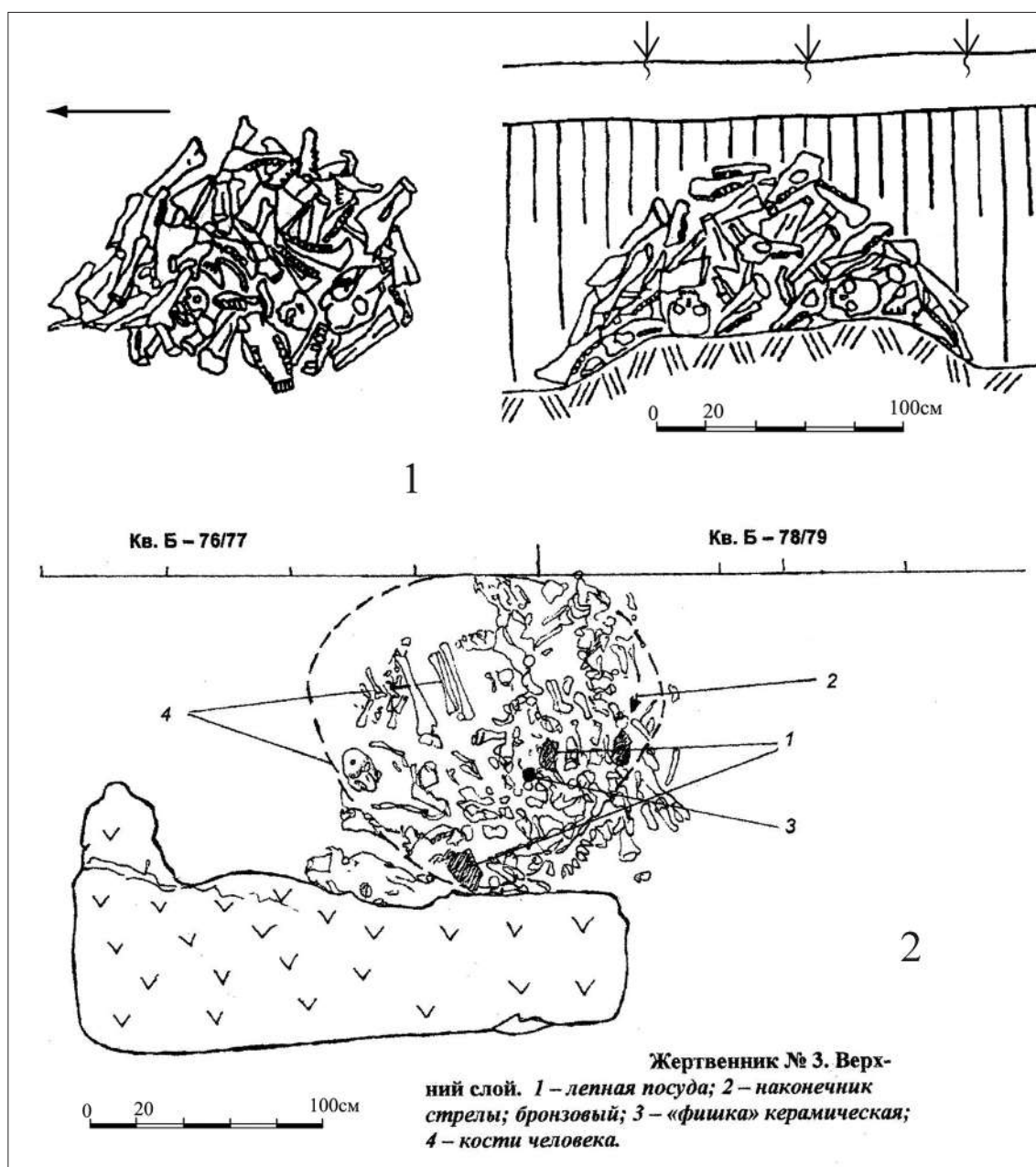

Рис. 9. Жертвенники 1 (1) и 3 (2) зольника 3 в ур. Царина Могила (по Murzin et al. 2001; Chernenko et al. 2004).

Fig. 9. Altars 1 (1) and 3 (2) in the ash hill 3 of the Tsarina Mogila (after Murzin et al. 2001; Chernenko et al. 2004).

А.Д. Козак¹⁴ были осмотрены фрагменты черепов, которые были обнаружены при раскопках Восточного Бельска в 1972, 1974 и 1976 гг. Фрагменты черепов (587/XXVI-1976, ребенок 7-16 лет; 1007/XXVI-1976, мужчина 16-25 лет; 933/ XXVI-1976, женщина(?) 14-25

лет; 758 XXIII- 1972, индивид 20-30 лет; 231/ XXV-1974, мужчина 25-35 лет) пребывали не погребенными какое-то время и имеют следы воздействия дождя и солнца. Края костей в древности обломаны и затерты. Кроме того, в черепе, который был найден в раскопе XXXIII на Восточном Бельске, была обнаружена бусина (Shramko 1994). Таким образом, результаты антропологических исследований говорят в

14. Выражаю признательность к.и.н. А.Д. Козак за помощь в работе над статьей. Материалы готовятся к совместной публикации.

пользу предложенной мной идеи о существовании обряда выставления умерших, поскольку большинство костей определенное время пребывали на открытом воздухе и подвергались посмертным манипуляциям.

От физической смерти к социальной (попытка реконструкции)

Описанные выше остатки человеческих скелетов позволяют предполагать, что тела части умерших земледельцев скифского времени подвергались демембрации (ритуальному разрушению тела) и выставлению.

Имеются многочисленные этнографические данные об обряде выставления и использования костей человека. В зависимости от климата уничтожение мягких тканей могло происходить в естественной среде (например, оставление трупа в воде или на воздухе до полного разложения), либо тело отдавалось в пищу животным-некрофагам (рыбам, птицам или собакам). Для получения такого же эффекта тело умершего могло помещаться во «временную могилу», которая выкапывалась в центре селения, на «сакрализованной» площади, и использовалась для всех умерших жителей деревни (Levi-Stros 1984, 110-122).

Нельзя исключать кремацию части лесостепных аборигенов с последующим развеиванием их праха. Сожжение тела, по заложенному в нем смыслу (освобождение костей), не отличается от разрушения тела животными или природными факторами (Burkert 2000, 432). Интересно, что кремации могла подвергаться не все тело, а лишь его часть (Berndt, Berndt 1981, 374).

Последемембрации в соответствии с существующими традициями могло подвергнуться выставлению как все тело, так и определенная его часть. Например, при декапитации специально подготовленный череп мог подвергнуться ритуальному выставлению или найти утилитарное применение (чаша), а все остальное тело могло оставляться на произвол судьбы, либо захораниваться (Smirnov 1997, 70).

При демембрации тела его части могли сохраняться как в одном месте, так и рассредотачиваться. Например, у некоторых народов Африки части тела используются в разного рода выставлениях и сохраняются непогре-

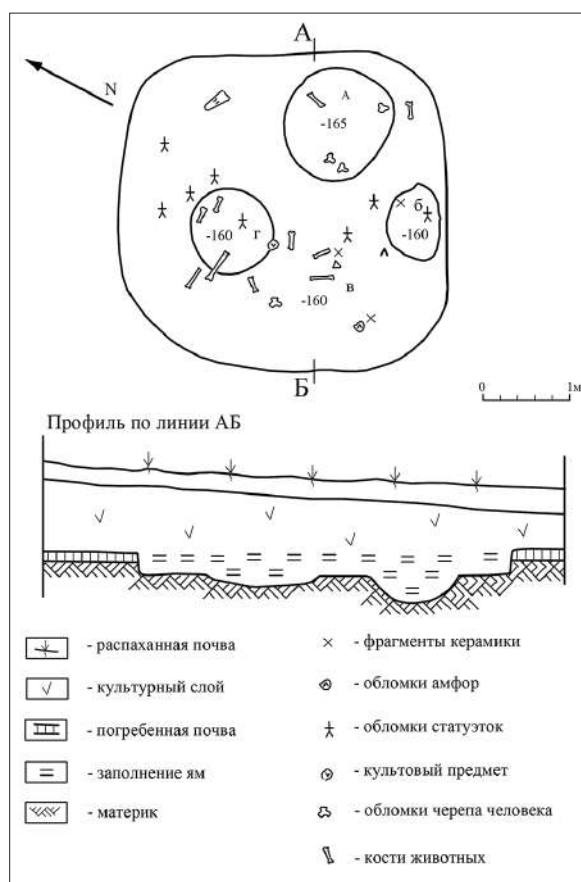

Рис. 10. Восточный Бельск. Культовая постройка 85-XXIX-1981 (по Shramko 1981).

Fig. 10. Eastern Bel'sk. Cult building 85-XXIX-1981. (after Shramko 1981).

бенными в специальных постройках или в «реликвариях» (Kara-Murza 1986, 111).

Трудно уверенно говорить обо всех деталях обращения с телом покойного, поскольку погребение и выставление могли носить промежуточный характер. Например, временное погребение для удаления мягких тканей и последующее их выставление или первоначальное выставление тела умершего на воздухе с целью удаления мягких тканей от костей и последующее их захоронение (Smirnov 1997, 25).

Нельзя исключать и существования ритуального каннибализма (эндоканнибализм), как одного из способов обращения с телом умершего. При ритуальном каннибализме скелетные остатки могут подвергаться погребению или выставлению (Smirnov 1991, 205, рис. 111). О его проявлениях в скифское время у исседонов нам сообщает Геродот.

Поддержание «посмертного» общения с покойным может проходить в форме перебирание костей родственников, которые хранятся в специальных оссуариях, кормления и иных видов общения с покойником (родственником, вождем) (Smirnov 1997). Жители Марианских островов сохраняли высушенные трупы предков в домах в качестве домашних богов, а гвинейские негры, которые сохраняли кости родственников в ящиках, периодически беседовали с ними в их гробницах-хижинах (Shternberg 1936, 341, 342).

Стоит отметить, что для первобытных сообществ культа предков и погребального обряда вполне достаточно для поддержания преемственности поколений. Молодежь, отдавая дань уважения мертвым сородичам и участвуя в погребальных церемониях, проходит своеобразную инициацию. Таким образом, общество объединяет и обновляет себя (Burkert 2000, 434).

Обряды выставления характерны для первобытных племен. С появлением государства и классового общества они в чистом виде исчезают, сохраняясь в разного рода обычаях. Общеизвестным является афонский обряд погребения монахов. Интересно заключение исследователей, что «традиция полного сохранения тела умершего устойчиво трансформируется в по-

гребальный обряд, а парциального сохранения – в различные магические ритуалы и практики, например, религиозные культы святых мощей» (Syrovatko, Kozlovskaja 2004, 230).

Таким образом, можно говорить о генетической связи обряда выставления у населения лесостепи скифского времени, как одной из составляющих культа предков, с традициями племен ТКК лесостепи, а также сабагинской и белозерской культур степи. Стоит предполагать и влияния племен Днестро-Дунайского междуречья предскифского времени.

Погребальный обряд земледельцев лесостепи скифского времени был разнообразен и многогранен. Соотношение способов обращения с умершими было различным у племен лесостепи. Выявление данных локальных особенностей культа предков является темой отдельной работы.

Можно предполагать, что наряду с захоронением под курганами, в грунтовых могильниках и на территории поселений, значительное место занимал культ предков в виде выставления их черепов или других костей в специальных местах или домах. Вероятно, именно этим и объясняется немногочисленность грунтовых могильников, и не стоит рассчитывать на их массовое обнаружение.

Литература

- Bandurovskii et al. 1998:** A.V. Bandurovskii, Iu.V. Buinov, A.K. Degtiar', Novye issledovaniia kurганов скифского времени v okrestnostiax g. Liubotin. In: (ed. Iu. V. Buinov) Lybotinskoe gorodishe (Kharkov 1998), 143-182 // A.B. Бандуровский, Ю.В. Буйнов, А.К. Дегтярь, Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г. Люботина. В сб.: (отв. ред. Ю.В. Буйнов) Люботинское городище (Харьков 1998), 143-182.
- Berndt, Berndt 1981:** R.M. Berndt, K.Kh. Berndt, Mir pervykh avstraliitsev (Moskva 1981) // Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев (Москва 1981).
- Bessonova 1990:** S.S. Bessonova, Skifskie pogrebalnye complexy kak istochnik dlia rekonstruktsii ideologicheskikh predstavlenii. In: (ed. V.M. Zubar) Obriady i verovaniia drevnego naseleniia Ukrainy (Kiev 1990), 34-37 // С.С. Бессонова, Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений. В сб.: (отв. ред. В.М. Зубарь). Обряды и верования древнего населения Украины (Киев 1990), 34-37.
- Bessonova, Skoryi 2001:** S.S. Bessonova, S.A. Skoryi, Motroninskoe gorodishche skifskoi epokhi (po materialam rasskopok 1988-1996 gg.) (Kiev-Krakov 2001) // С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988-1996 гг.) (Киев-Краков 2001).
- Bokii 1980:** N.M. Bokii, Pozdneskifskii beskurgannyi mogilnik u g. Svetlovodsk. In: XVIII konferenciia IA AN USSR „Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1978-1979” (Dnepropetrovsk 1980), 101 // Н.М.

- Бокий, Позднескифский бескурганый могильник у г. Светловодска. В: XVIII конференция ИА АН УССР «Археологические исследования на Украине в 1978-1979 гг.» (Днепропетровск 1980), 101.
- Bokii 1987:** N.M. Bokii, Gruntovyi mogil'nik u s. Zalomy. Vsesoiuznyi seminar, posviashchennyi pamiatii A.I. Terenozhkina „Kimmeriitsy I skify”, t. 1 (Kirovograd 1987), 23-24 // Н.М. Бокий, Грунтовый могильник с. Заломы. Всесоюзный семинар, посвященный памяти А.И. Тереножкина «Киммерийцы и скифы», t. 1 (Кировоград 1987), 23-24.
- Burkert 2000:** M. Burkert, Homo Necans (Zhertvoprinoshenie v drevnegrecheskom rituale I mife). In: (ed. L.I. Akimova) Zhertvoprinoshenie: Ritual v culture I iskusstve ot drevnosti do nashikh dnei (Moskva 2000), 405-478 // М. Буркерт, Homo Necans (Жертвоприношение в древнегреческом ритуале и мифе). В сб.: (отв. ред. Л.И. Акимова) Жертвоприношения: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней (Москва 2000), 405-478.
- Chernenko et al. 2004:** E.V. Chernenko, R. Rolle-Gertts, S.A. Skoryi, C.V. Makhortykh, V.P. Belozor, Issledovaniia sovместnoi Ukrainsko-Nemetskoj arkhеologicheskoi ekspeditsii v 2003 (Kiev 2004) // Е.В. Черненко, Р. Ролле-Герц, С.А. Скорый, С.В. Махортых, В.П. Белозор, Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2003 г. (Киев 2004).
- Gavrish 1988:** P.A. Gavrish, Otchet o polevykh arkhеologicheskikh issledovaniiah Poltavskoi lev-oberezhnoi ekspeditsii Poltavskogo pedagogicheskogo instituta v 1988 g. Nauchnyi arkhiv IA NANU. Inv.nr. 1988/54 (Poltava 1988) // П.А. Гавриш, Отчет о полевых археологических исследованиях Полтавской левобережной скифской экспедиции Полтавского педагогического института в 1988 г. Научный архив ИА НАНУ. Инв. №1988/54 (Полтава 1988).
- Gavrish 1989:** P.A. Gavrish, Otchet o polevykh arkhеologicheskikh issledovaniiah Poltavskoi lev-oberezhnoi ekspeditsii Poltavskogo pedagogicheskogo instituta v 1988 g. Nauchni arkhiv IA NANU. Inv. nr. 1989/54 (Poltava 1989) // П.А. Гавриш, Отчет о полевых археологических исследованиях экспедиции Полтавского педагогического института в 1989 г. Научный архив ИА НАНУ. Инв. №1989/54 (Полтава 1989).
- Gavrish 2006:** P.A. Gavrish, Osnovni pidsumki doslidzhennia popelishcha №7 u Bil'skomu gorodishchi. Archeologichnii litopis Livoberezhnoi Ukraini 1, 2006, 11-20 // П.А. Гавриш, Основні підсумки дослідження попилища №7 у Більському городищі. Археологічний літопис Лівобережної України 1, 2006, 11-20.
- Gershkovich 2004:** Ia.P. Gershkovich, Fenomen zol'nikov belogradovskogo tipa. RA 4, 104-113 // Я.П. Гершкович, Феномен зольников белогрудовского типа. РА 4, 104-113.
- Gol'tseva, Kashuba 1995: N.V. Gol'tseva, M.T. Kashuba, Glinzheny II. Mnogosloinyi pamiatnik Srednego Podnestrov'ia (Tiraspol' 1995) // Н.В. Гольцева, М.Т. Кашуба, Глинжены II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (Тирасполь 1995).
- Gorbenko 2000:** K.V. Gorbenko, Kharakter i structura arkhitekturykh sooruzhenii poseleniia epokhi final'noi bronzy „Dikii Sad”. In: Mezhdunarodnaia konferentsiia „Archeologii i drevniaia arkhitektura Levoberezhnoi Ukraini i smezhnykh territorii (Donetsk 2000), 53-55 // К.В. Горбенко, Характер и структура архитектурных сооружений поселения эпохи финальной бронзы «Дикий Сад». В сб.: Международная конференция «Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий» (Донецк 2000), 53-55.
- Gorbenko 2007:** K.V. Gorbenko, Gorodishche „Dikii Sad”. Емівко 1, 2007, 53-55 // К.В. Горбенко, Городище «Дикий Сад» у XIII-IX ст. до н.е. Емівко 1, 2007, 53-55.
- Gorbov, Mimokhod 1999:** V.N. Gorbov, R.A. Mimokhod, Cul'tovye komplekсы na poseleniiah srubnoi cul'tury Severo-Vostochnogo Priazov'ia. In: (ed. A.N. Usachuk) Drevnosti Severo-Vostochnogo Priazov'ia (Donetsk 1999), 24-69 // В.Н. Горбов, Р.А. Мимоход, Культовые комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья. В сб.: (отв. ред. А.Н. Усачук). Древности Северо-Восточного Приазовья (Донецк 1999), 24-69.
- Gorodtsov 1911:** V.A. Gorodtsov, Dnevnik arkhеologicheskikh issledovaniy v Zen'kovskom uezde Poltavskoi gubernii v 1906 g. Trudy XIV AS, T. 3, 93-161 // В.А. Городцов, Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г. Труды XIV АС. Т. 3, 1911, 93-161.

Gorokhovs'kii 1979: E.L. Gorokhovs'kii, Pokhovannia rann'os'kifskogo chasu na Kiivshchini. *Archeologia* 32, 1979, 105-107 // Є.Л. Гороховський, Поховання ранньоскіфського часу на Київщині. *Археологія* 32, 1979, 105-107.

Dmitrieva 2000: T.N. Dmitrieva, Zhertvoprinoshenie: poiski istokov. In: (ed. L.I. Akimova) *Zhertvoprinoshenie: Ritual v culture i iskusstve ot drevnosti do nashikh dnei* (Moskva 2000), 11-22 // Т.Н. Дмитриева, Жертвоприношение: поиски истоков. В сб.: (отв. ред. Л.И. Акимова). Жертвоприношения: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней (Москва 2000), 11-22.

Fomenko 2003: V.N. Fomenko, Materialy sabatinovskoi kul'tury poseleniia Kremenchuk v Iuzhnom Pobuzh'e. In: (ed. N.A. Gavriluk) *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 2001-2002 rr.* (Kiev 2003), 303-309 // В.Н. Фоменко, Материалы сабадиновской культуры поселения Кременчук в Южном Побужье. В сб.: (отв. ред. Н.О. Гаврилюк). *Археологічні дослідження в Україні 2001-2002 рр.* (Київ 2003), 303-309.

Fomenko et al. 2005: V.N. Fomenko, N.P. Shevchenko, N.P. Balushkin, Doslidzhennia Mikolaivs'koї ekspeditsii na Pivdenному Buzi. In: (ed. N.A. Gavriluk) *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 2003-2004 rr.* (Kiev-Zaporizhzhia 2005), 309-310 // В.М. Фоменко, Н.П. Шевченко, О.М. Балущкін, Дослідження Миколаївської експедиції на Південному Бузі. В сб.: (отв. ред. Гаврилюк Н.О.). *Археологічні дослідження в Україні 2003-2004 рр.* (Київ-Запоріжжя 2005), 309-310.

Fomenko et al. 2006: V.N. Fomenko, N.P. Shevchenko, N.P. Balushkin, O.O. Trebukh, Okhoronni doslidzhennia poselennia dobi pizn'oi bronzi Vinogradnii Sad. In: (ed. N.A. Gavriluk) *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 2004-2005 rr.* (Kiev-Zaporizhzhia 2006), 309-310 // В.М. Фоменко, Н.П. Шевченко, О.М. Балущкін, О.О. Требух, Охоронні дослідження поселення доби пізньої бронзи Виноградний Сад. В сб.: (отв. ред. Н.О. Гаврилюк). *Археологічні дослідження в Україні 2004-2005 рр.* (Київ-Запоріжжя 2006), 372-373.

Il'inskaia 1947: V.A. Il'inskaia, Verkhnesul'skaia ekspeditsiia 1947 g. Nauchnyi archiv IA NANU. Inv. nr. 1947/16 (Kiev 1947) // В.А. Ильинская, Верхнесульская экспедиция 1947 г. Научный архив ИА НАНУ. Инв. № 1947/16 (Киев 1947).

Il'inskaia 1957: V.A. Il'inskaia, Novye raskopki na gorodishche u s. Basovka. Nauchnyi archiv IA NANU. Inv. nr. 1957/11 (Kiev 1957) // В.А. Ильинская, Новые раскопки на городище у с. Басовка в 1957 году. Научный архив ИА НАНУ. Инв. № 1957/11 (Киев 1957).

Il'inskaia 1959: V.A. Il'inskaia, Otchet o rabote Srednedneprovskoi ekspeditsii IA AN USSR v 1959 g. Nauchnyi archiv IA NANU. Inv.nr. 1959/7 (Kiev 1959) // В.А. Ильинская, Отчет о работе Среднеднепровской экспедиции ин-та археологии АН УССР в 1959 г. Научный архив ИА НАНУ. Инв. № 1959/7 (Киев 1959).

Il'inskaia 1970: V.A. Il'inskaia, Androfagi, melankhleni, budini abo skifi. *Archeologia* 23, 1970, 23-39 // В.А. Ильинская, Андрофаги, меланхлени, будины або скифи. *Археологія* XXIII, 1970, 23-39.

Il'inskaia 1975: V.A. Il'inskaia, Ranneskifskie kurgany basseina r. Tiasmin (Kiev 1975) // В.А. Ильинская, Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. (Киев 1975).

Iokhel'son 1900: V. Iokhel'son, Brodiachie rody tundry mezdu rekami Indigirkoi I Kolymoi, ikh etniceskii sostav, narechiia, byt, brachnye i inye obychai i vzaimodeistvie razlichnykh plemennykh elementov. *Zhivaia starina* 1-2, 1900, 151-193 // В. Иохельсон, Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречия, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов. *Живая старина* 1-2, 1900, 151-193.

Kara-Murza 1986: A.A. Kara-Murza, Kul't predkov. Traditsionnye i sinkreticheskie religii Afriki (Moskva 1986) // А.А. Кара-Мурза, Культ предков. Традиционные и синкретические религии Африки (Москва 1986).

Karavaiko 2012: D.V. Karavaiko, Pamiatniki iukhnovskoi kul'tury Novgorod-Severskogo Poles'ia (Kiev 2012) // Д.В. Каравайко, Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья (Киев 2012).

Kaşuba 2008: M.T. Kaşuba, Despre depunerile de oseminte umane în așezările hallstattiene timpurii (sec. X-IX a.Chr.) cultura Saharna în regiunea Nistrului de Mijloc (spațiul nord-vest pontic). În: *Omagiul lui Gavrilă Simion la a 80-a aniversare* (Tulcea 2008), 106-120.

- Khalikov 1977:** A.Kh. Khalikov, *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza* (Moskva 1977) // А.Х. Халиков, Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII-VI вв. до н. э.) (Москва 1977).
- Kozak, Shul'ts 2006:** O.D. Kozak, M. Shul'ts, *Liuds'ki zhertvoprinoshennia na zol'nikakh Bil's'kogo gorodishcha*. In: (ed. E.V. Chernenko) *Bil's'ke gorodishche ta iogo okrug* (Kiev 2006), 77-100 // О.Д. Козак, М. Шульц, *Людські жертвоприношення на зольника х Більського городища*. В сб.: (отв. ред. Е.В. Черненко). *Більське городище та його округ* (Киев 2006), 77-100.
- Kozmirschuk et al. 2011:** I.A. Kozmirschuk, A.V. Moiseev, Iu.D. Razuvaev, *Pogrebenia skifskogo vremeni na verkhnedonskom poselenii-mogol'nike Ksizovo-16*. In: *Vostochnoevropeiskie drevnosti skifskoi epokhi 1*, 2011, 196-203 // И.А. Козмирчук, А.В. Моисеев, Ю.Д. Разуваев, *Погребения скифского времени на верхнедонском поселении-могильнике Ксизово-16*. В: *Восточноевропейские древности скифской эпохи 1*, 2011, 196-203.
- Krushel'nits'ka 1998:** L.I. Krushel'nits'ka, *Chornolis'ka kul'tura Seredn'ogo Podnistrov'ia: za materialami neporotivs'koi grupi pam'iatok* (L'viv 1998) // Л.І. Крушельницька, *Чорноліська культура Середнього Подністров'я: за матеріалами непоротівської групи пам'яток* (Львів 1998).
- Kubishev et al. 1995:** A.I. Kubishev, L.E. Skiba, S.A. Skoryi, *Pokhovannia skifs'kogo chasu Pirogivs'kogo mogil'nika*. *Archeologiya* 1, 1995, 100-111 // А.І. Кубишев, Л.Є. Скиба, С.А. Скорий, *Поховання скіфського часу Пирогівського могильника*. *Археологія* 1, 1995, 100-111.
- Kulatova, Suprunenko 2010:** I.M. Kulatova, O.B. Suprunenko, *Kurgani skifs'kogo chasu zachidnoi okrug* Bil's'kogo gorodishcha (Kiev 2010) // І. М. Кулатова, О. Б. Супруненко, *Кургани скіфського часу західної округи Більського городища* (Київ 2010).
- Levi-Stros 1984:** Klod Levi-Stros, *Pechal'nye tropiki* (Moskva 1984) // Клод Леви-Строс, *Печальные тропики* (Москва 1984).
- Lisenko 2002:** S.D. Lisenko, *Seredne Podniprovia za dobi pizn'oiii bronzi*. *Nauchnyi arkhiv IA NANU Inv. nr. 2002/817* (Kiev 2002) // С.Д. Лисенко, *Середнє Подніпров'я за доби пізньої бронзи*. Дис... канд. іст. наук. Научный архив ИА НАНУ. Инв. 2002/№817 (Київ 2002).
- Lysenko 2004:** S.D. Lysenko, *Fenomen Subbotovskogo gorodishcha*. In: (ed. S.M. Sanzharov) *Materiali ta doslidzhennia z arkheologii Skhidnoi Ukraini 3* (Lugans'k 2004), 249-267 // С.Д. Лысенко, *Феномен Субботовського городища*. В: (отв. ред. С.М. Санжаров) *Матеріали та дослідження з археології Східної України 3*, 2004 (Луганськ 2004), 249-267.
- Lysenko 2004a:** S.D. Lysenko, *Pogrebeniia skifskogo vremeni Malopolovetskogo mogil'nika*. *Arkheologichni pam'iatki Fastivshchyni. Pres-muzei 20-21* (Fastiv 2004), 6-33 // С.Д. Лысенко, *Погребения скифского времени Малополовецкого могильника*. *Археологічні пам'ятки Фастівщини. Прес-музей 20-21*, 2004 (Фастів 2004), 6-33.
- Lysenko 2010:** S.D. Lysenko, *Novye pamiatniki milogradskoi kul'tury na Kievshini*. *Arkheologichni pam'yatki Fastivshyni. Pres-muzei 26-27*, (Kiiv-Fastiv 2010), 106-127 // С.Д. Лысенко, *Новые памятники милоградской культуры на Киевщине*. *Археологічні пам'ятки Фастівщини. Прес-музей 26-27*, 2010 (Київ-Фастів 2010), 106-127.
- Maksimov, Petrovskaia 2008:** E.V. Maksimov, E.A. Petrovskaia, *Drevnosti skifskogo vremeni Kievskogo Podneprov'ia* (Poltava 2008) // Е.В. Максимов, Е.А. Петровская, *Древности скифского времени Киевского Поднепровья* (Полтава 2008).
- Medvedev 1999:** A.P. Medvedev, *Rannii zheleznyi vek lesostepnogo Podon'ia*. *Arkheologiya i etnokul'turnaia istoriia I tysiacheletiia do n.e.* (Moskva 1999) // А.П. Медведев, *Ранний железный век лесостепного Подонья*. *Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э.* (Москва 1999).
- Mednikova 2003:** M.B. Mednikova, *Obrashchenie s golovoii umershego v rannem zheleznom veke Iuzhnoi Sibiri po dannym antropologii (sravnitel'nyi aspekt)*. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e 2*, 2003, 106-111 // М.Б. Медникова, *Обращение с головой умершего в раннем железном веке Южной Сибири по данным антропологии (сравнительный аспект)*. *Степи Евразии в древности и средневековье 2*, 2003, 106-111.
- Mednikova 2004:** M.B. Mednikova, *Fenomen iskusstvenno obrabotannykh bedrennykh kostei cheloveka: arkheologicheskie artefakty*. *Opus-2004. Mezhdisciplinarnye issledovaniia v arkheologii 3*, 2004, 224-227

- // М.Б. Медникова, Феномен искусственно обработанных бедренных костей человека: археологические артефакты. *Opus-2004. Междисциплинарные исследования в археологии* 3, 2004, 224-227.
- Mimokhod 1997:** R.A. Mimokhod, Ob odnoi gruppe pogrebenii na poseleniakh sрубnoi kul'tury. In: *V Mizhnarodna arkheologichna konferentsiia studentiv ta molodikh vchenikh* (Kiev 1997), 112-114 // Р.А. Мимоход, Об одной группе погребений на поселениях срубной культуры. В сб.: *V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених* (Київ 1997), 112-114.
- Murzin et al. 2000:** V.Yu. Murzin, R. Rolle, V. Herts, S.A. Skoryi, C.V. Makhortykh, V.P. Belozor, Issledovaniia sovместnoi Ukrainско-Nemetskoі arkheologicheskoi ekspedicii v 1999 (Kiev 2000) // В.Ю. Мурзин, Р. Ролле, В. Херц, С.А. Скорый, С.В. Махортых, В.П. Белозор, Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1999 г. (Киев 2000).
- Murzin et al. 2001:** V.Iu. Murzin, R. Rolle, V. Herts, S.A. Skoryi, C.V. Makhortykh, V.P. Belozor, Issledovaniya sovместnoi Ukrainско-Nemetsoі arkheologicheskoi ekspedicii v 2000 (Kiev 2001) // В.Ю. Мурзин, Р. Ролле, В. Херц, С.А. Скорый, С.В. Махортых, В.П. Белозор, Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2000 г. (Киев 2001).
- Ostapenko 2007:** M.A. Ostapenko, Skifskie beskurgannye mogil'niki Stepnogo Podneprov'ia. In: (ed. N.A. Gavriiliuk) *Antichnyi mir i varvary na iuge Rossii i Ukrainy. Skifiia i Bospor* (Moskva-Zaporozh'e-Kiev 2007), 143-179 // М.А. Остапенко, Скифские бескурганные могильники Степного Поднепровья. В сб.: (отв. ред. Н.А. Гаврилюк). *Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор* (Москва-Запорожье-Киев 2007), 143-179.
- Peliashenko, Buinov 2010:** K.Iu. Peliashenko, Iu.V. Buinov, Okhoronni rozkopki bagatosharovogo poselennia Khar'kov, prov. Klimovs'kogo. In: (ed. D.N. Kozak) *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 2009 r.* (Kiev 2010), 324-326 // К.Ю. Пеляшенко, Ю.В. Буйнов, Охоронні розкопки багатощарового поселення Харків, пров. Климовського. В: (отв. ред. Д.Н. Козак) *Археологічні дослідження в Україні 2009 р.* (Київ 2010), 324-326.
- Petrenko 1962:** V.G. Petrenko, Mogil'nik skifskogo vremeni u s. Grishchentsy. *MIA* 113, 1962, 142-151 // В.Г. Петренко, Могильник скифского времени у с. Грищенцы. *МИА* 113, 1962, 142-151.
- Petrovskaia 1970:** E.A. Petrovskaia, Rannioskifs'ki pam'iatki na pivdennii okolicі Kіeva. *Archeologіia* 24, 1970, 129-145 // Е.А. Петровская, Ранньоскіфські пам'ятки на південній околиці Києва. *Археологія* 24, 1970, 129-145.
- Pokrovskaya 1957:** E.F. Pokrovskaya, Otchet o rabote Zhabotinskogo otriada Srednedneprovskoiі ekspeditsii 1957 g. *Nauchnyi archiv IA NANU Inv. nr. 1957/11-a* (Kiev 1957) // Е.Ф. Покровская, Отчет о работе Жаботинского отряда Среднеднепровской экспедиции 1957 года. Научный архив ИА НАНУ. Инв. 1957/11-a (Киев 1957).
- Priakhin, Razuvaev 1993:** A.D. Priakhin, Yu.D. Razuvaev, Pogrebeniia na Semilukskom gorodishche pozdneskifskogo vremeni (raskopki 1987-1990 gg.). In: (ed. V.P. Cheliapov) *Drevnie pamiatniki Okskogo basseina* (Riazan 1993), 13-30 // А.Д. Пряхин, Ю.Д. Разуваев, Погребения на Семилукском городище позднескифского времени (раскопки 1987-1990 гг.). В сб.: (отв. ред. В.П. Челяпов) *Древние памятники Окского бассейна* (Рязань 1993), 13-30.
- Razuvaev 2012:** Iu.D. Razuvaev, Gruntovye pogrebeniia skifskogo vremeni u s. Kulakovka na Srednem Donu. *Vostochnoevropеiskіe drevnosti* 2, 2012, 165-169 // Ю.Д. Разуваев, Грунтовые погребения скифского времени у с. Кулаковка на Среднем Дону. *Восточноевропейские древности* 2, 2012, 165-169.
- Razuvaev 2013:** Iu.D. Razuvaev, Pogrebal'naia praktika osedlogo naseleniia lesostepnogo Podon'ia v skifskіui epokhu: istoriograficheskiі aspekt problemy. *Arkheologіeskie pamyatniki Vostochnoi Evropі* 15, 2013, 239-244 // Ю.Д. Разуваев, Погребальная практика оседлого населения лесостепного Подонья в скифскую эпоху: историографический аспект проблемы. *Археологические памятники Восточной Европы* 15, 2013, 239-244.
- Redina 1994:** E.F. Redina, Pominal'no-pogrebal'nye obriady skifskogo naseleniia budzhakskoi stepi. In: (ed. E.V. Iarovoi) *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia V tys. do n.e. – V v. n.e.* (Tiraspol' 1994), 201-202 // Е.Ф. Редина, Поминально-погребальные обряды скифского населения буджакской степи. В сб.: (отв. ред. Е.В. Яровой). *Древнейшие общности земледель-*

- цев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. (Тирасполь 1994), 201-202.
- Rozdobud'ko, Iurchenko 2007:** M.V. Rozdobud'ko, O.V. Iurchenko, Pokhovannia kimmeriiskogo chasu iz pam'iatki Bile Ozero i na livomu berezi Seredn'ogo Dnipra. In: (ed. N.A. Gavriluk) Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 2005-2007 rr. (Kiev-Zaporizhzhia 2007), 51-52 // М.В. Роздобудько, О.В. Юрченко, Поховання кіммерійського часу із пам'ятки Біле Озеро 1 на лівому березі Середнього Дніпра. В сб.: (отв. ред. Н.О. Гаврилюк) Археологічні дослідження в Україні 2005-2007 рр. (Київ–Запоріжжя 2007), 51-52.
- Romashko 2013:** V.A. Romashko, Zakluchitel'nyi etap pozdnego bronzovogo veka Levoberezhnoi Ukrainy (po materialam boguslavsko-belozerskoi kul'tury (Kiev 2013) // В.А. Ромашко, Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры) (Киев 2013).
- Rusanova 2002:** I.P. Rusanova, Istoki slavianskogo iazychestva: Kul'tovye sooruzheniia Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy v I tys. do n.e. – I tys. n.e. (Chernovtsy 2002) // И.П. Русанова, Истоки славянского язычества: Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. (Черновцы 2002).
- Sherstiuk 2011:** V.V. Sherstiuk, Roboti na pam'iatkakh skifs'kogo chasu Seredn'ogo Popsillia. In: (ed. S.I. Posokhov) Drevnosti Vostochnoi Evropy (Kharkov 2011), 316-324 // В.В. Шерстюк, Роботи на пам'ятках скифського часу Середнього Попсілля (за дослідженнями 2009 р.). В сб.: (отв. ред. С.И. Посохов) Древности Восточной Европы (Харьков 2011), 316-324.
- Shramko 1965:** B.A. Shramko, Otchet o rabote skifo-slavianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii KhGU v 1965g. Nauchnyi archiv IA NANU Inv. nr. 1965/27 (Khar'kov 1965) // Б.А. Шрамко, Отчет о работе скифо-славянской археологической экспедиции ХГУ в 1965 г. Научный архив ИА НАНУ. Инв. 1965/27 (Харьков 1965).
- Shramko 1967:** B.A. Shramko, Otchet o rabote skifo-slavianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii KhGU v 1967g. Nauchnyi arkhiv IA NANU. Inv. nr. 1967/80 (Khar'kov 1967) // Б.А. Шрамко, Отчет о работе скифо-славянской археологической экспедиции ХГУ в 1967 г. Научный архив ИА НАНУ. Инв. 1967/80 (Харьков 1967).
- Shramko 1973:** B.A. Shramko, Otchet o rabote skifo-slavianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii KhGU v 1973g. Nauchnyi arkhiv IA NANU Inv. nr. 1973/69 (Khar'kov 1973) // Б.А. Шрамко, Отчет о работе скифо-славянской археологической экспедиции ХГУ в 1973 г. Научный архив ИА НАНУ. Инв. 1973/69 (Харьков 1973).
- Shramko 1980:** B.A. Shramko, Otchet o rabote skifo-slavianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii KhGU v 1967g. na Bel'skom gorodishche. Nauchnyi arkhiv IA NANU Inv. nr. 1980/60 (Khar'kov 1980) // Б.А. Шрамко, Отчет о работе скифо-славянской археологической экспедиции ХГУ в 1980 г. Научный архив ИА НАНУ. Инв. 1980/60 (Харьков 1980).
- Shramko 1982:** B.A. Shramko, Otchet o rabote skifo-slavianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii KhGU v 1982 g. Nauchnyi arkhiv IA NANU. Inv. nr. 1982/147 (Khar'kov 1982) // Б.А. Шрамко, Отчет о работе скифо-славянской археологической экспедиции ХГУ в 1982 г. Научный архив ИА НАНУ. Инв. 1982/147 (Харьков 1982).
- Shramko 1983:** B.A. Shramko, Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh skifo-slavianskoi ekspeditsii KhGU v 1983 g. v Poltavskoi i Khar'kovskoi oblastiakh. Nauchnyi arkhiv IA NANU. Inv. nr. 1983/53 (Khar'kov 1983) // Б.А. Шрамко, Отчет об археологических исследованиях скифо-славянской экспедиции ХГУ в 1983 г. в Полтавской и Харьковской областях. Научный архив ИА НАНУ. Инв. 1983/53 (Харьков 1983).
- Shramko 1987:** B.A. Shramko, Bel'skoe gorodishche skifskoi epokhi (gorod Gelon) (Kiev 1987) // Б.А. Шрамко, Бельское городище скифской эпохи (город Гелон) (Киев 1987).
- Shramko 1987a:** B.A. Shramko, Otchet o raskopkakh skifo-slavianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii KhGU v 1987g. Nauchnyi arkhiv IA NANU. Inv. nr. 1987/99 (Khar'kov 1987) // Б.А. Шрамко, Отчет о раскопках Скифо-славянской археологической экспедиции ХГУ в 1987 г. Научный архив ИА НАНУ. Инв. №1987/99 (Харьков 1987).

- Shramko 1994:** B.A. Shramko, Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax v 1994 g. v Poltavskoi i Khar'kovskoi obl. Nauchnyi arkhiv IA NANU. Inv. nr. 1994/96 (Khar'kov 1994) // Б.А. Шрамко, Отчет об археологических исследованиях в 1994 г. в Полтавской и Харьковской обл. Научный архив ИА НАНУ. Инв. № 1994/96 (Харьков 1994).
- Shramko et al. 2012:** I.B. Shramko, K.Iu.Peliashenko, S.A. Zadnikov, Okhrannye raskopki poseleniia skifskogo vremeni u s. Novoselovka. In: (ed. D.N. Kozak) Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni v 2011 r. (Kiev 2012), 446-447 // И.Б. Шрамко, К.Ю. Пеляшенко, С.А. Задников, Охранные раскопки поселения скифского времени у с. Новоселовка. В сб.: (отв. ред. Д.Н. Козак). Археологічні дослідження в Україні 2011 р. (Київ 2012), 446-447.
- Shternberg 1936:** L.Ia. Shternberg, Pervobytnaia religiia v svete etnografii (Leningrad 1936) // Л.Я. Штернберг, Первобытная религия в свете этнографии (Ленинград 1936).
- Siniuk, Berezutskii 2001:** A.T. Siniuk, V.D. Berezutskii, Mostishchenskii kompleks drevnikh poselenii (epokha bronzы i rannego zeleznogo veka) (Voronezh 2001) // А.Т. Синюк, В.Д. Березуцкий, Мостищенский комплекс древних поселений (эпоха бронзы и раннего железного века) (Воронеж 2001).
- Skoryi 2003:** S.A. Skoryi, Skify v Dneprovskoi Pravoberezhnoi Lesostepi (problema vydeleniia iran-skogo etnokul'turnogo komponenta) (Kiev 2003) // С.А. Скорый, Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента) (Киев 2003).
- Smirnov 1997:** Iu.A. Smirnov, Labirint: Morfologiiia prednamerennogo pogrebeniia. Issledovaniia, teksty, slovar' (Moskva 1997) // Ю.А. Смирнов, Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь (Москва 1997).
- Smirnova 1981:** G.I. Smirnova, Novye dannye o poselenii u s. Doliniani. ASGE 22, 1981, 40-61 // Г.И. Смирнова, Новые данные о поселении у с. Долиняни (по материалам раскопок 1977-1978 гг. АСГЭ 22, 1981, 40-61).
- Sorokina, Sudarev 2001:** N.P. Sorokina, N.I. Sudarev, K voprosu o nekotorykh varvarskikh pogrebeniiax Bospora. Drevnosti Bospora 4, 2001, 377-383 // Н.П. Сорокина, Н.И. Сударев, К вопросу о некоторых варварских погребениях Боспора. Древности Боспора 4, 2001, 377-383.
- Syrovatko, Kozlovskaiia 2004:** A.S. Syrovatko, M.V. Kozlovskaiia, Obrabotannye bedrennye kosti cheloveka s Protopyopovskogo gorodishcha d'iakovskoi kultury. Opus-2004. Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii 3, 2004, 228-231 // А.С. Сыроватко, М.В. Козловская, Обработанные бедренные кости человека с Протопоповского городища дяковской культуры. Opus-2004. Междисциплинарные исследования в археологии 3, 2004, 228-231.
- Svirin 2008:** K.M. Svirin, Gorodishcha „d'iakova tipa”: k voprosu o naznachenii. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta 15, 2008, 134-141 // К.М. Сви́рин, Городища «дякова типа»: к вопросу о назначении. Вестник Тверского государственного университета 15, 2008, 124-141.
- Terenzhkin 1949:** A.I. Terenzhkin, Chernoleskoe gorodishche i kurgannyi mogil'nik. Nauchnyi arkhiv IA NANU Inv. nr. 1949/5-b (Kiev 1949) // А.И. Тереножкин, Чернолесское городище и курганный могильник. Научный архив ИА НАНУ. Инв. 1949/5-б (Киев 1949).
- Terenzhkin 1961:** A.I. Terenzhkin, Predskifskii period na Dneprovskom Pravoberezh'i (Kiev 1961) // А.И. Тереножкин, Предскифский период на Днепровском Правобережье (Киев 1961).
- Tokarev 1990:** S.A. Tokarev, Rannie formy religii i ikh razvitie (Moskva 1990) // С.А. Токарев, Ранние формы религии и их развитие (Москва 1990).
- Trots'ka 2003:** V.I. Trots'ka, Arkheologichni doslidzhennia v okolitsiakh Opishnogo. Archeologichni litopis Livoberezhnoi Ukraïni 2002-2003 1, 2003, 194-195 // В.И. Троцька, Археологічні дослідження в околицях Опішного. Археологічний літопис Лівобережної України 2002-2003 1, 2003, 194-195.
- Usachuk et al. 2010:** A.N. Usachuk, V.A. Podobed, Iu.B. Polidovich, V.V. Tsimidanov, Raskopki kurgana sрубnoi kul'turi na territorii aeroporta goroda Donetska. Donets'kii arkheologichni zbirnik 2009-2010 13-14, 2010, 185-202 // А.Н. Усачук, В.А. Подобед, Ю.Б. Полидович, В.В. Цимиданов, Раскопки кургана срубной культуры на территории аэропорта города Донецка. Донецкий археологічний збірник 2009-2010, 13-14, 2010, 185-202.
- Vaiian 1949:** D. Vaiian, Istoriya atstekov (Moskva 1949) // Дж. Вайян, История ацтеков (Москва 1949).

Zharov, Terpilovskii 2006: G.V. Zharov, R.V. Terpilovskii, Doslidzhennia pam'iatok skifskogo ta rimskogo chasu u Verchn'omu Posulli: Archeologichnii litopis Livoberezhnoi Ukraini 1, 2006, 89-99 // Г.В. Жаров, Р.В. Терпиловский, Дослідження пам'яток скіфського та римського часу у Верхньому Посуллі. Археологічний літопис Лівобережної України, 1, 2006, 89-99.

Гречко Денис, канд. ист. наук, Институт археологии, Национальная Академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда, 12, 04210, Киев, Украина, e-mail: ukrspadshina@ukr.net.

Lumea egeeană și impactul cultural al acesteia asupra evoluției tracilor septentrionali

Keywords: colonization, Greeks-poleis, north - thracians, relation, cultural transformation.

Cuvinte cheie: colonizare, orașele-poleis, tracii septentrionali, relații, transformare culturală.

Ключевые слова: колонизация, греческие города, северные фракийцы, взаимоотношения, культурная трансформация.

Vasile Haheu

Aegean World and its cultural impact on transformation of northern Thracians

Some essential transformations of northern Thracian groups are recorded starting from the mid to the late part of the VII-VI centuries AD that coincide with the beginning of the Greek colonisation of the north-west shore of Black Sea and appearance of first cities (Olbia, Histria, Nikonion, Tyras). Obviously, the advanced Aegean civilisation had an important impact on the cultural development of the local groups. It is important to notice that the building of cities was peaceful and with the full agreement of the indigenous population. From here on, the Greco-Thracian relationships evolved. The contacts were first of all commercial, through commerce, but also non-commercial, through marriages and social engagements. The political contacts, such as protection, payment for services, or simply adapted lifestyles, also were important. In all cases, the cultural, economical, and political influence was beneficial, while adopted innovations caused cultural transformations of the local population that resulted the latinisation of the region.

Vasile Haheu

Lumea egeeană și impactul cultural al acesteia asupra evoluției tracilor septentrionali

La mijlocul – a doua jumătate a sec. VII – sec. VI a.Chr., odată cu începuturile colonizării grecești a litoralului din nord-vestul Mării Negre și apariția aici a primelor orașe (Olbia, Histria, Nikonion, Tyras), în evoluția culturală a tracilor septentrionali survin schimbări esențiale. Este clar, civilizația egeeană, cea mai înfloritoare la acea vreme, nu putea să nu afecteze fațeta culturală a băștinașilor. În primul rând, menționăm că constituirea orașelor s-a petrecut pașnic, prin înțelegere cu indigenii. De la acest moment încep relațiile greco-tracice și invers, primul vector fiind decisiv. Contactele erau, în primul rând comerciale (prin troc sau bani) și necomerciale. Ultimele au caracter social (căsătorii etc.), politic (recompense pentru servicii – protectorat) sau altele (preluări ale modului de viață, daruri=mită). În toate cazurile, influența a fost benefică, inovațiile ducând la evoluția și transformarea culturală a băștinașilor, precum și contribuind la Laténe-zarea regiunii.

Василе Хахеу

Эгейский мир и его культурное влияние на развитие северных фракийцев

В середине – во второй половине VII – VI вв. до Р.Х., одновременно с началом греческой колонизации северо-западного Причерноморья и появлением здесь первых городов (Ольвия, Истрия, Никоний, Тира), в культурном развитии северных фракийцев происходят существенные изменения. Оно и понятно, эгейская цивилизация, самая цветущая на то время, не могла не влиять на культурный облик местного населения. Отметим, что процесс появления городов шел путем мирных договоренностей с аборигенами. С этого момента начинаются греко-фракийские отношения и, напротив, первый вектор при этом был решающим. Контакты имели, прежде всего, коммерческий характер (натуральный обмен или торговля), но так же и некоммерческий. В последнем случае им был присущ социальный (браки и т.п.), политический (вознаграждения за услуги – протекторат) и иной характер (заимствования из жизненного уклада, дары/подкуп). Во всех случаях влияние было плодотворным, а перенятые инновации привели к дальнейшему развитию и культурной трансформации местных групп населения, что также сопутствовало и Латенизации региона.

Preambul. Greci și indigeni în nord-vestul Pontului Euxin. Perioada hallstattiană târzie și epoca elenistică pentru masivul cultural al tracilor septentrionali a fost marcată, în primul rând, de prezența pe litoralul de nord-vest al Mării Negre (bazinele Bugului, Nistrului și Dobrogea – bazinele Dunării și zona de litoral) a coloniilor grecești, apărute aici la mijlocul – a doua jumătate a sec. VII î.Hr. În așa fel, limitele studiului se încadrează în perioada din a doua jumătate a sec. VII

până către sfârșitul sec. III a.Chr.: de la apariția primilor colonii până la sfârșitul epocii clasice a culturii tracilor septentrionali. După aceea, coloratura etnoculturală a regiunii suferă modificări serioase, devenind mai pestriță, avându-se în vedere elementele ne-grecești. În perioada respectivă se include și epoca clasică a poleis-urilor de aici: sec. V – al doilea sfert al sec. IV a.Chr. Pentru zona din nord-vestul Mării Negre limita cronologică inferioară a prezenței grecești o constituie

sfârșitul sec. VII a.Chr., perioadă când este fixată real aducerea mărfurilor în ambalaj ceramic din centrele Egeidei. Limita cronologică superioară se fixează la sfârșitul sec. II a.Chr., când în structura comerțului nord-pontic au loc schimbări cardinale și în locul centrelor de producție tradiționale apar contr agenți comerciali noi de origine română (Monakhov 2003, 8). Subliniem o dată în plus că în calitate de areal este abordat, în primul rând întreg spațiul tracilor septentrionali, dar și cel din nord-vestul Mării Negre. Pentru început, credem necesar de conturat cercul de probleme ce țin de colonizare și relațiile greco-indigene pe parcursul coexistenței acestora. Vom încerca din nou să conturăm cercul de probleme atât în ce privește întemeierea și viața în coloniile grecești, precum și populația locală către perioada colonizării și implicit relațiile greci-indigeni pe întreg parcursul coexistenței acestora.

Dintre problemele principale evidențiem:

1. Care a fost vremea de pătrundere a grecilor în Pont și perioada de început a colonizării propriu-zise;
2. Valurile temporale ale colonizării și vectorii acesteia în legătură cu metropola;
3. Pe cine au găsit grecii în zona de coastă a Pontului către începutul colonizării;
4. Caracterul relațiilor greci-indigeni la începutul colonizării și în continuare;
5. Începuturile pătrunderii elementelor grecești în adâncul continentului și vectorul procesului;
6. Modalitățile de pătrundere a pieselor grecești în mediul tracilor septentrionali.

În același timp, se pot evidenția o serie de probleme mai secundare, care de fapt reies din cele principale și care detaliază anumite caracteristici și fenomene culturale și etnoculturale. Dintre acestea evidențiem: 1. Cauzele colonizării grecești; 2. Situația etno-demografică din regiune către începutul colonizării; 3. Nișele spațiale ocupate de către indigeni și greci în zona coastelor Pontului; 4. Relațiile dintre Atena și zona circum-pontică (coloniile grecești și indigenii), precum și dintre *poleis*-urile din nord-vestul Mării Negre; 5. Comerțul greco-indigen; 6. Modalități ne-comerciale de pătrundere a pieselor grecești în mediul indigen; 7. Criza sec. III a.Chr. în nordul Mării Negre; 8. Protectoratul asupra orașelor colonii (getic sau scitic); 9. Amforele și alte piese grecești din metropolă și orașele colonii în mediul barbar; 10. Apariția în regiune a ceramicii cenușii lucrată la roată etc.

Dintre mai multe dificultăți legate de tematica enunțată (subiectiv-obiective) se remarcă abordarea teritorial-geografică, de cele mai dese ori separat, a artefactelor: aparte nord- și vest-pontice.

Problema datei de apariție a primilor colonii este încă deschisă, tot așa cum este până în prezent în centrul atenției specialiștilor o altă chestiune controversată și aprig discutată – perioada în care grecii (egeenii) încep valorificarea Pontului în general, dar și începuturile relațiilor dintre aceștia cu lumea tracică. Anumite descoperiri de pe litoralul de vest al Mării Negre, în primul rând cele de la capul Caliacra-Bulgaria (ancore de piatră, lingouri), vorbesc în favoarea unor pătrunderi maritime a egeenilor în regiune prin Propontida, Pontul Euxin până la Dunăre. De aici pe cale riverană drumul grecilor continua spre Europa Centrală (Bonev 1980, 130). Dar acest teritoriu este foarte apropiat actualului litoral dobrogean, cu care „străinii de peste mări”, foarte probabil, erau familiarizați. Dintre elementele culturale egeene (materiale și spirituale), care pe la mijlocul mileniului II a.Chr. pătrund în mediul tracic, s-au descoperit topoare cu două tășuri – *labris*, mai multe dintre care sunt votive (nefuncționale) sau executate din lut, fiind însemne ale puterii sau piese de cult. Apar statuetele antropomorfe în formă de clopot. Din domeniul spiritual este semnalat, de asemenea, ornamentul ceramic în forme de linii ondulate, spirale, cercuri. Contactele dintre traci și lumea egeeană se realiza prin intermediul legăturilor comerciale, făcându-se schimb de valori culturale, lingoul de la Caliacra după formă, componența aliajului și greutate probabil prezentând o formă pre-monetară de schimb. Evident, aceste relații anticipează colonizarea propriu-zisă, pe care în prezent majoritatea cercetătorilor o plasează în sec. VIII a.Chr., conștienți fiind că aceasta este mult mai timpurie. Menționarea sec. VIII a.Chr. se documentează prin pomenirea Dunării în *Theogonia* lui Hesiod și a insulei *Leuke* (Insula Șerpilor) la poetul milesian Arkrinos (Vulpe 2003, 534). Argumentele literare, însă, încă nu au nici un suport arheologic, primele artefacte fiind datate la mijlocul sec. VII a.Chr. Pentru a rămâne la subiectul primelor colonii enumerăm unele dintre acestea cu respectiva dată aproximativă de fondare: *Histria* (657), *Apolonia* (610), *Olbia* (647), *Sinope* (630). În secolul următor (VI a.Chr.) sunt fondate majoritatea restului coloniilor (*Nikonion* – mijlocul – sfârșitul sec. VI a.Chr.; *Tyras* – sfârșitul

sec. VI a.Chr.). Este foarte importantă pentru aceste obiective existența așezărilor rurale. Ultimele, pe lângă faptul că reprezentau teritoriile agricole ale coloniilor, mai constituiau și locurile de contact economico-comercial cu indigenii. În istoria orașelor-colonii (dintre cele mai importante: *Olbia*, *Histria*, *Tyras*, *Nikonion* – toate întemeiate de millesieni) se evidențiază câteva perioade cronologice de bază, distincte după conținutul lor semantic (Samoilova 2010, 494-495):

I – *arhaică* (a doua jumătate a sec. VII – începutul sec. V a.Chr.), de fondare și stabilizare a coloniilor în spațiul circumpontic. Au loc primele relații politico-economice cu indigenii din zona de litoral și cu tracii septentrionali în general;

II – *clasică* (sec. V – a doua treime al sec. IV a.Chr.), când se pun bazele și începe dezvoltarea economiei *poleis*-urilor și are loc intensificându-se legăturile politice și economice cu lumea antică din bazinul mediteranean, se stabilesc relații între *poleis*-urile circumpontice (alianțe, comerț, mobilitatea cetățenilor și relații personale), dintre ultimele și tracii septentrionali. Pătrunderea în masă a elementelor culturii materiale și spirituale grecești în mediul getic;

III – *elenistică* (ultima treime al sec. IV – sec. I a.Chr.), înflorirea economiei, dar și începutul decăderii ulterioare a acesteia. Înfrățirea situației politico-militare;

IV – *greco-romană* (sec. I – al treilea sfert al sec. III d.Chr.), de includere a *poleis*-urilor circumpontice în componența Imperiului roman cu schimbarea vectorilor economici, politici, precum și a componentelor comerțului;

V – *antică târzie* (al treilea sfert al sec. III – sfârșitul sec. IV d.Chr.), de decădere a sistemului antic și încetării existenței acestuia, inclusiv prin participarea distructivă a lumii barbare.

Anticipând unele momente, ținem să precizăm că în studiul de față problema coloniilor propriu-zise ca organisme complexe și de sine stătătoare o să ne intereseze mai puțin, ca de fapt și relațiile doar cu indigenii din zona de litoral, pentru că la tema respectivă există deja o bibliografie impresionantă (Buzoianu 2001 *cu bibliografia*). Obiectivele studiului, reieșind din titlul enunțat, vizează relațiile cu întreaga lume a tracilor septentrionali. Din câte avem știre, o asemenea abordare este propusă pentru prima dată, deoarece studiile anterioare cu tematică legată de coloniile grecești

de pe litoralul Pontic se limitau sau la problemele coloniilor propriu-zise, sau la anumite artefacte (ceramică, piese metalice etc.) grecești în lumea tracilor septentrionali, iar studiile care enunțau titlul relațiilor cu indigenii se limitau doar la zona litoralului.

Valorificarea Pontului și fondarea coloniilor. Determinarea cât de cât precisă a datei când grecii trec Bosforul și pătrund în Pont, inițial în calitate de navigatori, se pare că o să rămână o enigmă veșnică. Sec. VIII a.Chr. este o dată documentată doar prin izvoare scrise (vezi mai sus) și nu obligatoriu un adevăr istoric. Pătrunderea navelor grecești în Pontul Euxin a avut loc mult mai devreme. Într-un studiu recent M. Kashuba și M. Vakhtina, în baza vestigiilor de la Nemirov, evidențiază exemplare de vase est-grecești care pot fi datate în primul sfert – mijlocul sec. VII a.Chr., presupunând existența unor contacte premergătoare colonizării. Totalitatea vestigiilor de acolo sunt încadrate cronologic în perioada din a doua jumătate a sec. VIII – sec. VI a.Chr., iar după importanța acestora ar permite autorilor să evidențieze „faza Nemirov” a epocii prescitice (Kashuba, Vakhtina 2013, 82). Determinarea datei nici nu este cel mai important lucru, ca de fapt și ce se cunoaște pentru sec. VIII a.Chr., deoarece izvoarele pomenesc doar denumiri geografice de râuri, insule etc. Doar fondarea primelor colonii și stabilirea contactelor cu indigenii consemnează cu adevărat începutul istoriei relațiilor dintre lumea egeeană și cea a tracilor septentrionali. Într-adevăr, pe cine au găsit primii greci nevoiți să părăsească metropola și să ajungă pe coastele Pontului? Răspunsul ar putea șoca – pe nimeni. Nemijlocit zona de litoral era pustie. Aceasta pur și simplu nu interesa pe localnicii, care fiind tradițional agricultori, locuiau mai în adâncul continentului. Pe aceștia nu-i prea interesa nici navigația, nici pescuitul. Desigur, apariția „oamenilor de peste mări” nu a rămas neobservată de către localnici. Acțiuni violente între aceștia/aborigeni și noii veniți, însă, nu au fost semnalate nici arheologic, nici în relatările izvoarelor scrise. Totuși, este de înțeles că era nevoie de o înțelegere dintre părți, un fel de reglementare a stării de lucruri, care, într-o formă pe care doar o putem intui, a și fost făcută. Dovadă este însăși fondarea coloniilor. În majoritatea cazurilor, cu atât mai mult pentru teritoriul nord-vestic al litoralului Mării Negre,

procesul s-a petrecut pașnic, fără acțiuni violente. După cum constatăm mai sus, băștinașii nu erau cointeresați efectiv în deținerea acestor pământuri, iar liderii coloniștilor aveau grijă ca moral și material (prin mită, daruri etc.) să încline băștinașii spre „înțelegere”. Relațiile și implicit interinfluențele greci-geți au avut loc pe diferite căi: pătrunderea anumitor categorii de marfă grecească (un excelent transmițător de valori culturale avansate) din metropolă și cât de curând din orașele colonii pe cale comercială (troc/bani), sau necomercială (daruri, campanii militare etc.), influențe în condițiile de habitat; preluări de modă și mod de viață, precum și din lumea spirituală a panteonului grecesc. Analiza practicii de colonizare a grecilor demonstrează că în teritoriile noi valorificate se transfera cultura materială și spirituală tradițională din metropole (limba, scrisul, obiceiurile, riturile și ritualurile, normele etice, inclusiv cele din domeniul închipuirilor ideologice – credințele, cultele zeilor și eroilor) (Malkin 1987, 10).

Relațiile dintre metropolă și zona circum-pontică. Contacte dintre *poleis*-urile din nord-vestul Mării Negre. Dintre aspectele importante ale problemei colonizării nord-vest pontice se remarcă relațiile dintre Atena și orașele de pe litoralul respectiv, precum și cu indigenii de aici. Inițial legăturile dintre metropolă și cele din nord-vestul Mării Negre și cu lumea barbară de aici erau destul de strânse. Este și normal – Atena și orașele de origine ale coloniștilor aveau nevoie de produsele agricole de aici, în primul rând de grâu. Pentru o perioadă mai largă, dar mai ales în sec. VI a.Chr., în Atica se acorda o mai mare atenție cultivării viței de vie și a măslinului în defavoarea cerealelor, lipsa grâului devenind o problemă. În general, una dintre cauzele a însăși colonizării grecești (în toate direcțiile) a fost lipsa de pământ arabil în metropolă și deficitul de produse agricole. Începând cu sec. VI a.Chr. comerțul devine o ocupație importantă în economia Greciei, ceea ce nu se poate spune despre perioada precedentă – sec. VIII-VII a.Chr. (Iailenko 1972, 12). La aceasta contribuie și dezvoltarea meșteșugurilor grecești, și trecerea la producerea mărfurilor în serie. Se schimbă caracterul comerțului (Mateevici 2007, 9), pe primul loc fiind nu piesele de lux (scumpe și rare), dar cele produse în masă (multe și ieftine). În primul rând, spusele se referă la prelucrarea ceramicii: apariția formelor standardizate în

masă (amfore etc.). Devine importantă tendința de supremație asupra strămtorilor ca puncte de legătură dintre metropolă și orașele-colonii (Brashinskii 1963, 165). La începutul sec. VI a.Chr. nu exista încă expansiunea comercială a Atenei, aceasta afirmându-se pe parcursul secolului, mai ales după cucerirea Salaminei. Produsele atice (ceramica) sunt atestate pe litoralul pontic de la mijlocul sec. VI a.Chr. (Brashinskii 1963, 13-14). Pentru primul sfert al sec. VI a.Chr. descoperirile sunt rare, însuși comerțul având un caracter neregulat. Totuși în această perioadă relațiile Atenei cu regiunea nord-vestică a Pontului sunt mai intense decât cu cea din nord-est. Dintre primele importuri grecești din nordul Mării Negre menționăm descoperirile de la Berezani, datate între 580-570 a.Chr. – un suport de *dinos*, vase în stilul Vurva, *kilix*-ul cu figura în negru a lui Herakles etc. Referindu-ne la relațiile dintre Atena și orașele pontice, este important să menționăm că acestea nu se prezentau un tot întreg/la fel, fiind diferite și particulare. Este vorba despre legăturile cu polisurile din nordul și din vestul litoralului, dar în primul rând ele depindeau de diferitele zone de origine a întemeietorilor acestora (Milet etc.). Era diferită și orientarea politică-economică a acestora/noilor centre urbane, care repeta, de asemenea, situația din locurile de unde s-au pornit viitorii coloniști. În ce privește însăși relațiile dintre orașele-colonii, deși asemenea legături au fost atestate, acestea niciodată nu au creat uniuni sau alianțe între ele, după exemplul orașelor din metropolă (Liga ateniană etc.). Documentele de epocă (inscripții epigrafice etc.) mărturisesc despre relațiile bilaterale, inclusiv cele comerciale, uneori politice de scurtă durată cu un scop concret, dar nimic mai mult. Referitor la cele două tipuri de interacțiuni ale polisurilor pontice – între ele și cu populațiile barbare învecinate, acestea definesc natura specifică a siturilor în discuție, precum și evoluția lor istorică. Legăturile respective se manifestă în trei domenii distincte: relații politice, raporturi individuale (personale) și cele de natură religioasă (Ruscu 2013, 12). Sfârșitul sec. V – începutul sec. IV a.Chr. constituie apogeul relațiilor dintre metropolă și orașele nord-vest pontice. Începând cu prima jumătate a sec. III a.Chr., grație unor factori atât naturali, dar mai ales politici (conflicte militare, apariția unor factori etnici distructivi) și economici (comerciali) situația se destabilizează,

afectând puternic relațiile metropolă-colonii, urmată de cunoscuta „criză din sec. III a.Chr.” Pe piețele mediteraneene și a Egeidei apare în mari cantități grâul egiptean ieftin, care dă o lovitură de grație situației economice a polisurilor nord-vest pontice (Bruiaiko, Tkachuk 1994, 30-31). Referitor la alte cauze ale crizei sunt invocate incursiunile sarmaților din est, care fiind distrugătoare, sunt încă rare și sporadice (Vinogradov et al. 1997, 93-103). Mai plauzibilă ar fi venirea în regiune a triburilor de origine celtică, cunoscute de către istoricii greci cu numele de galați, iar de către cei romani – gali (Dzis-Raiko et al. 2012, 155-156).

Influențe și interinfluențe eleno-indigene.

Procesele respective sunt analizate în două aspecte. Este vorba despre elementele barbare în context grecesc. La acesta se referă, în primul rând, depistarea ceramicii grosiere indigene, care a fost atestată practic în complexele și straturile timpurii din toate siturile antice din regiune (Vakhtina, Kashuba 2013, 372). În studiul monografic dedicat așezărilor antice din nord-vestul Mării Negre K.K. Marchenko, analizând tipurile de ceramică modelată cu mâna, ajunge la concluzia despre prezența fizică a populației aborigene în componența așezărilor antice (Olbia, Berezani) (Marchenko 1988, 107-121). Se atrage atenția la faptul că această componentă nu era ordinară, semnalandu-se originari din bazinul Niprului și a Bugului de Mijloc, precum și din pământurile Carpat-Dunărene (Marchenko 1988, 62). Referitor la zona dunăreană nu demult a fost adus încă un argument în favoarea acesteia – locuințele circulare adâncite, tradiție adusă în nordul pontic cu aportul purtătorilor culturii Basarabi și preluate de către populația din silvostepă în perioada scitică timpurie (Kashuba, Levitskii 2011, 532-533). Un alt aspect al problemei este cel al elementelor grecești în context barbar. Specificul teritorial este că răspândirea materialului grecesc în mediul barbar este mai larg, mai intens și mai profund decât în alte regiuni ale colonizării a lumii antice (Vakhtina, Kashuba 2013, 373-374).

Una dintre problemele discutate des și la care încă nu s-a ajuns la un consens definitiv, mai ales în ce privește originea acesteia, o constituie apariția în mediul indigen a ceramicii cenușii lucrate la roată. În prezent datarea acesteia este în a doua jumătate a sec. VII a.Chr. (Smirnova 2004, 410, Iconomu 1978-1979, 79, Ignat 2006, 62-65),

inițial fiind atestată în siturile din nord-estul Carpaților răsăriteni. Această categorie este adusă în regiune de către coloniștii milesieni (Buiskikh 2006, 31). Analiza, inclusiv chimică a recipientelor respective de la Dolineni, Trinca-Izvorul lui Luca, Curteni etc. a demonstrat executarea locală a acesteia. Vasele executate la roată și cele modelate cu mâna erau executate din aceeași pastă, tehnologiile utilizate la siturile grupului Podolian de Vest, Curteni și Trinca fiind aceleași (Kashuba, Levitskii 2009, 249). Este vorba despre preluarea de tehnologii. M. Kashuba și O. Levițki indică și la atestarea prototipurilor ceramice locale ale acestor vase (Kashuba, Levitskii 2009, 249-251). Căile de pătrundere sunt desemnate cele riviere: Nistrul, Prutul și/sau Siretul (Kashuba, Levitskii 2009, 253-254). Ulterior, în al treilea sfert a sec. VI la Berezani și Olbia încep să activeze ateliere pentru producția în masă a ceramicii fine lucrate la roată, aceasta răspândindu-se larg în mediul barbar din bazinele Bugului, Niprului și a Nistrului mijlociu (Buiskikh 2006, 32). Vehiculându-se vectorul sud-tracic de apariție a acestei categorii ceramice din nou este vorba despre factorul colonizării grecești (Moscalu 1983, 92).

Nu mai puțin relevant este cazul activității meșterilor – constructori. Analizând locuințele cu fundament de piatră de la Butuceni, I. Niculiță lansează supoziția că procedura ar fi de influență grecească (Nikulitse 1977, 48). La Pivdennoe au fost cercetate locuințe cu pereții din cărămizi ne-arse pe fundament de piatră (Sal'nikov 1966, 119). În așezarea de la Nadlimanskoe, în secțiunea „V” a fost cercetată o parte a unei platforme din piatră, interpretat ca pavaj al unei străzi cu dimensiunile de 7,0x2,7 m. De menționat în aceeași secțiune cercetarea unui complex locativ-gospodăresc (Dzis-Raiko 1966, 165, 167). O parte a unei alte platforme de piatră din cadrul unei curți depistată în secțiunea „B” (Dzis-Raiko et al. 2012, 65, Fig. 14,15). În aspectul influențelor este interesantă presupunerea lansată de către A. Zanolci și V. Banaru, conform căreia la edificarea unor cetăți traco-getice utilizarea metodelor de construcție grecești să fi fost cauzată de prezența fizică a unor meșteri de aceeași origine (Banaru 2009, 193). Și într-adevăr, dacă analizăm structura valurilor unor situri fortificate (Coțofenii din Dos, Cetățeni, Butuceni) se observă anumite particularități care le deosebesc de celelalte. Este vorba despre zi-

dul de piatră care forma linia defensivă nr. 8 de la Butuceni (Niculiță, Teodor, Zancu 2003, 36; Fig. 52-53), vălătucii și cărămizile din lut de la Coțofenii din Dos (Zirra 1983, 135-140) și Bâzdâna-Cetate (Tătulea 1984, 92-98).

Relațiile de schimb și comerțul ca formă de interinfluențe culturale. Odată cu apariția primilor coloniști și colonii între aceștia și indigeni apar anumite relații de schimb. Ambele componente aveau câte ceva specific (bunuri materiale) și totodată duceau lipsă de anumite produse, articole, pe care unii nici că le cunoșteau (indigenii).

Pentru început este necesar a preciza anumite momente metodologice. Atunci când se vorbește despre comerț, contacte între comunități, structuri etc. în baza artefactelor arheologice logica cercetătorului este evidentă: procedura se realizează prin intermediul obiectelor de la care se ajunge la interpretări. Respectiv, apare una sau mai multe ipoteze, fiecare dintre care prezintă definiția obiectului propriu-zis, precum și rezultatul unui sau al mai multor procese (Brashinskii 1984, 22). Mai atenționăm aici la o situație. În cazul când se descoperă piese unitare în medii străine (ceramică etc.) se poate de interpretat pătrunderea acestora prin cele mai diferite căi: vizite întâmplătoare de călători, cadouri, sau pradă. Probabil așa trebuie interpretat descoperirea de piese izolate singulare și în mediul barbar din zona circumponică. Dar când avem de a face cu descoperirea în masă a ambalajului ceramic, atunci, fără îndoială, este vorba despre import în rezultatul operațiilor comerciale. Aici este de la sine înțeles că atunci când se are în vedere două comunități grecești (Atena-Chios/Olbia-Histria) avem forma superioară a comerțului antic: marfă-bani. În cazul comerțului greco-barbar procedura avea loc în diverse forme de schimb (troc), în dependență de nivelul comunităților indigene. Dacă se vorbește despre mecanica „contactului”, respectiv despre obiectele descoperite într-un sistem/mediu „străin” de producere și răspândire a acestora, deși de obicei subînțelegem comerțul, de fapt aceste obiecte puteau ajunge acolo în rezultatul celor mai diferite procese. D. French desemnează opt asemenea situații: descoperiri (călătoriile, schimbul), comerțul prin schimb/troc, cadourile (sociale, politice, diplomatice), „pirateria” (jaf, război), prada, mișcările sociale și economice (meșteșugarii ambulanți), coloni-

zarea, comerțul propriu-zis – vânzare-cumpărare bazate pe valorile standardizate (French 1979, 7). De fapt, majoritatea cercetătorilor se limitează la evidențierea a patru forme de interacțiuni civilizate: *militare, economice, culturale* sau din *domeniul artei*, precum și *social-politice* (Kuzyk, Iakovets 2008, 83-84). Dintre cele mai populare forme de relații dintre greci și barbari erau, fără îndoială, cea economică, acceptabilă și profitabilă pentru ambele părți contractante – fiecare avea posibilitatea de a-și satisface necesitățile scontate. Ca și în alte cazuri, în cadrul acestei proceduri, de rând cu schimbul de mărfuri, uneori se transmiteau și tehnologiile de producere a acesteia.

Referitor la relațiile *social-politice*, în ce ne privește, credem mai reușit și relevant a le analiza separat, cu atât mai mult, ambele unități taxonomice au diferite ponderi de sens, desemnând ulterior și fenomene culturologice diferite.

Relațiile sociale, ca legături la nivel uman (din ambele părți) cel mai bine se evidențiază la contacte personale, având forma superioară în cele matrimoniale (de mariaj). Este important că în acest caz rezultă fenomenul metisizării (V. Pârvan 1935, 94: *mixellens*, „greci amestecați”, „pe jumătate greci”). Apariția formelor hibride, indiferent de vectorul acestora (elenizarea barbarilor sau barbarizarea elenilor) în calitate de fenomen ce ar consemna elemente de convergență a componentelor (grecesc și indigen), este dificil a fi conturat cât de cât precis arheologic, deși *appriori* se poate presupune că faptul constituia mai mult o excepție și nu un fenomen de masă. Cazurile nominalizate în literatură au în calitate de actori reprezentanți a vârfurilor aristocratice (Skyl etc.).

Pătrunderea importurilor grecești în arealul tracilor septentrionali poate fi urmărită după descoperirea anumitor categorii de artefacte, în primul rând materialul ceramic. Dar, în literatura de specialitate a fost deja semnalat faptul, că exceptând anumite categorii de ceramică fină de lux (kantharos etc.) cele mai multe vase (nu numai decât cele de proporții - *n.n.*) erau de fapt „ambalaje” pentru alte mărfuri lichide: vin, ulei, produse cosmetice etc. (Boardman 1988, 27, 59).

Nu dispunem de o statistică cât de cât reală a cantității de amfore pentru întreg arealul în discuție – ar fi imposibil, dar dispunem de asemenea date pentru anumite situri săpate practic exhaustiv. Într-un anumit fel (având în vedere ansamblul

de material ceramic de toate categoriile), asemenea coloane statistice pot fi relevante.

La Butuceni proporția este considerabilă, constituind aproximativ 22% din numărul total de ceramică, descoperindu-se exemplare de Chios, Lesbos, Thasos, Amastris (Niculiță, Teodor, Zanoci 2002, 53, tabelul 1; Mateevici 1999, 177-195). La Cotu-Copălău proporția, dimpotrivă, este de 0, 85% din totalul de ceramică descoperită în locuințe și stratul de cultură (Șovan, Ignat 2005, 46). Pentru situl de la Stâncești nu au fost prezentate date statistice, deși sunt pomenite prezența (într-un număr mai redus) amforelor de Chios, Thasos/Thyras, Heraclea Pontica (Florescu, Florescu 2005, 87-88, 94). Referitor la materialul de proveniență grecească autorii lucrării monografice a sitului de la Stâncești invocă o stare a situației din regiune. Din cele 625 de obiective dateate în sec. VI-III a.Chr. (?) 60 se găsesc în zona centrală și de sud a Moldovei în apropierea cursurilor Siretului și Prutului, circa 20 în regiunea străbătută de Bercheci, Zeletin, Bahlui și Jijia (cursurile lor inferioare și mijlocii) și doar 8 în zona de nord a Moldovei (Florescu, Florescu 2005, 98-99).

C. Iconomu, în baza analizei descoperirilor ceramice, de la Curteni, Huși-Corni, Bunești, unde formele de import și imitațiile acestora sunt numeroase, presupune că acestea prezentau veritabile centre de producere și difuzare a acestora spre nord (Iconomu 1981-1982, 149). Nu este exclus ca și impunătorul sit de la Butuceni să fi avut rolul de mijlocitor în răspândirea amforelor (implicit și a altor mărfuri – *n.n.*) (Banaru 1997, 174-187). Cantitatea de artefacte depistată aici întrecea cu mult necesitatea locuitorilor, iar concentrațiile de amfore din unele locuințe indică la funcțiile comerciale de tranzit a cetății în mediul triburilor locale din împrejurimi (Banaru 1997, 178). Abordând problema importului grecesc în cadrul siturilor indigene N. Conovici menționa că acesta permite a estima mult mai exact durata de existență a acestora, densitatea lor de locuire în timp, precum și posibilele pendulări a acestora în cadrul unui teritoriu restrâns (Conovici 1986, 137). Deși, în principiu, supoziția din punct de vedere metodologic este „de perspectivă”, în cazurile concrete, utilizarea abordării este mai dificilă, iar siturile în care se întâlnesc mai multe toarte șampilate, pentru a stabili reciprocitatea acestora este un caz mai rar.

Cu toate că majoritatea specialiștilor atrăgeau o mai mare atenție materialului ceramic, în primul rând a amforelor ca unul dintre artefactele de bază de origine grecească în mediul tracilor septentrionali acesta nu era unicul, fiind descoperite și alte categorii de piese. Este vorba despre monede (Mitrea 1984, 111-121), a pieselor de paradă (Gumă 1991, 85-103), podoabe (Irimia 1977, 73-77) etc. Analizând ansamblul de recipiente grecești (nu numai amfore, dar și ceramica de lux, piesele metalice) descoperite în diferite medii indigene (cetăți, așezări deschise, morminte) V. Banaru ajunge la concluzia că acestea pot contribui la reconstituirea unui tablou mai complex a raporturilor greco-indigene, destul de diverse: culturale, religioase, politico-sociale etc. Autorul nu exclude ca unele descoperiri de vase grecești din mediul local să aibă o utilizare mai diferită decât cea obișnuită în lumea greacă (Banaru 1999, 162).

Comparativ, într-un număr mai redus s-au descoperit mai multe forme de ceramică de lux (Alexandrescu 1976, 117-126). Invocând din nou siturile cercetate mai exhaustiv, exemplificăm următoarea statistică. La situl de la Hligeni s-au descoperit 88 de fragmente de amfore și trei de la vase de lux (Gol'tseva, Kashuba 1995,). Situația este mult mai contrastantă în zona de pe litoral: la Pivdennoe raportul este de 47723 fragmente de amfore și 490 de la recipiente de lux (Sal'nikov 1966, 193, 197), la cetatea de la Nadlimanskoe din totalul materialului ceramic fragmentele de ceramică de lux (cu lac negru și pictată) constituia 2,5% (Dzis-Raiko, Okhotnikov, Redina 2012, 69). Ultima situație face posibilă supoziția că cel puțin inițial ceramica de lux era utilizată de coloniștii însăși și doar ulterior și de anumiți localnici (Boardman 1988, 58; Banaru 1999, 162-163).

În perioada arhaică au fost semnalate recipiente de proveniență est-grecească (*Rhodos, Chios, Klazomene, Samos, Milet, Thasos*), dintre care în 44 de cazuri aceasta era ceramică rhodioniană (Banaru 1997, 35-36). Pentru regiunea în discuție această categorie de descoperiri se concentrează în apropierea litoralului (Corbu de Jos, Sabangia, Histria-Sat etc.) (Banaru 1999, 163). În diferite puncte (Histria-Sat, mm. 30, 31, 48;) au fost descoperite *lekanis, lekithos* și *oenochoe* (Zirra 1970, 215). În 16 puncte s-au descoperit produse de import din Korinth (*aryballos, scyphos*) (Zirra 1970, 215). În 31 de cazuri s-au descoperit

rit vase de tipul *kylix*-urilor (Banaru 1999, 169).

Cel mai important centru exportator de ceramică de lux din perioada arhaică este Attica. De aici provin vasele cu figuri negre și roșii, precum și cu firnis negru (*cratere*, *hidrii*), care fiind larg răspândite constituie și cel mai sigur reper de datare a siturilor (Ruban 1979, 69). Dintre vasele cu firnis negru cel mai răspândit era *kantharos*-ul, fiind atestat în 41 de cazuri (Chiscani, Enisala, Telița, Murighiol, Stolniceni) (Banaru 1999, 168-169 *cu bibl.*).

Într-un studiu recent, T. Arnăuț analizează un tip insolit de descoperiri, până atunci piesele nefiind în mod special în atenția cercetătorilor sau fiind interpretate greșit (elemente arhitecturale etc.). Este vorba despre rășnițele de tip grecesc. Acestea erau utilizate de către armatorii greci în calitate de balast pentru corăbii în timpul transportării mărfii de bază. Ajunși la destinație aceste dispozitive erau realizate localnicilor de rând cu celelalte produse (Arnăuț 2003-2005, 221). În general piesele compuse din două pietre aveau o formă cvasi- paralelipipedă sau prismatică unde partea de sus cu perforări pentru scurgerea grâului numită zdrobitoare și cea de jos fixă, pe suprafața căreia se măcinau boabele numită zăcătoare. Funcționau după principiul mișcării rectilinii (Arnăuț 2003-2005, 222, 236). Asemenea vestigii au fost descoperite la Bârlălești (Coman 1980, 129-130), Butuceni, unde inițial a fost desemnată drept element arhitectural (Nikulitse 1987, 97-97, fig. 19), Satu Nou-Valea lui Voicu (Irimia, Conovici 1990, 81, 87, fig. 4/3 a-b) etc. Mai multe exemplare au fost descoperite și în cadrul unor orașe colonii (Nikonion, Olbia, Histria, Calatis, Argamum).

Relații ne-comerciale greco-indigene. În lucrarea sa monografică dedicată metodelor de cercetare a comerțului antic I. Brashinskii menționa faptul că nu toate obiectele grecești au o semnificație doar comercială (Brashinskii 1984, 20). În prezent este unanim acceptat că multe dintre acestea au avut/ au pătruns în mediul local prin forme de daruri private și colective (primele, foarte probabil, au fost în perioada inițială de ocupare a litoralului, când grecii au corupt conducerea triburilor locale și au construit pașnic orașele de pe coastă – *n.n.*), tributurile (inclusiv pentru protecție-**protectorat** – *n.n.*) și jafurile (T. Samoilova și P. Ostapenko menționează că grecii din regiune nu erau dispuși spre confrunțare, pe când barbarii – geții și sciții – deseori erau dispuși să jefuiască

polei-surile de pe litoral (Samoilova, Ostapenko 2010, 47). În cadrul ultimelor nu erau rare cazurile luării de ostateci, care și aceștia de asemenea contribuie la difuzarea elementelor de cultură materială grecească în arealul tracilor septentrionali. La acestea se mai adaugă relațiile cu caracter social: relațiile matrimoniale, slujbele de mercenari, mobilitatea meșteșugarilor (Banaru 2009, 192). Ulterior, V. Banaru mai aprofundează nomenclatorul adăugând mișcările de populații, misiunile și serviciile de însoțire a persoanelor și a bunurilor materiale (Banaru 2013, 253). Este clar că mai ales ultimele, ca și unele dintre cele invocate mai sus este dificil de demonstrat pe orice cale.

Totuși mai multe dintre aceste modalități ne-comerciale dintre greci și indigeni pot fi urmărite arheologic. Este vorba, în primul rând, de piesele cu caracter militar. Din teritoriul în discuție provin mai multe elemente de armură de certă origine grecească, pentru a evoca pentru exemplificare descoperirile de la Olănești. Este vorba despre un depozit/tezaur descoperit în vatra satului. Era format din șase coifuri de bronz, șase perechi de cnemide, un candelabru de bronz cu motivul Artemidei din Efes, o aplică cu chipul zeiței Atena și un pandantiv cu un ornament ajurat din bronz aurit (Sergheev 1966, 132-142; Arnăuț 2003, 121, 240-241; fig. 84: 1-6). Toate piesele sunt de certă apartenență grecească și indiferent cui ar fi aparținut – soldat, mercenar – au ajuns aici pe cale necomercială. Cazul nu este unicul, asemenea descoperiri fiind semnalate și pentru teritoriul din sud-vestul României (Gumă 1991, 85-103). În legătură cu soldații/mercenarii ca difuzori ai artefactelor grecești în mediul tracilor septentrionali a fost enunțată o supoziție originală de către V. Lungu (Lungu 1992, 77), dezvoltată ulterior de către V. Banaru (Banaru 2009, 193-194). Cazul se exemplifică prin difuzarea amforelor din Heraclea Pontica. Pentru teritoriul din sudul Dobrogei V. Banaru cartografiază 40 de puncte cu descoperiri de asemenea recipiente (Banaru 2003, 119-125, karte 10). Pornind de la faptul că în regiune, colonia secundară a Heracleei era Callatisul, în mod normal acesta și trebuia să fi fost furnizorul acestui tip de amfore. Dar, paradoxal, la Callatis, coraportul de amfore ștampilate este cu totul uluitor: la 100 de ștampile heracleote revin 457 de Thasos și 774 de Sinope, deci pentru un simplu comerț, o stare anormală, realitățile difuzării fiind altele.

Analizând situația V. Lungu explică concentrația de amfore respective ca urmare a expediției lui Lysimachos, în armata căreia era un detașament de mercenari heracleoți, amforele conținând proviantul (vin/ulei) al acestora (Lungu 1992, 77).

Cazul depistării anumitor piese legate de activitatea meșterilor ambulanți (care deseori trăiau și activau un timp oarecare în așezările localnicilor) este reflectat clasic de descoperirile de la Oprișor, jud Mehedinți. Este vorba despre o unealtă utilizată în activitatea meșteșugărească de toreteutică, descoperită în locuința 2 a unei așezări hallstattiene târzii (Stângă 1992, 151-154, fig. 1). Este interesant contextul artefactelor ce însoțesc această descoperire. Se menționează un vas de tip *lekane*, suportul unui *lekythos* cu figuri negre, un vas miniatural și două fusaiole (*prezentare după*: Banaru 2009, 192-193). M. Babeș consideră că unealta aparținea unui meșter care lucra la comandă pentru clienții de pe ambele maluri ale Dunării (Babeș 1993, 131). Este dificil a demonstra dacă este vorba despre ambele maluri ale Dunării, dar este cert că avem de a face cu cazul meșteșugarului grec care activa în mediul tracilor septentrionali – mânăuirea unui asemenea instrument necesita niște abilități cu totul speciale și, indirect în favoarea originii grecești a meșterului poate opina vasul *lekythos* – utilizat pentru păstrarea uleiurilor destinate igienei corpului (Banaru 2009, 193). Despre meșteșugarii greci, de data aceasta ceramiști, care activau în mediul autohton relatează P. Alexandrescu (Alexandrescu 1976, 117-126).

Nu mai puțin relevant este cazul activității meșterilor – constructori. Analizând locuințele cu fundament de piatră de la Butuceni I. Niculiță lansează supoziția că procedura ar fi de influență grecească (Nikulitse 1977, 48). La Pivdennoe au fost cercetate locuințe cu pereții din cărămizi ne-arse pe fundament de piatră (Sal'nikov 1966, 119). În acest aspect este interesantă presupunerea lansată de către A. Zanoci și V. Banaru, conform căreia la edificarea unor cetăți traco-getice utilizarea metodelor de construcție grecești să fi fost cauzată de prezența fizică a unor meșteri de aceeași origine (Banaru 2009, 193). Și într-adevăr, dacă analizăm structura valurilor unor situri fortificate (Coțofenii din Dos, Cetățeni, Butuceni) se observă anumite particularități care le deosebesc de celelalte. Este vorba despre zidul de piatră care forma linia defensivă N. 8 de la Butuceni (Niculiță, Teodor,

Zanoci 2003, 36; Fig. 52-53), vălătucii și cărămizile din lut de la Coțofenii din Dos (Zirra 1983, 135-140) și Bâzdâna-Cetate (Tătulea 1984, 92-98).

Preluări legate de modă și condițiile de habitat. Vecinătatea, dar și pătrunderea fizică a grecilor în mediul barbar (uneori la distanțe apreciabile: zona Nistrului Mijlociu, Transilvania, Moldova Centrală și de Nord) sub diverse forme (negustori, meșteșugari ambulanți etc.), precum și invers, a geților în polisurile de pe litoralul circumponic nu putea trece fără anumite preluări din domeniul modei și a modului de viață. Strabon (XI, 2, 3), dar având în vedere Tanais-ul, în afară de vin, pomeneste în calitate de marfă hainele grecești „...și altele ce caracterizează un mod de viață cultural”. O dovadă perfectă a supoziției o constituie cazul unui alt barbar, de data aceasta scit – regele Skyl, care deseori mergea la Olbia unde avea o casă construită după modelul grecesc și care la momentul intrării în oraș se preschimba în haine după moda elenă. Acesta mai avea și o soție olbiancă. Până la urmă consăngeniile săi au aflat despre aceste „metamorfoze” regești și Skyl a fost omorât de către aceștia.

Ceva mai sus invocam anumite preluări cu referire la condițiile de habitat, în particular fiind vorba despre locuințele cu fundament de piatră.

Interinfluențe culturale și spirituale. Coexistența seculară a grecilor în mediul indigen a afectat, într-un fel sau altul și compartimentul spiritual al localnicilor.

Deosebit de important în aspectul interinfluențelor sunt preluările din domeniul spiritual și în primul rând, cele legate de religie. Este arhicunoscut faptul că totul ce ține de credințe și practicile religioase la toate popoarele și în toate timpurile constituiau un domeniu nu numai foarte special, dar și absolut conservator – preluările, schimbările erau destul de rare și cu o motivație cu totul deosebită. În contextul de care ne preocupăm, colonizarea grecească a mediului barbar din nord-vestul Mării Negre problema este pluriliniară și plurivectorială. Este vorba despre lumea spirituală/religia populației indigene către începutul colonizării, bagajul spiritual/religia cu care au venit aici grecii-coloniști din metropolele lor și în sfârșit religia barbarilor și cea din poleis-uri constatată după un anumit contact dintre localnici și noii veniți.

Pentru lumea barbară (geți, sciți – ambele taxoane cu un caracter generic – *n.n.*) putem pre-

supune doar existența/persistența, în primul rând a anumitor culte primitive animiste și fetișiste, dar cu siguranță, în condițiile apariției unui anume panteon propriu de zeu-zei-zeițe. Este greu de reconstituit dacă pentru această perioadă în mediul aborigen exista deja cultul lui *Zalmoxis*, în continuare cel mai adorat zeu al traco-geților. Acest nume apare pentru prima dată la Herodot (IV, 94,95,96), ulterior fiind invocat des și de către alți autori antici (Diodor din Sicilia I, 95, 2.; Apuleus *Apologia* 26; *Lucian Scitul sau oaspetele* 1, *Istoria adevărată* II,17, *Zeus tragedian* 42; Origen *Împotriva lui Celsus* I,16, II,55, III,34,54; Porphyrios *Viața lui Pitagora*, 14). Nu credem lipsită de sens pomenirea numelui respectiv în contextul că ar fi fost discipolul sau robul lui Pythagoras (cca 560-500 a.Chr.) (Strabon VII,3,5 etc.). Constatarea a fost deseori discutată în literatura de specialitate, dar este și în prezent fără posibilitatea de a fi confirmată/infirmată. Nici nu este important acest lucru. Ar fi important însăși momentul atestării apariției acestui nume în legătură cu perioada activității marelui matematician și astronom. De aici ar reieși că începutul activității lui *Zalmoxis* s-ar încadra într-al treilea sfert al sec. VI a.Chr. Important pentru mediul indigen este clarificarea caracterului religiei acestora: monoteist (*Zalmoxis*), dualist (*Zalmoxis*, *Gebeleizis*) sau politeist (*Zalmoxis et alli*). Facem aici o remarcă. Dacă *Zalmoxis* ar fi fost într-adevăr în contact cu Pythagoras, la care toată filosofia matematicii se reducea la cifra „1” – esența esențelor, începutul începuturilor etc., apoi viitorul zeu ar fi trebuit să gândească la fel și zeitatea ar fi fost una, deci monoteism.

De altă parte izvoarele pomenesc de rând cu *Zalmoxis* (zeitate chtonică, ulterior celestă) pe *Gebeleizis* (zeitate uranică) și ar fi dualism. Facem aici o mică abatere de la temă și mai revenim la o recentă supoziție a noastră (Haheu et al. 2014, 22), conform căreia adepții lui *Zalmoxis* practicau la moarte ritul înhumării, cei ai lui *Gebeleizis*, - al incinerării. Dar la aceasta v-om reveni cu altă ocazie.

În sfârșit, prezența în panteonul religios al localnicilor al lui *Zalmoxis* și al lui *Gebeleizis* (foarte probabil și ale unor credințe animiste și fetișiste), iar începând cu epoca izvoarelor scrise și ale altor zeități nelocale, dar adaptate la mediul local (despre care v-om stăruia ceva mai jos) vorbesc în favoarea politeismului. Grecii coloniști au venit în nord-vestul Pontic cu un bagaj de deprinderi și

o experiență formată și evoluată deja în metropolă privind organizarea lor economică, social-politică și cultural-spirituală/religioasă.

Cel puțin, în perioada inițială structura și organizarea poleis-urilor repeta modelul metropolei de unde au venit aceștia. Constatarea este valabilă și pentru panteonul zeilor acestora, fiind în general de factură ioniană sau păstrând specificul orașelor (statelor) de origine. Surprinzător, în scurt timp, această fortăreață a spiritualității umane suferă schimbări și în virtutea anumitor circumstanțe se modifică. Apar culte originale noi, cum ar fi Apollon Tămăduitorul, Ahiles Pontarhul, Ahiles Stăpânitorul Sciției, Zeus al Olbiei, Jupiter Olbiopolitul etc. Se ajunge la aceia că cultul unor zei tradiționali. cu o pondere spirituală deosebită (Zeus, Apollon) se completează cu anumite trăsături specifice unor zone locale sau acestea sunt preluate din regiunile limitrofe (Samoilova 2010, 519). Fiecare poleis avea particularitățile proprii în credințele religioase (dar erau și zeități mai generale) în ce privește zeul-patron sau zeitatea principală. La Olbia acesta era Apollon Delfinul, de rând cu care se venerau Zeus, Athena, Hermes, Afrodita, Kibela, Demetra Dyonisos etc. În Tyras erauenerate, în primul rând zeitățile agricole Demetra, Kora, Dyonisos, dar și Kibela, Afrodita, Herakles etc (Samoilova 2010, 519). Zeităților principale ale fiecărui oraș îi era dedicat un templu, însăși oficierea cultelor se petrecea în locuri sacre speciale – *themenos*, sau în alte locuri sacre, care aveau de fapt niște origini mai vechi din religia primitivă: dumbrăvi, izvoare, lacuri etc. În nord-vestul Mării Negre, pe insula Leuke (în prezent insula Șerpilor), se pomeneste templul lui Ahiles Pontarhul, care era în patronatul Olbiei. Despre importanța acestuia vorbește faptul că aici se organizau competiții sportive cu caracter sacral la care participau reprezentanți ai majorității poleis-urilor din bazinele Pontului și cel egeean. Referitor la zeitățile cu statut mai general este cazul lui *Apollon Tămăduitorul*, despre care în una dintre inscripțiile datate cu sec. V î.Hr. se relatează că este stăpânitor al Istrului. Mai mulți cercetători susțin că structura religioasă a acestuia să fi fost la Histria, dar în cercul respectiv să fi intrat Olbia și Tyrasul (Samoilova 2010, 519). Mai este ceva de adăugat cu referire la acest Apollon *Ietros* „Tămăduitorul”. Cultul acestuia era fundamental în coloniile milesiene dar, paradoxal, nu este atestat

În Milet și nici în altă parte a lumii asiatice. Este o zeitate exclusiv pontică și răspândit doar în ctitoriile milesiene: Apolonia, Histria, Tyras, Olbia etc. din timpuri imemorabile. Se mai presupune a fi o zeitate a aristocraților în calitate de descendenți al acestuia (Avram 2001, 571).

După cum reiese din cele relatate în orașele-poleis-urile nord-vest pontice zeitățile principale își au originile în metropolele corespunzătoare, dar cu o puternică coloratură preluată din credințele panteonului indigen. Referitor la localnici, pe lângă zeitățile lor tradiționale semnalate în izvoare ca *Zalmoxis* și *Gebeleizis* (pentru a nu mai aminti de zeitățile anonime din animism și fetișism de sorginții primitive) chiar de la începutul colonizării și în continuarea sunt constatate o serie de preluări de către indigeni a unor zeități grecești la origine, desigur cu ajustările de rigoare la mediul local. Este vorba mai întâi de toate de Bendis.

Nu este exclus ca *Dionysos-Sabazios* să fi avut origini greco-egiptene sau din Asia Mică (Samoi-

lova 2010, 519). În Olbia, Tyras, Histria, dar și în mai multe puncte ale arealului tracilor septentrionali s-au găsit numeroase reliefuri din marmură și calcar cu imaginea lui Heros (Resa), desemnate drept Călărețul trac sau Călăreții danubieni, care întruchipau trăsăturile zeității agraro-chtonice și războinică a lumii tracice. Ulterior motivul acesta se presupune că a stat la baza apariției imaginii iconografice a sfântului-cavaler Gheorghe (Cioabanu 2008, 83-88; Haheu, Nastas 2014, 24).

Concluzii. Colonizarea grecească și apariția poleis-urilor a avut influențe de proporții în evoluția culturii traco-getice. Cultura grecească, una dintre cele mai performante la acea vreme a contribuit substanțial la progresul multilateral al localnicilor. Prin contacte directe – comerciale și ne-comerciale se accelerează ritmurile dezvoltării social-economice și politice ale aborigenilor. Este influențat și modul de viață, preluându-se elemente grecești de trai – locuințe, port, conduită. De rând cu influența culturii celtice se intensifică procesul de *Latène*-zare a culturii getice.

Bibliografie

- Izvoarele antice citate sunt aduse după: Izvoare privind istoria României (București 1964).
- Alexandrescu 1976:** P. Alexandrescu, Pour une chronologie des Vie-IVe siècles. Thraco-Dacica 1, 1976, 117-126.
- Arnăut 2003:** T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a. Chr. În spațiul de la Răsărit de Carpați (Chișinău 2003).
- Arnăut 2003-2005:** T. Arnăut, Rășnițe de tip grecesc din regiunile de la Nord și Nord-Vest de Pontul Euxin (sec. IV a.Chr.-sec. III p.Chr.). SCIVA tomul 54-56, 2003-2005, 221-247.
- Babeș 1993:** M. Babeș, O unealtă toletească din sec. IV-III a.Chr. de la Oprișor (jud. Mehedinți). SCI-VA 44 nr. 2, 1993, 125-134.
- Banaru 1997:** V. Banaru, К вопросу об экономических связях населения Пруто-Днестровского междуречья с греческим миром (по данным греческого импорта с городища Бутучень). In: (ed. S. Ohotnicov et alli) Nikonii i antichnyi mir Severnogo Prichernomoria (Odessa 1997), 174-187 // В. Банару, К вопросу об экономических связях населения Пруто-Днестровского междуречья с греческим миром (по данным греческого импорта с городища Бутучень). В сб.: (отв. ред. С. Охотников) Никоний и античный мир Северного Причерноморья (Одесса 1997), 174-187.
- Banaru 1999:** V. Banaru, Unele aspecte ale raporturilor greco-indigene în baza ceramicii de import din cadrul complexelor funerare din afara coloniilor nord-vest-pontice. In: (ed. T. Arnăut, A. Zanoci, S. Matveev) Studia in honorum Ion Niculiță (Chișinău 1999), 161-176.
- Banaru 2009:** V. Banaru, Cu privire la modalitățile necomerciale de difuzare a produselor grecești în nordul și nord-vestul Pontului Euxin. In: (ed. A. Zanoci, T. Arnăut, M. Băț) Studia archaeologiae et historiae antiquae (Chișinău 2009), 191-196.
- Banaru 2013:** V. Banaru, Comerț organizat sau schimb de mărfuri? Considerații cu privire la modalitățile de difuzare a importurilor grecești în nord-vestul Pontului Euxin. In: F. Bârzescu, I. Bârzescu, F. Matei-Popescu, Poleis în Marea Neagră: relații interpontice și producții locale (București 2013), 250-278.
- Boardman 1988:** J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă și comerțul timpuriu (București 1988).

- Bonev 1980:** A. Bonev, Nekotorye problemy frako-mitsenskiikh otnoshenii // A. Бонев, Некоторые проблемы фрако-миценских отношений. Actes du IIe Congrès International de Thracologie (Bucarest, 4-10 septembre 1976) (București 1980), 127-131.
- Brashinskii 1963:** I.B. Brashinskii, Afiny i Severnoe Prichernomor'e v VI-II vv. do n.e. (Moskva 1963) // И.Б. Брашинский, Афины и Северное Причерноморье в VI-II вв. до н.э. (Москва 1963).
- Brashinskii 1984:** I.B. Brashinskii, Metody issledovaniia antichnoi trgovli. (Leningrad 1984) // И.Б. Брашинский, Методы исследования античной торговли (Ленинград 1984).
- Bruiaiko, Tkachuk:** I.V. Bruiaiko, M.E. Tkachuk, Bessarabiia VII-I vv. do R.-H. Tsikl krosskul'turnykh dialogov. In: (ed.: G. Toshchev) TDMK „Problemy skifo-sarmatskoi arheologii Severnogo Prichernomor'ia” (Zaporozh'e 1994), 27-31 // И.В. Бруяко, М.Е. Ткачук, Бесарабия VII-I вв. До Р.-Х. Цикл кросскультурных диалогов. В сб.: (отв. ред. Г. Тоцев) ТДМК «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья» (Запорожье 1994), 27-31.
- Buiskikh 2006:** S.B. Buiskikh, Seraia keramika kak etnopokazatel' grecheskogo naseleniia Nizhnego Pobuzhiia v VI-I vv. do n.e. Bosporskie issledovaniia, vyp. XI (Simferopol'-Kerch' 2006) // С.Б. Буйских, Серая керамика как этнопоказатель греческого населения Нижнего Побужья в VI-I вв. до н.э. Боспорские исследования, вып. XI (Симферополь_Керчь 2006).
- Buzoianu 2001:** L. Buzoianu, Civilizația greacă în zona vest-pontică și impactul ei asupra lumii autohtonilor (sec. VII-IV a. Chr.) (Constanța 2001).
- Ciobanu 2008:** C. Ciobanu, Cavalerii danubieni: puncte de legătură între așvinii vedici și sfinții militari creștini. REC III (Chișinău 2008), 83-87.
- Conovici 1986:** N. Conovici, Repere cronologice pentru datarea unor așezări geto-dacice. CCDJ II (Călărași 1986), 129-142.
- Dzis-Raiko, Okhotnikov, Redina 2012:** G. Dzis-Raiko, S. Okhotnikov, E. Redina, Gorodishche Nadlimanskoe IV-III vv. Do n.e. v Nizhnem Podnestrov'e (Odessa 2012) // Г.А. Дзис-Райко, С.Б. Охотников, Е.Ф. Редина, Городище Надлиманское IV-III вв. до н.э. в Нижнем Поднепровье (Одесса 2012).
- Florescu, Florescu 2005:** A. Florescu, M. Florescu, Cetățile traco-getice din secolele VI-III a.Chr. de la Stâncești (jud. Botoșani) (Târgoviște 2005).
- French 1979:** D. French, Mycenaens in the Black Sea? In: Thracia Pontica. Premier symp. Intern. Résumés. (Sozopol 1979).
- Ganina 1965:** О.Д. Ganina, Poseleniia skifskogo chasu u seli Ivane-Puste. Arheologia XIX, 1965, 106-117 // О.Д. Ганина, Поселения скифского у сели Иване-Пусте. Археология XIX, 1965, 106-117.
- Gol'tseva, Kashuba 1995:** N.V. Gol'tseva, M.T. Kashuba, Hlinjeni II. Mnogosloinnyi pamiatnik Srednego Podnestrov'ia (Tiraspol 1995) // Н.В. Гольцева, М.Т. Кашуба, Глинжены II. Многослойный памятник Среднего Поднепровья (Тирасполь 1995).
- Gumă 1991:** M. Gumă, Câteva precizări asupra unor coifuri de la sfârșitul primei epoci a fierului și începutul celei de a doua descoperite în sud-vestul României, Thraco-Dacica 12, 1991, 85-103.
- Haheu et al. 2014:** V. Haheu, D. Bratco, V. Surdu, J. Nastas, Lumea celor vii și lumea „de dincolo” la tricii septentrionali (despre moarte, credințe, credințe religioase și zeități). „Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și studiul artelor” (ediția a VI-a) (Chișinău 2014), 22-23.
- Haheu, Nastas 2014:** V. Haheu, J. Nastas, Similitudini în credințele religioase și tradițiile funerare la geto-daci și creștine. „Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și studiul artelor” (ediția a VI-a) (Chișinău 2014), 23-24.
- Iailenko 1982:** V.P. Iailenko, Grecheskaia kolonizatsiia Severnogo Prichernomor'ia (Moskva 1982) // В.П. Яйленко, Греческая колонизация Северного Причерноморья (Москва 1982).
- Iconomu 1978-1979:** C. Iconomu, Cercetările arheologice din locuirea hallstattiană târzie de la Curteni-Vaslui. CI IX-X, 1978-1979.
- Iconomu 1981-1982:** C. Iconomu, Cercetările arheologice de la Curteni-Dealul Văii și Dealul Pietrăriei (jud. Vaslui). CI XII-XIII, 1982, 127-153.
- Ignat 2006:** Necropolele tumulare din zona Rădăuți în cadrul culturii traco-getice (sec. VII-V a.Chr.) (Târgoviște 2006).

- Kașuba et al. 2000:** M. Kașuba, V. Haheu, O. Levițki, Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu (București 2000).
- Kashuba, Levitskii:** 2009: M.T. Kashuba, O.G. Levitskii, Po sledam goncharnoi seroglinianoi keramiki Vostochno-karpatckogo regiona. SSPK XV (Zaporizhzhia 2009), 247-260 // M.T. Kașuba, O.G. Levițki, По следам гончарной сероглиняной керамики Восточно-Карпатского региона. ССПК XV (Запоріжжя 2009), 247-260.
- Kuzyk, Iakovets 2008:** B. Kuzyk, Iu. Iakovets, Tsivilizatsii: teoriia, istoriia, dialog, budushchee. III (Moskva 2008) // Б. Кузык, Ю. Яковец, Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. III (Москва 2008).
- Lungu 1992:** V. Lungu, Circulația amforelor șampilate în zona Capului Dolojman. Pontica 25, 1992, 69-97.
- Marchenko 1988:** K.K. Marchenko, Varvary v sostave naseleniia Berezani i Ol'vii (Leningrad 1988) // K.K. Марченко, Варвары в составе населения Березани и Ольвии (Ленинград 1988).
- Mateevici 1999:** N. Mateevici, Contribuții la cercetarea și studierea materialului ceramic grecesc de la cetatea getică de la Butuceni. In: (Ed. T. Arnăut, A. Zanoci, S. Matveev) Studia in honorem Ion Niculiță (Chișinău 1999), 177-195.
- Mateevici 2005:** N. Mateevici, Rolul amforelor grecești în comerțul greco-barbar din spațiul Bugo-Carpatic în sec. VI – începutul sec. II a.Chr. Tyragetia XIV, 2005, 71-80
- Mateevici 2007:** N. Mateevici, Amforele grecești în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI-începutul sec. II a. Chr. (Chișinău 2007).
- Mitrea 1984:** B. Mitrea, Etape cronologice în relațiile Histriei cu geto-dacii pe baza monedelor. Thraco-Dacica 5, 1984, 111-121.
- Monakhov 2003:** S.Iu. Monakhov, Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologia amfor vedushchikh tsentrov-exporterov tovarov v keramicheskoi tare (Moskva, Saratov 2003) // С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре (Москва, Саратов 2003).
- Moscalu 1983:** Ceramica traco-getică (București 1983).
- Németi 1992:** I. Németi, Importuri greco-elenistice în descoperirile celtice din nord-vestul României. Unele considerații istorice. In: (ed. D. Berciu) Symposia thracologica nr. 9 (București 1992), 139-141.
- Nikulitse 1977:** I.T. Nikulitse, Gety IV-III vv. do n.e. v Dnestrovsko-Karpat'srbkh zemliakh (Kishinev 1977) // И.Т. Никулицэ, Геты IV-III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях (Кишинев 1977).
- Nikulitse 1987:** I.T. Nikulitse, Severnye frakiitsy v VI-I vv. do n.e. (Kishinev 1987) // И.Т. Никулицэ, Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. (Кишинев 1987).
- Nikulitse 1988:** I.T. Nikulitse, Gety i elinskie polisy v IV-III vv. do n.e. // И.Т. Никулицэ, Геты и эллинские полисы в VI-III вв. до н.э. Actes de Simposion International Thracia Pontica IV (Sozopol 1988), 197-204.
- Niculiță et al. 2002:** I. Niculiță, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (București 2002).
- Niculiță et al. 2008:** I. Niculiță, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a.Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna) (Chișinău 2008).
- Ruban 1979:** V.V. Ruban, O datirovke poseleniia Kozyrka. In: Pamiatniki drevnikh kul'tur Severnogo Prichernomor'ia (Kiev 1979), 60-80 // В.В. Рубан, О датировке поселения Козырка. В сб.: Памятники древних культур Северного Причерноморья (Киев 1979), 60-80.
- Ruscu 2013:** L. Ruscu, Relațiile apoikiilor vest-pontice cu vecinii lor greci și barbari în epocile elenistică și romană. In: (ed. F. Bărzescu, I. Bărzescu, F. Matei-Popescu), Poleis în Marea Neagră: relații interpontice și producții locale (București 2013), 11-44.
- Sal'nikov 1966:** A.G. Sal'nikov, Itogi polevykh issledovaniy u s. Pivdennoe (1960-1962). MASP vyp. 5 (Kiev 1966), 176-225 // А.Г. Сальников, Итоги полевых исследований у с. Пивденное (1960-1962). МАСП вып. 5 (Киев 1966), 176-225.
- Samoilova 2010:** T. Samoilova, Colonizarea grecească a litoralului de nord-vest al Mării Negre (Olbia, Tyras, Histria). In: (ed. V. Dergacev) Istoria Moldovei (Chișinău 2010), 490-521.

- Samoilova, Ostapenko 2010:** T.L. Samoilova, P.V. Ostapenko, Gety i greki v Tire (komplex getskoi keramiki iz pozdneellinisticheskogo doma). In: (ed.) Tira–Belgorod–Akkerman (materialy issledovaniia) (Odessa 2010), 47-54 // Т.Л. Самойлова, П.В. Остапенко, Геты и греки в Тире (комплекс керамики из позднеэллинистического дома). В сб.: Тира–Белгород–Аккерман (материалы исследований) (Одесса 2010), 47-54.
- Sergeev 1966:** G.P. Sergeev, Oloneshtskii antichnyi klad. VDI 1966, 2, 132-142 // Г.П. Сергеев, Олонештский античный клад. ВДИ 1966, 2, 1966, 132-142.
- Sîrbu 1979:** V. Sîrbu, Considerații privind importul amforelor elene și elenistice pe teritoriul României (sec. VI-I î.e.n.). Danubius VIII-IX, 1979, 123-133.
- Smirnova 1998:** G.I. Smirnova, Din nou despre ceramica cenușie lucrată la roată descoperită în siturile scitice timpurii din zona Nistrului Mijlociu. SCIVA I, 1998, 23-37.
- Smirnova 1999:** G.I. Smirnova, Eshche raz o seroi kruzhaloj keramiki iz ranneskifskikh pamiytnikakh Srednego Podnestrov'ia. ASGE, vyp. 34, 1999 // Г.И. Смирнова, Еще раз о серой кружальной керамики из раннескифских памятников Среднего Поднестровья. АСГЭ, вып. 34, 1999.
- Stângă 1992:** I. Stângă, Decouvertes archeologiques inedites appartenant a l'époque Latene dans le departement de Mehedinți. In: (ed. D. Berciu) Symposia Thracologica nr. 9 (București 1992), 151-154.
- Șovan, Ignat 2005:** L. Șovan, M. Ignat, Așezarea getică fortificată de la Cotu-Copălău jud. Botoșani (Târgoviște 2005).
- Teodor 1983-1984:** S. Teodor, Cu privire la relațiile dintre geții est-carpatici și lumea greco-macedoneană. AMM V-VI, 1983-1984, 154-168.
- Trohani 1986:** Gh. Trohani, Influences hellénistiques dans la décoration des âtres géto-daces. Ancient Macedonia IV, (Thessaloniki 1986), 661-666.
- Vakhtina, Kashuba 2013:** M.Iu. Vakhtina, M.T. Kashuba, Ob osobennostiakh greko-varvarskikh kontaktov nachal'noi pory kolonizatsii Severnogo Prichernomor'ia v svete izuchenii Nemirovskogo gorodishcha. In: (Ed. M.Iu. Vakhtina, E.V. Gritsik, N.K. Zhizhina, S.V. Kashaev, N.A. Pavlichenko, O.Iu. Sokolova, V.A. Khrshanovskii), Bosporskii Fenomen. Greki i varvary na evroaziiskom perekrestke (Sankt/Peterburg 2013), 371-378 // М.Ю. Вахтина, М.Т. Кашуба, Об особенностях греко-варварских контактов начальной поры колонизации Северного Причерноморья в свете изучения Немировского городища. В сб.: (Отв. ред. М.Ю. Вахтина, Е.В. Грицик, Н.К. Жижина, С.В. Кашаев, Н.А. Павличенко, О.Ю. Соколова, В.А. Хршановский) Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке (Санкт-Петербург 2013), 371-378.
- Vinogradov, Marchenko, Rogov 1997:** Iu.Gh. Vinogradov, K.K. Marchenko, E.Ia. Rogov, Sarmaty i zhiteli „Velikoi Skifii”. VDI 3, 1997, 93-103 // Ю.Г. Виноградов, К.К. Марченко, Е.Я. Рогов, Сарматы и жители «Великой Скифии». ВДИ 3, 1997, 93-103.
- Zirra 1983:** Vl. Zirra, Câteva date privind așezarea getică fortificată de la Coțofenii din Dos, jud. Dolj. Thraco-Dacica IV, 1-2, 1983, 135-140.

Vasile Haheu: cercetător științific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1. MD 2001, Chișinău, Republica Moldova; e-mail: vasile.haheu@gmail.com

Alexandru Levinschi

Ceramica grecească de lux în așezările getice din silvostepa Nistru-Prut

Keywords: Getic settlements, black varnish ceramic, Greece.

Cuvinte cheie: așezări getice, ceramică cu firnis negru, Grecia.

Ключевые слова: гетские поселения, чернолаковая керамика, Греция.

Al. Levinschi

Luxury Greek Pottery in Getic settlements of the Dniester-Prut forested steppe

This article presents a brief synthesis of Greek pottery with black varnish that occurs frequently in Getae settlements of the forested steppe area between Dniester and Prut rivers. This type of ceramic represents up to 0.1% of the total complex of pottery found in the settlements and includes a limited number of shapes. From chronological point of view, the luxury Greek pottery is documented by sporadic dish forms produced in some Ionian centers at the end of the VI-th c. B.C. and other singular forms produced in Attica workshops at the end of the V-th c. B.C. the luxury vessels made in Attica in the middle and third quarter of the IV-th c. B.C. are more frequent and varied. The obtained results suggest that the rates of importation of Greek luxury ceramics in Getae settlements mirrors the general pattern established for Greek ceramic ware.

Al. Levinschi

Ceramica grecească de lux în așezările getice din silvostepa Nistru-Prut

Articolul prezintă o succintă sinteză asupra ceramicii grecești cu firnis negru, ce apare în cadrul așezărilor getice din zona împădurită a silvostepii dintre Nistru și Prut. În setul ceramic al așezărilor ea constituie până la 0,1% din total și include un număr limitat de forme. Din punct de vedere cronologic, ceramica grecească de lux este documentată prin forme singulare de vase produse în unele centre ioniene la sfârșitul sec. VI a.Chr. și în ateliere din Atica la sfârșitul sec. V a.Chr. Mai frecvente și mai variate sunt recipientele de lux lucrate în Atica pe la mijlocul și în sfertul trei al sec. IV a.Chr. Astfel, ritmurile de pătrundere a ceramicii de lux în așezările getice repetă situația constatată pentru ambalajele ceramice grecești.

Ал. Левинский

Греческая чернолаковая керамика на гетских поселениях Днестро-Прутской лесостепи

В статье дано краткое описание находок греческой чернолаковой керамики, встречающейся на гетских поселениях лесостепной зоны Днестровско-Прутского междуречья. В керамическом комплексе поселений она составляет до 0,1% от общего количества находок и представлена ограниченным числом форм. С хронологической точки зрения, греческая парадная керамика состоит из единичных форм сосудов, производимых ионийскими центрами в конце VI в. до Р.Х. и в мастерских Атики в конце V в. до Р.Х. Чаше встречается парадная чернолаковая керамика, изготовленная в мастерских Атики в середине и третьей четверти IV в. до Р.Х., которая характеризуется и большим разнообразием форм. Таким образом, поступление греческой парадной посуды на гетских поселениях лесостепи, в общих чертах, повторяет ритмы проникновения греческой керамической тары.

Ceramica grecească de lux, ca și alte vestigii de proveniență greacă, descoperite în mediul barbar din zona nord-vest pontică, reprezintă mărturii materiale ale unor evenimente și legături ce au avut loc între civilizația antică și populațiile autohtone din această regiune. Ba mai mult, categoria de vestigii nominalizată, ca și amforele grecești, tot mai sigur este utilizată în calitate de reper cronologic pentru siturile arheologice, iar luată în ansamblu cu celelalte importuri grecești – ne completează tabloul relațiilor greco-barbare.

În setul ceramic al siturilor getice din zona împădurită a silvostepii Nistru-Prut ceramica grecească cu firnis negru apare destul de rar, fragmentară și în cantități extrem de mici – până la 0,1%

din total, în unele așezări fiind chiar lipsă. Repertoriul tipologic este modest, prevalând formele de dimensiuni nu prea mari – vasele de tip kantharos și bolurile, alte tipuri de recipiente fiind cunoscute prin exemplare singulare. Fragmentarea puternică a materialului descoperit, deseori, complică identificarea formelor și, mai ales, a tipurilor corespunzătoare de vase. Ca bază pentru determinarea formelor de recipiente ceramice de lux din așezările geților din silvostepa Nistru-Prut a fost luat studiul monografic dedicat în mod special descoperirilor din complexele Agorei ateniene (Sparkes, Talkott 1970). Pentru determinările tipologice, ne-am bazat pe particularitățile profilurilor buzei vaselor, a fundului sau piciorului, unele detalii stilistice, pre-

cum și, nu în ultimul rând, parametrii dimensionali.

În cele ce urmează am luat în calcul piesele, despre care am putut să ne documentăm prin materialele publicate ale unor situri getice din spațiul în discuție (uneori, fixate doar în tabelele grafice și lipsind informația scrisă), cât și din propriile cercetări.

Cea mai timpurie apariție a vaselor grecești de lux la geți este marcată de fragmentul unui *lekanis cu firnis negru*, descoperit în așezarea fortificată Saharna „La Revechin”, în complexul adâncit nr. 6 (Levinschi, Covalenco 2001, 29). Este parte a unui castron de formă semisferică, pe fund inelar. Buza verticală a recipientului are modelat pe perimetrul exterior, sub margine, un prag-suport orizontal pentru susținerea capacului. Mânerele în bandă lată de circa 2 cm sunt prinse orizontal, de la nivelul pragului. În spațiul dintre mânere vasul avea un ornament pictat, probabil, în zigzag, din figuri roșii pe fundal deschis. Diametrul gurii a fost în jur de 29 cm (tab. 1,1). Piesa descrisă are multe similitudini, inclusiv, ca dimensiuni, cu recipientul ce figurează printre materialele Agorei ateniene, descoperit în context datat între anii 500-480 a.Chr. (Sparkes, Talkott 1970, 321/1217).

Tot apariție singulară, și tot în așezarea Saharna „La Revechin”, este un *bol (one-handler)* (Levinschi 2000, 31) de formă semisferică pe fund lat inelar. Buza vasului este îngroșată spre interior, cu aplatizare oblică. Singurul mâner era aplicat orizontal la nivelul buzei. Firnisul este de culoare neagră, cu luciu metalic. Diametrul vasului la gură este de 15 cm (tab. 1,2). Este un exemplar de bol, datat între anii 420-400 a.Chr. (Sparkes, Talkott 1970, 290/753).

Spre deosebire de piesele anterioare, fragmentele de *kantharos* reprezintă forma de vas ce apare în mai multe situri getice, în care au fost efectuate săpături arheologice. Câteva exemplare fragmentate, inclusiv una întregită grafic, sunt atestate în așezarea Saharna „La Revechin” (Levinschi et al. 2000, 98-99, fig. 8,17; Levinschi 2003, 264, 269-270, fig. 2,2), nelipsind la Saharna Mică și Saharna Mare (Niculiță et al. 2008, 46, fig. 39,10; 104, fig. 94,2; 118, fig. 114,11; 137, fig. 142,16), recipiente de acest fel fiind prezente și în așezarea Hligeni II „La Șanț” (Gol’tseva, M.T. Kashuba 1995, 41, tab. XCI, 3-4). Pe Răut fragmente de *kantharos* sunt găsite la Butuceni (Mateevici 1999, 180, fig. 10,11), iar în Codrii de Sud – la Stolniceni

(Sîrbu, Arnăuț 1995, 382).

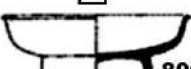
În cazul tuturor acestor descoperiri pare să fie vorba de una și aceeași variantă de *kantharos* – vas cu partea superioară de formă tronconică, corp bombat și aplatizat, pe picior inelar de formă semisferică, gol în interior (identic în toate patru situri – Saharna „La Revechin”, Saharna Mică, Saharna Mare, Hligeni II). Din punct de vedere morfologic (particularitățile de modelare a buzei), printre recipientele din așezările enumerate deosebim două variante: 1 – cu profilul buzei îngroșat spre exterior în formă de triunghi, fiind vorba de *kantharos*ul de tip 701-702 (Sparkes, Talkott 1970), depistat în toate siturile amintite mai sus; 2 – cu profilul buzei de grosime uniformă, fiind vorba de piese de tip 707 sau 709 (Sparkes, Talkott 1970), una găsită în așezarea Saharna „La Revechin” (tab. 1,3) și reconstituită grafic (Levinschi et al. 2000, fig. 8,17), încă un profil similar figurând în tabela cu materiale din groapa nr. 55 (tab. 1,4) a așezării Saharna Mare (Niculiță et al. 2008, fig. 114,11).

Ambele varietăți de *kantharos* sunt producții de Atica, foarte răspândite în nordul (nord-vestul și nord-estul) Mării Negre. Se constată că apar frecvent în complexe din al doilea și al treilea sfert al sec. IV a.Chr. (Onaiko 1970, 16). Cât privește însăși Atica, acolo piesele cu buza lată apar în contexte datate între anii 350-325 î.Hr. (Sparkes, Talkott 1970, 286, pl. 29/701-702), iar cele cu buza de grosime uniformă apar și în contexte datate în perioada 375-350 a.Chr. Parametrii dimensionali (9 cm la buză) ai piesei din așezarea Saharna „La Revechin” permit încadrarea ei în același interval de timp ca și varianta precedentă – între anii 350-325 a.Chr. (Sparkes, Talkott 1970, 286, pl. 29,709).

Vasele-*bol* sau străchinile de mici dimensiuni, acoperite cu firnis negru, sunt cunoscute în număr mai mic, fiind menționate printre materialele descoperite de Gh.D. Smirnov în așezarea Saharna Mare (Kashuba et al. 2001-2002: 191, ris. XLVI/6), precum și printre cele de la Butuceni (Mateevici 1999, 180, fig. 9,7; 10,1-3,6-9,13; Niculiță et al. 2002, 60, fig. 120-121).

În cazul piesei de la Saharna (tab. 1,5), cu diametrul de 16,2 cm (conform desenului), este vorba de un bol de tip 806, care, în complexe Agorei ateniene, apare în contexte datate între anii 350-325 a.Chr. (Sparkes, Talkott 1970, 293-294, fig. 8,806).

Cât privește piesele de la Butuceni, nomi-

	500	400	300 a.Ch.
   1217			
   753			
    707 701			
  806			
   688			
   104			
  692			

Tab. 1. Tipurile de vase grecești de lux în așezările getice din silvostepa Nistru-Prut.

Tab. 1. Typs of Luxury Greek Pottery in Getic settlements of the Dniester-Prut forested steppe.

nalizate ca boluri, analiza desenelor publicate (Mateevici 1999, fig. 10) ne lasă impresia, că printre descoperiri pot fi atât boluri propriu-zise, cât și vase de tip bol. Astfel, în baza parametrilor morfologici și metrice, piesa de la figura 9,7 (Mateevici 1999, 194) este un bol cu profil curbat spre interior, pe fund inelar, de tip 838 – piese date între anii 350-325 a.Chr. (Sparkes, Talkott 1970, 296/838), iar în cazul celei de la figura 10,13 (Mateevici 1999, 195), în baza acelorași parametri (9 cm la buză), este o *cupă-kantharos* (tab. 1,7) cu mânerul amplasat pe linia diametrului maxim sau în jumătatea inferioară a corpului, fixate doar la una din extremități. Aceasta din urmă este un vas de tip 688, întâlnit frecvent în complexe date între anii 350-325 a.Chr. (Sparkes, Talkott 1970, 285/688). În acest context menționăm că un vas de același tip (tab. 1,6) este și piesa din contextul trusei de magician din șanțul așezării Hansca „Toloacă” (Никулиця 1985, 115; Sîrbu 1993, fig. 43,1). Partea inferioară a vasului de la figura 10,10 (Mateevici 1999, 195), cu corpul canelat pe verticală (în studiul din 2002 – două piese), pare să aparțină unei *oenochoe* (tab. 1,8-9), similare celor de tip 104 (Sparkes, Talkott 1970, 244/104) și caracteristice pentru prima jumătate a sec. IV a.Chr. Cât privește piesele de la figura 10,1,3 – pentru ele nu avem nici un fel de analogii, profilul și specificul de modelare a fundului fiind caracteristice pentru ceramica cenușie. Autorii studiului ulterior (Niculiță et al. 2002, 60, fig. 121,1-2,4-5) le găsesc analogii printre descoperirile din orașele din nord-vestul Mării Negre.

În situl de pe promontoriul Butuceni mai sunt amintite fragmente de *cupe* și de vâscioare de tip *lagynos*, ce sunt date începând cu sec. IV a.Chr. (Niculiță et al. 2002, 60).

Printre fragmentele de vase nedeterminate din așezarea Saharna Mare (Niculiță et al. 2008, fig. 142,9-15) figurează și profilul incomplet al unui

vas cu caneluri verticale (fig. 142,14), aplicate în jumătatea inferioară a corpului, de la nivelul liniei diametrului maxim (egal cu 11,5 cm). În cazul acestei piese (tab. 1,10) este destul de verosimil să fie vorba de o *cupă-kantharos* cu gâtul înalt, curbat spre exterior în profil, de tip 692 – piesă caracteristică intervalului de timp dintre anii 350-325 a.Chr. (Sparkes, Talkott 1970, 285/692).

Cam acestea ar fi formele de vase grecești de lux, ce au putut fi identificate printre descoperirile de fragmente ceramice din așezări. O mare parte dintre ele erau cele mai preferate pentru export în mediul locuit de geții din silvostepa Nistru-Prut.

În baza acestei analize constatăm că cele mai timpurii apariții sunt piese singulare produse, probabil, în unele centre ioniene, la sfârșitul sec. VI a.Chr. Urmează o întrerupere de aproape un secol, după care semnalăm apariții sporadice ale vaselor cu firnis negru, lucrate în ateliere atice pe la sfârșitul ultimului sfert al sec. V a.Chr.

O nouă apariție a ceramicii grecești de lux în mediul getic din silvostepă este semnalată pe la mijlocul sec. IV a.Chr., când în așezări documentăm prezența unei varietăți mai largi de vase grecești cu firnis negru, preponderent, cupe, vase de tip *kantharos* și boluri (ca să nu excludem și prezența altor forme), majoritatea absolută a căroră era produsă în atelierele ceramice din Atica pe parcursul sfertului trei al acestui secol.

În acest context ținem să atragem atenția că, pentru moment, în cadrul siturilor getice din silvostepa Nistru-Prut nu este documentată prezența vaselor ceramice grecești de lux, producția cărora este caracteristică pentru epoca elenistică.

Luată la general, această distribuire cantitativ-cronologică a ceramicii grecești de lux în siturile getice din zona împădurită a silvostepii dintre Nistru și Prut repetă situația constatată anterior în baza analizei ritmurilor de pătrundere în această zonă a uleiurilor și vinurilor grecești în ambalaje ceramice.

Bibliografie

- Gol'tseva, Kashuba 1995:** N.V. Gol'tseva, M.T. Kashuba, Glinjen' II – mnogoslainy pamiatnik Srednego Podnestrov'ia (Tiraspol' 1995) // Н.В. Гольцева, М.Т. Кашуба, Глинжень II – многослойный памятник Среднего Поднепровья (Тирасполь 1995).
- Kashuba et al. 2001-2002:** M.T. Kashuba, V.P. Khakheu, O.G. Levitski, Frako-getskie drevnosti v iuzhnoi lesostepi Srednego Dnestra (kul'turno-khronologicheskaiia sistematizatsiia materialov iz raskopok

второй половины XX века. Stratum plus 3, 2001-2002, 118-123 // М.Т. Кашуба, В.П. Хахей, О.Г. Левицкий, Фрако-гетские древности в южной лесостепи Среднего Днестра (культурно-хронологическая систематизация материалов из раскопок второй половины XX века). Stratum plus 3, 2001-2002, 118-223.

Levinschi 2000: Al. Levinschi, Raport științific privind rezultatele investigațiilor arheologice în fortificația getică Saharna – „La Revechin”, campania 1999. Arhiva MNIM, inv.nr. 466 (Chișinău 2000).

Levinschi 2003: Al. Levinschi, Limita cronologică superioară a fortificațiilor getice din zona Saharna – Rezina. In: Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic (Chișinău 2003), 261-284.

Levinschi, Covalenco 2001: Al. Levinschi, S. Covalenco, Raport științific privind rezultatele investigațiilor arheologice în fortificația getică Saharna – „La Revechin”, campania 2000. Arhiva MNAIM, inv. nr. 468 (Chișinău 2001).

Levinschi et al. 2003: Al. Levinschi, O. Șcipachin, M. Negură, Complexele locative din fortificația getică Saharna – „La Revechin”. Tyragetia IX, 2000, 87-100.

Mateevici 1999: N. Mateevici, Contribuții la cercetarea și studierea materialului ceramic grecesc de la cetatea getică de la Butuceni. In: Studia in Honorem Ion Niculiță (Chișinău 1999), 177-195.

Niculiță 1985: I. Niculiță, Izuchenie severofrakiiskikh poselenii v Khanskom microraione. AIM v 1981 g. (Kishinev 1985), 95-117 // И.Т. Никулицэ, Изучение северофракийских поселений в Ханском микрорайоне. АИМ в 1981 г. (Кишинев 1985), 95-117.

Niculiță et al. 2002: I. Niculiță, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (București 2002).

Niculiță et al. 2008: I. Niculiță, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a.Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (Chișinău 2008).

Onaiko 1970: N.A. Onaiko, Antichnyi import v Prodneprov'e i Pobuzh'e v IV-III vv. do n.e. SAI D 1-27 // Онайко Н.А. 1970. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV-III вв. до н.э. САИ Д 1-27 (Москва 1970).

Sîrbu 1993: V. Sîrbu, Credințe și practici funerare, religioase și magice în lumea geto-dacă (Galați 1993).

Sîrbu, Arnăut 1993: V. Sîrbu, T. Arnăut, Incinta fortificată de la Stolniceni, raionul Hâncești – Rep. Moldova. Cercetări arheologice în aria nord-tracă (I) (București 1995), 378-400.

Sparkes, Talkott 1970: B.A. Sparkes, L. Talkott, Black and plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. (New Jersey 1970).

Alexandru Levinschi, cercetător științific, director al Muzeului Științei al AȘM, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD 2012, Chișinău, Republica Moldova; e-mail: levinschi.alex@gmail.com

Ceramica lucrată cu mâna din aşezarea Lucăşeuca II (secolele II-I a.Chr.)

Keywords: Settlement Lucăşeuca II, Poieneshi-Lucăşeuca culture, hand-made pottery, coarse ceramics for kitchen use, fine ceramics.

Cuvinte-cheie: aşezarea Lucăşeuca II, cultura Poieneshi-Lucăşeuca, ceramică lucrată cu mâna, ceramică grosieră, ceramică fină.

Ключевые слова: поселение Лукэшеука II, культура Поенешть-Лукэшеука, лепная керамика, кухонная керамика, столовая керамика.

Vasile Iarmulschi, Octavian Munteanu

Hand-made Ceramics from the Settlement Lucăşeuca II, II-I Centuries BC (Orhei district, R. Moldova)

The article describes and analyzes the hand-made pottery discovered in the settlement Lucăşeuca II of Lucăşeuca-Poieneshi type. The studied ceramic material was discovered during the excavations carried out by G.B. Fedorov, R. Vulpe and M.A. Romanovskaia in 1957-1959. The hand-made pottery found in the site Lucăşeuca II is represented in a proportion of about 96% of the total number of recovered fragments. The pottery from Lucăşeuca II could be divided in two groups: 1. Coarse ceramics for kitchen use; 2. Fine ceramics. Recipentales made of coarse ceramics attain 88% of the sample, while the fine ceramics makes only 8% of the ceramic tableware.

Vasile Iarmulschi, Octavian Munteanu

Ceramica lucrată cu mâna din aşezarea Lucăşeuca II (secolele II-I a.Chr.)

În articol este prezentată şi analizată ceramica de tip Poieneshi-Lucăşeuca lucrată cu mâna descoperită în aşezarea eponimă Lucăşeuca II (r. Orhei, R. Moldova). Materialul ceramic examinat a fost obţinut prin săpăturile arheologice realizate de G.B. Fedorov, R. Vulpe şi M.A. Romanovskaia în anii 1957-1959. Ceramica lucrată cu mâna descoperită în staţiunea respectivă este reprezentată în proporţie de circa 96% din totalul cioburilor recuperate. Din punct de vedere al pastei din care au fost modelate, evidenţiem două grupuri: 1 – ceramica grosieră, de bucătărie (destinată uzului cotidian – păstrarea şi prepararea alimentelor) şi 2 – ceramică fină (utilizată la servirea mesei). Recipientele modelate din pastă grosieră constituie 88%, iar cele din pastă fină 8% din totalul de cioburi recuperate.

Василе Ярмульски, Октавиан Мунтяну

Лепная керамика из поселения Лукэшеука II (II-I вв. до Р.Х.)

В статье представлена и проанализирована лепная керамика поселения Поенешть-Лукэшеука, найденная близ села Лукэшеука (Орхейский р-н Р. Молдова). Исследованный керамический материал был обнаружен в результате археологических раскопок, произведенных Г.Б. Федоровым, Р. Вулпе и М.А. Романовской в 1957-1959 гг. Лепная керамика составляет около 96% от всего керамического материала и представлена двумя категориями: 1) кухонная и 2) столовая керамика. Кухонная керамика составляет 88%, а столовая достигает 8% от всего керамического материала.

Printre obiectivele arheologice importante din epoca preromană recentă a fierului din spaţiul pruto-nistean se numără şi aşezarea de tip Poieneshi-Lucăşeuca de la Lucăşeuca II (r. Orhei). Amplasată la cca 2 km vest de sat, pe prima terasă a unui pârâu (Fedorov 1960, 240) (fig. 1), staţiunea la care ne referim, a fost cercetată în anii 1957-1959 prin săpături sistematice de către G.B. Fedorov, R. Vulpe şi M.A. Romanovskaia (Fedorov 1960, 240). Pe parcursul a trei campanii arheologice a fost dezvelită o suprafaţă de 513 m.p., scoţându-se la iveală şapte locuinţe şi mai multe complexe gospodăreşti (Fedorov 1960, 240-246; Romanovskaia 1962, 293). Totodată, din cuprinsul acestui sit s-a recuperat un bogat material arheologic, constând din ceramică, ustensile, accesorii vestimentare şi podoabe, care reflectă diferite

sfere ale vieţii şi activităţii umane de aici. Ca şi în alte situri de tip Poieneshi-Lucăşeuca, cele mai numeroase vestigii arheologice descoperite în această staţiune sunt recipientele de lut. Precizăm că majoritatea materialului ceramic recuperat se află în stare fragmentară, reconstituirea formelor întâmpinând, din acest motiv, dificultăţi mari.

Din punct de vedere al tehnicii de lucru, ceramica de la Lucăşeuca II poate fi divizată în două categorii mari: 1 – ceramica lucrată cu mâna; 2 – ceramică lucrată la roată. Olăria atribuită purtătorilor acestei culturi este aproape în totalitate confecţionată cu mâna, iar ceramica lucrată la roată, de regulă, este reprezentată prin vase de import. În articolul de faţă ne propunem să prezentăm şi să analizăm ceramica modelată cu mâna descoperită în aşezarea de la Lucăşeuca II. Pre-

cizăm că aceasta este reprezentată în proporție de circa 96% din totalul cioburilor recuperate (Fedorov 1960, 18) (diagrama 1).

În cadrul ceramicii lucrate cu mâna evidențiem două grupuri: 1 – ceramica grosieră, de bucătărie (destinată uzului cotidian – păstrarea și prepararea alimentelor) și 2 – ceramică fină (utilizată pentru servirea mesei).

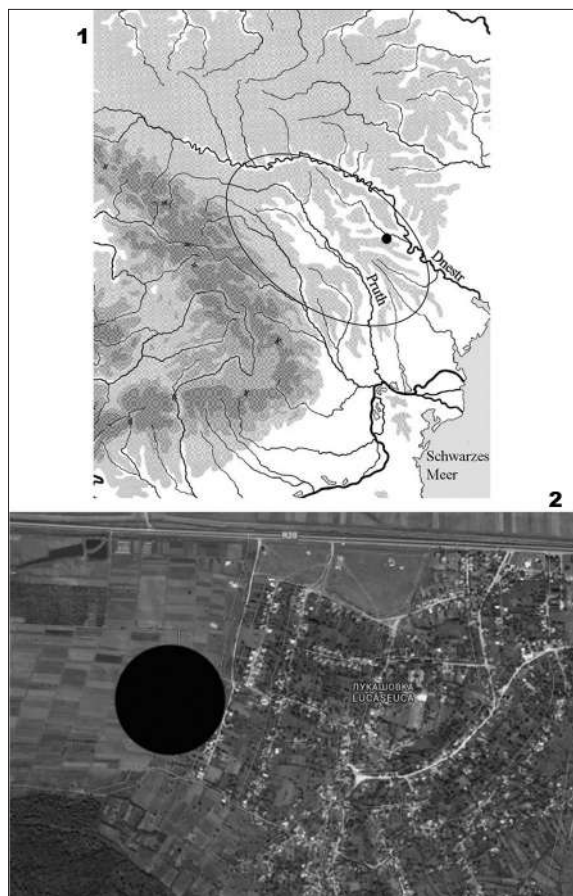

Fig. 1. 1. Amplasarea geografică a așezării de la Lucășeuca II; 2. Localizarea sitului de la Lucășeuca II (sursa google maps).
Fig. 1. 1. Geographical location of the site Lucășeuca II; 2. Location of the Lucășeuca II site (source google maps).

Ceramica grosieră, care reprezintă majoritatea recipientelor lucrate cu mâna (diagrama 1), a fost confecționată dintr-o pastă de lut friabilă și prost frământată. În calitate de degresanți se foloseau cioburile pisate, lutul ars fărâmițat și, mai rar, pietriș sau nisip. Modelarea este neglijentă, manifestându-se prin inegalități și asimetrii în formă. Arderea este deficitară și neomogenă, iar vasele au culoare diferită, brun-cenușie sau gălbui-cărmăz pe cele două fațete și negricioasă în secțiune.

Înainte de a prezenta ceramica din această grupă, ținem să menționăm că ea este destul de fragmentară, ceea ce provoacă anumite dificultăți în clasificarea ei. Astfel, având un număr foarte mic de vase întregibile, vom încerca să prezentăm o tipologie a vaselor grosiere reieșind din analiza formei părții superioare a recipientelor.

În cadrul ceramicii grosiere am putut evidenția următoarele forme de vase – oale, castroane, străchini, vase miniaturale, strecurătoare, cupe pe picioare și discuri.

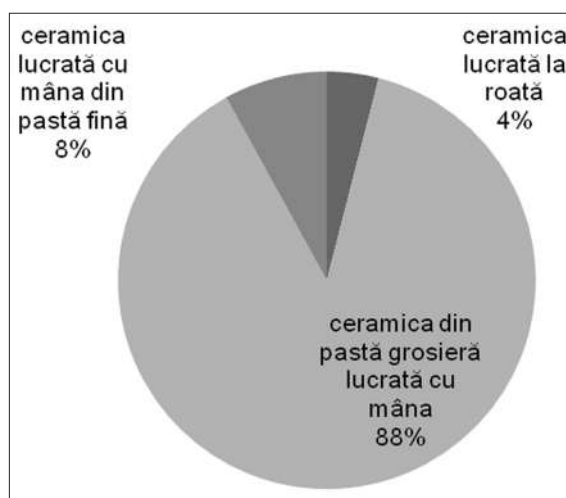

Diagrama 1

Oale. Această categorie de vase prezintă o mare varietate și, dacă ținem cont de toate amănuntele, am putea spune că aproape fiecare fragment ceramic are o altă formă. În linii mari însă, oalele de la Lucășeuca II pot fi încadrate în trei tipuri principale.

Tipul 1 (fig. 2,1-5), cuprinde vase scunde în formă de sac, fără gât, cu buza dreaptă sau ușor invazată. În majoritatea lor, oalele de tip 1 sunt lipsite de ornament. Doar un singur recipient este ornamentat. Fragmentul de vas, descoperit în stratul de cultură, prezintă pe partea superioară a recipientului un decor ce constă dintr-un brâu alveolat (fig. 2,5). În mediul culturii Poienești-Lucășeuca asemenea oale au apărut aproape în toate stațiunile, printre analogii menționăm descoperirile de la Davideni (Babeș 1993, Taf. 23,17,25-29), Lunca Ciurei (Teodor 1987, fig. 14,8) și Ulmu (Romanovskaja 1987, fig. 8,3,10).

Cât privește originea acestui tip de vas în mediul culturii de care ne preocupăm, remarcăm că majoritatea specialiștilor, făcând trimiteri la descoperirile din mediul culturii getice (Vulpe 1953,

56-57, fig. 4,4; Nikulitse 1977, 110, ris. XII,10), care este caracteristică spațiului est-carpatic în perioada precedentă (sec. VI-III a.Chr.), o consideră de tradiție autohtonă (Fedorov 1960, 38; Teodor 1967, 27; Romanovskaja 1987, 224). Fără a intra în polemică, notăm faptul că recipiente asemănătoare sunt cunoscute și în nordul Europei Centrale, mai exact, în mediul culturii Jastorf (Kleeman 1994, Abb. 3,2; Bücke 2007, Taf. 2,6; Hüser 2010, Abb. 11,2) și Przeworsk (Dąbrowska 1997, Taf. IV,4; Machaewski, Pietrzak 2004, tabl. XIII,3).

Tipul 2 (fig. 2,6-11) include oale cu corpul aproximativ sferoidal și buza dreaptă sau răsfrântă în exterior. Uneori suprafața exterioară a vaselor este acoperită cu barbotină. Astfel de recipiente au apărut aproape în toate stațiunile de tip Poienesti-Lucășeuca cercetate mai intens. Printre corespondențe amintim descoperirile de la Orheiul Vechi (Munteanu 2001, fig. 3,1-2), Ulmu (Romanovskaja 1987, fig. 10,1-2) și Borosești (Babeș 1993, Taf. 18,13).

Precizăm că vase asemănătoare, dar fără barbotină, se cunosc în mediul culturii getice, exemple similare fiind recuperate în mai multe așezări, cum ar fi Saharna Mică (Niculiță, Zanoci, Arnăuț 2008, fig. 4,8-9), Horodca Mică (Munteanu, Iarmulski 2007, fig. 5,2) și Potârca (Niculiță, Matveev, Potângă 1999, fig. 4,2). De asemenea, corespondențe pentru astfel de vase, se regăsesc în mediul culturilor „germanice” din epoca preromană recentă a fierului, atât la vest cât și la est de Oder. Dintre descoperiri menționăm recipientele de la Phöben (Schwarzländer 1999, Abb. 3,6.11), Zeestow (Kleeman 1994, Abb. 4,1) și Wojnowie stan. 23 (Kasparowicz 2004, ryc. 6, 12-13).

Tipul 3 (fig. 2,12; 3,1) cuprinde vase cu buza dreaptă sau ușor răsfrântă în exterior și corpul globular. Deseori suprafața exterioară a acestor recipiente este acoperită cu barbotină. Asemenea oale sunt frecvent întâlnite în mediul culturii Poienesti-Lucășeuca, printre analogii amintim recipientele de la Goroșovo (Pachkova 1983, ris. 6,19), Orheiul Vechi (Postică, Munteanu 1999, 12,7) și Ulmu (Romanovskaja 1987, fig. 9,11).

Este important de precizat că similitudini pentru asemenea recipiente lipsesc în arealul culturii getice, dar se întâlnesc în siturile de tip Jastorf din nordul Germaniei, dintre care le enumerăm pe cele de la Hamburg Volksdorf (Bücke 2002, Taf. 46,158) și Hamburg Marmsdorf, Fdpl.

68 (Hüser 2010, Abb. 11,3.5).

Într-un număr mai restrâns în așezarea de la Lucășeuca II sunt reprezentate **castroanele** modelate din pastă grosieră. În funcție de forma buzei, am delimitat două tipuri de astfel de recipiente.

Tipul 1 (fig. 3,2-3) cuprinde vase cu buza ușor evazată în exterior și cu gâtul bine pronunțat. Uneori suprafața exterioară a unor asemenea recipiente era acoperită cu barbotină. În mediul culturii Poienesti-Lucășeuca analogii pentru astfel de vase găsim practic în toate așezările cercetate cât de cât mai intens. Printre acestea amintim descoperirile de la Lozna Hlibicioc (Teodor 1992, fig. 13,7), Ulmu (Romanovskaja 1987, fig. 6,18) și Borosești (Babeș 1993, Taf. 19,67).

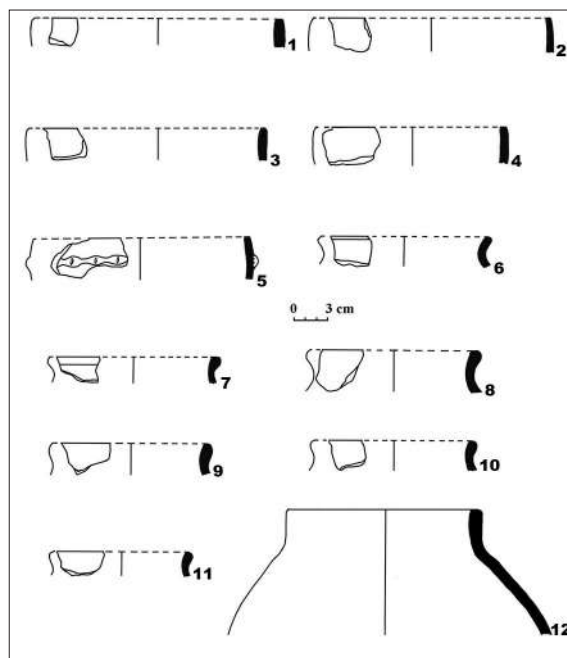

Fig. 2. Oale din pastă grosieră de tip 1 (1-5), tip 2 (6-11) și tip 3 (12).

Fig. 2. Pots from rough paste. Type 1 (1-5), type 2 (6-11) and type 3 (12).

De menționat că în cazul acestor castroane nu cunoaștem similitudini în mediul culturii getice. În schimb, le găsim în mediul culturii Jastorf, mai exact, în regiunea Brandenburg. Dintre corespondențe cităm descoperirile de la Waletsdorf (Brumlich, Meyer, Abb. 17,i.1) și Glienicke 14 (Brumlich, Meyer, Lychatz 2012, Abb. 23), și în așa numitul grup ceramic de tip Werbkowice (Łuczkiwicz 2014, Abb. 3,3), aspect cultural ce este pus pe seama deplasării bastarnilor spre sud-estul Europei (Dąbrowska 1994, 87).

Tipul 2 (fig. 3,4) este reprezentat printr-un singur fragment de vas găsit în stratul de cultură al sitului. Recipientul are buza dreapta, iar gâtul este abia evidențiat. Pe partea inferioară a corpului, vasul este ornamentat cu un șir de alveole. În arealul culturii Poienești-Lucășeuca castroane asemănătoare s-au descoperit la Gorošovo (Pachkova 1983, ris. 8,22) și Orheiul Vechi (Postică, Munteanu 1999, fig. 12,4). Corespondențe pentru asemenea vase se cunosc în așa numitul grup ceramic de tip Werbkowice (Łuczkiwicz 2014, Abb. 6,6) și în mediul culturii Jastorf (Brandt 2005, Abb. 11,10).

Străchinele modelate din pastă grosieră sunt slab reprezentate în așezarea de la Lucășeuca II. Precizăm că nu s-a descoperit niciun recipient întreg sau întregibil ci doar câteva fragmente de la partea superioară a vaselor. Acestea au buza trasă în interior iar trunchiul aproximativ tronconic (fig. 3,5-6). Asemenea recipiente sunt frecvent întâlnite în siturile de tip Poienești-Lucășeuca. Printre analogii cităm descoperirile de la Lozna Hlibicioc (Teodor 1992, fig. 4,1; Teodor, Șadurschi 1980, fig. 9,1.3.5), Borniș (Popovici 1982, fig. 1,9) și Botoșana (Teodor 1980, fig. 22,4.14).

Precizăm că similitudini pentru astfel de recipiente cunoaștem atât în mediul culturii getice (Arnăut 2003, 73, fig. 46,5; Niculiță, Teodor, Zanoci 2002, 50, fig. 94,3; Munteanu, Iarmulski 2007, 281, fig. 7,3), cât și în siturile de tip Jastorf din regiunea Brandenburgului, cum ar fi cele de la Zeestow (Kleeman 1994, 39, Abb. 8) și Spenge Lezinghausen (Best 1997, Abb. 2,15).

O serie de recipiente, puține la număr, descoperite la Lucășeuca II sunt vasele miniaturale. Acestea au buza evazată, corpul globular și fundul drept (fig. 3,7). Destinația unor asemenea vase nu a fost stabilită cu certitudine. Presupunându-se că pot fi simple jucării (Munteanu 1999, 215). De menționat că până în prezent în mediul culturii Poienești-Lucășeuca, dar nici în arealul culturilor sincrone din Europa Central-Nordică nu cunoaștem exemplare identice cu acestea. În schimb, vase oarecum asemănătoare întâlnim frecvent în mediul culturii dacice (Crișan 1970, 107-108, fig. 38,2; Ursachi 1995, pl. 267,4).

Cupe pe piciorușe. Din cuprinsul așezării de la Lucășeuca II, mai exact din locuința nr. 4 și din stratul de cultură provin câteva fragmente de cupe pe piciorușe (fig. 3,8-10). Dimensiunile lor sunt mici, având diametrul fundului de cca 7-9 cm. Suprafața

exterioară a recipientelor, de regulă, este zgrunțuroasă cu urme de netezire.

Asemenea vase sunt frecvent întâlnite în mediul culturii Poienești-Lucășeuca, printre corespondențe menționând descoperirile de la de la Kruglik (Pachkova 1977, 32, fig. 5,6), Lozna Hlibicioc (Teodor 1992, 49, fig. 5,8) și Ulmu (Munteanu 1999, fig. 9,3).

De menționat că analogii pentru astfel de recipiente găsim atât în mediul culturii getice – printre descoperiri amintim vasele de la Cucorani (Teodor 1975, 135, fig. 3,b) și Huși Corni (Teodor 1981, 184, fig. 22,7), cât și în arealul culturii dacice (Crișan 1970, 131-132, fig. 58; Ursachi 157-158, pl. 59,1).

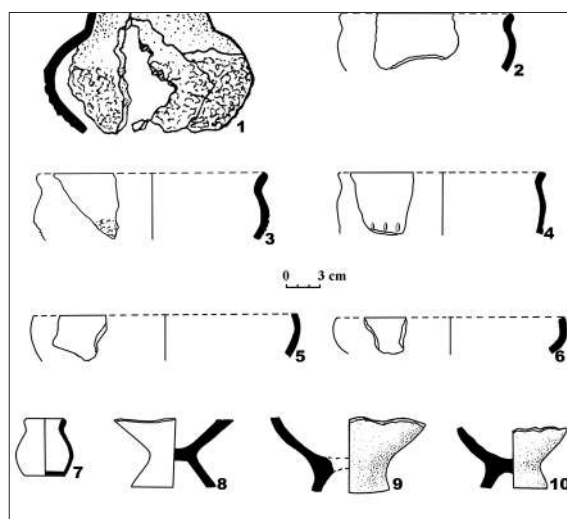

Fig. 3. Oale din pastă grosieră tip 3 (1); castroane din pastă grosieră de tip 1 (2-3) și tip 2 (4); străchini din pastă grosieră (5-6); vas miniatural din pastă grosieră (7); cupe pe piciorușe din pastă grosieră (8-10).

Fig. 3. Pots from rough paste. Type 3 (1); bowls from rough paste. Type 1 (2-3) and type 2 (4); dishes from rough paste (5-6); (7); foot cups from rough paste (8-10).

În categoria ceramicii grosiere se înscriu și **strecurătoarele** (fig. 4,1-2). La Lucășeuca II fragmente de asemenea recipiente au apărut în locuința nr. 4. Precizăm că nu au fost descoperite vase întregi sau întregibile însă, presupunem că acestea erau de formă tronconică, perforațiile fiind amplasate pe tot corpul vasului.

În siturile înrudite, exemplare asemănătoare cu ale noastre s-au recuperat în mai multe așezări. Dintre descoperiri amintim recipientele de la Băiceni (László 1969, 78, fig. 18,4), Roșiori Dulcești (Hânceanu 2006, 61-64, fig. 1-2; Hânceanu 2007, 278-279, fig. 2) și Răducăneni (Babeș 1993, Taf. 31,44).

Analogii pentru acest tip de vase găsim atât în mediul culturii getice (Teodor 1981, 182, fig. 29,6; Sârbu, Arnăuț 1995, 395, fig. 7,17; Arnăuț 2003, 79), cât și în arealul culturii Jastorf (Dehmlow 1970, 101, Taf. 10,10.1; Egger 1999, 172, Taf. 163,4; 165,28.c5; Machajewski, Pietrzak 2008, tabl. 7,8; Kasparowicz 2004, 220, ryc. 5,2; Kasparowicz 2008, tabl. 7,7).

Prezente la Lucășeuca sunt și vasele mici, de formă tronconică, buza rotunjită și fundul plat. Aceste recipiente sunt foarte apropiate așa-numitelor **cești** dacice. S-au descoperit atât exemplare cu toartă cât și fără (fig. 4,3-4). Folosite, probabil, la iluminat (Crișan 1978, 128), asemenea vase provin din majoritatea siturilor de tip Poieniști-Lucășeuca cercetate. Dintre ele amintim pe cele de la Botoșana (Teodor 1980, 211, fig. 23,6), Davideni (Babeș 1993, 70, Taf. 23,24) și Dolhești Mari (Andronic 1994, 235, fig. 3,5).

Așa cum reiese din denumirea acestui tip de vas, astfel de recipiente sunt frecvent întâlnite în mediul culturii dacice, printre descoperiri amintind vasele de la Sighișoara Wietenberg (Andrițoiu, Rustoiu 1997, 90, fig. 45,3) și Brad (Ursachi 1995, 161).

Prezente la Lucășeuca sunt și așa-numitele **discuri**. Acestea au o grosime ce nu depășește, de regulă, 1,5 cm, diametrul lor variind de la 14 până la 20 cm. Sunt arse prin metoda oxidantă, având culoarea roz-marونیu sau maro-cenușiu (Munteanu 1999, 214). Destinația unor asemenea vase nu este stabilită cu certitudine. Este posibil ca ele să fi servit drept capace (Babeș 1993, 68; Munteanu 1999, 214, Arnăuț 2003, 79) sau să joace rolul unor discuri sau tipsii de copt turte (Munteanu 1999, 214). În mediul culturii Poieniști-Lucășeuca, astfel de vase s-au recuperat în majoritatea siturilor în care s-au realizat cercetări arheologice. Dintre descoperiri consemnăm exemplarele de la Botoșana (Teodor 1980, fig. 23, 13-15), Lunca Ciurei (Babeș 1993, Taf. 29,59-60) și Tîrpești (Babeș 1993, 68). De menționat că analogii pentru asemenea recipiente cunoaștem atât în mediul culturii getice (Arnăuț 2003, 79, fig. 52,1; Munteanu, Iarmulski 2007, fig. 7,9; Niculiță, Zănoici, Băț, Matveev 2013, 63, 2-3), cât și în arealul culturii Jastorf (Dehmlow 1970, 102, Taf. 5,8).

Cât privește ceramica fină, menționăm că aceasta reprezintă aproximativ 8% din numărul total de cioburi descoperite (Fedorov 1960, 17) (diagrama 1). Vasele din această categorie au fost lucrate dintr-o pastă relativ bună, având ca degresanți șamotă măruntă. Recipientele au culoarea de nuanțe

închise, având un spectru larg de la cenușiu-marونیu până la culoarea neagră. Repertoriul ceramicii fine cuprinde castroane și străchini.

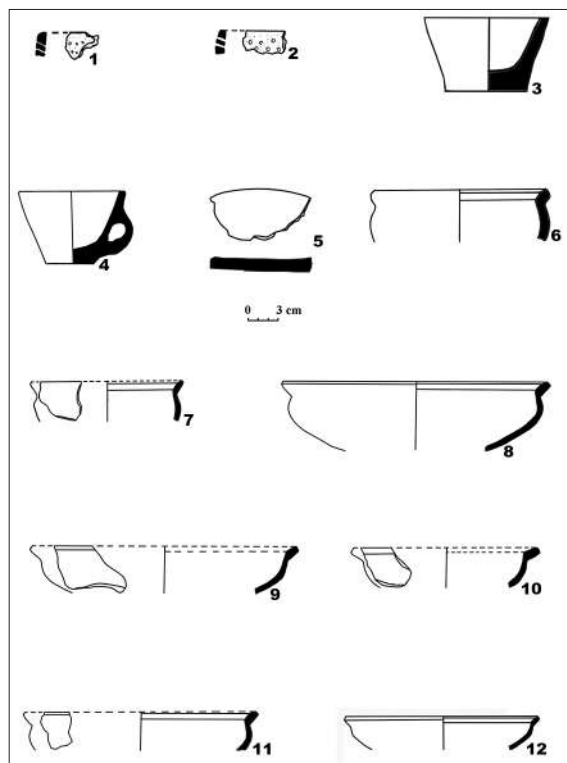

Fig. 4. Strecurătoare din pastă grosieră (1-2); cești dacice din pastă grosieră (3-4); disc din pastă grosieră (5); castroane din pastă fină (6-7); străchini din pastă fină (8-12).

Fig. 4. Strainers from rough paste (1-2); dacian cups from rough paste (3-4); disk from rough paste (5); bowls from fine paste (6-7); dishes from fine paste (8-12).

Castroanele au gura largă, buza evazată și, deseori, partea interioară fațetată. Umărul este profilat, iar partea inferioară e tronconică (fig. 4,5-6). Analogii pentru asemenea recipiente găsim în toate siturile de tip Poieniști-Lucășeuca cercetate prin săpături. Ne rezumăm la a face trimiteri la cele mai importante dintre acestea: Poieniști (Vulpe 1953; Babeș 1993), Borosești (Babeș 1993), Orheiul Vechi (Postică, Munteanu 1999; Munteanu 2001) și Lunca Ciurei (Teodor 1987).

Similitudini pentru castroanele din pastă fină întâlnim în cultura Jastorf. asemenea exemplare au apărut în grupul Gubin (Domański 1975, Taf. V,e; VI,m; 154, Abb. 4,f) și în Pomerania (Krüger 2011, Abb. 11,10.16). Astfel de recipiente s-au descoperit și în necropolele și așezările de tip Jastorf din apropierea Berlinului (Reinbacher 1963, Taf. 98-99; Kle-

eman 1994, Abb. 5,8; Schwarzländer 1999, Taf. 4,5).

Străchinile din pastă fină se caracterizează prin buza răsfrântă în exterior, îngroşată şi faţetată, partea inferioară puternic trasă în exterior (fig. 4,7-11). În arealul culturii Poieneşti-Lucăşeuca analogii pentru asemenea vase găsim în toate siturile cercetate intens prin săpături, cum ar fi Dolheştii Mari (Andronic 1994), Lunca Ciurei (Teodor 1987) şi Poieneşti (Vulpe 1953; Babeş 1993).

Similitudini pentru asemenea vase întâlnim în necropolele de tip Jastorf, cum ar fi cele de la Schwissel (Behrends 1968, Taf. 58,335), Luboszyce (Domański 1975, Taf. V,d; X,c) etc., dar şi în cimitirile de tip Przeworsk de la Wilanów (Marciniak 1957, Taf. 5,10) şi Oblin (Czarnecka 2001, Taf. LI,7) etc.

În concluzie, constatăm că ceramica confecţionată cu mână descoperită în aşezarea de la Lucăşeuca II îşi găseşte perfecte analogii atât în siturile de tip Poieneşti-Lucăşeuca, precum şi în culturile înrudite din nordul Europei Centrale – Jastorf şi Przeworsk. Totodată, în staţiunea respectivă s-au găsit fragmente de vase modelate din pastă groasă, cum ar fi spre exemplu oale de tip 2 şi aşanumitele ceşti dacice, care, foarte probabil, sunt de tradiţie autohtonă. Acest fapt a determinat apariţia mai multor opinii referitoare la geneza şi apartenenţa etnică a antichităţilor de tip Poieneşti-Lucăşeuca. Problemele ce derivă din prezenţa unor asemenea recipiente în mediul culturii respective va constitui subiectul unui alt studiu.

Bibliografie

- Andriţoiu, Rustoiu 1997:** I. Andriţoiu, A. Rustoiu, Sighişoara-Wietenberg. Descoperirile preistorice şi aşezarea dacică (Bucureşti 1997).
- Andronic 1994:** M. Andronic, Aşezarea din sec. II-I î.Hr. de la Dolheştii Mari-Suceava. MA XIX, 1994, 235-242.
- Arnăut 2003:** T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a.Chr. în spaţiul de la răsărit de Carpaţi (Chişinău 2003).
- Babeş 1993:** M. Babeş, Die Poieneşti-Lukaševka-Kultur. Ein Beitrag zur kulturgeschichte in Raum ostlich der Karpaten in der letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt (Bonn 1993)
- Behrends 1968:** R.H. Behrends, Schwissel. Ein Urnengräbfeld der vorrömischen Eisenzeit aus Holstein (Neumünster 1968).
- Best 1997:** W. Best, Eine Siedlung des 2 Jh.v.Chr. in Spenge-Lenzinghausen, Archäologische Beiträge zur Geschichte Westfalens (Rahden/Westfalen 1997), 165-172.
- Brumlich, Meyer 2004:** M. Brumlich, M. Meyer, Ofenanlagen der vorrömischen Eisenzeit bei Waltersdorf, Landkreis Dahme-Spreewald. Zugleich ein Beitrag zur frühen Eisenverhüttung. Arbeitsber. Boden. Brandenburg 13, 2004, 167-196.
- Brumlich, Meyer, Lychatz 2012:** M. Brumlich, M. Meyer, B. Lychatz, Archäologische und metallurgische Untersuchungen zur latènezeitlichen Eisenverhüttung im nördlichen Mitteleuropa. PZ 87, 2012, 433-473.
- Bücke 2007:** S. Bücke, Siedlungsfunde der jüngeren vorrömischen Eisenzeit aus Hamburg-Volksdorf, Internationale Archäologie (Rahden/Westfalen 2007).
- Crişan 1978:** I.H. Crişan, Ziridava (Arad 1978).
- Czarnecka 2007:** K. Czarnecka, Oblin. Ein Graberfeld der Przeworsk Kultur in Südmasovien (Warszawa 2007).
- Dąbrowska 1994:** T. Dąbrowska, Wpływy jastorfskie na kulturę przeworską w młodszy okresie przedrzymskim. In: (red. H. Rayss) Kultura przeworska (Lublin 1994), 71-88.
- Dąbrowska 1997:** T. Dąbrowska, Kamienczyk. Ein Graberfeld der Przeworsk-Kultur in Östmasovien. Mon. Arch. Barbarica (Krakow 1997).
- Dehmlow 1970:** F. Dehmlow, Die Siedlungstelle der älteren Eisenzeit am Widmannseck in Berlin-Wittenau. Ausgrabungen in Berlin. Forsch. und Funde zur Ur- und Frühgeschichte (1), 1970, 95-149.
- Domański 1975:** G. Domański, Studia z dziejów środkowego Nadodrza w III-I po n.e. (Breslau-Warschau-Krakau-Danzig 1975).
- Eger 1999:** Chr. Eger, Die jüngere vorrömischen Eisenzeit und römischen Kaiserzeit im Luthetal (Lüneburg 1999).

- urger Heide). Bd. 1-2. Intern. Arch. 56 (Rahden/Westfalen 1999).
- Fedorov 1960:** G.B. Fedorov, Naselenie Pruto-Dnestrovskogo mejdurechia v I tys. n.e. MIA 89 // Г.Б. Федоров, Население Пруто-Днестровского междуречья в I тыс. н.э. МИА 89.
- Hânceanu 2006:** G.D. Hânceanu, Două strecurători bastarne din așezarea carpică de la Roșiori-Dulcești (jud. Neamț). Carpica XXXV, 61-64.
- Hânceanu 2007:** G.D. Hânceanu, Ceramica bastarnă de la Roșiori-Dulcești. AM XXX, 2007, 277-286.
- Hüser 2010:** A. Huser, Neue Ausgrabungen in Hamburg-Marmstorf, Fundplatz 68. Hammaburg N.F. 15, 2010 63-98.
- Kasparowicz 2004:** T. Kasparowicz, Stanowisku jastorfskiej w Wojnowie stan. 23, gm. Murowana Goślina, woj. Wielkopolskie. In: (red. H. Machajewski) Kultura jastorfska na Nizinie Wielkopolsko-Kujawskiej (Poznań 2004), 215-234.
- Kasparowicz 2008:** T. Kasparowicz, Osada i cmentarzysko ludności z okresu przedrymskiego Poznań-Nowe Miasto. Źródła archeologiczne do studiów nad pradziejami i wczesnym średniowieczem dorzecka Środkowej Warty (Poznań 2008), 225-296.
- Kleeman 1994:** J. Kleeman, Eine Siedlung der vörrömischen Eisenzeit in Zeestow, Kr. Havelland. Veröff. der Branderbur. Landsm. für Ur- und Frühg. 28, 1994, 135-144.
- Krüger 2011:** A. Krüger, Eisenzeitliche und fröslawische Siedlungreste vom Fundplatz Gösow 7 in Vorpommern, In: (Hrsg. F. Biermann) Der Peeneraum zwischen Frögeschichte und Mittelalter (Bonn 2011), 31-70.
- László 1969:** A. László, Așezarea daco-getică de la Băiceni (sec. IV-II î.e.n.). AM VI, 1969, 65-90.
- Łuckiewicz 2014:** P. Łuckiewicz, Fremde Ansiedler oder fremd wirkende Waren? „Jastorf-Material” aus Ostpolen, In: (Hrsg. J. Brandt, B. Rauchfuß) Das Jastorf-Konzept und die vorrömischen Eisenzeit im nördlichen Mitteleuropa. Beiträge der Internationalen Tagung zum einhundertjährigen Jubiläum der Veröffentlichung der Ältesten Urnenfriedhöfe bei Ulezen und Lüneburg durch Gustav Schwantes, 18-22.05.2011 in Bad Bevensen (Hamburg 2013), 313-329.
- Machajewski, Pietrzak 2004:** H. Machajewski, R. Pietrzak, Z badań nad ceramiką naczyniową z okresu przedrymskiego w Wielkopolsce, In: (red. H. Machajewski) Kultura jastorfska na Nizinie Wielkopolsko-Kujawskiej (Poznań 2004), 83-121.
- Machajewski, Pietrzak 2008:** H. Machajewski, R. Pietrzak, Osada ludności z okresu przedrymskiego na stanowisku 278 (Aut 191) Poznań-Nowe Miasto: In: (red. H. Machajewski, R. Pietrzak), Poznań-Nowe Miasto. Źródła archeologiczne do studiów nad pradziejami i wczesnym średniowieczem dorzecka Środkowej Warty (Poznań 2008), 153-224
- Marciniak 1957:** J. Marciniak, Cmentarzysko ciałopalne z okresu późnolateńskiego w Wilanowie koło Warszawy. Mat. Staroż. i Wcen. II, 1957, 7-174.
- Munteanu 1999:** O. Munteanu, Ceramica Poienesti-Lucașeuca: o tipologie a recipientelor de uz comun. In: (T. Arnăutu, A. Zanoci, S. Matveev) Studia in honorem Ion Niculiță (Chișinău 1999), 212-230.
- Munteanu 2001:** O. Munteanu, Unele particularități ale așezării de tip Poienesti-Lucașeuca la Orheiul Vechi. In: (red. G. Florea, G. Gheorghiu, E. Iaroslavski) Studii de istorie antica. Omagiu profesorului I. Glodariu (Cluj-Napoca 2001), 43-56.
- Munteanu, Iarmulski 2007:** O. Munteanu, V. Iarmulski, Preliminarii privind fortificația de la Horodca Mică. Tyragetia s.n 1, vol. [XVII], 2007, 279-286.
- Nikulitse 1977:** I.T. Nikulitse, Gety IV-III vv. do n.e. v Dnestrovsko-Karpatskikh zemliakh (Kishinev 1977) // И.Т. Никулицэ, Геты IV-III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях (Кишинев 1977).
- Niculiță, Matveev, Potângă 1999:** I. Niculiță, S. Matveev, E. Potângă, Cetatea traco-getică Potârca. CAANT III, 1997, 279-343.
- Niculiță, Teodor, Zanoci 2002:** I. Niculiță, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (București 2002).
- Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008:** I. Niculiță, A. Zanoci, T. Arnăut, Construcții de suprafață din siturile de la Saharna. Tyragetia, s.n. 1, vol. [XVII], 2008, 51-78.
- Pachkova 1977:** S.P. Pachkova, Poselenie po blizu sela Kruglik na Bukovine. Arheologiya 23, 24-34 //

С.П. Пачкова, Поселение по близу села Круглик на Буковине. Археология 23, 24-34.

Pachkova 1983: S.P. Pachkova, arheologicheskie issledovaniia mnogoslonoogo poseleniia u s. Goroshova Ternopoliskoi oblasti. In: (A.T. Smilenko) Arkheologicheskie pamiatniki Srednego Podnestrovia (Kiev 1983), 4-55 // С.П. Пачкова, Археологические исследования многослойного поселения у с. Горошова Тернопольской области. В сб.: (А.Т. Смиленко) Археологические памятники Среднего Поднестровья (Киев 1983), 4-55.

Popovici 1981-1982: R. Popovici, Descoperirile din sec. III-II î.e.n. de la Borniş-Neamţ. CI 12-13, 1981-1982, 153-158.

Postică, Munteanu 1999: Gh. Postică, O. Munteanu, Aşezarea de tip Poieniş-Lucaşeuca de la Orheiul Vechi. CAANT III, 1999, 457-494.

Reinbacher 1963: E. Reinbacher, Börnicke. Ein ältereisenzeitlicher Urnenfriedhof im Havelland (Berlin 1963).

Romanovskaia 1962: M.A. Romanovskaia, Selishche Lukashevka II. SA 3, 1962, 293-298 // M.A. Романовская, Селище Лукашевка II. СА 3, 1962, 293-298.

Romanovskaja 1987: M. A. Romanovskaja, Aşezarea de la Ulmu. AM XI, 1987, 207-226.

Sârbu, Arnău 1995: V. Sârbu, T. Arnău, Incinta fortificată de la Stolniceni. CAANT I, 1995, 378-400.

Schwarzländer 1999: S. Schwarzländer, Eine mehrphasige Siedlung der vorrömischen Eisenzeit in Phoben, Landkreis Postdam-Mittelmark. Offa 56, 1999, 45-66.

Teodor 1967: S. Teodor, Contribuţii la cunoaşterea ceramicii din sec. III-II î.e.n. din Moldova. SCIV 18, 1, 1967, 24-45.

Teodor 1980: S. Teodor, Aşezarea din epoca Latène de la Botoşana. SCIVA 31, 2, 1980, 181-227.

Teodor 1981: S. Teodor, Aşezarea geto-dacică de la Huşi-Corni. Thraco-Dacica II, 1981, 169-195.

Teodor 1987: S. Teodor, Cercetările arheologice de la Ciurea. AM XI, 1987, 65-102.

Teodor 1992: S. Teodor, Cercetările arheologice de la Lozna-Hlibicioc, jud. Botoşani. AM XV, 1992, 64-69.

Teodor, Şadurschi 1980: S. Teodor, P. Şadurschi, Aşezarea din cea de a doua epocă de la Lozna, jud. Botoşani. MCA XV, 1980, 225-237.

Ursachi 1995: V. Ursachi, Zargidava. Cetatea dacică de la Brad (Bucureşti 1995).

Vakulenko, Pachkova 1979: L. Vakulenko, S.P. Pachkova, O kulturnoi prinaldlezhnosti poseleniia u sela Sokol. In: (red. V.D. Baran) Slaviane i Rusi (Kiev 1979), 5-21 // Л.В. Вакуленко, С.П. Пачкова, О культурной принадлежности поселения у села Сокол. В сб.: (ред. В.Д. Баран) Славяне и Русь (Киев 1979), 5-21.

Vulpe 1953: R. Vulpe, Săpăturile de la Poieniş din 1949. Materiale I, 1953, 213-506.

Vasile Iarmulschi, cercetător ştiinţific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural AŞM, bd. Ştefan cel Mare 1, Chişinău, MD 2001, Republica Moldova, e-mail: vasile.iarmulschi@gmail.com

Octavian Munteanu, doctor conferenţiar, profesor asociat, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă” din Chişinău, str. Ion Creangă, 1, Chişinău, MD 2069, Republica Moldova, e-mail: ocmunteanu@gmail.com

Сергей Курчатов

Следы неведомых «царей»

Keywords: Sarmatians, princely arms, Tamga, stoneslab, Stella.

Cuvinte cheie: sarmați, însemn personal-familial, tamga, placă de piatră, stelă.

Ключевые слова: сарматы, лично-родовой знак, тамга, каменная плита, стела.

Sergei Kurchatov

Traces of unknown „kings”

The paper discusses two types of Sarmatian tamgas most widely represented in the Northern and North-Western Black Sea Area in the beginning of II - the middle of III centuries. Their presence at the prestigious artifacts and stone steles prove the formation of the ruling military class within the Sarmatian groups that consolidated the tribes from the area under consideration in a sort of nomadic quasi-state, Danubian Alania.

Sergei Kurchatov

Urme ale unor „regi” necunoscuți

În lucrare sunt analizate două tipuri de tamgale sarmatice, cel mai larg reprezentate în regiunile de nord și nord-vest ale Mării Negre la începutul sec. II – mijlocul sec. III d.Hr. Prezența lor pe obiecte de prestigiu social și stele de piatră demonstrează evidențierea în mediul clasei conducătoare sarmatice a conducătorilor militari, care consolidau triburile supuse din regiune în cadrul unui cvasistat nomad – Alanya Dunăreană.

Сергей Курчатов

Следы неведомых «царей»

В работе рассматриваются два типа сарматских тамг, наиболее широко представленных в Северном и Северо-Западном Причерноморье начала II – середины III вв. Их присутствие на социально престижных вещах и каменных стелах демонстрирует выделение в сарматской среде господствующего класса воинских вождей, консолидировавших подвластные им в регионе племена в некое кочевническое квазигосударство – Дунайская Алания.

Начало XXI века ознаменовалось открытием в Северо-Западном Причерноморье двух каменных плит с крупными сарматскими тамгами. Оба знака относятся к специфической формы тамг, получившим наиболее широкое распространение в обширном регионе Европейских степей от Волги до Дуная. Если находка сарматской стелы в окрестностях поселка Тараклия, на юге Днестровско-Прутского междуречья, была, в общем-то, ожидаема, то обнаружение первой сарматской стелы к западу от Прута (Ursachi 2011), казалось бы, вне территории традиционного кочевания сарматских племен в центре области распространения культуры карпов, явилась, хоть и предполагаемой, но полной неожиданностью.

Слово *тамга*, используемое исследователями для общего наименования различных знаков собственности, в современных тюркских языках имеет помимо прочего значение «клеймо», «печать», «герб». Как называли эти знаки сарматы, мы, естественно, не знаем, но

их смысл для окружающего населения, независимо от культурной принадлежности, до недавнего времени оставался неизменным. Ранее мы уже касались проблемы единичных сарматских знаков, встречающихся на стелах Днестровско-Прутского междуречья и служивших для обозначения права собственности рода или племени над территорией и для таврения скота (Kurchatov, Bubulich 2000). Знаки, нанесенные на вновь открытые стелы, принадлежали, судя по всему, крупным военным или племенным вождям, контролировавшим Днестровско-Карпасский регион в первые века нашей эры. Для определения времени и границ подвластной им территории, обратимся к анализу новооткрытых стел и всех известных на данный момент памятников с аналогичными знаками.

В целях устранения недоразумений, вкравшихся в первые публикации тараклийской стелы (Agul'nikov, Kurchatov 2008; Agul'nikov, Bubulich 2010), следует вернуться к истории ее находки. Согласно информации, полученной

от местного краеведа, переславшего фотографию стелы в Институт Археологии в январе 2001 г., плита была найдена в 1977 или 1978 г. на полях бывшего «Колхозживпрома», к югу от дамбы Тараклийского водохранилища. Тогда же стела была привезена в поселок нашедшим ее трактористом, для укрепления угла забора своей усадьбы, постоянно сбивавшимся проезжим транспортом, где она оставалась вплоть до последнего времени. К сожалению, сам хозяин к нашему приезду скончался, вследствие чего

точное место обнаружения камня осталось неизвестным. Связь стелы с самым высоким курганом №10 курганной группы Тараклия II, состоявшей из 20 исследованных насыпей (1983 г.), не имеет под собой никаких оснований и представляется крайне непродуктивной. Впрочем, ее связь с тараклийской или примыкавшей к ней севернее казаклийской курганными группами, отстоявшими в 2,5-3 км к западу от поселка, не исключается. В самой насыпи кургана синхронные стеле захоронения отсутствовали, в то время как вблизи был исследован целый ряд впускных погребений и курганов с основными сарматскими захоронениями. Все известные до сих пор в регионе стелы были найдены вне связи с погребальными комплексами, часто вблизи курганов, за исключением, как представляется, Корпача. Справедливость последнего, впрочем, вызывает сомнение у некоторых исследователей (Beletskii 2013, 44-45).

Стела представляет собой подпрямоугольной формы (незначительно сужающуюся к низу) плиту из плотного песчаника желтоватого цвета, без видимых следов обработки. В нижней части и на оборотной стороне имеются глубокие желобчатые складки, образовавшиеся, вероятно, в результате вымывания породы водой. Высота стелы 192 см, ширина 93-118-62 см, толщина 24-33 см. В правом верхнем углу, на достаточно ровной поверхности, без следов дополнительной подтески камня, аккуратно нанесена тамга высотой 36 см и шириной 24-18 см. Знак выбит инструментом шириной до 2 см и глубиной около 1 см. Канавка гладкая, только в нижней правой части имеются сглаженные уступчики от работы резцом (рис. 1,2).

Следует не согласиться с тезисом А.В. Симоненко о нашем недостаточном представлении о реальном пространственном положении тамг, основанном на ошибочной информации о тараклийской плите (Raev, Simonenko 2009, 73). Нет никаких оснований утверждать, что все камни с тамгами обязательно устанавливались вертикально. В случае с рассматриваемой стелой, признаки подобного ее положения отсутствуют. В Запорожье «антропоморфная» стела с тамгой вообще оказалась погребена во впускном сарматском захоронении (Drachuk 1972, 105). Исследуя русские знаки собственности, А.В. Чернецов отмечал, что не вполне

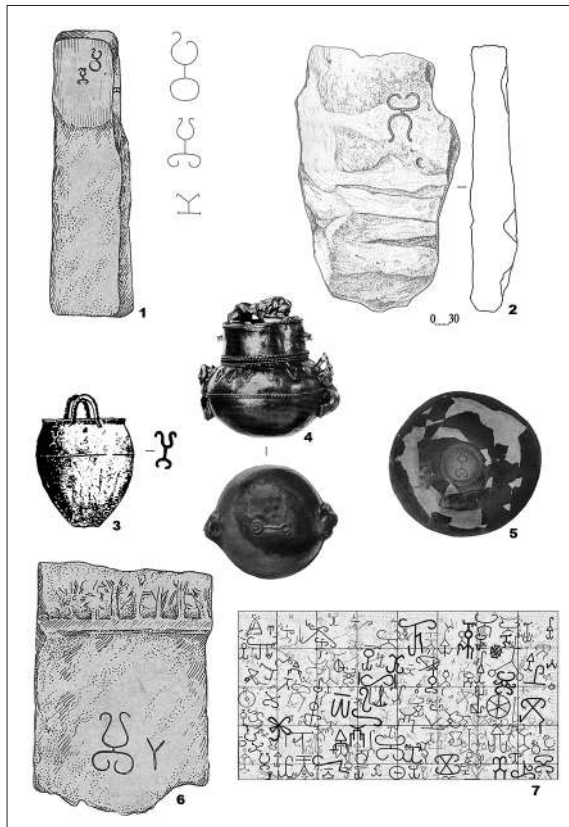

Рис. 1. 1 – стела из Заздрости (по V.S. Drachuk 1967); 2 – плита из Тараклии; 3 – бронзовый котел из Комаровки (по E.K. Maksimov 1966); 4 – золотой флакон из Ольвии (по I.P. Zasetskaia 2011); 5 – серебряная чаша из Титчихи (по Э.И. Соломоник 1959); 6 – плита из Керчи (по E.I. Solomonik 1959); 7 – «писаная» плита из Керчи (по V.S. Drachuk 1975). 1, 3-7 без масштаба.

Fig. 1. 1 – The stele from Zazbruch (by V.S. Drachuk 1967); 2 – stove from Taraklia; 3 – bronze cauldron from Komarovka (by E.K. Maksimov 1966); 4 – a gold flask from Olbia (by I.P. Zasetskaia 2011); 5 – silver bowl of Titchikha (by E.I. Solomonik 1959); 6 – stove from Kerch (by E.I. Solomonik 1959); 7 – „hand-written” plate from Kerch (by V.S. Drachuk 1975). 1, 3-7 without a scale.

ясно, насколько существенно при их определении было представление о том, где у них находился верх и низ. Расположение знаков на земле могло вести к тому, что знак определялся только по рисунку, безотносительно к его пространственной ориентировке (Chernetsov 1982, 104). Другой причиной изменения пространственной ориентировки тамги могут служить наблюдения Д.Н. Соколова, занимавшегося изучением башкирских знаков. Как отмечал исследователь, одним из распространенных способов создания собственного знака выделившимся членом семьи было «опрокидывание тамги...поворот ее под прямым углом...или перевод из прямого положения в косвенное» (Sokolov 1904, 20-21).

Необходимо остановиться также на интерпретации самой тамги. С постоянством достойным иного применения ряд исследователей, любой сарматский знак, удаленно похожий на фарзоевский кадуцей, продолжают трактовать крайне расширительно (Iatsenko 2001, 19, 49). Следует подчеркнуть, что начертание тамги рассматриваемой схемы, несмотря на хронологическую близость ко времени Фарзоя, не имеет с ним ничего общего и принадлежала другому сарматскому вождеству (Raev, Simonenko 2009, 77).

В последнее время получила развитие ничем не обоснованная тенденция к удревнению изделий с сарматскими тамгами (Mordvintseva, Khabarova 2006, 36), либо к их омоложению (Beletskii 2013). Между тем, хорошо датированные статусные вещи, с нанесенными на них тамгами рассматриваемого типа, позволяют определить время их использования в Северном Причерноморье.

Серебряная чаша с нанесенной на внешнюю поверхность кольцевого поддона (диаметр 5,6 см) аналогичной тараклийской углубленной тамгой происходит из сборов 1939 г. у с. Титчиха (Давыдовка) Давыдовского района Воронежской области (рис. 1,5). К венчику чаши диаметром 25,5 см шарнирно крепились три несохранившиеся ручки. Близких аналогий чаше неизвестно. Судя по техническим признакам, она была изготовлена одновременно с тамгой в одной из причерноморских мастерских и датируется второй половиной I в. Р.Х. (Raev, Simonenko 2009, 68-69, 78, рис. 1).

Другим хорошо датированным предметом является золотой парфюмерный флакон с полыми фигурками львов и тамгообразным знаком из напаянной гладкой проволоки на внешней поверхности дна из Ольвии (рис. 1,4). Анализируя аналогичные сосудики Северного Причерноморья, И.П. Засецкая включила рассматриваемый экземпляр в группу сосудов с «гладкой поверхностью, умеренно украшенной филигранным орнаментом в виде «косичек», «веревочек», «розеток» и других декоративных узоров со вставками цветной эмали». Все флаконы этой группы датируются в пределах I в. и являются продукцией боспорских мастеров (Zasetskaia 2004, 58; 2011, 133). Рассматривая возможность функционирования в Ольвии во второй половине I в. Р.Х. ювелирных мастерских, М.Ю. Трейстер указывал на вероятность изготовления аналогичных предметов из драгоценных металлов с напаянными тамгами в ольвийских мастерских второй половины I – начала II в. (Treister 2006, 254-255).

В 1896 г. у с. Комаровка Сердобского уезда Саратовской губернии, ныне Даниловский район Пензенской области, случайно был найден бронзовый котел яйцевидной формы без поддона с двумя круглыми в сечении петлевидными ручками (рис. 1,3). Слева от одной из ручек, при отливке сосуда, в рельефе была нанесена тамга рассматриваемой формы (Maksimov 1966, 55, рис. 2,3; 3,6). По классификации С.В. Демиденко, настоящий котел относится к VIII типу, варианту 4А бронзовых сосудов, судя по находкам в закрытых комплексах, наиболее характерных для второй половины II – первой половины III в. (Demidenko 1997, 129-130, рис. 1,14).

Большинство дошедших до нашего времени знаков рассматриваемой схемы оказались высечены на стелах, либо на так называемых скоплениях-«энциклопедиях» тамг, связанных с какими-то общественными магическими действиями или коллективными акциями (Iatsenko 2001, 64, 80).

Первая из открытых в Северо-Западном Причерноморье стел происходит из окрестностей с. Заздрость Струговского района Тернопольской области (рис. 1,1). Тамга высотой 24,5 см была высечена среди двух других знаков в верхней части хорошо отесанного столба

высотой 5,5 м (Solomonik 1959, nr. 23; Drachuk 1967, ris. 1,2).

Время и место находки известняковой плиты с широким карнизом из дубовых листьев в верхней части из Керченского музея неизвестны. Аккуратно высеченная на ней крупная тамга интересующей нас схемы вместе с простым знаком находились в центральной части камня (рис. 1,6) (Solomonik 1959, nr. 18).

Несколько стилизованная, но достаточно легко узнаваемая среди других знаков близкой формы тамга была вырезана на голове одного из двух мраморных львов (№ 1), найденных в начале XIX в. в одном из курганов под Ольвией (Drachuk 1966, tab. XLIV, XLVI, 83).

На «писаной» плите, случайно найденной в Керчи в 1870 г., аналогичный знак средних размеров находился среди множества других сарматских знаков в левом нижнем углу лицевой стороны (рис. 1, 7) (Drachuk 1966, tab. XXXV, XXXVIII, 259).

Время использования тамги первого типа, судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, приходится на вторую половину I – начало II в. Р.Х. Хронология и география распространения настоящего знака (рис. 3) отражают, надо полагать, этапы продвижения на запад новой сарматской орды, а не какие-то восточные импульсы с территории Ольвийского полиса (Iatsenko 2001, ris. 8). Ее появление в Днестровско-Прутском междуречье связано с крупномасштабным кризисом, охватившим северо-причерноморские степи на рубеже I-II вв. У древних авторов не сохранились подробности тех событий. Не остались в памяти также имена их военных вождей – царей древних авторов. Глухие отзвуки этно-культурных трансформаций (Kashuba et al. 2001-2002, 246) нашли материальное отражение лишь в памятниках с тамгами, нанесенными на различные бытовые предметы и каменные стелы.

Использование рассматриваемой тамги в Днестровско-Прутском междуречье хронологически соотносимо с деятельностью носителей неизвестного ранее в регионе погребального обряда, характеризующегося обустройством круглых в плане ровиков, ограничивавших сакральную территорию вокруг погребений, ритуально-поминальных площадок прямоуголь-

ной либо иной формы с разрывами-проходами в южном секторе и погребений в подбоях в западной стене входной камеры. Косвенным подтверждением последнему могут служить хронологически наиболее ранние могильники с аналогичными конструкциями, открытые на Среднем Дону (Medvedev 1990, 72-73) – территории, соответствующей находкам из Титчиhi и Комаровки.

Датирующих вещей с тамгой второго типа найдено значительно меньше. Несколько сокращается, по сравнению с предыдущей, территория распространения предметов и каменных плит с ее изображением в Причерноморских степях (рис. 3). Для понимания этнокультурной ситуации, сложившейся в Северо-Западном Причерноморье во II в., важное место занимает находка на территории культуры карпов в Запрутской Молдове первой сарматской стелы с тамгой. Информация о ее открытии в поле у с. Танса Ясского уезда (в западной части Центральной Молдавской возвышенности) поступила в Музей Истории (г. Роман уезда Нямц) в 2004 г. При обследовании места обнаружения камня было установлено, что ранее на этом поле была отмечена не сохранившаяся к настоящему времени небольшая курганный насыпь. Стела представляла собой прямоугольной формы камень из плотного песчаника высотой 106 см, шириной 43 см, толщиной 18-28 см. На ровной поверхности камня, ближе к средней части, аккуратно нанесен тамгообразный знак высотой 28 см и шириной 43 см (рис. 2,1) (Ursachi 2011, 306-307, fig. 2).

В 2006 г. в Национальный Музей Истории Молдовы (г. Кишинэу) поступила коллекция разрозненных вещей, происходящих, судя по всему, из одного разграбленного могильника в Нижнем Поднестровье(?). Среди материалов оказалось сарматское зеркало-подвеска с интересующим нас знаком. Зеркало представляет собой тонкий, слабо выгнутый диск овальной формы размерами 6,1x4,7 см (рис. 2,5), изготовленное в технике, характерной для Днестровско-Карпатского региона конца II – первой половины III в. (Bichir, Butoi 1975; Preda 1986 и др.). Схематичное изображение зеркала диаметром 5 см, найденного в Ольвии в 1912 г (Solomonik 1959, nr. 103) с подобным знаком, не дает представления о характере и

времени его изготовления (рис. 2,4).

Из слоев середины II в. Темерницкого городища на Нижнем Дону происходит оселок с нанесенными на его поверхности с двух

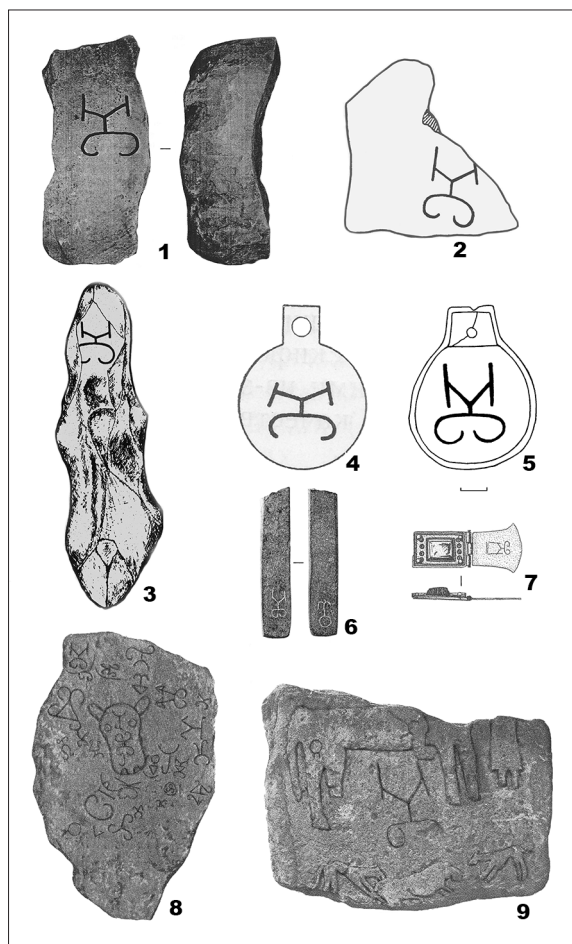

Рис. 2. 1 – стела из Танса (по V. Ursachi 2011); 2 – фрагмент стелы из Тецкан (по N. Moroşan 1937); 3 – стела из Запорожья (по V.S. Drachuk 1972); 4 – зеркало из Ольвии (по E.I. Solomonik 1959); 5 – зеркало из Нижнего Поднепровья; 6 – оселок с Темерницкого городища (по E.V. Vdovchenkov, S. Ilyashenko 2013); 7 – серебряная бляха с решмою из коллекции Ермолая Запорожского; 8 – плита из Кривого Рога (по E.I. Solomonik 1959); 9 – плита с хутора Малая Козырка (по E.I. Solomonik 1959). 1-4, 6-9 без масштаба.

Fig. 2. 1 – the stela from Tanca (by V. Ursachi 2011); 2 – a fragment of the stela from Tetskan (by N. Moroşan 1937); 3 – stela from Zaporozh'e (by V.S. Drachuk 1972); 4 – a mirror of Olbia (by E.I. Solomonik 1959); 5 – the mirror of the Lower Dniester; 6 – grindstone with the Temernik settlement (by E.V. Vdovchenkov, S. Ilyashenko 2013); 7 – a silver plate with resou from the collection of Ermolaj Zaporozhskij; 8 – stove from KrivoyRog (by E.I. Solomonik 1959); 9 – stove from Malaia-Kozyrka (by E.I. Solomonik 1959). 1-4, 6-9 without a scale.

сторон тамгами, одна из которых относится к знаку интересующей нас схемы (рис. 2,6) (Vdovchenkov, I'iashenko 2013, 295, ris. 1,3).

На лицевой стороне серебряной решмы золотого наконечника ремней парадного набора конской упряжи, закупленного Государственным Эрмитажем в 1891 г. у керченского коллекционера Ермолая Запорожского, была процарапана тамга близкой формы с двумя горизонтальными линиями в верхней части (рис. 2,7). Сбруйные наборы подобного типа наиболее характерны для конца III – первой половины IV в. (Sokrovishcha sarmatov 2008, 167).

При посещении с. Тецканы на Среднем Пруту в 1934 г., Н. Морошаном был осмотрен фрагмент «поганого камня» с аналогичной формы знаком, пользовавшегося у местного населения дурой славой. По сведениям крестьян, камень был найден, якобы, при разрушении одного из множества курганов, находившихся в окрестностях села (Moroşan 1938). Высота тамги составляла 30 см, ширина 24 см, глубина бороздки 0,5-1 см (рис. 2,2).

Другая стела «антропоморфной» формы была найдена рядом со скелетом в разрушенном на территории Запорожья кургане, в заваленном камнями впускном сарматском погребении I-II вв. (Drachuk 1972, 105). В верхней части гранитного камня (высота 173 см, ширина 66-37 см в головной части, толщина 20-23 см), на аккуратно подтесанной площадке был нанесен интересующий нас крупный знак высотой 24 см и шириной 20,5 см. Ширина бороздки около 0,8 см, глубина 0,5 см (рис. 2,3).

Известный интерес представляет обломок известняковой плиты со сценой охоты, найденной на хуторе Малая Козырка близ Ольвии (рис. 2,9). Крупный знак (высота 20 см, ширина 11 см) занимал все свободное поле между всадником с тавро на правом бедре коня и сценой терзания неизвестного животного – возможно, кошачьей породы (Solomonik 1959, nr. 36). На другом памятнике из Ольвии со скоплением сарматских знаков, аналогичная тамга была вырезана на левом боку мраморного льва № 2 (Drachuk 1975, tab. I; LI, 49). На неправильной формы известняковой плите, найденной у Кривого Рога с изображением головы животного в центре и множества бессистемно разбросанных знаков, интересующая нас тамга находи-

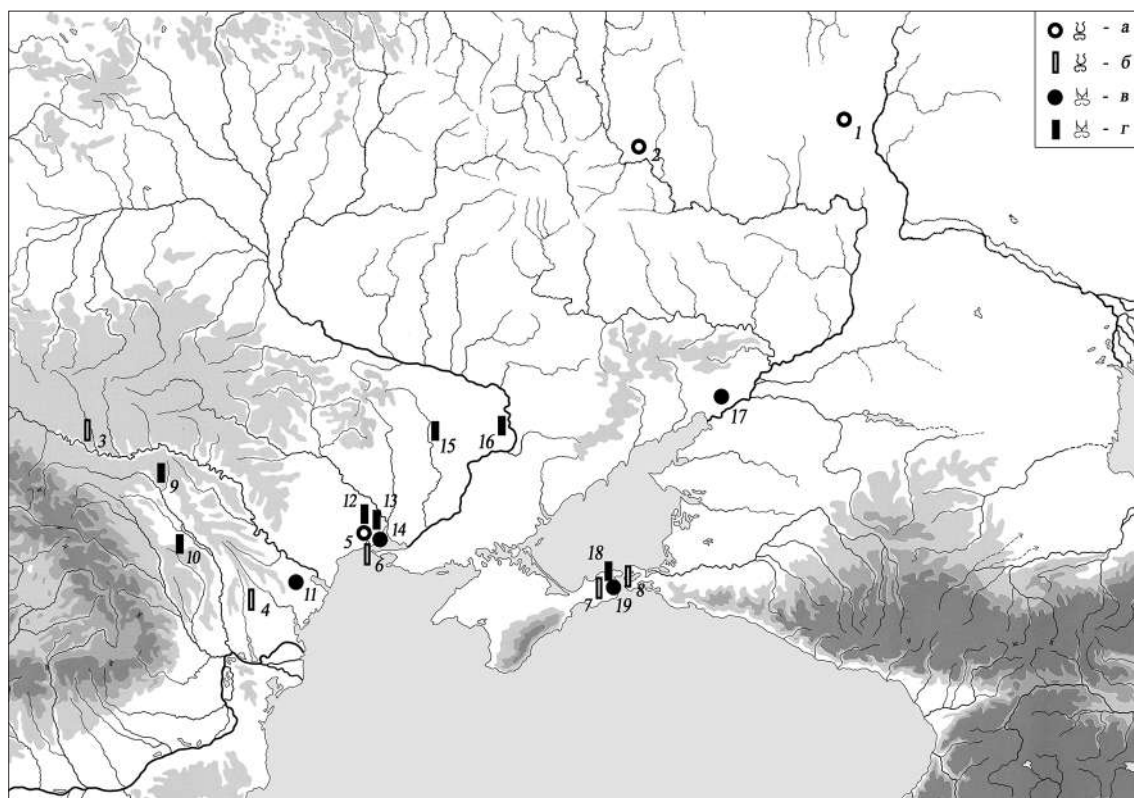

Рис. 3. Карта распространения вещей и сарматских стел с рассматриваемыми знаками в Причерноморье. а, в – вещи с соответствующими знаками; б, г – стелы:

1 – Комаровка; 2 – Титчиха; 3 – Заздрость; 4 – Тараклия; 5-6 – Ольвия; 7-8 – Керчь; 9 – Тецканы; 10 – Танса; 11 – Низовья Днестра; 12 – хут. Малая Козырка; 13-14 – Ольвия; 15 – Кривой Рог; 16 – Запорожье; 17 – Темерницкое Городище; 18-19 Керчь.

Fig. 3. Map of distribution of things and Sarmatian stelae with question marks in the black sea. A, v – things with appropriate signs; b, g – stela:

1 – Komarovka; 2 – Titchikha; 3 – Zazdrost; 4 – Taraklia; 5-6 – Olbia; 7-8 – Kerch; 9 – Tetskany; 10 – Tansa; 11 – the Lower reaches of the Dniester river; 12 – MalaiaKozyrka; 13-14 – Olbia; 15 – Krivoi Rog; 16 – Zaporozh'e; 17 – Temernik Settlement; 18-19 Kerch.

лась в левом верхнем углу камня. По наблюдениям Э.И. Соломоник, она была «нанесена на небольшой специально выбитой ровной площадке, которая ясно отграничивает его от соседнего знака» (рис. 2,8) (Solomonik 1959, nr. 43).

На «писаной» плите из Керчи близкие по начертанию знаки с короткими вертикальными лучами в верхней части тамги в единственном известном мне случае оказались вырезаны вместе с тамгой первого типа (рис. 1,7) (Drachuk 1975, tab. XXXV; XXXVIII, 236, 237).

По своим хронологическим параметрам тамга второго типа наследует первой. Время ее наиболее активного использования в Северо-Западном Причерноморье не выходит, судя по имеющимся в нашем распоряжении материа-

лам, за рамки II – первой половины III в.

Отношение редких тамг других вождей крупных племен к господствующей в регионе элите, в условиях неразработанности их генеалогий (знак на золотом браслете Бутского лимана на проявившийся позднее в Венгерской пусте), на современном этапе исследования затруднительна. Не исключено, что незначительная трансформация деталей верхней части тамги второго типа отражает некие процессы, происходившие в верхних слоях сарматского общества Северо-Западного Причерноморья во II – первой половине III в.

Как уже отмечалось выше, стела из Танса стояла в центре ареала племенного объединения карпов, символизируя власть сарматов

над окружающими землями. Традиционно принято считать стелы с единичными сарматскими тамгами «пограничными» столбами, ограничивавшими владения орды. Концентрация памятников с рассматриваемыми знаками в районе Ольвии и Пантикапея обусловлена взаимными экономическими и военно-политическими интересами. Остаются неизвестными отношения кочевников с Тирой, полисом во всех отношениях менее значимым и слабым чем Ольвия. В отношении других соседей осуществлялась политика грабежа и террора, способствовавшая в условиях крайней ограниченности экономического потенциала обеспечению кочевников продуктами земледелия.

С падением дакийского заслона племена карпов оказались поставлены перед необходимостью самостоятельно защищать свои территории от внешней угрозы. Таковой на тот момент являлись сарматы, предпринимавшие активные действия по осваиванию земель к западу от Прута, в результате которых в начале II в. земледельческие карпские племена попадают в сферу их влияния, выразившуюся в тесных экономических и культурных связях. Традиционно все земледельческие сообщества, в условиях фронта с местами расселения кочевников и подвергавшиеся постоянным набегам с их стороны, приходилось искать у кочевников защиты, обеспечивавшей земледельцам безопасность. За это защитникам полагалась определенная дань, форма зависимости, являвшаяся в архаических обществах практически универсальной (Froianov 1996, 270-274).

К концу II в. сарматский контроль над территорией карпов ослабевает, или, скорее всего, полностью прекращается. Сомнительно, что время установки стелы в Танса выходит за рамки начала III в. К этому времени карпы самостоятельно выходят на историческую арену, предприняв в 214 г. неудачный поход на Тиру, что уже само по себе исключает ее более позднее использование.

Наличие подобной тамги на детали парадной конской сбруи из Керчи более позднего времени с двумя горизонтальными линиями в верхней части знака позволяют трактовать его как самостоятельную тамгу. В этом случае, ее присутствие на Боспоре вместе с оселком с Темерницкого городища могут свидетельство-

вать о присутствии в регионе какой-то части западносарматской орды, поступившей на пантикапейскую службу.

Статусные вещи из драгоценных металлов и, надо полагать, стелы с крупными одиночными знаками высотой от 20 до 36 см, вырезанные, как правило, с особым тщанием, свидетельствуют об их принадлежности крупному сарматскому вожеству или клану, пришедшему в Северо-Западное Причерноморье с востока на рубеже I-II вв. Язык знака имел огромное магическое значение. Личные знаки военных вождей, или «царей» древних авторов, обладали не только военной, но по обыкновению и сакральной властью, переносившуюся на всех членов племени. Думается, не случайно тамга оказалась вырезана на стеле из Новой Козырки со сценой охоты. Следует отметить, что мотив царской охоты впоследствии, в раннесредневековой тюркской сасанидской Персии, приобрел известную популярность. С сакрализацией хищника кошачьей породы как священного животного в ираноязычном мире связано, надо полагать, скопление различных тамг на ольвийских львах. Персонификация правящего «царя» с хищником способствовала его утверждению как верховного правителя.

Выступив консолидирующей силой, пришельцы-аланы объединили под своей властью кочевавшие в регионе немногочисленные сарматские племена. Еще живые в обществе воспоминания о политике Фарзоя-Инисмея, надо полагать, усиливали в образовавшейся конфедерации потестарные тенденции.

В сущности, внутренняя необходимость государственного объединения кочевым сообществам была чужда. Дисперсное ведение хозяйства не создавало достаточно мощных стимулов для необходимости создания государственного регулятивного аппарата управления. Все социальные конфликты между воинственными и независимыми членами племени решались, как правило, в рамках традиционных институтов. Свидетельством последнему служат «энциклопедии» тамг (ольвийские львы, «писаная» плита), где рассматриваемые нами тамги занимали, в отдельных случаях, привилегированное положение (Кривой Рог). Здесь мы имеем свидетельство

такого вида политической организации общества, когда функционирование устойчивых форм межобщинной интеграции осуществляется без монополизации соответствующими внутриплеменными структурами легитимного применения насилия, без приобретения ими формальной власти над общинами и общинниками, когда конфликты разрешаются как коллективные общеплеменные акции не через обязательные к исполнению решения облаченных властью лиц, а через поиск консенсуса лидерами всех заинтересованных членов племени (Korotaev 1996, 84).

Централизованное управление и интеграция были необходимы кочевникам лишь в случае ведения регулярных войн за ресурсы существования или при организации внешней экспансии. Кочевники могли получать требующуюся им продукцию земледелия как посредством торговли и обмена, так и путем войны и грабежей. Однако для реализации внешней экспансии предварительно надо было создать боеспособный военно-политический механизм – племенную конфедерацию или вождество. Но для успешного ведения военных действий с таким противником как Римская империя была необходима хорошо обученная армия с эффективным руководством.

Оставаясь в принципе вооруженным народом, сарматы создали в Днестровско-Прутском междуречье хорошо структурированную армию дружинного типа с прекрасным уровнем организации. А это уже прямая дорога к государственности (Kradin 1994, 65, 66). Во главе армии стоял племенной вождь (погребение из Олэнешть к.4, п.4) (Kurchatov, Bubulich 2003). В состав дружины входили тяжеловооруженные всадники-катафрактарии (Урсоая) (Chebotarenko et al. 1989, 132-134, рис. 57-58) и низовые подразделения со своими командирами (Воинский могильник) (Kurchatov et al. 1999). Вся дружина, судя по письменным источникам, состояла из всадников. Небольшая из-за ограниченности людских ресурсов, мобильная, хорошо приспособленная для ведения наступательных операций армия позволяла сарматам длительное время противостоять

внешним угрозам и осуществлять агрессивную внешнюю политику на протяжении достаточно длительного времени.

Наличие общества с устойчивыми иерархическими отношениями на основе персонификации особыми социальными группами специализированных властных общественных отношений (Agul'nikov, Kurchatov 2013) и, как следствие этого, выделение публичной власти в форме племенных «царей», а также наличие армии, способствовали оформлению в Северо-Западном Причерноморье во II в. Р.Х. иерархического общества в форме государственно организованной системы потестарного типа – Дунайской Алании.

И в заключение несколько слов о тамге из Корпача. Следует не согласиться с мнением автора об отсутствии аналогичных знаков в сарматском культурном пространстве и необходимость поиска аналогий исключительно среди знаков Рюриковичей (Beletskii 2013). Подобной схемы знак обнаружен под слоем штукатурки во входном коридоре керченского склепа 1872 г. (Solomonik 1959, nr. 52, рис. 52a), II в. Р.Х. В Тульской области в 2006 г. с материалами римского времени была найдена бронзовая подвеска с набитой двойной линией точек аналогичной тамгой (Voroniatov 2008, 107). Примечательно открытие у кургана 1 могильника Уландрык IV, в урочище Уландрык на Алтае, стелы-балбала с тамгой более чем близкой схемы, выполненной в точечной технике, совершенно не характерной для сарматской и древнерусской культур (Kubarev 1987, 11, 124, 135, рис. 3). Датируется могильник III-I вв. до Р.Х. Мне могут возразить, что очень близкие по начертанию тамги известны на наскальных рисунках Кочкорской долины, Чуй-Илийского междуречья Западно-Тюркского каганата (VII-VIII вв.) (Babaiarov, Kubatin 2011, рис. III; IV,5; V,3,6; VI,1-2). Но ведь и корпачская стела также далека от Киевской Руси, как и Днестровско-Прутское междуречье от ее возможных аналогий на востоке. Впрочем, это более поздняя история.

Литература

- Agul'nikov, Bubulich 2010:** S. Agul'nikov, V. Bubulich, Sarmatskaia stela s tamgoi iz okrestnostei p. Tarakliia. Tyragetia S.N. Vol. IV [XIX], nr. 1, 2010, 205-208 // С. Агульников, В. Бубулич, Сарматская стела с тамгой из окрестностей п. Тараклия. Tyragetia S.N. Vol. IV [XIX], nr. 1, 2010, 205-208.
- Agul'nikov, Kurchatov 2008:** S.M. Agul'nikov, S.I. Kurchatov, „Zagadochnye” znaki na kamennykh plitakh iz okrestnostei Taraklii. Sesiunea științifică a Muzeului Național de Arheologie și Istorie a Moldovei (dedicată aniversării a 25-a de la fondarea muzeului), 16-17 octombrie 2008 (Chișinău 2008), 31-34 // С.М. Агульников, С.И. Курчатов, «Загадочные» знаки на каменных плитах из окрестностей Тараклии. Sesiunea științifică a Muzeului Național de Arheologie și Istorie a Moldovei (dedicată aniversării a 25-a de la fondarea muzeului), 16-17 octombrie 2008 (Chișinău 2008), 31-34.
- Agul'nikov, Kurchatov 2013:** S. Agul'nikov, S. Kurchatov, Kurgan sarmatskoi elity v Budzhakskoi stepi. RA IX, 2, 2013, 175-184 // С. Агульников, С. Курчатов, Курган сарматской элиты в Буджакской степи. RA IX, 2, 2013, 175-184.
- Babaiarov, Kubatin 2011:** G. Babaiarov, A. Kubatin, K voprosu o genezise tamg na monetakh Zapadno-Tiurkskogo kaganata. In: (glav. red. B.E. Baitanaev) „Arkheologia Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy”. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 20-letiiu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 20-letiiu Instituta arkheologii im A.Kh. Margulana. 12-15 dekabria 2011 g., g. Almaty, tom III (Almaty 2011), 295-303 // Г. Бабаяров, А. Кубатин, К вопросу о генезисе тамг на монетах Западно-Тюркского каганата. В сб.: (глав. ред. Б.Э. Байтанаев) «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы». Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. 12-15 декабря 2011 г., г. Алматы, том III (Алматы 2011), 295-303.
- Beletskii 2013:** S.V. Beletskij, Izvestniakovaia plita s „sarmatskim znakom” u s. Korpach (Moldova). Stratum plus 4, 2013, 43-49 // С.В. Белецкий, Известняковая плита с «сарматским знаком» у с. Корпач (Молдова). Stratum plus 4, 2013, 43-49.
- Bichir, Butoi 1975:** Gh. Bichir, M. Butoi, Un mormint sarmatic descoperit în sud-vestul Munteniei. SCIVA 26, 1, 1975, 137-140.
- Chebotarenko, Iarovoi, Tel'nov 1989:** G.F. Chebotarenko, E.V. Iarovoi, N.P. Tel'nov, Kurgany Budzhakskoi stepi (otv. red. N.Ia. Merpert) (Kishinev 1989) // Г.Ф. Чеботаренко, Е.В. Яровой, Н.П. Тельнов, Курганы Буджакской степи (отв. ред. Н.Я. Мерперт) (Кишинев 1989).
- Chernetsov 1982:** A.V. Chernetsov, Polevye mety krest'ian podmoskov'ia v nachale XX v. SE 6, 1982, 101-105 // А.В. Чернецов, Полевые меты крестьян подмосковья в начале XX в. СЭ 6, 1982, 101-105.
- Froianov 1996:** I. Ya. Froianov, Rabstvo i dannichestvo u vostochnykh slavian (VI-X vv.) (Sankt-Peterburg 1996) // И.Я. Фроянов, Рабство и данничество у восточных славян (VI-X вв.) (Санкт-Петербург 1996).
- Demidenko 1997:** S.V. Demidenko, Tipologia litykh kotlov savromato-sarmatskogo vremeni s territorii Nizhnego Povolzh'ia, Podon'ia i Severnogo Kavkaza. Drevnosti Evrazii (otv. red. S.V. Demidenko, D.V. Zhuravlev) (Moskva 1997), 120-159 // С.В. Демиденко, Типология литых котлов савромато-сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа. Древности Евразии. Отв. ред. С.В. Демиденко, Д.В. Журавлев (Москва 1997), 120-159.
- Drachuk 1967:** V.S. Drachuk, Stela so znakami iz Terebovel'shchiny. SA 2, 1967, 243-244 // В.С. Драчук, Стела со знаками из Теребовельщины. СА 2, 1967, 243-244.
- Drachuk 1972:** V.S. Drachuk, Novye antropomorfnye stely s edinichnymi sarmatskimi tamgami. KSIA 130, 1972, 105-111 // В.С. Драчук, Новые антропоморфные стелы с единичными сарматскими тамгами. КСИА 130, 1972, 105-111.
- Drachuk 1975:** V.S. Drachuk, Sistemy znakov Severnogo Prichernovor'ia. Tamgoobraznye znaki severopontiiskoi periferii antichnogo mira pervykh vekov nashei ery (Kiev 1975) // В.С. Драчук, Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры (Киев 1975).
- Iatsenko S.A. 2001:** S.A. Iatsenko, Znaki-tamgi iranoiazychnykh narodov drevnosti i rannego

srednevekov'ia (Moskva 2001) // С.А. Яценко, Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья (Москва 2001).

Kashuba et al. 2001-2002: M.T. Kashuba, S.I. Kurchatov, T.A. Shcherbakova, Kochevniky na zapadnoi granitse Velikoi stepi (po materialam kurganov u s.Mokra). Stratum plus 4, 2001-2002, 180-252 // М.Т. Кашуба, С.И. Курчатов, Т.А. Щербакова, Кочевники на западной границе Великой степи (по материалам курганов у с. Мокра). Stratum plus 4, 2001-2002, 180-252.

Korotaev 1996: A.V. Korotaev, Ot vozhdestva k plemeni? Nekotorye tendentsii evoliutsii politicheskikh system Severo-Vostochnogo Iemena za poslednie dve tysyachi let. EO 2, 1996, 81-91 // А.В. Коротаев, От вожества к племени? Некоторые тенденции эволюции политических систем Северо-Восточного Йемена за последние две тысячи лет. ЭО 2, 1996, 81-91.

Kradin 1994: N.N. Kradin, Kochevye obshchestva v kontekste stadial'noi evoliutsii. EO, 1, 62-72 // Н.Н. Крадин, Кочевые общества в контексте стадийной эволюции. ЭО, 1, 62-72.

Kubarev 1987: V.D. Kubarev, Kurgany Ulandryka (Novosibirsk 1987) // В.Д. Кубарев, Курганы Уландрыка (Новосибирск 1987).

Kurchatov et al. 1995: S.I. Kurchatov, O.V. Simonenko, A.Iu. Chirkov, Sarmats'kii voins'kii mogil'nik na Seredn'omu Pruti. Arkheologiya 1, 1995, 112-123 // С.И. Курчатов, О.В. Симоненко, А.Ю. Чирков, Сарматский воинский могильник на Среднем Прути. Археология 1, 1995, 112-123.

Kurchatov, Bubulich 2000: S.I. Kurchatov, V.G. Bubulich, Novaia sarmatskaia stela iz Severnoj Moldavii. In: (otv. red. E.V. Iarovoi) Chobrukskii arkheologicheskii kompleks i drevnie kul'tury Podnestrov'ia. Materialy polevogo seminara (Tiraspol' 2000), 163-168 // С.И. Курчатов, В.Г. Бубулич, Новая сарматская стела из Северной Молдавии. В сб.: (отв. ред. Е.В. Яровой) Чобруцкий археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. Материалы полевого семинара (Тирасполь 2000), 163-168.

Kurchatov, Bubulich 2003: S. Kurchatov, V. Bubulich, „Sarmatskoe pogrebenie iz kurgana u s. Olo-neshty” – 40 let spustia. In: (red. şef Eugen Sava) Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic (Chişinău 2003), 285-312 // С. Курчатов, В. Бубулич, «Сарматское погребение из кургана у с. Оло-нешты» – 40 лет спустя. В сб.: (red. şef Eugen Sava) Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic (Chişinău 2003), 285-312.

Maksimov 1966: E.K. Maksimov, Sarmatskie bronzovye kotly i ikh izgotovlenie. SA 1, 1966, 51-60 // Е.К. Максимов, Сарматские бронзовые котлы и их изготовление. СА 1, 1966, 51-60.

Medvedev 1990: A.P. Medvedev, Sarmaty i lesostep' (po materialam Podon'ia) (Voronezh 1990) // А.П. Медведев, Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья) (Воронеж 1990).

Mordvintseva, Khabarova 2006: V. Mordvintseva, N. Khabarova, Drevnee zoloto Povolzh'ia iz fondov Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia (Simferopol' 2006) // В. Мордвинцева, Н. Хабарова, Древнее золото Поволжья из фондов Волгоградского областного краеведческого музея (Симферополь 2006).

Moroşan 1937: N. Moroşan, Semne ieroglifice dintr'un kurgan din Basarabia. Buletinul muzeului regional al Basarabiei din Chişinău. № 8. Editat de I. Lepşi, Directorul Muzeului (Chişinău 1937), 36-46.

Raev, Simonenko 2009: B.A. Raev, A.V. Simonenko, „Falar” iz „davydovskogo klada”. Gunny, goty i sarmaty mezhdv Volgoi i Dunaem (Sankt-Peterburg 2009), 65-79 // Б.А. Раев, А.В. Симоненко, «Фалар» из «Давыдовского клада». Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем (Санкт-Петербург 2009), 65-79.

Sokolov 1904: D.N. Sokolov, O bashkirskikh tamgakh. Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komis-sii. Vyp. XIII, tom XIII. Litograficheskii ottisk (Orenburg 1904) // Д.Н. Соколов, О башкирских там-гах. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XIII, том XIII. Литографический от-тиск (Оренбург 1904).

Sokrovishcha sarmatov: Sokrovishcha sarmatov. Katalog vystavki k 100-letiiu so dnia rozhdeniia akade-mika Borisa Borisovicha Piotrovskogo. Azovskii istoriko-arkheologicheskii i paleontologicheskii muzei-zapovednik (Sankt-Peterburg – Azov 2008) // Сокровища сарматов. Каталог выставки к 100-летию со дня рождения академика Бориса Борисовича Пиотровского. Азовский историко-археологиче-ский и палеонтологический музей-заповедник (Санкт-Петербург – Азов 2008).

Solomonik 1959: E.I. Solomonik, *Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomor'ia* (Kiev 1959) // Э.И. Соломоник, *Сарматские знаки Северного Причерноморья* (Киев 1959).

Treister 2006: M.Iu. Treister, *Iuvelirnaia masterskaia I v. n.e. v Severnom Prichernomor'e* (K nakhodke iz sarmatskogo pogrebeniia v Petrikakh). *Trudy GIM*, vyp. 159 (otv.red. D.V. Zhuravlev). *Severnoe Prichernomor'e v epokhu antichnosti i srednevekov'ia*. Pamiati N.P. Sorokinai. Gosudarstvennyi istoricheskii muzei (Moskva 2006), 245-258 // М.Ю. Трейстер, *Ювелирная мастерская I в. н.э. в Северном Причерноморье (К находке из сарматского погребения в Петриках)*. Труды ГИМ, вып. 159 (отв. ред. Д.В. Журавлев). *Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья*. Памяти Н.П. Сорокиной. (Москва 2006), 245-258.

Preda 1986: C. Preda, *Tipar de lut pentru turnat oglinzi cu tamga descoperit la Buriaș-Periș* (jud. Prahova). *SCIVA* 37, 4, 1986, 341-344.

Ursachi 2011: V. Ursachi, *Un semn sarmatic pe o stelă funerară descoperită la Tansa, județul Iași*. In: (eds. D. Măgureanu, D. Măndescu, S. Matei) *Archaeologi: making of and practice. Studies in honor of Mircea Babeș at his 70-th anniversary* (Pitești 2011), 304-313.

Vdovchenkov, Il'iashenko 2013: E.V. Vdovchenkov, S.M. Il'iashenko, *Tamgi Tanaisa – etnokul'turnyi kontekst iavleniia. Bosporskii fenomen. Greki i varvary na evraziiskom perekrestke. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Sankt-Peterburg, 19-22 noiabria 2013 g. (Sankt-Peterburg 2013), 292-295 // У.В. Вдовченков, С.М. Ильяшенко, *Тамги Танаиса – этнокультурный контекст явления. Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции*, Санкт-Петербург, 19-22 ноября 2013 г. (Санкт-Петербург 2013), 292-295.

Voroniatov 2008: S.V. Voroniatov, *Sarmatskie tamgi na pamiatnikakh lesnoi zony Rossii. Sluchainost' ili neizvestnaia zakonomernost'? Sluchainye nakhodki: khronologiiia, atributsiia, istoriko-kul'turnyi kontekst. Materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii*. Sankt-Peterburg, 16-19 dekabrya 2008 g. (Sankt-Peterburg 2008), 103-109 // С.В. Воронятов, *Сарматские тамги на памятниках лесной зоны России. Случайность или неизвестная закономерность? Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы тематической научной конференции*. Санкт-Петербург, 16-19 декабря 2008 г. (Санкт-Петербург 2008), 103-109.

Zasetskaia 2004: I.P. Zasetskaia, *Zolotoi flakon sarmatskoi epokhi*. SGE, vyp. LXII (Sankt-Peterburg 2004), 54-61 // И.П. Засецкая, *Золотой флакон сарматской эпохи*. СГЭ, вып. LXII (Санкт-Петербург 2004), 54-61.

Zasetskaia 2011: I.P. Zasetskaia, *Sokrovishchia kurgana Khokhlach. Novocherkasskii klad* (Sankt-Peterburg 2011) // Засецкая И.П., *Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад* (Санкт-Петербург 2011).

Курчатov Сергей Иванович, научный сотрудник, Центр Археологии, Институт Культурного Наследия Академии Наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре, 1. МД-2001, Кишинэу, Республика Молдова, e-mail: serg-kurchatov@mail.ru

Светлана Рябцева

**Перстни с полусферическими щитками
и специфика престижного ювелирного убора X–XII вв.
населения Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы**

Keywords: finger-ring, jewelry dress, Byzantine heritage.

Cuvinte cheie: inel, set de podoaba, tradiție bizantină.

Ключевые слова: перстень, ювелирный убор, византийское наследие.

Svetlana Riabtseva

Finger-rings with hemispherical bezels and specifics of prestigious jewelry dresses of X-XII centuries of population from Eastern, Central and Southeastern Europe

The paper studies a set of finger-rings, whose appearance is associated with the Byzantine heritage. The earliest specimens are known from the antiquities of Great Moravia of the end of IX – beginning of X century. In the X-XII centuries, the similar decorations are wide spread in the Carpathian-Balkan region. The time of there distribution in Eastern Europe mostly is limited to X-XI centuries. Such adornments are characteristic for multiethnic environment; some of them come from retinue graves where they are found in association with the objects of Christian piety. Perhaps, the origin of these finger-rings is associated with the cult of relics. They are represented mainly in the women's and children dress and often are combined with other decoration objects performed according to the Byzantine tradition.

Svetlana Reabțeva

Inelele cu șaton semisferic și specificul seturilor de bijuterii de prestigiu ale populației din Europa de Est, Centrală și de Sud-Est (secolele X-XII)

În prezentul articol este examinat un grup de inele, apariția carora este legată de patrimoniul bizantin. Cele mai vechi exemplare sunt cunoscute din descoperirile din Moravia Mare de la sfârșitul secolului IX – începutul secolului X. În secolele X-XII produsele similare sunt populare în regiunea carpato-balcanică. Perioada de răspândire a lor în Europa de Est, în principal, este limitată în intervalul secolelor X-XI. Astfel de podoabe sunt tipice pentru mediul multiethnic. Unele dintre ele provin din morminte ale suitei, în care sunt găsite împreună cu obiecte de pietate creștină. Originea acestor inele poate fi legată de cultul relicvelor. Inelele cu șaton semisferic sunt reprezentate în principal în portul femeilor și copiilor, de multe ori aparând în asocieri cu alte piese de podoabă, în decorul cărora se manifestă tradiția bizantină.

С.С. Рябцева

Перстни с полусферическими щитками и специфика престижного ювелирного убора X–XII вв. населения Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы

В статье рассмотрена группа перстней, появление которых связывается с византийским наследием. Наиболее ранние образцы известны в древностях Великой Моравии конца IX – начала X века. В X–XII вв. подобные изделия популярны в Карпато-Балканском регионе. Время их распространения в Восточной Европе в основном ограничено X–XI вв. Подобные украшения характерны для полиэтнической среды, некоторые из них происходят из дружинных захоронений, где их находят совместно с предметами христианского благочестия. Возможно, происхождение данных перстней связано с культом реликвий. Представлены они в основном в женском и детском уборе, где зачастую встречаются с другими украшениями, в декоре которых, просматриваются византийские традиции.

Находки с территории Восточной Европы

В состав парадного ювелирного убора X–XI вв. населения Восточной Европы входит целая подборка ювелирных украшений, выполненных с применением техник тиснения, пайки, скани и зерни. Большая часть этих изделий изготовлена из серебра, но изредка встречаются и золотые экземпляры. В целом в виде данный металлический убор содержит в себе несколько разновидностей «серег во-

лынского типа», штампованно-филигранные лунницы, плоские и полусферические подвески, разнообразные бусины, в том числе и «лопастные», шаровидные и колоколовидные пуговицы, перстни с полусферическим щитком. Изделия из этого убора обладают общностью технологических приемов изготовления и стилистики декора (Korzukhina 1954, 22-23). Обширный круг аналогов, а в ряде случаев, и прототипов этим украшениям, связывается с регионами Юго-Восточной и Центральной

Европы, но как единый целостный убор именно такая подборка встречается в основном вкладах Поднепровья, Поднестровья и Побужья. Причем, если с середины X – по начало XI вв. распространена вся подборка, то в более позднее время встречаются уже в основном, только лунницы, полусферические подвески и перстни. Эти украшения бытуют до XII в (Riabtseva 2005, 77-134). Зерненные пуговицы в комплексах второй половины XI – первой половины XII в. представлены уже в основном в виде обломков (например, клад Стражевичи) (Korzukhina 1954, 95).

Безусловно, вкладах середины X – начала XI вв. встречаются и другие украшения, не входившие в рассматриваемую стилистически единую подборку. К ним относятся: дрововые и витые браслеты, дрововые, витые и плетеные гривны, детали ременных наборов, вещи, связанные со скандинавскими импортами, а также выполненные на Руси под скандинавским влиянием (Korzukhina, 83-90; Pushkina 1996, 176-178; Riabtseva 2005, 77-78).

Представлены украшения с зернью и сканью также в материалах поселений и погребений. Последний тип археологических памятников дает возможность оценить их место в составе ювелирного убора. Появившиеся в недавнее время новые публикации находок такой категории украшений как перстни с тисненными полусферическими щитками, происходящих из погребальных комплексов, заставляют нас более детально остановиться на этом типе украшений.

Подобный перстень был найден в составе инвентаря женского камерного погребения № 49, раскопанного в 1999 г. в Киеве неподалеку от Михайловского златоверхого монастыря (Ivakin 2005, 287-303) (рис. 1,1). Всего во время раскопок, проводившихся на этой территории с 1997 по 1999 гг. было исследовано 22 погребения X-XI вв. Три погребения камерные, остальные совершены в простых гробовищах. Курганные насыпи были сnivelированы еще в XI в. при постройке собора. Захоронения достаточно богатые, так в составе инвентарей были найдены серебряные украшения, аметистовые вставки для перстней, фрагмент византийского стеклянного блюда. Наиболее разнообразным инвентарем отличалось захоронение

девушки возраста 16-18 лет, в котором (среди более 70 индивидуальных находок) представлен и перстень с полусферическим щитком (рис. 2,19-93). Часть инвентаря располагалась в виде скопления поодаль от скелета. Были найдены: латунная полусферическая чаша с гофрированными стенками, пружинные ножницы; пинцет, 27 разноцветных (голубые, коричневые, желтые) стеклянных нашивок на одежду (сегментовидной, трапециевидной и прямоугольной формы), пастовая бусина, серебряная пряжка. Судя по найденным железным деталям, вещи были уложены в ларец.

На черепе погребенной прослежены фрагменты матерчатого венца с серебряной нитью. У правого виска располагались серебряная подвеска ромбической формы, височное кольцо из рубчатой золотой проволоки с завязанными простым узлом концами и зонная пастовая оранжевая бусина. В шейной области – ожерелье из 20 мелких стеклянных бусин и серебряных привесок. Были найдены три серебряные полусферических подвески с зерненным орнаментом. Ближе к краям ожерелья располагались две ременные серебряные бляшки. Бляшки были переделаны в подвески: обрезаны штифты и напаяны ушки для подвешивания. На груди погребенной располагалась серебряная полусферическая фибула (диаметр - 39 мм), декорированная сканно-зерненным орнаментом в стиле «Terslev». К фибуле крепились цепочки, к которым подвешены проволоочное кольцо с завязанными концами и два перстня. Один перстень с серебряным позолоченным пластинчатым щитком, второй – с полусферическим щитком, покрытым мелкой зернью. Пластинчатая дужка этого перстня украшена сканью. Полусфера щитка крепилась к промежуточному цилиндрику, декорированному более крупной зернью. Три шарика такой же зерни напаяны и при переходе к дужке (Ivakin 2005, fig. 7, 9).

У левого локтя погребенной найдены металлические детали (в том числе крестовидная штампованная накладка со штифтами) от сумки или кошелька (изготовлены из кожи и шелка). Здесь же был обнаружен серебряный крест-тельник, близкий к крестам «скандинавского типа». Над плечевой костью правой руки покойной обнаружена рукоять ножа с

Рис. 1. Перстни. Масштабы разные.

1. Киев, 2 Плеснецк, 3 Глибовка, (Украина), 4 Германарие (Республика Молдова), 5, 6 Копиевка, 7 Гушино (Украина), 8-10 Украина, 11 Рождественно, 12 Спаськ (Россия). (1 – по Ivakin 2005; 2 – по Liwoch 2010; 3 – по Maiarchak 2009; 4 – рисунок автора; 5, 6 – по Linka-Geppener 1948; 7 – по Korzukhina 1954; 8-10 – по Forum violity 2014; 11, 12 – рисунок автора).

Fig. 1. Finger-rings. Different scale is used.

Kiev 1, 2 Plesnetsk 3 Glibovka, (Ukraine), 4 Germanarie (Republic of Moldova), 5, 6 Kopievka, 7 Gushchino (Ukraine), 8-10 Ukraine, 11 Rozhdestvenno 12 Spask (Russia). (1 – after Ivakin 2005, 2 – after Liwoch 2010, 3 – after Maiarchak, 2009; 4 – drawing by the author, 5, 6 – after Linka-Geppener 1948 7 – after Korzukhina 1954; 8-10 – after Forum violity 2014, 11, 12 – drawing by the author).

проволочными обмотками. Погребение может быть датировано второй половиной X в. В этом же некрополе крестик «скандинавского типа» X–XI вв., был найден в погребении (№13, 1997 г.). Подобные кресты достаточно хорошо известны в древнерусских древностях, а в Киеве в 2002 г. при раскопках в Рыльском переулке была найдена бронзовая формочка для производства подобных крестов (Fekhner

1968, 210-214; Korzukhina 1954, tabl. XXVI, 1; Ivakin 2005, 288).

В недавнее время предметом пристального внимания польских исследователей вновь стали материалы больших курганов летописного Плеснеца¹ (совр. Деревня Подгорицы

1. Материалы хранятся в фондах Археологического музея в Кракове. Приношу глубокую благодарность сотруднику музея коллеге Радославу Ливоху за предоставлен-

Бродовского района Львовской области Украины) (Ziemiński 1883, 43-89; Liwoch 2007, 367-378; Liwoch 2010, 486-491). Этот курганный могильник считается единственным дружинным некрополем на территории Западной Украины (Liwoch 2010, 491).

Перстень рассматриваемого типа входит в состав инвентаря женского захоронения парного погребения большого кургана (рис. 2, 1-1). Захоронение характеризуется достаточно богатым инвентарем. К мужскому погребению относятся меч и топорик чекан. Меч имеет аналогии среди скандинавских древностей, но точные параллели ему не были выявлены. Неподалеку от предметов вооружения располагались остатки двух ведер, три ножа, кости животных, обломок стеклянного предмета, две поясные бляшки. Рядом с правой рукой захороненного был найден обрубленноконечный пограничный серебряный дровотый браслет. На пальце правой руки – золотой пластинчатый перстень, на левой – серебряный. Перстень с полусферическим щитком располагался на правой руке погребенной рядом женщины. Кроме того на левой руке было два серебряных пластинчатых перстня. Рядом со скелетами были найдены два серебряных креста «скандинавского типа». При расчистке черепов обоих захороненных были найдены золотые бляшки, к настоящему времени не сохранившиеся. Подобные находки были интерпретированы как оболочки мертвых. Неподалеку от женского костяка были найдены сердоликовые, хрустальные и пастовые бусины, височные кольца, бронзовая ажурная подвеска, деревянная чаша, нож, глиняное пряслице, клыки кабана (Liwoch 2010, 488, рис. 2).

Перстень с полусферическим щитком состоит из пластинчатого обруча и щитка (составлен из полусферической части и цилиндрика, свернутого из листа серебра). Обруч кольца имеет не округлую, а подпрямоугольную форму, он декорирован тремя нитями скани, еще одна сканная проволока напаяна при переходе от цилиндрика к полусферической части. На месте спайки обруча и цилиндрика – пирамидки из трех шариков. На цилиндрике – кайма из более крупных шариков. Сама полусфера декорирована крупной зернью, вы-

ложенной концентрическими кругами вокруг центрального шарика зерни. Р. Ливох называет перстень «погремушкой» (Liwoch 2010, 488). Перстень действительно гремит. Но был ли в щиток для этого специально вложен шарик, или это результат какой-то поломки, в результате которой внутри оказался кусочек металла, мы не знаем.

В этом же кургане было обнаружено еще одно мужское захоронение. Из сопровождающего инвентаря найден железный чекан с медной инкрустацией, серп, два ведра (в одном из них – нож), кости животных. На пальцах покойного – золотые пластинчатые кольца. В этом захоронении также найдены предметы личного христианского благочестия – миниатюрный прямоконечный крест-энколпион византийско-дунайского и крест-тельник. Во рту погребенного была обнаружена золотая проволока, вероятно, являвшаяся оболочкой мертвого. Сооружение кургана относится, по всей видимости, к началу XI века (Liwoch 2010, 490).

В рассматриваемых захоронениях обращает на себя внимание сочетание перстней интересующего нас типа и предметов личного христианского благочестия. Кроме того, погребения и Киева, и Плеснеца демонстрируют синкретизм материальной культуры захороненных в них представителей древнерусской элиты. Наряду с восточнославянскими, в них присутствуют вещи византийско-дунайского и скандинавского круга. По всей видимости, с венгерскими древностями соотносятся переделанные в детали ожерелья поясные бляшки из убора девушки из киевского некрополя, а также бляшки и проволока (оболочки мертвых) в захоронениях некрополя Плеснеца. «Оболочки мертвых» являются достаточно частыми находками в венгерских могилах карпатского региона, но там это, как правило, используются монеты².

Находят перстни с полусферическими щитками и на поселениях, например, на городище Глибовка в Левобережной части Среднего Поднестровья (Maiarchak 2006, 35, 36) (рис. 1, 3). Перстень происходит из материалов жилища, в котором кроме того также были найдены три серебряных дирхема (один из них относится к

ную возможность ознакомиться с ними.

2. Приношу глубокую благодарность сотруднику Академии наук Венгрии Аттиле Тюрк за предоставленную информацию.

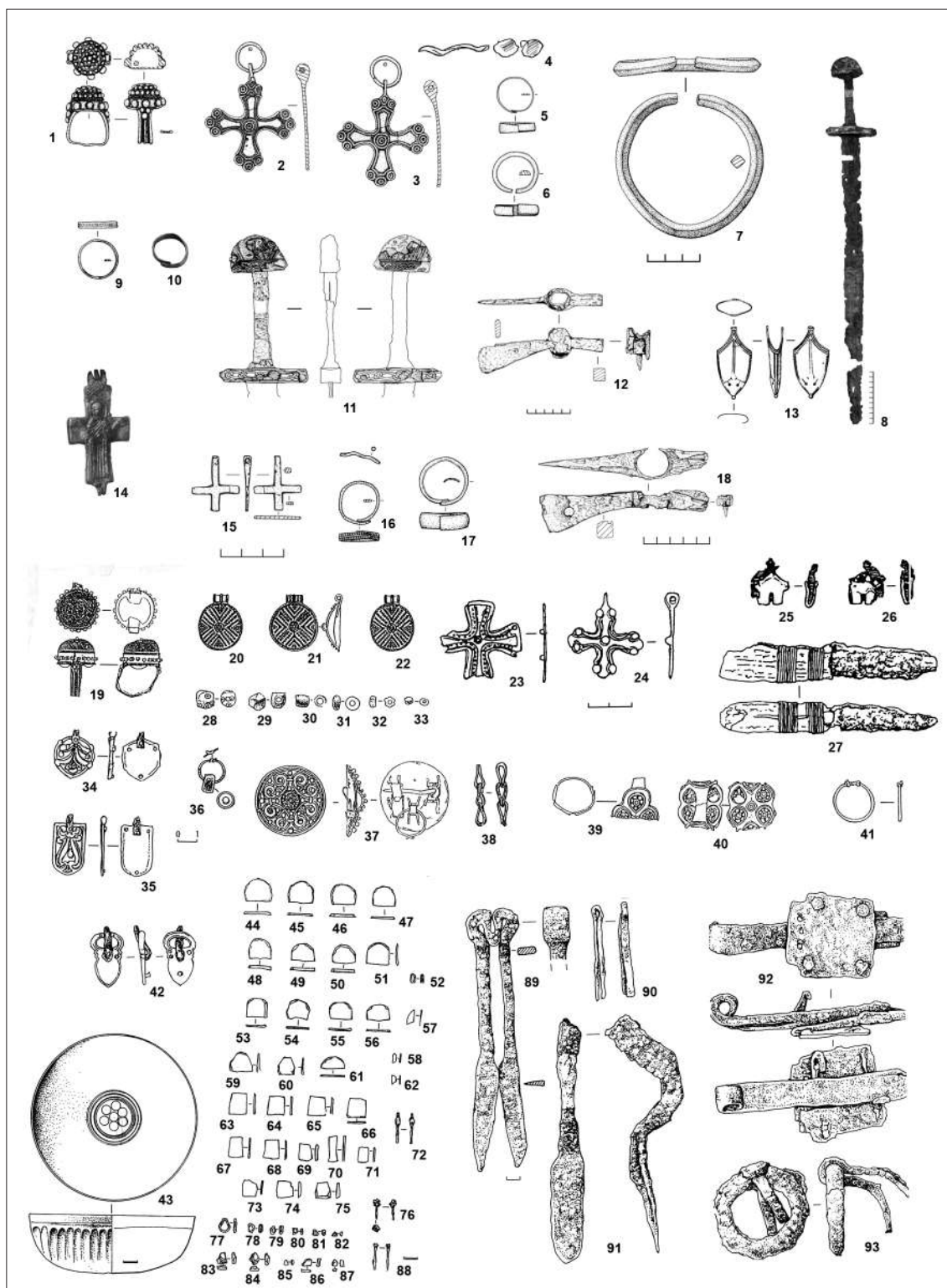

Рис. 2. Предметы из погребений: 1-18 Плеснецк, 19-93 Киев (Украина) (1-18 – по Liwoh 2010; 19-93 – по Ivakin 2005)
 Fig. 2 Items from the burials: 1-18 Plesnetsk, 19-93 Kiev (Ukraine) (1-18 – after Liwoh 2010; – 19-93 after Ivakin 2005).

VIII в.), серебряная бусинная серьга «киевского типа», декорированная сканью и зернью,

около десятка пастовых бусин и бронзовая пуговица-бубенчик. Полусферический щиток это-

го перстня установлен на высокий цилиндр, украшенный двумя рядами скани. Щиток усыпан зернью, напаянной на проволоочные колечки, при переходе к обручу расположена пирамидка очень крупных шариков. Обруч перстня выполнен из дровяного округлого в сечении кольца. Материалы городища Глибовка совокупно датируются IX–XI вв., жилище, в котором был обнаружен перстень, может быть отнесено XI в., на что указывает находка серьги «киевского типа» со сканью и зернью. Наличие большого количества керамики с примесью слюды с тесте роднит керамические материалы из Глибовки с находками, происходящими с кольцевых городищ Пруто-Днестровского региона. Еще одной характерной чертой материальной культуры данных городищ являются находки украшений с зернью. С Екимавца и Алчедара происходят зерненные лунницы, бусы, пуговицы, полусферические подвески, «серьги волинского типа». В результате раскопочной компании 2008 г. на посаде кольцевого городища Германарие, впервые в Молдове, был обнаружен перстень рассматриваемого типа (Rabinovici, Riabtseva, Telnov 2010, 200–214) (рис. 1,4).

Щиток перстня состоит из тисненого колпачка и полого цилиндрика. Колпачок декорирован радиально расположенной зерновой композицией. В центре напаян крупный серебряный шарик, от него крестообразно расходятся четыре полосы зерни. Вероятно, во всех полосах должно было быть по три ряда зерни, но произошел сбой в размещении композиции, поэтому в одной полосе содержится только два ряда зерни. Между полосами зерни выложены зерновые треугольники, обращенные вершинами к центру. Цилиндр декорирован крупными серебряными шариками, припаянными на проволоочные колечки. Место спайки колпачка и цилиндрика прикрыто нитью проволоки и декорировано сканью. На шов от спайки цилиндрика и «донышка» щитка перстня напаяна более толстая проволока. Пластинчатый обруч перстня по краям и в центре декорирован полосами проволоки, между которыми напаяно по два ряда скани, создающие эффект косички.

Подобные перстни встречаются и в составах кладов. Два перстня с полусферическими щитками усыпанными мелкой зер-

Рис. 3. Украшения из: 1-5 Гушинского клада, 6-16 клада Юрковцы (Украина) (по Korzhuhina 1954)

Fig. 3. Decorations from: 1-5 Gushchino treasure, 6-16 hoard Iurkovtsy (Ukraine) (after Korzhuhina 1954)

ню были обнаружены в 1928 г. в кладе у с. Копиевка (Дашевского района, Винницкого округа, Киевской обл.) (Linka-Geppener 1948, 182–190). В состав клада входили 500 дирхемов (549–954/55 г., из них 416 – 896–954/55 г.), три серебряных слитка и набор серебряных украшений. Среди них широкоугольная лунница, имеющая самые близкие аналогии на городище Екимавца, целая подборка гроздевидных «волинских серег», тисненые пуговицы и бусины, украшенные зернью, а также пять дровяных браслетов. Перстни из данного комплекса несколько отличаются размерами, а также характером декора (рис. 1,5,6). У более крупного перстня обруч уплощенный, миниатюрными шариками декорирован не только цилиндр у основания щитка, но и место припайки обруча. Кроме того, у этого экземпляра представлена необычная черта – мелкой зернью покрыта не только полусфера, но и цилиндр. Обруч более миниатюрного перстня округлый – как у экземпляра из Глибовки.

Еще одна находка аналогичного перстня происходит из Гушинского клада, найденного в 1930-х годах в окрестностях города Чернигова (Korzhuhina 1954, 21, 22, tabl. VII). В состав клада входили шесть одинаковых височных ко-

лец «волынского типа» с тисненными подвесками. Кроме того, в кладе были найдены большая штампованно-филигранная лунница, крупная лопастная бусина и перстень с полусферическим щитком, сплошь усыпанным мелкой зернью (Chernenko 1999, 79-82) (рис. 3,1,5). Также как и образцы из Германарие, Глибовки и Копиевского клада, этот перстень имеет цилиндрик, декорированный серебряными шариками, шариков достаточно много (12 экз.), они расположены плотно друг к другу. Пирамидка из трех шариков украшает и переход к обручу. В данном случае обруч пластинчатый, подпрямоугольной формы (рис. 1,7).

Еще один клад этого же времени, содержащий три перстня рассматриваемого типа, был найден на территории Украины, по всей видимости, недавно и выставлен на продажу на одном из интернет аукционов (Forum violity 2014). Перстни очень схожи между собой, но отличаются несколько характером сканного декора, количеством и размерами шариков, декорирующих цилиндрик (рис. 1,8-9). Полусферы во всех случаях украшены крупной зернью, напаянной на проволоочные колечки. Зернь выложена достаточно плотными ровными кольцами относительно центра щитка. По составу инвентаря клад принадлежит к группе комплексов второй половины X – начала XI века (по всей видимости, содержал и арабские монеты). В нем найдены достаточно крупная зернено-филигранная лунница, три лопастные бусины, пять овальных серебряных бусин, декорированных зерновыми треугольниками, одна подобная бусина украшенная тисненными полусферами и несколько простых гладких перстневидных колец.

Если рассмотренные выше перстни происходят из кладов, составляющих компактную типолого-хронологическую группу, то клад 2001 г. из Ильменского Поозерья («Любоежский клад») в котором, также найден перстень интересующего нас типа, несколько отличается по составу инвентаря. В кладе насчитывается 112 предметов (кроме целых экземпляров представлены и отдельные фрагменты). В нем, также как в рассмотренных выше комплексах, найдены зернено-филигранные лунницы и бусы (в том числе и лопастные)³. Но этот клад отличается

от предшествующих комплексов наличием дровяных гривен, а также пластинчатых накладок на концы гривен, своеобразных типов подвесок («гнездовского типа», а также монетовидных и выполненных с использованием куфических или индийских монет), подковообразной фибулы, ромбощитковых височных колец, деталей поясной гарнитуры (Тогоров 2009, 58-59). Часть предметов из этого комплекса, например, лопастные бусы, зерненный перстень, лунницы, детали поясного набора, подвески «гнездовского типа» датируются X – началом XI века. Однако, судя по наличию в комплексе вещей, относящихся уже к другому периоду: подковообразной фибулы, дровяной гривны с накладками, ромбощитковых колец, его выпадение относится ко времени не ранее XI, а, возможно, и к XII веку.

Интересующий нас перстень дошел до нас с некоторыми повреждениями⁴, однако, очевидно, что он был выполнен мастером очень высокой квалификации. Полусферическая верхняя часть щитка декорирована плотными концентрическими кругами мелкой зерни, венчавший композицию более крупный шарик утерян. Обращает на себя внимание изящный декор цилиндрика. Впервые мы встречаемся не с литыми крупными или мелкими шариками, а с тисненными полусферами, напаянными на цилиндрик. Поверх полусфер укреплены зернь на подложке из проволоочных колечек. Композиция из зерни напоминает розетку. Подобный декор известен на некоторых зернено-филигранных лунницах. На перстнях он встречен впервые. Промежутки между тисненными полусферами заполнены треугольниками мелкой зерни⁵.

Декор обруча стандартный выложен из рядов гладкой проволоки и сканной нити, Размещение скани создает эффект косички.

Таким образом, рассмотренные выше восемь экземпляров перстней составляют неболь-

Торопову за предоставленные для изучения неопубликованные фотографии вещей.

4. Наличие в кладе фрагментированных украшений, заставляет исследователей предположить, это мог быть клад ювелира, собиравшего вещи для переплавки (Тогоров 2009, 59).

5. До сих пор мелкая зернь была представлена в оформлении цилиндрика лишь на одном из перстней Копиевского клада.

3. Приношу глубокую благодарность сотруднику Новгородского государственного музея-заповедника С.В.

Рис. 4. Перстни с полусферическими щитками и кольца «типа Темпельгоф». Масштабы разные. 1-5 Микутьчицы, 6 Бреслав-Поханско, 7 окрестности Праги (Чехия), 8-10 Птуйский град (Словения), 11, 12 Ветрен, 13 Плиска, 14 Неготин, 15 Битоля, 16 Ловеч (Болгария), 18-21 Диногетия, 22 Дервент (Румыния), 23 Саболич (Венгрия), 24 Алба Юлия (Румыния) (1-3 – по Profantová, Kavánová 2003, 4,5 – по Dekan 1979, 6,7 – по Kalousek 1971, 8 – по Jovanovič 1988, 9,10 – по Petko, Nestorovic, Zizek 2012, 11-16 – по Grigorov 2007, 18-21 – по Dinogetia ... 1967, 22 – по Dumitriu 2001, 23 – по Mésterhazy 1991, 24 – по Gall 2013).

Fig. 4. Finger-rings with hemispherical bezels and earrings (or temple rings) of „Tempelhof type”. The scale is different. 1-5 Mikulčice, 6 Breslav Pohansko, 7 neighborhood of Prague (Czech Republic), 8-10 Ptuisii grad (Slovenia), 11, 12 Vetren, 13 Pliska, 14 Negotin, 15 Bitola, 16 Lovech (Bulgaria), 18-21 Dinogetsia, 22 Derwent (Romania), 23 Szabolcs (Hungary), 24 Alba Iulia (Romania). (1-3 – after Profantová, Kavánová 2003, 4,5 – after Dekan 1979, 6,7 – after Kalousek 1971, 8 – after Jovanovič 1988, 10 – after Petko, Nestorovic, Zizek 2012, 11-16 – after Grigorov 2007, 18-21 – after Dinogetia ... 1967, 22 – after Dumitriu 2001, 23 – after Mésterhazy 1991, 24 – after Gall 2013).

шую группу, характеризующуюся общностью технологии изготовления, морфологии и декора изделий. Как правило, они имеют достаточно широкую пластинчатую дужку кольца – обруч (лишь в двух случаях применена узкая дротовая дужка), декорированную различными сканно-проволочными композициями. Щиток составной, верхняя часть, близкая по форме к полусфере выполнена с применением техники тиснения и установлена на цилиндрок пьедестал, свернутый из пластинки металла и декорированный шариками (в одном случае – миниатюрными полусферами). Как правило, три шарика припаяны и в месте крепления шинки к щитку. В нижней части конструкция щитка закрыта плоским дном. Полусферическая верхняя часть, в большинстве случаев, усыпана зернью. В случае если зернь крупная, она, как правило, напаяна на колечки-подложку, мелкая – крепится непосредственно к полусфере. На общем фоне отличается перстень из раскопок Германарие декорированный зерновыми треугольниками и полосами зерни, составляющими крестообразную композицию. Но именно эта композиция объединяет перстни с полусферическими щитками с другими синхронным украшениями, выполненными в той же технике – подвесками к ожерельям с полусферическими щитками, декорированными зернью (в том числе композициями, основу которых составляют треугольники и полосы).

Кроме того, с восточноевропейской территории известно еще несколько перстней отличающихся как конструктивно, так и декоративно. Два перстня с полусферическими щитками происходят из Шалаховского клада (Невельского у. Витебской губ.), найденного в 1882 году. В состав клада входили: ожерелье, состоящее из нанизанных на круглый дрот с загнутыми концами 10 полусферических медальонов и 11 металлических бусин, еще одно маленькое ожерелье (браслет или многобусинное кольцо?), состоящее из круглого дрота, с нанизанными на него 15 металлическими зерненными бусинами, а также сломанное пополам многобусинное височное кольцо с гладкими бусинами, разделенными проволочной обмоткой. Кроме того найдены: фибула подковообразная; проволочная серьга с крупной большой овальной зерненной бусиной; боль-

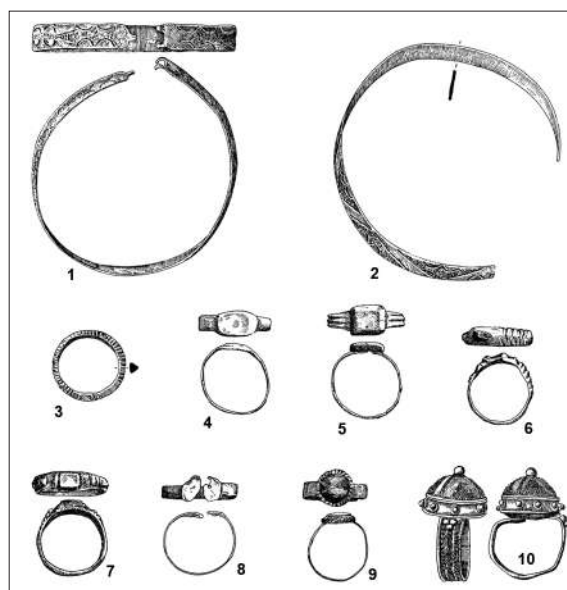

Рис. 5. Могильник Матичане-Брей погребение 16 (Сербия) (по – Jovanović, Vuksanović 1981).

Fig. 5. Burial Matichane-Brei burial ground 16 (Serbia) (after – Jovanović, Vuksanović 1981).

шая литая шейная гривна с пластинчатыми накладками (аналогична происходящей из Любоежского клада в Приильменье); кольца височные браслетообразные завязанные и ромбощитковые; венчик серебряный пластинчатый; браслет серебряный витой из четырех дров с фигурными наконечниками, украшенными чернью. Перстней в кладе найдено четыре экземпляра: из них два с полусферическими щитками, еще один с высоким цилиндрическим щитком, декорированным зернью (вставка отсутствует), четвертый сильно фрагментирован, гнездо утрачено. Один из перстней с полусферическим щитком украшен треугольниками зерни и синими стеклянными вставками, второй – выложенной из проволоки розеткой. В обоих случаях полусферы напаяны непосредственно кольцо, без цилиндрика (Korzukhina 1954, 97-98, №49).

Также как в случае с кладом из Ильменского Поозерья, Шалаховский клад является комплексом длительного накопления, период его формирования может быть определен в пределах XI – первой половины XIII века. К наиболее ранним вещам относятся украшения с зернью. Но эти изделия носят налет некоторой доморощенности, ряд из них подвергалось

починке, медальоны ожерелья (декорированные четырьмя «лучами» тисненых колпаков) относятся к позднему варианту данных украшений. Среди наиболее поздних изделий можно упомянуть височные кольца, в том числе – многобусинные (подробнее – Riabtseva 1995, 10; Lesman, Riabtseva 2013, 327).

Серебряные перстни с небольшими полусферическими щитками без цилиндрика находят и во Владимирских курганах, а также в Поволжье и Предуралье (Spitsin 1905, 84-172; Belavin 2000, 103). Подобный серебряный перстень происходит из Спасского клада, найденного в 1868 г. в Казанской губернии (Государственный Эрмитаж кол. 501/4)⁶ (рис. 1,12). Полусферический щиток этого перстня декорирован треугольниками зерни, на вершине припаян крупный шарик, аналогичные шарики расположены вокруг основания щитка (рис. 4,26). Обруч перстня пластинчатый гладкий, щиток изготовлен без применения техники тиснения – свернут из листочка металла. Бросается в глаза, что сохранена система декора, характерная для древнерусских образцов, но изделие выполнено более простыми технологическими приемами – без использования тиснения, применена кайма из шариков (которой обычно декорировали «постамент»), но сам цилиндрик отсутствует. Возможно, данное украшение изготовлено мастерами Волжской Булгарии. С той же ювелирной школой связаны, вероятно, и перстни из Предуралья со щитками в виде умбона или круга, украшенные зернью и сканью, происходят из Горт-Кушета, Рождественского городища, Чердынского района (Belavin 2000, 103, 104, рис. 46, 8, 9). Полусферический щиток перстня с Рождественского городища декорирован шестью расположенными концентрически треугольниками зерни (рис. 1,11). Крупный шарик, припаянный на вершине полусферы, окружен пояском зерни, в месте перехода к шинке – пирамидки зерни.

Таким образом, для легкого изящного парадного ювелирного убора с зернью, распространившегося у населения Восточной во второй половине X – начале XI века были

характерны перстни с высокими полусферическими щитками, состоящими из цилиндрика и полусферы. Некоторые образцы рассматриваемых изделий бытуют, вероятно, на протяжении XI, а возможно и в XII веке и встречаются с украшениями других типолого-хронологических групп. Пока только в поздних комплексах нам известны образцы со щитками без цилиндриков. Традиция изготовления сходных перстней распространяется в Поволжье и Предуралье, где они изготавливаются в рамках традиции ювелирной школы Волжской Булгарии, достигшей расцвета в XII веке.

Находки с территории Центральной и Юго-Восточной Европы

Исследователям уже неоднократно приходилось обращать внимание на византийско-дунайские прототипы и параллели для древнерусского ювелирного убора X – начала XI века (Korzukhina 1954; Riabtseva 2005; Zhilina 2010). Действительно, в памятниках Великой Моравии, древностях Балканского и Дунайского регионов можно обнаружить прототипы для зернено-филигранных лунниц, серег «волынского типа», перстней с полусферическим щитком. Ян Эйсер отмечал, что «великоморавский ювелирный убор обогатился под византийским влиянием украшениями в виде больших и маленьких пуговиц, серег с гроздьё и серег с корзиночками и прекрасных перстней» (Eisner 1955, 215-226). Среди этих «прекрасных перстней», безусловно, присутствуют и изделия с полусферическими щитками, которые находят в женских и детских захоронениях. Именно моравские находки являются наиболее ранними из известных перстней интересующего нас типа.

Два изделия происходят из Микульчиц (Dekan 1979, cat. 162, 163). Для этих украшений характерно сочетание зерневого декора и синих стеклянных вставок (рис. 4,4,5). Изящный серебряный перстень с полусферическим щитком был обнаружен в погребении молодой женщины (около 20 лет) могильника Бреслав-Поханско (Kalousek 1971, 142, obr. 242). Щиток перстня украшен плотными рядами зерни и пятью шатонами со стеклянными вставками, пластинчатый обруч перстня декорирован сканными косичками

6. Приношу глубокую благодарность хранителям Государственного Эрмитажа З.А. Львовой и Е.И. Ояцовой за возможность ознакомиться с материалами Шалаховского и Спасского кладов.

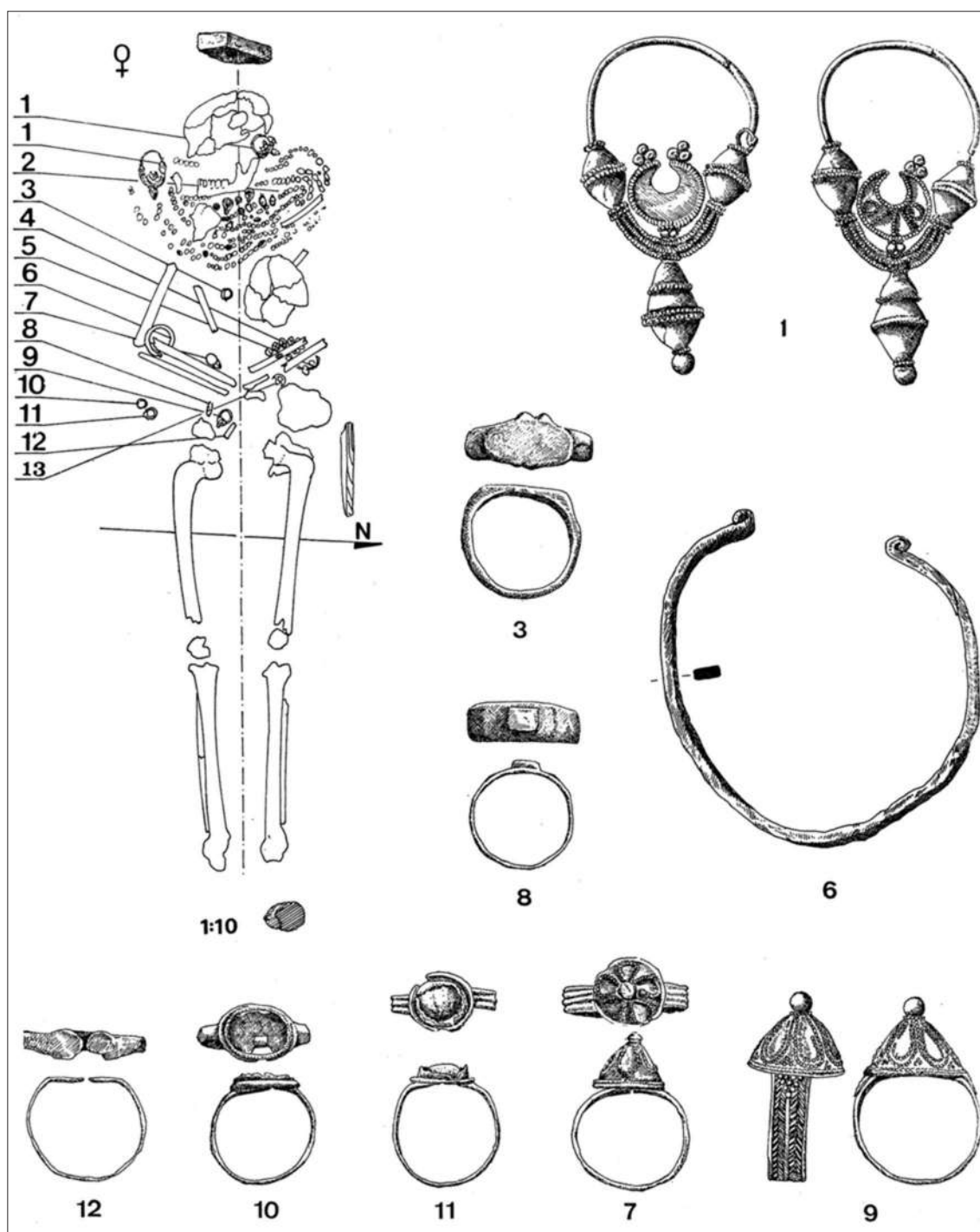

Рис. 6. Могильник Матичане-Брей погр. 46 (Сербия) (по – Jovanović, Vuksanović 1981).

Fig. 6. Burial Matichane-Brei burial ground 46 (Serbia) (after – Jovanović, Vuksanović 1981).

(рис. 4,6). Кроме того, в захоронении были найдены еще один серебряный пластинчатый перстень со сканно-зерневым узором и две золотые миниатюрные шаровидные пуговицы, покрытые плотными рядами зерни.

В Старом Месте «На Валах» подобные перстни были найдены в четырех захоронениях (Dostal 1966, 57, obr. 12,25,26,35,36). В погребении 24/48 (захоронена пожилая женщина старше 60 лет) было обнаружено два золотых

перстня совместно с обломками капторги. Кроме того, в захоронении были найдены золотые гроздевидные серьги, бронзовые посеребренные бусы с зерневым орнаментом, стеклянный зеленый и серебряный тисненый гомбик, декорированный фигурками птиц (Hruby 1955, 413, tab. 1-13). Два серебряных перстня были найдены у правой руки в детском погребении 193/51, в этом же захоронении были найдены золотые гроздевидные серьги, декорированные зернью и два железных ножа (Hruby 1955, 518-519, tab. 74:8; 84: 1-8).

Еще один перстень данного типа происходит из погребения в Предмости (Dostal 1966, 57, obr. 12,37; 155, tab. XXXV,8). Сходный серебряный перстень был найден в погребении 1451 в Микульчицах в захоронении ребенка 6-7 лет (рис. 4,1). Полусфера перстня декорирована довольно крупными шариками зерни, припаянными к проволочным колечкам. По краю полусферы и на дужке перстня – нити филигрании. Дужка полностью покрыта филигранным узором (Profantová, Kavánová 2003, 334, obr. 151). Изящный перстень со щитком, декорированным мелкой зернью и крупными серебряными шариками происходит из погребения Угерске Брод (Dostal 1966, 57, obr. 12,27).

Необходимо отметить, что в конструкции щитков великомораских перстней, как правило, отсутствуют цилиндрики. Что касается декора – то представлены как украшения со щитками полностью усыпанными зернью, так и с зерневыми композициями – треугольники, крестики. Встречается и декор в виде цветных вставок. В чешской литературе подобные перстни традиционно датируют концом IX – X вв., исследователи подчеркивают их совстречаемость с наушницами византийско-восточного типа (Dostal 1966, 58). Среди подобных «наушниц», входящих в один убор с рассматриваемыми перстнями, необходимо отметить так называемые «кольца типа Темпельгоф» (рис. 4,2,3.). Их встречают как в одном комплексе, так и на одних и тех же памятниках, например, в Микульчицах (Profantová, Kavánová 2003, 332, obr. 148). Кольца типа Темпельгоф состоят из дужки, на которую нанизано два тисненых шарика, и подвески, также украшенной в верхней и нижней части двумя шарами. Шары могут быть полностью усыпаны

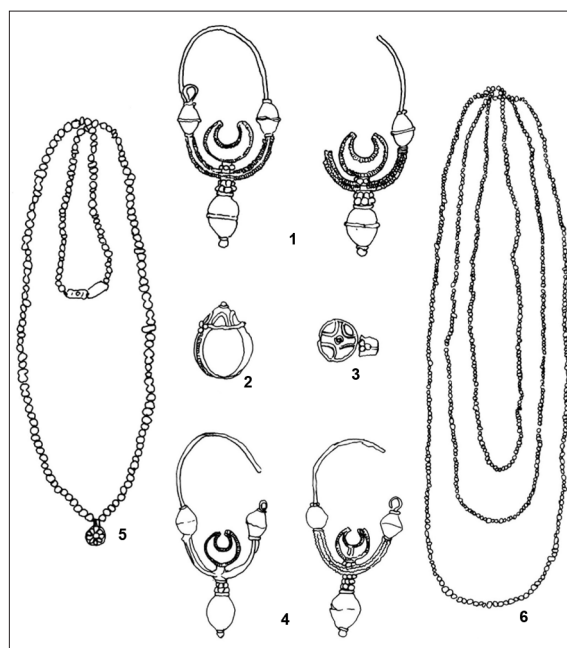

Рис. 7. Могильник Бискупий (Хорватия) (по – Petrinec 2009).

Fig. 7. Burial Biskupii (Croatia) (after – Petrinec 2009).

крупной зернью, или украшены треугольниками или ромбами, выложенными зернью. Эти украшения появляются в поздневеликоморавских древностях последней четверти IX в. и бытуют вплоть до XI в. (Hruby 1955, obr. 41). Время их наибольшей популярности приходится на X в. Эти изделия являются одним из наиболее распространенных типов чешско-моравских украшений и представлены практически повсеместно (в Старом Месте, Старом Коуржине, Микульчицах, Бини и т.д.) (Hruby 1955, 278, obr. 10; Holčík 1991, 102, Ab. 10; Šolle 1959, 353-506). В X-XI вв. височные кольца типа Темпельгоф широко распространяются в Центральной и Юго-Восточной Европе. Причем, на Балканах формируются своеобразные варианты этих украшений (Gatev 1977, 34-36; Petrinic 2009, 218-222). Встречены подобные изделия и в Северной Европе (на Бронхольме. Готланде, Зеланде и Сконе) (Herrman 1986, 27-28, ris. 10).

К числу ранних, как правило, относят своеобразный вариант перстня с полусферическим щитком, обнаруженный в женском погребении №355 могильника Птуйский Град (Словения) совместно с двумя парами серег типа «Темпельгоф» (золотыми и серебряными

ми позолоченными) (Korošec 1950, 93, fig. 19; Jovanović 1988, 261, sl. 5). У этого золотого перстня пластинчатый обруч имеет подквадратную форму, а центральная полусфера щитка обрамлена по бокам комбинациями из двух более миниатюрных полусфер, припаянных к обручу (рис. 4,8). Обруч очень широкий, декорирован восьмью нитями сканной проволоки расположенной попарно и создающей эффект косички. По краям – напаяна рубчатая филигранная проволока. «Косички» разделены полосами гладкой проволоки. Центральный щиток высокий (несколько выше полусферы в точном смысле этого слова), декорирован треугольниками из зерни, увенчанными зерновыми крестиками и линиями зерни, сходящимися в расположенному на вершине щитка шарик. На боковых полусферах – также зерновые треугольники.

Перстни с полусферическими щитками весьма характерны для регионов Балкан и Подунавья, где встречаются как паяные, так и литые образцы. Щитки паяных перстней могут быть как с цилиндриками, так и без них, декоративное решение украшений весьма разнообразно. Материалом для изготовления украшений служили бронза (и другие сплавы), серебро (в ряде случаев, позолоченное), изредка – золото (Jovanović 1988; Petrinic 2009, 244). Обилие подобных украшений в данном регионе исследователи объясняют как влиянием византийского ювелирного дела, так и наличием источников сырья, например серебряных рудников (Bikić 2010, 110, 112, sl. 83, 1).

По данным Владислава Йовановича, на 1988 год было известно 47 перстней, происходящих из 20 местонахождений на территории Югославии. Исследователь приводят сведения о двадцати двух экземплярах, найденных в Македонии в пяти местонахождениях, семнадцати в Сербии в пяти памятниках, в Хорватии – четыре перстня найдены в трех местах, в Боснии и Герцеговине – два изделия в двух памятниках, в Черногории – один перстень⁷ (Jovanović 1988, 261). К настоящему времени количество опубликованных украшений не-

сколько увеличилось (см., например, Maneva 1992, 115, 197; Grigorov 2007, 63; Bikić 2010, 110–112).

В Македонии по количеству находок интересующих нас украшений выделяется большой некрополь Демир-Капие (где было обнаружено шестнадцать бронзовых перстней), в том числе совместно с монетой императора Иоанна Цимисхия (969–976) (Jovanović 1988, 265, sl. 11, 12) (рис. 8,4–7,19). Щитки этих украшений без цилиндриков, в декоре применялись треугольники и полосы зерни, создающие крестовидную композицию, проволочные арочки и кружки, сканные «лучи» и розетки. Три серебряных перстня были найдены в могильнике Радолишта (два из них украшены проволочными кружками, один – тисненой розеткой). Еще один перстень с филигранным кружковым орнаментом был обнаружен в могильнике Дренови совместно фолисом императора Иоанна Цимисхия (969–976). Перстни с полусферическими щитками происходят также из Озари и Хераклии, Неготина, Битоля, Мордовис, Девол, Дулица, Крестеви (Jovanović 1988, 265, 266, sl. 13, 9; Maneva 1992, 115, 197, т. 80, 81; Grigorov 2007, 63). В целом, преобладает проволочный декор – выложенный гладкой проволокой, сканью, филигранью. Основные элементы декора – розетки, арки, кружки, «лучи».

В Сербии в некрополе Матичане-Брей под Приштиной, основная масса погребений которого датируется X–XI вв. было найдено семь перстней с полусферическими щитками (рис. 8,1,2). Исследователи отмечают аналогии перстню из женского погребения №16, происходящие из памятников Добруджи, Хорватии и Украины (Jovanović, Vuksanović 1981, 2; Jovanović 1988, 264, sl. 7; Bakvalov 1998, 372–371). В качестве недавно обнаруженной аналогии необходимо упомянуть и перстень с территории Республики Молдова – из Германии. Все эти украшения объединяет наличие цилиндрика, декорированного литыми шариками, зерновой декор полусферы в виде треугольников и линий, наличие шарика на вершине щитка. Кроме перстня рассматриваемого типа, в данном погребении было обнаружено еще семь более простых бронзовых перстней, два пластинчатых бронзовых браслета (один

7. Приношу огромную благодарность сотруднику отделения археологии философского факультета Белградского Университета Деяну Радичевичу за помощь с литературой.

Рис. 8. Перстни. Масштабы разные.

1, 2 Матичане (Сербия), 3 Свиньяревцы (Хорватия), 4-7, 19 Демир Капия (Македония), 8, 10 Бигриница (Сербия), 9 Бискупий (Хорватия), 11 Трн'ане, 12 Прчево, 13 Чечан (Сербия), 14, 16 Радолишта (Македония), 15 Гомейница (Босния), 17 Михайловцы, 18 окрестности Бранчева (Сербия), 20 Майдан, 21 Вуковар (Хорватия), 22 Перстень Св. Стефана (Сербия) (1, 2 по – Jovanović, Vuksanović 1981, 3-17, 18-20 по – Jovanović 1988; по – Bikić 2010, 21 after – Demo 2009).

Fig. 8. Finger-rings. Different scale is used.

1, 2 Matichane (Serbia), 3 Svin'arevtsy (Croatia), 4-7, 19 Demir Kapija (Macedonia), 8, 10 Bigrinitsa (Serbia), 9 Biskupii (Croatia), 11 Trn'ane, 12 Prchevo, 13 Chechan (Serbia), 14, 16 Radolishta (Macedonia), 15 Gomeinita (Bosnia), 17 Mihailovtsy, 18 neighborhood of Branchev (Serbia), 20 Maidan, 21 Vukovar (Croatia), 22 Ring of St. Stephan (Serbia) (1, 2- after Jovanović, Vuksanović 1981, 3-17, 18-20 – after Jovanović 1988; 18 after – Bikić 2010, 21 after – Demo 2009).

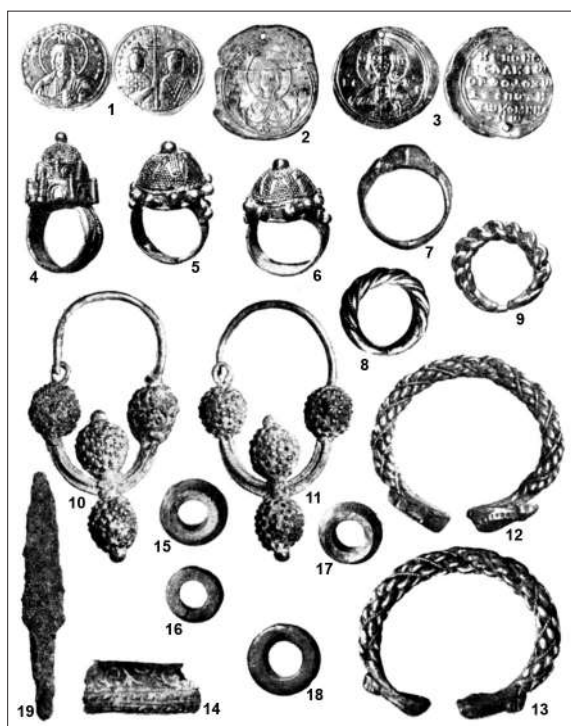

Рис. 9. Клад Диногетия (по – Dinogetia ...1967).

Fig. 9. Treasure Dinogetia (after – Dinogetia ... 1967).

разомкнутый, второй – застегивающийся) с гравированным орнаментом, а также низка из 127 пастовых бус (Jovanović, Vuksanović 1981, Y240) (рис. 5).

В женском захоронении 46 этого могильника было найдено два перстня с полусферическими щитками (один серебряный, второй – из оловянистого сплава), декорированными проволоочными розетками (Jovanović, Vuksanović 1981, Y245; Jovanović 1988, 264, сл. 6) (рис. 6). Промежуточная деталь «цилиндрик» в оформлении щитков отсутствует. Кроме того, было найдено пять более простых бронзовых перстней. Среди украшений, представленных в этом погребении, стоит также упомянуть пару серебряных серег близких к типу «Темпельгоф» с биконическими гладкими бусинами (декорированными рубчатой проволокой) и маленькими лунницами, заменяющими четвертую бусину, расположенную над дужкой. Было найдено также большое число бус (1494 мелких, расположенных в несколько рядов в шейной и грудной области (реконструируемая длинна ожерелья – около 3 метров) и 12 крупных). В той же зоне, что и бусы, располагались и листовидные подвески, служившие, как правило, для

декорировки ворота в costume носительниц культуры Бьело Брдо, а также гладкие тисненные пуговицы. Кроме того, были найдены массивный бронзовый браслет с отогнутыми концами и круглый ажурный поясной разделитель.

Еще более упрощенный вариант перстня с полусферическими щитками был найден в женском погребении №3 этого же могильника. Убор захороненной женщины состоит из низки мелких бус (43 экз.), двух бронзовых простых перстневидных колечек и трех бронзовых перстней. Один перстень без щитка, второй – с полусферическим щитком, декорированным проволоочными колечками и шариком зерни на вершине. Третий перстень посеребрен и отличается от рассмотренных выше образцов тем, что у него не пластинчатый, а витой обрuch. Декор щитка также состоит из проволоочных колечек и шарика (Jovanović, Vuksanović 1981, Y239; Bikić 2010, 110, sl. 83, 4).

Серебряный перстень из женского захоронения №41 декорирован изящным филигранным орнаментом в виде четырех валют. Один шарик зерни расположен на вершине щитка, по три – на обруче при переходе к щитку. Кроме того, в захоронении найдено два серебряных перстневидных кольца (или серьги), в шейной области собрано 498 мелких бусин, входивших в состав ожерелья (Jovanović, Vuksanović 1981, Y241).

Таким образом, материалы могильника Матичане-Брей содержат два основных варианта рассматриваемых перстней – со щитками дополненными «цилиндриками» и без них. Что касается ювелирного убора, в котором представлены подобные перстни, то необходимо отметить их совстречаемость с серьгами близкими к «типу Темпельгоф» и простыми перстневидными кольцами, а также ожерельями из мелких бусин. В других местонахождениях в Сербии представлены перстни полусферическими щитками (без цилиндриков), декорированными сканными арочками (Чечан, Бигреница), кругами (Прчево), розетками (Трньяне Старо гробље), треугольниками зерни (Бигреница) (Jovanović 1988, 265; Marjanovic-Vujović 1980; Vachkalov 1998, 372-371). В Великом Градиште был найден бронзовый литой перстень со щитком декорированным имитацией концентрических кругов, выложенных из

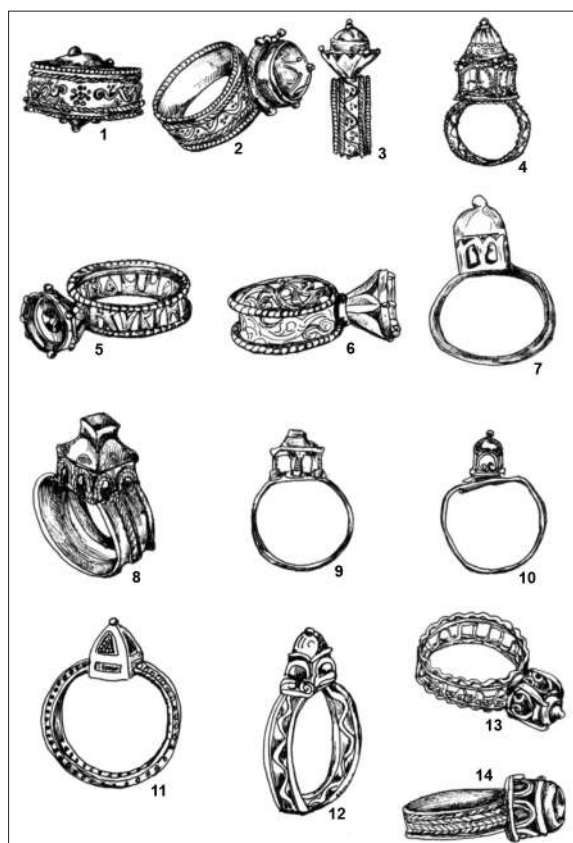

Рис. 10. Перстни. Масштабы разные.

1-3 Бяла (Болгария), 4 Иерусалим (Израиль), 5 Вашингтон (кол. Думбартон Оакс), 6 Ричманд (Вирджиния Музей) (США), 7 Афины (Национальный Археологический музей) (Греция), 8 Париж (Лувр) (Франция), 9 Париж (Музей средневековья) (Франция), 10, 12 Афины (Музей Бенаки) (Греция), 11 Рим (Италия), 13 «Византизм», 14 «эпоха Меровингов». (1-3 – по Iotov, Milchev 2013, 4, 10 – по Meshorer 1986, 5, 6 – по Yeroulanou 1999, 11, 12 – по Jovanoviĥ 1988, 7-9, 13, 14 – по Spier 2012).

Fig. 10. Finger-rings. Different scale is used.

1-3 Biala (Bulgaria), 4 Jerusalem (Israel), 5 Washington (col. Dumbarton Oaks), 6 Richmand (Virginia Museum) (USA), 7 Athens (National Archaeological Museum) (Greece), 8 Paris (Louvre), 9 Paris (Museum of the Middle Ages) (France), 10, 12 Athens (Benaki Museum) (Greece), 11 Rome (Italy), 13 „Byzantium”, 14 „Merovingian era.” (1-3 – after Iotov, Milchev 2013, 4, 10 – after Meshorer 1986, 5, 6 – after Yeroulanou 1999, 11, 12 – after Jovanoviĥ 1988, 7-9, 13, 14 – after Spier 2012).

рубчатой проволоки (Bikić 2010, 110, sl. 83, 1).

С Сербией связан и уникальный перстень-реликвия, происходящий из захоронения первого сербского короля Стефана Первовенчанного, скончавшегося 24 сентября 1227 года (Jovanoviĥ 1988, 264, sl. 1-3; Bikić 2010: 112, sl.

85). Тело короля Стефана, в монастыре Симеона, оказалось нетленным, он был причтен к лику святых, его чудотворные мощи хранятся в Студеницком монастыре. Первое сообщение о перстне, находящемся в кивоте с мощами, относится только к 1935 году. В 1951 году, когда заменяли раку начала семнадцатого века на новый серебряный киот, было отмечено, что «на груди Первовенчанного лежат завернутый в ткань старинный золотой перстень и маленькая богато украшенная ставротека (реликварий с частицами честного Креста Господня)» (Jovanoviĥ 1988, 258).

Перстень представляет собой достаточно крупное изделие: высота 2,8 см., диаметр кольца – 2 см. Четыре полусферы припаяны к дужке крестообразно (в настоящее время одна полусфера отсутствует) (на рис. 8,22 представлена реконструкция по: Jovanoviĥ 1988, sl. 3). Полусферы декорированы треугольниками зерни, завершающимися крестиками, У подножья полусфер расположены композиции из крупных шариков. Подставками для их размещения служат выступы «донышек» полусфер. Обруч декорирован сканными нитями, которые попарно создают эффект косички.

Как датировка украшения, так и происхождение мастера, изготовившего его, до сих пор остаются дискуссионными, так Марианна Чорович-Любинкович отнесла перстень к группе изделий IX–XII вв., демонстрирующих византийское влияние на славянское ювелирное дело (Corović-Ljubinković 1964, 35, Fig. 9). Бояна Радойкович первоначально также относит его к работе византийского ювелира и датирует концом XII или началом XIII вв. (Radojkoviĥ 1962, 25, sl. VI; Radojkoviĥ 1966, 21, sl. 17). Позже исследовательница обращается в поисках истоков происхождения этого украшения романскому ювелирному искусству, а дату сужает до начала XIII вв. (Radojkoviĥ 1969, 90-93). По мнению Войислава Йовановича, дата изготовления перстня определяется в широких пределах X–XI (начала XII) веков, место изготовления связано с южнославянским регионом (Jovanoviĥ 1988, 269). Весна Бикич считает, что вопрос о месте изготовления перстня требует дополнительного исследования, а время его выполнения не может быть позже первых десятилетий XII века (Bikić 2010, 112, 173, sl. 85).

В Хорватии два золотых перстня, декорированных филигранными аромками и шариками крупной зерни (на вершине полусферы и при переходе к кольцу), происходят из могильника Бискупия – Церковь под Книном (Jovanović 1988, 266, sl. 17; Petrinic 2009, 243, 507, Tab. 229; Petrinic 2010, fig. 14). Из некрополя IX–X вв. Майдан (неподалеку от Сплита) происходит бронзовый позолоченный перстень с низким щитком, декорированным тисненным розеткообразным узором и увенчанным небольшой вставочкой темного стекла (Jovanović 1988, 266, sl. 10). В погребении 15 могильника X–XI вв. Свиньяревцы подле Вуковара найден серебряный перстень с составным щитком. Цилиндрик декорирован крупными шариками, подобные шарики и на вершине щитка и на переходе к кольцу. Полусфера украшена треугольниками и полосами зерни, создающими крестовидную композицию, дужка декорирована сканью (Jovanović 1988, 266, сл. 20). К упомянутым у В. Йовановича (Jovanović 1988: 266) четырем находкам необходимо добавить еще несколько пунктов (Demo 2009, 522) (рис. 8). Сходные украшения найдены в Кашич – Мастерини (погр. 37), Станче – Горика (погр. 9), Звонимирово – Великополье (пор. 17) (Demo 2009, 522).

Серебряный перстень с простым щитком (без цилиндрика) был найден в погребении №1 могильника X–XI вв. Вуковар – Лиева Бара – крупнейшего некрополя культуры Бьело Брдо, изученного на территории Хорватии. Кроме того, из этого (предположительно женского) захоронения происходят гривна, витая из двух дротов с окончанием в крючок и петлю и два простых несомкнутых дротовых браслета. У перстня широкий обруч, украшенный по краям сдвоенными сканными нитями, создающими эффект косички, по центру косичка выложена из гладкой проволоки⁸. Декор полусферы также выполнен из сканной проволоки и сочетает элемент креста и цветочной розетки (Demo 2009, 32, tab. 43a, 3.2)⁹.

8. Необходимо отметить, что в материалах данного могильника зачастую встречаются простые перстни (без щитков) или со щитками с цветными вставками, обручи которых декорированными разными вариантами орнаментальных «косичек» (Demo 2009: 527, fig. 47).

9. Среди других украшений, представленных в материалах этого некрополя, необходимо отметить перстневидные кольца с S-видным завитком, серьги со спиралевид-

На территориях Боснии и Герцеговины было найдено два перстня с полусферическими щитками. В центральной Боснии в некрополе Михалевич – Варошиште (погр. 71) недалеко от Сараево был обнаружен серебряный перстень с простым щитком, декорированным розеткой, выложенной филигранной проволокой. Аналогичной проволокой украшен и обруч (Jovanović 1988, 266, сл. 8; Demo 2009, 522). Бронзовый позолоченный перстень был найден в погребении 154 некрополя Гомейница – Бальшине баре (у Прийдора) (Jovanović 1988, 267, sl. 14). Полусфера декорирована сканными колечками, сканью украшен и обруч. В Черногории серебряный перстень с филигранным декором был найден у Свачу под Улцинем (Jovanović 1988, 267). Из Далмации происходит перстень с проволочным валютообразным декором (Petrinic 2009, 582, tab. 304,7).

В Болгарии перстни с тисненными полусферическими щитками (без «цилиндриков») были найдены в Плиске, Средище, в крепости Ветрин и в могильнике Ловеч (Grigorov 2007, 63, obr. 69; Atanasov, Iordanov 1994, tab. V; Georgieva, Pesheva 1995, 545, obr. 40). Щиток перстня из Плиски декорирован зерновой композицией выложенной в виде треугольников и полос, расположенных крестовидно к центру. Аналогичное украшение известно, например, из Неготина в Македонии (Grigorov 2007, 33, 62, obr. 69, 10) (рис. 4, 11–13, 16, 17).

Наиболее близкие аналоги перстням с высокими щитками с цилиндриками и зерновой крестообразной композицией из Германарие (в Молдове) или Матичане (Сербия) и Свинаревцы (Хорватия) содержатся в кладе, найденном в 1954 г. при раскопках крепости Диногетия (Румыния) (Dinogetia... 1967: 277, 278, fig. 167; Jovanović 1979, 75, tabl. VI, 3,4) (рис. 4, 18, 19). В этом комплексе содержатся визан-

ными подвесками, литые и паяные гроздевидные серьги, ожерелья из бус (иногда с включением подвесок-бубенчиков), литые лунницы, проволочные витые браслеты (в том числе и с завязанными концами), дротовые браслеты с окончаниями в виде звериных головок, каплевидные подвески, крепящиеся к круглым накладкам, литые пуговицы. Среди уникальных находок можно упомянуть перстень из погребения девочки (№349), щиток которого переделан из бляшки-накладки (Demo 2009, 301, tab.). Среди металлических украшений перстни – наиболее часто встречаются категория изделий (Demo 2009, 437).

тийские монеты XI в. (младшая монета Исаака I Комнина (1057-1059)). Вещевую часть клада составляют три перстня с тисненными щитками и один цельнолитой, два перстневидных височных кольца (одно витое из нескольких дротов, другое – плетеное), пара серебряных позолоченных височных колец типа Темпельгоф и два витых серебряных браслетов с миндалевидными щитками, декорированными чернью. Кроме того, в составе клада найдены и предметы быта (ножик и подборка овручских пряслиц). Характерной чертой клада является сочетание в нем украшений моравско-чешского (височные кольца типа Темпельгоф) и древнерусского происхождения (браслеты со щитками, декорированными чернью) (рис. 9). Данные браслеты являются наиболее поздними вещами в этом кладе. Подобные изделия появляются в конце XI в. и широко бытуют уже в XII в. (Makarova 1986, 33-37). Именно эти украшения маркируют время выпадения клада.

В кладе из Диногетии представлены два серебряных перстня с тисненными щитками, декорированными по той же схеме, что и у перстня из Германарие. Щитки у этих перстней чуть более высокие, чем у аналогичного украшения из Молдовы, треугольники зерни увенчаны зерновыми крестиками. Композиция щитка по нижнему краю обрамлена нитью скани. Обручи этих перстней несколько более широкие, на них уместилось три ряда сканных косичек (рис. 4, 18, 19). Кроме того, в этом же кладе был найден уникальный золотой перстень, у которого полусферический щиток, усыпанный зернью, приподнят над обручем двумя рядами «стенок» украшенных проволочными «арочками» и «колонками», завершенными крупными шариками (Dinogetia ... 1967, 279, fig. 167, 4-6). Форма щитка напоминает архитектурное сооружение (рис. 4, 20). Кроме того, в крепости Диногетия было найдено несколько бронзовых колечек с полусферическими щитками декорированными полоской скани или проволочной розеткой, близких болгарским и македонским образцам (Dinogetia ... 1967, 279, fig. 170, 18, 21).

Перстень с полусферическим щитком был обнаружен в 1996 г в некрополе Дервент в окрестностях другой византийской крепости на Дунае –

Пэкуял луй Соаре (Diaconu, Damian 1997, 43-44; Dumitriu 2001, 104, taf. 14/12). Вместо полос зерни его щитке напаяны нити скани, разделяющие треугольники. В нижней части тисненная полусфера щитка обрамлена двумя рядами скани (рис. 4, 22).

Находят подобные украшения и на территории Баната и Трансильвании. Перстень со своеобразным щитком (с высоким цилиндром и низкой полусферой), декорированным крупной зернью установленной на проволочные колечки, и витой дужкой был найден в погребении четыре могильника Циклова Ромына (Ciclova Romana) (жудец Караш Северин) (Oța 2008, Pl 54, 33). Прекрасный перстень со щитком, покрытым плотными концентрическими кругами, выложенными из зерни и обрамленными при переходе к цилиндрику двумя полосами скани был обнаружен в погребении 17 могильника Изворул Императорудуй в Алба Юлии (Ciugudean 2006, 55, 109, cat. 124). Отличительной особенностью этого украшения является то, что цилиндр декорирован каймой из очень крупных серебряных шариков. Традиционные композиции из сходных шариков расположены и при переходе к дужке (рис. 4, 24). Интересно представленное в материалах этого некрополя сочетание украшений с зернью (перстень, серьга «волынского типа») и миниатюрного энколпиона византийско-дунайского типа (Gall 2013, tab. 80). Однако, материалы данного некрополя, по мнению исследователей, не принадлежат христианизированному населению, к христианским же на территории Трансильвании отнесены кладбища XI–XIII вв., многие из которых приурочены к храмам. В материалах этих некрополей не представлены интересующие нас перстни, практически отсутствуют и предметы личного христианского благочестия (Gall 2013a, 137-252)¹⁰.

Примером находки золотого украшения, выполненного, по всей видимости, византийским ювелиром, может служить роскошный золотой перстень из случайной находки в комитате Саболч (Венгрия) (Mésterhazy 1991, 145-177, abra. 7). Выпуклая часть щитка более уплощенная, чем обычно. Она декорирована крупной сканной розеткой дополнительно

10. Приношу глубокую благодарность сотруднику Института археологии «Василий Пырваан» в Бухаресте Ирвину Галл за консультации и помощь с литературой.

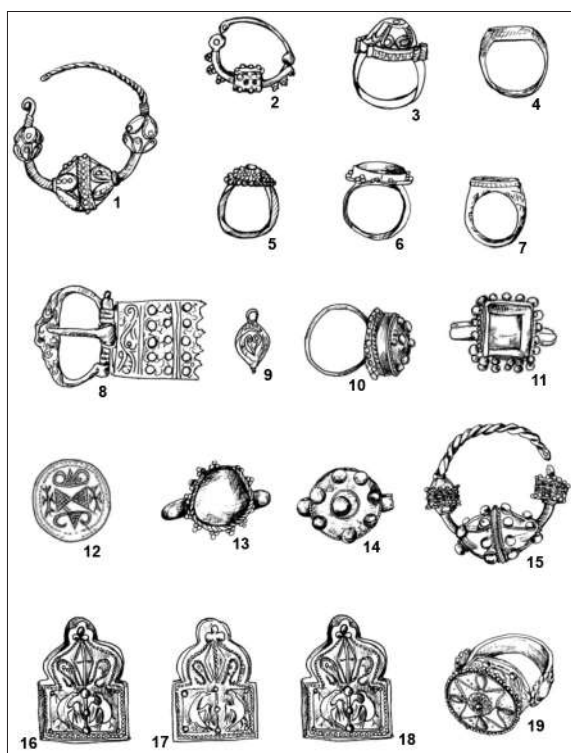

Рис. 11. Украшения. Масштабы разные.

1-9 клад Котул Морий Поприкань, клад 10-18 Маковиште (Румыния), 19 перстень XIX в. Сербия (1-9 по –Fedorov, Polevoi 1973, 10-18 – по Uzum 1983; 19 – по Teshih 2003).

Fig. 11. Jewellery decorations. Different scale is used.

1-9 Cotul Morii Popricani treasure, 10-18 the treasure of Macoviște (Romania), 19 ring of the XIX century. Serbia. (1-9 – after . Fedorov, Polevoi 1973, 10-18 – after Uzum 1983, 19 – after Teshih 2003).

украшенной зернью (рис. 4,23). К цилиндрику припаяна кайма из очень крупных шариков (пропорционально близки к шарикам на перстне из Алба Юлия). Пластинчатый обруч этого перстня декорирован сканным узором. По данным К. Местерхази с территории Венгрии происходит еще двенадцать находок перстней с полусферическими щитками, выделенных им в тип 16a (Mésterhazy 1991, 145-177, abra. 10).

Таким образом, в Центральной Европе и Балкано-Карпатском регионе известно довольно большое количество разнообразных перстней с полусферическими щитками, декорированными различными композициями, выложенными зернью, сканью, гладкой и бусиной проволокой. В декор щитка иногда дополнительно вводятся цветные вставки, крупные шарiki иногда не только напаиваются на

сам щиток, но и установлены на дополнительные «пьедесталы» из скрученной проволоки (как на золотом перстне из Диногееции). Рассматриваемые перстни с найдены в Чехии, Моравии, Словакии, Словении, Сербии, Косово, Воеводине, Хорватии, Черногории, Албании, Македонии, Болгарии, Румынии, Венгрии – то есть практически повсеместно в Центральной и Юго-Восточной Европе. Их распространение связано популярностью определенной группы изделий византийского культурного круга, наиболее ранние свидетельства этого убора отмечаются в Моравии и Далмации еще в IX в. (Dostal 1966, 35-37; Čremošnik 1951, 266-268; Bikić 2010, 147).

После падения Великоморавской державы данный стиль украшений, изготовленных с обильным применением техник тиснения, зерни и скани, сохраняется в древностях Чехии, а также в памятниках Балкано-Карпатского региона. Скопление находок перстней с полусферическими щитками на территории югославянских республик может свидетельствовать как о популярности здесь этого типа украшений, так и наличии мастеров, изготовлявших их. Специфический набор украшений декорированных зернью («гроздевидные» серьги, перстни с полусферическими щитками) был характерен для древностей культуры Бьело Брдо. Данное многонациональное образование, представлено в Венгрии, южной и юго-западной Словакии, западной Румынии, северной и северо-западной Сербии (Воеводина и Сийем), северной и северо-западной Боснии, северо-восточной Словении, северной Хорватии (регион между Сурой, Савой, Дравой и Дунаем), восточной и юго-восточной Австрии. Время его существования охватывает период со второй половины, второй трети X – до последней четверти XI века, а в отдельных местах до начала XII века (Balint 1979, 97-143; Demo 2009).

Для комплекса ювелирных украшений, представленных в памятниках, относимых к этой культуре, характерно сочетание вещей выполненных в византийской, «поствеликоморавкой», славянской и венгерской традициях. При этом ни «гроздевидные» серьги (в том числе «волинские», встречаемые в этих памятниках), ни перстни с полусферическими щитками¹¹, ни лунницы, ни серьги с

11. К. Местерхази приводит данные о находках около

S-видными завершениями, на наш взгляд, нельзя считать специфичными именно для этой культурной общности¹². Подобные изделия встречаются и в других регионах. Другое дело – типичные только для этой культуры украшения, например, накладки с каплевидными подвесками, разнообразные браслеты (витые, дровые, звериноголовые, пластинчатые) (Vana 1954, 50-95; Mésterhazy 1991, 145-177). Однако именно сочетание изделий, имеющих различные культурные истоки, характерно для набора ювелирных украшений, встречающихся в памятниках Бьело Брдо. Вопросы хронологии и выделения специфики региональных групп памятников, распространенных на столь широкой территории стоят на повестке дня работы исследователей¹³ (Mikecz 2009, 54, 77-70).

Разнообразие вариантов перстней с «полусферическими» щитками

Рассмотрение обширной подборки украшений этого типа позволяет составить схему их описания, а также выделить варианты, распространение которых оказывается характерно для определенных регионов в рамках очерченной обширной территории. При этом необходимо оговориться, что название «полусферический» щиток достаточно условно, так как щитки могут быть и достаточно высокими и низкими и не совсем вписываться в данные геометрические рамки.

По технике изготовления перстни делятся на составные и литые.

Составные паяные варианты содержат два основных элемента – щиток и обруч (кольцо).

Обруч может быть пластинчатый, дровый округлый или витой из нескольких проволок.

Форма пластинчатого обруча может быть близкой к круглой или подквадратной.

двух десятков подобные перстней, сконцентрированных в основном в Верхнем Подунавье, междуречье Дуная и Дравы, а также в бассейне Тисы (Mésterhazy 1991, ab. 10).
12. Хотя они и выделяются в качестве типичных для региона, в котором представлены археологические памятники этой культуры (см. например, Mikecz 2009, 32-40. там же и литература).

13. Приношу глубокую благодарность сотруднику Музея истории Румынии С. Оца за консультации и беседы по поводу этого круга древностей, а также помощь с литературой.

Щиток может содержать от одного элемента – «полусферы», до трех – «полусфера», «цилиндр» и «донышко».

Уникальной находкой является перстень из клада Диногечия с двухъярусным цилиндром.

С этим же изделием связано и обрамление щитка своеобразными «колоннами».

Как правило, щиток один, но известен ряд изделий с несколькими щитками, в том числе, составляющими крестообразную композицию.

В декоре щитков используется зернь мелкого размера, или более крупная, в ряде случаев установленная на проволочные колечки, а также достаточно крупные литые шарики. Преобладают два варианта зернового декора. Зернью или выкладываются плотные концентрические круги на щитке, или же создаются крестообразные композиции, дополненные треугольниками, иногда с миниатюрными крестиками на вершине. Кроме того используется гладкая, рубчатая или сканная проволока. Создаются орнаменты в виде кружков, арок, розеток. На вершине щитка, как правило, напаявается небольшой металлический шарик. Изредка встречаются и цветные вставки, укрепленные в специальные карсты.

Цилиндр декорируют литыми шариками различного размера, изредка в сочетании с зернью. Вариант с тиснеными полусферами на цилиндре встречен пока один раз в Ильменском Поозерье.

Возможные прототипы. Датировка основного типа. Наиболее поздние образцы, встречающиеся после выхода из употребления основного типа

Идея о поисках прототипов для рассматриваемых перстней среди украшений VI–VII вв. уже высказывалась в литературе (Jovanović 1988, 258-261; Bikić 2010, 111). Подобными прототипами, возможно, являются изделия, имеющие византийские истоки, но весьма популярные и в западном мире в меровингскую эпоху. В декоре щитка этих перстней просматривается изображение архитектурного элемента типа храма, ротонды¹⁴.

14. Приношу глубокую благодарность сотруднику Археологического музея в Варне Валери Йотову, обратившему мое внимание на эту группу древностей.

Подобные украшения хранятся в музеях Парижа, Рима, Афин, Торонто, а также в ряде частных коллекций (Jovanović 1988, 258; Meshorer 1986, 48; Spier 2012, 158-164) (рис. 10). Их щитки объединяет мотивы купола, иногда украшенного драгоценным камнем и нижней части, выполненной в виде аркады. Одной из интерпретаций семантики подобных украшений является предположение, что они являются схематическим изображением ротонды над Гробом Господним. Причем один из подобных перстней был обнаружен в 1974 при исследованиях на Храмовой Горе, другие же европейские находки, предположительно, могли являться реликвиями, напоминающими о посещениях Иерусалима (Meshorer 1986, 46-48) (рис. 10,4). Впрочем, постройки типа ротонды были весьма характерны и для западноевропейского мира – стоит вспомнить знаменитую гробницу Теодориха или Ахенскую капеллу Карла Великого.

Перстень с Храмовой горы состоит из пластинчатого обруча, декорированного по краям бусиной проволокой, а в центре – проволоочной волной. Щиток украшения выполнен из двух частей – верхнего колпочка-купола и нижнего квадратного ажурного базиса. Базис декорирован бусиной проволокой, его боковые части напоминают колонны, в их промежутках выложены проволоочные «лилии».

Хороший археологический контекст имеет золотой перстень, найденный недавно при исследовании раннехристианского комплекса V – начала VII века на мысу Св. Атанаса (на окраине г. Бяла в Болгарии), где был исследован базиликальный храм с несколькими крещальнями (Iotov, Milchev 2013, 73, рис. 19). Перстень был обнаружен в постройке, атрибутированный как «жилище епископа» совместно с целым рядом монет V – начала VII века (среди них золотая монета императора Фоки (602-610)). Перстень состоит из пластинчатого кольца-обруча декорированного по краю бордюром из двух рядов скани, создающих эффект косички, а в центре – проволоочно-зерновым декором, напоминающий побеги винограда (рис. 10,1). Подобный декор с растительными элементами, а также розетка, на которую установлен щиток, составленный из цилиндрика и полусферы, характерны для произведений византийского ювелирного искусства (Yeroulanou 1999, 258-260; Spier 2012, 148-152) (рис. 10,5,6).

К сожалению, пока мы не можем проследить цепочку развития рассматриваемых украшений от VI–VII к IX–XI вв., да, скорее всего, и не было непрерывного развития. Интересующие нас перстни, появляются, по всей видимости, вместе с целой группой украшений византийского культурного круга, наиболее ранние находки, которых представлены в Моравии и Далмации (Dostal 1966, 35-37; Čremošnik 1951, 266-268; Bikić 2010, 147). Датировка моравских образцов, как правило, ограничивается концом IX – началом X в. (Dostal 1966, 58; Profantová, Kavánová 2003, 334). Находки в балканском регионе в целом датируют в пределах X–XII в. Однако в вопросах границ периода бытования мнения исследователей несколько расходятся. Так Войислав Йованович датирует рассматриваемые персти в основном X–XII в. (Jovanović 1979, 71), Майя Петринек – концом IX – началом XII века (Petrinec 2009: 244, 596). Весна Бикич предлагает свою датировку находок с территории Сербии – конец X–XII в. (Bikić 2010, 111). Болгарские находки датируются традиционно в пределах X–XII в. (Grigorov 2007, 63).

Судя по рассмотренным выше материалам, можно с уверенностью говорить, что время наибольшей популярности этих изделий во всех регионах (за исключением Моравии) приходится на X–XI вв. Что касается XII в., то в это время, рассматриваемые перстни еще распространены в Карпато-Балканском регионе, а в Восточной Европе практически выходят из употребления. Исключение составляют, по всей видимости, украшения, приуроченные к ювелирным центрам Волжской Булгарии, а также «запаздывающие» образцы Шалаховского клада. Причем, они и отличаются от типичных древнерусских образцов отсутствием «цилиндрика» в составе щитка. В Шалаховском кладе проявляются и такие черты декора как проволоочная розетка или цветные вставки, не типичные для Восточной Европы, но встречаемые в других регионах распространения сходных вещей.

Необходимо отметить, что для Восточной Европы характерны в основном перстни с цилиндриками и орнаментом в виде концентрических полос зерни. Из Моравии и Болгарии украшения известны цилиндриков.

Моравские образцы характеризуются и зачастую встречающимися цветными вставками. В остальных регионах распространения рассматриваемых перстней встречаются как образцы с цилиндриками, так и без. Связь этих украшений с «архитектурными» перстнями VI–VII вв. наиболее ощутимо просматривается на украшениях из Диногении, дополнительно обрамленном «колоннами». Подавляющее большинство рассматриваемых перстней представлено в женских и детских захоронениях. Находки в мужских погребениях единичны, но к ним относится и перстень Стефана Первовенчанного. Возможно, данные украшения имеют отношение к культу христианских, в том числе, паломнических реликвий. Находки подобных украшений совместно или неподалеку от предметов христианского благочестия могут происходить как из контекстов христианских некрополей, так и в целом языческих, но из захоронений неопитов, демонстрирующих наличие креста или крестовидной накладки свой религиозный, а подчас и социальный статус.

Характеризуя комплексы, в которых находят подобные перстни необходимо подчеркнуть, встречаемость их с другими украшениями с зернью, такими как, например, кольца «типа Темпельгоф» или серьги «волинского

типа». Кроме того, как многие погребения, так и клады содержат набор вещей, характеризующие и полиэтничную дружинную культуру. В обиходе этих людей встречаются предметы личного христианского благочестия, зачастую провинциально византийского круга, украшения славянского и византийского происхождения. В памятниках культуры Бьело-Брдо подобные наборы дополняются вещами характерными для венгерского костюма. Но элементы венгерской традиции, иногда в качестве отголосков, представлены и в некоторых рассмотренных нами памятниках Древней Руси (Киев, Плеснецк). Кроме того, в древнерусском обиходе подобные украшения, безусловно, встречались и с предметами североевропейского круга. Если в Восточной Европе эти украшения не дали поздних дереватных форм, то в Юго-Восточной Европе встречаются и более поздние образцы XIII–XIV вв., несколько отличающиеся от первоначальных образцов (клады Котул Мори Поприкань и Маковиште в Румынии), кроме того, в этнографическом уборе Болгарии и Сербии встречаются крупные перстни с высокими цилиндриками и пониженными щитками, возможно, также восходящие к первоначальному типу (Neamțu 1961, 283-293; Uzum 1983, 509-523; Teshiћ 2003) (рис. 11).

Литература

- Atanasov, I. Iordanov 1994:** G. Atanasov, I. Iordanov, Srednovekovniiat Vetren na the Dunav (Shumen 1994) // Г. Атанасов, И. Йорданов, Средновековният Ветрен на Дунав (Шумен 1994).
- Balint 1979:** Ch. Balint, Vengry i t.n. Belobrodskaaia kultura. Acta arhaeologica Carpatica. T. XIX, 97-143 // Ч. Балинт, Венгры и т.н. Белобродская культура. Acta arhaeologica Carpatica. T. XIX, 97-143.
- Bachkalov 1998:** A. Bachkalov, Rani credni vek. In: Arkheoloshko blago Kosova I Metokhije od neolita do ranog sredneg veka (Beograd 1988), bez stranits // А. Бачкалов, Рани средњи век. В: Археолошко благо Косова и Метохије од неолита до раног средњег века (Београд 1988), без страниц.
- Belavin 2000:** A.M. Belavin, Kamskii put'. Srednevekovoe Predural'e v ego ekonomicheskikh sviaziah. (Perm' 2000) // А.М. Белавин, Камский путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях (Пермь 2000).
- Bikić 2010:** V. Bikić, Vizantijski nakit Srbiji: modeli i nasleđe (Beograd 2010).
- Chernenko 1999:** O.E. Chernenko, Gushinskii skarb X stoletia. Muzeini chitannia (Kiiv 1999), 79-82 // О.Е. Черненко, Гушинский скарб X столетия. Музейні читання (Київ 1999), 79-82.
- Ciugudean 2006:** H. Ciugudean, Habitat, religie, etnitate: descoperiri arheologice din secolele IX–XI în Transilvania: catalog de expoziție (Alba-Iulia: 2006).
- Corović-Ljubinković 1964:** M. Corović-Ljubinković, Les influences de l'orfèvrerie byzantine sur la parure de luxe slave du IXe au XIIe siècles'. Actes du XIIe Congrès International d'Etudes Byzantines

(Ochrid 10–16 sept. 1961). vol. III (Belgrade 1964), 35–39.

Čremošnik 1951: I. Čremošnik, Nalazi nakita u srednjekovnoj zbirci Zemaljskog muzeja u Sarajevu. Glasnik zemaljskog muzeja u Sarajevu. Nova serija. T. VI (Sarajevo 1951), 241–270.

Demo 2009: Ž. Demo, An Early medieval Cemetery of the Bijelo Brdo Culture: Vukovar – Lijeva Bara (10th – 11th centuries) (Zagreb 2009).

Dekan 1979: J. Dekan, Wielkie Morawy. Epoka I sztuka (Bratysława-Wrocław 1979).

Diaconu, Damian 1997: P. Diaconu, O. Damian, Păcuiul lui Soare-Dervent, jud. Constanța. Cronica Cercetărilor Arheologice. Campania 1996 (București 1997).

Dinogetia ...1967: Dinogetia, Așezarea feudală timpurie de la Biserița-Garvăn T.I (București 1967).

Dostál 1966: B. Dostál, Slovanská Pohřebiště ze střední doby hradištní na Moravě (Praha 1966).

Dumitriu 2001: L. Dumitriu, Der mittelalterlich Schmuck des unteren Donaugebietes im 11–15. Jahrhundert (București 2001).

Eisner 1955: J. Eisner, Pocatky ceskeho sperku PA. T. 46, 215–226.

Fedorov, Polevoi 1973: G.B. Fedorov, L.L. Polevoi, Arkheologia Rumynii (Moskva 1973) // Г.Б. Федоров, Л.Л. Полевой, Археология Румынии (Москва 1973).

Fehner 1968: M.V. Fehner, Krestovidnye priveski „skandinavskogo tipa” In: (E.I. Krupnov otv. red.) Slaviane i Rus’ (Moskva 1968), 215–223 // М.В. Фехнер, Крестовидные привески «скандинавского типа» В сб. (Е.И. Крупнов отв. ред.) Славяне и Русь (Москва 1968), 215–223.

Forum violity 2014: Forum violity <http://forum.violity.com/viewtopic.php?t=1159448> 15. 05. 2014.

Gall 2013: E. Gall, Az Erdélyi-medence, a Partium és a Bánság 10–11. századi temetői I–II. Bde. I–II. Untertitel: 10th and 11th Century Burial Sites, Stray Finds and Treasures in the Transylvanian Basin, the Partium and the Banat. Vls. I–II. Szeged (Budapest 2013).

Gatev 1977: P. Gatev, Nakiti ot pogrebeniia ot XI–XII v. Arheologia XIX, 1 (Sofia 1977) // П. Гатев, Накити от погребения от XI–XII в. Археология XIX, 1 (София 1977), 30–46.

Georgieva, Pesheva 1995: S. Georgieva, P. Pesheva, Srednovekovn B’lgarsko nekropol kraj gr. Lovech i nakite, namerenii v nego. Izvestiia na Arkheologicheski institut XX, 511–554 // С. Георгиева, Р. Пешева, Средновековен Български некропол край гр. Ловеч и наките, намерения в него. Известия на Археологически институт XX, 511–554.

Grigorov 2007: V. Grigorov, Metalni nakiti ot srednovekovna B’lgariia (VII–IX). Dissertatsii tom I (Sofia 2007) // В. Григоров, Метални накити от средновековна България (VII–IX). Диссертации том I (София 2007).

Herrman 1986: I. Herman, slaviane i normanny v rannei istorii baltiiskogo regiona. In: (E. A. Melnikova red.) Slaveane i skandinav (Moskva 1986) // Й. Херрман, Славяне и норманны в ранней истории балтийского региона. В сб.: (Е.А. Мельникова ред.) Славяне и скандинавы (Москва 1986), 8–122.

Holčík 1991: S. Holčík, Vel’komoravské pohrebisko v Bíni. Zborník Slovenského národného muzea. LXXV (Bratislava 1991), 82–105.

Hruby 1955: V. Hruby. Staré Mesto (Praha 1955).

Ivakin 2005: G. J. Ivakin, Pogrebeniia X – pervoi poloviny XI v. iz raskopok Mihailovskogo Zlatoverhogo monastyrea (1997–1999) In: (L.A. Bel’aeu, A.A. Medintseva recenz.) Rus’ v IX–XIV vekah: vzaimod-eistviia Severa i Iuga (Moskva 2005), 287–303 // Г. Ю. Ивакин. Погребения X – первой половины XI в. из раскопок Михайловского Златоверхого монастыря (1997–1999 гг.) В сб.: (Л.А. Беляев, А. А. Медынцева реценз.) Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга (Москва 2005), 287–303.

Iotov, Milchev 2013: V. Iotov, A. Milchev, Sakral’nyi tsentr na myse Sv. Atanas v Znanom Prichernom’e. Stratum plus 6, 59–78 // В. Йотов, А. Минчев, Сакральный центр на мысе Св. Атанаса в Западном Причерноморье. Stratum plus. 6, 59–78.

Jovanović 1977: V. Jovanović, Über den frühmittelalterlichen Schmuck von Čečan auf Kosovo. Balcanoslavica 5, Прилеп, 128–145.

Jovanović 1979: V. Jovanović, Prilog proučavanju srednovekovnog persteňa u Sr Srbiji i Sr Makedoniji. In: Nova istorijska i arkheoloshka istraživanja srednovekovnog Beograda i Spbiju. Gadishnik grada Beograda kn. XXV – 1978 (Beograd 1979), 67–85 // В. Јовановић, Прилог проучавању средњовековног

- прстења у СР Србији и СР Македонији. В: Нова историјска и археолошка истраживања средњовековног Београда и Србије. Годишник града Београда кн. XXV – 1978 (Београд 1979), 67–85.
- Jovanović 1988:** V. Jovanović, Prilog proučavanju prstena Stefana Prvovenčanog In: (V. Korah red.) Studenitsa I vizantijska umetnost oko 1200. godine. Međunarodni nauchni skup povodom 800 godina manastira Studenitsa i stogodinišnjitse sanu (Beograd 1988), 257–270 // В. Јовановић, Прилог проучавању прстена Стефана Првовенчаног. In: (В. Кораћ ред.) Студеница и византијска уметност око 1200. године. Међународни научни скуп поводом 800 година манастира Студенице и стогодњишњице сану (Beograd 1988), 257–270.
- Јовановић, Vuksanović 1981:** V. Јовановић, Lj. Vuksanović, Maticane, necropole sud-slave de Xe et XIe siècle. Inventaria Archaeologica fasc. 25 (Beograd-Priština 1981).
- Kalousek 1971:** F. Kalousek, Břevclav-Pohansko. Velkomoravske pohřebiště u kostela (Brno 1971).
- Korošec 1950:** J. Korošec, Staroslovasko grobišče na Ptujском Gradu (Ljubana 1950).
- Korzukhina 1954:** G.F. Korzukhina, Russkie klady IX–XIII vv. (Moskva-Leningrad 1954) // Г.Ф. Корзухина, Русские клады IX–XIII вв. (Москва-Ленинград 1954).
- Lesman, Riabtseva 2013:** J.M. Lesman, S.S. Riabtseva, O mnogobusinykh kol'tsakh, evropeiskoi mode i etnograficheskom ubore. Stratum plus nr. 5, 309–336 // Ю.М. Лесман, С.С. Рябцева, О многобусинных кольцах, европейской моде и этнографическом уборе. Stratum plus nr. 5, 309–336.
- Linka-Geppener 1948:** N. Linka-Geppener, Kопийський скарб. Arheologia T.2 (Київ 1948), 182–190 // Н. Лінка-Геппенер 1948. Копийський скарб. Археологія. Т. 2. (Київ. 1948), 182–190.
- Liwoch 2007:** R. Liwoch, Wielkie kurhany latopisnego Pleśniska. In: Materiali I doslijdeniia z arxeologii Prikarpatiia i Volini 11 (L'viv 2007), 367–378 // R. Liwoch, Wielkie kurhany latopisnego Pleśniska In: Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. 11 (Львів 2007), 367–378.
- Liwoch 2010:** R. Liwoch, Bol'shie kurgany letopisnego Plisnecka In: (A.A. Peskova, O.A. Scheglova, A.A. Musin otv. red.) Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki (Sankt-Peterburg 2010), 486–492 // Р. Ливох, Большие курганы летописного Плеснеца. В сб.: (А.А. Пескова, О.А. Щеглова, А.А. Мусин ред. сост.) Славяно-русское ювелирное дело и его истоки (Санкт-Петербург), 486–492.
- Marjanovic-Vujovic 1980:** G. Marjanovic-Vujovic, Necropole medievale Trnjane (Beograd 1980).
- Meshorer 1986:** Y. Meshorer Y. Ancient Gold Ring Depicts the Holy Sepulchre. BAR 12 (3), 46–48.
- Mésterhazy 1991:** K. Mésterhazy, Bizanceis Balcani credetu targyak a 10–11 szazdi magyar serleleken. Folia Archaeologica XXII, 145–177.
- Mikecz 2009:** J. Mikecz, The place that lies between: Slavonia in the 10th and 11th centuries (Budapest 2009).
- Makarova 1986:** Chervoe delo Drevnei Rusi (Moskva 1986) // Т.И. Макарова, Черное дело Древней Руси (Москва 1986).
- Maneva 1992:** E Maneva, Srednevekoven nakit od Makedonija (Skopje 1992) // Е. Манева, Средневековен накит од Македонија (Скопје 1992).
- Maiarchak 2006:** S. Maiarchak, Arheologichni pam'iatki IX–XIII st. Livoberezhzhia Seredn'ogo Podnistrov'ia (Kam'eanets'-Podil'skii 2006) // С. Майрчак, Археологічні пам'ятки IX–XIII ст. Лівобережжя Середнього Подністров'я (Кам'янець-Подільський. 2006).
- Neamțu 1961:** E. Neamțu, Obiectele de podoabă din tezaurul medieval de la Cotul Morii, Popricani (Iași). ArhMold 1, 283–293.
- Oța 2008:** S. Oța, Orizonturi funerare din Banatul Istoric (secolele X–XIV) (Alba-Iulia 2008).
- Petko, Nestorovic, Zizek 2012:** V. Petko, A. Nestorovic, I. Zizek, Ex oriente lux (Ptuj 2012).
- Petrinec 2009:** M. Petrinec, Groblja od 8. do 11. stolecja na području ranosrednjovjekovne Hrvatske države (Split 2009).
- Petrinec 2010:** M. Petrinec, Metal objects of byzantine Origin in Medieval Graves from Croatia. In: Grotowski P., Skrzyniars S. (eds.) Towards Rewriting? New Approaches to Byzantine Archaeology and Art. Series Byzantina. Studies on Byzantine and Post-Byzantine Art. Vol. VIII (Warsaw 2010), 197–212.
- Profantová, Kavánová 2003:** N. Profantová, B. Kavánová, Mikulčice. Pohřebiště u 6. a 12. kostela (Brno 2003).
- Pushkina 1996:** T.A. Pushkina, Novyi Gnezdovskii klad. In: Drevneiishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 1994 (Moskva 1996), 171–186 // Т.А. Пушкина, Новый Гнездовский клад. В сб.: Древнейшие

государства Восточной Европы. 1994 (Москва 1996), 171–186.

Rabinovici, Riabtseva, Telnov 2010: R.A. Rabinovici, S.S. Riabtseva, N.P. Telnov, Itogi raskopok gorodishcha Germanarie v svete issledovaniia kultury kolcevzh gorodishch v Moldove: In: E.N. Nosov, S.V. Beletskii otv. red.) Kraeugol'nyi kamen'. Arheologia, istoria, iskusstvo, kultura Rossii i sopredel'nyh stran. T. 2 (Moskva 2010), 200–214 // P.A. Рабинович, С.С. Рябцева, Н.П. Тельнов, Итоги раскопок городища Германарие в свете исследования культуры кольцевых городищ в Молдове. В сб. (Е.Н. Носов, С.В. Белецкий отв. ред.) Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 2 (Москва 2010), 200–214.

Riabtseva 1995: S.S. Riabtseva, Ob odnom klade drevnerusskikh iuvelirnzkh ukrashenii. In: Konferentsia, posveashchennaia pamiati T.M. Sokolovoi. Tezisy dokladov (Sankt-Peterburg 1995), 10 // С.С. Рябцева. Об одном кладе древнерусских ювелирных украшений. В сб: Конференция, посвященная памяти Т.М. Соколовой. Тезисы докладов (Санкт-Петербург 1995), 10.

Riabtseva 2005: S.S. Riabtseva, Drevnerusskii iuvelirnyi ubor. Osnovnye tendentsii formirovaniia (Sankt-Peterburg 2005) // С.С. Рябцева, Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования (Санкт-Петербург 2005).

Радожковић 1962: Б. Радожковић, Старо српско златарство (Београд 1962).

Радожковић 1966: Б. Радожковић, Српско златарство златарство XVI–XVII века. (Нови Сад 1966).

Радожковић 1969: Б. Радожковић, Накит код Срба (Београд 1969).

Spier 2010: J. Spier, Some unconventional Early Byzantine Rings. In: (C. Entwistle and N. Adams, eds.) „Intelligible Beauty”: Recent Research on Byzantine Jewellery (London 2010), 13–19

Spier 2012: J. Spier, Byzantium an the West: Jewelry in the First Millennium (London 2012).

Spitsin 1905: A.A. Spitsin, Vladimirske kurgany. IAK Vip 15 (Sankt-Peterburg 1905), 84–172 // А.А. Спицын, Владимирские курганы. ИАК Вып. 15 (Санкт-Петербург 1905), 84–172.

Šolle 1959: M. Šolle, Knjižeci pohrebište na Staré Kuuřimi. PA 50, 353–506.

Teshiћ 2003: J. Teshiћ, Nevestinski nakit kod Srba u XIX veku i prvoj polovini XX veka iz zbirke Etnoigrafskoj muzeja u Beogradu. Septambar, 2003 (Beograd 2003) // J. Тешић, Невестински нажит код Срба у XIX веку и првој половини XX века из збирке Етноіграфској музеја у Београду. Септамбар, 2003. (Београд. 2003).

Toropov 2009: S.V. Toropov, Klady epokhi vikingov i sluchainye nahodki skandinavskih predmetov na territorii Novgorodskoi zemli: topodrafia i sostav. In: Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia „Na Zapad i na Vostok: mezhetnicheskie kontakty v epohu stanovleniia Novgorodskoi Rusi: Kultura. Pamiat'. Identichnosti”. Sankt-Peterburg – Velikii Novgorod, Rossia, 21–24 iulia 2009 (Sankt-Peterburg 2009), 58–59 // С.В. Торопов, Клады эпохи викингов и случайные находки скандинавских предметов на территории Новгородской земли: топография и состав. Международная научная конференция «На Запад и на Восток: межэтнические контакты в эпоху становления Новгородской Руси: Культура. Память. Идентичность». Санкт-Петербург – Великий Новгород, Россия, 21–24 июля 2009 (Санкт-Петербург 2009), 58–59.

Uzum 1983: I. Uzum, Un tezaur de podoabe medievale descoperit la Macoviște (comuna Ciuchici, jud. Caraș-Severin), ActaMN 20/83, 509–523.

Vana 1954: Z. Vana, Maďari a Slované ve světle archeologických nálezů X–XI století. Slovenská archeologia 2, 50–95.

Yeroulanou 1999: A. Yeroulanou, Diatrita. Gold pierced-work jewellery from the 3th to the 7th century (Athens: 1999).

Ziemięcki 1883: T. Ziemięcki, Sprawozdanie z wycieczki archeologicznej do Podhorzec w r. 1882 dokonanej przaz T. Ziemięckiego. Zbiór wiadomości do Antropologii Krajowej. T. VII, 1883, 43–89.

Zhilina 2010: N.V. Zhilina. Zern' i skan' Drevnei Rusi (Moskva 2010) // Н.В. Жилина, Зернь и скань Древней Руси (Москва 2010).

Рябцева Светлана Станиславовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института культурного наследия АН Молдовы, e-mail: sveta_eating@mail.ru

Silviu Oța

Podoabe de tradiție bizantină descoperite în așezările rurale și târguri de la nordul Dunării (secolele XI-XIV)

Keywords: settlements, earrings, bracelets, rings, Byzantium, Balkans.

Cuvinte cheie: așezări, cercei, brățări, inele, Bizanț, Balcani.

Ключевые слова: поселения, серьги, браслеты, кольца, Византия, Балканы.

Silviu Oța

Byzantine tradition adornments found in rural settlements and fairs from North of the Danube (11th-14th century)

Unlike the study of cemeteries dated back to 11th-14th centuries, the results of the archaeological surveys carried out in settlements remain in many cases unpublished or presented only in brief excavation reports. This study aims to build a typology and a catalogue of Byzantine adornments and Byzantine tradition jewellery found in rural settlements. The comparison of area of distribution of Balkan adornments found in settlements to those discovered in necropolises also was a target of this study. The complete study of the Byzantine and Balkan influence over the material culture from the North Danubian area is possible only when the imported from the South Danubian lands pottery and its local imitations will be involved in the analysis.

Silviu Oța

Podoabe de tradiție bizantină descoperite în așezările rurale și târguri de la nordul Dunării (secolele XI-XIV)

Spre deosebire de studiul necropolelor, dateate în secolele XI-XIV, rezultatele cercetărilor așezărilor sunt în multe cazuri nepublicate sau prezentate în rapoarte sumare de săpătură. Prezentul studiu, își propune să carteze așezările rurale din care s-au recuperat podoabe bizantine sau de tradiție bizantină și care sunt acestea. De asemenea un alt obiectiv a fost acela de a compara aria de răspândire a acestor podoabe balcanice cu cele descoperite în necropole. O imagine mult mai amplă asupra influențelor bizantine asupra culturii materiale de la nordul Dunării s-ar putea oferi în momentul în care se va avea în vedere ceramica de import din mediul balcanic, eventual imitații ale ei realizate la nordul Fluviului.

Сильвиу Оца

Украшения византийской традиции из поселений и торгов на севере Дуная (XI-XIV вв.)

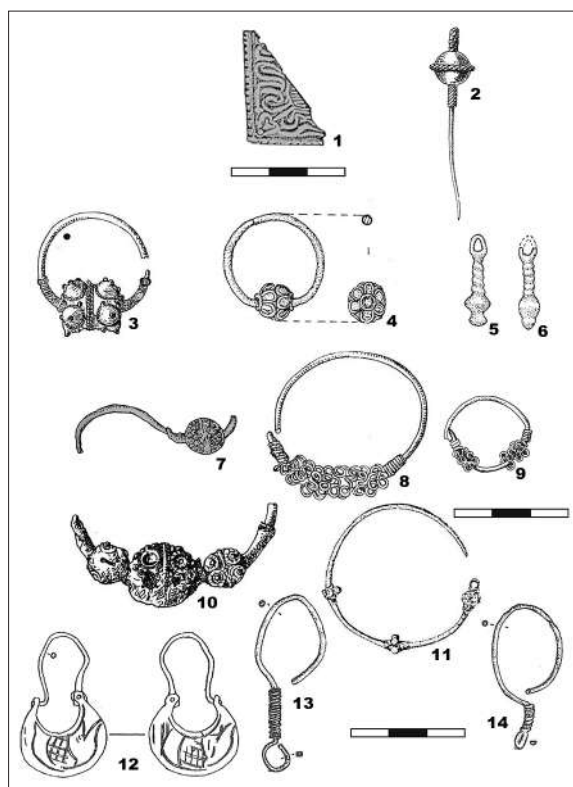
В отличие от исследования некрополей, датированных XI-XIV вв., результаты раскопок поселений во многих случаях не опубликованы или представлены лишь в кратких археологических отчетах. В настоящем исследовании автор картографировал поселения, в которых обнаружены византийские или исполненные по византийской традиции украшения, и приводит перечень находок. Другой задачей было сравнение ареала этих балканских украшений с теми, которые происходят из некрополей. Наиболее комплексную картину византийских влияний на материальную культуру к северу от Дуная предоставила бы импортная керамика из балканской среды, или ее имитация, изготовленная в местном северо-дунайском регионе.

Spre deosebire de studiul necropolelor dateate în secolele XI-XIV, cercetarea așezărilor rurale a rămas destul de mult în urmă în special pentru interiorul Arcului Carpat. La aceasta se adaugă și faptul că ele au fost în principal sondate, o cercetare de amploare fiind semnalată doar în puține situații. Rezultatele cercetărilor au rămas în multe cazuri nepublicate sau prezentate în rapoarte sumare de săpătură. Desigur, există și monografii, dar nu în toate așezările au fost descoperite și podoabe, cu atât mai puțin de tradiție bizantină. În situații și mai puține au fost cercetate atât necropola cât și așezarea contemporană ei (de exemplu, vezi Constantinescu 1972; Popovici 1987, 169-190; Țicu, Lazarovici 1996, 44-79 etc.).

Un alt aspect important îl constituie momentul în care o așezare devine centru urban. Pentru

spațiul extracarpatic această delimitare este destul de dificil de realizat. Chiar și pentru Transilvania și Banat, ori Crișana, unele așezări ajung la rang de târg, alteleori decad și revin la statutul de așezări rurale. Având în vedere aceste aspecte, am selectat acele așezări rurale precum și cele care au avut fie și temporar titlul de târg, diferențele între cele două fiind destul de greu de realizat. Fără a avea pretenția unei inventarieri exhaustive a așezărilor databile în intervalul cronologic analizat, anume secolele XI-XIV, aș dori să cartez principalele așezări rurale din care s-au recuperat podoabe bizantine sau de tradiție bizantină¹. Aș dori de ase-

1. Apartenența acestor podoabe la arta prelucrării metalelor prețioase de tradiție balcanică nu ridică semne de întrebare. În acest sens, a se vedea: Bikić 2010, Grigorov 2007, Oța 2010 și 2012b, Ryabtseva 2000, 2005 etc.

Pl. 1. 1. Fragment de plăcuță de diademă de la Sfântu Gheorghe-Bedeháza (după Oța 2007); 2, 9. Ac de păr și cercei de la Drobeta-Turnu Severin (după Tocilescu 1976); 3, 8, 10. Cercei din așezarea de la Coconi (după Constantinescu 1972); 4-6. Cercei și pandantive de cercei de la Dodești-Vaslui (după Teodor 1984); 7. Fragment de cercei de la Hlincea (după Spinei 1978, fără scară); 11. Cercei de la Ilidia-Funii (desen după Uzum, Pliant; fără scară); 12. Cercei de la Ghindăoani (după Dumitroaia 1992); 13-14. Cercei de la Borniș-Mălești (după Popovici 1987).

Pl. 1. 1. Fragment of tiara from Sfântu Gheorghe-Bedeháza (according to Oța 2007); 2, 9. Hairpins and earring from Drobeta-Turnu Severin (according to Tocilescu 1976); 3, 8, 10. Earrings from settlement in Coconi (according to Constantinescu 1972); 4-6. Earring and pendants of earrings from Dodești-Vaslui (according to Teodor 1984); 7. Fragment of earring from Hlincea (according to Spinei 1978, no scale); 11. Earring from Ilidia-Funii (redrawn after Uzum, Pliant; no scale); 12. Earring from Ghindăoani (according to Dumitroaia 1992); 13-14. Earrings from Borniș-Mălești (according to Popovici 1987).

menea să identific tipurile și modelele de podoabe pierdute în așezări. Prezentul studiu, nici nu își propune altceva decât să ofere o imagine generală, la nivelul utilizării pieselor de podoabă și să completeze informațiile oferite în urma cercetării cimitirelor. O perspectivă mult mai amplă asupra

influenței culturii materiale bizantine și balcanice s-ar putea oferi în momentul în care se va avea în vedere ceramica de import din sudul Dunării, eventual imitații ale ei realizate la nordul Fluviului², dar și componența tezaurilor medievale³.

În principal, s-au descoperit podoabe ale capului (cercei, diademe, ace de păr) și ale brațelor (brățări și inele).

I. Podoabele capului

I.1. *Diademă*. A fost descoperită o singură plăcuță în așezarea de la *Sfântul Gheorghe-Bedeháza* (Pl. 1,1) (Horedt 1956, 22, 31, Fig. 17,4; Oța 2007, 132, 155, Fig. 3,IV.3.d). Spre deosebire de complexele funerare (Pl. 4), unde diademele sunt descoperite în majoritate integrale (chiar dacă parțial sunt distruse), ori comparativ cu tezaurile, în așezări sunt doar fragmente, de multe ori pierdute ori deteriorate din diverse motive.

I.2. *Ac de păr*. Un exemplar a fost descoperit la *Drobeta-Turnu Severin* (Pl. 1,2) în timpul săpăturilor executate de către Gr. Tocilescu⁴. Contextul descoperirii nu este cunoscut, dar foarte probabil nu provine dintr-un complex funerar⁵. Și în acest caz, este vorba de piese foarte probabil pierdute.

I.3. *Cercei*. Provin din așezările de la *Ilidia-Funii* (Pl. 1,11) (Uzum 1989, 41, Fig. 6, stânga, p. 43)⁶, *Mălești* (Pl. 1,13,14) (Popovici 1987, 178, 179,

2. Studii asupra ceramicii smălțuite bizantine sau de tradiție bizantină în așezările de la nordul Dunării sunt extrem de puține. De regulă, ea a fost publicată doar cu ocazia unor rapoarte de săpătură sau ca părți ale unor monografii. O lucrare de sinteză asupra acestui subiect ar fi de dorit într-un viitor relativ apropiat. De asemenea, ar fi de dorit și o reactualizare a studiilor privind influența bizantină sau balcanică asupra monumentelor ecleziastice.

3. Studiul acestora este însă o problemă aparte care trebuie discutată și din alte perspective decât cele legate de așezări ori necropole.

4. Despre podoabele medievale nu putem spune dacă provin din castrul roman sau din împrejurimile sale.

5. Piesa a fost publicată ca aparținând epocii romane sau romano-bizantine, având în vedere că majoritatea pieselor de acolo pot fi încadrate cronologic în acea perioadă. Lor li se mai adaugă și alte câteva podoabe medievale greșit încadrate cronologic, ca de exemplu cerceiul decorat cu sârmă buclată și două cataramă rombice (Tudor 1976, 126, Pl. VII,7-8, 128). Aceste piese se încadrează cronologic în secolele XIII-XIV (vezi și Oța 2013, 159, 160, 162, 163, 167, Pl. 1,20).

6. Piesele din această așezare au fost doar amintite într-un articol și sunt prezentate amestecat cu cele din alte două puncte, anume punctul Săliște și Moara Gherghinii. Pe ansamblu, din cele trei puncte (incluzându-l și pe cel de la Funii), din așezări au fost recuperate artefacte de tradiție bizantină (ceramică, podoabe și monede).

Fig. 6,2,8)⁷, *Coconi* (Pl. 1,3; 8,10) (Constantinescu 1972, 100-101, 247, Pl. XIII, 6-8.)⁸ și *Drobeta-Turnu Severin* (Pl. 1,2,9) (Tudor 1976, 126, 128, Pl. VII,7-8). Lor li se adaugă alți doi cercei proveniți din sudul României, din zone apropiate Bucureștiului⁹. Ambele exemplare sunt fără context, dar sigur nu provin din complexe funerare. Un alt cercel provine de la *Ghindăoani* (jud. Neamț; Pl. 1,12) (Dumitroaia 1992, 72, 141, Fig. 40,1)¹⁰. În toate situațiile, cerceii nu au avut pereche.

Cerceii sunt diferiți între ei fără excepție (Pl. 5). Este vorba de cercei cu trei pandantive pe verigă (*Coconi*; Pl. 1,10), cercei cu o sferă pe verigă (zona *București*), cercei decorați cu sârmă buclată (*Coconi*, Pl. 1,8; *Drobeta-Turnu Severin*; Pl. 1,9), cercei cu trei muluri de granule (*Ilidia-Funii*; Pl. 1,11), cercei cu un pandantiv sferic decorat cu opt protuberanțe (*Coconi*; Pl. 1,3), cercel tip kolt (Ryabtseva 2013, 112-118) (*Ghindăoani*; Pl. 1,12) și cercei în formă de semn de întrebare (*Mălești*; Pl. 1,13,14). Lor li se adaugă un cercel cu pandantiv sferic din sârme și alte două pandantive rupte de la unul sau doi cercei, toate exemplarele provenind de la *Dodești* (Pl. 1,4-6).

Asupra originii bizantine a modelelor de podoabe ale capului (cercei, diademe și ace de păr) s-au scris numeroase studii pentru a mai fi necesară o nouă discuție în vederea reargumentării tradiției acestor podoabe (Teodorescu 1976; Mesterházy 1991; Maneva 1992; Mesterházy 1994; Ryabtseva 2000; 2005; 2011; 2012; 2013; Oța 2007; 2010; 2012a; 2012b; 2012c; Radičević 2008; Bikić 2010).

II. Podoabe ale brațelor. Constau din brățări și inele.

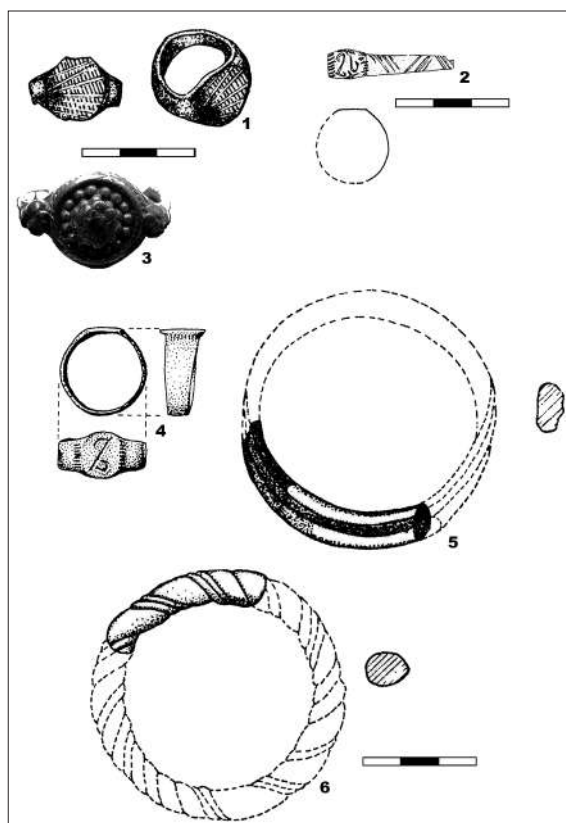
II.1. *Brățări din pastă de sticlă* (Pl. 7). Provin din așezările de la *Gornea-Zomoniță* (Pl. 2,5-6,

7. Cele două exemplare provin din două locuințe, anume nr. 1 și nr. 2. Complexele au fost date diferite, primul în ultimele decenii ale secolului al XIV-lea, iar celălalt la începutul celui de-al XV-lea. Din cea de-a doua locuință mai provin două fragmente de cercei tot de tradiție bizantină, decorați cu sârmă buclată, dar au fost atribuiți conform datării complexului, la începutul veacului al XV-lea.

8. Podoabele aparțin așezării și au fost atribuite pe baza datării complexelor, secolului al XIV-lea, eventual începutul celui următor. Din complexe funerare cercetate, au fost recuperate și alte podoabe de influență balcanică.

9. Piese din colecțiile MNIR, neinventariate încă.

10. Cercelul a fost descoperit într-o zonă cu artefacte medievale diverse, ceea ce a dus la concluzia că trebuie să fie vorba despre o așezare.

Pl. 2. 1. Inel de la Gornea-Zomoniță (după Țicu, Lazarovici 1996); 2. Inel de la Dodești-Vaslui (după D. Gh. Teodor 1984); 3. Inel de la Cârța (după Munteanu-Beșliu 2012, fără scară); 4. Inel de la Negrești (după Hânceanu 2011); 5-6. Fragmente de brățări din sticlă de la Gornea-Zomoniță (după Țicu, Lazarovici 1996).

Pl. 2. 1. Ring from Gornea-Zomoniță (according to Țicu, Lazarovici 1996); 2. Ring from Dodești-Vaslui (according to D. Gh. Teodor 1984); 3. Ring from Cârța (according to Munteanu-Beșliu 2012, no scale); 4. Ring from Negrești (according to Hânceanu 2011); 5-6. Fragments of glass bracelets from Gornea-Zomoniță (according to Țicu, Lazarovici 1996).

Banat) (Țicu, Lazarovici 1996, 59, 61, Fig. 31,1-3)¹¹, *Dodești* (Pl. 3,2-3, Moldova) (Teodor 1978, 202, Fig. 43,14,17) și *Bragadiru* (Pl. 3,4; Munteania) (Bichir 1965, 437, Fig. 9,16)¹².

II.2. *Brățări din sârme torsionate* (Pl. 8), cu ochiuri la capete au fost descoperite în așezările de la *Berzovia-Pătruieni* (Țicu 2003, 34; Oța 2006, 230; Oța 2010, 418)¹³, *Gornea-Zomoniță* și *Miercu-*

11. Podoabele provin din complexe de locuire atribuite secolelor XII-XIII.

12. Brățara provine din locuința nr. 1 databilă în cursul secolului al XIV-lea.

13. Fragmentul de brățară a fost descoperit în teritoriul unei

rea Sibiului¹⁴. Acestea sunt descoperite într-o arie mai largă care cuprinde estul Banatului și Oltenia (vezi Dumitriu 2001; Ioniță 2005 sau Oța 2010)¹⁵.

II.3. *Inele* (Pl. 6). Provin de la *Cârța* (un exemplar; Pl. 2,3)¹⁶, *Dodești* (Pl. 2,2) (Teodor 1984, 115, Fig. 61,7, 117; Hânceanu 2011, 263, 264, 292, Pl. XIX,7), *Negrești* (Pl. 2,4) (Hânceanu 2011, 263, 264, 292, Pl. XIX,16) și un altul de la *Gornea* (Pl. 2,1) (Țeicu, Lazarovici 1996, 61, Fig. 31,1-3)¹⁷.

În primul caz, piesa este decorată în tehnica granulației. Inelul de la *Gornea* a fost decorat cu o rețea de linii tăiate de altele. Restul sunt inele comune decorate prin incizie.

Pe ansamblu se poate spune că aceste bijuterii au fost recuperate din zone în care au fost găsite podoabe de aceeași tradiție și în necropole, tezaure sau descoperiri întâmplătoare. Fără excepție, provin din aria culturală de tradiție bizantină sau

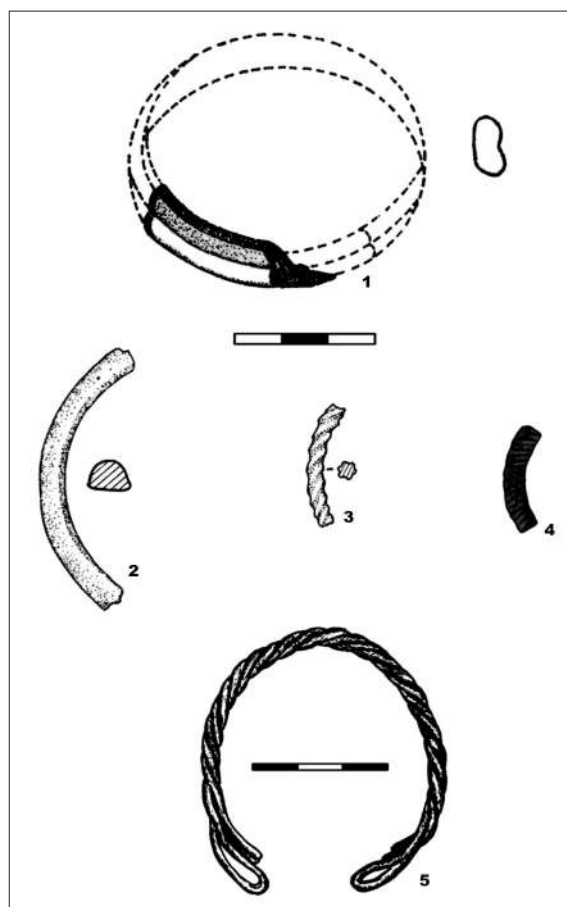
așezări medievale, atribuită familiei Himfy (atestată documentar în Banat în cursul secolului al XIV-lea). Benedict Himfy a deținut printre alte funcții și pe aceea de ban al Bulgariei. La *Remetea*, loc identificat de către D. Țeicu prin așezarea cercetată în punctul Pătruieni, era reședința sa din Comitatul Caraș (Țeicu 1998, 122-123, 263, Fig. 101; 264, Fig. 102; 265, Fig. 103; 266, Fig. 104,2). Prezența fragmentului de brățară demonstrează însă că este vorba de o așezare mai veche, care avea relații comerciale cu spațiul bizantin. Deoarece nici unul din exemplarele descoperite la *Gornea*, *Miercurea Sibiului* și *Berzovia* nu au fost publicate cu ilustrație, am ales aleatoriu un exemplar din necropola de la *Șopotu Vechi-Mârvilă* pentru exemplificare (Pl. 3,7).

14. Comunicare ținută la sesiunea Muzeului din Făgăraș în anul 2013 de către A. S. Luca, Gh. Natea și V. Palaghie. Mulțumesc pentru informație autorilor cercetării și pentru acordul de a o utiliza.

15. Brățările au fost executate din două sârme de lungimi egale, fiecare pliată în două. Acestea se apropiau, formând un mănunchi de patru, apoi erau torsionate împreună. Există însă și alte două subvariante. Prima, executată similar, avea printre sârmele care compuneau corpul brățării și altele, mai subțiri, filigranate. Un alt model din același spațiu cultural este confecționat puțin diferit, anume dintr-o sârmă pliată în trei, cu ochiuri la ambele capete. Aceasta se torsiona, dar în loc de două capete de sârmă în ochiuri, aveau doar unul. În o parte a literaturii de specialitate există confuzii între exemplarele de tradiție bizantină și cele din spațiul panonic sau nord-vest Pontic (vezi Uzum sau Țeicu. Nici unul dintre ei nu sesizează aceste diferențe de confecționare și de distribuție teritorială a lor).

16. Descoperire întâmplătoare, dar nu din complexe funerare.

17. Inelul a fost descoperit întâmplător nu departe de așezarea medievală din Punctul Zomoniță. Decorul său are numeroase analogii în Banat (Arača) și spațiul balcanic (Prilep-Varoš; Maneva 1992, Pl. 90,65/5).

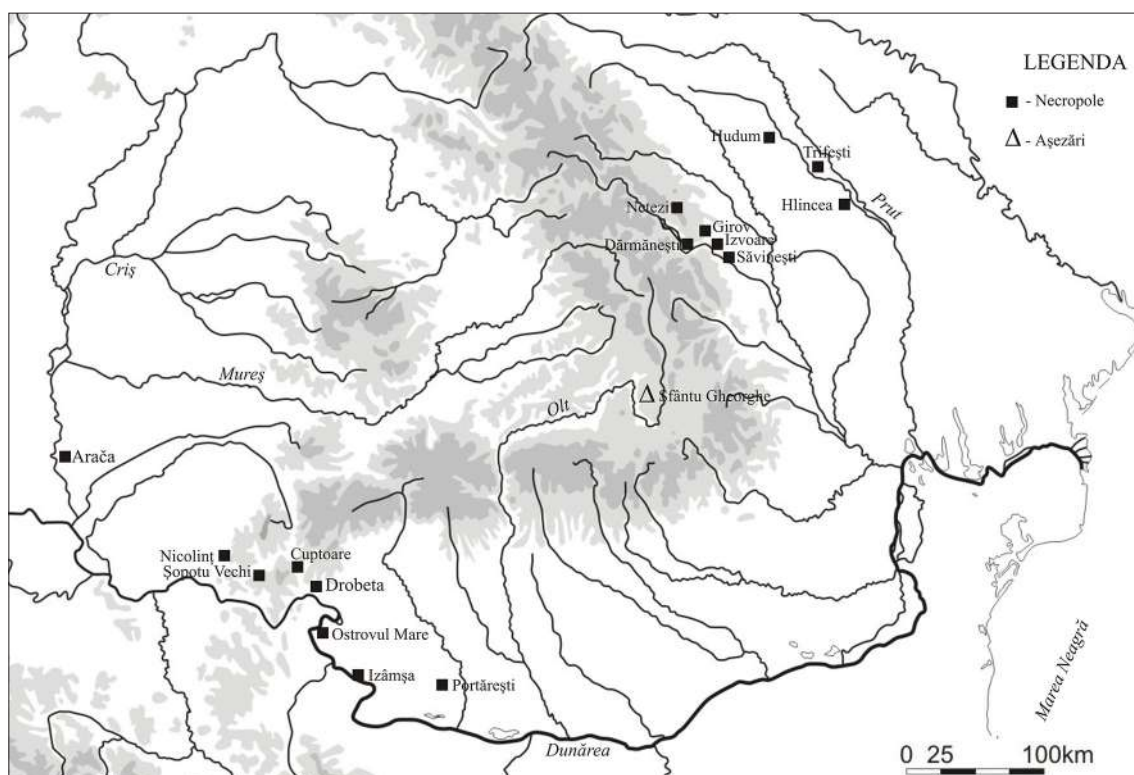

Pl. 3. 1. Fragment de brățară din sticlă de la Gornea-Zomoniță (după Țeicu, Lazarovici 1996); 2, 3. Fragmente de brățări din sticlă de la Dodești-Vaslui (după Teodor 1984); 4. Brățară din sârme torsionate din necropola de la Șopotu Vechi-Mârvilă (după Țeicu 2003; fragmente de brățări similare provin de la Berzovia-Pătruieni și Gornea-Zomoniță).

Pl. 3. 1. Fragment of glass bracelet from Gornea-Zomoniță (according to Țeicu, Lazarovici 1996); 2, 3. Fragments of glass bracelets from Dodești-Vaslui (according to Teodor 1984); 4. Twisted wire bracelet from necropolis from Șopotu Vechi-Mârvilă (according to Țeicu 2003; similar fragments come from the settlements in Berzovia-Pătruieni and Gornea-Zomoniță).

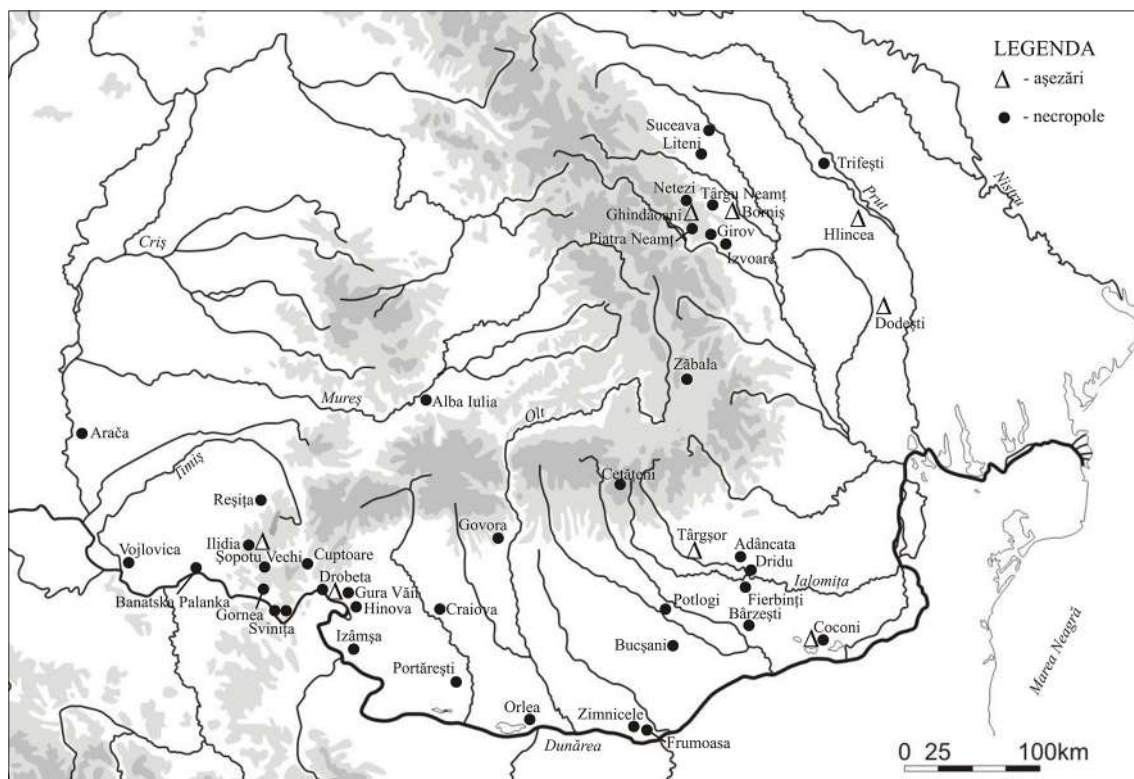
balcanică. Ele vin să completeze lista localităților în care au fost descoperite necropole (vezi: Dumitriu 2001; Ioniță 2005; Oța 2012a, 123-142; Rosetti 1972, 3-14) sau tezaure cu podoabe balcanice (vezi: Dumitriu 2001; Uzum 1983, 509-519, Teodor 2003a, 147-162, 2003b, 163-175; Țeicu 2009).

Putem spune chiar că cercetarea arheologică a așezărilor, pe alocuri, lărgeste acest spațiu. Podoabele descoperite sugerează că este doar o problemă de timp, până la identificarea și desco-

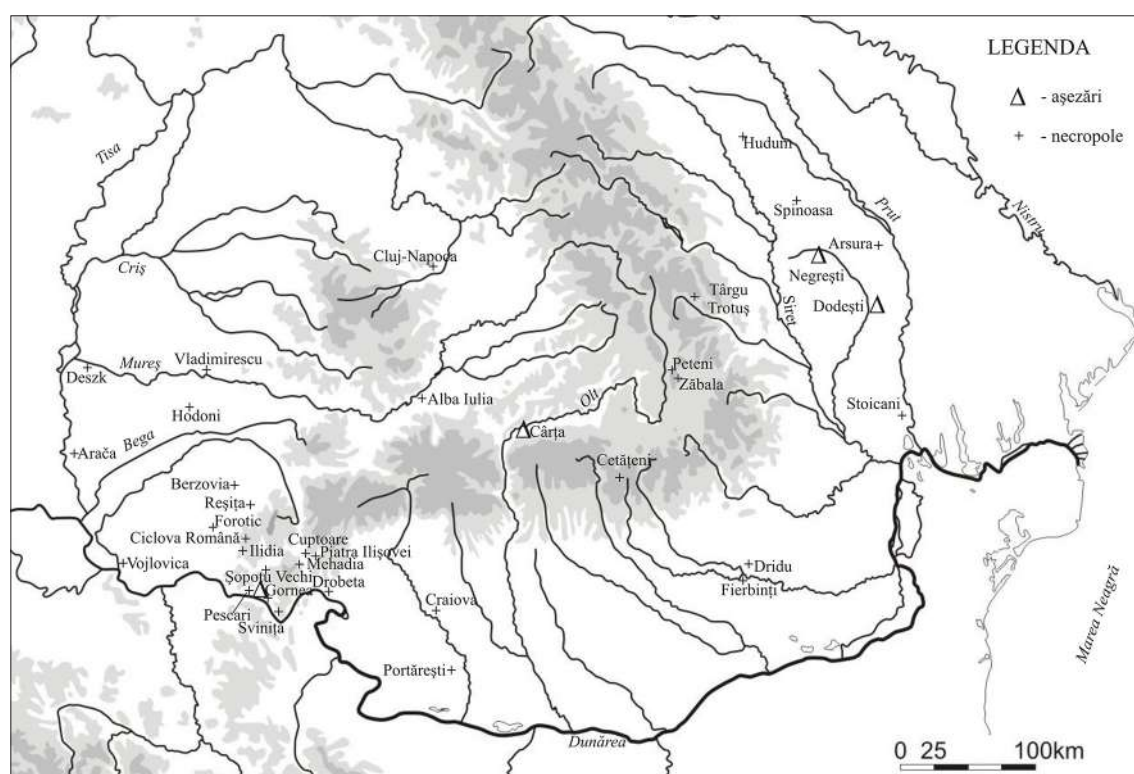
Pl. 4. Răspândirea plăcuțelor de diademă în complexe funerare și așezări.

Pl. 4. The territorial distribution of tiara plates (graves and settlements).

Pl. 5. Cercei bizantine și de tradiție bizantină descoperiți în necropole și așezări (secolele XI-XIV).

Pl. 5. Byzantine and Byzantine tradition earrings found in cemeteries and settlements (11th–14th centuries).

Pl. 6. Inele de tradiție bizantină din așezări și necropole (secolele XI-XIV).

Pl. 6. Rings of Byzantine tradition from settlements and necropolises (11th–14th centuries).

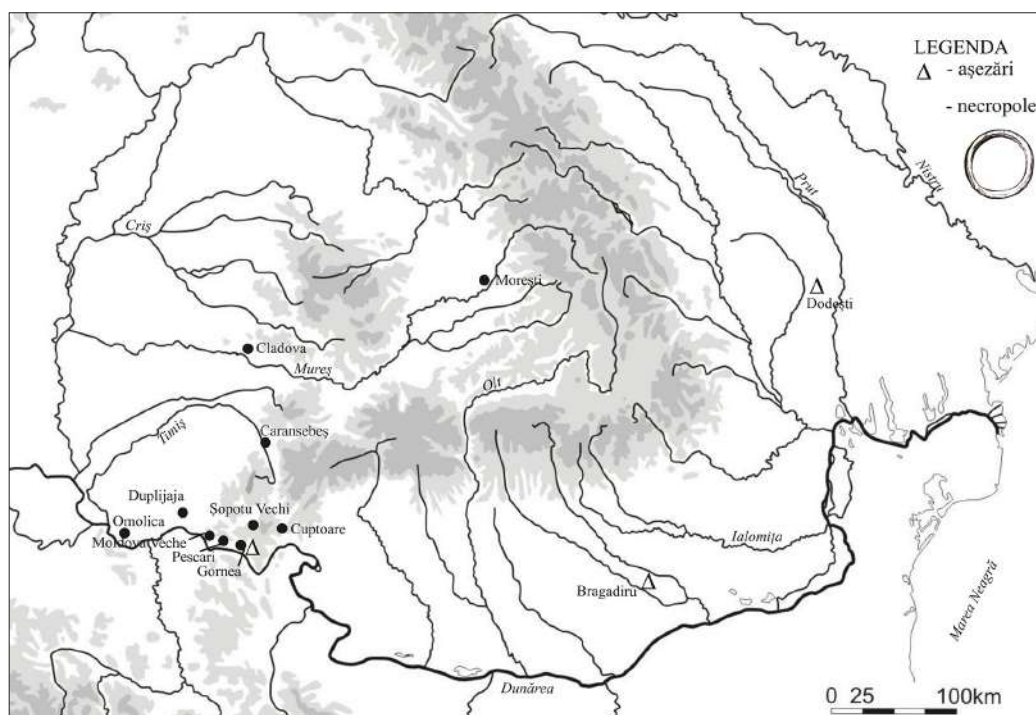
perirea unor cimitire sau, posibil, tezaure¹⁸.

Faptul că apar și în mediul rural, aceste podoabe vin să demonstreze că influența bizantină s-a manifestat în toate tipurile de așezări. Concentrarea lor în anumite areale înseamnă în primul rând că este vorba de comunități grupate relativ compact în anumite areale, care au menținut legăturile într-o formă sau alta cu spațiul balcanic. Influența culturii materiale dinspre populațiile care ocupau teritoriile unde se manifesta orizontul funerar de tip Bjelo Brdo în secolul al XI-lea – începutul secolului al XIII-lea, a fost minimă. Este chiar greu de spus dacă a fost în mod real o astfel de influență, deoarece multe din piesele considerate ca fiindu-i tipice se regăsesc și în teritoriile sud-dunărene (verigi de păr cu un capăt îndoit în forma literei S, torques-uri de sârme torsionate, inele din sârme împletite și cele din sârme torsionate, brățări din bară simple), doar că diferă

cantitatea lor, aici (n.n. la sudul Dunării) fiind ceva mai puține și considerate, probabil, podoabe absolut banale. De asemenea, nu trebuie să excludem că grupe de populație din zona atribuită orizontului funerar de tip Bjelo Brdo, nu trebuiau să fi fost neapărat diferite etnic de cele din teritoriile influențate de cultura materială bizantină, ci puteau să aparțină unor comunități care o perioadă lungă de timp au pierdut contactul cu spațiul sud-dunărean din motive care momentan pot fi doar presupuse (nu sunt din localități aflate pe marile artere comerciale, nu au avut libertatea de deplasare spre sudul Dunării, aparțineau unor comunități închise, fără relații prea multe cu celelalte grupe de populație balcanică, nu au avut ocazia să își dezvolte o modă influențată de bizantină)¹⁹.

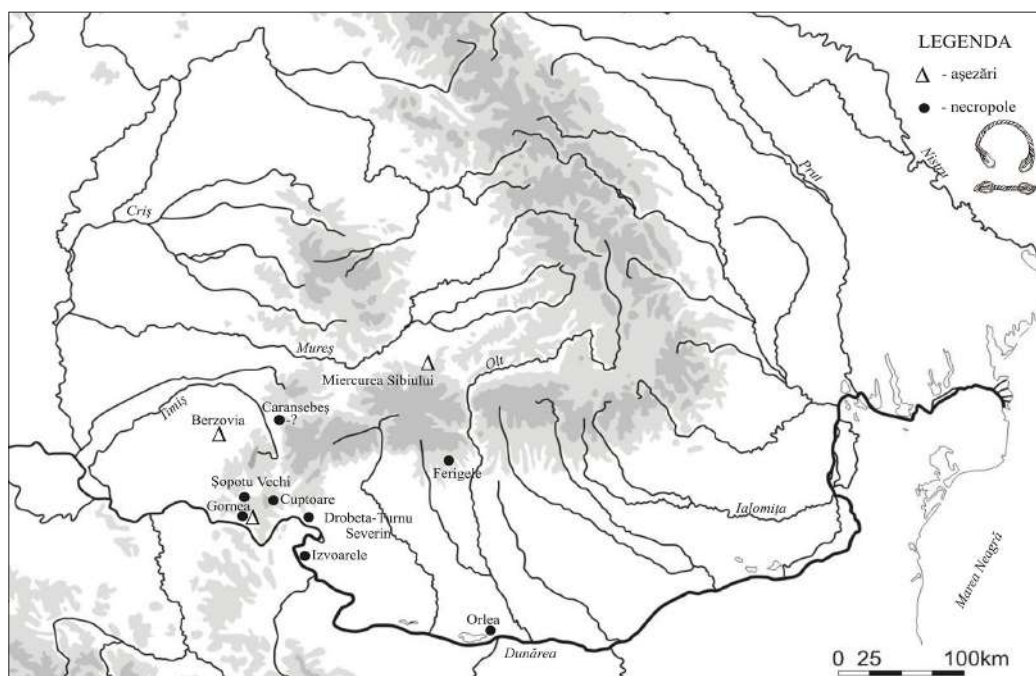
19. Aceste bănuieli se bazează și pe faptul că în mormintele care au conținut verigi de păr cu un capăt îndoit în forma literei S, în asociere cu ele apar pe de o parte și podoabe balcanice, iar pe de altă nici o altă podoabă din spațiul considerat aparținător orizontului funerar de tip Bjelo Brdo nu este cunoscută. De asemenea, în morminte nu apar nici cuțite sau recipiente cu ofrande alimentare care în mod normal ar fi trebuit să se regăsească, fie și sporadic pentru a putea spune că avem de-a face cu o altă populație cu obiceiuri funerare diferite de cele ale localnicilor.

18. În acest sens aș aminti ultimele descoperiri din banatul Sârbesc, de la Omolica și Duplija. Lor li se adaugă și altele mai vechi care au fost publicate în ultima vreme provenite din spațiul dintre Dunăre și Carpați (Ex.: Dridu, Fierbinți-Malul Roșu).

Pl. 7. Brățări din pastă de sticlă, descoperite pe teritoriul României și Banatului Sârbesc, la nordul Dunării în așezări și necropole (secolul al XI-lea - începutul secolului al XIII-lea).

Pl. 7. Glass bracelets, discovered north of the Danube, on the territory of Romania and of Serbian Banat, in cemeteries and settlements (11th century-early 13th century).

Pl. 8. Brățări din sârme torsionate descoperite pe teritoriul României, la nordul Dunării, în așezări și necropole (secolul al XI-lea - începutul secolului al XIII-lea).

Pl. 8. Twisted wire bracelets, discovered north of the Danube, on the territory of Romania, in cemeteries and settlements (11th century- early 13th century).

În acest stadiu al cercetării, nu putem spune decât că doar în câteva cazuri, podoabele descoperite într-o așezare corespund tipologic (parțial) cu cele din necropola aferentă (brățările din sârme torsionate). Este vorba de necropola și așezarea de la Gornea-Căunița de Sus.

În cazul așezării de la Ilidia-Funii și a necropolei de pe dealul Cetate, dar în parte și cu cea de

pe dealul Oblia, putem spune doar că piesele sunt de aceeași tradiție. Pentru primul și ultimul sit menționat este însă o mică diferență cronologică, în sensul că așezarea de la Funii este mai timpurie, dar tradiția pieselor este aceeași. În toate trei punctele au fost descoperite podoabe de tradiție balcanică. O situație asemănătoare avem și în cazul siturilor de la Coconi.

Bibliografie

Bichir 1965: Gh. Bichir, Quelques problèmes des XIIIe et XIVe siècles dans la Plaine Valaque à la lumière des fouilles de sauvegarde du village de Bragadiru (district de Zimnicea). *Dacia N.S.*, IX, 1965, 427-439.

Constantinescu 1972: N. Constantinescu, Coconi. Un sat din Cîmpia Română în epoca lui Mircea cel Bătrîn. Studiu arheologic și istoric (București 1972).

Dumitriu 2001: L. Dumitriu, Der Mittelalterliche Schmuck des Unteren Donaugebietes im 11.-15. Jahrhundert (București 2001).

Dumitroaia 1992: Gh. Dumitroaia, Materiale și cercetări arheologice din nord-estul județului Neamț. *MA XVIII*, 1992, 63-143.

Hânceanu 2011: G.D. Hânceanu, 2011. Ocupațiile comunităților autohtone din bazinul Bârladului (secolele VI-XI p.Chr.). În: *Arheologia mileniului I p.Chr.*, II. Interferențe culturale la Dunărea de Jos (București 2011), 241-298.

Horedt 1956: K. Horedt, Așezarea de la Sf. Gheorghe-Bedeháza. *Materiale II*, 1956, p. 6-32.

Ioniță 2005: A. Ioniță, Spațiul dintre Carpații Meridionali și Dunărea Inferioară în secolele XI-XIII (București 2005).

Maneva 1992: E. Maneva, Srednovekovoh nakit od Makedonija (Skopje 1992).

Mesterházy 1991: K. Mesterházy, Bizánci és balkáni eredetű tárgyak a 10-11. századi magyar sírletekben II. *FolArch XLII*, 1991, 145-177.

Mesterházy 1994: K. Mesterházy, Azún. Tokaji kinks revíziója, *FolArch XLIII*, 1994, 193-242.

Munteanu-Beșliu 2012: P. Munteanu-Beșliu, Mănăstirea cisterciană de la Cârța. Cercetări arheologice de salvare (2009 și 2011). *Acta Terrae Fogarasiensis I*, 2012, 11-28.

Oța et al. 2006: S. Oța, A. Dragotă, G. Ducman, Piese din colecțiile MNIR, provenite din descoperiri de caracter funerar, din Transilvania și Crișana (secolele X-XII). *Patrimonium Apulense V-VI*, 2006, 75-120.

Oța 2007: S. Oța, Plăcuțe de diademă de pe teritoriul României (secolele XII-XV). *SCIVA* 58, 1-2, 2007, 117-156.

Oța 2010: S. Oța, Piese de orfevrărie de tradiție bizantină în spațiul nord-dunărean (secolul al XI-lea – începutul secolului al XIII-lea). În: (ed. A. Măgureanu, E. Gáll) *Între Stepă și Imperiu. Studii în onoarea lui Radu Harhoiu* (București 2010), 403-433.

Oța 2012a: S. Oța, Cerceidecorați cu sfere simple, descoperiți pe teritoriul României. *Sargetia SN*, III (XXXIX), 2012, 215-242.

Oța 2012b: S. Oța, Tombs with Jewels in the Byzantine Tradition Discovered on the Present-Day Territory of Romania, North of the Danube (End of the 11th Century – the 14th Century). *Ziridava. Studia Archaeologica* 26/1, 2012, 123-142.

Oța 2012c: S. Oța, Cerceidecorați cu pandantive din granule (secolele XIII-XVI). *SCIVA* 63, 3-4, 2012, 269-292.

Oța 2013: S. Oța, New Contributions on the Earrings Decorated with Curled Wire. În: *Archaeological Small Finds and Their Significance. Proceedings of the Symposium: Costume as an Identity Expression*

(Cluj Napoca 2013), 159-173.

Popovici 1987: R. Popovici, Cercetări arheologice în așezarea rurală medievală Mălești (secolele XIV-XVII). AM XI, 1987, 169-189.

Radičević 2008: D. Radičević, Periodizacija poznosrednjovekovnih nekropola un Donjem Srpskog Podunavlju. Starinar NS, LVIII, 2008, 197-212.

Rosetti 1972: D.V. Rosetti, Tezaurul de podoabe medievale de la Olteni (Teleorman) și elementele lor bizantine, BMI 41, 4, 1972, 3-14.

Ryabtseva 2000: S. Ryabtseva, Trehbusinnye kol'tsa ot Visly do Volgi. Stratum Plus 5, 2000, 161-182.

Ryabtseva 2005: S. Ryabtseva, Drevnerusskii iuvelirnyi ubor (Sankt Peterburg 2005).

Ryabtseva 2011a: S. Ryabtseva, Paradnye diademy i ventsy X-XV vv. v pamiatnikakh Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Evropy. Obshchie cherty i momenty otlitsii. RA SN, VII, 1-2, 2011, 72-95.

Ryabtseva 2011b: S. Ryabtseva, Despre un tip de podoabă medievală de cap din secolele XII-XVI, Suceava. Anuarul Muzeului Bucovinei XXXIX, 2011, 135-140.

Ryabtseva 2013: S. Ryabtseva, 2013. Pandantive de tâmplă sau cercei în formă de semilună și mărgelați în siturile arheologice din regiunea carpato-danubiană (secolele XII-XVII). RA SN, IX, 2, 2013, p. 111-126.

Teodor 1978: D.Gh. Teodor, Teritoriul est-carpatic în veacurile V-XI e.n. Contribuții arheologice și istorice la problema formării poporului român (Iași 1978).

Teodor 1984: D.Gh. Teodor, Continuitatea populației autohtone la est de Carpați în secolele VI-XI (Iași 1984).

Teodor 2003a: D.Gh. Teodor, Tezaurul feudal timpuriu de obiecte de podoabă descoperit la Voinești-Iași. În: Spațiul carpato-dunăreano-pontic în mileniul marilor migrații (Buzău 2003), 147-162.

Teodor 2003b: D.Gh. Teodor, Obiectele de podoabă din tezaurul feudal timpuriu descoperit la Oțeleni (raionul Huși, reg. Iași). În: Spațiul carpato-dunăreano-pontic în mileniul marilor migrații (Buzău 2003), 163-175.

Tudor 1976: D. Tudor, Obiecte din metal din Drobeta, descoperite în săpăturile lui D.C. Butculescu (1883) și Gr.G. Tocilescu (1896-1899) (Drobeta 1976), 117-137.

Teodorescu 1976: R. Teodorescu, Un mileniu de artă la Dunărea de Jos (400-1400) (București 1976).

Țicu 2003: D. Țicu, Necropola de la Șopotu Vechi. În: Studii Istorice (Reșița 2003), 23-60.

Țicu 2009: D. Țicu, Arta minoră medievală din Banat (Timișoara 2009).

Țicu, Lazarovici 1996: D. Țicu, Gh. Lazarovici, Gornea. Din arheologia unui sat medieval din Clisura Dunării (Reșița 1996).

Uzum 1983: I. Uzum, 1983. Un tezaur de podoabe medievale descoperit la Macoviște (comuna Ciuchici, județul Caraș-Severin), AMN XX, 1983, p. 509-519.

Uzum 1989: I. Uzum, Ilidia, o reședință puțin cunoscută a cnezilor români din sudul Banatului, RMM-MIA 2, 1989, 39-44.

Dr. Silviu Oța, Muzeul Național de Istorie a României, Calea Victoriei, 12, sector 3, cod 030026, București, România, e-mail: silviuota@yahoo.com

Ion Ursu

Sabia la populațiile turanice din spațiul carpato-nistrean în secolele X-XIV

Keywords: Sword, tombs, inventory, ritual, Turanian.

Cuvinte cheie: sabie, mormânt, inventar, ritual, turanici.

Ключевые слова: меч, погребение, инвентарь, обряд, поздние кочевники.

Ion Ursu

Sword of Turanian populations in the Carpathian-Dniester X-XIV centuries

In this article are presented and analyzed swords discovered in Turanian's tombs of the Carpathian-Dniester area in X-XIV centuries. It followed the emergence, evolution, usage, and ritual aspects related to this type of nomadic pastoralists weapons from the west of the Dniester. The swords were considered during the medieval period upper arms, enjoying the highest appreciation. Although it is relatively uncommon compared to other weapons, swords held a place of honor in the mentality of the epoch, being a symbol of military elites of the time.

Ion Ursu

Sabia la populațiile turanice din spațiul carpato-nistrean în secolele X-XIV

În articol sunt prezentate și analizate săbiile descoperite în mormintele turanicilor din spațiul carpato-nistrean din secolele X-XIV. Este urmărită apariția, evoluția, modul de utilizare, dar și aspectele de ritual legate de acest tip de arme ale păstorilor nomazi de la vest de Nistru. Săbiile au fost considerate în perioada medievală arme superioare, bucurându-se de cea mai înaltă apreciere. Cu toate că se întâlnesc mai rar în comparație cu alte arme de luptă, săbiile dețineau un loc de cinste în mentalitatea epocii, fiind un simbol al elitelor militare ale vremii.

Ион Урсу

Меч у поздних кочевников Карпато-Поднестровья X-XIV веков

В статье представлены и проанализированы мечи, обнаруженные в погребениях поздних кочевников Карпато-Днестровского региона, которые датируются X-XIV веками. Прослежено возникновение, эволюция, способ использования, а также элементы ритуала, связанные непосредственно с данным типом оружия у кочевнических племен западнее Днестра. В период средневековья мечи считались элитным оружием, пользуясь самой высокой оценкой. Несмотря на то, что по сравнению с другими видами оружия мечи встречаются реже, они занимали почетное место в менталитете эпохи, символизируя принадлежность их обладателей к элитным военным силам времени.

Datorită modului de luptă caracteristic tuturor nomazilor de stepă – cavaleria ușoară, întâlnim frecvent arma specifică acestei forme de organizare militară: sabia – armă comod de mînuit din șa, ușoară, a cărei eficiență se bazează pe lovirea de la înălțimea și din viteza calului.

Săbiile au fost considerate în perioada medievală „arme superioare” sau „arme nobile”, bucurându-se de cea mai mare apreciere, ocupau un loc de cinste în mentalitatea epocii și erau considerate simbol al elitelor militare ale vremii.

Termenul de sabie este folosit pentru armele individuale de luptă corp la corp, medievale și moderne, pentru lovit și împuns. Au lamă curbată, prevăzută cu un singur tăiș pe partea exterioară a curbării și în general – cu excepția Extremului Orient – sunt cu mânerul curbat sau înclinat în sens invers curbării lamei (Pinter 1999, 70). Mânerul poate fi dintr-o bucată cu lama înmănușat cu plă-

cuțe din lemn, os, corn, fildeș sau metale neferoase, iar la capăt, în cele mai multe cazuri, este prevăzută cu un buton. Lama este despărțită, de regulă, de mâner printr-o gardă din fier. Piesele componente ale mânerului puteau fi din același metal ca și lama, desigur fără tratări speciale sau, mai rar, din metale neferoase, în special bronz. Metalele nobile erau folosite mai mult pentru ornamentarea prin placare a butoanelor și gărzilor în cazul armelor de ceremonie sau paradă. În plus, la săbii întâlnim unghiul de cădere al mânerului și curbura lamei. Partea îngroșată din vârful lamei și prevăzută cu tăișuri pe ambele părți este numită *elman*, termen împrumutat din limba turcă.

În multe cazuri săbiile depuse în morminte se află în teacă, executată de obicei din lemn și piele, fiind prevăzută cu întăriri metalice numite buterola și gura tecii, păstrate rar și cunoscute mai bine din reprezentările artei figurative.

Conform unor opinii, săbiile apar pentru prima oară în stepele euro-asiatice în secolele VII-VIII și sunt răspândite pe un teritoriu vast, din Altai și sudul Siberiei până în nordul Mării Negre, Ungaria și Cehia, fapt ce face dificilă identificarea arealului genezei acestui tip de arme (Kirpichnikov 1966, 60). Unii autori plasează zonele de geneză a sabiei în teritoriile ocupate de populații turcice din nordul Iranului, unde arma respectivă a fost dezvoltată odată cu modul de luptă al cavaleriei ușoare, unde apar ca arme cu lamă lungă dreaptă și cu un singur tăiș. Sabia, de asemenea, a cunoscut o dezvoltare în cadrul culturii Saltovo, de unde, prin populațiile de migratori turanici și în special prin intermediul maghiarilor, începând cu secolul IX, va pătrunde în Europa (Pinter 1999, 73).

Pe durata evoluției sale, sabia cunoaște mai multe modificări. Crește lungimea piesei, de la 1 m în secolul al X-lea – prima jumătate a secolului al XI-lea, până la 1,1-1,2 m în secolele XII-XIII. Concomitent se mărește și unghiul curburii cu 3-4,5 cm (sec. X – prima jumătate sec. XI), până la 4,5-5,5 (sec. XI-XIII). Inițial, lățimea lamei constituia 3,3-3,7 cm, iar în secolele XII-XIII crește la unele exemplare până la 4,4 cm (Kirpichnikov 1966, 67). Timp de trei secole sabia se modifică prin creșterea lungimii și a lățimii, precum și a unghiului curburii lamei, fapt determinat de schimbările survenite în cadrul tacticilor militare și ale altor piese de armament. În secolele XIII-XIV sunt utilizate tot mai mult piesele de armură (coifuri, apărători de braț, platoșe, cămăși din zale), ceea ce a condus la modificări asupra morfologiei sabiei.

În literatura de specialitate sunt cunoscute mai multe tipologii ale săbiilor. Pentru regiunea bazinului râului Ros', piesele descoperite în mormintele tichiiilor negre au fost grupate de către S.A. Pletneva în patru categorii (A, B, C și D), ce conțin mai multe tipuri. Autoarea își bazează tipologia pe diferențele de lungime ale lamei și gradul de încovoiere a acesteia (Pletneva 1958, 16-18). G.A. Fedorov-Davydov a utilizat alt principiu pentru elaborarea clasificării săbiilor, împărțindu-le în două categorii (A și B), după forma lamei, și în mai multe tipuri, după forma mânerului (Fedorov-Davydov 1966, 22-23). O parte dintre cercetători consideră că doar unele componente ale sabiei pot determina tipul acesteia, clasificarea fiind bazată doar pe capetele de mâner (butoni de săbii) și gârzi (Kirpichnikov 1966, 68; Plotnikov 1981, 165). După părerea noastră, cea

mai complexă tipologie le aparține arheologilor A.V. Evglevskii și T.M. Potemkina, care întocmesc clasificarea tuturor componentelor sabiei, precum: garda (tipuri și variante), capătul mânerului, gradul de înclinare a mânerului, vârful lamei, capătul tecii, dar și încovoierea lamei (K1-3), amplasarea zonei maxime a curburii pe lamă (Y1-3), lungimea lamei (Д1-3), lățimea lamei (III1-3) corelația dintre lungimea și lățimea lamei (III1-3) (Evglevskii, Potemkina 2000, 117-181).

Până în prezent, în mormintele turanice din spațiul carpato-nistean au fost identificate 16 săbii (tab. 1), dintre care doar două au fost descoperite întregi: la Balabanu în tumulul 22, mormântul 4 (în continuare T22/M4) (Postică, Sava 1996, 69-70) și la Ștefan Vodă (T1/M1a) (Vysotskii 1992, fig. 28,1a; 28,2; 29,1-4; 29,7) (fig. 1,1,2). În afară de exemplarele întregi, doar șapte piese fragmentare (părți din lamă și garda) au fost ilustrate de autorii cercetărilor (fig. 1). În alte șapte cazuri a fost doar menționată prezența săbiilor în cadrul complexelor funerare, descrierea completă și ilustrația lipsind, ceea ce face imposibilă stabilirea tipologiei și analiza acestor piese.

Exemplarul din mormântul 4, tumulul 22 de la Balabanu reprezintă o sabie din fier cu lungimea de 1,45 m și garda romboidală, descoperită în teaca de lemn. Pe mâner și la capătul de jos al tecii s-au păstrat plăselele din os (Postică, Sava 1996, 69-70, fig. 14,11). Conform tipologiei lui A.V. Evglevskii și T.M. Potemkina, componentele sabiei de la Balabanu pot fi încadrate în următoarele tipuri: garda romboidală face parte din tipul II, varianta 3, numită de autori cruciformă, se întâlnește în mormintele datate în a doua jumătate a secolului XIII-XIV, capătul mânerului din tipul I, variantele 3-4, datate în secolele XII-XIV. După unghiului mânerului față de lamă de 2°-7° poate fi inclus în tipul I, și în tipul V, după forma vârfului lamei. După gradul de încovoiere a lamei sabia poate fi inclusă în tipul K2, după zona maximă a curburii lamei în Y3, lungimea lamei în Д3, lățimea lamei III3. Astfel, obținem tipul general K2, Y3, Д3, III3, datat în secolul XIII – începutul secolului XIV, asemenea piese fiind descoperite în nordul Caucazului și în bazinul superior al Donului (Evglevskii, Potemkina 2000, 117-179). Această datare coincide cu cea a autorilor descoperirii piesei, care au încadrat-o, potrivit ritualului și altor piese de inventar, în secolele XIII-XIV (Postică, Sava 1996, 70).

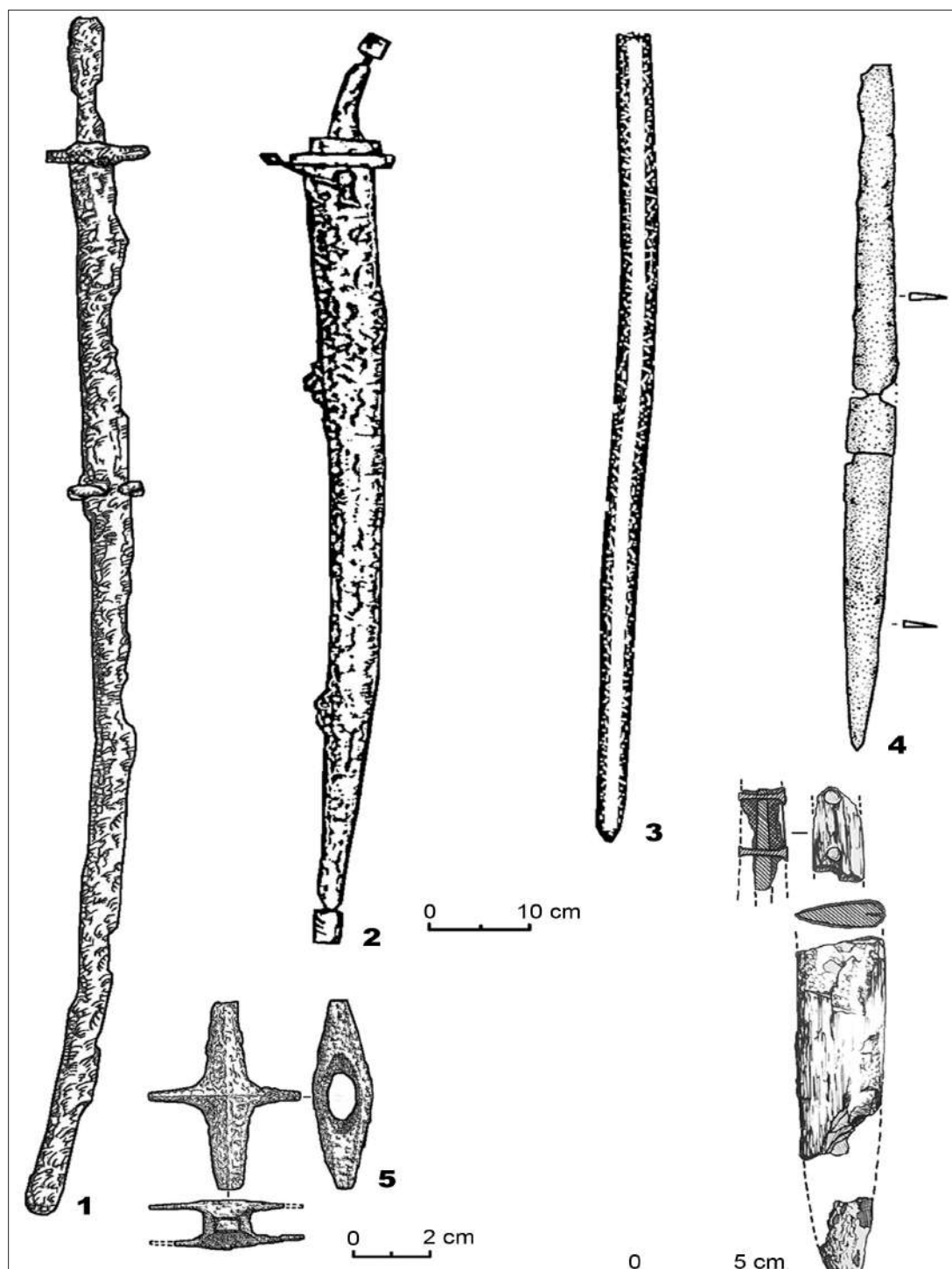

Fig. 1. Săbii întregi descoperite la Balabanu T22/M4 (1) (după Postică, Sava 1996) și Ștefan Vodă T1/M1a (2) (după Vysotskii 1992); lame de săbii de la Primors'ke T1/M6 (3) (după Cebotarenko et al. 1977); Pavlivka T1/M10 (4) (după Spinei 1985) și Trapivka T1/M2 (6) (după Subbotin ș.a. 1995); gardă din fier de la Balabanu T18/M1 (5) (după Postică, Sava 1996).

Fig. 1. The whole swords discovered at Balabanu T22/M4 (1) (by Postică, Sava 1996) and Ștefan Voda T1/M1a (2) (by Vysotskii 1992); sword blades from Primors'ke T1/M6 (3) (by Cebotarenko et al. 1977); Pavlivka T1/M10 (4) (by Spinei 1985) and Trapivka T1/M2 (6) (by Subbotin et al. 1995); iron fence at Balabanu T18/M1 (5) (by Postică, Sava 1996).

Într-un mormânt distrus din raza localității Balabanu (T18/M1) au fost găsite mai multe fragmente metalice, printre care și garda unei săbii (fig. 1,5) (Postică, Sava 1996, 66-68). Piesa de formă romboidală este bine păstrată, ceea ce permite stabilirea tipului. După A.N. Kirpichnikov, garda face parte din tipul II, care a cunoscut o utilizare începând din a doua jumătate a secolului XI până în secolul XIII, întâlnindu-se atât în orașele rusești, cât și printre antichitățile tichilor negre (Kirpichnikov 1966, 68). A.V. Evglevskii și T.M. Potemkina atribuie garda cruciformă tipului II, cu varianta 3, fiind datat în secolele XIII-XIV. După cum vedem, acest tip de gardă a funcționat o perioadă lungă de timp pe un spațiu ce cuprindea atât zona de stepă, cât și cea de silvostepă.

În mormintele de la Pavlivka (T1/M10) (Dobroliubskii, Dzigovskii 1981, 134-145; Spinei 1985, 115, fig. 32,1-13; 33,1-2) și Primors'ke (T1/M6) (Chebotarenko et al. 1977, 387, fig. 26,1) au fost descoperite doar unele părți ale sabiei, cele mai reprezentative fiind vârful și lamele (fig. 1,3-4). Lamele pot fi incluse, după gradul de încovoiere, în tipul K1, ce cuprinde săbiile ușor curbate. Fragmentele păstrate sunt aproape drepte, zona curburii maxime aflându-se probabil în partea superioară a lamei, ceea ce plasează obiectele în tipul Y1. Conform lățimii lamei, acestea fac parte din tipul III2. Tipul general K1, Y1, III2 permite încadrarea armelor analizate în perioada secolelor XII-XIV.

Cea de-a doua piesă întreagă, asupra căreia deținem informația completă, a fost descoperită, precum am menționat, la Ștefan Vodă (T1/M1a) (fig. 1,2). Sabia, lucrată din fier, era acoperită cu lemn putrezit de la teacă. Din gardă s-au păstrat doar unele fragmente de metal neferos oxidat. Baza mânerului este din fier și are formă cilindrică, cu diametrul de 30 mm și lățimea de 30 mm, mânerul având un unghi de 165° față de tăiș, lungimea sabiei în teacă constituie 108 cm. Sabia a fost descoperită în teaca ce se sfârșea cu o ferecătură din fier de formă elipsoidală, cu lungimea de 40 mm și lățimea de 35 mm. Conform clasificării fiecărui detaliu al piesei (după Evglevskii, Potemkina), butonul de la capătul mânerului face parte din tipul I, variantele 1-3, garda, judecând după dimensiunile păstrate, aparținea probabil tipului II, varianta 3, unghiul mânerului fiind de tipul III. Piesa păstrată de la capătul de jos al tecii poate fi atribuită la tipul I, varianta II. Lama poate

fi încadrată conform gradului de curbura în tipul K1, după zona curburii maxime în tipul Y2, după lățimea lamei în tipul III2 și în tipul III3 conform lungimii (Evglevskii, Potemkina 2000, 117-179). Tipul general K1, Y2, III3, în corelare cu tipurile componentelor, poate fi datat larg în secolele XI-XIV, dar cu o mai mare utilizare în secolul XII – prima jumătate a secolului XIII.

Toate complexele, asupra cărora avem informație completă, conțineau alături de săbii și alte piese de armament, reprezentate de vârfuri de săgeți și de lănci, resturi de os de la arc și tolă, pumnale, buzdugan. În șase cazuri: Balabanu T18/M1 și M2 (Postică, Sava 1996, 66-68); Florești (Fedorov 1960, 100), Moscu (Spinei, 1985, 114, fig. 31,14; 49,3), Primors'ke T1/M6; (Chebotarenko et al. 1977, 387, fig. 26,1), Chilia M (Subbotin, Subbotin 1994, 231-237), Trapivka T1/M2 (Dobroliubskii, Dzigovskii 1981, 4-69; Spinei 1985, 112, fig. 32,1-13; 33,1-2) au fost descoperite și piese de armură, precum: coif, apărătoare de antebraț, fragmente de cămașă de zale. Din totalul de șapte morminte cu armuri, șase conțineau și sabie. Toate mormintele cu sabie au inventar bogat, ele fiind încadrate în categoria complexelor bogate. În cadrul mormântului, sabia era așezată de regulă de-a lungul corpului defunctului, în apropiere de brațul și șoldul stâng, cu vârful în jos. Poziția piesei în mormânt este dictată de modul în care era purtată în timpul vieții, fiind atârnată la brâu, în cazul săbiilor mai scurte, sau în spate, în partea stângă, pentru a fi mai comod de scos din teacă cu mâna dreaptă.

După cum am menționat mai sus, sabia reprezintă în primul rând o armă de cavalerie, utilizată de călăreții nomazi în luptă din șaua calului. Cu toate acestea, doar jumătate din mormintele cu săbii din spațiul carpato-nistean conțineau schelete întregi sau oase de cai alături de defunct. În mormântul 4 din tumulul 22 de la Balabanu, a cărui sabie atinge lungimea de 1,45 m, nu au fost găsite oase de cal, conform mărimii și greutateii sabiei însă, complexul aparținut unui cavaler. Situația poate fi explicată prin transformările în cadrul ritualului funerar, survenite în perioada de sfârșit a dominației turanice și a ocupației mongole, când s-a renunțat la depunerea calului în morminte, dar s-a păstrat prezența sabiei ca simbol al călărețului și care mai demonstrează și statutul special și starea materială a decedatului.

În cuprinsul stepei est-europene, de la Nistru și până la Volga, din cele 2235 de morminte ale nomazilor cercetate și datate în secolele X-XIV, în 372 au fost descoperite fragmente sau săbii întregi, ceea ce reprezintă 16,6% din totalul comple-

xelor (Evglevkii, Potemkina 2000, 117-179). În spațiul carpato-nistean, după cum am spus, au fost identificate doar 16 piese, ce constituie 2,8% din totalul complexelor cercetate în acest spațiu. În Muntenia numărul este și mai mic, descope-

Tabelul 1. Morminte cu săbii

Nr.	Localitatea	Descrierea piesei	Amplasarea în mormânt	Alte piese de armament și armură găsite în mormânt
1	Balabanu T18/M1	Garda și fragmente din lamă	Mormânt răvășit, poziție necunoscută	Pumnal, vârfuri de săgeți, apărătoare de braț, fragmente de la o cămașă de zale
2	Balabanu T18/M2	Fragmente din lamă	Mormânt răvășit, poziție necunoscută	Buzdugan, pumnal, vârfuri de săgeți, apărătoare de braț, fragmente de cămașă de zale.
3	Balabanu T22/M4	Sabie din fier, lungimea 145 cm, în teacă de lemn	În stânga defunctului, cu vârful în jos	Vârfuri de săgeți din fier
4	Băneasa M	Un fragment din lama cu lungimea de 55 cm		
5	Copanca T/M4	Sabie din fier	În stânga defunctului	Vârf de lance, vârfuri de săgeți
6	Costești T1/M10	Sabie din fier	În dreapta defunctului	Arc, vârfuri de săgeți
7	Florești M	Sabie din fier		Cămașă din zale
8	Kamianka T5/M1	Sabie din fier cu lungimea de 110 cm și componente de la teacă	În stânga defunctului	Vârf de săgeată din os
9	Moscu M	Sabie din fier		Coif, fragmente de cămașă de zale
10	Pavlivka T1/M10	Sabie fragmentară cu urme de bronz pe mâner, în teacă din lemn	Lângă braț	Pumnal, arc, vârfuri de săgeți, tolbă
11	Primorske T1/M6	Sabie fără gardă cu lungimea de 87,5 cm, în teaca de lemn	În lungul peretelui din dreapta	Vârfuri de săgeți, fragmente de la cămașă de zale
12	Suvorove T2/M1	Sabie din fier		Plăsele de os de la arc
13	Ștefan Vodă T1/M1a	Sabie în teacă cu lungimea de 108 cm	În dreapta, paralel cu scheletul, vârful în jos	Arc și tolbă de arc
14	Trapivka T1/M2	Fragmente din lamă și mâner	Mormânt răvășit, poziție necunoscută	Pumnal, vârfuri de săgeți din os și fier, fragmente de coif și de platoșă
15	Trapivka T10/M9	Fragmentul unei săbii din fier	În partea stângă a bazi-nului	Vârfuri de săgeți romboidale
16	Ursoaia T1/M4	Trei fragmente de lamă	În dreapta scheletului	

rindu-se doar trei exemplare (Ioniță 2005, 93).

În Transilvania medievală sabia, ca armă de cavalerie ușoară, nu va fi utilizată o perioadă prea îndelungată. Ea va rămâne o armă folosită pentru un timp mai scurt, legată cultural-istoric de prima generație de migratori maghiari așezați aici și plasată cronologic în prima jumătate a secolului X. Singurele piese de acest gen, destul de puține la număr, se întâlnesc din motivul respectiv în mormintele ce aparțin populațiilor de origine răsăriteană, mai exact în cadrul primului lor val de penetrație, desemnat arheologic pentru Transilvania drept „grupul Cluj”. Nu există dovezi ale folosirii sabiei după secolul XI. În spațiu intracarpatic, chiar în complexele funerare ce conțin elemente specifice migratorilor maghiari (scărițe cu talpă rotunjită, săgeți rombice sau zăbală articulată), deja de la cumpăna mileniilor spada grea de tip occidental, dreaptă și cu două tăișuri, înlocuiește sabia ușoară. După secolul XI urmează o evoluție firească, maghiarii, ca forță militară dominantă în aceste zone, preluând ei înșiși structurile militare, sociale și politice ale Europei Centrale și Apusene, în urma creștinării în rit roman și a intrării în sfe-

ra de influență a Imperiului German. Acest aspect este ușor sesizabil arheologic, deoarece inventarul necropolelor maghiare de după anul 1000 își schimbă configurația, iar săbiile specifice populației magheare la venirea în Pannonia și Transilvania sunt înlocuite cu spade cavaleriești de factură occidentală, pentru ca de la mijlocul secolului XI armele să dispară cu totul din morminte (Pinter 1999, 79). La est de Carpați, un fragment din lama unei săbii și două gârzi au fost descoperite în așezarea întărită de la Bâta Doamnei, datată în secolele XII-XIII, care, după toate probabilitățile, a fost locuită atât de militari cât și de civili (Spinei 1994, 113, fig. 15,3,9,10).

Sabia face parte din acea categorie a inventarului, care demonstrează nu doar apartenența la triburile nomade a defunctului și situația lui social-economică, dar are și un mare rol în cadrul ritualului funerar. În perioada evului mediu sabia deținea întâietatea printre armele de luptă corp la corp, fiind una din cele mai importante piese militare din echipamentul călăreților nomazi din câmpiile est-europene (Evglevskii, Potemkina 2000, 120).

Bibliografie

- Ioniță 2005:** A. Ioniță, Spațiul dintre Carpații meridionali și Dunărea inferioară în secolele XI-XIII (București 2005).
- Pinter 1999:** Z.K. Pinter, Spada și sabia medievală în Transilvania și Banat (sec. IX-XIV) (Reșița 1999).
- Postică, Sava 1996:** Gh. Postică, E. Sava, Complexe funerare ale nomazilor medievali de lângă satul Balabani, raionul Taraclia, Republica Moldova. SCIVA 47, 1 (București 1996), 63-89.
- Spinei 1985:** V. Spinei, Realități etnice și politice în Moldova meridională în secolele X-XIII, românii și turanicii (Iași 1985).
- Spinei 1994:** V. Spinei, Moldova în secolele XI-XIV (Chișinău 1994).
- Vysotskii 1992:** A.L. Vysotskii, Otchet o polevykh issledovaniiah Suvorovskoi novostroechnoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1991 godu. Arhiva MNIM, inv. nr. 332 (Chișinău 1992) // A.Л. Высоцкий, Отчёт о полевых исследованиях Суворовской новостроечной археологической экспедиции в 1991 году. Архив НМИИ.
- Dobroliubskii, Dzigovskii 1981:** A.S. Dobroliubskii, A.N. Dzigovskii, Pamiatniki kochevnikov IX-XIV vv. na zapade prichernomorskikh stepei. In: Pamiatniki drevnikh kul'tur Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Kiev 1981), 134-145 // A.C. Добролюбский, А.Н. Дзиговский, Памятники кочевников IX-XIV вв. на западе причерноморских степей. В сб.: Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 134-145.
- Evglevskii, Potemkina 2000:** A.V. Evglevskii, T.M. Potemkina, Vostochnoevropeiskie pozdnekochevicheskie sabli. In: Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia. Tom 1 (Donetsk 2000), 117-180 // A.B. Евглевский, Т.М. Потемкина, Восточноевропейские позднекочевнические сабли. В сб.: Степи Европы в эпоху средневековья. Том 1 (Донецк 2000), 117-180.

- Kirpichnikov 1966:** A.N. Kirpichnikov, *Drevnerusskoe oruzhie. Mechi i sabli*. SAI, vyp. EI-36 (Moskva 1966) // А.Н. Кирпичников, *Древнерусское оружие. Мечи и Сабли*. САИ, вып. EI-36 (Москва 1966).
- Pletneva 1958:** S.A. Pletneva, *Pechenegi, torki i polovtsy v iuzhnorusskikh stepiakh*. MIA 62 (Moskva 1962) // С.А. Плетнёва, *Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях*. МИА 62 (Москва 1958).
- Subbotin, Subbotin 1994:** L.V. Subbotin, A.V. Subbotin, *Pozdnekochevnicheskoe zakhoronenie v g. Kiliia*. In: DP KSOAO (Odessa 1994), 231-237 // Л.В. Субботин, А.В. Субботин, *Позднекочевническое захоронение в г. Килия*. В сб.: ДП КСОАО (Одесса 1994), 231-237.
- Fedorov 1960:** G.B. Fedorov, *Naselenie Prutsko-Dnestrovskogo mezhdurech'ia v I tysiacheletii n.e.* MIA 89 (Moskva 1960) // Г.Б. Фёдоров, *Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э.* МИА 89 (Москва 1960).
- Fedorov-Davydov 1966:** G.A. Fedorov-Davydov, *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov* (Moskva 1966) // Г.А. Фёдоров-Давыдов, *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов* (Москва 1966).
- Chebotarenko 1977:** G.F. Chebotarenko, *Otchet o raskopakh, provodimykh Izmail'skoi ekspeditsiei Instituta arkheologii AN USSR v 1976 godu v Izmail'skom i Kiliiskom raionakh Odesskoi Oblasti*. Arkhiv IA NANU (Odessa 1977) // Г.Ф. Чеботаренко, *Отчет о раскопках, проводимых Измаильской экспедицией Института археологии АН УССР в 1976 году в Измаильском и Килийском районах Одесской Области*. Архив ИА НАНУ (Одесса 1977).
- Chebotarenko et al. 1977:** G.F. Chebotarenko, L.T. Cherniakov, G.N. Toshchev, *Rabomy Izmail'skoi ekspeditsii*. In: AO 1976 g. (Moskva 1977), 387 // Г.Ф. Чеботаренко, Л.Т. Черняков, Г.Н. Тощев, *Работы Измаильской экспедиции*. В сб.: АО 1976 г. (Москва 1977), 387.

Ion Ursu, doctor în istorie, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural AȘM, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, Chișinău, MD 2001, Republica Moldova, e-mail: ion_ursu11@yahoo.com

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVYS

Сергей Коваленко

Верхнепалеолитическая стоянка Дрэгэнешть X

Keywords: Drăgănești site, flint artefacts, Epigravettian, Upper Palaeolithic.

Cuvinte cheie: stațiunea Drăgănești, piese din silex, epigravetian, paleoliticul superior.

Ключевые слова: стоянка Дрэгэнешть X, кремневые изделия, эпиграветт, верхний палеолит.

Serghei Covalenco

The Upper Palaeolithic Site Drăgănești X

The studied Upper palaeolithic monument (Singerei district, Moldova) has yielded a collection of stone pieces (1980 items) gathered on the surface. The typological analysis of these artifacts indicates their Late glacial age and the belonging to technocomplex of Gravettian type. The described collection contains the end and side scrapers on small flakes, atypical burins and numerous micro pieces: backed bladelets and micropoints.

Sergiu Covalenco

Stațiunea paleoliticului superior Drăgănești X

Stațiunea Drăgănești X (r-nul Singerei, Republica Moldova) a furnizat o colecție de artefacte din piatră (1980 ex.) adunate de pe suprafața sitului. Analiza tipologică a acestor artefacte indică vârsta lor târzie și apartenența la technocomplexul epigravetian. Colecția conține capete și părți laterale de gratoare pe așchii mărunte, burine atipice și numeroase microlite – lamele și micropointe cu rețușe verticală.

Сергей Коваленко

Верхнепалеолитическая стоянка Дрэгэнешть X

Стоянка Дрэгэнешть X (Сынжерейский район, Молдова) представлена коллекцией из 1980 каменных изделий, собранных на поверхности памятника. Типологический анализ этих артефактов свидетельствует о позднеледниковом возрасте и принадлежности к эпиграветтскому технокомплексу. В составе коллекции присутствуют концевые и боковые скребки на мелких отщепах, атипичные резцы и богатый набор микроорудий – пластинок и микроострий с притупленным краем.

Активные поиски археологических памятников в среднем течении р. Рэут и его правобережных притоков в 50-70-х годах прошлого века привели к открытию многочисленных палеолитических стоянок, поселений трипольской и черняховской культур (Markevich 1973, 97-110; Chernysh 1973, 92-103; Ketraru 1973, 109-136; Rikman 1975, 88-93; Bikbaev 1981, 197-199). В это же время было обнаружено уникальное кришское поселение Сакаровка I, впоследствии раскопанное почти полностью. Разведка новых памятников была продолжена в начале 90-х годов, когда, наряду с палеолитическими местонахождениями, на возвышенных участках рельефа были выявлены стоянки на склонах долин. Так, в 1991 г. В.М. Бикбаевым была обнаружена стоянка позднеледникового возраста Дрэгэнешть X, которая предварительно была определена как верхнепалеолитическая

или мезолитическая (Bicbaev 1993, 44). В 1996-1998 гг. на этом памятнике была проведена шурфовка и сбор подъемного материала.

Местоположение стоянки (рис. 1) связано с пересеченной местностью, в верхней части долины р. Солонец, правобережного притока Рэута, вблизи водораздела с р. Большой Чулук. По нашим данным, она удалена на 2 км к югу от с. Дрэгэнешть и на такое же расстояние к юго-востоку от с. Сакаровка Сынжерейского района. Геоморфологически памятник занимает верхнюю часть гыртопа, разделенного несколькими овражными понижениями, образованным древними водотоками. Большая часть находок прослежена по западным покатым склонам двух вытянутых к северу мысов и по восточному борту третьего, преимущественно на эродированных участках и у мочаров. Площадь сбора подъемного матери-

ала – 400x150 м, хотя находки встречаются как в нижней части гыртопа, так и выше по склону у седловины.

На самой южной окраине зоны рассеивания находок, верхняя часть склона подрезана оползнем, обнажающим трехметровый глинистый откос. Его зачистка и закладка шурфа у основания, позволили проследить следующую стратиграфию (рис. 2):

1. голоценовые отложения – рыхлые и однородные по составу, пронизанные корнеходами, у основания бурого цвета, с включениями мелких полуразложившихся песчаных окатышей, с четкой нижней границей и затеками в подстилающий слой, мощностью 25-30 см;
2. суглинок светло-коричневый, с известковыми примазками, редкими включениями меловых окатышей, пронизанный кротовинами, заполненным черноземом, с пятнами охристого вещества и крайне редкими кремневыми изделиями, мощностью 40-45 см;
3. суглинки желто-коричневые слоистые, с чередованием глинистых и песчаных прослоек, с редкими включениями мелких песчаных окатышей и известнякового гравия, а также линзами из желтого мелкокристаллического песка эолового происхождения, мощностью 20-35 см;
4. суглинок желто-коричневый с ржаво-бурыми разводами, пронизанный вертикальными трещинами, мощностью 30-55 см;
5. суглинки желто-коричневые делювиального происхождения, с массой неотсортированных меловых и известняковых обломков, плоских галек диаметром 10-15 см, залегающим горизонтально, с находками двух обломков зуба бизона, мощностью 20-40 см;
6. глинистые пестро-цветные отложения аллювиального происхождения, расположенные под уклоном, выклинивающиеся к западу.

Шурф доведен до 4-метровой глубины. Как уже отмечалось, отдельные находки, сопоставимые с уровнем залегания культурного слоя стоянки, были прослежены в верхней части светло-коричневых суглинков, соотносимых с причерноморским лёссом, на глубине 0,8-1 м. Два обломка зуба бизона из литологического слоя 5, обнаруженные на глубине до 3,5 м, как предполагается, не связаны с дея-

тельностью древнего человека.

Коллекция каменных находок, собранных на поверхности памятника, насчитывает 1980 экземпляров. За исключением 5 предметов, основную массу этих находок составляют кремневые изделия и отходы обработки кремня. Используемое обитателями стоянки кремневое сырье, как правило, не имело глубоких

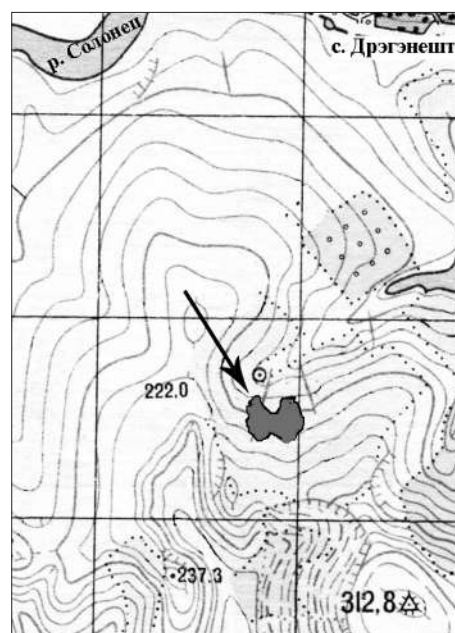

Рис. 1. Местоположение стоянки Дрэгэнешть X (указано стрелкой).

Fig. 1. Location of the site Drăgănești X (indicated by arrow).

каверн и обильной меловой корки. Несмотря на его доступность, наблюдается несравненно меньшее число небрежно подготовленных сколов, более экономное расходование сырья, чем это отмечено на относительно недалеко расположенных стоянках-мастерских в среднем течении долины р. Рэут (Kovalenko, Ketraru 2010). По нашим подсчетам, в коллекции Дрэгэнешть X представлено не пропорционально мало первичных сколов, хотя в ней и нашел отражение весь цикл расщепления кремня, что косвенно указывает на вероятность приноса на стоянку уже предварительно отобранного и апробированного сырья.

Экспериментально доказана высокая пластичность местного кремневого сырья. Именно этот фактор обеспечил возможность миниатюризации получаемых заготовок, доминирование

пластинчатой индустрии и присутствие большого числа микропластин, хотя практически все находки происходят из поверхностных сборов.

В составе использованного кремневого сырья преобладает желвачная порода. Это преимущественно меловой полупрозрачный кремнь светло-серых тонов, однородный по своей текстуре, с частично сглаженной поверхностью, что не исключает его происхождение

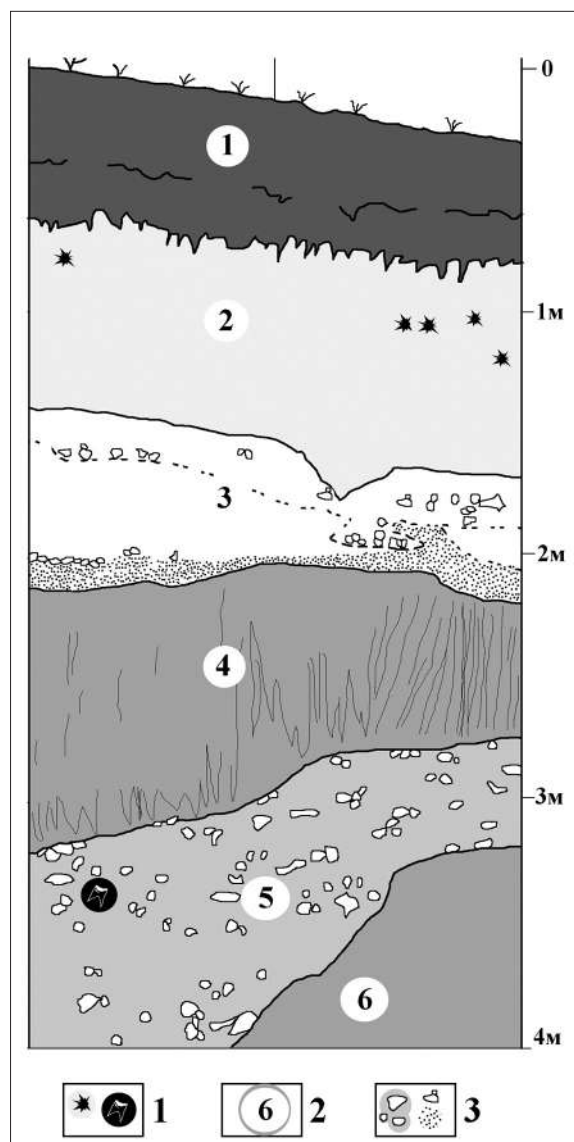

Рис. 2. Стратиграфия стоянки. 1 – кремневые изделия, сгустки охристого вещества и обломки зубов бизона; 2 – номера литологических слоев; 3 – меловые и известняковые обломки.

Fig. 2. Stratigraphy of the site. 1 - flint pieces, clots ochre substances and fragments of bison teeth; 2 - rooms lithological layers; 3 - chalky and limestone fragments.

из аллювиальных отложений террас. Широко распространен и темно-серый желвачный кремнь. В виде единичных находок встречается пластовой кремнь светло-коричневого цвета, отличительной особенностью которого является наличие в его составе прожилок серой тональности, а в случае сохранения корочной поверхности, её уплощенность. Изредка попадает галечный кремнь светло-коричневых тонов палеолитического возраста, резко отличный от темно-коричневой его разновидности, разрабатываемой в энеолите¹.

Степень патинизации находок различна. Обычно распространена белесая пятнистая

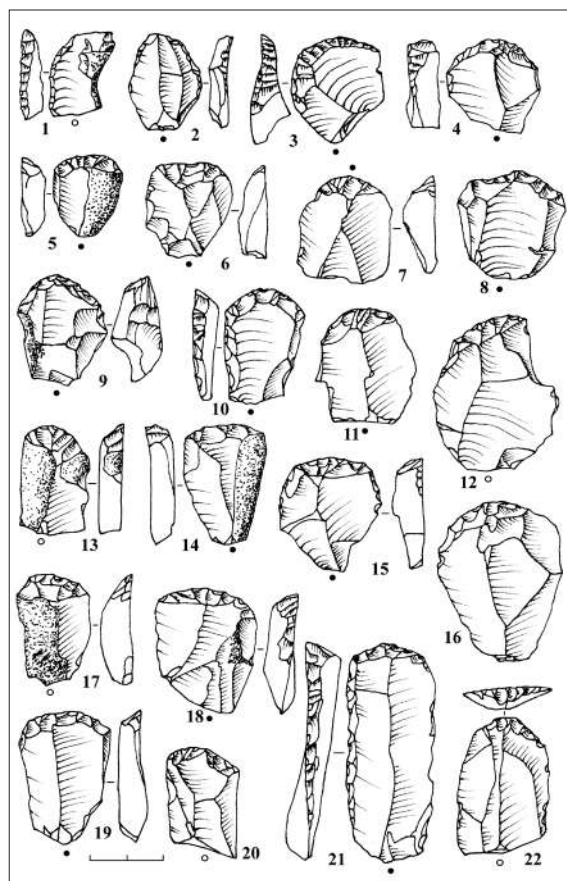

Рис. 3. Кремневые скребки.

Fig. 3. Flint scrapers.

патина, реже белая сплошная. Свой естественный цвет сохранили лишь находки из галечно-го темно-коричневого кремня.

1. О небольшой инородной примеси свидетельствуют находки миниатюрного наконечника стрелы треугольной формы с вогнутым основанием и двух ножевидных пластин.

По технико-морфологическим показателям коллекцию кремневых находок можно разделить на 76 нуклеусов, 1096 отщепов, 499 пластин, 158 технических сколов, 87 обломков и 59 чешуек. Все они в той или иной степени являлись производными техники призматического скалывания, прежде всего, ориентированной на получение пластинчатых сколов.

Максимальный размер нуклеусов достигает 12 см. Примерно такую же величину имели кремневые желваки, найденные при осмотре по-

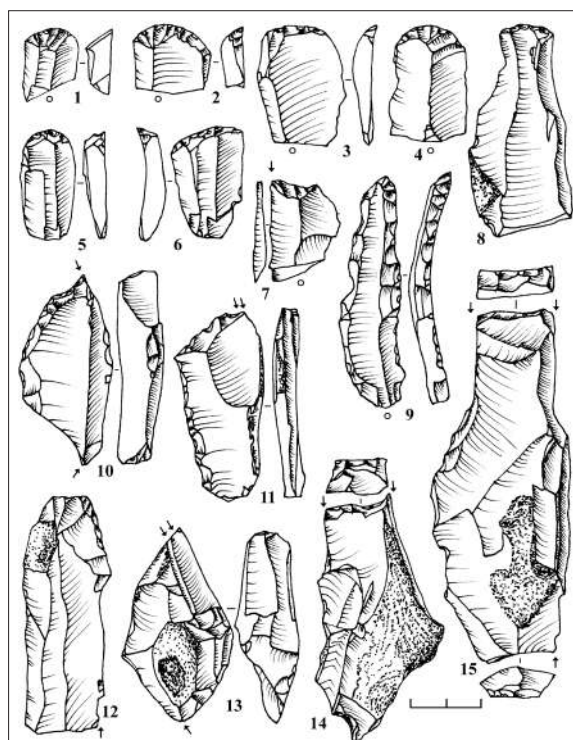

Рис. 4. Кремневые скребки.

Fig. 4. Flint scrapers.

верхности памятника. Средняя длина нуклеусов составляет 4-6 см. Встречаются и более мелкие формы, расщепление которых было не перспективным или предполагало снятие исключительно мелких пластин. Процент правильно огранных нуклеусов составляет $\frac{1}{4}$ часть от всей группы. При этом заметно превышение количества нуклеусов двуплощадочных над одноплощадочными. В отличие от близлежащих реутских памятников, где вторая ударная площадка обычно играла роль вспомогательной, в Дрэгэнешть Х обе площадки оказались равноценными. Состояние самих ударных площадок можно характеризовать как ско-

шенные и сильно скошенные, как правило, без признаков «оживления» и подтёски.

Среди нуклеусов выделяются: одноплощадочные-односторонние подпризматические (18 экз.) и призматические (8); двуплощадочные со встречным скалыванием (29), включая образцы с правильной огранкой (8); двуплощадочные со скалыванием в разных плоскостях (5), одно из которых с правильной огранкой; вторичные на массивных сколах (5), три из которых напоминают нуклевидные резцы; аморфные миниатюрные для снятия пластинчатых чешуек (4); обломки с неопределимой системой скалывания (5). Еще три находки отнесены к категории пренуклеусов.

В процессе расщепления нуклеусов для поддержания выпуклого рельефа рабочего фронта активно использовался прием снятия продольного реберчатого скола. В рассматриваемой коллекции таких сколов 87 экз. Показательные размеры одного из них – 11x1,8x1,2 см. Технически с реберчатыми образцами связаны ребристые сколы (36). Немногочисленной группой представлены сколы оживления ударных площадок нуклеусов (19). Об оформлении рабочего края резцов свидетельствуют 12 резцовых сколов, два из которых вторичные. С техническим браком связаны 4 «ныряющих» скола.

В группе сколов-заготовок преобладают мелкие отщепы (854 экз.). Однако потенциальными заготовками для орудий являлись лишь образцы, чьи размеры превышали 2,5 см. Отщепов средних размеров в рассматриваемой коллекции – 191 экз. Отщепов размером более 5 см выявлено 34 экз.

Традиционно наше особое внимание обращено на пластины. Некоторые количественные данные по этой группе находок отражены в таблице 1.

Пластины средних размеров, шириной 1,2-2,5 см, одни из наиболее востребованных заготовок для орудий, имеют правильную огранку, часто преднамеренно укорочены. Длина целых экземпляров пластин может достигать 8,5 см. Пластинки шириной 0,7-1,2 см, часто используемые для подготовки вкладышей, как правило, не превышают в длину 3 см и имеют сравнительно прямой профиль. Микропластинок в коллекции сравнительно мало, хотя четвертая их часть была привлечена для изготовления вкладышей.

Кремневые изделия с вторичной обработкой включают 105 экземпляров (5,3% от всей коллекции кремней). В их числе 48 скребков, скребло, 9 резцов, 2 острия, 9 пластинчатых сколов с ретушью, 27 мелких пластинок и 7

микроострий с притупленным краем, ретушер-отжимник и 2 обломка орудий.

Среди скребков больше всего концевых на пластинах (12 экз.), отщепах (24) и технических сколах (4). Боковые скребки выполнены на от-

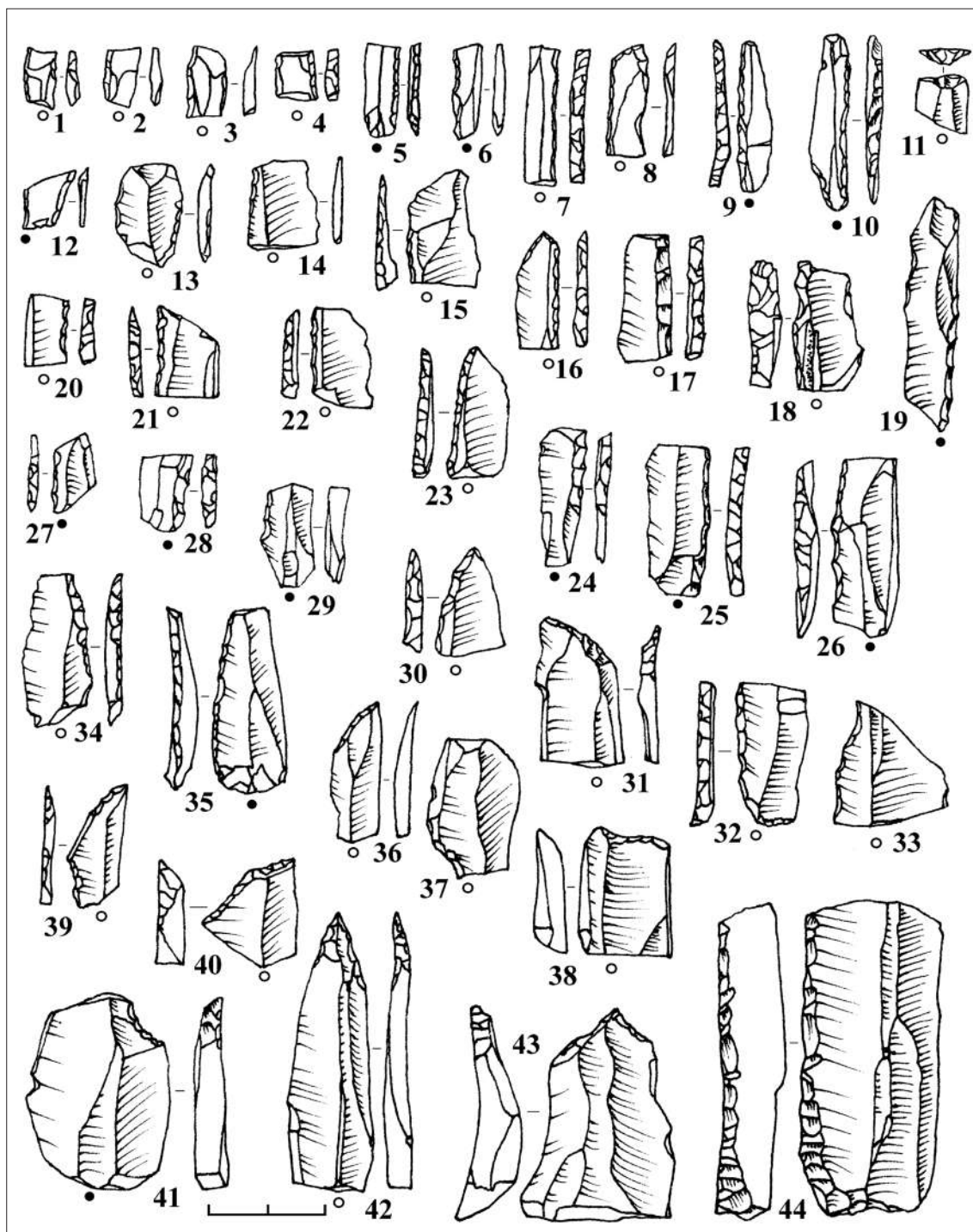

Рис. 5. Кремневые изделия.

Fig. 5. Flint artifacts.

Таблица 1

	крупные пластины		пластины		пластинки		микропластинки	
	общее число	включая орудия	общее число	включая орудия	общее число	включая орудия	общее число	включая орудия
целые	6	4	59	5	30	4	16	3
проксимальные концы	2	-	80	3	53	7	8	3
медиальные фрагменты	2	-	63	3	35	6	5	1
дистальные концы	4	-	75	13	58	8	13	4
Итого	14	4	267	24	176	25	42	10
%	3		53		35		8	

щепах (7) и обломке реберчатого скола. Лезвия таких скребков дугообразные небольшой протяженности. Исключение составляют три скребка на массивных отщепах, два из которых имеют рабочий край полуокруглых очертаний, а у третьего на лезвии двумя выемками моделирован выступ типа «à museau». Всего лишь два скребка концевой типа имеют регулярную ретушь по краю.

В группе концевых скребков на пластинах (рис. 3,19-22; 4,1-6,8) представлено по два экземпляра на целых и укороченных заготовках, а у остальных фиксируется обломанное основание. При этом большая часть пластинчатых скребков выполнена на заготовках шириной превышающей 2 см. Для концевых скребков на отщепах (рис. 3,4-18) характерна миниатюризация. Об этом свидетельствуют 11 из 24 скребков, которые имеют в поперечнике менее 3 см. Еще большее число мелких скребков отмечено среди боковой их разновидности (6 из 7), для которых использованы заготовки, как правило, не стандартной формы (рис. 3,1-3).

Каждый резец из коллекции кремневых орудий имеет свои индивидуальные особенности (рис. 4,7,10-15). Единственное, что их объединяет, это частое использование в качестве заготовки массивного удлиненного скола, предварительно обработанного регулярной ретушью по краю, который при оформлении лезвия срезался широким резцовым сколом или серией более узких снятий. С традиционными верхнепалеолитическими образцами, прежде всего, со-

относится резец на углу сломанной массивной пластины, с предварительно ретушированным краем (рис. 4,12), а также два боковых резца (рис. 4,7,11) на широких пластинах, один из которых имеет многофасеточное лезвие, примыкающее к косо ретушированному концу, через шип переходящему к ретушированному краю. Архаично выглядят два резца на массивных заготовках с двумя лезвиями (рис. 4,10,13), одно из которых косо ретушированное, другое двугранное многофасеточное. В одном экземпляре присутствует резец на вторичном нуклеусе, который в последствие использовался в качестве долота.

Но самыми неординарными можно считать три резца, выделяемые в отдельный тип орудий, называемый резцами-стамесками. Для них свойственно оформление заузенного выемчатого конца, интенсивно проработанного крутой или отвесной ретушью, с двух сторон подправленного плоскими резцовыми сколами. Для наших резцов-стамесок характерно применение, вместо плоских резцовых снятий, широких ламелярных сколов, реже узких многофасеточных. Два таких орудия из коллекции Дрэгэнешть выполнены на первичных нуклевидных сколах (рис. 4,14), а третье изделие, с двумя лезвиями на противоположных концах, подготовлено на массивной удлиненной заготовке (рис. 4,15).

Крайне важное место в инвентарном наборе занимают микроорудия (32%). В их числе представлены граветтские пластинки (16 экз.) и микропластинки (8) с вертикальной и крутой

ретушью срезающей один из краев заготовки на всю или большую часть её толщины (рис. 5,1-8,16-29,32). В отличие от пластин, где техника преднамеренного усечения концов достаточно выражена, у микроорудий она встречается эпизодически. Из 5 сечений микропластинок и 6 сечений пластинок только у одной микропластинки и двух пластинок предполагается преднамеренный излом обоих концов. Тем не менее, основная часть микроорудий с притупленным краем использовалась в качестве вкладышей, о чем свидетельствуют следы износа на режущем крае. К ним примыкают 3 обломка пластинок с мелкой ретушью по краю (рис. 5,12-15). Лишь у одной микропластинки наблюдается косое ретуширование конца.

Обособленную позицию занимают 7 микроострий. Два цельных экземпляра на микропластинках имеют прямой притупленный край, скошенное ретушью основание и обломанное дистальное острие (рис. 5,9-10). Три микроострия выполнены на пластинках, у которых острие сформировано косым ретушированием одного из краев на всем его протяжении (рис. 5,30,34,35). Еще три образца на обломках пластинок имеют косой срез мелкой ретушью дистального конца (рис. 5,31,36,39).

К изделиям с вторичной обработкой отнесены три пластины и один обломок пластинки с усеченным ретушью концом. Для пластин характерен прямой срез конца, при его крайне слабой вогнутости (рис. 5,38). Характер обработки пластинки сходен с таковой у трапезиевидных вкладышей (рис. 5,11). В коллекции присутствуют три пластины с признаками преднамеренного удаления конца, что производилось посредством излома у места предварительно подготовленной выемки (рис. 5,33,37,41).

Среди единичных орудий отметим: скребло с выпуклым продольным лезвием на обломке скола оживления ударной площадки нуклеуса; массивную ножевидную пластину с интенсивной ретушью утилизации по краю и

поперечно ретушированным основанием (рис. 5,44); пластину с регулярной крутой чешуйчатой ретушью по двум краям (рис. 4,9); два симметричных острия на пластинах с коротким жалом, выделенным ретушью с двух сторон (рис. 5,42,43), ретушер-отжимник со следами замятости на гранях нуклевидного обломка.

Помимо кремневых изделий, на поверхности стоянки были подобраны: два небольших обломка песчаниковых галек со следами использования в качестве отбойников; обломок сланцевой гальки продолговатой формы; крупный отбойник на естественной призматической гальке из кварцита с сильным износом на обоих концах. Для еще одного предмета, возможно, не связанного с основным массивом находок, была использована вулканическая порода серого цвета, бочковидная форма которого образовалась в процессе продолжительной эксплуатации².

Заканчивая характеристику каменной индустрии стоянки Дрэгэнешть Х, отметим, что по своему технико-типологическому облику она соотносится с позднеледниковым возрастом, возможно, с финальным палеолитом. На это указывает миниатюризация инвентарного набора, использование приема преднамеренного усечения пластин, присутствие серии боковых скребков и ретушера-отжимника, а также атипичный характер небольшой группы резцов. В то же самое время у нас нет оснований называть рассмотренный комплекс кремневых изделий эпипалеолитическим. При этом не возникает каких-либо сомнений в его индустриальной принадлежности к граветтскому технокомплексу, выраженному через активное употребление вертикальной краевой ретуши и широкое распространение вкладышевой техники. Для определения культурной принадлежности данных не достаточно.

2. Это орудие напоминает пест-терочник с шероховатой поверхностью без выбоин.

Литература

Bikbaev 1981: V.M. Bikbaev, Pamiatniki pozdnego paleolita – rannego tripol'ia v Lazovskom raione. In: AIM (1974-1976 gg.) (Kishinev 1981), 191-199 // В.М. Бикбаев, Памятники позднего палеоли-

та – раннего триполья в Лазовском районе. В сб.: АИМ (1974-1976 гг.) (Кишинев 1981), 191-199.
Bicbaiev 1993: V. Bicbaiev, Repertoriul monumentelor arheologice din raionul Sîngerei, Republica Moldova (Chişinău 1993).

Ketraru 1973: N. Ketraru, Pamiatniki epokh paleolita i mezolita. (Kishinev 1973) // Н.А. Кетрапу, Памятники эпох палеолита и мезолита (Кишинев 1973).

Kovalenko, Ketraru 2010: S.I. Kovalenko, N.A. Ketraru, Stoianki-masterskie verkhnego paleolita srednego techeniia r. Reut. Stratum plus 1 (Kishinev 2010), 269-275 // С.И. Коваленко, Н.А. Кетрапу. Стоянки-мастерские верхнего палеолита среднего течения р. Реут. В: Stratum plus 1 (Кишинев 2010), 269-275.

Markevich 1973: V.I. Markevich, Pamiatniki epokh neolita i eneolita (Kishinev 1973) // В.И. Маркевич, Памятники эпох неолита и энеолита (Кишинев 1973).

Rikman 1975: E.A. Rikman, Pamiatniki sarmatov i plemen cherniakhovskoi kul'tury (Kishinev 1975) // Э.А. Рикман, Памятники сарматов и племен черняховской культуры (Кишинев 1975).

Chernysh 1973: A.P. Chernysh, Paleolit i mezolit Pridnestrov'ia (Moskva 1973) // А.П. Черныш, Палеолит и мезолит Приднестровья (Москва 1973).

Сергей Коваленко, доктор истории, Центр археологии, Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001 Кишинев, Молдова, e-mail: covalenco@bk.ru

Rezultatele investigațiilor arheologice din așezările Fetești I și II (r-nul Edineț)

Keywords: settlement, Eneolithic, Noua culture, Gordinești aspect, dwelling.

Cuvinte cheie: așezare, eneolitic, cultura Noua, aspect de tip Gordinești, locuință.

Ключевые слова: поселение, энеолит, культура Ноуа, Гординештский аспект, жилище.

Olga Larina, Ghenadie Sîrbu

The results of archaeological investigations on the monuments of Fetesti I and II (Edinet district)

The article presents the results of the archaeological excavations which were conducted in 1985 on the settlements of Fetesti I and II and which investigated the total area of 314 sq.m. The research was of protective nature conditioned by the work carried out on the construction of the pond. All the excavations were laid at the places where archaeological material was congregated on the surface. The analysis of the ceramic material made it possible to attribute the settlement of Fetesti I to the Noua culture and Fetesti II to the Late Tripolian group of the Gordinești type.

Olga Larina, Ghenadie Sîrbu

Rezultatele investigațiilor arheologice din așezările Fetești I și II (r-nul Edineț)

În articol sunt prezentate rezultatele săpăturilor arheologice petrecute în anul 1985 în siturile Fetești I și II, unde a fost investigată o suprafață de 314 m.p. Cercetările au purtat un caracter de salvare, în vederea lucrărilor efectuate la amenajarea unui iaz. Toate secțiunile au fost trasate pe locul concentrațiilor de materiale surprinse la suprafață. Analiza, în baza aspectului tehnologic, repertoriul morfologic și îndeosebi a specificului stilistic, efectuată pentru recipientele ceramice recuperate din ambele situri, au prezentat argumente importante care confirmă atribuirea așezărilor: Fetești I culturii Noua (unei faze timpurii) și Fetești II aspectului eneolitic târziu de tip Gordinești.

Олга Ларина, Геннадий Сырбу

Результаты археологических исследований на памятниках Фетешты I и II (Единецкий район)

В статье представлены результаты археологических раскопок проведенных в 1985 году на поселениях Фетешты I и II, где было исследовано общая площадь в 314 кв.м. Исследования имели охранный характер в связи с работами проведенными на строительстве пруда. Раскопки были заложены на местах скопления, на поверхность, археологического материала. После анализа керамического материала было возможно отнести поселение Фетешты I культуры Ноуа, а Фетешты II позднеприпольской группы типа Гординешты.

Introducere

În perioada 18 iunie - 31 august 1985, expediția neolitică condusă de către Olga Larina, a efectuat lucrări de salvare a monumentelor arheologice în zona de ameliorare din apropierea localității Fetești (r-nul Edineț). În urma cercetărilor de suprafață petrecute pe perimetrul malurilor lacului de acumulare care urma să fie săpat au fost depistate două situri: Fetești I și II (fig. 1).

Așezarea Fetești I este amplasată pe malul stâng al lacului de acumulare, la 30-50 m de apă, pe un promontoriu format de râulețul care se scurge în el dinspre sud-est. Pe suprafața așezării au fost surprinse două aglomerații de materiale, fiecare având o suprafață de cca 100 m.p., situată la o distanță de 100-150 m una de la alta. Pentru verificare, s-au secționat ambele aglomerații, în jurnalul de șantier fiind notate ca secțiunea I și II.

În continuare vom prezenta, pe rând, rezultatele obținute.

Secțiune I (fig. 2) reprezintă un pătrat 12x12 m orientat NV-SE, suprafața decopertată fiind de 144 m.p. În urma observațiilor stratigrafice s-a reușit de urmărit următoarea consecutivitate: 0-20 – cm strat de sol înțelenit; 20-50 cm – cernoziom de culoare deschisă, amestecat cu vestigii de cultură materială; 50-80 cm – strat steril.

De pe suprafață, din perimetrul secțiunii au fost colectate 15 unelte litice lucrate din silex de culoare neagră-cenușie cu pete alburii, reprezentate prin nouă *lame*, cinci *gratoare* și un *nucleu*.

Lamele (fig. 3,1,2,4,7) au capetele ascuțite fără urme de prelucrare secundară, doar în câteva cazuri pe ambele laturi se conținea retușă mărunță. Dimensiuni: Lungimea (în continuare L) = 2,4-5 cm; Lățimea (în continuare La) = 1-4 cm; Grosimea (în continuare Gr) = 0,4-0,5 cm.

Gratoarele (fig. 3,3,6,8) au fost lucrate pe capete de lame, pe partea de lucru conținându-se rețușă, în unele cazuri mărunță și deasă, iar în altele cu solzi mari, dispuși vertical sau oblic cu capetele ascuțite. Dimensiunea: $L = 2,5-2,6$ cm; $La = 3-4$ cm; $Gr = 0,2-1$ cm.

Nucleul (fig. 3,5) este de proporții mici, cu dimensiunile de $4 \times 3,5 \times 1,8$ cm.

Vestigiile de cultură materială recuperate din straturile de săpătură includ: 325 fragmente

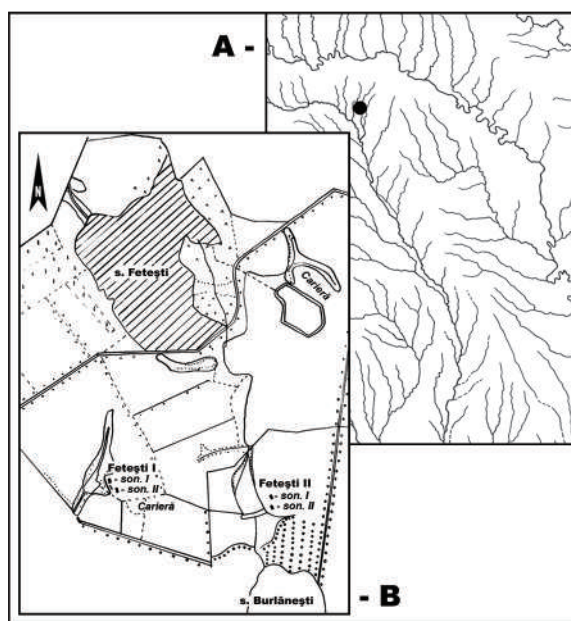

Fig. 1. Fetești I și II 1985. A – localizarea așezărilor pe harta geografică a Republicii Moldova; B – schița topografică a localității Fetești.

Fig. 1. Fetești I and II 1985. A – location of the sites on a geographical map of Republic of Moldova; B – topographic sketch of the Fetești village.

de ceramică, 84 de silexuri, 60 de fragmente osteologice, 20 de bucăți de lipitură de diferite dimensiuni și 18 piese de inventar.

Din categoria **pieselor de inventar** fac parte 10 silexuri, trei obiecte din piatră și cinci din os.

Obiectele **litice** sunt reprezentate de șase lame, două *percutoare*, un *burin* miniatural și o *seceră*, lucrate din silex de culoare neagră-cenușie cu pete fumurii.

Lamele (fig. 4,2-5) au laturile ascuțite și ușor corectate cu rețușă mărunță, dimensiunile variază: $L = 4-6$ cm; $La = 1,1-4,7$ cm; $Gr = 0,5-3,7$ cm.

Percutoarele (fig. 4,7) au formă sferică, prezentând urme intense de utilizare. Pe una din piese au fost surprinse urme pentru fixare în mână.

Diametrul variază între 4,5 și 5,5 cm.

Burinul (fig. 4,1) are una din laturi, prelucrată, dinspre abdomen, prin rețușă mărunță. Dimensiuni: $L = 3$ cm; $La = 1,7$ cm; $Gr = 0,1-1$ cm.

Secera (fig. 4,6) de la care s-a păstrat doar un fragment, are marginile evidențiate prin rețușă accentuată, cu urme de lustruire apărute în rezultatul utilizării intense. Dimensiunile: $L = 6,5$ cm, $La = 4,5-5,4$ cm și $Gr = 1,4$ cm.

Piesele din **piatră** de gresie, sunt de culoare cenușie deschisă, din care au fost lucrate un *percutor* de formă ovală neregulată (fig. 5,7) și o *cute* (fig. 5,3). Iar din rocă nisipoasă a fost lucrată o *plastină* ovală neregulată (fig. 5,5), cu ambele suprafețe bine netezite. Dimensiuni: $L = 7,5$ cm; $La = 6,6$ cm; $Gr = 1,3$ cm.

Ansamblul obiectelor din **os** conține cinci piese reprezentate prin doi *omoplați creștați*, un *străpungător*, o *fusaiolă* și un *nasture*.

Omoplații creștați (fig. 5,2,8) au fost lucrați

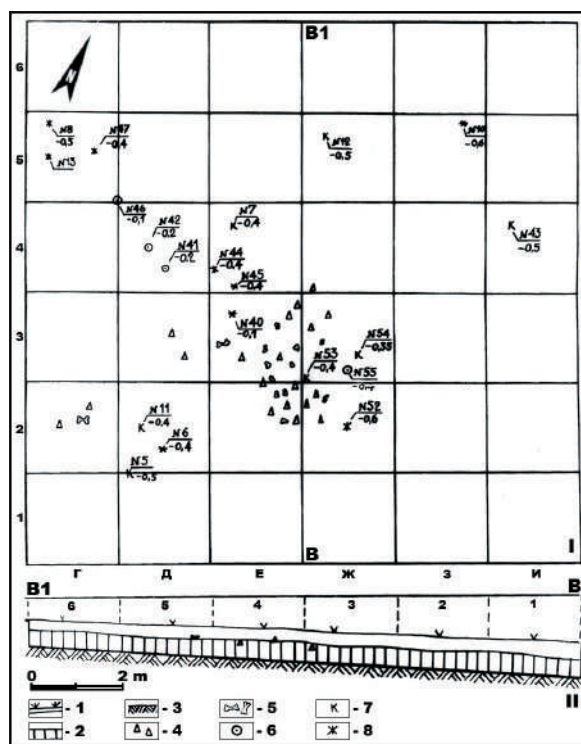

Fig. 2. Fetești I 1985. I – planul secțiunii I; II – stratigrafia verticală; 1 – strat de sol înțelenit; 2 – sol lutos maro închis; 3 – strat steril; 4 – fragmente de ceramică; 5 – resturi osteologice; 6 – unelte din piatră; 7 – unelte din os; 8 – unelte din silex.

Fig. 2. Fetești I 1985. I – plan of the section I; II – vertical stratigraphy; 1 – topsoil; 2 – brown silty soil; 3 – sterile layer; 4 – fragments of ceramics; 5 – osteological remains; 7 – bone tools; 8 – flint tools.

din os de la animale de talie medie, pe una din pie-se s-au păstrat urme de uzură.

Străpungătorul (fig. 5,6) este lucrat din aş-chie de os, ambele vârfuri fiind şlefuite. Dimen-siuni: L = 9 cm; La = 1,3 cm; Gr = 0,5 cm.

Fusaiola (fig. 5,4) a fost executată din rotula de la osul membrului inferior al unui animal de talie medie, pe centru conţine o perforaţie cu diametrul de 0,8 cm. Dimensiuni: D = 4 cm şi Gr = 1,2 cm.

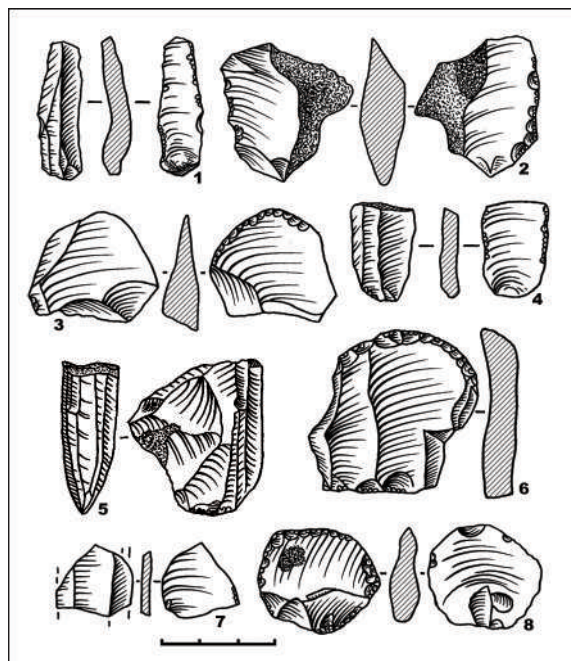

Fig. 3. Feteşti I 1985. Piese litice.

Fig. 3. Feteşti I 1985. Lithic pieces.

Nasturele (fig. 5,1) este lucrat din os, suprafa-ţa fiind minuţios netezită, pe centru au fost plasate două găuri cu diametrul de 0,3 cm. Dimensiuni: D = 5,6 cm şi Gr = 0,2 cm.

Ceramica constituie categoria cea mai nu-meroasă, cu 312 fragmente, iar conform analize-lor tehnico-tehnologice aparţine la două categorii: ceramică fină şi de uz comun. Recipientele din ce-ramică *fină* (150 fragmente) au fost modelate din pastă de calitate bună, degresată cu şamotă de di-ferită granulaţie, având culoare gălbui-cărămizie cu pete cenuşii, ambele suprafeţe fiind minuţios netezite. Categoria ceramicii de *uz comun* (162 fragmente), este modelată din pastă amesteca-tă cu şamotă, silex şi cuarţ de diferită granulaţie, culoarea variind între negru-cenuşiu şi cenuşiu-gălbui, ambele suprafeţe fiind netezite minuţios. La această colecţie se mai adaugă 13 fragmente de

vase modelate din pastă compactă, fără impuri-tăţi, de culoare roşie, lipsite de ornament.

Astfel, din totalul de 325 recipiente descoperite, 321 (96%), după factură şi tehnică de modelare, sunt

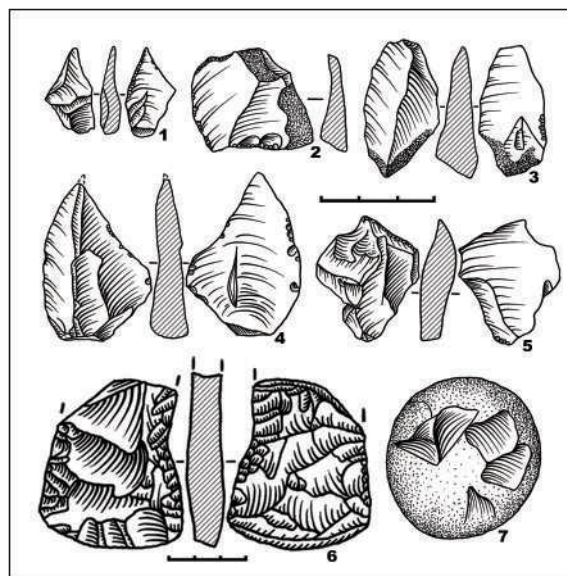

Fig. 4. Feteşti I 1985. Piese litice.

Fig. 4. Feteşti I 1985. Lithic pieces.

specifice culturii Noua, iar 13 (4%) presupun prezen-ţa unei locuiri de scurtă durată a unor comunităţi din cultura Cucuteni-Tripolie.

Relevante din punct de vedere al tipului mor-fologic de recipiente sunt cele specifice culturii Noua. Pentru categoria fină s-a reuşit reconstitui-rea grafică a câtorva forme: *cupe* şi o *strachină*; iar pentru cea de uz comun - vase în formă de sac.

Cupele sunt reprezentate prin variante cu corpul sferic (fig. 6,2,5,6) sau bitronconic (fig. 6,9), gâtul scurt şi doar într-un caz fiind modelat în formă de pâlnie (fig. 6,9), buza rotunjită şi eva-zată lin sau teşită orizontal. În unele cazuri partea exterioară a fost lustruită. Decorul s-a aplicat doar pe partea exterioară, reprezentat prin şiruri de îm-punsături completate cu brâu în relief alveolat şi alveole oblice (fig. 11,5), toate dispuse orizontal în zona dintre gât şi umăr. Unele exemplare au fost dotate cu torţi supraînălţate ce conţin pe partea superioară butoni cilindrici (fig. 6,4) sau o nervu-ră pe centru (fig. 6,1).

Strachina (fig. 6,11) are corpul tronconic, buza rotunjită, cu partea superioară dreaptă, fiind lipsită de decor.

Vasele în formă de sac cuprind recipiente cu pereţii uşor arcuiţi, gâtul scurt, diferenţiindu-se

după buză: rotunjită și evazată lin (fig. 6,3,14), rotunjită cu partea superioară dreaptă (fig. 6,10), teșită oblic cu vârful evazat (fig. 6,7,13) sau reliefată (fig. 6,8,12). Elementele decorative sunt reprezentate prin șiruri de găuri orizontale completate cu brâu simplu (fig. 6,3,7,10,12,15) sau alveolat (fig. 6,14), toate plasate sub buză.

Urme ale unor complexe de locuit sau menajere nu au fost fixate.

Secțiunea II (fig. 7) a fost trasată la 100 m nord-vest de prima secțiune, în zona unde au fost fixate la suprafață urmele celei de a doua concen-

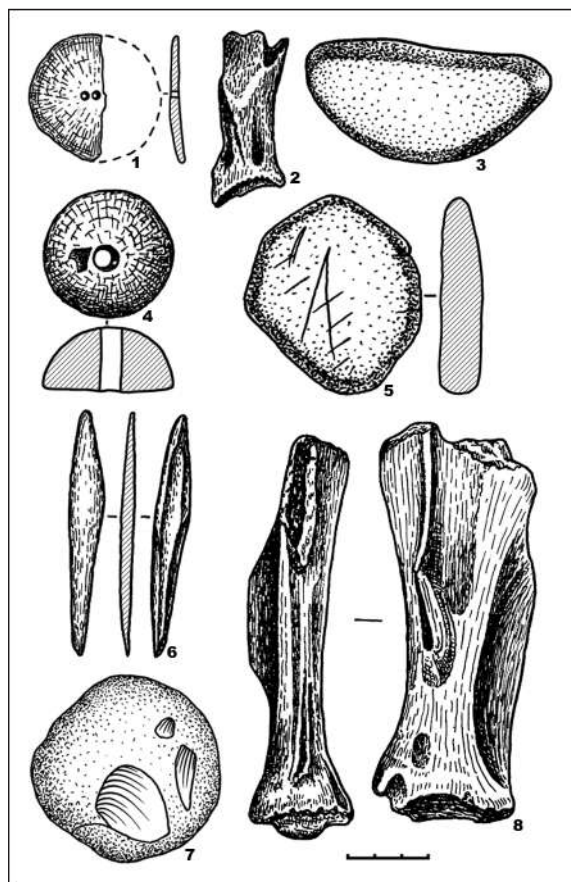

Fig. 5. Fetești I 1985. Piese de inventar (1, 2, 4, 6, 8 – os; 3, 5, 7 – piatră).

Fig. 5. Fetești I 1985. Individual objects (1, 2, 4, 6, 8 – bone; 3, 5, 7 – stone).

trații de materiale, a fost împărțită în trei carouri de 2x2 m, este orientată NV-SE, și are o suprafață totală de 40 m.p. Succesiunea stratigrafică se prezintă în felul următor: 0-20 cm – pământ înțelenit; 20-50 cm – cernoziom de culoare deschisă; 50-70 cm – sol lutos; 70-80 cm – strat steril amestecat din abundență cu prundiș și calcar.

Dela suprafață au fost recuperate câteva ustensile lucrate din **os**, reprezentate printr-un fragment de **patină** (fig. 8,7) și un **omoplat crestă** (fig. 8,5).

Din straturile de săpătură au fost recoltate materiale arheologice ce includ: 150 fragmente de ceramică, 43 de resturi osteologice, 33 de silexuri, 12 bucăți de lipitură, 10 pietre cu dimensiunile cuprinse între 5x10 cm și cinci piese de inventar.

Lotul **pieselor de inventar** din straturile de săpătură include piese executate din piatră, silex și os.

Artefactele din **piatră** certifică trei **cute** (fig. 8,8), toate fiind descoperite în stare fragmentară, una din care conține pe centru adâncituri. Dimensiuni: L = 4-8 cm; La = 5-7,5 cm; Gr = 3,5-6,5 cm.

Din categoria pieselor lucrate din **silex** de culoare neagră cu pete alburii face parte o **lamă** (fig. 8,3), pe partea destinată utilizării conținându-se retușă mărunță. Dimensiuni: L = 5,5 cm; La = 4,2 cm; Gr = 1,6 cm.

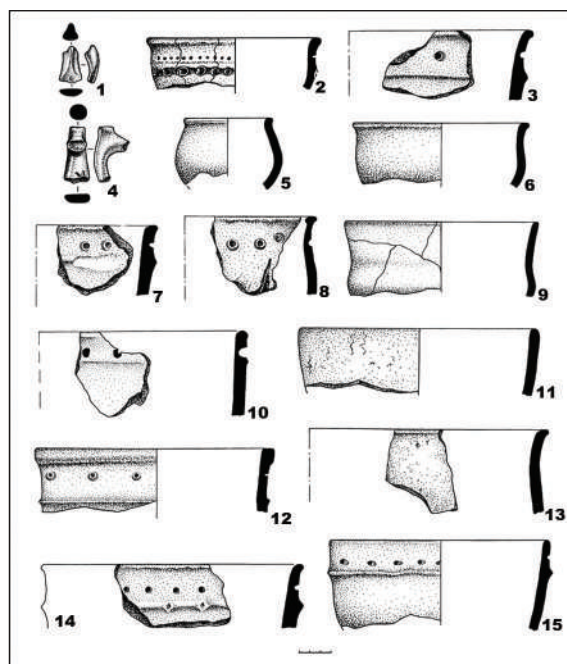

Fig. 6. Fetești I 1985. Secțiunea I. Ceramică fină (1, 2, 5, 6, 9, 11) și de uz comun (3, 7, 8, 12-15) din straturi.

Fig. 6. Fetești I 1985. Section I. Fine (1, 2, 5, 6, 9, 11) and coarse ceramics (3, 7, 8, 12-15) from layers.

Anasamblul ustensilelor din **os** include un **omoplat crestă** (fig. 8,9) lucrat din os de la un animal de talie medie.

Și aici, ca și în cazul primei secțiuni, materialul cel mai numeros îl reprezintă **ceramica**, cu 150 fragmente. Analiza tehnico-tehnologică a permis

delimitarea a două categorii: *fină* modelată din pastă degresată cu șamotă de granulație mică – 48 fragmente (32 %), de culoare cenușiu-cărmizie cu pete gălbui, ambele suprafețe fiind netezite; de *uz comun* modelată din pastă bine amestecată, degresată cu silex și cuarț de granulație diferită – 102 fragmente (68 %), de culoarea cenușiu-gălbuie și ambele suprafețe fiind netezite.

Din cauza stării fragmentare a materialului ceramic, evidențierea unor tipuri morfologice de vase a fost posibilă doar datorită reconstituirilor grafice, în urma cărora s-a reușit de conturat câteva forme. Pentru recipientele din pastă fină au fost delimitate *cupe*, iar pentru cele de uz comun – vase în formă de sac.

Cupele au formă bitronconică, buza rotun-

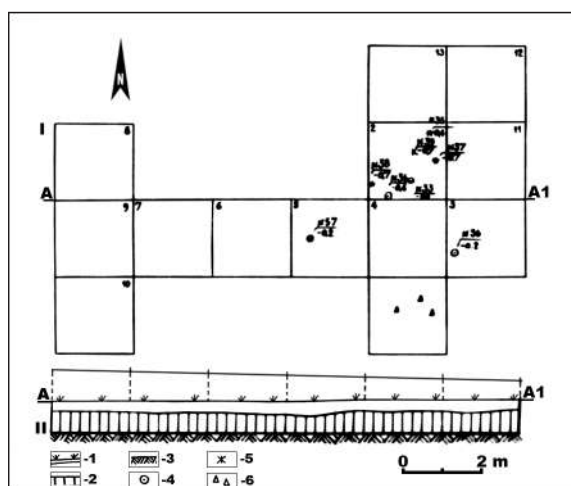

Fig. 7. Fetești I 1985. I – planul secțiunii II; II – stratigrafia verticală; 1 – strat de sol înțelenit; 2 – sol lutos maro închis; 3 – strat steril; 4 – unelte din piatră; 5 – unelte din silex; 6 – fragmente de ceramică.

Fig. 7. Fetești I 1985. I – plan of the section II; II – vertical stratigraphy; 1 – topsoil; 2 – brown silty soil; 3 – sterile layer; 4 – stone tools; 5 – flint tools; 6 – fragment of ceramics.

jită cu vârful evazat, pe corp fiind plasate torți supraînălțate, care conțin pe partea superioară butoni cilindrici (fig. 11,4,7) sau în formă de ciupercă (fig. 11,6).

Vasele în formă de sac sunt cu pereții ușor arcuiți, buza rotunjită (fig. 11,2), vârful ușor ascuțit și evazată lin (fig. 11,1); partea superioară teșită oblic și vârful rotunjit (fig. 11,3) sau accentuat (fig. 11,4). Decorul este compus din șiruri de împunsături sau perforații completate cu brăie simple, plasate orizontal imediat sub buză.

În urma decupării straturilor de sol și taluzării

podelei nu au fost surprinse contururi de complexe.

Așezarea Fetești II

Se află la 3 km sud-vest de la satul cu același nume, ocupând malul domol din partea sud-vestică a lacului, lângă digul de protecție (fig. 1,B; 9). De la suprafață au fost colectate vestigiile ale culturii materiale specifice paleoliticului superior, culturii Cucuteni-Tripolie, culturii Noua și culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov.

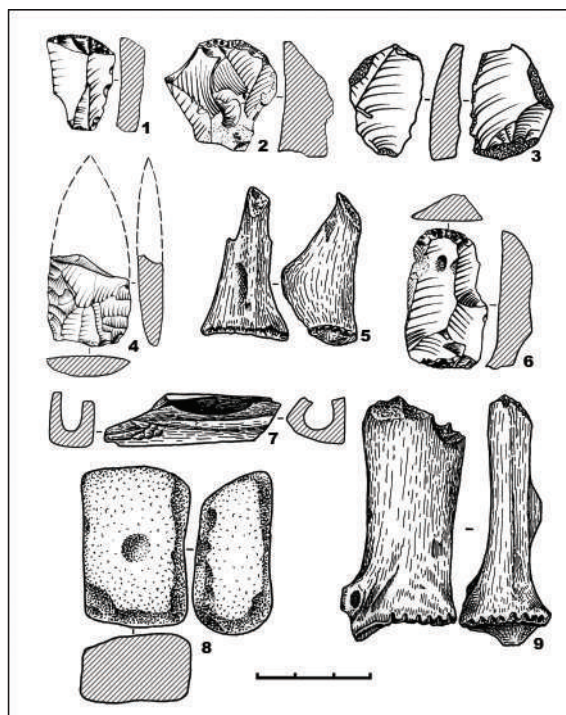

Fig. 8. Fetești I și II 1985. Piese de inventar (1-4, 6 – silex; 5, 7, 9 – os; 8 – piatră). 7, 5 – de la suprafața secțiunii II; 3, 8, 9 – din straturi (Fetești I); 1 – din straturi; 2, 4, 6 – din umplutura platformei (Fetești II).

Fig. 8. Fetești I and II 1985. Individual objects (1-4, 6 – flint; 5, 7, 9 – bone; 8 – stone). 7, 5 – from the surface of section II; 3, 8, 9 – from the layers (Fetești I); 1 – from the layers; 2, 4, 6 – from the platform filling (Fetești II).

Ca și în cazul așezării Fetești I, în perimetrul sitului au fost surprinse concentrații cu vestigii arheologice. Pe locul aglomerațiilor mai consistente de lipitură au fost trasate două secțiuni și efectuate trei sondaje.

Secțiunea I (fig. 9,B) a fost trasată la 80 m de la digul de protecție a lacului, și împărțită pe sectoare. Sectorul de nord-est acoperea o suprafață de 6x10 m iar cel de sud-vest de 2x20 m, în total fiind decopertați 100 m.p.

În apropiere de colțul de sud-est al secțiunii, începând de la 0,2 și până la 0,6 m adâncime, au fost descoperite concentrații de pietre de calcar cu dimensiuni cuprinse între 10 și 30 cm, acoperite cu bucăți de lipitură cu grosimea de 2-4 cm.

Vestigii ale culturii materiale au fost descoperite și în stratul de cernoziom de culoare deschisă, gros decca 30 cm. Ansamblul materialelor includea: 153 de recipiente ceramice, 42 de silexuri, 25 bucăți de lipitură 15 pietre și o singură piesă de inventar.

Piesa de inventar este reprezentată de un *gratoar* pe capăt de lamă (fig. 8,1), lucrat din silex de culoare neagră de calitate bună, pe partea destinată utilizării se conținea retușă mărunță, dimensiuni: L = 5 cm; La = 2,7 cm; Gr = 1,5 cm.

Materialul cel mai informativ îl constituie **ceramica**, în total din săpătură au fost recuperate 153 fragmente, dintre care 150 de fragmente

de tradiție romană, dintre care mai reprezentativ este un fragment de toartă (fig. 13,1). Recipientele atribuite culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov

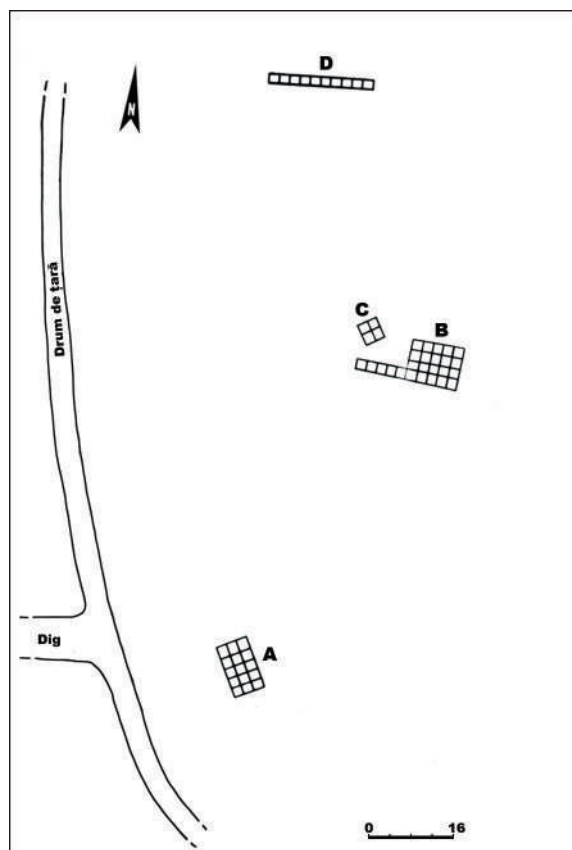

Fig. 9. Fetești II 1985. A – secțiunea II; B – secțiunea I; C, D – sondaje de verificare.

Fig. 9. Fetești II 1985. A – section II; B – section I; C, D – verification surveys.

(98,03%) după factură sunt specifice culturii Sântana de Mureș-Cherniakhov și trei (1,97%) sunt

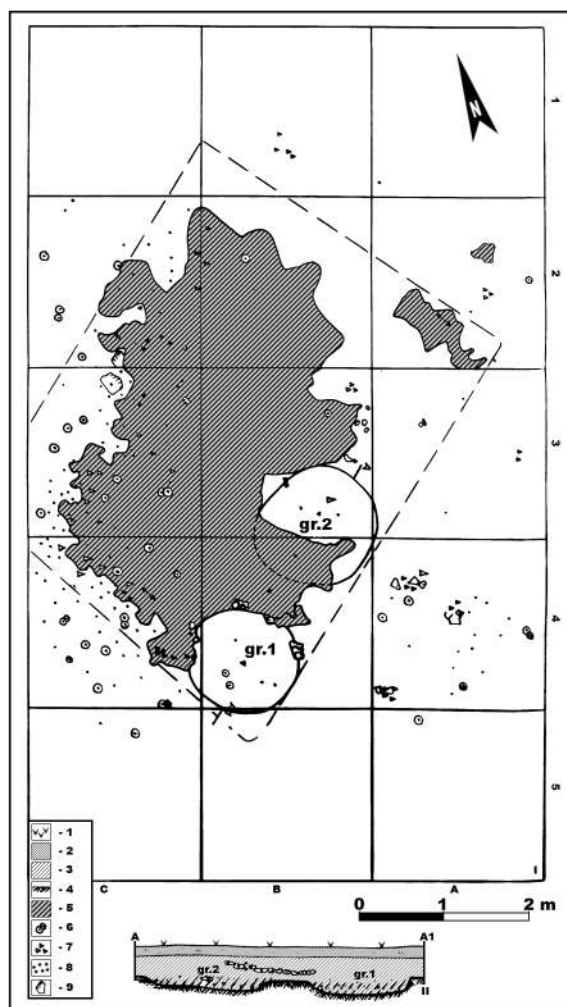

Fig. 10. Fetești II 1985. I – planul secțiunii II; II – profilul gropilor 1 și 2; 1 – strat vegetal; 2 – strat de cernoziom; 3 – sol ars din umplutura gropilor; 4 – strat steril; 5 – resturile platformei de lut; 6 – piese litice; 7 – fragmente de ceramică; 8 – așchii de silex; 9 – pietre.

Fig. 10. Fetești II 1985. I – plan of the section II; II – profile of pits 1 and 2; 1 – topsoil; 2 – layer of mold; 3 – born soil from pits filling; 4 – sterile layer; 5 – remains of the clay platform; 6 – flint pieces; 7 – fragments of ceramic; 8 – matchwood of flint; 9 – stone.

au fost modelate la roata olarului, din pastă de calitate bună având culoare cenușie.

În urma modelărilor grafice a fost posibil de reconstituit forma morfologică a unui vas lucrat la roată, cu corpul bitronconic, buza în formă de guler, puternic evazată, cu diametrul de 21 cm, de culoare cenușie și cu suprafața bine lustruită (fig. 13,2).

În vederea verificării consistenței stratului de cultură pe întreaga suprafață a așezării au fost efectuate două **sondaje**, cu o suprafață totală de 18 m.p. (fig. 9,C,D), care, însă, nu au furnizat material informativ.

Secțiunea II (fig. 9,A) a fost trasată la 18 m sud-vest de digul de protecție și de drum, în locul unde la suprafață au fost surprinse concentrații de material arheologic, are dimensiunile de 3x5 m, în total degajându-se 30 m.p. Situl a fost afectat de lucrări agricole și urmărirea unei succesiuni stratigrafice nu a fost posibilă.

Imediat după degajarea primului strat de sol,

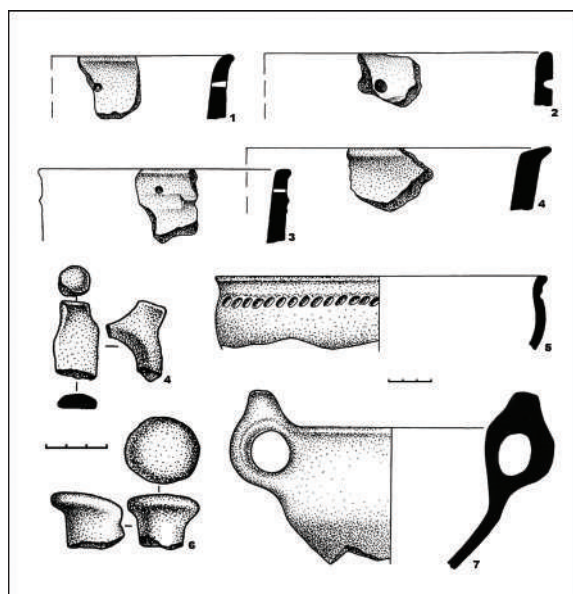

Fig. 11. Fetești I 1985. Secțiunea II. Ceramică fină (4, 6, 7) și de uz comun (1-4) din straturi.

Fig. 11. Fetești I 1985. Section II. Fine (4, 6, 7) and coarse ceramics (1-4) from layers.

la adâncimea de 10-15 cm în carourile 1A¹, B, B și 2A, B, B, și la 0,20 cm în carourile 1B, B au fost dezvelite resturile unei platforme de lut ars (fig. 10), cu urme de nuiel și bârne. Cel mai bine s-a păstrat partea de vest a construcției, unde au fost descoperite bucățile de chirpic (10x9x5 cm) cu amprente de nuiel. Platforma avea dimensiunile de 5,2x3,6 m, fiind orientată cu axul central în direcția nord-est-sud-vest.

În urma dezasamblării platformei s-a observat că lipitura se afla într-un strat, imediat sub care se aflau câteva concentrații de ceramică, silex pa-

nizat și două piese de inventar.

Din ansamblul **pieselor de inventar** fac parte obiecte litice reprezentate de două *gratoare* și un *vârf de săgeată*.

Gratoarele pe capăt de lamă (fig. 8,2,6) au fost lucrate din silex negru, pe latura destinată lucrului conținându-se retușă mărunță. Dimensiuni: L =

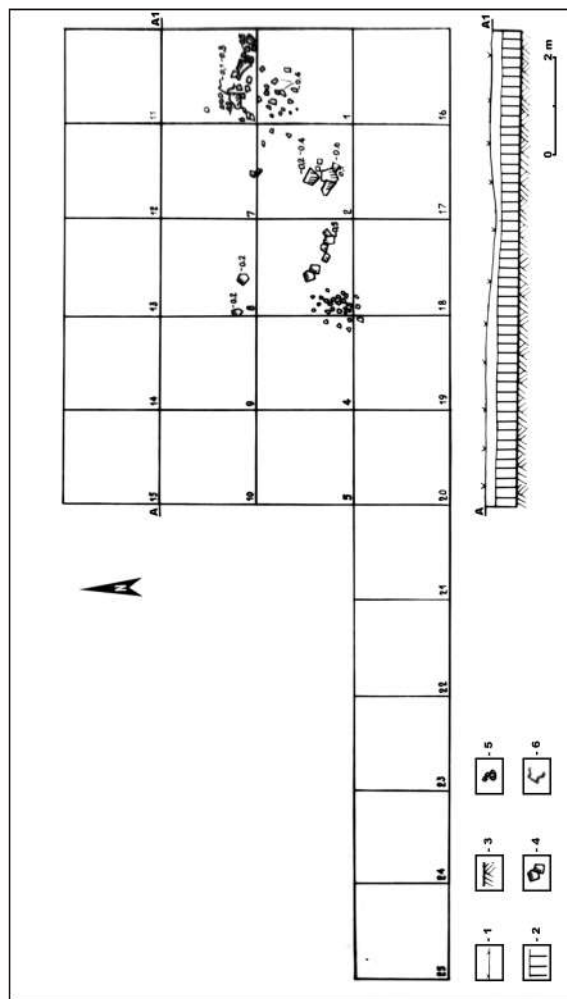

Fig. 12. Fetești II 1985. Planul și profilul secțiunii I; 1 – strat vegetal; 2 – sol lutos maro închis; 3 – strat steril; 4 – pietre; 5 – fragmente de lut ars; 6 – aglomerație de ceramică.

Fig. 12. Fetești II 1985. Plan and profile of section I; 1 – topsoil; 2 – brown slity soil; 3 – sterile layer; 4 – stone; 5 – fragments of born clay; 6 – agglomerations of ceramic.

3,3-4,8 cm; La = 3,5-2,8 cm; Gr = 1,2-1,6 cm.

Vârful de săgeată foliform (fig. 8,4) a fost lucrat din silex negru de calitate bună, laturile conținând retușă mășcată cu solzi oblici, vârful a fost rupt. Dimensiuni: L=6 cm; La=2,4 cm; Gr=0,7 cm.

Ceramica recuperată însumează 365 fragmente, care conform datelor tehnico-tehnologice

1. Literale carourilor au fost indicate exact cum sunt date în raportul de săpătură, cu litere din alfabetul rusesc.

apartine la două categorii: **fină**, modelată din pastă compactă, degresată cu nisip de granulație mică, de culoare cărămizie deschisă, decorul fiind redat prin pictură brună/neagră pe fondul roșu sau pe angoba alburie; de **uz comun**, modelată din pastă în amestec cu scoică pisată, de culoare cenușie cu nuanțe gălbui deschise, decorul fiind reprezentat prin elemente imprimate. Ponderea procentuală fiind următoarea: recipientele fine - 273 fragmente (74,8%); de uz comun - 92 fragmente (25,2%).

Starea fragmentară a ceramicii și lipsa vaselor întregi, nu au permis o analiză mai detaliată în baza criteriului morfologic. Însă, în urma reconstituirilor grafice s-a reușit de evidențiat, pentru recipientele de factură fină, două forme: *amfore* și o *strachină*.

Amforele (fig. 14,1-5,7) aveau corpul sferic, gâtul cilindric scurt sau alungit, cu torți perforate orizontal și plasate pe diametrul maxim al vasului,

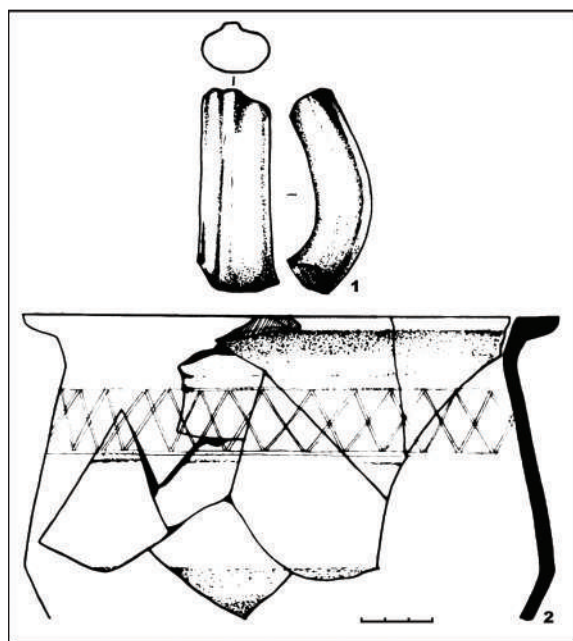

Fig. 13. Fetești II 1985. Ceramică fină din secțiunea I.

Fig. 13. Fetești II 1985. Fine ceramic from section I.

pe fondul roșiatic fiind aplicată pictură de culoare neagră, organizată în șiruri de linii orizontale completate cu bandă de triunghiuri pline.

Strachina (fig. 14,6) avea pereții ușor arcuiți, buza rotunjită și înclinată în interior, pe angoba albă fiind aplicat decor pictat cu negru organizat în linii subțiri ce formau un ansamblu geometric.

Pentru categoria de uz comun a fost posibil de restabilit grafic următoarele forme de vase:

cupă, *strachină*, *castron* și *amfore*.

Cupa (fig. 15,5) cu corpul sferic, gâtul cilindric, buza evazată cu vârful teșit oblic spre exterior. Decorul este reprezentat printr-un șir de imprimări circulare neregulate, plasate la trecerea de la gât spre umăr.

Strachina (fig. 15,2) de formă tronconică, buza dreaptă cu marginile rotunjite. Decorul lipsește.

Castronul (fig. 15,6) avea corpul sferic cu pereții în formă de „S”, gâtul cilindric și evazat, buza subțiată cu vârful tras în exterior. Decorul este reprezentat printr-un șir de imprimări de formă circulară neregulată.

Amforele (fig. 15,1,3,4) aveau corpul sferic, gâtul cilindric și scurt, buza evazată lin sau accentuat și cu vârful ușor rotunjit. Decorul este reprezentat prin imprimări realizate cu un obiect ce are capătul

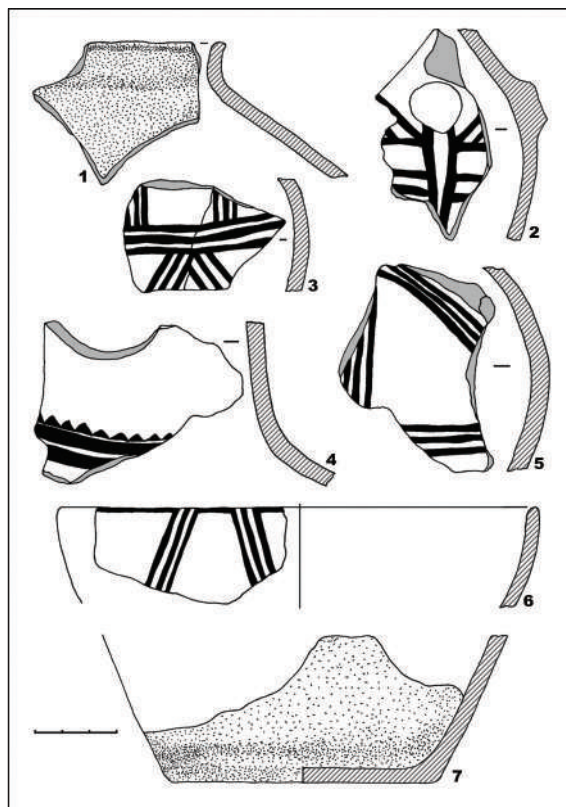

Fig. 14. Fetești II 1985. Ceramică fină din secțiunea II.

Fig. 14. Fetești II 1985. Fine ceramic from section II.

circular sau cu unghia, completate cu butoni conici, toate dispuse orizontal la limita dintre gât și umăr.

În partea de est a construcției, la adâncimea de 30-40 cm de la nivelul actual de călcare, au fost surprinse contururile a două gropi, care intrau parțial cu circumferința sub podeaua platformei de lut.

Groapa 1, a fost descoperită în sectorul de sud-vest al complexului, are formă ovală cu dimensiunile de 1,2-1,3 m, ușor alungită pe linia nord-vest-sud-est, cu pereții care ușor se îngustau spre fundul drept. Groapa se adâncea cu 20-25 cm de la fundul podelei platformei, diametrul gropii la fund era de 60 cm. În umplutură se conținea sol ars în amestec cu șase fragmente ceramice și opt așchii de silex de culoare neagră cu pete alburii.

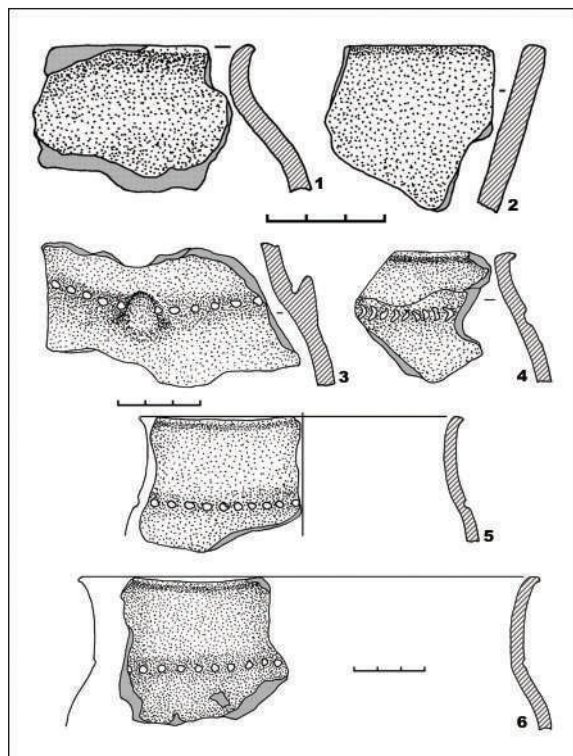

Fig. 15. Fetești II 1985. Ceramică de uz comun din secțiunea II.
Fig. 15. Fetești II 1985. Coarse ceramic from section II.

După aspectul tehnologic, recipientele ceramice sunt specifice purtătorilor tradițiilor de tip Gordinești.

Groapa 2, se afla pe aceeași linie cu prima, la 0,5 m nord-vest de ea, la fel avea formă ovală cu dimensiunile de 1,3-1,4 m. Pereții se îngustau lin spre fundul gropii și se adânceau în sol, de la nivelul inferior al podelei cu 20 cm. În umplutură se conținea sol ars în amestec cu patru fragmente ceramice de factură asemănătoare celor din prima groapă, patru fragmente de oase de la animale, trei lame de silex negru cu nuanțe alburii puternic patinizate.

Concluzii

Rezumând cele expuse în rândurile de mai sus putem spune că materialul arheologic descoperit în săpăturile din 1985 efectuate în apropiere de localitatea Fetești (r-nul Edineț), chiar de sunt puține la număr, vin să completeze harta monumentelor arheologice din Republica Moldova.

Cercetările efectuate în zona de ameliorare au avut un caracter de monitorizare a situației arheologice din imediata apropiere a lacului de acumulare, care urma să fie săpat la periferia satului Fetești. Prospectarea zonei și săpăturile efectuate în așezarea Fetești I, au furnizat date despre existența mai multor nivele de locuire prezente în acest sit: urme răzlețe din paleoliticul superior și a unor comunități cucuteniene, perioada ne fiind precizată din cauza stării slabe de conservare a recipientelor ceramice; și a unui nivel mai consistent din perioada târzie a epicii bronzului – de tip Noua.

În situl Fetești I prin trasarea a două secțiuni au fost decopertate în total 284 m.p., materialul arheologic recuperat, conform datelor tehnico-tehnologice, morfologice și stilistice, își găsește analogii în vestigiile atribuite culturii Noua din bazinul Prutului Superior cum ar fi: Bădragii Vechi (Smirnova 1967: 66–74); Petrușeni-*La Cigoreanu* (Sava, Levițki 1995: 157–188); Slobodca-Șireuți (Dergachev 1969: 110–122; idem 1973: 66–67); Burlănești-*La Salcîmărie* (Levițki, Demcenko: 1997, 103–122) etc. Aria analogiilor poate fi extinsă atât în spațiul dintre Carpați și râul Prut (Florescu 1991; Dumitroaia 1992: 119–142) cât și regiunile din Ucraina de Nord-Vest (Krushel'nits'ka 2006).

Prezența degresantului de silex sau cuarț în pastă, cu analogii în mediul comunităților purtătoare a tradițiilor de tip Komarov (Balaguri 1985: 488; Berezanskaia 1985: 436), ne permite să presupunem că situl Fetești I a fost populat în faza timpurie a culturii Noua.

Cât privește situl Fetești II, în comparație cu prima așezare, este mult mai informativă. Conform observațiilor stratigrafiei orizontale a fost stabilit că, așezarea conține două nivele de locuire, unul mai consistent, din epoca eneolitică și altul specific culturii Sântana de Mureș-Černjahov. Prezența în acest sit a urmelor de locuire de tip Sântana de Mureș-Černjahov sunt documentate prin fragmente răzlețe de ceramică cenușie lucrată la roata olarului.

Cantitatea cea mai mare de recipiente, con-

form aspectului tehnologic, ansamblului de forme și a specificului stilistic, în care predomină ornamentul pictat cu negru-brun organizat în șiruri de linii subțiri ce formează un decor geometric și a celui realizat în tehnica imprimării ne permite să atribuim situl dat comunităților purtătoare a tradițiilor de tip Gordinești, din perioada tripoliană târzie (Dergachev 1980: 6–18), sau cum mai este des utilizată în literatura de specialitate românească – de tranziție de la eneolitic la perioada timpurie a epocii bronzului (Dumitrescu, Vulpe 1988: 51–59; Dumitroaia 2000: 22–68; Burtănescu 2002: 338–396).

Analogiile cele mai apropiate, pentru ansamblul ceramic, le găsim în monumentele din arealul faciesului de tip Gordinești localizate atât în vecinătate, cum ar fi siturile *Trinca-Izvorul lui Luca* (Levițki et al. 1999, 17–116), *Costești IX* (Markevich 1981, 45–46, ris. 77, 2), *Gordinești II-Stînca Goală* (Dergachev 1973a, 90–100), *Hancăuți I-La Frasin* (Bikbaev 1987) cât și în bazinul Nistrului de Mijloc (Sava et al. 1995, 282–357).

Atribuirea sitului examinat monumentelor de tip Gordinești, de rând cu aspectul stilistic al

ceramicii, atât pictate cât și a celei grosiere, este argumentată și de altă categorie de descoperiri reprezentată prin locuința de suprafață/platforma de lut. Complexul de la Fetești II este de dimensiuni mici (18,7 m.p.) și conține resturi de chirpic ars pe doar 60 % din suprafață, după starea de conservare a lipiturii poate fi încadrată în categoria platformelor reducătoare, după terminologia lui Valentin Dergachev (Dergachev 1980, 52). Locuințe de suprafață, specifice aspectului dat din sivlostepa pruto-nistreană, au mai fost cercetate în siturile: *Trinca-Izvorul lui Luca* (Alaiba, Burtănescu 1997, 421–427; Levițki et al., 1999, 21–22), *Coțea-La Hîrtop*² (Dergachev, Savva 1985, 70) etc.

Astfel cercetările efectuate în așezările pluristratificate Fetești I și II, vin să completeze bazele de date atât pentru faciesul de tip Gordinești cât și pentru cultura Noua, iar includerea lor în circuitul științific este justificată pe deplin.

2. În studiul publicat în 1985, de către V. Dergachev și E. Sava nu este adusă informație mai detaliată despre parametrii locuinței de suprafață.

Bibliografie

- Alaiba, Burtănescu 1997:** R. Alaiba, F. Burtănescu, Cercetările arheologice din 1996 de la Trinca-Izvorul lui Luca, raionul Edineț, Republica Moldova. În: CAANT II (București 1997), 421–427.
- Burtănescu 2002:** F. Burtănescu, Epoca timpurie a bronzului între Carpați și Prut cu unele contribuții la problemele perioadei premergătoare epocii bronzului în Moldova. BThr. XXXVII (București 2002).
- Dumitroaia 1992:** Gh. Dumitroaia, Cultura Noua pe teritoriul jud. Neamț. Carpica XXIII, 1992, 119–142.
- Dumitroaia 2000:** Gh. Dumitroaia, Comunitățile Preistorice din Nord-Estul României. De la cultura Cucuteni până la bronzul mijlociu. Biblioteca Memoria Antiquitatis VII (Piatra-Neamț 2000).
- Dumitrescu, Vulpe 1988:** Vl. Dumitrescu, Al. Vulpe, Dacia înainte de Dromihete (București 1988).
- Florescu 1991:** Adrian C. Florescu, Repertoriul culturii Noua-Coslogeni din România. Așezări și necropole. CCDJ IX, (Călărași 1991).
- Levițki, Demcenko 1997:** O. Levițki, T. Demcenko, Necropola tumulară – plană a culturii Noua de la Burlănești. Angustia II, 1997, 103–122.
- Levițki et al. 1999:** O. Levițki, R. Alaiba, V. Bubulici, Raport asupra investigațiilor arheologice efectuate în anii 1997–1998, la Trinca-Izvorul lui Luca, r. Edineț, Republica Moldova. În: CAANT III (București 1999), 17–116.
- Sava, Levițki 1995:** E. Sava, O. Levițki, Așezarea culturii Noua de la Petrușeni „La Cigoreanu” – Investigații de șantier din anul 1991. În: CAANT I (București 1995), 157–188.
- Sava et al. 1995:** E. Sava, I. Manzura, M. Tcaciuc, S. Kurciatov, V. Bubulici, R. Rabinovici, V. Guchin, R. Alaiba, M. Bădău-Wittenberger, Investigațiile istorico-arheologice efectuate în microzona istorico-naturală Rudi-Tătărauca Nouă-Arionești (raionul Dondușeni, Republica Moldova). În: CAANTI (București 1995), 281–357.
- Balaguri 1985:** E.A. Balaguri, Kul'tura Noa. In: Arkheologiiia Ukrainskoi SSR (ed. I.I. Artemenko) (Kiev 1985), Vol. 1, 481–489 // Э.А. Балагури, Культура Ноа. В сб.: Археология Украинской ССР (отв.

ред. И.И. Артеменко) (Киев 1985), Том 1, 481–489.

Berezanskaya 1985: S.S. Berezanskaya, Komarovskaya kul'tura. In: Arkheologiya Ukrainskoi SSR (ed. I.I. Artemenko) (Kiev 1985), Vol. 1, 428–437 // С.С. Березанская, Комаровская культура. В сб.: Археология Украинской ССР (отв. ред. И.И. Артеменко) (Киев 1985), Том 1, 428–437.

Bikbaev 1987: V.M. Bikbaev, Otchot Khankautskoy arkheologicheskoy ekspeditsii ob issledovaniyakh na mnogoslennom poselenii Khankautsi-I v polevoy sezon 1986 g. Arkhiv NMIM, Inv. nr. 258 (Kishinev 1987) // В.М. Бикбаев, Отчет Ханкаутской археологической экспедиции об исследованиях на многослойном поселении Ханкаутцы-I в полевой сезон 1986 г. Архив НМИИ, Инв. № 258 (Кишинев 1987).

Dergachev 1969: V.A. Dergachev, Poselenie bronzы u sela Slobodka-Shireutsy. In: (ed. L.L. Polevoi) Dalekoe proshloe Moldavii (Kishinev 1969), 110–122 // В.А. Дергачев, Поселение бронзы у села Слободка-Ширеуцы. В сб.: (отв. ред. Л.Л. Полевой) Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110–122.

Dergachev 1973: V.A. Dergachev, Pamyatniki epokhi bronzы. In: (ed. P.P. Byrnya, N.A. Ketrary) Arkheologicheskaya karta Moldavskoy SSR Vypusk 3 (Kishinev 1973), 66–67 // В.А. Дергачев, Памятники эпохи бронзы. В сб.: (отв. ред. П.П. Бырня, Н.А. Кетрару) Археологическая карта Молдавской ССР Выпуск 3 (Кишинев 1973), 66–67.

Dergachev 1973a: V.A. Dergachev, Pozdnetripol'skie poseleniya u s. Gordineshty. In: AIM v 1970-1971 gg. (Kishinev 1973), 90–100 // В.А. Дергачев, Позднетрипольские поселения у с. Гординешты. В сб.: АИМ в 1970-1971 гг. (Кишинев 1973), 90–100.

Dergachev 1980: V.A. Dergachev, Pamyatniki pozdnego Tripol'ya (Kishinev 1980) // В.А. Дергачев, Памятники позднего Триполья (Кишинев 1980).

Dergachev, Savva 1985: V.A. Dergachev, E.N. Savva, Raskopki komarovskikh poseleniy u s. Kotyala. In: AIM v 1981 g. (Kishinev 1985), 64–82 // Дергачев В.А., Савва Е.Н., Раскопки комаровских поселений у с. Котяла. В сб.: АИМ в 1981 г. (Кишинев 1985), 64–82.

Kreshel'nits'ka 2006: L.I. Kreshel'nits'ka, Kul'tura Noa na zemlyakh Ukraini (Lvov 2006) // Л.И. Крешельницка, Культура Ноа на землях України (Львів 2006).

Markevich 1981: V.I. Markevich, Pozdnetripol'skie plemena Severnoy Moldavii (Kishinev 1980) // В.И. Маркевич, Позднетрипольские племена Северной Молдавии (Кишинев 1980).

Smirnova 1967: G.I. Smirnova, Mogil'nik kul'tury Noa u s. Starye Bedrazhi v Moldavii. KSIA 112, 1967, 66–74 // Г.И. Смирнова, Могильник культуры Ноа у с. Старые Бедражи в Молдавии. КСИА 112, 1967, 66–74.

Olga Larina, doctor în istorie, cercetător științific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1, Chișinău, MD 2001, Republica Moldova

Ghenadie Sirbu, cercetător științific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1, Chișinău, MD 2001, Republica Moldova, e-mail: ghena_ipc@yahoo.com

Геннадий Тоцев

Кромлехи с каменными плитами со знаками в Причерноморье и Крыму

Keywords: cromlechs, stone chamber, North Black Sea area, Crimea, Early Bronze Age, Yamnaya Culture.

Cuvinte cheie: Crimeea, ring de piatră/cromlech, cistă de piatră, însemn-simbol.

Ключевые слова: Крым, кромлех, каменный ящик, знак-символ.

Gennadii Toshev

Cromlechs stone slabs with symbols from North Black Sea area and Crimea

The paper shed light over a group of prehistoric art monuments: cromlech stone slabs with symbols. Symbols recorded on surface of stone slabs of cromlech chambers from North Black Sea area and Crimea are compared. This kind of archaeological monuments are regarded as a part of Early Bronze Age antiquities of Yamnaya Culture.

Gennadii Toshchev

Ringuri de piatră constând din plăci cu însemne în nordul Mării Negre și Crimeea

În lucrarea de față sunt analizate un șir de descoperiri reprezentate de plăci de piatră din componența ringurilor de piatră (numite și cromlech) cu reprezentări de simboluri gravate pe suprafața acestora. Piese sunt comparate cu reprezentările cunoscute pe suprafața plăcilor care formează ciste de piatră ale unor tumuli din nordul Mării Negre și Crimeea. Monumentele respective sunt plasate cronologic în cadrul vestigiilor culturii Yamnaya din perioada timpurie a epocii bronzului.

Геннадий Тоцев

Кромлехи с каменными плитами со знаками в Причерноморье и Крыму

В работе освещается одна из групп артефактов первобытного искусства – плиты со знаками в составе кромлехов. Проводится сопоставление с изображениями на стенках каменных ящиков Причерноморья и Крыма. Подобные памятники рассматриваются в системе древностей Ямной культуры эпохи ранней бронзы.

Памятники со знаками на плитах кромлеха единичны. Первая такая находка известна по материалам кургана у с. Вербовка Черкасской обл. (Bobrinskii 190, 12-15). Долгое время они оставались единственным источником такого рода для иллюстрации положений об искусстве эпохи раннего металла. А.А. Формозов считал возможным относить сооружение ко времени ямной культуры (Formozov 1969, 155-157) (рис. 1,1).

Позже изображения на камнях кромлеха энеолитического(?) времени засвидетельствованы в кургане 1 у с. Великая Александровка Херсонской области (раскопки Ю.А. Шилова в 1981 г.). Здесь на двух плитах зафиксированы рельефные изображения животных, окрашенные охрой (Rassamakin 2004, 127).

В Нижнем Поднепровье в группе Высокая могила (курган № 2) одна из вертикально вкопанных плит кромлеха, связанного с основным разрушенным погребением, была ornamentирована врезным орнаментом в виде концентрических полуovalов (Liashko 1989, 78-79) (рис.1,4).

Наличие орнамента на плитах засвидетельствовано и в Крыму. Таким памятником

выступает курган 3 «Магарац» вблизи с. Вилино Бахчисарайского р-на, исследованный И. Лободой и В. Хоменко в 1985 г. Здесь выявлен кромлех из вертикально вкопанных различных по величине плит, внизу подклиненных мелкими камнями, часть из них обработана. Некоторые конструкции отображены на фотографиях этого памятника в работе Б.Д. Михайлова. Внутри кромлеха располагались разновременные наброски из камня и ящики различных периодов, катакомбы эпохи бронзы (Mikhailov 2008, 251).

На внешней поверхности нескольких плит кромлеха имеются изображения (рис. 1,2-3). Так, на двух рядом расположенных плитах прочерчены знаки в виде волнистых линий. А на третьей – четыре косых параллельных линии, а на последней – ряд из 3-х вертикально расположенных вдавлений (рис. 1,2-3).

Знаки на двух первых сопоставимы с изображением зигзагообразных линий, выявленных на стенке плиты каменного ящика Астанино, погр. 6 кургана 1 в Крыму, такие же рисунки имелись на стенках плит погр. 1 кур-

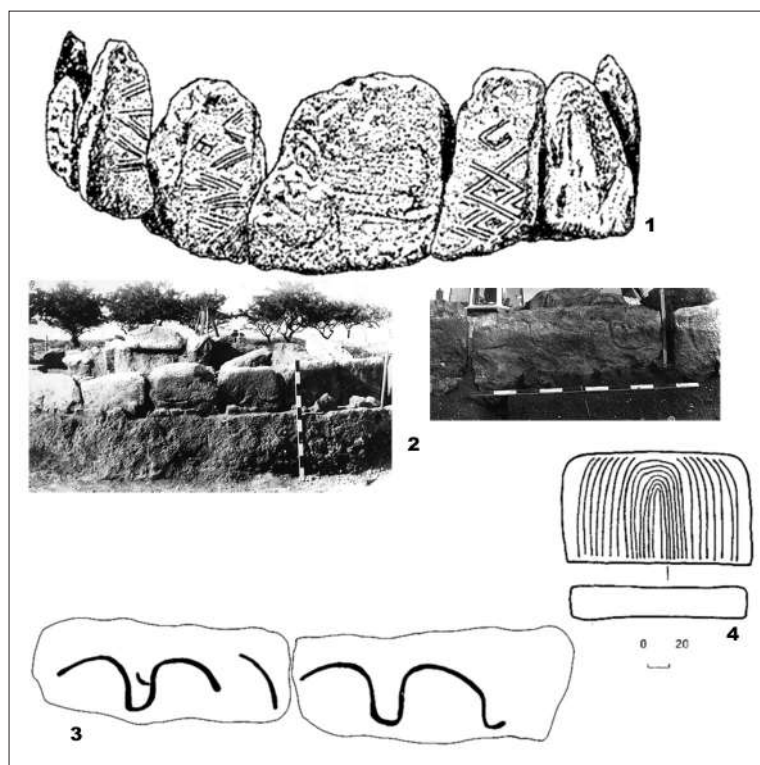

Рис. 1. 1 – Изображения на плитах кромлеха у с. Вербовка; 2-3 – изображения на плитах кромлеха вилиновского кургана; 4 – изображение на плите кромлеха балковского кургана.

Ris. 1. 1 – The images on the slabs of cromlech from Verbovka; 2-3 – the images on the slabs of Vilinovsk tumulus; 4 – the images on the slabs of Balkovsk tumulus.

гана 9 у с. Софиевка, в погр. 4 кургана 1 у с. Староселье Херсонской области (Shilov, 1982, 32, рис. 2), каменного ящика 9 кургана 4 у с. Рахмановка, и отпечатках на камнях в погр. 6. кургана 7 курганной группы I у с. Новониколаевка на Днепропетровщине (Krilova 1971, 25; Rassamakin 2004, 124, табл. 393, 2).

Знаки на одном из камней вербовского кромлеха (система сообщающихся ромбов) почти идентичны изображению на плите ящика курганного могильника Пионерское-95, в погр.

2 кургана 2 (Toshchev 2007, 81).

Приведенные выше, пока еще немногочисленные данные, являются указанием на хронологическую близость каменных ящиков, с одной стороны, и кромлехов с расписными плитами, с другой.

Необходимо отметить, что кромлехи из тщательно подогнанных одна к другой плит неоднократно засвидетельствованы в различных зонах ямного ареала.

В ряде работ авторы приводят достаточно яркие примеры, свидетельствующие о появлении и распространении мегалитических традиций – монументальной культовой архитектуры (кромлехи, гробницы, куполы из камня и наброски, антропоморфные стелы и др.), в степном Причерноморье еще в эпоху энеолита (Telegin 1971, 8-9,16; Rassamakin 1999, 56-60; Teslenko, 2007).

Предполагается, что в последующий период мегалитизм достиг своего расцвета, что и нашло отражение в материалах населения Ямной культуры Причерноморья и Крыма. При этом каменные ящики рассматриваются в системе ямных древностей. Об этом свидетельствуют как приведенные выше данные, так и многочисленные наблюдения об изображениях на циночках, отдельных плитах перекрытия могил, стелах (Dovzhenko 1993; Toshchev 2007; Kovaleva 2010) выступают свидетельством достаточно высокого уровня искусства племен эпохи ранней бронзы.

Библиография

- Bobrinskij 1906:** A.A. Bobrinskij, Otchet o raskopkah v Chigirinskom uезде Kievskoi gubernii v 1905 g. In: Izvestiia Arkheologicheskoi Komissii. Vyp. 20 (SPb 1906) // А.А. Бобринский, Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1905 гг. В сб.: Известия Археологической Комиссии. Вып. 20 (СПб 1906).
- Dovzhenko 1993:** N.D. Dovzhenko, Problemi doslidzhennia naidavnishikh megalitichnikh pam'iatok Ukraïni. In: Praci Centru pam'iatkoznavstva. Vip. 2 (Kiev 1993), 108-136 // Н.Д. Довженко, Проблемы

дослідження найдавніших мегалітичних пам'яток України. В сб.: Праці Центру пам'яткознавства. Вип. 2 (Київ 1993), 108-136.

Kovaleva 2010: I.F. Kovaleva, Izobrazhenie povozki iz pogrebeniia rannebronzovogo veka Nadporozh'ia. In: Indoevropskaja istorija v svete novyh issledovanij, MGOU (Moskva 2010) 114-123 // И.Ф. Ковалева, Изображение повозки из погребения раннебронзового века Надпорожья. В сб.: Индоевропейская история в свете новых исследований, МГОУ (Москва 2010), 114-123.

Krilova 1971: L.P. Krilova, Arkheologichni rozkopki starodavnikh kurganiv na Krivorizhzhі v 1964-1966 rr. In: Nash kraj (Dnipropetrovs'k 1971) 18-31 // Л.П. Крилова, Археологічні розкопки стародавніх курганів на Криворіжжі в 1964-1966 рр. В сб.: Наш край, (Дніпропетровськ 1971), 18-31.

Ljashko 1989: S.N. Ljashko, Pogrebeniia Kemi-Obinskoj kul'tury na poberezh'e Kahovskogo vodohranilishha. In: Tezisy dokladov Vsesojuznoj konferencii „Problemy skifo-sarmatskoj arheologii Severnogo Prichernomor'ja”, posvjashhennoi 90-letiiu so dnja rozhdenija prof. B.N.Grakova (Zaporozh'e 1989) 77-79 // С.Н. Ляшко, Погребения Кемь-Обинской культуры на побережье Каховского водохранилища. В сб.: Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященной 90-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова (Запорожье 1989), 77-79.

Mihailov 2008: B.D. Mihailov, Recenzija na monografiju Toshhev G.N. „Krym v jepohu bronzy” (Zaporozh'e 2007), 304 s. In: Kamennaia Mogila i ee okrestnosti. (Zaporozh'e 2008) 244-253 // Б.Д. Михайлов, Рецензия на монографию Тощев Г.Н. «Крым в эпоху бронзы» (Запорожье 2007). В сб.: Каменная Могила и ее окрестности (Запорожье 2008), 244-253.

Rassamakin 1999: Ju. Ja. Rassamakin, Stepnaia kul'tovaia monumental'naia arkhitektura: v poiskakh istokov traditsii // Materialy mizhnarodnoi arkheologichnoi konferentsii „Etnichna istoriia ta kul'tura naselennia stepu ta lisostepu Evrazii (vid kam'ianogo viku po rannie seredn'ovichchja)” (Dnipropetrovs'k 1999), 56-60 // Ю.Я. Рассамакин, Степная культовая монументальная архитектура: в поисках истоков традиции. В сб.: Матеріали міжнародної археологічної конференції „Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя)” (Дніпропетровськ 1999), 56-60.

Rassamakin 2004: Ju. Rassamakin Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Gräber aus der Mitte des 5. Jts. bis Ende des 4. Jts. V. Chr. T. I. – Text.; 235 S. T. II – Katalog. Tafeln. – 277 S. + 546 Taf. (Mainz 2004).

Teslenko 2007: D.L. Teslenko Ob evoliucii megaliticheskikh sooruzhenii v Severnom Prichernomor'e i Priazov'e (eneolit-rannii bronzovyi vek). In: Materialy ta doslidzhennia z arheologii Shidnoi Ukrainy. Vid neolitu do kimmeriitsiv. Zbirnyk naukovykh prats' №7 (Lugans'k 2007), 76-85 // Д.Л. Тесленко, Об эволюции мегалитических сооружений в Северном Причерноморье и Приазовье (энеолит – ранний бронзовый век). В сб.: Матеріали та дослідження з археології Східної України. Від неоліту до киммерійців. Збірник наукових праць №7 (Луганськ 2007), 76-85.

Toshchev 2007: G.N. Toshchev, Krym v epokhu bronzy (Zaporozh'e 2007) // Г.Н. Тощев, Крым в эпоху бронзы (Запорожье 2007).

Formozov 1969: A.A. Formozov, Ocherki po pervobytnomu iskusstvu. Naskal'nye izobrazheniia i kamennye izvaianiia epokhi kamnia i bronzy na territorii SSSR (Moskva 1969) // А.А. Формозов, Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР (Москва 1969).

Shilov 1982: Iu. A. Shilov, Kalendarnaia simvolika i khronologiiia Kemi-Obinskikh pogrebenii iz kurgana №1 u s. Starosel'e. In: Materialy po khronologii arkheologicheskikh pamiatnikov Ukrainy (Kiev 1982), 29-38 // Ю.А. Шилов, Календарная символика и хронология Кемь-Обинских погребений из кургана №1 у с. Староселье. В сб.: Матеріали по хронології археологічних пам'яток України (Київ 1982), 29-38.

Геннадий Тощев, кандидат исторических наук, зав. лабораторией кафедры археологии, Исторический Факультет Запорожского Национального Университета Украины, e-mail: nnlad.nds@znu.edu.ua

Сергей Агульников, Еужениу Мистрянэ

Новые находки каменных орудий на памятниках позднего бронзового века степной зоны Молдовы

Keywords: stone tools, pestle-scepter, the north-western Black Sea region.

Cuvinte cheie: unelte din piatră, pisălog-sceptru, nord-vestul Mării Negre.

Ключевые слова: каменные орудия, пест-скипетр, Северо-Западное Причерноморье.

Serghei Agul'nikov, Eugeniu Mistreanu

New discoveries of stone tools in the monuments of the Late Bronze Age from steppe zone of Moldova

The paper presents a description of two stone pestles discovered near the villages of Chioselia Mare and Novosiolovca from southern steppe zone on the watershed between Prut and Dniester. According to the typology developed by N. Boroffka and E. Sava for this category of tools, the pestle from Chioselia Mare belongs to the type **Ia (pestle-scepter)**, which is common in the north-western Black Sea region. The pestle discovered near Novosiolovca village corresponds to the type **III**, which is widespread in the North Black Sea area, Volga river basin, and North Caucasus. The pestles under study are characteristic of the cultural complex Noua-Sabatinovka-Coslogeni from South-Eastern Europe dated back to XIV-XIII centuries B.C.

Serghei Agul'nikov, Eugeniu Mistreanu

Noi descoperiri a uneltelor din piatră la monumentele epocii bronzului târziu din zona de stepă a Moldovei

În lucrarea de față sunt prezentate descoperirile a două pisăloage din zona de sud a stepei bazinului Prut-Nistru lângă localitățile Chioselia Mare și Novosiolovca. Conform tipologiei elaborate de N. Boroffka și E. Sava, pentru asemenea categorii de unelte, piesa de la Chioselia Mare se încadrează în tipul **Ia - pisălog-sceptru**, răspândit pe larg în nord-vestul Mării Negre. Pisălogul din complexul cercetat lângă s. Novosiolovca, corespunde tipului **III**, răspândit atât în nordul Pontului Euxin, cât și în bazinul râului Volga și în nordul Caucazului. Pentru teritoriul Europei de sud-est asemenea pisăloage sunt caracteristice complexului cultural Noua-Sabatinovka-Coslogeni și sunt datate cu sec. XIV-XIII a.Chr.

Сергей Агульников, Еужениу Мистрянэ

Новые находки каменных орудий на памятниках позднего бронзового века степной зоны Молдовы

В статье рассматриваются два каменных песта из южной степной зоны Пруто-Днестровского междуречья, обнаруженных у с. Киоселия-Маре и Новоселовка. Согласно типологии, разработанной Е. Савой и Н. Бороффкой для данной категории орудий, пест из Киоселии Маре относится к типу Ia (пест-скипетр), широко распространенному в Северо-Западном Причерноморье. А пест из комплекса, исследованного у с. Новоселовка, соответствует типу III, распространенному как в Причерноморье, так и в Поволжье и на Северном Кавказе. Для территории Юго-Восточной Европы подобные песты характерны для культурного блока Ноуа-Сабатиновка-Кослоджень и датируются XIV-XIII вв. до н.э.

В 2012 году, в процессе проведения геомагнитной съемки археологических памятников в окрестностях села Киоселия Маре Кагульского р-на Республики Молдова, был найден каменный пест-скипетр (рис. 1). Предмет был найден в урочище Одайя, на краю возвышенного плато левого берега ручья Одайя, правого притока реки Ялпужель, в 3,05 км к ЗСЗ от села Киоселия Маре (рис. 2,1). Там же было найдено несколько невыразительных фрагментов стенок лепных сосудов позднего бронзового века (культура Сабатиновка). Пест цилиндрической формы с грибовидным навершием, ниже которого имелся валик с тремя округлыми выступами в виде кнопок (рис. 3,1; 4,1). Орудие носит следы вторичного ис-

пользования, рабочая часть песта обломана, а место слома сточено в результате длительного использования в качестве ложила. Размеры изделия 7,5х4х4,7см. Пест выполнен из твердого минерала – базальта зеленого цвета.

Следующая находка каменного песта была сделана в декабре 2013, во время обследования объекта, нарушенного в процессе строительно-ремонтных работ на территории детского сада в с. Новоселовка Тараклийского р-на Молдовы (рис. 2,2). Исследованный комплекс располагался в центральной части села, на первой надпойменной террасе правого берега реки Ялпуг. В профиле колодца, приготовленного для установки коллектора, была выявлена яма, материал из которой датируется периодом поздней

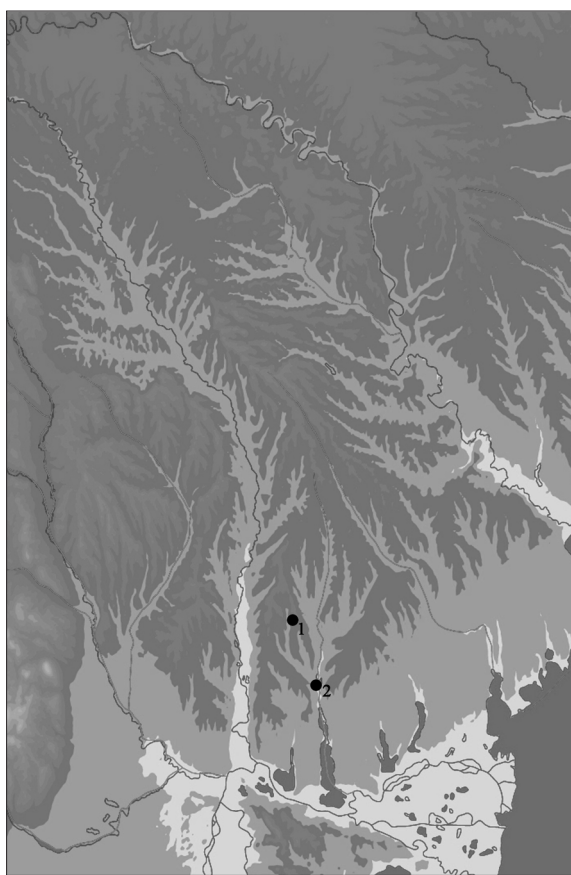

Рис. 1. Пункты новых находок каменных пестов в Пруто-Днестровском междуречье.

Fig. 1. Geographical location of two new stone pestles between the Prut and Nistru rivers.

бронзы. В заполнении и на дне ямы были найдены фрагменты керамики, каменные орудия и кости животных. При этом часть находок была перекрыта каменной зернотеркой, уложенной плашмя ближе к донной части ямы. Следует отметить немаловажный факт, что кости животных, перекрытые крупной зернотеркой, принадлежат лошади, причем определяются 5 особей. На зубах одной из них имеются следы стертости, возникшие от длительного использования узды (определения доктора биологии Р. Кройтор).

Среди находок в яме 1 из Новоселовки выделяется каменный пест вытянутой конической формы, выполненный из плотного светло-серого песчаника. Размеры: высота – 7,5 см, размер основания/рабочей части – 4х3 см. В сужающейся конической части орудие уменьшается до размеров 2х1,8 см. Посередине

не его диаметр – 3х2 см (рис. 3,2, 4,2). Внешняя поверхность хорошо обработана и отполирована. Рабочая часть носит следы длительного использования. Керамика, обнаруженная рядом с пестом-терочником, представлена фрагментами горшков, небольших корчаг и миски сабастиновско-белозерского облика.

В позднем бронзовом веке в степной зоне Северо-Западного Причерноморья широкое распространение получают каменные орудия, связанные с различными видами домашнего производства. Большинство каменных ору-

Рис. 2. Местоположение находки песта-скипетра у с. Киоселия Маре.

Fig. 2. Geographical location of stone pestle: 1. Chioselia Mare; 2. Novosiolovca.

дий использовалось в пищевой сфере производства, и употреблялись для размалывания зерна. Кроме того, выделяется большая серия орудий, выполненных из различных пород камня-песчаника, гранита, галечника, кварцита, реже змеевика, связанных с бронзолитейным и бронзообрабатывающим производством (Sharafutdinova 1986, 98; Agul'nikov 2010, 59-65). Так, на ряде поселений позднего бронзового века Северного Причерноморья, таких как Степовое, Ташлык, Новорозановка, выделен целый ряд каменных орудий, употре-

бляемых для обработки руды. Для территории Днестро-Дунайского междуречья наличие специфических орудий металлообработки и бронзолитейного дела отмечаются на таких памятниках позднего сабастиновского – раннего белозерского времени поселения как Попяска, Чобручи, Каплань I «Ла Юрт», Струмок III, Казан-Кулак II, Чумай I (Aguľ'nikov, Rorovich 2014, 24-33), а также в составе кладов металлических изделий, например из Каменки (Subbotin, Aguľ'nikov 2012, 182-189, ris. 3,5). Отмечается что спектр орудий, применяемых для металлообработки, гораздо шире, чем набор изделий, свойственных домашнему производству. Это разнообразные топоры-молоты, песты, отбойники, льячки, литейные формы, утюжки-полировальники, оселки, разного рода миниатюрные наковальни, молоточки и простые точильные камни со следами использования.

Из вышеперечисленных орудий по тщательности обработки выделяется такая категория изделий как каменные цилиндрические песты с выделенным ободком у обушка и выступами-шишечками, количество которых варьирует от трех до четырех. Некоторые из них найдены в комплексах с литейными формами и бронзовыми изделиями (Новоселовка, Волошское), что полагает уверенно связывать их с бронзолитейным производством (Sharafutdinova 1986, 98). Некоторые из подобных пестов имеют расширенный рабочий край, нередко в верхней части имеется перехват, а верхняя площадка может иметь грибовидную форму и выступать за края цилиндрического корпуса. Ободок, отделяющий перехват от рабочей части, как правило, выполнен в виде валика с заостренным либо заovalенным краем и украшен выступами в виде кнопок или шишечек. Имеются экземпляры, где подобный валик отсутствует, а кнопки-шишечки выполнены прямо на корпусе. Так, каменный пест-растиральник, у которого валик орнаментирован выступами-шишечками имелся в материалах поселения Чикаловка на Нижнем Днепре (Sharafutdinova 1982, 134). Также пест-скипетр был обнаружен недавно в качестве случайной находки на территории Запорожской области Украины (рис. 6,1).

Ареал такого рода орудий охватывает обширные, преимущественно степные территории от Центральной Азии до Балкан (рис. 5,1).

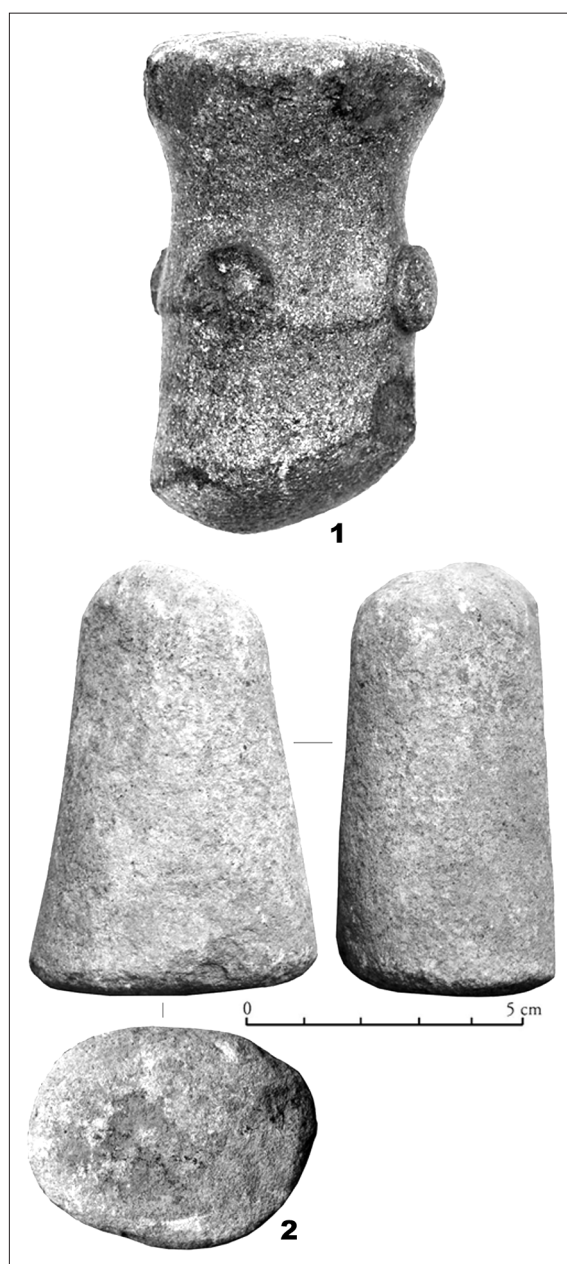

Рис. 3. Фото находок. 1. Пест-скипетр из Киоселия Маре. 2. Пест из Новоселовки.

Fig. 3. Photography of finds: 1. Chioselia Mare; 2. Novoselovca.

По типологии исследователей, данное изделие относится к типу Ia (Boroffka, Sava 1998, 26), прямой аналогией его являются песты-скипетры из Чикаловки и Колонтаева – памятников Сабастиновской культуры в Нижнем Поднепровье. В Запрудской Молдове, на памятниках культуры Ноуа близкие по форме песты-скипетры найдены в Давиденъ и Войнешть

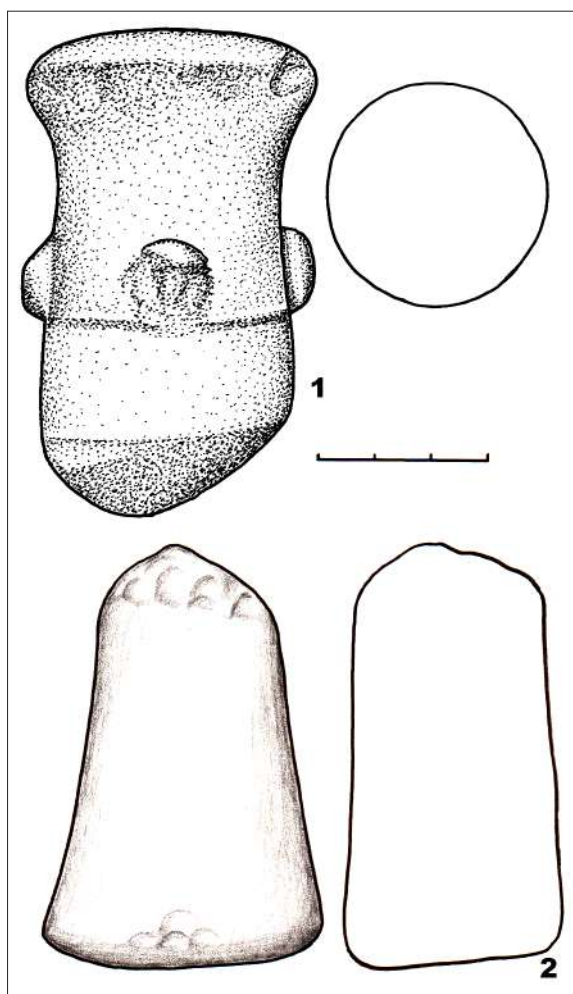

Рис. 4. 1. Пест-скипетр из Киоселия Маре. 2. Пест из Новоселовки.

Fig. 4. 1. Pestle-scepter from Chioselia Mare; 2. Pestle from Novosiolovca.

(Mitrea 1969, 311-317). Отличительной чертой этого типа является наличие валика, обрамленного кнопками-упорами (рис. 5,2). Наиболее близкий по оформлению верхней части пест-скипетр найден в зольнике у с. Гиндешть Флорештского р-на Молдовы (Meliukova 1961, 28, рис. 11). Там на обушке также имелся валик, орнаментированный тремя выделенными в виде кнопок выступами-шишечками. Подобный тип изделий (**Ia**) распространен в XIV-XII вв. до н.э. преимущественно в Северном Причерноморье и соотносится с культурным блоком Ноуа-Сабатиновка-Кослоджень. Следует отметить находку подобного орудия и в погребальном комплексе сабастиновского времени. В захоронении 1 кургана 2 у с. Кон-

стантинька Слободзейского р-на Молдовы, при скорченном погребенном, ориентированном головой на восток, имелся обломок песта с большой степенью сработанности рабочей части орудия. Пест был выполнен из базальта зеленого цвета, имел форму близкую к овалу, с гранями на внешней поверхности и намеченным грибообразным навершием. Там же в составе инвентаря находился фрагмент типичной сабастиновской керамики, украшенный валиком с пальцевыми защипами, образующими треугольник, обращенный вершиной книзу (Agul'nikov, Sava 2004, 168, ris. 84, 3-5; 217). В целом же, распространение пестов-скипетров отмечается на обширных территориях евразийского пространства от Восточных Карпат до Волго-Уральского региона и Центральной Азии (рис. 5,1). Картографирование находок пестов (53 экз.) показывает, что большинство из них (более 37 экз.) сосредоточено в Северном и Северо-Западном Причерноморье, в правобережных районах Украины и Молдавии, а также в Румынии (Sava 1987, 66, ris. 4).

Количество пестов со следами тщательной обработки сравнительно невелико по отношению к другим типам каменных орудий металлообработки, что в определенной степени позволяет отнести этот тип изделий к своеобразным скипетрам позднего бронзового века.

Что касается находки из Новоселовки, то следует отметить, что данный пест относится исследователями к типу **III** подобных изделий, характерных для Евразийских территорий. Это песты с гладким, равномерно расширяющимся книзу корпусом, лишенные всякой орнаментации (Sava 1987, 66, 64, ris. 2, 2-4). Но по некоторым признакам может относиться к особым редким формам пестов (Boroffka, Sava 1998, 32-37). Из семи пестов типа **III**, один обнаружен в Молдове (Петрень) и три в Румынии (Коцфанка, Паркеш, Бэешть-Алденъ) (Sava 1987, 66-67). Что касается пестов особых индивидуальных форм, то три, типологически наиболее близкие к Новоселовке, найдены на Северном Кавказе (Пятигорье, Праздничный, Усть-Нарым) и один экземпляр происходит из Сучавы (Boroffka, Sava 1998, 27, abb. 27, fig. 3-4, 6, 8).

Каменные песты, в основном, использовались в металлообрабатывающем производстве. Прямым доказательством этому служат наход-

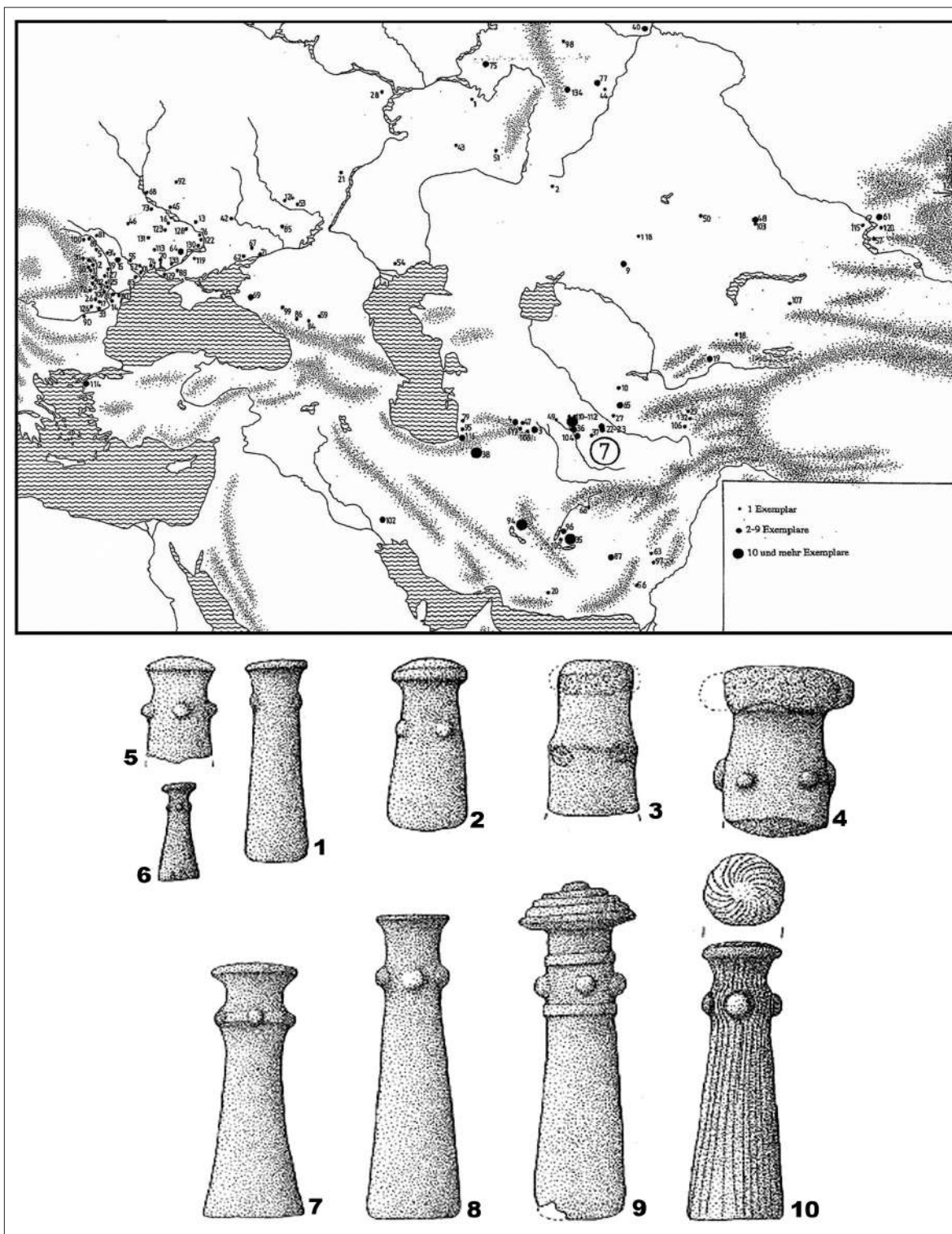

Рис. 5. 1. Карта распространения каменных пестов-скипетров в Евразийском пространстве. 2. Песты-скипетры типа 1а (по Boroffka, Sava 1998).

Fig. 5. 1. Distribution map of stone pestle-scepter in the Eurasian space; 2. Pestle-scepter type 1a (1. Jeremovka; 2. Doneck (Museum); 3. Băleşti; 4. Danilovka; 5. Davideni; 6. Capaevka; 7. Cikalovka; 8. Galați; 9. Kolontaev; 10. Chiperceni) (by Boroffka, Sava 1998).

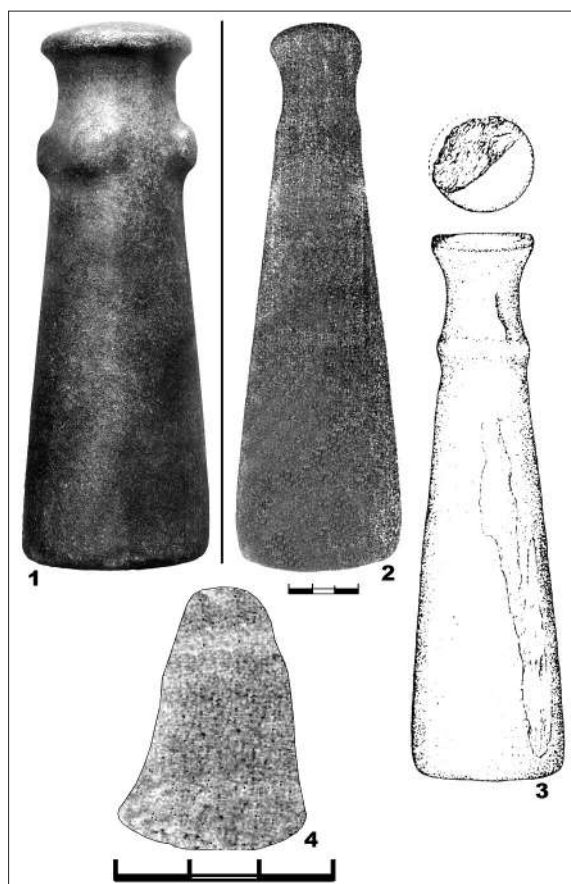

Рис. 6. Аналогии пестов: 1. Пест-скипетр из Запорожской области – случайная находка. (Украина). 2-3. Пест-скипетр из Мэгура, уезд Бакэу (Румыния) (по Diaconu, Istina 2011). 4. Пест из Гура Вэий, уезд Бакэу (Румыния) (по Vasiliu 2011).

Fig. 6. Analogies pestles: 1. Pestle-scepter from Zaporizhia oblast (province) – an accidental find (Ukraine); 2-3. Pestle-scepter from Măgura, county Bacău (Romania) (by Diaconu, Istina 2011); 4. Pestle from Gura Văii, county Bacău (Romania) (by Vasiliu 2011).

ки пестов вкладах, содержащих и литейные формы, а также совместные находки подобных пестов вместе со ступками и отходами бронзового литья (Sava 1987, 69). Богато орнаментированные песты, украшенные разнообразными формами пластического орнамента, кроме производственного назначения, наверняка имели определенную культовую символику. Мастера-литейщики могли иметь определенный общественный статус, связанный с бронзолитейным производством, и, вероятно, песты скипетры с грибовидным навершием обозначали социальный статус этой категории ремесленников.

По мнению исследователей, данную группу изделий следует определять как песты-скипетры (Sava 1987, 70). В какой-то степени это подтверждается комплексом каменных изделий из ямы 1 у с. Новоселовка, где пест сопровождался фрагментами терочников, целой «зернотеркой», которая с тем же успехом могла использоваться и для растирания бронзовой руды. Находки же костей лошади, уложенных под зернотеркой, предположительно позволяют проследить ритуальные символы, связанные как с металлообработкой, так и со всадничеством, объединенные в одном культовом комплексе. Близкой аналогией песту из Новоселовки может служить находка из Гура-Вэий, уезда Бакэу, с поселения культуры Монтеору (Vasiliu 2011, 30, 47, pl. XVII, 4). Пест конической формы, выполненный из плотного песчаника (рис. 6, 4), небольших размеров (2,4х1,8 см), по сравнению с изделием из Новоселовки, по мнению автора, являлся результатом сверления каменного топора (Vasiliu 2011, 30). Тем не менее, его коническая форма, обработка и следы длительного использования позволяют определить его как орудие-пест типа III.

В заключение следует отметить, что спустя определенный период времени после выхода работы Н. Бороффки и Е. Савы, посвященной типологии и классификации пестов-скипетров (Boroffka, Sava 1998), количество подобных находок увеличилось, как в целом возросло и количество публикаций, посвященных этой категории находок. Концентрация находок пестов и пестов-скипетров практически полностью совпадает с ареалами культур Ноуа и Кослоджень в Запрудской Молдове и в Нижнем Подунавье, где их количество превышает 40 экземпляров (Diaconu, Istina 2011, 61, fig. 2). Из этой крупной серии следует отметить находку песта-скипетра из окрестностей с. Мэгура уезда Бакэу, представленную типом II, вариантом IIb и изделиями с упором на рукоятке, выполненным в виде сплошного валика (рис. 6, 2-3). Преобладание подобных находок в зонах распространения культуры Монтеору (поздних фаз), а также блока Ноуа-Кослоджень, не в последнюю очередь, совпадает с пунктами бронзолитейного производства в Прикарпатском очаге металлообработки.

Библиография

- Agul'nikov 2010:** S. Agul'nikov, K voprosu o metalloobrabotke na poseleniakh pozdnego bronzovogo veka v Pruto-Dnestrovskom mezhdurech'e. In: (otv. red. N.M. Kalashnikova) *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii „Pruto-Dnestrovskii region. Dialog kul'tur”* (Sankt-Peterburg 2010), 59-65 // С. Агульников, К вопросу о металлообработке на поселениях позднего бронзового века в Пруто-Днестровском междуречье. В сб.: (отв. ред. Н.М. Калашникова) *Материалы международной научной конференции «Пруто-Днестровский регион. Диалог культур»* (С.П.Б. 2010), 59-65.
- Agul'nikov, Popovich 2014:** S.M. Agul'nikov, S.S. Popovich 2014, *Svidetel'stva processov metalloobrabotki v pozdnem bronzovom veke v stepnoi zone Dnestro-Dunaiskogo mezhdurech'ia*. SSPK XVII (Zaporozh'e 2014), 24-33 // С.М. Агульников, С.С. Попович, Свидетельства процессов металлообработки в позднем бронзовом веке в степной зоне Днестро-Дунайского междуречья. ССПК № XVII (Запорожье 2014), 24-33.
- Agul'nikov, Sava 2004:** S. Agul'nikov, E. Sava, *Issledovaniia kurganov na levoberezh'e Dnestra* (Chişinău 2004) // С. Агульников, Е. Сава, *Исследования курганов на левобережье Днестра* (Кишинэу 2004).
- Boroffka, Sava 1998:** N. Boroffka, E. Sava, *Zu den steinernen „Zeptern” (Stossel-Zeptern), „Miniatur-sauken” und „Phalli” der Bronzezeit. Euraziens in Archaische Mittelungen aus Iran und Turan*. Band 30, 68, 18-114.
- Meliukova 1961:** A. Meliukova A., *Kul'tury predskifskogo vremeni v lesostepnoi Moldavii*, MIA 96, (Moscow 1961) // А. Мелюкова, *Культуры предскифского времени в лесостепной Молдавии*, МИА 96 (Москва 1961).
- Sava 1987:** E. Sava, *K voprosu o pestakh-skipetrakh epokhi pozdnei bronzы iz Severnogo Prichernomor'ia*. *Izvestiia Akademii Nauk Moldavskoi SSR, Seriiia obshchestvennykh nauk*. №1 (Chishinev 1987), 62-71 // Е. Савва, *К вопросу о пестях-скипетрах эпохи поздней бронзы из Северного Причерноморья*. *Известия Академии Наук Молдавской ССР, Серия общественных наук*. №1 (Кишинев 1987), 62-71.
- Subbotin, Agul'nikov 2012:** L. Subbotin, S. Agul'nikov, *Klad Belozerskoi kul'tury iz okrestnostei s. Kamenska v Dunai-Dnestrovskom mezhdurech'e*. RA VII, 1-2, 2012, 182-190 // Л. Субботин, С. Агульников, *Клад Белозерской культуры из окрестностей с. Каменка в Дунай-Днестровском междуречье*. RA VII, 1-2, 2012, 182-190.
- Sharafutdinova 1982:** I. Sharafutdinova, *Stepnoe Podneprov'e v epokhu pozdnei bronzы* (Kiev 1982) // И. Шарафутдинова, *Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы* (Киев 1982).
- Sharafutdinova 1986:** I. Sharafutdinova, *Sabatinovskaia kul'tura*. In: S. Berezanskaia, V. Otroshchenko, N. Cherednichenko, I. Sharafutdinova, *Kul'tury epokhi bronzы na territorii Ukrainy* (Kiev 1986) // И. Шарафутдинова, *Сабатиновская культура* В сб.: С. Березанская, В. Отрощенко, Н. Чередниченко, И. Шарафутдинова, *Культуры эпохи бронзы на территории Украины* (Киев 1986), 83-113.
- Diaconu, Istina 2011:** V. Diaconu, L.E. Istina, *Un sceptru de piatră atribuit epocii bronzului de la Măgura, jud. Bacău*. *Carpica XL*, 53-63.
- Mitrea 1969:** I. Mitrea, *Un sceptru de piatră descoperit la Voineşti*. MA 1, 1969, 311-317.
- Vasiliu 2011:** I. Vasiliu, *Noi consideraţii privind locuirea Monteoru de la Gura Văii-Poiana Mirăuţi*. *Carpica XL*, 2011, 11-48.

Сергей Агульников, научный сотрудник, Центр Археологии, Институт Культурного Наследия Академии Наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре, 1. МД-2001, Кишинэу, Республика Молдова, e-mail: agulnikov-budjak@mail.ru

Еужениу Мистрянэ, научный сотрудник, Сектор Археологии, Национальный Музей Истории Молдовы, ул. 31 августа 1989 г., 121-А, МД-2012, Кишинэу, Республика Молдова, e-mail: eugenmistreanu@gmail.com

Виталий Синика, Игорь Четвериков, Николай Тельнов

Материалы из разрушенных скифских погребальных комплексов IV-II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра

Keywords: Scythians, burials, IV-II centuries BC, horse-harness, bronze arrow heads, paste beads, moulded incense/censer cup.

Cuvinte-cheie: sciți, morminte, secolele IV-II a.Chr., piese de harnașament, vârfuri de săgeți din bronz, mergele din pastă, afumătoare din lut.

Ключевые слова: скифы, захоронения, IV-II вв. до н.э, конская упряжь, бронзовые наконечники стрел, пастовые бусины, лепная курильница.

Vitalii Sinika, Igor Chetverikov, Nikolai Tel'nov

Materials from the destroyed scythian funeral complexes of IV-II centuries BC on the left bank of the Lower Dniester

The article publishes materials from destroyed Scythian burial complexes of IV-II centuries BC on the left bank of the Lower Dniester. These materials supplement the source base of the scythian funeral complexes not only for the Dniester littoral, but also for North-Western Black Sea littoral in general. It is extremely important that the published complexes once more demonstrate the continued existence of the scythian steppe culture in the III-II centuries BC in the Dniester littoral.

Vitalii Sinika, Igor Chetverikov, Nikolai Tel'nov

Materiale din complexe funerare scitice distruse din sec. IV-II î.Hr., amplasate în stânga Nistrului Inferior

În articolul de față se publică materiale descoperite în complexe funerare scitice distruse, cu date în sec. IV-II a.Chr., amplasate pe malul stâng al Nistrului Inferior. Aceste materiale completează baza de informații referitoare la mormintele scitice nu numai din regiunea nistreană, ci și mult mai larg – din spațiul de la nord-vest de Marea Neagră. Este important de subliniat ca complexele respective dovedesc o dată în plus continuarea existenței culturii scitice de stepă în sec. III-II a.Chr. în zona Nistrului.

Виталий Синика, Игорь Четвериков, Николай Тельнов

Материалы из разрушенных скифских погребальных комплексов IV-II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра

В статье публикуются материалы из разрушенных скифских погребальных комплексов IV-II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра. Эти материалы пополняют источниковую базу скифских погребальных комплексов не только Поднестровья, но и – шире – Северо-Западного Причерноморья. При этом крайне важно, что опубликованные комплексы в очередной раз свидетельствуют о продолжении существования скифской степной культуры в III-II вв. до н.э. в Поднестровье.

В настоящее время количество известных скифских погребальных памятников в Степном Поднестровье превышает 500. Очень важно при этом, что большинство из них опубликованы. Недавно проведённый нами анализ источниковой базы скифских погребальных комплексов показал, что из 507 захоронений 269 (53%) были совершены с конца VII в. до н.э. и до рубежа IV-III вв. до н.э., а остальные 238 захоронений (47%) – в III-II вв. до н.э. Значительное количество известных науке скифских памятников III-II вв. до н.э. свидетельствует, во-первых, о непрерывном развитии скифской культуры в степном Поднестровье с конца VII в. до н.э. и вплоть до II в. до н.э., а во-вторых, о возрастании плотности населения в III-II вв. до н.э., по крайней мере, на левобережье Нижнего Днестра (Tel'nov, Sinika 2014).

С учётом сложившейся ситуации, публикация тех немногочисленных скифских захоронений, которые до настоящего времени не были введены в научный оборот, представляется актуальной, в том числе и с точки зрения их хронологической атрибуции. Ниже приводится описание и интерпретация четырёх скифских погребений, обнаруженных в разное время в ходе строительных работ на левобережье Нижнего Днестра.

Тирасполь 1980 г.

В 1980 г. при строительстве многоэтажных домов по ул. Свердлова в г. Тирасполь, на участке между зданием библиотеки и главпочтамта, был разрушен курган. Время его сооружения неизвестно. Установлено только то, что в кургане содержалось одно скифское по-

гребение, из которого удалось сохранить амфору, бронзовое кольцо и бронзовую бляшку конской узды¹.

Описание находок

1. Синопская светлоглиняная амфора, с невысоким прямым горлом и пифоидным туловом на невысокой конической ножке. Сохранившаяся высота амфоры 66 см, глубина – 60,1 см, высота верхней части 26,6 см, высота горла 13,5 см, наибольший диаметр тулова 33,2 см (рис. 1,2). На одной из ручек оттиснуто рельефное клеймо с именами астинома *Pasicharēs 2 Dēmētriou* и фабриканта *Hērakleidēs* с эмблемой «кадуцей»² (рис. 1,1)³.

2. Бронзовая бляха конской узды, вероятно, крепилась на ремне оголовья. Изделие представляет собой выпуклую розетковидную бляху диаметром 3,8-4 см, каждый из лепестков которой передан кружком (рис. 1,3). Аналогичные бляхи происходят из скифских курганов IV в. до н.э. из Среднего Подонья: № 4 и № 10 (ВУАК) группы Частых, № 16 у с. Дуровка (Mogilov 2008, 55, рис. 109/1-3). В отличие от среднедонских аналогий, лепестки тираспольской бляхи плоские, а не выпуклые.

3. Бронзовое кольцо диаметром 3,65-4,25 см, декорированное девятью группами по три выступа в одной точке сечения кольца, между которыми находится пять отдельных выступов. Кольцо выполнено из прута с диаметром сечения до 0,5 см. Несомкнутые окончания кольца соединены проволокой диаметром сечения до 0,25 см (рис. 1,4).

1. Информация о расположении кургана и находках из него в 1994 г. сотрудникам научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко поступила от преподавателя истории Н.Г. Шейсер, проживавшей в 1980 г. в непосредственной близости от места строительства. В 1981 г. амфора была передана её супругом, краеведом Л.П. Шейсер, в Тираспольский краеведческий музей (ныне Тираспольский объединённый музей), где она и хранится в настоящее время под двумя номерами: верхняя часть – инв. №0/205; нижняя часть – инв. №0/212. Бронзовые предметы были переданы Н.Г. Шейсер в НИЛ «Археология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 1994 г.; в настоящее время они хранятся в Музее археологии Поднестровья ПГУ им. Т.Г. Шевченко.

2. Благодарим М.В. Иващенко за определение клейма.

3. Благодарим Д.А. Топала за чертёж/выполненное изображение амфоры.

С учётом находки в комплексе бронзовой бляхи конской узды, это бронзовое кольцо, по нашему мнению, являлось также предметом конского снаряжения, а именно распределителем ремней конского оголовья (Zhuravlev 2014, 68-69).

Подобные браслеты и кольца – с выступами на стержне – традиционно считаются изделиями латенского типа (Petrenko 1978, 55; Symonovich 1983, 98), изготовление которых осуществлялось и в ольвийских мастерских, о чём свидетельствуют находки литейных форм для их отливки (Nefedova 1992, 32). Совсем недавно В.Д. Журавлёвым была осуществлена ревизия всех известных находок подобного типа, в результате чего исследователь пришёл к выводу, что кольца с выступами имеют местное, т.е. северопричерноморское происхождение (поскольку в Ольвии известны формы для отливки колец с выступами!), при этом не исключаются ни фракийское, ни кельтское влияние на формирование самой идеи изготовления таких колец (Zhuravlev 2014, 79-80).

Дата погребения основывается на дате клейма на синопской амфоре. Время бытования клейм астинома *Pasicharēs 2 Dēmētriou* определяется по-разному. Н.Ф. Федосеев относит его к 253 г. до н.э. (Fedoseev 1999), Н. Коновичи датировал этого магистрата второй половиной 40-х гг. III в. до н.э. (Conovich 1998), И. Гарлан – концом 40-х – началом 30-х указанного столетия (Garlan 2004).

В настоящее время с учётом новейших разработок в хронологии синопских клейм у нас есть все основания датировать клейма астинома *Pasicharēs 2 Dēmētriou* концом 30-х гг. III в. до н.э. (Kats 2007, addenda VII).

Тирасполь 2002 г.

В ноябре 2002 г. в г. Тирасполь по ул. 9 января в ходе рытья котлована для фундамента частного жилого дома были обнаружены человеческие кости. Владелец участка, на котором проводилось строительство, сообщил об этом факте в НИЛ «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко и приостановил работы. На место выехал старший научный сотрудник НИЛ «Археология» И.А. Четвериков, который и провёл спасательные раскопки погребения, оказавше-

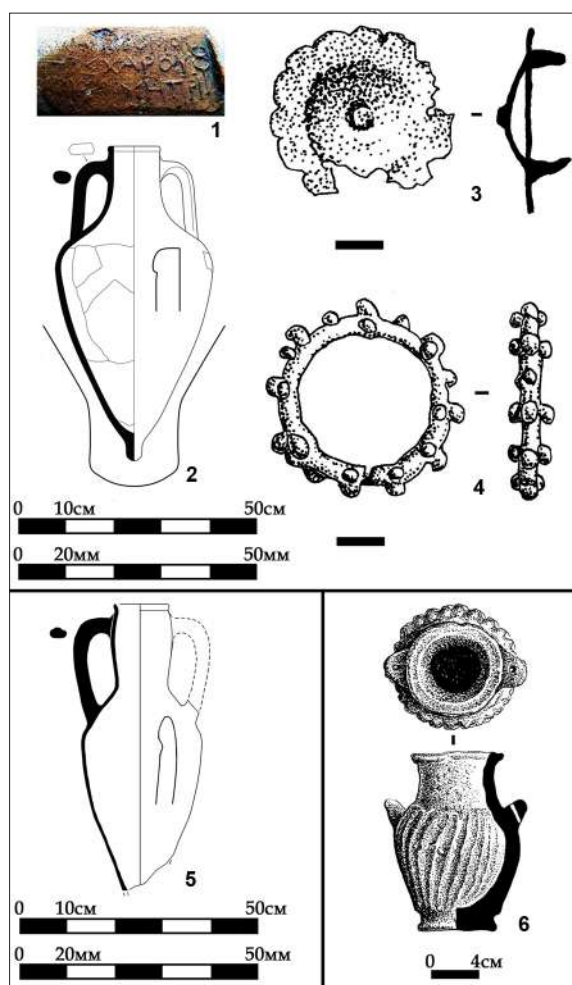

Рис. 1. Материалы из разрушенных скифских погребений на левобережье Нижнего Днестра: 1-4 – «Тирасполь 1980 г.»; 5 – «Слободзея 2013 г.»; 6 – «Тирасполь 2005 г.».
Fig. 1. Materials from destroyed scythian burials on the left bank of the Lower Dniester: 1-4 – „Tiraspol 1980”; 5 – „Slobodzeyia 2013”; 6 – „Tiraspol 2005.”

гося скифским.

Исследования показали, что захоронение являлось впускным в насыпь кургана, уничтоженного, очевидно, при первичной застройке участка в 50-х гг. XX века.

Погребальное сооружение представляло собой катакомбу. Входная яма вытянутой прямоугольной формы с закруглёнными углами длиной 1,5 м, шириной 0,6 м и отмеченной глубиной 0,75 м (1,15 м от современной поверхности) была ориентирована длинной осью по линии запад – восток. Заполнение входного колодца состояло из рыхлой материковой глины с большими включениями чернозёма. Стены сооружения были вертикальные.

Во входной яме были сделаны три последовательные сплошные ступени, глубина которых от современной поверхности составила соответственно 0,51 м, 0,9 м и 1,07 м. Первая и третья ступени имели наклонную поверхность. На второй и третьей ступенях зафиксированы мелкие древесные угольки.

Погребальная камера прямоугольной формы с сильно закруглёнными углами длиной 1,8 м, шириной 0,65 м и высотой до 0,77 м, была устроена в северной стене входной ямы и параллельно последней. Дно камеры зафиксировано на уровне 1,31 м от современной поверхности.

При расчистке погребальной камеры были обнаружены останки взрослого человека. Костяк лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад. Череп погребённого был срезан экскаваторным ковшом, руки вытянуты вдоль тела, ноги прямые. Под костяком зафиксирован тлен розового цвета от растительной подстилки (камыш?).

Состав и расположение инвентаря. На шейных позвонках погребённого были обнаружены стеклянные бусины (3) и раковина морского моллюска (4), очевидно, входившие в состав ожерелья. У правого плеча в компактном скоплении находилось 13 бронзовых наконечников стрел из колчанного набора (1). В левой части грудной клетки был найден сильно коррозированный бронзовый наконечник стрелы (2). Не исключено, что именно он стал причиной смерти погребённого.

Описание находок

1. Бронзовые наконечники стрел из колчанного набора:

– трёхлопастный, с башнеобразной головкой и скрытой втулкой. Лопастей слабо выделены, две из них срезаны на уровне втулки, одна – заканчивается шипом, опущенным ниже втулки. На втулке сквозное отверстие треугольной формы. Длина наконечника 3,1 см, диаметр отверстия втулки 0,4 см (рис. 2,12).

– трёхлопастный, с башнеобразной головкой и скрытой втулкой. Лопастей слабо выделены и срезаны на уровне скрытой втулки. Длина наконечника 2,8 см, диаметр отверстия втулки 0,3 см (рис. 2,13).

– трёхлопастный, с башнеобразной головкой и выделенной короткой втулкой. Лопастей слабо выделены. На втулке сквозное отверстие

прямоугольной формы. Длина наконечника 3 см, длина выступающей части втулки 0,2 см, диаметр отверстия втулки 0,3 см (рис. 2,14).

- трёхлопастный, с башнеобразной головкой и выделенной короткой втулкой. Лопастей слабо выделены. Длина наконечника 3 см, длина выступающей части втулки 0,45 см, диаметр отверстия втулки 0,3 см (рис. 2,15).

- трёхлопастный, со сводчатой головкой и скрытой втулкой. Лопастей слабо выделены и срезаны на уровне скрытой втулки. На втулке сквозное отверстие вытянутой овальной формы. Длина наконечника 2,2 см, диаметр отверстия втулки 0,3 см (рис. 2,16).

- трёхлопастный, со сводчатой головкой и едва выделенной втулкой. Лопастей слабо выделены, две из них срезаны выше уровня втулки, одна – заканчивается шипом, опущенным ниже втулки. Длина наконечника 2,5 см, диаметр отверстия втулки 0,3 см (рис. 2,17).

- трёхлопастный, со сводчатой головкой и выделенной короткой втулкой. Лопастей слабо выделены: две из них срезаны выше основания втулки, а одна – на уровне втулки. На втулке сквозное отверстие вытянутой овальной формы. Сохранившаяся длина наконечника 3 см, длина выступающей части втулки 0,3 см, диаметр отверстия втулки 0,3 см (рис. 2,18).

- трёхлопастный, со сводчатой головкой и выделенной короткой втулкой. Лопастей слабо выделены. Сохранившаяся длина наконечника 2,7 см, длина выступающей части втулки 0,2 см, диаметр отверстия втулки 0,3 см (рис. 2,19).

- трёхлопастный, со сводчатой головкой и выделенной короткой втулкой. Лопастей слабо выделены. Длина наконечника 2,8 см, длина выступающей части втулки 0,4 см, диаметр отверстия втулки 0,3 см (рис. 2,20).

- трёхлопастный, со сводчатой головкой и выделенной короткой втулкой. Лопастей слабо выделены. На втулке сквозное отверстие овальной формы. Сохранившаяся длина наконечника 2,75 см, длина выступающей части втулки 0,3 см, диаметр отверстия втулки 0,3 см (рис. 2,21).

- трёхлопастный, со сводчатой головкой и выделенной короткой втулкой. Лопастей слабо выделены. Длина наконечника 2,7 см, длина выступающей части втулки 0,5 см, диаметр отверстия втулки 0,3 см (рис. 2,22).

- трёхлопастный, с треугольной головкой

и выделенной короткой втулкой. Лопастей слабо выделены. На втулке сквозное отверстие вытянутой овальной формы. Длина наконечника 3 см, длина выступающей части втулки 0,4 см, диаметр отверстия втулки 0,3 см (рис. 2,23).

- трёхгранный, грани слабоизогнуты, окончания граней заканчиваются шипами, опущенными ниже скрытой втулки. Длина наконечника 3,1 см, максимальная ширина грани 0,7 см, диаметр отверстия втулки 0,3 см (рис. 2/24).

2. Бронзовый трёхлопастный наконечник стрелы, обнаруженный в левой части грудной клетки. Наконечник с треугольной головкой и выделенной короткой втулкой. Лопастей слабо выделены. На втулке сквозное отверстие прямоугольной формы. Наконечник сильно окислен, сохранился в двух фрагментах. Длина наконечника ок. 3,15 см, длина выступающей части втулки 0,65 см, диаметр отверстия втулки 0,4 см (рис. 2,25).

Бронзовые наконечники стрел являются наиболее распространённым видом вооружения в скифских погребениях Северного Причерноморья VII-IV вв. до н.э. (Meliukova 1964, 16).

3. В состав ожерелья входили девять стеклянных бусин:

- семь округлых поперечно-сжатых бусин глухого жёлтого стекла со слоисто-щитковыми комбинированными (сине-бело-сине-белыми) глазками средних размеров. Количество глазков варьируется от трёх до восьми. У бусины с шестью глазками четыре глазка среднего размера располагаются поперечными парами, два крупных – поодиночке. У бусины с семью глазками шесть глазков среднего размера располагаются поперечными парами, крупный – одиночный. У двух бусин с восемью глазками глазки расположены попарно поперечно. Поверхность матовая. Высота бусин от 0,6 см до 0,9 см, диаметр от 1 см до 1,5 см, диаметр отверстий от 0,4 см до 0,7 см (рис. 2,3-9);

- округлая (цилиндрическая) бусина глухого темно-синего стекла. Поверхность матовая. Высота бусины 0,8 см, диаметр 0,9 см, диаметр отверстия 0,4 см (рис. 2,10);

- округлая поперечно-сжатая бусина полупрозрачного бирюзового стекла с семью слоисто-щитковыми сине-бело-сине-белыми глазками средних размеров. Глазки расположены тремя поперечными парами с одним одиночным. По-

верхность матовая. Высота бусины до 0,9 см, диаметр 1,2 см, диаметр отверстия 0,4 см (рис. 2,11).

Глазчатые бусы и бусы вообще являются наиболее распространённым видом стеклянных украшений в скифских погребениях Северного Причерноморья VII–IV вв. до н.э. В Поднестровье различные виды бус очень часто встречаются в скифских погребениях III–II вв. до н.э., в частности, могильника у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра (Tel'nov et al. 2012, 9).

4. Раковина *Cerithium* (*Thericium*) sp. Типовой вид *Cerithium vulgatum* Bruguière⁴. Наружная поверхность раковины со спиральными рядами округлых бугорков, спиральными рёбрами и струйками. Повреждены протоконха и устьевая часть. На последнем обороте вблизи устья расположено сквозное отверстие неправильно-круглой формы, сделанное для ношения в составе ожерелья. Сохранившаяся высота раковины 4,5 см, максимальный диаметр 1,5 см, диаметр сквозного отверстия 0,3 см (рис. 2,2).

Подобные раковины крайне редко встречаются в скифских погребениях Северного Причерноморья. Авторам настоящей работы известно всего пять подобных находок, и все они были обнаружены на могильнике Мамай-Гора в Нижнем Поднепровье: в юго-западной камере погребения 10/10 (Andrukh, Toshchev 1999, 81–82, ris. 21,8), в захоронениях 16/4 (пять экземпляров) (Andrukh, Toshchev 1999, 107, ris. 28,17), 64/2 (Andrukh, Toshchev 2001, 62, ris. 25,8), 113/1 (Andrukh, Toshchev 2001, 180, ris. 75,5) и 160/2 (Andrukh, Toshchev 2009, 73, ris. 31,6). Дата указанных погребений не выходит за пределы второй половины IV – первой четверти/трети III в. до н.э. Таким образом, в настоящее время можно констатировать, что раковины моллюсков *Cerithium* (*Thericium*) sp., обитающих в Средиземном море (Backeljau 1986), попадают к скифам Северного Причерноморья как предмет импорта со второй половины IV в. до н.э.

Относительно узкая дата погребения может определяться только на основании бронзовых наконечников стрел. Большая часть наконечников (13 из 14 экз.) трёхлопастные,

4. Благодарим к.г.-м.н. А.Н. Янакевича за определение раковины.

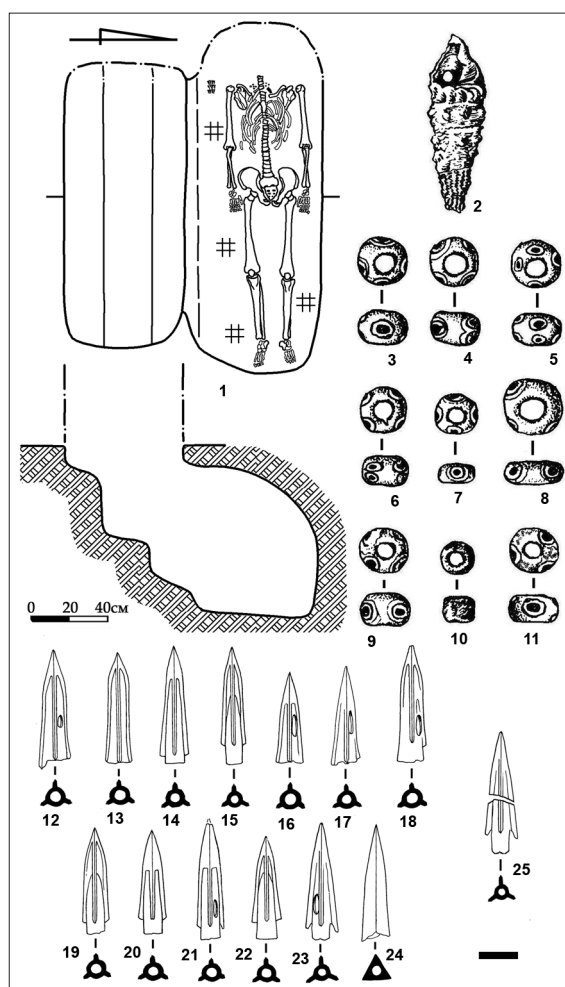

Рис. 2. Материалы из разрушенного скифского погребения «Тирасполь 2002 г.» на левобережье Нижнего Днестра.

Fig. 2. Materials from destroyed scythian burial „Tiraspol 2002” on the left bank of the Lower Dniester.

однако их лопасти слабо выделены; втулки у наконечников либо слабо выделены (9 экз.), либо скрыты (4). Такое сочетание, наряду с единственным трёхгранным наконечником, указывает на относительно поздний характер колчанного набора, который мог быть сформирован во второй половине IV в. до н.э. Не противоречат этой дате, хотя и никак не могут её уточнить, глазчатые бусы и раковина моллюска из комплекса.

Тирасполь 2005 г.

Летом 2005 г. житель г. Тирасполь принёс в НИЛ «Археология» лепную курильницу⁵,

5. Находчик не пожелал передать курильницу в Музей

которую, по его словам, он обнаружил на мусорном полигоне. Сотрудникам НИЛ «Археология» удалось установить, что строительный мусор, в котором была обнаружена курильница, был вывезен с котлована, вырытого при расширении магазина на ул. Свердлова, в непосредственной близости от драматического театра г. Тирасполь. Небезынтересно, что к месту расположения разрушенного погребения примыкает пер. Курганный. Когда при осмотре строительных отвалов на месте котлована по ул. Свердлова были обнаружены фрагменты человеческих костей, не осталось сомнений, что при строительстве было уничтожено скифское погребение.

Описание находки

1. Лепная толстостенная курильница с широким, горизонтальным, отогнутым наружу венчиком, высокой конически сужающейся кверху горловиной, раздутым в верхней части туловом и массивным плоским дном с выделенной закраиной. В верхней части тулова, диаметрально противоположно друг другу, расположены две приподнятые вверх полуовальные в плане ручки-упоры со сквозными отверстиями в центре. Тулово орнаментировано рельефными вертикально-волнистыми каннелюрами. Поверхность сосуда серого цвета. Высота курильницы 15 см, диаметр венчика 7,85 см, ширина венчика до 1,15 см, диаметр устья 5,55 см, максимальный диаметр тулова 10,55 см, размеры ручек – 3,2 x 2,1 см и 3,9 x 2,3 см, диаметр отверстий ручек до 0,6 см, диаметр дна – 6,7 см (рис. 1,6).

Дата погребения определяется в достаточно широких пределах. На левобережье Нижнего Днестра подобные лепные курильницы, особенно каннелированные, широко известны в скифских погребениях. Наибольшее число курильниц (79 экз.) было обнаружено в ходе раскопок скифского могильника у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра в 1995-2012 гг. Ещё восемь курильниц происходят из раскопок скифских курганов Тираспольщины супругов И. Я. и Л. С. Стемпковских. Фрагменты курильницы найдены в скифском захоронении 2/3 кургана группы «Чобручи-источник», исследован-

ном в 2000 г. Также курильницы известны на скифских поселениях левобережья Днестра Чобручи и Красное и на городище Надлиманское. Суммарная дата указанных комплексов с курильницами не выходит за пределы конца IV – третьей четверти II в. до н.э. (Sinika et al. 2014). Очевидно, что в это же время – в III-II вв. до н.э. – было совершено скифское погребение в г. Тирасполь.

Слободзея 2013 г.

Весной 2013 г. при рытье ямы для хозяйственного сооружения в частном секторе по ул. Ткаченко в г. Слободзея (район старого кладбища) владельцем участка была обнаружена фрагментированная светлоглиняная амфора. Находка была передана в Исторический музей г. Слободзея. Директор музея В.Н. Чебан при осмотре места находки обратила внимание, что в отвале из ямы находятся кости животных, в том числе часть челюсти лошади. В.Н. Чебан пригласила сотрудников НИЛ «Археология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко, которые очистили фрагменты амфоры, склеили их, а также побеседовали с владельцем усадьбы, на которой была сделана эта находка. Оказалось, что при рытье ямы лопата проваливалась сначала в рыхлое заполнение, а затем и в пустоту. К сожалению, владелец участка сообщил о своей находке и передал её в музей только по завершении строительных работ, после которых исследование погребального сооружения стало недоступным. Тем не менее, эти сведения не оставляют сомнения в том, что при прокопке была разрушена стенка или свод скифского погребального сооружения – катакомбы, а точнее её погребальной камеры.

Описание находки

1. Синопская амфора с невысоким прямым горлом и овоидным туловом с отбитой ножкой. Сохранившаяся высота амфоры 60,3 см, высота верхней части 28 см, высота горла 17,6 см, наибольший диаметр тулова 25,6 см, диаметр венчика 11,8 см, диаметр устья 10,4 см. На амфоре присутствуют следы двух ремонтов в виде сквозных отверстий: внизу и по периметру сохранившейся нижней части, очевидно, для крепления несохранившейся нижней части с ножкой; по периметру треугольной выбоины, внизу на сохранившейся части

тулова (рис. 1,5)⁶.

Дата погребения определяется временем изготовления амфоры, которое относится ко второй половине II в. до н.э. Ближайшей аналогией сосуду из Слободзеи является амфора из погребения «без номера» некрополя Танаиса и пантикапейской цистерны № 245 (Monaхов 2003, 154-156, tab. 105,2, 106,4)⁷.

Необходимо подчеркнуть, что в настоящей работе публикуются материалы из четырёх разрушенных скифских погребений, которые были совершены в различное время.

Наиболее ранним, безусловно, является захоронение в катакомбе I типа (Ol'hovskii 1991, 27), исследованное в 2002 г. в г. Тирасполь. Это погребение на основании бронзовых наконечников стрел датируется второй половиной IV в. до н.э.

В III-II вв. до н.э. было совершено погребение «Тирасполь 2005 г.», из которого сохранилась только лепная курильница. У нас есть все основания предполагать, что в ходе строительных работ была разрушена скифская катакомба III типа (длинные оси входной ямы и погребальной камеры перпендикулярны, вход в дромос или камеру устроен в короткой стене входной ямы) или V типа (длинные оси входной ямы и погребальной камеры находятся под углом друг к другу, вход в дромос или камеру устроен в короткой стене входной ямы)

6. Благодарим к.и.н. Е.В. Кузнецову за чертёж/изображение амфоры. На чертеже сквозные отверстия не отмечены.

7. Благодарим д.и.н. С.Ю. Монахова за указание аналогий.

(Ol'hovskii 1991, 28). Именно в таких погребальных сооружениях были обнаружены все лепные курильницы на могильнике у с. Глиное и ряде других скифских погребальных памятников Нижнего Днестра.

Значительно более точно датируется погребение «Тирасполь 1980 г.». Клеймо на синопской амфоре позволяет очень точно установить время его совершения – конец 30-х гг. III в. до н.э. Нам ничего не известно о виде и типе погребального сооружения, однако (как и в случае с предыдущим комплексом) у нас нет сомнений, что оно представляло собой катакомбу. В этой связи заметим, что все без исключения скифские погребения на могильнике у с. Глиное конца IV – II в. до н.э. были совершены в катакомбах.

Самым поздним захоронением из представленных является комплекс «Слободзея 2013 г.». Относительно погребального сооружения нами установлено, что это была катакомба. Дата комплекса определяется датировкой синопской амфоры в пределах второй половины II в. до н.э.

В завершение настоящей работы заметим, что материалы из разрушенных скифских захоронений на левобережье Днестра пополняют источниковую базу скифских погребальных комплексов не только Поднестровья, но и – шире – Северо-Западного Причерноморья. При этом крайне важно, что опубликованные комплексы в очередной раз свидетельствуют о продолжении существования скифской степной культуры в III-II вв. до н.э. в Поднестровье.

Библиография

- Andrukh, Toshchev 1999:** S.I. Andrukh, G.N. Toshchev, Mogil'nik Mamai-Gora. Kniga I (Zaporozh'e 1999) // С.И. Андрух, Г.Н. Тощев, Могильник Мамай-Гора. Книга I (Запорожье 1999).
- Andrukh, Toshchev 2001:** S.I. Andrukh, G.N. Toshchev, Mogil'nik Mamai-Gora. Kniga II (Zaporozh'e 2001) // С.И. Андрух, Г.Н. Тощев, Могильник Мамай-Гора. Книга II (Запорожье 2001).
- Andrukh, Toshchev 2009:** S.I. Andrukh, G.N. Toshchev, Mogil'nik Mamai-Gora. Kniga IV (Zaporozh'e 2009) // С.И. Андрух, Г.Н. Тощев, Могильник Мамай-Гора. Книга IV (Запорожье 2009).
- Backeljau 1986:** T. Backeljau, Lijst van de recente mariene mollusken van België [List of the recent marine molluscs of Belgium]. (Brussels 1988).
- Conovici 1998:** N. Conovici, Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbrees comprises). Histria VIII (Bucarest – Paris 1998).
- Fedoseev 1999:** N.F. Fedoseev, Classification des timbres astynomiques de Sinope. In: (ed. Y. Garlan)

- Production et commerce des amphores ansienues en mer Noire (Aex-en-Provence – Cedex 1999), 27-40.
- Garlan 2004:** Y. Garlan, Les timbres ceramiques sinopeens sur amphores et sur tuiles trouues a Sinope. Presentation et catalogue. Varia Anatolica. XVI. (Paris 2004).
- Kats 2007:** V.I. Kats, Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniia). Bosporskie issledovaniia XVIII (Simferopol' – Kerch' 2007) // В.И. Кац, Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Боспорские исследования XVIII (Симферополь – Керчь 2007).
- Meliukova 1964:** // A.I. Meliukova, Vooruzhenie skifov. SAI. Vyp. D 1-4 (Moskva 1964) // А.И. Мелюкова, Вооружение скифов. САИ. Вып. Д 1-4 (Москва 1964).
- Mogilov 2008:** O.D. Mogilov, Sporiadzhennia konia skifs'koï dobi u Lisostepu Shidnoï Evropi (Київ–Кам'янець–Поділ's'kii 2008) // О.Д. Могиллов, Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи (Київ–Кам'янець–Подільський 2008).
- Monahov 2003:** S.Ju. Monahov, Grecheskie amfory v Prichernomor'e: tipologiia amfor vedushchikh centrov-eksporteorov tovarov v keramicheskoi tare (Moskva – Saratov 2003) // С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре (Москва–Саратов 2003).
- Nefeodova 1992:** E.S. Nefeodova, K voprosu o brasletah «latenskogo» stilja In: (eds. M.B. Shhukin, O.A. Gej) Problemy hronologii latina i rimskogo vremeni. Po materialam Pervyh Tihanovskih chtenij (Leningrad, 1988). (SPb 1992) // Е.С. Нефёдова, К вопросу о браслетах «латенского» стиля В сб.: (ред. М.Б. Щукін, О.А. Гей) Проблемы хронологии латена и римского времени. По материалам Первых Тихановских чтений (Ленинград, 1988) (СПб 1992), 21-34.
- Ol'hovskii 1991:** V.S. Ol'hovskii, Pogrebal'no-pominal'naia obrjadnost' naseleniia stepnoi Skifii (VII–III vv. do n.e.). (Moskva 1991) // В.С. Ольховский, Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.) (Москва 1991).
- Petrenko 1978:** V.G. Petrenko, Ukrasheniia Skifii VII–III vv. do n.e. SAI. Vyp. D4-5 (Moskva 1978) // В.Г. Петренко, Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. САИ. Вып. Д4-5 (Москва 1978).
- Symonovich 1983:** Je.A. Symonovich, Naselenie stolicy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo mogil'nika Neapolia Skifskogo) (Kiev 1983) // Э.А. Сымонович, Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского) (Киев 1983).
- Tel'nov, Sinika 2014:** N.P. Tel'nov, V.S. Sinika, Skifskie pamiatniki v Stepnom Podnestrov'e: istoriia izucheniia i sovremennoe sostoianie istochnikovoi bazy. Rusin 2, 2014 // Н.П. Тельнов, В.С. Синика, Скифские памятники в Степном Поднестровье: история изучения и современное состояние источниковой базы. Русин 2, 2014.
- Sinika et al. 2014:** V.S. Sinika, V.A. Men'shikova, N.P. Tel'nov, Lepnye kuril'nicy iz pamiatnikov Severnogo Prichernomor'ia IV-I vv. do n.e. // В.С. Синика, В.А. Меньшикова, Н.П. Тельнов, Лепные курильницы из памятников Северного Причерноморья IV-I вв. до н.э. Stratum plus 3, 2014.
- Tel'nov et al. 2012:** N.P. Tel'nov, I.A. Chetverikov, V.S. Sinika, Skifskii mogil'nik III-II vv. do n.e. u s. Glinoe na levoberezh'e Nizhnego Dnestra (predvaritel'nye itogi issledovaniia). V sb.: (otv. red. N.P. Tel'nov) Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III–II vv. do n.e. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii, g. Tiraspol', 16-19 oktjabrja 2012 g. (Tiraspol' 2012), 5-15 // Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика, Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования). В сб.: (отв. ред. Н.П. Тельнов) Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. Материалы Международной научной конференции, г. Тирасполь, 16-19 октября 2012 г. (Тирасполь 2012), 5-15.
- Zhuravlev 2014:** D.V. Zhuravlev, «Braslety» i kol'sa s vystupami iz pozdneskifskih i sarmatskih pamiatnikov Severnogo Prichernomor'ia. PIFK 1 (43), 2014, 59-85 // Д.В. Журавлёв, «Браслеты» и кольца с выступлениями из позднескифских и сарматских памятников Северного Причерноморья. ПИФК 1 (43), 2014, 59-85.

Синика Виталий Степанович, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, кандидат исторических наук. 3300, Тирасполь, ул. 25 Октября 128, sinica80@mail.ru

Четвериков Игорь Анатольевич, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. 3300, Тирасполь, ул. 25 Октября 128, chetverikov67@mail.ru

Тельнов Николай Петрович, Заведующий Отделом античной и средневековой археологии Института культурного наследия АН РМ, кандидат исторических наук. 0222, Кишинёв, бульвар Штефан чел Маре 1, telnovnikolai@mail.ru

Lilia Dergaciova

Monede medievale moldovenești din colecții particulare din Republica Moldova (VIII)

Keywords: numismatics, Middle Ages, Moldavian principality, groats of the 14th-15th centuries.

Cuvinte cheie: numismatică, Evul Mediu, principatul moldovenesc, groși de sec. XIV-XV.

Ключевые слова: нумизматика, средние века, молдавское государство, гроши XIV-XV вв.

L. Dergaciova

Moldavian medieval coins from private collections of the Republic of Moldova (VIII)

Recently, a collection of Moldavian medieval coins of the 14th – 15th centuries was found near the Brătuleni village, Nisporeni district, dispersed on the area of 20 square meters. There were collected 22 items with a strong layer of oxidizing. One can presume that these coins represent a part of a coin hoard or originated from a purse.

We had a possibility to analyze only 17 specimens: two of them are with the name of Peter I (were minted, probably, in the time of Roman I), five specimens were coined in the reign of Stephen I and ten coins belong to the early issued of Alexander I rule. The article presents some of the specific features of these items and defines their rarity in the region of Prut and Dniester.

L. Dergaciova

Monede medievale moldovenești din colecții particulare din Republica Moldova (VIII)

Recent, în apropierea satului Brătuleni, r-nul Nisporeni au fost descoperite 22 de monede moldovenești din secolele XIV-XV, recuperate pe o suprafață de circa 20 de metri pătrați. Monedele sunt puternic oxidate, iar aspectul lor uniform sugerează apartenența lor la un tezaur sau la o punguță de bani.

Autoarea a avut la dispoziție imaginile a 17 monede moldovenești: două cu numele lui Petru I (executate, probabil, în timpul lui Roman I), cinci monede emise sub Ștefan I și zece exemplare, bătute în timpul domniei lui Alexandru I. În articol este atrasă atenția asupra mai multor trăsături specifice ale acestor emisiuni și succint este discutată raritatea lor în spațiul pruto-nistean.

Л. Дергачева

Средневековые молдавские монеты из частных коллекций Республики Молдова (VIII)

Сравнительно недавно, недалеко от села Брэтулень Ниспоренского района, на площади около 20 кв.м., были найдены молдавские монеты XIV-XV вв. В общей сложности было собрано 22 экземпляра покрытых слоем оксида, что позволило предположить, что данные монеты происходят из клада или из небольшого кошелька.

Для определения нам были предоставлены изображения лишь 17 монет, две из которых с именем Петра I (отчеканены, вероятно, при Романе I), пять монет выпущены во время правления Стефана I и десять экземпляров относятся к ранним эмиссиям Александра I. В статье обращается внимание на многочисленные специфические черты данных эмиссий и подчеркивается редкость их хождения на территории Пруто-Днестровского междуречья.

Recent, în apropierea satului Brătuleni, r-nul Nisporeni, au fost descoperite 22 de monede moldovenești din secolele XIV-XV, recuperate pe o suprafață de circa 20 de metri pătrați. Monedele sunt puternic oxidate, iar aspectul lor uniform sugerează apartenența la un tezaur sau la o punguță de bani.

Descoperitorii ne-au pus la dispoziție imaginile a 17 monede din cele 22 recuperate (catalog, nr. 1-17). Trebuie să precizăm că din păcate nu ne-au oferit și datele tehnice ale lor. Cu toate acestea, considerăm că piesele descoperite merită să fie valorificate deoarece ele au mai multe trăsături specifice, dar în același timp sunt rar întâlnite în spațiul pruto-nistean. Astfel, din lotul avut în vedere au fost identificate două exemplare cu

numele lui Petru I (catalog, nr. 1-2), alte cinci au fost emise sub Ștefan I (catalog, nr. 3-7), iar zece exemplare – bătute în timpul domniei lui Alexandru I (catalog, nr. 8-17).

Monedele purtând numele lui Petru I în legendă (catalog, nr. 1-2), cele mai timpurii din lot, se disting de celelalte prin imaginile lor caracteristice. Pe avers, într-un cerc perlat interior este plasat capul de bour cu stea între coarnele convergente; la dreapta – semiluna, la stânga – un lujer cu floare de crin ce iese din botul bourului; pe revers – scut despicat cu trei fascii în primul canton și două flori de crin în cel de-al doilea. A fost citită doar legenda de pe fața primei monede (catalog, nr. 1 avers). Este vorba de inscripția retrogradă

cu numele lui Petru I și litera „L”, ce înlocuiește litera „T” în numele domnitorului (IRLEP în loc de IRTEP). Aceeași situație a fost evidențiată de către noi și la piesele similare din tezaurul Moldovă *passim*, 1970, fapt care ne-a permis să înaintăm ipoteza că monedele cu două flori de crin, având legenda retrogradă și numele lui Petru I scris cu litera „L”, au fost emise după 1391, cel mai probabil în timpul domniei lui Roman I (Dergaciova 2013). Legende de pe reversul monedei nr. 1, precum și inscripțiile de pe piesa nr. 2 nu au putut fi descifrate, fiind alcătuite din litere plasate fără sens.

Analiza imaginilor dispuse în cercurile perlate interioare de pe cele două exemplare dovedește că meșterii au folosit și unele ștanțe timpurii la executarea acestora, spre exemplu, florile de crin de pe revers sunt specifice monedelor târzii ale lui Petru I, celor cu două flori de crin (cf. Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977, 52, desenul sub nr. 170 cu moneda nr. 2 din catalogul nostru), iar forma lujerului cu floarea de crin ieșind din botul bourului – pieselor timpurii cu șapte, șase, cinci, patru și trei flori de crin de pe revers (cf. Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977, 46, nr. 53, desenul; 49, nr. 127 desenul; 51, nr. 164, desenul etc.). Asocierea imaginilor centrale, executate pentru diferite serii monetare cu tiparele unor litere, aplicate la diferite serii, atât relativ timpurii cât și relativ mai târzii, ne duce la concluzia că monedele în discuție au fost bătute în grabă, fără un control strict al calității lor. Nu este exclusă posibilitatea ca, deja după moartea lui Petru I, sub presiunea unor circumstanțe politice, marcate de conflicte militare, Roman I să fi recurs la metoda refolosirii poansonelor vechi, rămase în monetăria statului pentru producerea numerarului necesar.

Domniei lui Ștefan I i-au fost atribuiți cinci groși (catalog, nr. 3-7). Piese se caracterizează prin prezența unui cap de bour cu atribute heraldice pe o față și a unui scut despicaț cu trei fascii în primul canton și două flori de crin în cel de-al doilea, pe cealaltă latură. Aversurilor acestor monede le este specifică legenda ✠SGEPANWOIWODA, în timp ce reversurile pot avea două forme ✠AMOLDER✠LANG (catalog, nr. 3) și ✠MOLDER✠LANG (catalog, nr. 5-7). Deși, din cauza stării destul de proaste de conservare nici o legendă n-a putut fi citită în întregime, sunt observate totuși și inscripții gravate cu greșeli (catalog, nr. 3, 7). În ce privește conținutul legendei de pe reversul pieselor, conform părerii cercetăto-

rei Katiușa Pârvan, denumirea MOLDERLANG provine de la numele formațiunilor statale de pe apa Moldovei, cu centrul la Baia (Mulda), în jurul căreia s-a format statul medieval moldovenesc în a doua jumătate a sec. al XIV (Pârvan 1997, 238, nota 14).

Cel mai mare număr de monede din lotul analizat (10 ex.) a fost atribuit lui Alexandru I (catalog, nr. 8-17). Exemplarele au valoarea de un groș, fiind bătute din cupru argintat și emise, după părerea Katiușei Pârvan, în primii ani de domnie ai lui Alexandru I (Pârvan 2000, 563-572). Piese au imaginile centrale ale aversurilor de două tipuri: cap de bour cu stea între coarțele convergente, roza la dreapta și semiluna la stânga (catalog, nr. 8-14) sau cu atributele inversate: semiluna la dreapta și roza la stânga (catalog, nr. 15-17). Pe revers, în scutul despicaț se păstrează imaginea a trei fascii în primul canton, și a două flori de crin în cel de-al doilea.

Legenda aversurilor cunoscută sub forma SALEXANDERV (catalog, nr. 16-17) la unele dintre piesele discutate, are o formă modificată, completată cu titulatura domnitorului. Trebuie de subliniat că cuvântul VOIVODA/WOIWODA sau una dintre prescurtările derivate din forma aceasta VOIV (catalog, nr. 11) sau VOV (catalog, nr. 10), sunt cunoscute doar la monedele lui Petru I și Ștefan I și sunt pentru prima dată atestate la emisiunile timpurii ale lui Alexandru I. De asemenea, în acest lot sunt atestați groși cu greșeli în inscripții (catalog, nr. 9, 14-15, 17) sau chiar cu aceleași legende atât pe avers, cât și pe revers (catalog, nr. 14, 17).

Celelalte cinci monede care au făcut parte din lotul prezentat mai sus (de 22 piese), sunt la fel groși moldovenești: un exemplar cu numele lui Petru I (cu două flori de crin în scut, legendă retrogradă scrisă cu greșeli), două piese timpurii, emise în primii ani de domnie a lui Alexandru I și alte două piese cu atribuire neclară (conform celor relatate de posesor, ar fi groși moldovenești, emiși la sfârșitul sec. XIV – începutul sec. al XV).

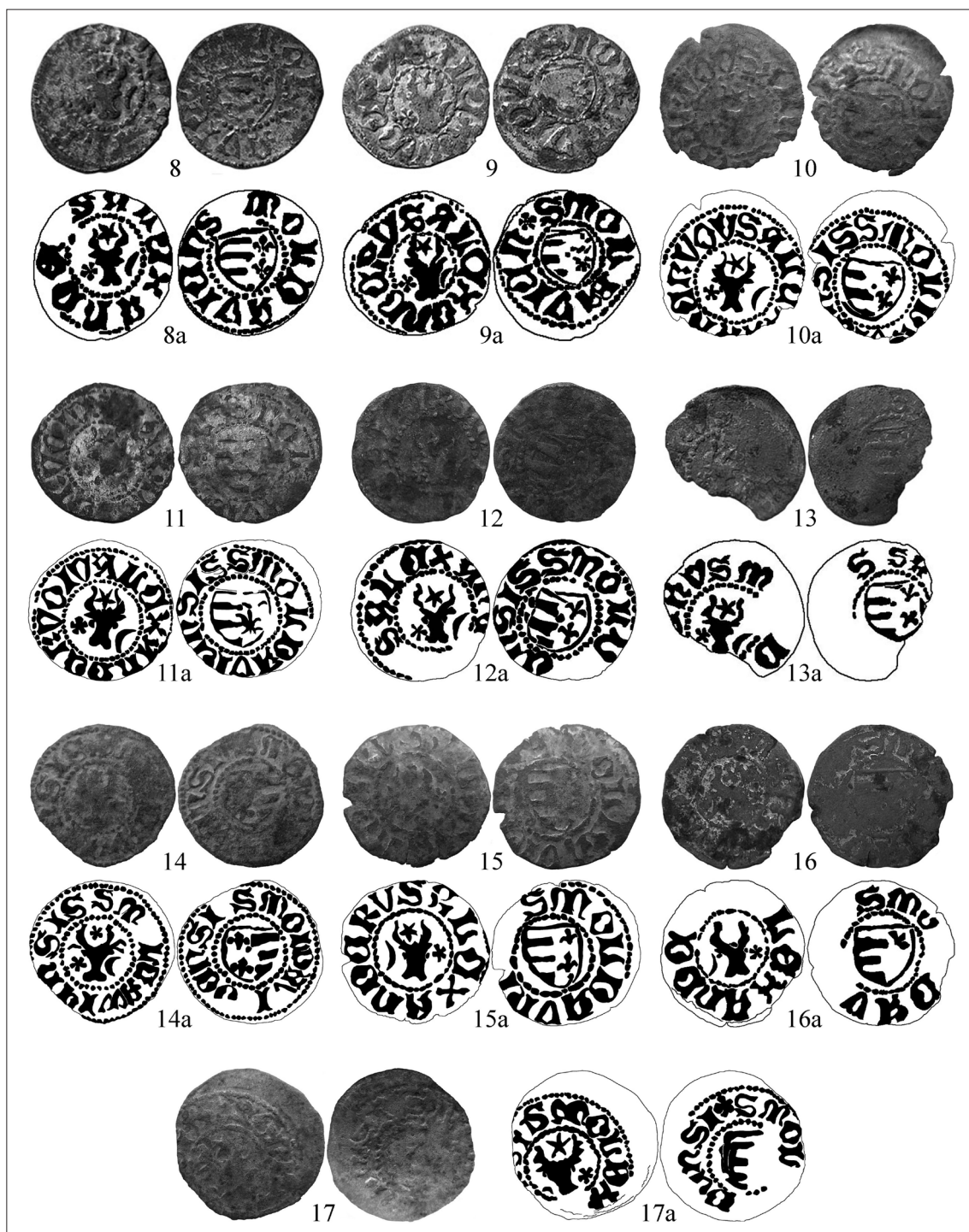
Rezumând, trebuie să menționăm că în lipsa unor date exacte despre toate componentele tezaurului, nu putem trage concluzii obiective. Cu toate acestea, este destul de clar că depozitul a fost ascuns (sau pierdut, dacă ne referim la o punguță de bani) la începutul domniei lui Alexandru I, probabil, la scurtă vreme după anul 1402.

Tezaure având în componența lor emisiuni

Pl. I. Monede moldovenești (foto și desene): groși cu numele lui Petru I (1-2), Ștefan I (3-7).

Pl. I. Moldavian coins (photos and drawings): groats with the name of Peter I (1-2), Ștefan I (3-7).

Pl. II. Monede moldovenești (foto și desene micșorate): Alexandru I (8-17).

Pl. II. Moldavian coins (photos and drawings minimized): Alexander I (8-17).

timpurii ale lui Alexandru I asociate cu cele ale predecesorilor au mai fost atestate până acum doar în Moldova de peste Prut. Menționăm în acest sens tezaurele de la Mărmureni, com. Oniceni, jud. Iași (Pârvan, Constantinescu 2005, 225-

286, cu bibliografia) și Baia, jud. Suceava (Stoia 1975, 271, nr. 8; Mitrea 1976, 291, nr. 117; Ursulescu, Ignat 1977, 318, nr. 1b; Coin Hoards 1979, 133, nr. 372; Mitrea 1981b, 601-602, nr. 327; Berciu-Drăghicescu 1990, 56, nr. 6c.).

În spațiul pruto-nistean astfel de descoperiri nu au fost cunoscute înainte, dar și emisiunile moldovenești de secolul al XIV-lea sunt foarte rar descoperite. Deținem informații doar despre câteva exemplare, atestate în straturile culturale ale Cetății Albe (un exemplar, descoperit în 1912 și publicat de Fon"-Shtern 1913, 1-12 și câteva exemplare, recent descoperite și publicate de Boguslavskii, Dergaciova 2010, 73-91; Boguslavskij, Dergaciova 2012, 26; Boguslavskii, Dergaciova 2014, sub tipar); o monedă descoperită izolat undeva în Republica Moldova (Dergaciova 2008, 208-217, nr. 2) și două monede, găsite în satul Bocșa, r-nul Fălești, rămase deocamdată inedite.

CATALOG

Moldova

Roman I (1391-1394) (?)

Groși cu numele lui Petru I [1393-1394]

Av. Cap de bour, stea cu cinci raze între coarnele convergente, la dreapta semiluna, la stânga un lujer cu floarea de crin ce iese din botul bourului; globulă în centru.

Rv. Scut despicat: I trei fascii, II două flori de crin; globulă în centru.

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977, nr. 284-347 (monede cu două flori de crin în scut); Dergaciova 2013.

1. BI ?g; cca 19,5 mm, o stea stilizată între coarnele bourului (av.), un lujer cu o floare stilizată (av.), baterea dublă (rv.);

Av. OVIOVIRL...E

Rv. +(?)...O(?)A(?)N(?)P(?)E(?)...S(?)...

2. BI, ?g, cca 20 mm, tocită (av.-rv.);

Av. ❀S...OVR(intoarsă)P(?)VIR...O(V?)R(?)

Rv. ...A(?)D(?)A(?)R(?)O(?)VRW(?)...

Ștefan I (1394-1399)

Groși [1394-1399]

Av. Cap de bour, stea cu cinci raze între coarnele convergente, la dreapta roza, la stânga semiluna; globulă în centru.

Rv. Scut despicat: I trei fascii, II două flori de crin; globulă în centru.

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977, 57-58, nr. -; cf. Pârvan 1997, 217; cf. Bieltz 1996, 155-157.

3. BI ?g; 18,7x19,4 mm;

Av. ❀SGEPAVOION(?)A(?)L(?)N(?)

Rv. ❀AMOLDE...❀LA...G

4. BI ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.), ștanța descentrată (av.-rv.), baterea dublă (rv.);

Av. ❀SG...

Rv. A(❀?)MOL...R❀...N(?)E(?)

5. BI ?g; 18,7 mm, ușor tocită, baterea dublă (av.);

Av. ❀SGEP...O...

Rv. ❀MOLDER❀LANG

6. BI ?g; cca 19 mm, puternic tocită (av.-rv.), baterea dublă (av.);

Av. ❀SGEPAN...

Rv. ❀MOL...NG

7. BI ?g; cca 19 mm, puternic tocită (av.-rv.);

Av. ...S...NWOL(?)OW...

Rv. ❀MOL...NG

Alexandru I (1399/1400-1432)

Groși [1399/1400-1402]

Av. Cap de bour, stea cu cinci raze între coarnele convergente, la dreapta roza, la stânga semiluna; globulă în centru.

Rv. Scut despicat: I trei fascii, II două flori de crin; globulă în centru.

Iliescu 1970, 27 (tipul „premergător”); Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977, 59-60, nr. 361-366 (tipul I); Iliescu 2000, 77, 79 (faza I); Pârvan 2000, 563-572 (anii 1399/1400-1402).

8. AE argintat ?g; cca 19 mm, ușor tocită (av.-rv.);

Av. SALEXANDE(?)...

Rv. ...MOLDAVIENS

9. AE argintat ?g; cca 19 mm;

Av. SALEXENDERV

Rv. ❀SMOLDAVIEN

10. AE argintat ?g; cca 20 mm, ștanța descentrată (av.-rv.);

Av. SALEXANDERVOV

Rv. SMOLDAVIENSIS

11. AE argintat ?g; 18,5 mm, tocită (av.-rv.);

Av. ALEXANDERVOIV

<p>Rv. SMOLDAVIENSIS</p> <p>12. AE argintat ?g; cca 18 mm, puternic toci-
tă (av.-rv.), baterea dublă (rv.);
Av. SALEXAND...
Rv. SMOLD...ENSIS</p> <p>13. AE argintat ?g; cca 18 mm; puternic toci-
tă (av.-rv.), ruptă;
Av. SM...D...RV
Rv. SA...S</p> <p>14. AE argintat ?g; cca 19 mm, tocită (av.-rv.);
Av. SM...LDAWIENSIS
Rv. SMOLDAVI...OENSI...</p> <p>Av. Cap de bour, stea cu cinci raze între coar-
nele convergente, la dreapta semiluna, la stânga
roza; globulă în centru.</p> | <p>Rv. Scut despicat: I trei fascii, II două flori de
crin; globulă în centru.</p> <p>Iliescu 1970, 27 (tipul „premergător”); Buz-
dugan, Luchian, Oprescu 1977, 59-60, nr. 359-360
(tipul I); Iliescu 2000, 77, 79 (faza I); Pârvan 2000,
563-572 (anii 1399/1400-1402).</p> <p>15. AE argintat ?g; cca 18x18,5 mm, tocită (av.-rv.);
Av. SALEXANDERV
Rv. SMOLDAVNI(?)...</p> <p>16. AE argintat ?g; cca 19 mm, puternic to-
cită (av.-rv.);
Av. ...LEXANDE...
Rv. SMO...DAV...</p> <p>17. AE argintat ?g; cca 18,7 mm, tocită (av.-rv.);
Av. MOLDA...NSIS
Rv. ♣SMOL...DENSI</p> |
|--|---|

Bibliografie

- Berciu-Drăghicescu 1990:** A. Berciu-Drăghicescu, Repertoriu descoperirilor monetare de pe teritoriul Moldovei (secolele XIV-XVI). Caietul seminarului special de științe auxiliare ale istoriei. Opuscula bibliologica, genealogica, numismatica II (București 1990), 54-92.
- Bieltz 1996:** L. Bieltz, Molder Lant – o legendă inedită pe monetele emise de Ștefan I – 1394-1399. CN 7, 1996, 155-157.
- Boguslavskii, Dergaciova 2010:** G. Boguslavskii, L. Dergaciova, Moldavskie monety iz raskopok 2005-2007 gg. v Grazhdanskom dvore Belgorod-Dnestrovskoi kreposti i nekotorye problemy postroiki sten Grazhdanskogo dvora. Zapiski otdela numizmatiki i torevtiki Odesskogo arheologičeskogo muzeja, 1 (Odessa 2010), 73-91 // Г. Богуславский, Л. Дергачева, Молдавские монеты из раскопок 2005-2007 гг. в Гражданском дворе Белгород-Днестровской крепости и некоторые проблемы постройки стен Гражданского двора. Записки отдела нумизматики и тореvтики Одесского археологического музея, 1 (Одесса 2010), 73-91.
- Boguslavskij, Dergaciova 2012:** G. Boguslavskij, L. Dergaciova, Un complex de monede medievale din secolele XIV-XVII, descoperite în Curtea de Gardă a Cetății Albe (2005-2010). Al XIII-lea Simpozion de Numismatică (Chișinău 2012), 26.
- Boguslavskii, Dergaciova 2014:** G. Boguslavskii, L. Dergaciova, Srednevekovye monety iz raskopok 2005-2010 gg. v Garnizonnom dvore Belgorod-Dnestrovskoi kreposti. Zapiski otdela numizmatiki i tor-
evtiki Odesskogo arheologičeskogo muzeia, 2 (Odessa 2014), sub tipar // Г. Богуславский, Л. Дер-
гачева, Средневековые монеты из раскопок 2005-2010 гг. в Гарнизонном дворе Белгород-Днестров-
ской крепости. Записки отдела нумизматики и тореvтики Одесского археологического музея, 2
(Одесса 2014), в печати.
- Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977:** G. Buzdugan, O. Luchian, C. Oprescu, Monede și bancnote
Românești (București 1977).
- Coin Hoards 1979:** Coin Hoards 5 (London 1979).
- Dergaciova 2008:** L. Dergaciova, Monede medievale moldovenești din colecții particulare (I). RA IV, 2,
2008, 208-217.
- Dergaciova 2013:** L. Dergaciova, Comunicarea „Date noi despre tezaurul Moldova passim 1970”, ținută

în cadrul proiectului cultural Oltenia. Interferențe culturale, ediția a IV-a, Simpozion Național dedicat împlinirii a 110 ani de existență a Societății Numismatice Române. Craiova, 23-25 octombrie 2013.

Fon"-Shtern 1913: E.R. Fon"-Shtern, Raskopki v" Akkerman" I"tom" 1912 goda. Zapiski Imperatorskago Odesskago Obshchestva Istorii i Drevnostei, XXXI (Odessa 1913), 1-12 // Э.Р. Фонъ-Штерн, Раскопки въ Аккерманъ лѣтомъ 1912 года. Записки Императорскаго Одесскаго Общества Истории и Древностей, XXXI (Одесса 1913), 1-12.

Iliescu 1970: O. Iliescu, Moneda în România (București 1970).

Iliescu 2000: O. Iliescu, Aspecte ale economiei monetare în Moldova sub domnia lui Alexandru cel Bun. RI XI, 1-2, 2000, 59-95.

Mitrea 1976: B. Mitrea, Découvertes monétaires en Roumanie (1975) (XIX). Dacia N.S., 20, 1976, 287-293.

Mitrea 1981: B. Mitrea, Descoperiri monetare în România (1976-1979) (XVIII-XX). BSNR 70-74 (1976-1980), nr. 124-128, 1981, 559-608.

Pârvan 1997: K. Pârvan, Aspecte ale monetăriei Moldovei la sfârșitul secolului al XIV-lea. 130 de ani de la crearea sistemului monetar românesc modern (București 1997), 208-247.

Pârvan, Constantinescu 2005: K. Pârvan, B. Constantinescu, Tezaurul de groși moldovenești din secolul al XIV-lea descoperit la Mărmureni, com. Oniceni, jud. Neamț. CN 9-11 (2003-2005), 2005, 225-286.

Stoia 1975: A. Stoia, Les fouilles archeologiques en Roumanie (1973-1974). Dacia N.S., 19, 1975, 269-307.

Ursulescu, Ignat 1977: N. Ursulescu, M. Ignat, Săpături arheologice în județul Suceava (1972-1976). Suceava 4, 1977, 317-324.

Lilia Dergaciova, dr., cercetător științific superior, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al ASM, bd. Ștefan cel Mare 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova, dergaciova.lili@gmail.com

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Vasile HAHEU, Victoria SURDU, Dumitru BRATCO

Despre moarte și „moartea simbolică” la tracii septentrionali (considerații preliminare)

„A te teme de moarte e mai crud decât a muri”
/Platon, *Phaedon*/

Keywords: northern Thracians, death and graves, afterlife, immortality, „symbolic death”.

Cuvinte cheie: tracii septentrionali, moarte și morminte, viața de apoi, nemurire, „moarte simbolică”.

Ключевые слова: северные фракийцы, смерть и погребения, потусторонняя жизнь, бессмертие, «символическая смерть».

V. Haheu, V. Surdu, D. Bratco

About death and „symbolic death” for northern Thracians

Since ancient times people tried to understand phenomena such as birth and death. If the first was more understandable and measurable, because it involved life, the second was and remains an enigma. Willing to be optimistic, people invented faith in „the afterlife”, the belief in immortality as a transition from one life to another. The belief in immortality is the basis in northern Thracian religion. Hence, their main deities on which were probably related the funeral rite: Zalmoxis (htonian) and inhumation practices Gebeleizis (celestial, solar) cremation tombs. For these reasons there is localized the „eternal space”, where they will live forever and happy. Eternal life was closely linked to the practice of „symbolic death” to avoid „real death”. Some of the symbolic death forms were made in the ritual of sending the „representative” to the deity through spears or Dionysian celebrations by serving excessive amounts of wine, as excessive drunkenness was compared to death.

Vasile Haheu, Victoria Surdu, Dumitru Bratco

Despre moarte și „moartea simbolică” la tracii septentrionali

Din cele mai vechi timpuri oamenii încercau să înțeleagă așa fenomene ca nașterea și moartea. Dacă primul era mai pe înțeles și comensurabilă, urmând viața, a doua era și rămâne o enigmă. Vrând să fie optimiști oamenii au inventat credința în „viața de apoi”, credința în nemurire ca o trecere de la o existență la alta. Credința în nemurire constituia fundamentul religiei tracilor septentrionali. De aici și principalele zeități ale acestora de care, probabil, era legat și ritul funerar: Zalmoxis (htonian), practica înmormântării și Gebeleizis (celest, solar) cu mormintele de incinerare. Din aceste considerente și se localiza „tărâmului veșnic”, unde respectivii vor trăi permanent și fericiți. De viața veșnică era strâns legată practicarea „morții simbolice”, pentru evitarea „morții reale”. Unele dintre formele morții simbolice se realizau în cadrul ritualului de trimitere a „solului” la zeitate prin intermediul sulițelor, precum și în sărbătorile dionisiace prin servirea excesivă a vinului, starea de beție excesivă fiind asemănată cu moartea.

Василе Хахей, Виктория Сурду, Думитру Братко

О смерти и «символической смерти» у северных фракийцев

С древнейших времен люди пытались понять феномены рождения и смерти. Если первый был более понятен и соизмеримый – начиналась жизнь, второй был и остается загадкой. Желая быть оптимистичными, люди изобрели веру в потусторонней, вечной жизни в качестве перехода от одной формы бытия к другой. Вера в бессмертие составляла основу религии северных фракийцев. В связи с этим и их основные божества, с которыми, возможно, связан погребальный обряд: Замолксис (хтонический), труположения и Жебелейзис (небесный), трупосожения. Отсюда и местонахождения «вечного царства», где они будут жить вечно и счастливо. С понятием вечной жизни была тесно связана практика «символической смерти» во избежание реальной смерти. Некоторые формы символической смерти прослеживаются в обряде отправления «посла» к божеству посредством копий, а так же в дионисийские празднествах посредством чрезмерного выпивания вина, состояние сильного пьянства ассоциировалось со смерти.

Preambul sau despre viață, moarte și „viața veșnică” la general. Omenirea din cele mai îndepărtate vremuri, cel mai probabil, odată cu apariția *homo sapiens*, a început a medita asupra

unor fenomene majore ale vieții umane, în primul rând nașterea și moartea omului. Cu nașterea lucrurile stau mai simplu – urma viața. Viața după naștere era un lucru clar și comensurabil. Dar ce

urma după moarte era, este și, credem, v-a mai fi mult timp o enigmă, fiind inventată credința în „viața veșnică” după moarte. Omul îndrăznește să presupună o continuitate a vieții, considerând că *Moartea și Viața nu sunt fragmente, ci realitatea unică, un tot întreg* (Eliade 1993, 11). În studiul de față intenționăm să abordăm (suntem conștienți de sensul paradoxal al expresiei) o problemă „veșnică” a existenței omului – moartea, care este și ea o formă (posibil și o continuare, filosofic fie spus) a vieții și pe care o încununează într-o formă sau alta. Inițial moartea părea semenilor timpurilor cele mai îndepărtate o continuare a somnului și doar mai târziu din cauze, poate în primul rând ecologice și de igienă defuncții au început să fie îngropați foarte simplu (inițial în poziția celui ce doarme chircit pe o parte), iar cu timpul, procedurii redându-i-se o pondere spirituală – îngropați într-un fel sau altul, dar urmându-se anumite proceduri, care ulterior, completându-se devin elemente de rit și ritual. Primitivii gândesc despre propria lor moarte: ei sunt de acord să o considere ca o schimbare de regim existențial; moartea nu este un sfârșit, ci o post-existență. Moartea, ca și nașterea sau nunta, comportă o serie de rituri prin intermediul cărora trecerea de la un nivel ontologic la altul se poate face fără riscuri, atât pentru cel care le practică efectiv, cât și pentru restul comunității (Eliade 1993, 189, 191). Toate acestea echivalează cu o *inițiere* și în ceremoniile simbolice, respectiv ale morții și ale renașterii (=noua naștere) joacă un rol considerabil. Cu timpul, în epocile ulterioare de evoluție umană ultimile evoluiază, devenind mai complexe și, ceea ce este foarte important, încep să aibă coloratură specifică pentru diverse grupuri umane, culturi și grupuri culturale. Fiind prin esență un fenomen misterios, moartea ca un final definitiv a vieții o încununează pe aceasta și nu este totuna cum omul se apropie de ea. Paralel, din timpuri imortalizate vine și credința în „viața veșnică” (nemurirea), sau viața „de apoi”, „de dincolo”. Practic din acele timpuri întunecate, dar elaborată și accentuată în dogmele alexandrine și religia creștină persistă *marea lege mistică conform căreia viața eternă nu poate fi obținută fără suferință și fără moarte* (Eliade 2003, 127). Aici este vorba despre suferința care mântuiește, de moartea care trebuie experimentată voluntar pentru a se dobândi Viața veșnică. V-om vedea ceva mai jos cum acest moment principal

al credinței religioase corespunde deplin credințelor geților în nemurire, mai ales în trimiterea solului la Zalmoxis prin sacrificarea acestuia aruncat în sulite (Herodot IV, 93).

Credința geților în nemurire, inclusiv inversarea uzanțelor funerare (veselie și chef în loc de plânset, bocet și jelire), consemnate nu doar la Herodot, dar și la Hesiod, Hellanicos din Lesbos etc. și care pe parcursul istoriei a devenit „o marcă semantică a geților” (Petre 2004, 57), o veritabilă carte de vizită a acestora este desemnată prin termenul *athanatizantes*, care prezintă un participiu prezent adjectivat de la verbul *atanatzio*, ambele aparținând sferei semantice a numelui *thanatos* – moarte. Ultimul termen precedat de *alfa* privativ înseamnă *care nu cunoaște moartea, nu are parte de moarte, nemuritor* (Petre 2004, 57).

Moartea, rituri și ritualuri funerare la traco-geto-daci. Comparativ cu perioada hallstattiană târzie (mijlocul – sfârșitul sec. VII – sec. V a.Chr.), când în arealul tracilor septentrionali este atestată o varietate contrastantă de rit și ritualuri funerare (Basarabi, Ferigile, Bârsești, Balta Verde, Gogoșu, Tigveni, Celic-Dere, Isaccea, Piatra Frecăței, Dănceni, Giurgiulești-Stâna lui Mocanu, Suruceni, Pârjolteni, Grupul transilvănean etc.), fapt datorat pestrițimei grupurilor culturale zonale (Vulpe 1970, 182-212), către sfârșitul sec. V a.Chr. și mai ales în perioada sec. IV-III a.Chr. practicile funerare se uniformizează, în calitate de rit funerar de bază evidențiindu-se incinerarea (Hansc-Lutărie, Slobozia-Onești, Giurgiulești-Vadul Boului etc.). Dar și pentru această etapă a istoriei „celor mai viteji și mai dreپți” situația nu este elucidată prea clar. Este, în primul rând, situația concentrării zonal-teritoriale a vestigiilor funerare. Pentru perioada sec. VII-III a.Chr. în spațiul dintre Carpați și Nistru s-au înregistrat 540 de morminte (necropole și izolate) în 116 localități (Arnăut 2003, 46). Autorul, însă a inclus în această statistică și mormintele tumulare scitice din interfluviul Nistru-Dunăre. V. Sârbu, pentru spațiul de la Dunărea de Jos cataloghează în jur de 1500 de morminte, pe când în regiunea est-Carpatică doar circa 200 (Sârbu, Florea 1997, 41). Pentru arealul tracilor septentrionali (estul și sud-estul României, nordul Bulgariei, Republica Moldova și sud-vestul Ucrainei), D. Măndescu, într-o ultimă lucrare monografică de proporții invocă 701 puncte cu descoperiri ale sec. V-III a.Chr., dar aici sunt incluse

toate tipurile de vestigii posibile (Măndescu 2010, 419). În zona Carpato-balcanică s-au semnalat circa 75 de complexe funerare, pentru teritoriul Ponto-danubian – 40 (Măndescu 2010, fig. 31, 33, 54). În contextul temei enunțate există mai multe artefacte, sesizabile arheologic, care demonstrează credința tracilor septentrionali în nemurire. Unul dintre acestea ține de ritul funerar: înhumatie/ incineratie. Până nu demult era unanim acceptat biritualismul, cu prevalarea incineratiilor (Nikulitse 1973, 27-44; Nikulitse 1987; Protase 1971; Protase 1980, 86-101; Meliukova 1979; Arnăut 2003, 45-64; Arnăut 2014, 26-49; 222-243; Levinskii 2005-2009, 162-175; Levițki, Haheu 2011, 55-71 etc.). Ne vom expune ceva mai jos despre aceste două rituri funerare. Dar aici, vom stăruii succint asupra unui element de ritual deosebit. În ultimul timp au fost expuse supoziții surprinzătoare și originale vis-a-vis de unele practici de înmormântare, caracteristice pentru perioada sec. VI-III a.Chr. Este vorba despre un „ritual funerar insolit” (Sârbu 2009, 47-80), nominalizat drept „practici funerare birituale prelungite” (Babeș, Mirițoiu 2011, 103-149). Deși autorii români datează etapa inferioară de apariție a acestora cu sec. V î.Hr., în ce ne privește atribuim mai multe dintre ele sec. VI î.Hr. (Dănceni, Pârjolteni etc.). M. Babeș, care insistă că anume lui îi aparține pionieratul în abordarea problemei (Babeș, Mirițoiu 2011, 104, nota 3), rezumă procedura în felul următor. „Înmormântarea pare a cunoaște mai multe etape (înhumare, exhumare, incinerare, depunere finală)...de-a lungul unei perioade mai mult sau mai puțin îndelungată...” „Practica...implica pentru unul și același individ decedat, de manieră succesivă, cele două rituri principale: înhumatia și incineratia. Este...un fel de *biritualism*...” (Babeș, Mirițoiu 2011, 106-107). În continuare autorii aduc o întreagă serie de descoperiri asemănătoare din întreg arealul tracilor septentrionali, de la Nistru la Tisa și din nordul arcului carpatic până la sud de Dunărea de Jos (Babeș, Mirițoiu 2011, 107-124). În interpretările de mai departe, în baza unor studii semnate de către D. Gergova (nota 122), A. Harding (nota 129) cu referire la „moartea simbolică” și „ritualuri funerare specifice ale *imortalizării*” se constată o schimbare majoră a credințelor, când menținerea formelor de morminte (mai timpurie) era mai importantă decât tratamentul, interpretări propuse mai sumar și în calitate de supoziții de către I. Ne-

stor, D. Protase, V. Vasiliev și de curând V. Sârbu. De fapt, V. Sârbu în concluziile sale pornește de la constatarea că săparea unor gropi de proporții, rectangulare sau ovale, pentru mormintele de incineratie încă nu poate fi lămurită (Sârbu 2009, 63). Autorul totodată admite o practică funerară pe etape: înhumare-deshumare-incinerare-redepunere în aceleași gropi, deși recunoaște că nu se poate de argumentat o asemenea reconstrucție (Sârbu 2009, 63-64). În calitate de artefact ce ar infirma supoziția „mormintelor prelungite” se invoca cazurile unor morminte duble dintre care unul este înhumatie, altul incineratie. Se mai adaugă necropolele doar cu înhumații de la Dunărea de Jos, pentru a le enumera doar pe cele de la Giurgiulești-Stâna lui Mocanu (Levițki, Haheu 1999, 121-134) și Isaccea (Simion 2003, 113-128). Pentru epocă sunt suficiente și necropole în care se practica exclusiv incineratia: Onești-Slobozia (Buzdugan 1968, 77-94), Strahotin (Șadurschi 1992, 173-185), Olteni (Sârbu, Cavruc, Buzea 2008, 109-148) etc. V. Sârbu conchide că cel puțin pentru regiune sunt atestate toate tipurile de biritualism obișnuit, apariția „mormintelor prelungite” fiind legată de anumite schimbări, în anumite familii a concepțiilor despre „lumea de dincolo” (Sârbu 2009, 64-65). Spre deosebire de M. Babeș, V. Sârbu este mai prudent și în ce privește amploarea procesului, lăsându-i o alură enigmatică.

De fapt fenomenul a fost atestat nu doar pentru antichitățile din nordul și vestul Europei sau etnografic, cum susține M. Babeș (Babeș, Mirițoiu 2011,), dar este specific și evului mediu timpuriu a spațiului în discuție (Postică 2007,).

Pentru traco-geți moartea nu era un prilej de tragedie și tristețe. Dimpotrivă, conform izvoarele scrise aceștia plângeau, rupându-și părul din cap la nașterea copiilor, pe care îi deplângeau pentru greutățile care urmau a le întâlni în viață. La decesuri, înmormântări și ospetele funerare erau veseli: cântau, dansau, organizau diverse concursuri, bucurându-se pentru cel plecat pe lumea cealaltă pentru că scăpase de chinuri și nevoi. Un alt prilej de bucurie a acestora referitor la cel decedat mai era motivat de către una dintre principalele credințe ale traco-geților – credința în nemurire. Vis-a-vis de această importantă caracteristică de bază a spiritualității „celor mai viteji și mai drepți”, anumite informații găsim în izvoarele scrise, în-

cepând cu Herodot: „Înainte de-a ajunge la Istru birui mai întâi pe geți, care se cred nemuritori” (Herodot IV, 93.). În continuare autorul descifrează esența nemuriri acestora în felul următor: „Iată cum se cred nemuritori geții: ei cred că nu mor și că acel care dispăre din lumea noastră se duce la zeul Zalmoxis. Unii din ei îi mai spun și *Gebeleizis* (!-s.n.). Tot la al cincilea an ei trimit la Zalmoxis un sol, tras la sorți, cu porunca să-i facă cunoscute lucrurile de care, de fiecare dată, au nevoie. Iată cum îl trimit pe sol. Unii din ei primesc poruncă să țină trei sulite (cu vârful în sus – n.n.), iar alții, apucând de mâini și picioare pe cel ce urmează să fie trimis la Zalmoxis și ridicându-l în sus, îl aruncă în sulite. Dacă – străpuns de sulite – acesta moare, geții cred că zeul le este binevoitor. Iar dacă nu moare, aduc învinuiri solului, zicând că e un om ticălos și..., trimit un altul, căruia îi dau însărcinări încă fiind în viață. Aceiași traci, când tună și fulgeră, trag cu săgețile în sus, spre cer, și amenință divinitatea (care provoacă aceste fenomene), deoarece ei cred că nu există un alt zeu în afară de al lor” (Herodot IV, 94). Am invocat acest pasaj poate prea lung deoarece conține referiri nu doar la nemurire, dar și la alte compartimente ale spiritualității. O referire similară, dar în care cităm „...este înjunghiat cel socotit cel mai vrednic dintre cei ce se îndeletnicesc cu filosofia. Cei care nu sunt aleși se mâhnesc amarnic, spunând că au fost lipsiți de un prilej fericit” (*sublinierea noastră*)” o întâlnim la *Clemens din Alexandria* (IV, 8, p. 213). Despre „geții care se cred nemuritori” relatează și *Diodor din Sicilia* (I, 94, 2). Despre anumite tradiții legate de moarte, dar și despre credința în nemurire informații prețioase găsim la Pomponius Mela în *Descrierea pământului* „Tracia era locuită de un singur neam de oameni – tracii, având însă fiecare alt nume. Unii sunt sălbatici și cu totul gata să înfrunte moartea, mai ales geții. Acest lucru se datorește credințelor lor deosebite. Unii cred că sufletele celor care mor se vor întoarce pe pământ, iar alții socotesc că, deși nu se vor mai întoarce, ele totuși nu se sting, ci mergând în locuri mai ferice. Alții cred că sufletele mor negreșit, însă că e mai bine așa decât să trăiască. De aceea, la unii sunt deplânse nașterile și jeliți nou-născuții; dar dimpotrivă, înmormântările sunt prilej de sărbătoare și le cinstesc ca pe niște lucruri sfinte, prin cânt și joc” (Pomponius Mela II, 2, 18).

Aici nu putem să nu facem o remarcă seri-

oasă. Este vorba despre așa-zisa credibilitate a lui Herodot, cu aluzii și la alți autori antici. Dar în primul rând Herodot. În ultimele decenii în istoriografia mondială s-a declanșat o adevărată campanie în cadrul căreia majoritatea informațiilor herodoteice sunt puse la îndoială, unii cercetători europeni calificându-l ca „mincinos” (Vulpe 2009, 117-127). Ne-am exprimat și noi de curând temerile cu referire la anumite pasaje, inclusiv la cel mai important pentru noi – IV, 93 – (Haheu 2013, 32). Surprinzător, Zoe Petre în lucrarea *Practica nemuririi. O lectură critică a izvoarelor grecești referitoare la geți* propune o cu totul altă traducere/interpretare a pasajului lui Herodot „Înainte de-a ajunge la Istru birui mai întâi pe geți, care se cred nemuritori” (Herodot IV, 93.) și pe care îl cunoaște toată lumea de la V. Pârvan încoace. În așa fel Zoe Petre, urmând interpretările lui I.M. Linfoth (Linfoth 1918: *citat după*: Crișan 1986, 347, nota 1) și referindu-se la termenul *athanatizo* pe care îl demonstrează factitiv talmăcește fragmentul în discuție nu : „a (se) crede nemuritor”, ci „a (se) face nemuritor, a conferi cuiva nemurirea...a practica rituri prin care devii din muritor, nemuritor” (Petre 2004, 57-58, 79). Se pare că, de fapt, primul care atrage atenție asupra traducerii necorecte a pasajului (care a fost reluat greșit în „Izvoare privind istoria României” I, 1964 – n.n.) a fost M. Eliade în baza aceluiași I.M. Linfoth (Eliade 1992, 174, nota 88). I.H. Crișan, se afiliază acestei supoziții mai invocând o relatare a lui Agathias, care în *Istoriile* sale se expune oarecum sarcastic: „Căci după părerea mea, nu pentru coroană de măslin sau de pătrunjel se dezbrăcau în arenă învingătorii la jocurile olimpice (...) ci pentru o glorie statornică și nepieritoare, pe care nu era cu putință să o culeagă altfel, decât dacă istoria îi făcea nemuritori, dar nu ca regulile lui Zamolxis și aiureala getică, ci cu adevărat, într-un chip divin și nemuritor și singurul în care cele muritoare pot viețui în veci” (*după*: Crișan 1986, 355). Calificarea primară a geților prin apozitia *athanatizontes* „nu este o explicație causală pentru evenimentul relatat în continuare, ci un epitet formular menit să precizeze identitatea neamului getic „...vag cunoscut grecilor până atunci, dar putând fi recunoscut prin singularitatea raporturilor sale cu moartea și nemurirea” (Petre 2004, 59). Cu alte cuvinte este o caracteristică care nu numai că individualizează pe geți, dar îi și face ușor de recunoscut, atât dintre neamurile tracice,

precum și de alte seminții ne-grecești. Dar cum rămâne atunci cu atestarea acelorași practici și la alte neamuri tracice – *crobyzii*, *terizii*, ca să nu invocăm aici și credințele despre moarte și moartea „eroică” la *celți*, contemporani ai celor enumerați mai sus.

Revenind la principala credință – în nemurire, expusă ceva mai sus, geții se immortalizau prin niște ritualuri de inițiere, pe care M. Eliade le aseamănă cu *Misteriile* grecești și care reprezintă un proces al *morții* (ocultare) și *reîntoarcerii pe pământ* (epifanie) (Eliade 1992, 174-175).

Pe de altă parte, numărul surselor scrise cu referire la credința în nemurire a traco-geților este totuși apreciabil, pentru a invoca doar unele dintre acestea: „*Zalmoxis a fost un grec care a arătat geților din Tracia ritul inițierii religioase. El spunea că nici el și nici cei din țovărășia lui nu vor muri, ci vor avea parte de toate bunurile... Ei spun că cei morți pleacă cu Zalmoxis și că se vor reîntoarce. Dintotdeauna ei au crezut că aceste lucruri sunt adevărate. Aduc jertfe și benchetuiesc ca și cum mortul se va reîntoarce*” (Hellanicos, 73); „...neamul geților, care au fost mai războinici decât oricare dintre oameni ce au trăit cândva – și aceasta datorită tăriei trupului lor, dar și pentru că îi convinsese să fie astfel slăvitul lor Zalmoxis. Moartea cauzată de lupta nu a reprezentat la daci și traci o eliberare, ci mai degrabă o necesitate asumată conștient. O necesitate concepută ca o extensie, nu ca o încetare a vieții (Franga 1993, 17). Crezând că nu mor, dar că își schimbă locuința, ei sunt mai porniți pe lupte, decât ar fi înclinați să întreprindă o călătorie” (Iulian 22); „Nici femeile nu au o fire slabă. Ele doresc din cale afară să fie omorâte deasupra cadavrelor bărbaților morți și să fie îngropate împreună. Deoarece un bărbat are mai multe soții, pentru a dobândi această cinste, ele dau o mare luptă în fața celor care trebuie să hotărască aceasta. Ea se acordă aceleia care are moravurile și conduita cea mai bună, iar cea care învinge în această întrecere este în culmea bucuriei. Celelalte jelesc cu glas tare și își arată deznădejdea prin plânsete foarte puternice” (Pomponius Mela II, 2, 19-21).

La traco-geți, ca de fapt și la multe alte popoare și pentru diferite epoci istorice dispunem și de întruchiparea materială a „morții simbolice”, element care poate fi sesizat arheologic. Acestea sunt mormintele cenotaf, care reprezintă o construcție funerară în memoria/cinstea unui decedat resturile funerare ale căruia sunt cu totul în

altă parte sau nu s-au găsit. Sunt cazurile când se descoperă doar construcția funerară (groapa sepulcrală cu caracteristicile sale formale (formă, dimensiuni, orientare), în alte cazuri fiind fixate anumite elemente de ritual (elemente complinitorii în amenajarea gropii: lipitura pereților/fundului, cărbuni, ocră etc; resturile ofrandei de carne; prezența inventarului funerar etc.).

În continuare v-om stăruia asupra unei discuții, provocate de expunerea lui L. Franga vis-a-vis de „moartea simbolică” (Franga 1992, 160-163; Franga 1993: 13-23), referitor la care M. Tkaciuk, citând studiul din 1992 (p. 162) consideră ca în studiul respectiv lingvistul român întrevăde „informația codificată despre moartea simbolică a etniei” (și transformarea geților în daci? – *continuarea noastră*), deoarece compartimentul IV al lui M. Tkaciuk are denumirea „De la geți la daci”. Ceva mai departe, în compartimentul „Schimbul de culturi sau catastrofă sacrală”, autorul revine la subiect, insistând că dacii au fost pedepsiți aspru, la aceștia dispărând și ritul funerar (mormintele-*n.n.*). Invocând un pasaj din Pliniu cel Bătrân referitor la o situație similară la *celți* (XXII, 8), M. Tkaciuk conchide că dacii (=geții-*intervenția noastră*) au pierdut dreptul la înmormântarea în pământul ce nu le mai aparținea! (vom reveni la aceasta ceva mai jos - *n.n.*). Și în acest caz M. Tkaciuk invoca pe L. Franga, care în baza inversiei, chipurile ar fi întrevăzut toate trăsăturile „morții simbolice a etniei” (Tkaciuk 1999, 299). În ce ne privește am luat cunoștință cât a fost posibil de atent cu ambele studii ale lui L. Franga citate și ne-am documentat cu concluziile sale de bază înmănușiate în triada: *degradation* (militară și virilă)-*inversion-occultation et épiphanie* (Franga 1992, 162; Franga 1993, 21). Da, într-adevăr, L. Franga relatează despre „moartea simbolică”: degradare, inversie, precum și „moartea sacrală”: *transmutare* sau *transmigrație* într-o altă lume a lui Zalmoxis și *imortalitate* și *eternitate*, dar toate acestea au o altă destinație și o altă semnificație, deși simbolistică, dar care se referă la fapte și evenimente concrete, cu personalități și figuranți concreți (Franga 1992, 162; Franga 1993, 21). Tot așa cum se petrece inversia cu exemplul capului tăiat, care cade la picioare în poveștile românești (Franga 1993, 22-23) (ar fi straniu să cadă în altă parte! – *n.n.*). Al doilea aspect din textul lui Justinus referitor la moartea civilă sau, mai bine spus, la moartea simbolică se

referă la faptul că războinicii trebuie să îndeplinească nu doar ordinele regelui, dar să execute și servicii pentru soțiile lor. În urma comportamentului rușinos în timpul luptei apărătorii comunității și-au pierdut masculinitatea (Franga 1993, 15). În sfârșit, ar fi foarte straniu ca autorii antici să ne relateze o alegorie despre moartea etniei și respectiv inversii etnice. Credem că în epitoma lui Pompius Trogus ajunsă la noi în *Historiarum ex Pompeio Trogo Libri XLIV* a lui Justinus sunt expuse fapte concrete și reale, interpretările lui L. Franga fiind departe de înțelegerile lui M. Tkaciuk

De ce inhumație și de ce incinerație. Izvoarele scrise antice conțin și informații prețioase cu referire la lumea spirituală a „celor mai viteji și mai drekți dintre traci”. Ne referim aici la practicile funerare ale acestora – rit și ritualuri de înmormântare – în raport cu zeitățile lor, „patroni” ai lumii de dincolo. De fapt aceștia sunt doi: *Zalmoxis*/*Zalmoxis* și *Gebeleizis*. Ultimii sunt cunoscuți încă din relatările lui Herodot, adică de la răs-crucea sec. VI-V a.Chr. (Herodot IV, 94. 95. 96). Nu există o opinie unanimă cu referire la primatul zeităților în discuție, deși se pare că în timpurile mai vechi (sec. VI-V a.Chr.) zeul suprem era ch-tonianul *Zalmoxis* (stăpânul lumii de apoi de sub pământ), acestuia fiindu-i contrapus uranianul *Gebeleizis*, ambii pretinzând la întâietate în lumea de apoi a umbrelor. Cu trecerea timpului intervin anumite schimbări în credințele oamenilor, aceștia promovând aserțiunea cultului solar, crezând că după părăsirea lumii pământești (moarte) merg la *Gebeleizis* și nu la *Zalmoxis*. Pe de altă parte nu sunt puține sursele (dar și opiniile mai multor cercetători) că de fapt este vorba despre aceeași zeitate numită diferit. Despre zeitățile funebre ale traco-geto-dacilor v-om insista ceva mai jos, aici încercând a lămuri diferitele rituri funerare de epocă prin prisma credințelor religioase. Deci, de ce inhumație și de ce incinerație? Până nu demult, în literatura de specialitate, când era vorba despre ritul funerar la geți, tradițional și fără a se sta prea mult pe gânduri, se declara că acesta era preponderent incinerația. În ultimul timp, ca de fapt și pentru alte elemente ale vieții materiale și spirituale ale acestora situația s-a schimbat spectaculos, recunoscându-se unanim existența biritualismului cu prevalarea procentuală a incinerațiilor. În opinia noastră, pe care am și expus-o de curând (Haheu et alli 2014, 22-23), în linia mari ritul funerar era

în legătură cu zeitatea preferabilă indivizilor concreți. În așa fel, cei care venerau zeități htonice, inițial *Zalmoxis*, erau înhumați, pe când cei care erau adepții lui *Gebeleizis*, zeitate celestă erau incinerați, ca prin flacără și fumul ce se ridică în sus să urce spre cer. Respectiv era diferit și locul paradisului post-mortem: subpământean și/sau în ceruri.

Unde au dispărut mormintele. Tradiție sau mister. Perioada de la sfârșitul sec. III și mai ales sec II î.Hr.-I d.Chr., adică un interval cronologic de aproximativ trei secole, în aspectul practicilor funerare ale traco-geto-dacilor prezintă orice, numai nu o stare „normală” de lucruri: un paradox, o enigmă, un mister. Totul se reduce la aceea că practic pentru întreg spațiul tracilor septentrionali în această perioadă...dispar mormintele. Arheologic vorbind, în acest interval de timp nu cunoaștem necropole, morminte izolate ca rezultat al unor acțiuni funerare conștientizate, tradiționale. Brusc dispar mormintele. Și aceasta în două circumstanțe: numărul mare de asemenea vestigii cu construcții clare, uneori fastuoase, inventar bogat și divers pentru perioada anterioară și pe de altă parte, - în condițiile când pentru epocă se cunosc sute de situri de habitat și respectiv, o înflorire a situației demografice. De asemenea, pentru anumite zone se cunosc mai multe complexe funerare, dar care nu aparțin autohtonilor (bastarni, celți și ulterior sarmați). Datele statistice impresionează în acest sens. V. Sârbu invocă cifre contrastante referitor la prezența/absența mormintelor pentru epoci succesive: aproximativ 2000 pentru sec. V-III a.Chr. și doar mai puțin de 150 în sec. II a.Chr. – I d.Chr. (Sârbu, Florea 1997, 42). Au fost expuse diverse supoziții pentru lămurirea respectivei stări de lucruri. Nu poate fi vorba despre nivelul de cercetare. Cel puțin în istoriografia română perioada nominalizată este desemnată drept epoca clasică a culturii cu situri de habitat înfloritoare. M. Babeș și V. Sârbu presupun că este vorba despre schimbări serioase în practicile funerare existente, mormintele devenind „invizibile” arheologic: expuneri în aer liber, morminte în copaci depuneri în surse acvatice etc. (Babeș 1988, 3-29; Sârbu 1993, 39-40, 126-127; Sârbu, Florea 1997, 42-43). V. Sârbu menționează circa 35 de descoperiri cu rămășițele a peste 200 de indivizi: schelete în poziții neanatomice, părți de schelete și oase izolate în contexte neanatomice, lămurind fenomenul prin anumite restricții de

ordin religios (Sârbu, Florea 1997, 42). Nu suntem siguri până la capăt în asemenea interpretări. Apariția oricăror modificări religioase (din nou accentuăm tradiționalismul și conservatismul acestui important compartiment al spiritualității) necesită motivații serioase. Poate problema este în aspectul etnic al așezărilor acestei perioade? Foarte preventiv și neîntrând în detalii amintim că ceramica depistată în așezările de epocă a arealului în discuție are asemănări formale cu cea din mediul de origine a bastarnilor. În toate cazurile, sfârșitul sec. III a.Chr. consemnează schimbări serioase, care duc cel puțin la dispariția mormintelor (ritului și ritualului funerar), în opinia cercetătorilor, unul dintre cele mai conservatoare elemente spirituale ale oricărei etnii și erau necesare argumente convingătoare pentru aceasta. Mai subliniem o dată în plus ponderea în spiritualitatea oricărei etnii a *tradiției practicilor funerare* și *tradiția* în general. Aici avem cel mai relevant caz în cadrul căruia se poate urmări evoluția și contrapunerea a două tendințe – schimbarea și stabilitatea. Anume tradiția este în esență stabilitate repetare din generație în generație. Această stabilitate este asigurată de anumite creațiuni sistemice obiective în conștiința individuală și socială greu de depășit (Plakhov 1988, 38-39). Revenind la problema practicilor funerare, I. Tul'pe subliniază că riturile legate de moarte, în calitate de acțiuni apropiate de limita extremă a existenței, nu permit nimic întâmplător, oricare artefact, utilizarea căruia nu trezește dubii, urmează a fi interpretat în calitate de element inerent sistemului (Tul'pe 2013, 62). Nomenclatorul obiectelor desemnate în calitate de inventar funerar și de ofrandă, practic nu se schimbă pe parcursul secolelor. Această constanță, care practic nu depinde de diferențieri etnice și variații ale structurilor sociale, acestea devenind componente ale concepției despre lume (Tul'pe 2013, 63). Autorul (Tul'pe 2013, 63), mai evidențiază aici un tip de vestigii, abordat de curând și de către M. Babeș (Babeș, Mirițoiu 2011, 112-119), pomenit și de către noi cu ocazia publicării (Levițki, Haheu 1999, 121-134) și interpretării materialelor necropolei hallstattiene târzii de la Giurgiulești (Levițki, Haheu 2011, 57, 67; Fig. 2,1; 3,15). Acestea fac parte din categoria pieselor utilitare în viața cotidiană, dar incluse în cadrul ritualului funerar de ofrandă le face mediatore între lumile pământești și htonice. În cazul dat este vorba

despre *râșnițe, pietre de râșnițe, lespezi de piatră, zdrobitoare – grinding stones*, uneori în asocierie cu bulgărași de ocru roșu: Giurgiulești M.1 (Levițki, Haheu 1999, 122-123), unele morminte de femei cu statut de „preotese” de pe Nipru (după Babeș, Mirițoiu 2011, nota 92). În aspect simbolic piesa în discuție „omora” grâul pentru a da viață făinii/pâinii (moartea acesteia da viață celui ce o mănca), utilizarea secundară în morminte în calitate de altar avea aceeași semnificație – moarte pentru viață. Descoperirile de asemenea artefacte sunt destul de numeroase: Borosești, Poienești, Strahotin, Stelnica (în 55 de morminte), Olteni (Babeș, Mirițoiu 2011, 119). S-au mai semnalat la Isaccea, Enisala, Celic-Dere etc. (Levițki, Haheu 2011, 55-71). Cu aceeași semnificație: moarte pentru viață/viață după moarte sunt interpretate și alte depuneri funerare – recipientele grosiere (crud-fiert/natural-produs), străchinile („patul” de moarte a produselor), amforele (recipient și „podar-barcagiu”/mediator) etc. (Tul'pe 2013, 63). În așa fel, mai multe/toate piese (-le) de inventar mortuar sunt interpretate în calitate de verigi-racordatori în ciclul nesfârșit de moarte și (re-) naștere. Sarcina de bază a ritualului funerar și de ofrandă rămâne asigurarea trecerii decedatului dintr-o lume în alta.

Zei și zeități ale lumii reale și de dincolo. În legătură directă cu credința în continuarea vieții după moarte divinitățile, inclusiv cele ale „lumii de apoi” ocupau un loc important în panteonul tracilor septentrionali. Problema religiei, credințelor religioase caracterul acesteia încă își așteaptă decizia. În prezent, opiniile cu privire la caracterul religiei și implicit a zeităților tracilor septentrionali diferă. V. Sârbu invocă criteriile de clasificare a religiilor în general, în dependență de realitățile panteonului divin concret. Sunt nominalizate următoarele situații: monoteism, dualism, politeism și henotheism (Sârbu, Florea 1997, 37). Ultimul, în general repetă pe cel precedent, fiind doar mai nuanțat. Abordând problema credinței în nemurire/imortalitate la traco-geto-daci J. Coman susține vehement ideea monoteismului religiei acestora (Coman 1980, 241-268). Adăugând că această zeitate este celestă autorul invocă sanctuarele tracilor septentrionali, în primul rând cele de la Sarmisegetusa și Costești, care nu aveau acoperiș – legătură directă cu cerul, la care adaugă drept argument renumitul „soare de andezit” (Coman 1980, 245).

Mult mai categoric se exprimă în favoarea mono-teismului tracilor septentrionali P. Alexandrescu, care susține că „Salmoxis era o divinitate atât a pământului, cât și a cerului”, invocând în calitate de argument faptul că...”istoricul grec afirmă destul de clar că geții aveau un singur zeu, cu cele două aspecte, chthonian și uranian” (Alexandrescu 2006, 158). Prezintă interes și interpretarea de către același autor a noțiunii de *fruntașii cetăților*, prin care el înțelege fruntașii „triburilor” (în cadrul banchetului dat de către Zalmoxis – *n.n.*) (Alexandrescu 2006, 156), dar pe care, V. Pârvan îi desemnează ca *fondatorii cetăților*, ceva de categoria călugărilor (Pârvan 1982). C. Daicoviciu pledează pentru caracterul dualist al religiei: *Zalmoxis* în calitate de zeu htonic și *Gebeleizis* – celest, astral (Daicoviciu 1969, 18-21). H. Daicoviciu argumentează o reconstrucție profund politeistă a panteonului înaintașilor cu prezența lui Zalmoxis, Gebeleizis, Bendis și zeul războiului (Daicoviciu 1972, 220). În sfârșit, patriarhul arheologiei românești Vasile Pârvan declară henoteismul religiei getice cu Zalmoxis ca zeitate principală și un șir de alte zeități într-o ordine ierarhică (Pârvan 1982, 92). Pornind de la ideea că sufletul este nemuritor și doar „trupul este o împiedicare...de a se bucura de nemuriri” și care trebuie jertfit mai ales în cadrul războaielor, V. Pârvan se afiliază postulatului că abia prin moarte omul înviază la viața cea veșnică. Autorul dezvoltă acest gând invocând cazurile când Patria nu mai poate fi apărată regele și fruntașii se ucid; când soțul moare, soția se ucid, moartea în luptă fiind apogeul virtuții (Pârvan 1982, 92). Subliniind henoteismul geților V. Pârvan conchide că „zeul unic nu avea nevoie de un nume propriu, ci doar de atribute explicative ale puterii sale, care era infinită...Și totuși chiar aceste atribute lipsesc la geți: căci „Zalmoxis” e aproape exclusiv întrebuințat, în vreme ce „Gebeleizis” e cu totul excepțional aici ca apelativ al zeului suprem” (Pârvan 1982, 92). Toate opiniile, cu toate divergențele contrastante existente au fost expuse în baza unui izvor unic: capitolele 94-96 a cărții a IV-a din *Istoriile* lui Herodot. În ultimii ani au apărut un șir de studii valoroase semnate de către arheologi și filologi, care încearcă să lămurească starea de lucruri (Vulpe 2001, 429-437; Vulpe 2003, 61-65; Vulpe 2009, 117-127; Dana 2000, 211-222; Dana 2008; Diaconescu 2007, 261-266), dar discuțiile sunt departe de consens.

Dacă Herodot ar fi avut dreptate când susține ca geții cred că „nu vor muri, ci vor merge într-un loc în care își vor duce traiul de-a pururi, având parte de toate bunătățile” (Herodot IV, 94,95), ar reieși că zeitatea respectivă se localiza în „ținutul subpământului” (Mușu 1982, 156). Inițial în calitate de zeitate chtonică la traco-geți este recunoscut Zalmoxis, zeitatea celestă fiind Gebeleizis. După Herodot (Herodot V, 7) tracii, inclusiv cei septentrionali, venerau, de asemenea, așa zeități, care cel puțin corespundeau taxonomic lui *Ares*, *Dionysos*, *Artemis* și *Hermes* (Eliade 1992, 169). *Dionysos* mai este cunoscut în panteonul „celor mai viteji și mai drepți” cu numele de *Sabos* și *Sabazios* (Eliade 1992, 169).

Dionysos în calitate de însoțitor spre lumea de apoi și vinul ca o modalitate de trecere dintre două lumi: viață și moarte. Deosebit de convingătoare sunt credințele religioase ale tracilor septentrionali, dar despre care Eric R. Dodds menționa plastic și oarecum sarcastic: „Cercetătorul...va trebui să traverseze un teren transformat în mocirlă adâncă și lunecoasă de cizmele savanților în discordie; un teren unde cei grăbiți se pot împiedica de cadavrele, nu complet descompuse, ale unor teorii defuncte, cărora nu li s-a făcut încă o înmormântare convenabilă. Trebuie deci să înaintăm cu prudență și încet și să pășim atent printre sfârșămături” (*după*: Crișan 1986, 344). Nu de mult ne-am expus vis-a-vis de semnificația vinului și rolul acestuia în practicile funerare, dar și cele legate de „moartea simbolică” la traco-geto-daci (Haheu, Bratco 2013, 218-227). Interesant este faptul că constatarea corespunde atât credințelor păgâne, precum și celor paleocreștine și creștine. Pentru epoca discutată în mai multe regiuni ale Europei, inclusiv arealul traco-geto-dacic este foarte răspândit cultul *dionysiac*. Ultimul este demonstrat prin numeroasele reprezentări votive ale zeității respective în cele mai diferite spații geografice ale regiunii. Invocându-l pe zeul Bahus, Ovidiu cântă în versuri generozitatea localnicilor și abundența vinului (Vinokurov 2002, 27). Nu este exclus ca într-o măsură oarecare practicile religioase să fi stimulat însăși răspândirea vitiviniculturii. Sistemul complicat de prelucrare a viței de vie și de producere și păstrare a vinului necesitau de la producători să urmeze strict consecutivitatea și termenii îndeplinirii anumitor procedee agro-tehnice. Taina pregătirii vinului de rând cu nepu-

tința și frica oamenilor epocilor îndepărtate față de anumite fenomene naturale nefaste ocupațiilor acestora s-au reflectat în apariția unor rituri și ritualuri. Religia antică cu credințele în forța și fenomenele naturale atrăgea atenția la ciclul schimburilor anotimpurilor, mișcarea stelelor cerești, în primul rând a soarelui și a lunii, din care cauză aducerea ofrandelor și jertfelor, precum și îndeplinirea ritualurilor urmau să corespundă zilelor/perioadelor când zeitățile le așteptau (Latyshev 1997, 99). Unele dintre acestea încep să corespundă calendarelor populare agricole, altele aveau o semnificație proprie, sau zilele sărbătoririi anumitor zeități (Chkoniiia 1988, 20). În legătură cu ultima invocăm anumite cazuri de astfel de corespunderi. De exemplu, numai în ziua de *Probajine* (6/19 august) se dă dezlegare la struguri și doar de la ziua *Crucii de toamnă* (14/28 septembrie), numită și *Cristoful viilor*, se pot culege strugurii pentru vin. Este deosebit de important aici momentul jertfirii „primelor roade”, în calitate de modalitate de comunicare cu lumea de dincolo – lumea celor morți (Hâncu-Tentiuc 2004, 240, 243).

Unele ritualuri și libații închinat anumitor zeități se caracterizau printr-o stabilitate strictă pentru perioade îndelungate și deseori se răspândeau departe de limitele anumitor popoare și state (Vinokurov 2002, 27). Așa a fost și cazul zeului viței de vie și a vinului *Dionysos*, care primul a obținut vinul mustuind bobitele cu mâna. Inițial zeitatea făcea parte din Panteonul Greciei de la începutul perioadei istorice, dar având prototipuri mai îndepărtate. În peregrinările sale care cuprind mai multe regiuni vinicole din Europa și Asia acesta ajunge în Thracia. În orașele nord-pontice cultul lui *Dionysos* se răspândește începând cu sec. VI a.Chr. (Kruglikova 1975, 189). La alaiurile dedicate acestuia, în care luau parte și populația barbară extazul vakhanalic, ca și în Grecia se atinge prin consumul excesiv de vin, sunetele unei muzici exaltatoare, dansuri ritmice (Skrizhinskaia 2000, 136). Locuitorii orașelor și așezărilor rurale cunoșteau sărbătorile dionisyace a lui *Leney* și *Thesmophorii*, pentru care procurau vase de lux pictate cu subiecte și motive respective (Skrizhinskaia 2000, 136). În așezarea de la Berezani și Olbia cultul lui *Dionysos* se bucura de o mare popularitate în perioada elenistică, pentru mijlocul sec. V a.Chr. fiind cunoscute plăcile de os cu texte orfice și vasele cu motive *dionisyace* (Iai-

lenko 1982, 287). În Tyras, pe lângă cultul clasic a lui *Dionysos* era destul de popular cultul sincretic a lui *Dionysos-Sabazis* (varianta tracică a zeității), care ulterior se contopește cu Zeul suprem, care deseori se identifica cu *Zeus-Sabazis* și Eroul-călăreț trac (Son 1993, 117). De acest cult este legată descoperirea unui complex religios casnic din Tyras datat cu începutul sec. III d.Chr., care includea un altar, o sculptură de cult și *grafitti* votive pe ceașcă cu o toartă, destinate libațiilor sufletelor morților, și care, probabil era dedicat cultului sincretic a lui *Dionis-Sabazis* (Son 1993, 174). Culesul strugurilor și diferitele faze de producere a vinului erau o ocazie pentru sărbătorile *dionisyace*, care reveneau perioadei de toamnă târzie și iernii (Latyshev 1997, 108). Acest zeu a învățat oamenii să culeagă strugurii amătitori și să sărbătorească nopțile. Ritualurile aveau un caracter orgastic, cu ritualuri falice, însoțit de jertfe și extazul femeilor. Desigur, pe primul plan erau strugurii și consumul vakhanalic al vinului. Influența cultului *dionysiac* asupra spiritualității și închipuirilor religioase a lumii barbare, inclusiv a tracilor septentrionali foarte probabil nu depășea cadrul folosirii vinului în procesele funerare și de pomenire, aducerea jertfelor și utilizare cotidiană. În favoarea acestor supoziții sunt destule dovezi arheologice exprimate în descoperirea nenumăratelor statuete ale zeității descoperite în siturile locale corespunzătoare perioadei grecești și ulterior romane. Bețiile fără măsură în cadrul sărbătorilor *dionysiac* erau parte componentă a cultului zeului vinului. Îmbătându-se oamenii se dedau complet (voința și însăși viața) voinței zeității, devenind ca și acesta veseli, nesăbuiți în plăceri trupesti. Cu cât mai mult omul se elibera de eu-l său obișnuit el trecea în stăpânirea zeului. Eliberându-se, sub influența licoarea *dionysice* de strânsorile (restricțiilor) cotidiene, persoana „murea” pentru viața pământească și se deda vieții „veșnice”, în procesul care, vinul devenea un mijloc de trecere din lumea reală în spațiul ireal, mai aproape de centrul divin al universului. În același timp vinul putea transporta pe cei morți în lumea umbrelor și ale spiritelor, fiind o cheazăie a unei vieți noi (Vinokurov 2002, 38-39). Anume această ultimă supoziție îndreptățește utilizarea vinului drept o acțiune rituală, cu profunde subînțelesuri mistice. Esența htonică a vinului este reflectată în faptul că strugurii, bobitele și mustul repetau soarta zeului, suferind. Acestea „se chinu-

iau” în timpul culesului, apoi în procesul stocării se dezmembrau, își pierdeau unitatea și piereau pentru ca ulterior, într-o nouă calitate să renască în vasele de păstrare cu o mare forță și măreție. Zdrobirea bobitei, ca și orice jertfă, este o cheazășie a renașterii (Ivanov 1994, 183). Renașterea avea loc în alte forme: must-vin. Foarte probabil, la tracii septentrionali, și cu atât mai mult în perioada dacică/romană, ca și la alte popoare cu culte *dionysiace*, vinul în vase mari, de tipul pithosurilor, se îngropa în pământ – murea și se înmormânta – ca după o perioadă de timp să se dezgroe și să renască. Un alt aspect al procesului de moarte-învie în contextul credințelor *dionysiace* îl constituie utilizarea de foarte multe ori a vaselor de păstrare a vinului – amforele, pithosurile – în calitate de loc de plasare a mormintelor, de cele mai dese ori de copii. Acestea sunt de regulă morminte ne-incinerate (Simion 1971, 63-128). Asemenea morminte nu sunt deloc întâmplătoare, de cele mai dese ori vasele fiind în stare bună, fapt ce permite presupunerea că acestea sunt legate de anumite credințe religioase. În aspect mistic defunctul urma să repete soarta vinului/a lui *Dionysos* și să renască într-o nouă dimensiune și calitate (Vinokurov 2002, 46). Amforele se întâlnesc des în morminte în calitate de recipiente pentru băutura

de ofrandă, la Enisala fiind cunoscute morminte în amfore (Simion 1971, 63-128). Sunt originale unele interpretări în legătură cu descoperirea în morminte a anumitor părți de amfore. Este vorba despre prezența părții inferioare a vaselor în lipsa celei superioare și invers. În primul caz este vorba despre o ideologie htonică, în al doilea – se are în vedere lumea celestă și legătura cu lumea celor vii, în calitate de punte de trecere dintre cei vii și cei morți (Vinokurov 2002, 46). Filosoful neoplatonician *Porfiriu din Tyras* (sec. IV d.Chr.) expune ideea conform căreia totul ce provine din lut, inclusiv vasele ceramice, constituie un cult al lui *Dionysos*, legat implicit de viața de vie. Această închipuire se bazează pe observația că obiectele din lut supuse arderii capătă culoarea roșie – culoarea sângelui, a vieții, a vinului și a lui *Dionysos*. Cu ultima este legată și vechea închipuire cosmogonică despre folosirea lutului în calitate de material inițial de creare a omului, uneori acesta fiind amestecat cu „sângele domnului”. Este clar din care cauză vasele de lut jucau un rol deosebit în ceremoniile religioase și în aducerea jertfelor (Vinokurov 2002, 45). De rând cu *Dionysos* agricultorii din regiune venerau pe *Demetra*, *Kora*, *Apollon*, *Hermes* – zeități ale lucrărilor agricole (Vulpe 2001, 429-437).

Bibliografie

Izvoarele antice sunt citate după: *Izvoare privind istoria României* (București 1964).

Alexandrescu 2006: P. Alexandrescu, Însemnări arheologice. 2. Salmoxis. SCIVA tomul 57, 2006, 155-158.

Arnăut 2003: T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a.Chr. în spațiul de la răsărit de Carpați (Chișinău 2003).

Arnăut 2014: T. Arnăut, Spații sacre și practici funerare din mileniul I a.Chr. în arealul Carpato-Balcanic (Chișinău 2014).

Babeș 1988: M. Babeș, Descoperirile funerare și semnificația lor în contextul culturii geto-dace clasice. SCIVA tomul 39, № 1, 1988, 3-30.

Babeș, Mirițoiu 2011: M. Babeș, N. Mirițoiu, Practici funerare birituale prelungite în spațiul Carpato-Dunărean în sec. V-III a.Chr. AM XXXIV, 2011, 103-149.

Buzdugan 1968: C. Buzdugan, Necropola getică de la Slobozia, Carpica I, 1968, 77-94.

Coman 1980: J. Coman, Imortalité chez les Traco-Geto-Daces. Actes du II Congrès International de Thracologie III (București 1980), 241-268.

Chkoniia 1988: L. Chkoniia, Vinogradarstva i vinodeliia v Vostochnoi Gruzii (Tbilisi 1988) // Л. Чкония, Виноградарства и виноделия в Восточной Грузии (Тбилиси 1988).

Crișan 1986: I.H. Crișan, Spiritualitatea geto-dacilor (București 1986).

Daicoviciu 1969: C. Daicoviciu, Herodot și pretinsul monoteism al geților. In: C. Daicoviciu, Dacica (Cluj-Napoca 1969), 18-21.

Daicoviciu 1972: H. Daicoviciu, Dacia de la Burebista la cucerirea romană (Cluj 1972).

Dana 2000: D. Dana, „Șapte note despre Herodot”, Thraco-Dacica XXI, 2000, 211-222.

Dana 2008: D. Dana, Zalmoxis de la Herodot la Mircea Eliade. Istории despre un zeu al pretextului (Iași/

București 2008).

Diaconescu 2007: T. Diaconescu, Herodot. Notă filologică privind două probleme controversate. AM XXX, 2007, 261-266.

Eliade 1980: M. Eliade, De la Zalmoxis la Genghis-Han. Studii comparative despre religiile și folclorul Daciei și Europei Orientale (București 1980).

Eliade 1992: M. Eliade, Istoria credințelor și ideilor religioase 2, De la Guatama Buddha până la triumful creștinismului (Chișinău 1992).

Franga 1992: L. Franga, Les Daces et la mort „symbolique” (A propos d'un fragment de Justin). Symposia thracologica № 9, (București 1992), 160-163.

Franga 1993: L. Franga, Les Daces et la mort „symbolique”. Considérations sur la mort chez les Daces et les Thraces. Thraco-Dacica tomul XIV, nr. 1-2, 1993, 13-23.

Haheu, Bratco 2013: V. Haheu, D. Bratco, Unelte și dispozitive, tehnici și practici vitivinicole la tracogeto-daci, RA S.N., 2013, vol. IX, nr. 2, 218-227.

Haheu et alli 2014: V. Haheu et alli, Lumea celor vii și lumea „de dincolo” la tracii septentrionali (despre moarte, credințe, credințe religioase și zeități). „Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și studiul artelor” (ediția a VI-a) (Chișinău 2014, 22-23.)

Iailenko1982: V. Iailenko, Greceskaia kolonizatsiia VII-II vv. do n.e. (Moskva 1982) // В. Яйленко, Греческая колонизация VII-II вв. до н.э. (Москва 1982).

Ivanov 1994: S. Ivanov, Dionis i pradionisiistvo (Sankt Peterburg 1994) // С. Иванов, Дионис и прадионисийство (Санкт Петербург 1994).

Latyshev 1997: V. Latyshev, Ocherki greceskikh drevnostei. Bogoslužebnye i stsenicheskie drevnosti (Sankt Peterburg 1997). // В. Латышев, Очерки греческих древностей. Богослужебные и сценические древности (Санкт Петербург 1997).

Levinskii 2005-2009: A. Levinskii, K voprosu o pogrebal'nom obriade i obriadnosti u getov Dnestrovsko-Prutskogo mejdurech'ia (VI-IV vv. do n.e.). Stratum plus, № 3, 2005-2009, 162-175. // А. Левинский, К вопросу о погребальном обряде и обрядности у гетов Днестровско-Прутского междуречья (VI-IV вв до н э). Stratum plus, № 3, 2005-2009, 162-175.

Levițki, Haheu 1999: O. Levițki, V. Haheu, Necropola hallstattiană târzie de la Giurgiulești. In (red. T. Arnăut, A. Zanoci, S. Matveev) Studia in honorem Ion Niculiță (Chișinău 1999), 121-134.

Levițki, Haheu 2011: O. Levițki, V. Haheu, Necropola hallstattiană târzie de la Giurgiulești în contextul cultural-istoric de la Dunărea de Jos. RA S.N., 2011, vol. VII, nr. 1-2, 55-71.

Kruglikova 1975: I. Kruglikova, Sel'skoe hoziaistvo Bospora (Moskva 1975) // И. Кругликова, Сельское хозяйство Боспора (Москва 1975).

Măndescu 2010: D. Măndescu, Cronologia perioadei timpurii a celei de-a doua epoci a fierului (sec. V-III a.Chr.) între Carpați, Nistru și Balcani (Brăila 2010).

Mușu 1982: Gh. Mușu, Din mitologia tracilor (București 1982).

Nikulitse 1973: I. Nikulitse, Pogrebal'nyi obriad getov v IV-III vv. do n.e. SA 2, 1973, 27-44 // И. Никулицэ, Погребальный обряд гетов в IV-III до н.э. СА 2, 1973, 27.44.

Nikulitse 1987: I. Nikulitse, Severnye frakiitsy v VI-I vv. do n. e. (Kishinev 1987) // И. Никулицэ, Северные фракийцы в VI-I вв. до н. э. (Кишинев 1987).

Pârvan 1982: V. Pârvan, Getica. O protoistorie a Daciei (București 1982).

Petre 2004: Z. Petre, Practica nemuririi. O lectură critică a izvoarelor grecești referitoare la geți (București 2004).

Plakhov 1988: V. Plakhov, Kategorii istoricheskikh nauk (Leningrad 1988) // В. Плахов, Категории исторических наук (Ленинград 1988).

Protase 1971: D. Protase, Riturile funerare la daci și daco-romani (București 1971).

Protase 1980: D. Protase, Autohtonii în Dacia, I. Dacia romană (București 1980).

Rustoiu 2008: A. Rustoiu, Războinici și societate în aria celtică transilvăneană. Studii pe marginea mormântului cu coif de la Ciumești (Cluj-Napoca 2008).

Simion 1971: Despre cultura geto-dacă din nordul Dobrogei în lumina descoperirilor de la Enisala.

Peuce II, 1971, 63-128.

Sîrbu 1993: V. Sîrbu, Credințe și practici funerare, religioase și magice în lumea geto-dacilor (Galați 1993).

Sîrbu 2009: V. Sîrbu, Observații privitoare la un ritual funerar insolit la tricii nordici din sec. V-III a.Chr. Istros XV, 2009, 47-80.

Sârbu, Cavruc, Buzea 2008: V. Sârbu, V. Cavruc, D. Buzea, O comunitate dacică din sec. IV-III a.Chr. la Olteni, jud. Covasna. Angustia 12, 2008, 109-148.

Sîrbu, Florea 1993: V. Sîrbu, G. Florea, Imaginar și imagine în Dacia preromană (Brăila 1997).

Șadurschi 1992: P. Șadurschi, Necropola getică de la Strahotin. Dângeni, jud. Botoșani. Materiale. A XVII-a Sesiune anuală de rapoarte (Ploiești 1983), I, (București 1992), 173-185.

Vulpe 1970: A. Vulpe, Archäologische forschungen und historische betrachtungen über das 7. Bis 5. Jh. im Donau-Karpatenraum. MemAntiq II, 1970, 115-213.

Skrizhinskaia 2000: M. Skrizhinskaia, Budni i prazdniki Ol'vii VI-I vv. do n.e. (Sankt Peterburg 2000) // М. Скржинская, Будни и праздники Ольвии VI-I вв. до н.э. (Санкт Петербург 2000.)

Son 1993: N. Son, Tira rimskogo vremeni (Kiev 1993) // Н. Сон, Тира римского времени (Киев 1993).

Tkaciuk 1994: M. Tkaciuk, Manifestări culturale din sec. V-I a.Chr. Thraco-Dacica, tomul XV, nr. 1-2, 1994, 215-256.

Tkachiuk 1999: M. Tkachiuk, Getika, kotoruiu my poteriali (iz antologii hronologicheskikh razryvov). Stratum plus, № 3, 1999, 274-304 // М. Ткачук, Гетика, которую мы потеряли. (из антологии хронологических разрывов). Stratum plus, № 3, 1999, 274-304.

Tul'pe I. Tul'pe, Necropol' – pole rekonstruktsii mirovozzrencheskikh konstant. In: Bosporskii fenomen. Greki i varvary na evraziiskom perekrestke (Sankt-Peterburg 2013), 62-66 // И. Тульпе, Некрополь – поле реконструкций мировоззренческих констант. В сб.: Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке (Санкт-Петербург 2013), 62-66.

Vinokurov 2002: N. Vinokurov, Antichnyi sotsium: kul't vina i vinograda. Bosporskie issledovaniia, vyp. II (Simferopol' 2002) // Н. Винокуров, Античный социум: культ вина и винограда. Боспорские исследования, вып. II (Симферополь 2002), 27-87.

Vulpe 2001: A. Vulpe, Dacia înainte de romani. Religia. In: Istoria Românilor I, cap. IV (București 2001), 429-437.

Vulpe 2003: A. Vulpe, Herodot IV, 94: Gebeleizis? In: Omagiu profesorului Emilian Popescu (Iași 2003), 61-65.

Vulpe 2009: A. Vulpe, Herodot și religia geților. In: Studia archeologiae et historiae antiquae (Chișinău 2009), 117-127.

Vasile Haheu, cercetător științific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1. MD 2001, Chișinău, Republica Moldova, email: vasile.haheu@gmail.com

Victoria Surdu, magistru, cercetător științific stagiar, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1. MD 2001, Chișinău, Republica Moldova, email: vicasurdu@yahoo.com

Dumitru Bratco, doctor în științe agricole, cercetător științific superior, Instituția Publică „Institutul de Cercetări Științifice pentru Horticultură și Tehnologii Alimentare”, str. Vieru 59. MD 2004, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: dbratco@gmail.com

Vasile Haheu, Dumitru Bratco

Vitivinicultura Moldovei în epoca medievală

Keywords: Middle Age of Moldova, grape, wine, viticulture, tools, accessories.

Cuvinte cheie: Moldova medievală, vița de vie, vin, viticultură, instrumente, dispozitive.

Ключевые слова: средневековая Молдова, виноград, вино, виноградарство, инструменты, приспособления

Vasile Haheu, Dumitru Bratco

Viticulture and winemaking in Middle Age Moldova

The article continues the series of publications dedicated to the history of viticulture and winemaking in the region. The local medieval winemaking represented a continuation of traditions from previous times (thraco-getian and daco-roman) when the basis of viticulture was established. Nonetheless, the early medieval time has been impacted by the vices of the darker centuries: the numerous alien nomadic groups that invaded the region were often hostile to the local traditions. Nonetheless, the local population continued their occupations, a fact proven by historical documents (descriptions by foreign travellers, governmental documents, evidences from locals, etc.), but also by archaeological artefacts. Various archaeological monuments yielded carbonised grape seeds and tools used in winemaking. Cellars are known from more recent medieval times. The natural evolution of winemaking was suppressed by the end of the XIX century due to the negative influence of phylloxera.

Vasile Haheu, Dumitru Bratco

Vitivinicultura Moldovei în epoca medievală

Articolul continuă ciclul de studii dedicat istoriei vitiviniculturii din regiune. Specificul epocii constă în perpetuarea tradițiilor epocii precedente (traco-geți/daco-romani), când au fost puse bazele producției vitivinicole. Epoca medievală, mai ales cea timpurie, a fost puternic afectată de vicisitudinile secolelor „întunecate” – penetrațiile popoarelor nomade, străine și ostile tradițiilor în domeniu. Populațiile băștinașe continuă ocupațiile respective, fapt demonstrat de documentele epocii (descrierile călătorilor străini, gramotele de curte, scrierile cronicarilor etc.), dar mai ales prin artefacte arheologice. În acest sens, în diferite situri au fost semnalate semințe carbonizate și seturi de unelte (cosoare, săpăligi, târnăcoape, hârlețe ferăstraie etc.) și dispozitive (linuri, teascuri, butoaie). Mai târziu apar podgoriile cu crame, beciuri, crâșme etc. Procesul evoluției producției respective va fi întrerupt de apariția filoxerei.

Василе Хахеу, Думитру Братко

Виноградарство и виноделие Молдовы в средние века

Настоящее исследование является продолжением цикла статей, посвященных истории виноградарства и виноделия в регионе. Специфика обозначенной эпохи состоит в продолжении традиций предшествующих периодов (фрако-гетско-дакийского и римского времени), когда были положены основы винодельческого производства. Средневековый период – темные века – особенно на ранних стадиях, характеризуется сильным отрицательным влиянием чужеродных кочевнических народов, враждебных местным традициям. Но местное население продолжает производство в данной отрасли, факт доказанный документами эпохи (описания иностранных путешественников, канцелярские грамоты, хроники) и в особенности археологическими находками. Во многих памятниках данной эпохи были обнаружены семена винограда, а также наборы инструментов (ножи, мотыги, кайла, лопаты, ножовки и др.) и соответствующие приспособления (прессы, бочки). Позднее появляются крамы, подвалы, трактиры и т.п. Эволюционный процесс развития отрасли в дальнейшем был прерван появлением филлоксеры.

Odată puse bazele ocupațiilor vitivinicole în epocile antică și antică târzie, această îndeletnicire milenară a populațiilor dintre Nistru și Carpați continuă cu diferite intensități și în epoca medievală. Vicisitudinile epocii, mai ales cele din secolele „întunecate”, afectate puternic de pecetea nomadismului, element străin prin tradițiile sale spirituale (religioase etc.) celor locale, de agricultori-sedentari, nu au fost în stare să substituie ocupațiile tradiționale ale băștinașilor,

inclusiv cele legate de prelucrarea viței de vie și producerea (mai mult sau mai puțin) a vinului. Cu atât mai mult, în anumite regiuni ale Moldovei formele de relief (pante dulci, coline, cu acces maximal la lumina solară), precum și solurile specifice (nisipoase sau lutoase) erau deosebit de potrivite pentru cultivarea viței de vie. Cu referire la ultima, cunoscutul specialist și autoritate în domeniul pedologiei V. Dokuceaev menționa: „Este imposibil de indicat pentru Rusia europeană locuri

mai interesante referitor la soluri (natural-istorice în general) decât în Gubernia Basarabia. Anume aici trece granița de est a fagului și cea de nord-vest a viței de vie” (Dokuchaev 1950, 21). Pentru perioada sec. IX-XIII vitivinicultura constituia o ocupație casnică – este vorba despre terenul de lângă casă, cultivat „regulat și constant...bine îngrijit”, structurat în grădină, livadă și vie (Emandi 1979, 68-69). Începând cu sec. XV-XVII, vitivinicultura Moldovei nu numai că se stabilizează, dar devine o ramură prioritară în economia țării. Un rol aparte revine puterii statale centralizate care patronează și administrează aceste ocupații (Byrnia 1974, 179). Din această perioadă dezvoltarea ramurii este ascendentă și prosperă, pentru intervalul cronologic de la sfârșitul sec. XVI – primul sfert al sec. XVII ramura vitiviniculă situându-se

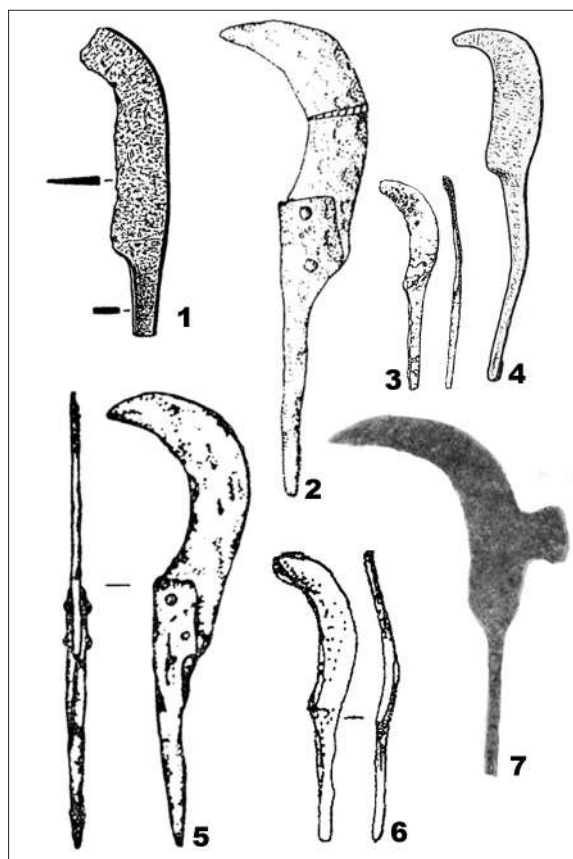

Fig. 1. Cosoare. 1 - Hansca; 2, 4 - Dodești; 3 - Costești; 5 - Grădiștea Muncelului (1 după Rafalovici 1973; 3 după Rafalovici 1972; 4 după Polevoi 1974; 2, 5 după Teodor 1985-1986; 7 după Spinei 1979)

Fig. 1. Sickle. 1 - Hansca; 2, 4 - Dodești; 3 - Costești; 5 - Grădiștea Muncelului (1 after Rafalovici 1973; 3 after Rafalovici 1972; 4 after Polevoi 1974; 2, 5 after Teodor 1985-1986; 7 after Spinei 1979)

pe primul loc în economia țării, cu 41 de mențiuni în documentele de epocă (cerealele – 23; creșterea animalelor – 19) (Zabolotnâi 1998, 148, Diagrama Ia; Ib). Către începutul sec. XVIII se constată un regres în dezvoltarea ramurii, dar aceasta este în legătură cu decăderea generală a economiei țării, unele centre, cândva prospere – Lăpușna, Țuțora, Ștefănești devenind simple localități rurale (Zabolotnâi 1998, 151). Apogeul dezvoltării vitiviniculturii este atestat în secolul XIX, dar se diminuează brusc începând cu 1886, odată cu apariția filoxerei și mildiului, care nu numai că întrerupe acest proces, dar îl și redirecționează, începând cu soiurile de struguri utilizate în continuare, precum și procedeele tehnică-tehnologice. Apar sorturile hibride și altoitul.

În aspect bibliografic constatăm că până în prezent nu există o lucrare monografică specială referitoare la vitivinicultura Moldovei medievale. Cu toate acestea, există anumite studii la temă (Hașdeu 1874; I. Teodorescu 1968; Giurescu, 1969; Peliakh 1970 etc.). În sfârșit, marea majoritate a specialiștilor medievaliști în lucrările lor au abordat tematica, publicând și importante vestigii referitoare la ramură (Spinei 1979, 217-242; Spinei 1982, 205; Postică 2007, 146-152; Byrnia 1969, 161-163; Byrnia 1974, 169-190; Byrnia 1984, 178-179; Rafalovich; 1973, 134-154).

Informații prețioase despre vitivinicultura Moldovei medievale ne furnizează, în primul rând, documentele de epocă: referințele călătorilor străini pe aceste meleaguri, cronicile vremii (Gr. Ureche, I. Neculce, D. Cantemir), gramotele de curte (majoritatea cu caracter juridic, de vânzare-cumpărare sau dăruire a viilor). Cronicarul Grigore Ureche, precum și cărturarul Dimitrie Cantemir, descriind structura administrativă a țării pe timpul lui Alexandru cel Bun (1400), desemnează în calitate de funcție superioară în ierarhia statală pe cea de *mare paharnic*, precum și pe cele de *pârcălab* și *ispravnic de Cotnari*, cu rolul de a servi pe domnitor. Dintre cele mai vechi mențiuni despre vița de vie este actul din 7 ianuarie 1407 de la mitropolitul Iosif, în care, enumerându-se averile mănăstirii Neamț, se pomenesc „și două mori și două vii, una pe care a dat-o Petru-voievod (Petru al Mușatei: 1374-1391 – n.n.). și alta a cumpărat-o vlădicia mea” (DIR A, I, 1957, 15). La 6 ianuarie 1411 același domnitor dăruiește mănăstirii Bistrița un obroc anual de „câte zece buți de

vin...” (DIR A, I, 1957, 24). La 2 martie 1422, într-un act despre hotarul unei seliști de pe Topolița, în calitate de punct de reper este pomenit „pârâul ce curge din vie la vale” (DIR A, I, 1957, 44). La 1 septembrie 1429 Alexandru cel Bun împreună cu doamna Marina dăruiesc mănăstirii Neamț un metric anual de „douăsprezece butii de vin din desetina Neamțului” (DIR A, I, 1957, 86). Într-un document de la 5 octombrie 1448 Petru voievod întărește mănăstirii Poiana un metric de dăruire: „...câte șase buți de vin din desetina noastră, sau de la Hârlău sau de la Cotnari...” (DIR A, I [1384-1475], 1954, 237). Acest document mai este important prin faptul că avem menționat pentru prima dată Cotnariul, în continuare o importanță podgorie a regiunii. Un document amplu și sugestiv, conținând informații referitoare la procesul de obținere a mustului și păstrarea vinului provine de la Ștefan Voievod, fiul lui Alexandru cel Bun (25 august 1443), dat în orașul Roman și care întărește pentru călugărul Sava o vie: „...de la Andrica de la Neamț...Și via este mai sus de cetatea Neamșului și e locul unde este teascul acestei vii...Și la via aceasta nici unii din pârcălabii noștri și nici desetnicerii să nu aibă amestec să ia desetina din vin în veci” (DIR A, I [1384-1475], 1954, 200). Într-una dintre gramotele de pe timpul lui Ștefan cel Mare (1470, noiembrie 26) este pomenit satul Mârzești din ținutul Orheiului, „cu pădure, livezi și vii”, care este dăruit fraților Dumitru și Grigore Budeci (DIR A, I [1384-1475], 1954, 377-378). Sunt numeroase documentele cu privire la dăruirea unei cantități de vin în calitate de zeciuială (de la 6 la 12 butoaie) de către domnitor anumitor mănăstiri din partea unor orașe: Putnei – din partea or. Siret (DRHM, vol. I, 1975, 62), Neamțului – din partea or. Neamț (DRHM, vol. I, 1975, 140-147), Pobrata – din partea or. Hârlău (DRHM, vol. I, 1975, 411), Moldoviței – din partea or. Baia (DRHM, vol. II, 1976, 30,34). Cele mai numeroase gramote se referă la dăruirea sau confirmarea proprietăților asupra unor terenuri de vie (cu indicarea locului și a suprafeței) în cele mai dezvoltate zone vitivinicole din regiune: Hârlău (DRHM, vol. II, 1976, 247) etc.

Negustorul și călătorul rus Afanasii Nikitin din Tver, după ce se înapoiază din Asia (inclusiv India) (1466-1472), vizitează Moldova. În memoriile sale, relatând despre belșugul și ieftinătatea produselor din Țara Moldovei, autorul scrie că

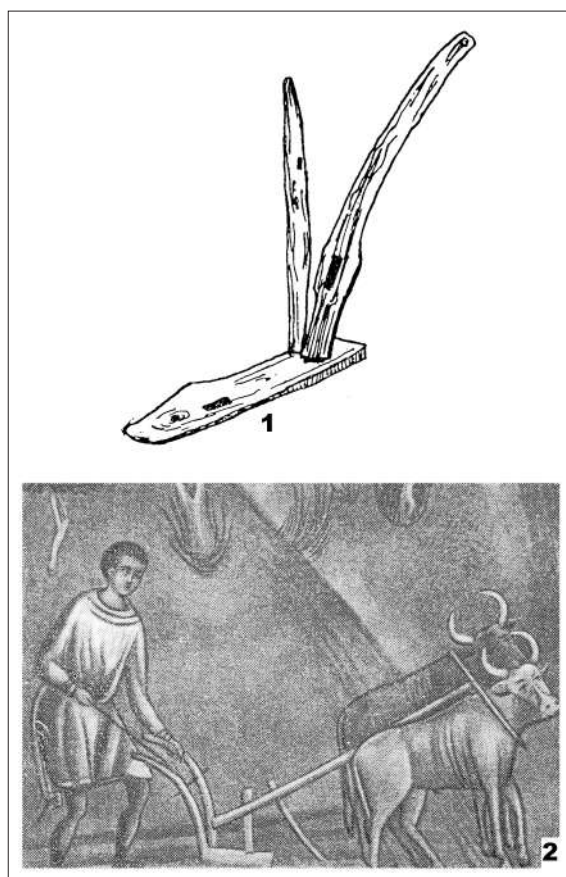

Fig. 2. 1 - Plug; 2 - Imaginea aratului cu plugul de la mănăstirea Voroneț (1 după Demcenco 1968; 2 după Demcenco 1964).

Fig. 2. 1 - Plow; 2 - The image of the plowing from monastery Voroneț (1 after Demcenco 1968; 2 after Demcenco 1964).

„pe aici treceau drumurile mari comerciale, iar dintre produsele care se exportă face parte și vinul de calitate” (după: Peliakh 1974, 33). Charles de Ioppecourt, nobil din Lotaringia, care luptă pe lângă nobilii poloni de partea Movileștilor și care la sfatul avocatului său Baret publică în 1620 la Paris cartea sa de amintiri „Plus memorables advebves aux derniers troubles de Moldavie ou sont descrites plusieurs batailles”, menționa pentru Moldova: „...se mai vîdă în această țieră coline pré-frumóse si atât de abundante în vinuri, încâtă nu numai Moldavia se indestulăză, dar se transportă si în Podolia si în alte țieri vecine” (după A. Papiu Ilarianu 1863, 16). Tot aici se menționează faptul că în apropiere de Vaslui se face un fel de vin, care „...se aprinde ca vinarisul cel bun”, dar pe care oamenii îl beau liber și fără teama de a suferi (după A. Papiu Ilarianu 1863, 16). Descri-

eri importante despre Țara Moldovei (inclusiv modul de viață, ocupațiile populației etc.), găsim în memoriile solului polonez, generalul Rafael Leszczyński (tatăl viitorului rege Stanislaw), date în 1699. Pentru zona de nord este pomenită localitatea Baița (Bayce), care este situată „între podgorii mari” (Panaiteescu 1930, 94). În sec. XVII misionarul catolic Marco Bandini în Codex-ul său constată că dintre cele mai intens cultivate cu viță de vie sunt zonele Cotnari, Huși, Roman și Bacău (după Byrnia 1969, 161). La mijlocul secolului al XIV-lea – perioada formării statului feudal de sine stătător Moldova – viticultura și vinificația capătă o răspândire destul de largă pentru acele vremuri. Treptat se identificau zonele deosebit de favorabile după condițiile lor naturale și înrădăcinarea tradițiilor avansate pentru dezvoltarea viticulturii și vinificației, în care se produceau vinuri de o calitate înaltă, destinate Domnitorului Moldovei și nobilimii.

Dintre aceste microzone, cele mai renumite se considerau Cotnari, amplasată în apropierea orașului Iași (viticultura acolo a fost binecunoscută încă în timpurile geto-dace), Odobești – localitate din apropierea orașului Galați, Uricani, Nicorești, Huși, Focșani etc.

Dimitrie Cantemir sublinia faptul că „Vinul de Cotnari are o culoare cu totul deosebită, pe care nu o găsești la alte vinuri și anume este verzui și, cu cât îmbătrânește, cu atât culoarea lui se face mai verde” (Cantemir 1997, 47).

Este stabilit că deja în prima jumătate a sec. XIV – mijlocul sec. XVI, adică până la începutul dominației turcești, s-a format un sortiment specific al viței de vie din Moldova, în care au fost reprezentate soiuri de geneză locală, care au trecut o cale de selecție îndelungată și binefăcătoare, soiuri aduse de către greci în orașele-colonii de pe țărmul Mării Negre, precum și soiuri aduse din peninsula Balcanică, care mai apoi pătrund spre nord de Dunăre și Prut. În sortimentul viței de vie a Moldovei, care s-a păstrat încă din perioada feudală, se poate de constatat influența Ungariei, Turciei, Crimeei și chiar a unor regiuni din Transcaucasia și Asia Mijlocie. Caracteristice pentru viticultura Moldovei medievale au fost localizarea soiurilor separat, repartizarea lor într-un fel de „oaze”. În capitolul al VI-lea „Despre câmpiile și pădurile Moldovei” al renumitei sale opere Descrierea Moldovei, Dimitrie Cantemir menționa:

„Toate celelalte bogății ale pământului le întrec viile alese înșirate pe o lungă fâșie între Cotnari și Dunăre; sunt așa de rodnice încât un singur pogon care e o suprafață pătrată de 24 de stânjeni, dă adesea patru până la cinci sute de măsuri de vin, socotită de patruzeci de litri. Vinul cel mai ales este cel de Cotnari, un târgușor în părțile Hârlăului. Dincolo de hotarele țării nu este cunoscut, fiindcă își pierde tăria când este dus dintr-un loc în altul în butoaie – pe apă sau pe pământ – fără osebite îngrijiri. Citez să susțin că este mai ales și mai bun decât alte vinuri europene și chiar decât vinul din Tokay” (Cantemir 1997, 47). Și în continuare cărturarul subliniază, că: „...cel mai vârtos băutor

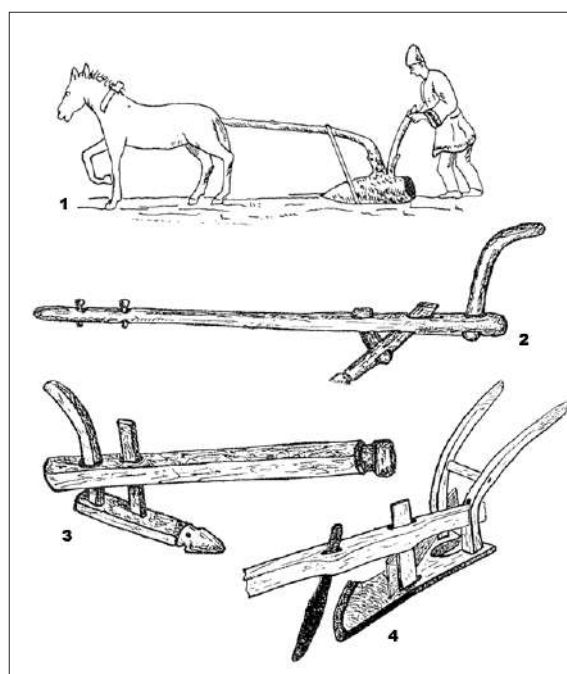

Fig. 3. Tipuri de pluguri (1, 4 după Demcenco 1964; 2, 3 după Rafalovici 1969).

Fig. 3. The types of the plow (1, 4 after Demcenco 1964; 2, 3 after Rafalovici 1969).

abia este în stare să bea trei pahare fără să se îmbețe; cu toate acestea, la urmă nici măcar nu-l doare capul” (Cantemir 1997, 47). În continuare D. Cantemir enumeră și altele dintre cele mai bune vinuri din Moldova, menționându-le în ordinea descreșterii: Huși, Odobești, Nicorești, Grecești și Costești. Referindu-se la teritoriul sudic dintre Nistru și Prut, marele cărturar nota: „Și Basarabia, înainte vreme când era a Moldovei, avea vii destul de bune, dar acestea s-au păraginit de când turcii,

care se scârbesc, „de vin, au început să se așeze în țară. Totuși, creștinii care locuiesc în părțile Chilie și Ismailului au mai păstrat câteva vii și scot numai atât vin cât trebuie ca să-și astâmpere setea” (Cantemir 1997, 48). Călătorul turc din secolul al XVII-lea Evlie Celebi scrie în lucrarea sa Cartea călătorului despre viile cultivate, bine îngrijite din Moldova. Sunt invocate numeroase vii în împrejurimile orașelor Akkerman, Chilia, Tighina, Hotin etc. Viile evului mediu nu au cunoscut influențele bolilor și ale dăunătorilor, ultimele apărând la sfârșitul sec. XIX. Plantațiile prosperau, dând o cantitate apreciabilă de vin de calitate. Unele dintre acestea aveau o suprafață de 15 ha.

Cele mai importante dovezi despre ocupațiile vitivinicole în regiune au fost puse la dispoziție de descoperirile unor vestigii arheologice relevante ce demonstrează prezența acestei ocupații pentru fiecare etapă a epocii în discuție. În majoritatea siturilor medievale au fost depistate mai multe unelte și dispozitive din domeniu, ce confirmă continuitatea tradițiilor vitivinicole. Susținem aceasta, pentru că vom demonstra (dar au mai semnalat faptul și alți cercetători) că majoritatea artefactelor datate în evul mediu își au respondente depline sau aproximative în epoca geto-daco-romană, perioadă în care, după cum menționăm ceva mai sus, nu numai că s-au pus bazele ocupațiilor în discuție, dar și s-a constituit lotul de bază al tehnicii de lucru. De fapt, majoritatea arsenalului tehnico-tehnologic, procedeele de lucru în vie, precum și de obținere și păstrare a vinului, sunt aceleași ca și în zilele noastre. Pentru pregătirea solului, plantarea și îngrijirea viței de vie se utilizau plugurile, sapele, hârlețele cu ramă de fier, topoarele-târâncop, sădilele și cosoarele.

Pentru „călcatul” strugurilor se utilizau diverse forme de linuri și teascuri din lemn. Apar beciurile și butoaiele pentru păstrarea vinului. S-au descoperit vase pentru păstrarea și băutul vinului. Apare meșteșugul dogarilor. În sfârșit, tot într-o etapă mai evoluată a epocii apar cramele (mănăstirești, domnești, boierești), veritabile centre de producție vitivinicole, cu un ciclu complex de producere de la plantarea și îngrijirea anuală a viei, până la producerea și păstrarea vinului (Giurescu 1969; Spinei 1982; Musteață 2005; Ghimpu ș.a. 2000, 159-172; Postică 1999, 268-279; Postică 2007, 148-152; Demchenko 1964, 35-61; Rafailovich 1972a, 75-90; Byrnia 1979; 1984). În une-

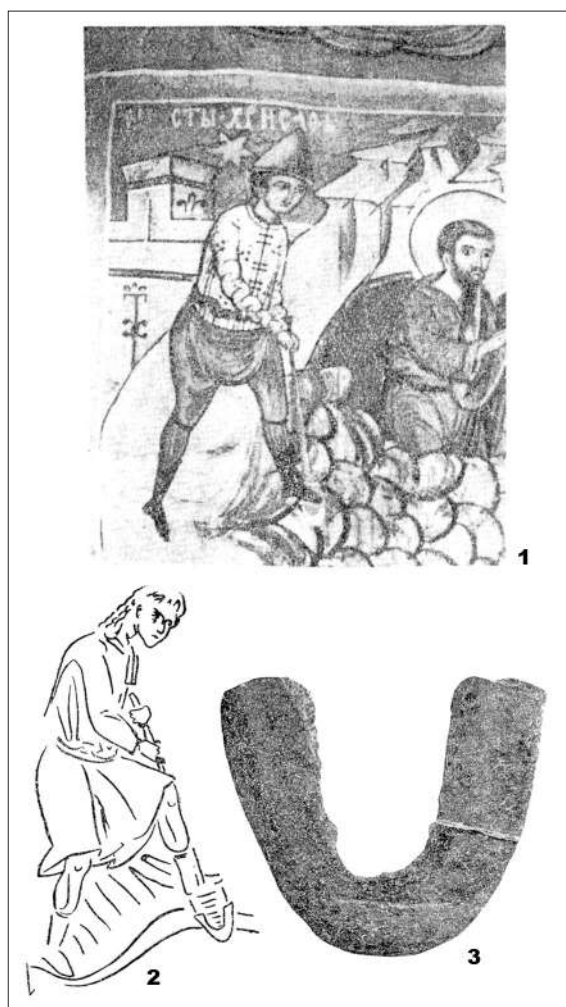

Fig. 4. 1-2 săpatul cu hârlețul; 3 - ramă de fier de hârleț de la Orheiul Vechi (după Demcenco 1968).

Fig. 4. 1-2 digging with the spade; 3 - iron blade of the spade, Orheiul Vechi (after Demcenco 1968).

le așezări medievale (Hansca, Șabo, Bogatoe) s-au descoperit semințe de struguri (Postică 1999, 271).

Dintre cele mai relevante artefacte ce demonstrează existența vitiviniculturii în teritoriul Moldovei medievale, invocăm uneltele și dispozitivele de lucru, atestate pe întreg spațiul în discuție. Spre deosebire de dispozitivele vitivinicole (linurile, teascurile, butoaiele), care sunt mai mult sau mai puțin strict specifice, uneltele de lucru utilizate în domeniu sunt, în general, polifuncționale, utilizându-se și la alte lucrări agricole și nu numai. Poate mai aproape de viticultură este cosorul, dar și acesta se utilizează pe larg în pomicultură. În cele ce urmează vom întreprinde o succintă analiză a principalelor unelte și dispozitive utilizate în procesele vitivinicole ale epocii în discuție.

Cosoare (fig. 1,1-7). Prezintă cea mai numeroasă și relevantă categorie de unelte pentru „îngrijirea” viței de vie. Prezintă în esență un cuțit cu vârful încovoiat, ascuțit pe partea interioară. Pentru etapa timpurie (sec. V-VII) exemplarele descoperite (Hansca) sunt încă slab profilate, pedunculul care se fixa într-un mâner de lemn sau os era egal cu lungimea lamei (Rafalovich 1972, 112, fig. 17,6). Ulterior (sec. X-XIII) este utilizat un cosor de forme zvelte, bine profilat, având curbura mai pronunțată, de dimensiuni mai mari (Hansca, Trebujeni-Scoc) (Rafalovich 1973, 134-154; Postică 2007, 152). S. Musteață interpretează greșit piesa de la Trebujeni-Scoc în calitate de seceră (Musteață 2005, fig. 23,10), secerile de epocă având complet un alt aspect morfologic, în realitate fiind vorba despre un cosor de dimensiuni mai mari. Exemplarul de la Dodești are lama puternic curbată, mânerul lucrat aparte este fixat de lamă prin două nituri (Spinei 1979, fig. 1,3). Cosorul de la Coșna a fost găsit într-un mormânt dublu (Spinei 1982, 205). Uneltele își au originea directă în piesele similare din epoca traco-getică și daco-romană (Teodor 1985-1986, fig. 4,1,2).

Plugul. Este important de subliniat că în epocă nu existau diverse tipuri de pluguri, utilizate la anumite operațiuni/ramură agricolă, ci doar rariți. Unele și aceleași tipuri de dispozitive de arat se foloseau pentru toate lucrările, de la pregătirea terenului pentru sădirea viei până la prelucrarea suprafeței dintre rânduri. Pentru ultima procedură se schimba un brăzdar simetric (Demchenko 1964, 37, ris.1; Rafalovich 1969, 76-78, fig. 2) (Fig. 2,1,2; 3,1-4).

Chitonage și sădile. Erau unelte din lemn utilizate la plantarea viței de vie și la punerea haragilor. Chitonaga prezenta o prăjină dreaptă cu vârful ascuțit, prevăzută în partea inferioară cu un suport pentru a se apăsa cu piciorul (Fig. 5,2). Sădila prezenta un vârf ascuțit, ce avea în partea superioară două ramificații pentru mâini (Fig. 5,4). Vestigii ale acestora au fost descoperite în așezarea medievală de la Hansca (sec. X-XIII), executată din os (Postică 1999, 271). Nu este exclus ca, cel puțin în unele cazuri, capătul lucrător să fi fost „înmănășat” în fier (Fig. 5,7).

Hârlețe. Sunt unelte pentru săpat, descoperite mai rar arheologic: la Mașcăuți-Poiana Ciucului (inedit, după Postică 1999, 275; Postică 2007, 151) și Ciornivka (Timoshchuk 1982, 108,

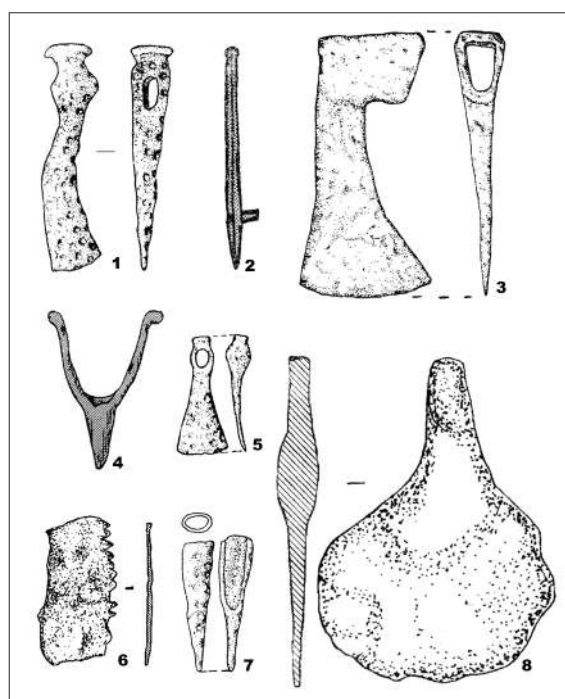

Fig. 5. Unelte viticole. 1 - topor-târâncop; 2 - chitonog; 3 - topor; 4 - sadilă; 5, 8 - sape; 6 - fereastră; 7 - vârf de sădit (1, 5, 7 după Teodor 1985-1986; 2, 4 după Teodorescu 1968; 3, 6, 8 după Postică 2006).

Fig. 5. Tools used in viticulture. 1 - picks-saber; 2 - tool planted; 3 - picks; 4 - garden tool; 5, 8 - mattock-ax; 6 - saw; 7 - peak of planted (1, 5, 7 after Teodor 1985-1986; 2, 4 after Teodorescu 1968; 3, 6, 8 after Postică 2006).

fig. 58,2). Mânerul și baza părții lucrătoare erau executate dintr-o bucată de lemn. La vârf avea o ramă de fier. Apar începând cu sec. X (Postică 1999, 275; Postică 2007, 151) (Fig. 4,1-3)

Sape și săpăligi. Săpăliga reprezenta o lopățiță asemănătoare oticului, dar care se deosebea prin dimensiunile mai mari, corpul alungit, lama lată, ascuțită (Musteață 2005, 57, fig. 36, 7-8). Asemenea piese s-au descoperit la fortificația de la Echimăuți (Fedorov 1953, fig. 51,4). Complet deosebit este exemplarul de la Dragoslaveni-Vrancea, care are forma unei prisme cu capătul de înmănușare transversal îngroșat. Gaura de fixare este cvasiovală. Are similitudini aproape identice cu piesele geto-dacice din sec. I-II d.Chr. (Teodor 1985-1986, fig. 4). Se cunosc și exemplare din corn de cerb: Dumești-Vaslui (Spinei 1982, 205) (Fig. 5,5,8).

Topoare și topoare-târâncop. Se utilizau la scoaterea viei bătrâne și neroditoare. Sunt de

forme în general alungite, una dintre părțile laterale fiind dreaptă sau ușor lărgită spre exterior în regiunea lamei. Partea din interior este puternic răsfrântă spre lamă. Aveau tăișul drept, curb sau oblic spre interior, cu lama îngustă sau mai lată, în dependență de domeniul de utilizare. Topoarele-târâncop erau mai practice la scoaterea rădăcinilor. Alte topoare, de dimensiuni mai mici, se foloseau la cotorătul viei. Vestigii de acest tip s-au descoperit la Alcedar-Odaia, Pererîta-Pe Șes (Rafalovich 1972, 105, 112, fig. 17,1), Lucășeuca (Khynku 1969a, 22, fig. 19,4), Hansca (Chebotarenko 1982, 18, fig. 5-6), Echimăuți (Fedorov 1953, 108, fig. 45,2), Orheiul Vechi (Postike 1992, 129, fig. 2,9), Mateuți-Școala Nouă (Khynku 1969, 162-170), Orheiul Vechi (Postică 2006, fig. 110,5; 123,1), depozitele de la Cozânești și Vatra Dornei (Spinei 1979, fig. 7) etc. (Fig. 5,1,3).

Ferăstraie. În cadrul lucrărilor viticole, în special la curățirea și întreținerea viței de vie, se utilizau și ferăstraiele. Au fost descoperite în stare fragmentară în mai multe situri de epocă și prezintă o lamă metalică cu partea funcțională zimțată: Orheiul Vechi (Postică 2006, 177, fig. 87,2) (Fig. 5,6).

Linuri și teascuri. Reprezintă dispozitive mai mult sau mai puțin complexe pentru zdrobirea strugurilor (bobițelor) și obținerea mustului. De cele mai dese ori procesul avea loc într-un jgheab de proporții, din lemn, unul dintre capetele căruia era astupat, altul fiind deschis sau cu loc de scurgere. Nu este exclusă utilizarea linurilor patrulatere din piatră. În unele cazuri strugurii se zdrobeau într-un dispozitiv de presat – teasc. Era de formă patrulateră, prevăzut cu jgheab de scurgere. Principiul de lucru era în baza „penelor”, fișetul devenind cunoscut mai târziu (Teodorescu 1968, 45, fig. 19) (Fig. 6,4).

Butoaie. Dacă în perioada antică și antică târzie principalele recipiente pentru păstrarea vinului erau vasele ceramice de proporții – pithosurile (pentru transportare fiind utilizate amforele), în epoca medievală încep a fi folosite preponderent butoaiele. Ele reprezentau o variantă a celor daco-romane de formă alungită. Într-o etapă mai evoluată apare și specialitatea meșteșugărească de dogar (Byrnia 1974, 190). Odată cu mutarea capitalei de la Suceava la Iași, aici apar mulți dogari, ceea ce presupune un comerț intens cu vin (Iorga 1935, 316). Butoaiele se confecționau din specii

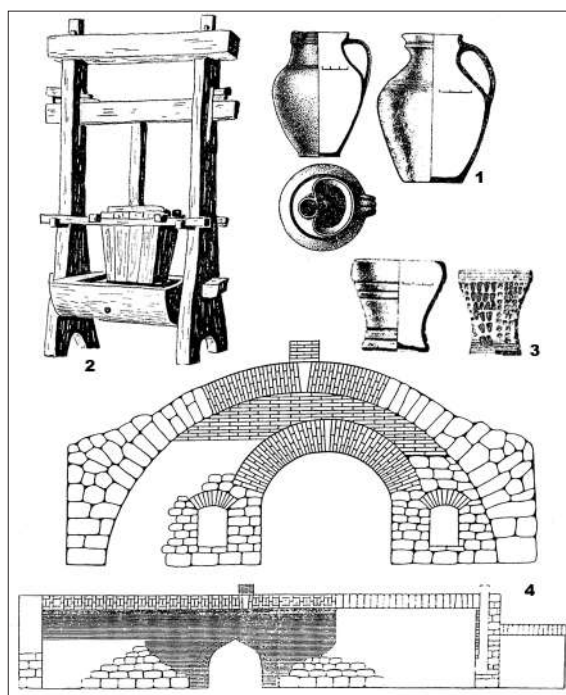

Fig. 6. 1, 3 recipiente de turnat și servit vinul; 2 teasc; 4 beci (1, 3 după Birnea 1984; 2 după Teodorescu 1968; 4 după Ghimpu et al 2000).

Fig. 6. 1, 3 vessels for wine; 2 press wine; 4 cellar (1, 3 after Birnea 1984; 2 after Teodorescu 1968; 4 after Ghimpu et al 2000).

tari de copac – salcâm, stejar. Pentru executarea cercurilor din fier se utilizau „călcătoarele” (Teodorescu 1969, 34, fig. 16).

Recipiente de turnat și de servit vinul. În calitate de recipiente pentru turnarea vinului se utilizau ulcioarele fine din lut (Fig. 6,1,2), dar și recipiente speciale din lemn cu cercuri metalice. Pentru servirea vinului se foloseau cani, cupe și pocale din lut (Postică 2007, 165; Byrnia 1984, fig. 41; 43,1-2) (Fig. 6,3).

La Lăpușna (r-nul Hâncești, Republica Moldova) a fost cercetat unul dintre puținele **beciuri** medievale, datat cu mijlocul sec. XVII. Face parte din categoria celor „cu boltă”, aceasta fiind de formă semicilindrică construită din cărămidă, restul, inclusiv fundamentul – din bolțari de piatră. Dimensiunile: 15,7x6,4 m (Ghimpu et al. 2000, 162-165, fig. 2,3) (Fig. 6,5).

În unele orașe moldovenești (Suceava, Siret, Cetatea Albă, Chilia) în jurul anului 1408 apar primele prăvălii specializate, unde se comercializau produse alimentare și vin (Byrnia 1984, 173).

Deosebit de importante pentru epocă și re-

giune sunt drumurile comerciale din care reiese „Drumul vinului”. D. Cantemir menționa cu această ocazie: „Aceste vii nu sunt de folos numai locuitorilor țării, pentru nevoile lor, căci prețul scăzut al vinului trage aici neguțătorii ruși, leși, cazaci, ardeleni și chiar unguri, care duc la ei în țară, an de an, mult vin, chiar dacă acesta nu-l întrece pe al lor” (Cantemir 1997, 48).

Rolul vinului pentru comunitățile umane din regiune crește odată cu răspândirea creștinismului și respectiv utilizarea ritualică a acestuia. Una dintre tainele religiei creștine este cea a împărtășaniei cu pâine și obligatoriu cu vin roșu (în ortodoxie – toți; la catolici – doar clerul). Vin bisericesc este considerat cel roșu, de calitate. Apar podgorii și vinării mănăstirești și domnești. Se instituie funcția de vătav, responsabil de vinării. Însă deseale incursiuni ale nomazilor aduceau pagube devastatoare viticulturii locale. Influențe nefaste au adus dominația tătară și turcă, ambele având ideologii religioase ce interziceau utilizarea vinului. Începând cu perioada statalității și înscăunarea primilor domnitori, apar primele podgorii specializate/crame, în cadrul cărora avea loc întregul proces de producție vitivinicolă: de la plantarea și îngrijirea sezonieră a butașilor/viței de vie, conform procedeelelor agrotehnice ale epocii, până la obținerea și păstrarea vinului. Au fost (și rămân în continuare) cunoscute renumitele podgorii de la Cotnari, Odobești, Focșani, Vaslui etc. Majoritatea vinurilor locale erau „de masă”, cu un grad mic de alcool, fermentația fiind totală. Preferința se da vinurilor albe. Populația simplă opta pentru soiurile de struguri care „să umple butoiul”, în general predominând vitivinicultura cantitativă și nu calitativă. Prevalau sorturile Plăvae, Galbena înalt roditoare, suculente, dar din care se obțineau vinuri slabe.

Este interesant faptul, că pe unul dintre drapelurile lui Ștefan cel Mare era reprezentată o coardă de viță de vie cu struguri.

În epoca medievală apar primele podgorii, structură specifică spațiului în discuție. Acestea erau locuri cu sol nisipos, propice cultivării viței de vie, de regulă prevăzute cu crame, construcții ușoare în cadrul cărora se prelucrau strugurii, obținându-se vinul. Dintre cele mai vestite sunt cele de la Cotnari și Odobești. Despre podgoria de la Cotnari Marco Bandini scrie că a fost fondată la porunca unui voievod de un specialist neamț,

Gutnar, recomandat de către Matei Corvin cu butași de la Tokay (Ungaria). Specialiștii în domeniu români, dimpotrivă, susțin că plantația română este mai veche și că soiul de bază de aici – Grasa – ar fi fost pusă la baza podgoriei ungare (Teodorescu 1969, 38-39). Presupunându-se apariția podgoriei de la Cotnari încă în vremurile geto-dacice, se susține apariția obiectivului pe timpurile lui Ștefan cel Mare sau chiar mai înainte, după cum reiese dintr-o gramotă a lui Petru Vodă Aron datată în 1447 (Hașdeu 1874, 89). Cronicarii Nicolae Costin și Manolache Drăghici susțin că podgoria a apărut înainte de 1359. Pe timpurile lui Ștefan cel Mare aici activau mai mulți specialiști din Saxonia care pregăteau vinul pentru domnitor și curte, dintre care pârcălab era Grigore Rozenberger. Cu toate acestea, sortimentul materiei prime, precum și metodele de lucru rămăneau tradiționale, total diferite de cele de la Tokay (Teodorescu 1969, 42). În descrierea lui Rafael Leszczyński, în zonă erau câteva biserici catolice pentru colonia germană de aici (Panaitescu 1930, 94). Vinurile de Cotnari erau la mare căutare pe piețele europene, fiind vândute în Transilvania (Brașov), Polonia, „țările tătarăști” din est, Germania (Dantzig), Anglia etc. Pe timpurile lui Alexandru cel Bun se întrețin relații comerciale de amploare cu Lwowul (Lemberg). Acestea se intensifică pe timpul domniei lui Radu Mihnea și a fiului acestuia Alexandru Iliaș (Iorga 1935, 291). Renumitul vin de Cotnari se făcea dintr-un cupaj de Grasa (1/3), care dădea tărie, Feteasca (1/3), de care depindea buchetul, Francușă (1/6), care avea un gust plăcut, acrișor și Busuioc (1/6), care îmbogățea aroma vinului (Peliakh 1974, 38).

În timpul celei de-a doua domnii a lui Alexandru Lăpușneanu (1564-1568), când capitala Moldovei se mută de la Suceava la Iași, Cotnarii rămân în declin, dezvoltându-se în schimb podgoriile de la Bucium, Tomești, Uricani.

Sunt relevante pentru reconstituirea vitivinulturii Moldovei medievale și informațiile etnofolclorice. De exemplu, numai în ziua de Probajine (6/19 august) se dă dezlegare la struguri și doar de la ziua Crucii de toamnă (14/28 septembrie), numită și Cristoful viilor, se pot culege strugurii pentru vin. Este deosebit de important aici momentul jertfirii „primelor roade”, în calitate de modalitate de comunicare cu lumea de dincolo – lumea celor morți (Hâncu-Tentiuc 2004, 240, 243).

Pentru epoca medievală, de asemenea, s-au păstrat unii termeni din domeniul vitivinicol. Este vorba despre câțiva termeni tehnici, ca teas (vechea slavă-těškŭ), poloboc (ukr.-polubočok), tescovină și drojdje (vechea slavă-droždijen). De origine slavă veche sunt alți doi termeni cu sens viticol special: podgorie – ad litteram „sub munte”, care în prezent are sensul de „regiune de vii” și Cristoful viilor – ad litteram „cruce” – krest = a crucii (krestov den). De origine slavă veche este și cuvântul desiatină – „a zecea parte” – zeciuală pe care o dau producătorii de vin stăpânilor, vinărici (Giurescu 1969, 16).

În concluzie, constatăm faptul că vitivinicultura Moldovei medievale, cu toate vicisitudinile caracteristice începutului primului mileniu

creștin, continuă dezvoltarea sa firească în baza tradițiilor din epocile geto-dacică și romană. Cea mai elocventă dovadă a acestora o constituie principalele unelte și dispozitive utilizate în lucrările vitivinicole. Analiza comparativă a acestora arată asemănarea lor până la identitate. Similitudinea uneltelor și dispozitivelor, la rândul lor, presupune și asemănarea procedeeleor și tehnicilor de lucru. După apariția statalității, vitivinicultura Moldovei cunoaște o adevărată ascensiune. Statul protejează domeniul care prosperă. Aceasta durează până la apariția filoxerei, când practic toate viile sunt distruse, soiurile tradiționale abandonate. Începe o nouă etapă, cea a în hibridilor și altoiurilor. Apar noi tehnologii de prelucrare a viței de vie. Dar aceasta este o altă istorie.

Bibliografie

- Byrnia 1969:** P.P. Byrnia, Sel'skie poseleniia Moldavii XV-XVIII vv. (Kishinev 1969) // П.П. Бырня, Сельские поселения Молдавии XV-XVIII вв. (Кишинев 1969).
- Byrnia 1974:** P.P. Byrnia, Pamiatniki kul'tury moldovan (XV-XVII vv.). In: (ed. V. Zelenchuk) Drevniia kul'tura Moldavii (Kishinev 1974), 169-190 // П.П. Бырня, Памятники культуры молдаван (XV-XVII вв.). В сб.: (отв. ред. В.С. Зеленчук) Древняя культура Молдавии (Кишинев 1974), 169-190.
- Byrnia 1984:** P.P. Byrnia, Moldavskii srednekovyi gorod v Dnestrovsko-Prutskom mezhdurech'e (Kishinev 1984) // П.П. Бырня, Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (Кишинев 1984).
- Cantemir 1997:** D. Cantemir, Descrierea Moldovei (Chișinău 1997).
- Chebotarenko 1982:** G.F. Chebotarenko, Naselenie tsentral'noi chasti Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurechiia v X-XII vv. (Kishinev 1982) // Г.Ф. Чеботаренко, Население центральной части Днестровско-Прутского междуречья в X-XII вв. (Кишинев 1982).
- Demchenko 1964:** N.A. Demchenko, Zemledel'cheskie orudiia kak material dlia izucheniiia etnogeneza i etnicheskoi istorii moldavskogo naroda. In: (V. Zelenciuk) MIAE MSSR (Kishinev 1964), 35-61 // Н.А. Демченко, Земледельческие орудия как материал для изучения этногенеза и этнической истории молдавского народа. В сб.: (отв. ред. В.С. Зеленчук) МИАЭ МССР (Кишинев 1964), 35-61.
- Dokuchaev 1950:** V.V. Dokuchaev, K voprosu o pochvakh Bessarabii (Kishinev 1950) // В.В. Докучаев, К вопросу о почвах Бессарабии (Кишинев 1950).
- Documente privind istoria României I (1384-1475) (București 1954).
- Emandi 1979:** E. Emandi, Cultivarea plantelor în nordul Moldovei (secolele IX-XV) în lumina cercetărilor paleobotanice. Hierasus I, 1979, 51-85.
- Fedorov 1953:** G.B. Fedorov, Gorodishche Ekimaitsy (Raboty Slaviano-Dnestrovskoi ekspeditsii v 1951 g.). KSDI ИМК вып. 50, 1953, 104-126 // Г.Б. Федоров, Городище Екимэуцы (Работы Славяно-Днестровской экспедиции в 1951 г.). КСДИ ИИМК вып. 50, 1953, 104-126.
- Hașdeu 1874:** B. Hașdeu, Les origines de la Viticulture chez les Roumains (Bucarest 1874).
- Hâncu-Tentiuc 2004:** A. Hâncu-Tentiuc, Credințe și obiceiuri legate de primele roade. Tyragetia XIII, 2004, 240-244.
- Ghimpu et al. 2000:** V. Ghimpu, R. Blanoschi, N. Ghimpu, Cercetări arheologice preliminare în vatra târgului medieval din Lăpușna. Tyragetia IX, 2000, 159-172.
- Giurescu 1969:** C. Giurescu, Istoricul podgoriei Odobeștilor (București 1969).

- Iorga 1935: N. Iorga, *Histoire du commerce roumain* (Bucarest 1935).
- Khynku 1969a:** I.G. Khynku, *Poseleniia XI-XIV vekov v Orgeevskikh kodrah Moldavii* (Kishinev 1969) // И.Г. Хынку, *Поселения XI-XIV веков в Оргеевских кодрах Молдавии* (Кишинев 1969).
- Khynku 1969b:** I.G. Khynku, *Srednevekovyi mogil'nik Shkoala Noue iz sela Mateutsy*. In: (ed. L. Polevoi) *Dalekoe proshloe Moldavii* (Kishinev 1969), 162-170 // И.Г. Хынку, *Средневековый могильник Шкоала Ноуэ из села Матеуцы*. В сб.: (отв. ред. Л.Л. Полевой) *Далекое прошлое Молдавии* (Кишинев 1969), 162-170.
- Musteață 2005:** S. Musteață, *Populația spațiului pruto-nistean în secolele VIII-IX* (Chișinău 2005).
- Panaiteescu 1930:** P. Panaiteescu, *Călători poloni în Țările române* (București 1930).
- Papiu Ilarianu 1863:** A. Papiu Ilarianu, *Tesauru de monumente istorice pentru România, Tomu II* (București 1863).
- Peliakh 1974:** M.A. Peliakh, *Raskazy o vinograde* (Kishinev 1974) // М.А. Пелях, *Рассказы о винограде* (Кишинев 1974).
- Postike 1992:** G.I. Postike, *Novye dannye o rannesrednevekovom gorizonte Starogo Orkheia*. *Anuarul MNIM I*, 1992, 129-139 // Г.И. Постикэ, *Новые данные о раннесредневековом горизонте Старого Орхейя*. *Anuarul MNIM I*, 1992, 129-139.
- Postică 1999:** Gh. Postică, *Agricultura medievală timpurie în spațiul pruto-nistean*. In: (ed. T. Arnăut, A. Zanoci, S. Matveev) *Studia in honorem Ion Niculiță* (Chișinău 1999), 268-279.
- Postică 2006:** Gh. Postică, *Orheiul Vechi. Cercetări arheologice 1996-2001* (Iași 2006).
- Postică 2007:** Gh. Postică, *Civilizația medievală timpurie din spațiul pruto-nistean (secolele V-XIII)* (București 2007).
- Rafalovich 1972a:** I.A. Rafalovich, *Zemledelie u rannikh slavian v Moldavii (VI-IX vv.)*. In: (ed. L.L. Polevoi) *Dalekoe proshloe Moldavii* (Kishinev 1969), 75-90 // И.А. Рафалович, *Земледелие у ранних славян в Молдавии (VI-IX вв.)*. В сб.: (отв. ред. Л.Л. Полевой) *Далекое прошлое Молдавии* (Кишинев 1969), 75-90.
- Rafalovich 1972b:** I.A. Rafalovich, *Slaviane VI-IX vekov v Moldavii* (Kishinev 1972) // И.А. Рафалович, *Славяне VI-IX веков в Молдавии* (Кишинев 1972).
- Rafalovich 1973:** I.A. Rafalovich, *Issledovaniia ranneslavianskikh poselenii v Moldavii*. In: AIM v 1970-1971 gg. (Kishinev 1973), 134-154 // И.А. Рафалович, *Исследования раннеславянских поселений в Молдавии*. В сб.: АИМ в 1970-1971 гг. (Кишинев 1973), 134-154.
- Sovetov 1980:** P.V. Sovetov, *Razvitie feodalizma i krest'iane Moldavii (ocherki istorii renty v XV – nachale XVIII v.)* (Kishinev 1980) // П.В. Советов, *Развитие феодализма и крестьяне Молдавии (очерки истории ренты в XVI – начале XVIII в.)* (Кишинев 1980).
- Spinei 1979:** V. Spinei, *Aspecte economice și sociale ale evoluției comunităților locale din spațiul est-carpatic în secolele X-XIII*. *Hierasus I*, 1979, 217-242.
- Teodor 1978:** D. Teodor, *Teritoriul est-carpatic în veacurile V-XI* (Iași 1978).
- Teodor 1985-1986:** D. Teodor, *Tradiții geto-dacice în cultura materială și viața spirituală din secolele V-X e.n. de pe teritoriul României*. *AMM VII-VIII*, 1985-1986, 131-148.
- Teodorescu 1969:** I. Teodorescu, *Activités viticoles sur le territoire dace* (București 1969).
- Teodorescu et al. 1966:** I. Teodorescu, Șt. Teodorescu, Gh. Mihalca, *Vița de vie și vinul de-a lungul veacurilor* (București 1966).
- Timoshchuk 1982:** B.A. Timoshchuk, *Davn'orus'ka Bukovina (X – persha polovina XIV st.)* (Kiiv 1982) // Б.А. Тимошчук, *Давньоруська Буковина (X – перша половина XIV ст.)* (Київ 1982).
- Vacarciuc 2000:** L. Vacarciuc, *De la mitologie antică la oenologie modernă*. *Tyragetia IX*, 2000, 149-158.
- Zabolotnâi 1998:** L. Zabolotnâi, *Coraportul principalelor ramuri agrare în economia urbană a Moldovei de la sfârșitul secolului al XVI-lea începutul sec. al XVII-lea*. *Tyragetia VI-VII*, 1998, 147-160.

Dumitru Bratco, doctor în științe agricole, cercetător științific superior, Instituția Publică „Institutul de Cercetări Științifice pentru Horticultură și Tehnologii Alimentare”, str. Vieru 59. MD 2004, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: dbratco@gmail.com

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Angela Simalcsik, Alexandra Comşa,
Vasilica-Monica Groza, Robert Daniel Simalcsik

Trepanația – ritual simbolic/magico-religios sau procedeu terapeutic? Necropola medievală de la Lozova (r-nul Strășeni, Republica Moldova), secolele XIV-XV. Studiu de caz

Keywords: Medieval necropolis, Lozova, XIVth-XVth centuries, therapeutic procedure.

Cuvinte cheie: Necropola medievală, Lozova, secolele XIV-XV, trepanație terapeutică.

Ключевые слова: Средневековое кладбище, Лозова, XIV-XV вв., лечебная трепанация.

Angela Simalcsik, Alexandra Comşa, Vasilica-Monica Groza, Robert Daniel Simalcsik

Trephination – magical-religious/symbolic ritual or therapeutic procedure? The Medieval necropolis from Lozova (Republic of Moldova), XIVth-XVth centuries. Case studies

The skeleton was in Grave 30 of the Medieval necropolis (XIVth-XVth centuries) from Lozova – La hotar cu Vornicenii (Republic of Moldova). This is the first case of therapeutic/medical trephination discovered on the territory of Moldova. The trephination has rectangular shape, with rounded corners, and is located on the left parietal. The purpose of the intervention was therapeutic, to release the intracranial pressure accumulated following a trauma whose traces are visible on the right parietal. The clean aspect of the cranium opening and the absence of postsurgical infection traces suggests that an initiate made the trephination. Clear traces of postsurgical recovery of the bone tissue are present. The bone remodeling is partial. This man not only survived the operation, but lived for at least one more year after the intervention.

Angela Simalcsik, Alexandra Comşa, Vasilica-Monica Groza, Robert Daniel Simalcsik

Trepanația – ritual magico-religios/simbolic sau procedeu terapeutic? Necropola medievală de la Lozova (r-nul Strășeni, Republica Moldova), secolele XIV-XV. Studiu de caz

În lucrarea de față prezentăm o trepanație efectuată pe craniul unui bărbat matur, cu vârsta la deces de circa 45-50 ani. Scheletul a fost deshumat din mormântul 30 din necropola medievală (secolele XIV-XV) de la Lozova-La hotar cu Vornicenii (Republica Moldova). Acesta este primul caz de trepanație efectuată în scop curativ/terapeutic semnalat pe teritoriul Republicii Moldova. Trepanația, care are formă rectangulară, cu colțuri rotunjite, este localizată pe parietalul stâng. Scopul intervenției a fost terapeutic, pentru a elibera presiunea intracraniană acumulată în urma unui traumatism, urmele căruia sunt vizibile pe parietalul drept. Aspectul îngrijit al deschiderii craniene și absența urmelor de infecție postoperatorie ne sugerează că trepanația a fost efectuată de către un inițiat. Sunt prezente semne clare ale refacerii osoase postoperatorii. Remodelarea osoasă este parțială. Acest bărbat nu numai că a supraviețuit operației, ci a mai trăit cel puțin încă un an după această intervenție.

Анжелла Симальчик, Александра Комша, Василика-Моника Гроза, Роберт Даниэль Симальчик

Трепанация - религиозно-магический/символический ритуал или лечебная процедура? Средневековое кладбище Лозова (район Стрэшень, Республика Молдова), XIV-XV вв. Анализ конкретного случая

В статье представлен конкретный пример трепанации, которая была выполнена на черепе зрелого индивидуума мужского пола, имеющего в момент смерти около 45-50 лет. Костяк был обнаружен в могиле № 30 средневекового кладбища XIV-XV вв. у с. Лозова (Республика Молдова). Для территории Республики Молдова это первый случай трепанации, выполненный в лечебно-терапевтических целях. Трепанация на изученном черепе расположена на левой теменной кости, имеет прямоугольную форму, с закругленными углами. Цель этого вмешательства была терапевтической, чтобы понизить внутричерепное давление, полученное от травмы, следы которой видны на правой теменной кости. Аккуратный вид черепного отверстия и отсутствие следов послеоперационной инфекции свидетельствуют, что трепанация была выполнена знатоком. На месте проёма видны четкие признаки послеоперационного восстановления костной ткани. Костное ремоделирование – частичное. Этот мужчина не только выжил после трепанации, но прожил не менее одного года после оперативного черепного вмешательства

Trepanația. Definiție, scop, răspândire

Trepanația craniană este o procedură invazivă, efectuată *intra vitam* sau *post mortem*, care

constă dintr-o serie de manevre executate cu anumite instrumente și tehnici specifice, având drept rezultat deschiderea craniului și, de cele mai mul-

te ori, detașarea unui fragment osos (Ortner 2003, 169-174; Campillo 1994, 41-42; Pahl 1993, 20-22).

Fiind o intervenție extrem de agresivă asupra organismului uman, trepanația (numită craniotomie, în termeni medicali) se execută obligatoriu cu un scop: medical (chirurgical, terapeutic, curativ), simbolic sau magico-religios.

În vechime, pentru trepanațiile efectuate *intra vitam* se opta în situațiile în care era necesară îndepărtarea unor așchii osoase rezultate în urma traumatismelor craniene, dar și atunci când trebuia eliberată presiunea intracraniană formată din cauza inflamării meningelui sau din cauza unor tumori cerebrale (Acherknecht 1947, 33; Ullrich 1971, 1282-1283; Ortner 2003, 93-96). Trepanațiile cu scop medical se realizau și pentru a îmbunătăți starea de sănătate a celor suferinzi de convulsii, migrene, epilepsie, hidrocefalie, delir, halucinații sau chiar melancolie (Acherknecht 1947, 34).

Trepanațiile simbolice se efectuau, de asemenea, *intra vitam*, doar că, spre deosebire de cele terapeutice, acestea erau incomplete (cutia craniană nu se deschidea, ci se răzuia doar *tabula externa ossis cranii*, până la diploë) și aveau un scop presupus ritualic (Jordanov, Dimitrova 1990; Nemeskéri et al. 1960). Trepanația simbolică, de cele mai multe ori circulară (cu diametrul de circa 5 cm), se efectua, în general, pe craniile indivizilor trecuți de 20 de ani, pe frontal sau parietale, în punctul cranian *bregma* sau în proximitatea acestuia, ori pe lângă suturile craniene (coronară, sagitală, lambdoidă). Acest tip de trepanație lăsa un semn vizibil pe vertexul calotei craniene. Scopul realizării acestui însemn simbolic este intens combătut în prezent. După părerea unor autori, prezența trepanației simbolice marca tranziția spre vârsta maturității, sublinia statutul sau rangul social în comunitate sau evidenția un anumit grad de inițiere (Mednikova 2003, 172; Reshetova 2012, 249-258). După Nemeskéri, Eri, Kralovánszky (1960), trepanația simbolică – un obicei comun de-a lungul secolului X în comunitățile din Bazinul Carpat – este treptat abandonată spre sfârșitul secolului XII. Au fost semnalate și publicate până în prezent circa 200 cazuri de trepanații simbolice: 160 provenite din Bazinul Carpat, restul de circa 40 fiind originare de pe teritoriile de lângă Volga, Caucaz, regiunea Nord-Pontică și Bulgaria (Nemeskéri et al. 1960; Bartucz 1966;

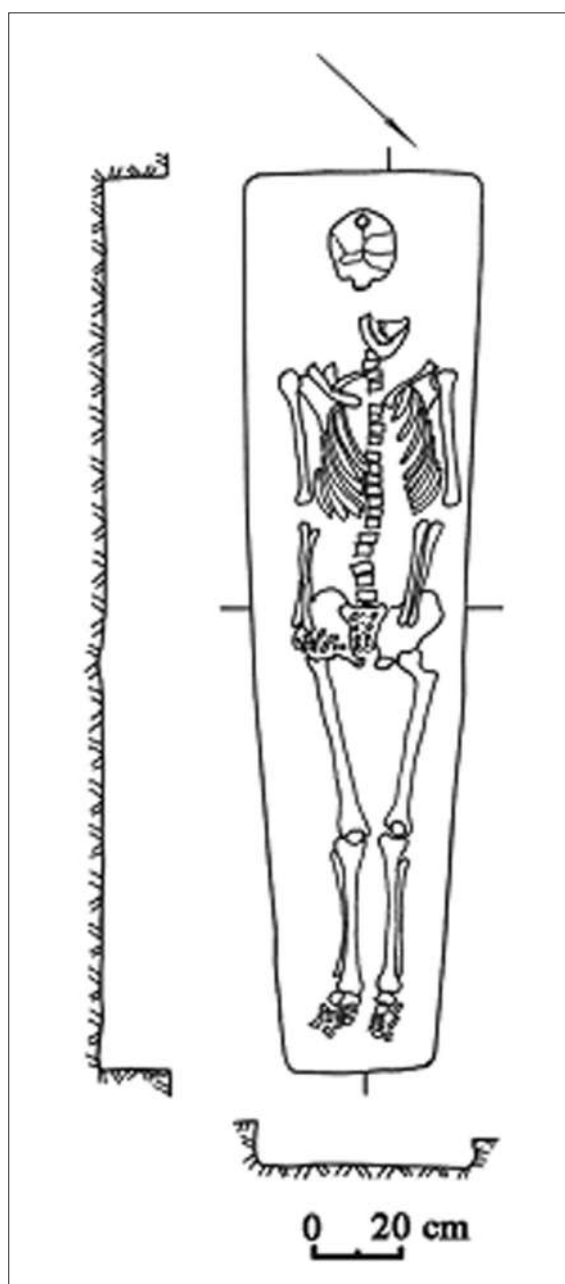

Fig. 1. Desen al mormântului 30. Necropola de la Lozova-La hotar cu Vornicenii (după Vornic ș. a. 2012, 243).

Fig. 1. Drawing of the grave no. 30. Medieval necropolis Lozova-La hotar cu Vornicenii (by Vornic et al. 2012, 243).

Boev 1968, 289-298; Jordanov et al. 1988, 15-18; Grynaeus 1996; Bernert et al. 2006, 177-183).

Trepanațiile efectuate cu scop magico-religios (numite și postume sau cultural-religioase) se realizau *post mortem*, de cele mai multe ori pentru a preleva rondele osoase purtate pe post de amulete, care, se credea, cumulau însușirile celor trecuți

în lumea de dincolo (Crump 1901, 170; Latronico 1956). În această ultimă categorie se încadrează și trepanațiile realizate cu scopul de a alunga spiritele rele, ori pentru a obține fragmente osoase care se transformau într-o pulbere folosită ca ingredient în poțiuni curative (Ortner 2003; Janssens 1970). Este evident de ce un astfel de subiect este fascinant pentru istoria medicinei, pentru antropologie, dar și pentru istoria religiilor.

În legătură cu originea practicii trepanației, există două teorii. Prima, monolocală, sugerează că practicarea trepanației ar fi apărut într-un singur loc, de unde s-ar fi propagat prin difuziune culturală. Cealaltă teorie, multilocală, consideră că acest procedeu a apărut în mai multe centre, de unde s-a răspândit pe aceeași cale. Nu trebuie să scăpăm din vedere faptul că intervenția amintită avea, în principal, menirea de a salva vieți, astfel încât orice comunitate era receptivă la folosirea și însușirea ei până la cel mai mic detaliu, fiind, de asemenea, interesată și de îmbunătățirile aduse instrumentelor sau tehnicilor utilizate. Acest aspect facilita, de asemenea, acceptarea și transmiterea acestei practici rapid de la o populație la alta (Lisowski 1967, 651-672; Roberts, Manchester 2007).

Din vremuri foarte îndepărtate omul a fost foarte preocupat de corpul său, de schimbările determinate de boală, implicit de modalitățile de vindecare. Astfel, referitor la trepanație, apar mențiuni încă din antichitate, continuând apoi în Evul Mediu, în perioada Renașterii și ajungând până în zilele noastre (Moldovan 2003, 5-23). Conform unor opinii, practica trepanației ar fi apărut în Mezolitic sau chiar în Paleoliticul Superior (Anda 1951, 252; Moldovan 2003, 5-23). Cert este că pe teritoriul Europei trepanația capătă o răspândire generalizată de abia în Epoca Neolitică (Finger, Clower 2003; Facchini et al. 2003). Unii autori susțin că în Neolitic între 5 și 10% dintre europeni erau trepanați, ori cu scop terapeutic, ori din cauza anumitor concepții culturale (Prioreshi 1996). Ulterior, practica trepanației s-a manifestat cu intensități diferite în diverse perioade istorice și până în prezent (Oakley et al. 1959; Kshetry et al. 2007), identificarea acestui fenomen fiind aproape imposibilă în anumite secvențe temporale, cum ar fi cele în care a fost practică incinerăția.

Literatura antropologică, dar și cea arheologică, ne oferă destul de des ocazia să obținem informații referitoare la practica trepanației exe-

Fig. 2. Scheletul din mormântul 30. Necropola de la Lozova-La hotar cu Vornicenii. Sex: masculin. Vârsta la deces: circa 45-50 ani.

Fig. 2. Skeleton from the grave no. 30. Medieval necropolis Lozova-La hotar cu Vornicenii. Sex: male. Age at death: around 45-50 years.

cutată pe craniile din perioade istorice diferite. Un fapt surprinzător și paradoxal totodată este cel legat de părerea aproape unanimă a celor preocupați de istoria medicinei, conform căreia trepanația craniană – intervenție extrem de riscantă, invazivă și complicată – este considerată a fi una

dintre cele mai vechi operații din istoria omenirii. În plus, în ceea ce privește răspândirea, din datele existente până în prezent știm că în vechime practica trepanației era răspândită pe patru continente. Există câteva mii de descoperiri referitoare la trepanație și, probabil, datorită studiilor mai intense și mai numeroase efectuate pe teritoriul Europei, acestea par să fie mai frecvente pe acest

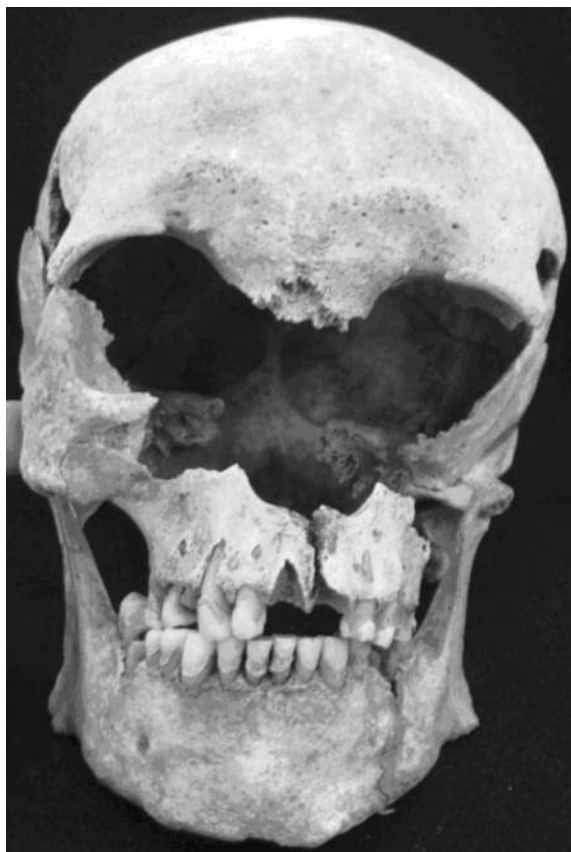

Fig. 3. Craniu văzut din *norma facialis*.

Fig. 3. *Norma facialis* of the cranium.

continent (Roberts, Manchester 2007, 91; Aufderheide, Rodriguez-Martin 1998, 32).

În România studiul științific al trepanației a început în secolul al XIX-lea, urmând îndeaproape structurarea și consolidarea antropologiei ca știință de sine stătătoare, proces care a avut loc la sfârșitul veacului menționat. Menționăm doar câteva dintre lucrările importante semnate de autorii preocupați de-a lungul timpului de practica trepanației pe baza descoperirilor de pe teritoriul României: Al. Lenghel (1926, 408-412), V. Bologa, Al. Lenghel (1930, 354-361), C. S. Nicolaescu-

Plopșor (1931, 409-410), O. Necrasov (1954, 119-126; 1959, 9-32; 1977, 130-136), V. Bologa (1955, 1957), V. Bologa, I. G. Rusu (1955), I. G. Rusu, V. Bologa (1961, 34-66), O. Necrasov, M. Cristescu (1957, 73-147), I. G. Rusu ș. a. (1957, 311-317), V. Bologa (1957, 104-110), E. Crișan (1957, 317-322; 1964, 79-86), E. Floru, D. Nicolaescu-Plopșor (1960, 55-70), N. Dunăre (1960, 523-529; 1966, 81-88), O. Necrasov et al. (1973, 99-125), C. Arseni, A. V. Ciurea (1981), C. I. Bercuș (1981), D. Botezatu, H. Aldea, H. Ciugudean (1987, 3-7), D. Botezatu, G. Miu (1991, 9-12), E. Moldovan (2003, 5-23), G. Miu (2006, 209-218), A. Comșa (2008).

În prezent, o astfel de intervenție extrem de dificilă se efectuează sub control medical sever, în izolare, pentru a asigura condiții aseptice, în scopul protejării pacientului împotriva infecțiilor. În timpurile străvechi trepanația era practică fără respectarea condițiilor specifice de igienă. În mod surprinzător și, totodată, paradoxal, șansele de vindecare ale pacienților erau foarte ridicate, apropiindu-se chiar de 70-80%, fapt demonstrat de trepanațiile studiate până acum, efectuate pe craniile din Neolitic, Mezolitic (Aufderheide, Rodriguez-Martin 1998, 31; Ferembach 1962; Crubézy et al. 2001) și chiar din Paleolitic (Gross 2003, 2009). Pentru a oferi doar un singur exemplu în acest sens, în 1816 Barbrie du Bucarge prezenta Societății Anticarilor (Société des Antiquaires) din Franța un craniu extrem de interesant pentru acea vreme, care avea o trepanație cu urme de însănătoșire, caracteristicile căreia, conform urmelor de vindecare, conduceau la o concluzie extraordinară – individul ar mai fi trăit circa 12 ani după intervenție (Moldovan 2003, 5-23). Oricum, se consideră că în Evul Mediu și în perioada Renașterii șansele de vindecare și, desigur, supraviețuirea postoperatorie depășeau 80%. Desigur, cu cât sunt mai vechi, cu atât cazurile de trepanație sunt mai fascinante și mai spectaculoase.

În preistorie, instrumentul folosit cel mai frecvent pentru a realiza trepanația era o simplă lamă de silex sau alte unelte tăioase, confecționate din materiale accesibile în zona din care provenea comunitatea respectivă, cum ar fi cele făcute din corn, din cochilii de scoici, din obsidian sau din dinte de rechin (Campillo 1994, 41-42; Pahl 1993, 20-22; Facchini et al. 2003, 247-254). Oricum, materiile prime utilizate în acest scop nu erau folosite aleatoriu, deoarece trebuiau să îndeplinească anu-

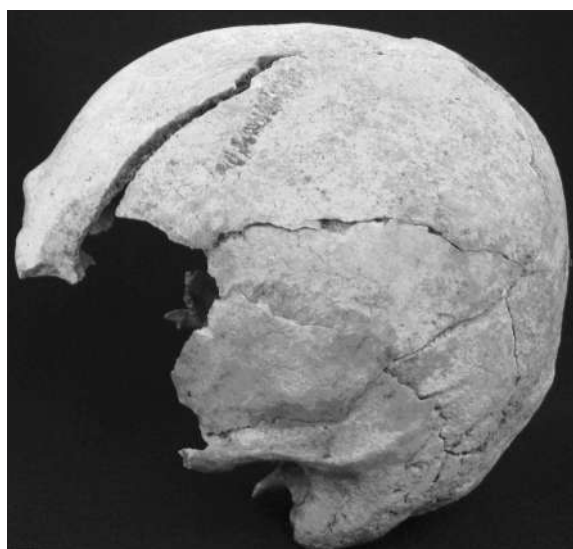

Fig. 4. Craniu văzut din *norma lateralis*.

Fig. 4. *Norma lateralis* of the cranium.

mite cerințe. Instrumentele trebuiau să fie ușoare, manevrabile, să aibă o duritate specifică, pentru a nu se rupe în timpul intervenției (situație ce ar fi condus la complicarea stării pacientului operat sau chiar la deces, prin lezarea țesuturilor creierului), o permeabilitate redusă față de lichide, pentru a nu facilita infecția la locul intervenției și un tăiș potrivit. Desigur, în timp, odată cu evoluția civilizației și, în paralel, cu acumularea cunoștințelor privind anatomia și fiziologia organismului uman, s-a trecut la utilizarea instrumentelor din metal de tipul burghiului sau burinului (care puteau fi sterilizate cu flacăra), cărora, în timp, li s-a adaptat și tăișul pentru scopul în care erau folosite. Este sesizabilă, în timp, și tranziția de la deschiderile craniene mari la cele din ce în ce mai mici care, de la sine înțeles, scădeau atât riscul decesului pacientului în timpul efectuării intervenției, cât și complicațiile postoperatorii.

Pe lângă caracteristicile instrumentului utilizat, o foarte mare însemnătate avea abilitatea celui care executa intervenția, deoarece precizia era esențială pentru efectuarea acesteia în bune condiții. Orice leziune a *dura mater*, a creierului sau a vaselor sanguine de la nivelul creierului putea duce la decesul imediat al pacientului. Pas cu pas au fost dezvoltate și metode diferite de trepanare, în funcție de afectiunea care se cerea vindecată sau de localizarea intervenției.

Tipuri de trepanație, posibile complicații

Pentru a clasifica trepanațiile, trebuie avute în vedere mai multe criterii, cum ar fi: scopul trepanației, straturile osoase afectate (profundimea inciziei), momentul finalizării operației, localizarea, forma și dimensiunea deschiderii, modalitatea de trepanare.

Paul Broca în 1877 a fost primul antropolog care a clasificat trepanațiile în chirurgicale (*trepanatio ante mortem*) și rituale/postume (*trepanatio post mortem sive post huma*), desigur cu referire la cele efectuate în timpul vieții și după decesul subiectului (Clower, Finger 2001, 1418).

Din punct de vedere al scopului cu care se realizează, trepanațiile pot fi chirurgicale (numite și reale, medicale, terapeutice sau curative) și culturale, cele din urmă subîmpărțindu-se în trepanații simbolice (numite și incomplete, superficiale sau false) și trepanații magico-religioase (Bartucz 1950, 389-435; Nemeskéri et al. 1960).

Dacă luăm drept criteriu momentul încheierii operației, trepanațiile chirurgicale se împart în trepanații finalizate, în care rondela osoasă se poate detașa de restul craniului, și nefinalizate, când trepanația este întreruptă din diferite motive, cum ar fi, de exemplu, decesul pacientului în timpul intervenției. În funcție de profundimea deschiderii, trepanațiile pot fi complete, atunci când străbat toate cele trei straturi ale osului cranian (*tabula*

Fig. 5. Craniu văzut din *norma verticalis*.

Fig. 5. *Norma verticalis* of the cranium.

Fig. 6. Craniu văzut din *norma occipitalis*.

Fig. 6. *Norma occipitalis* of the cranium.

externa ossis cranii, stratul *diploë* și *tabula interna ossis cranii*) și incomplete, când penetrează osul doar până la diploë (așa cum este în cazul trepanațiilor simbolice efectuate în scop ritual).

Referitor la localizare, trepanațiile cele mai frecvente sunt cele localizate pe osul frontal, urmate de cele localizate pe parietale, occipital și temporale. În vechime trepanatorii evitau, în măsura în care aveau de ales, deschiderile craniene în zona suturilor (coronară, sagitală sau occipitală), situație valabilă în special pentru trepanațiile cu scop terapeutic. De asemenea, inițiatul în trepanații trebuia să țină cont și de localizarea vaselor de sânge care alimentau creierul, pentru a nu le leza. În caz contrar riscul decesului pacientului operat creștea din cauza hemoragiei abundente.

Pornind de la instrumentele folosite pe post de trepane, cel mai adesea forma deschiderii craniene rezultate în urma intervenției chirurgicale este rotundă sau ovală. Au fost semnalate, mai rar, formele triunghiulară, rectangulară sau de elipsă. Dimensiunea trepanației variază în funcție de traumatismul suferit sau de scopul intervenției.

Dacă ne referim la tehnica și modalitatea de trepanare, aceasta se făcea, în funcție de instrumentul utilizat, prin răzuire, cioplire, sfredelire/tăiere și decupare rectangulară (Lisowski 1967, 651-672).

Etapele de desfășurare a trepanației chirurgicale erau următoarele. Se începea cu înlăturarea părului din zona în care urma să fie efectuată

deschiderea craniului. Pasul următor consta în incizia scalpului, manevră care producea o sângerare intensă ce putea fi diminuată prin răsucirea flapsurilor de piele. Odată cu incizia scalpului era expus stratul osos extern (*tabula externa ossis cranii*), moment în care începea „operația” propriu-zisă – perforarea calotei craniene, decuparea și înlăturarea fragmentului osos. Interesant de subliniat este că, din acest moment, intervenția nu mai era atât de dureroasă. După finalizarea operației, flapsurile de piele se aranjau la loc și se coseau. În final, se aplica tratamentul postoperatoriu (Roberts, Manchester 2007).

Cele mai frecvente posibile complicații intraoperatorii erau leziunile *dura mater*, acestea fiind produse, de cele mai multe ori, din cauza adoptării unei metode nepotrivite de trepanare sau pentru că „operația” era efectuată de către un „chirurg” fără abilități, neinițiat. Durata intervenției, dimensiunea deschiderii și instrumentul cu care se executa trepanația erau factori decisivi ai reușitei operației și, desigur, ai supraviețuirii pacientului (Weber, Wahl 2006; Campillo 1984, 275-290; Weber, Czarnetzki 2001; Piek et al. 1999). O altă posibilă complicație care putea surveni atât intraoperatoriu, cât și postoperatoriu, era infecția (Ortner 2003, 93-101). Încă din timpul operației

Fig. 7. Maxilarul superior, mandibula și osul zigomatic drept văzute din *norma lateralis*.

Fig. 7. *Norma lateralis* of the maxilla, mandible, and the right zygomatic bone.

puteau apărea diferite reacții de răspuns, cum ar fi: moartea produsă de complicații ale traumatismului inițial, cea survenită din diferite motive în timpul intervenției, infecția postoperatorie sau moartea apărută drept consecință a infecției. În cel mai

Fig. 8. Detaliu al trepanației. Imagine preluată *in situ*.

Fig. 8. Photo detail (performed *in situ*) of the trepanation.

fericit caz, intervenția se desfășura în bune condiții și individul supraviețuia o perioadă mai scurtă sau mai îndelungată (Ortner 2003, 169-174).

Considerăm important de subliniat aici și faptul că imunitatea oamenilor din trecut era mult diferită față de cea a omului modern, rezistența organismului uman în vechime față de agresiuni provenite din mediul intern sau extern era mai mare. În plus, coeziunea ridicată a comunității contribuia substanțial la vindecarea celui operat, deoarece, în mod evident, acesta avea nevoie de o perioadă de recuperare și de o îngrijire și asistență postoperatorie care să-i asigure supraviețuirea. Modul în care diverse comunități umane s-au folosit de această practică medicală pentru a salva viețile semenilor este extrem de interesant și totodată fascinant.

Materialul și metodologia de lucru

Craniul trepanat la care ne referim în studiul de față provine de la scheletul deshumat din mormântul nr. 30, descoperit în august 2011 în timpul campaniei de săpături coordonată de arheologii de la Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural din Chișinău¹. Mormântul provine

1. Cercetătorii care s-au ocupat de deshumarea scheletelor din necropola de la Lozova (Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Ion Ursu și Larisa Ciobanu) ne-au oferit toate

din perimetrul necropolei medievale de la Lozova-La hotar cu Vornicenii (raionul Strășeni, Republica Moldova). Cimitirul de la Lozova a aparținut unei comunități locale rurale creștine. Scheletele scoase la lumină provin de la defuncți înhumați cu capul spre vest și privirea spre răsărit, depuși pe spate, cu picioarele întinse și brațele îndoite din coate, cu mâinile așezate pe abdomen, piept sau umeri. Conform datelor furnizate de autorii săpăturilor pe baza inventarului funerar (în lipsa monedelor), limitele de folosire în timp a cimitirului ar fi situate între sfârșitul secolului al XIV-lea și secolul al XV-lea (Vornic et al. 2012, 222-256).

Mormântul nr. 30 (Fig. 1 și 2) a fost descoperit la joncțiunea carourilor 29, 30 și a casetei 10 (S. III), la adâncimea cuprinsă între 0,40-0,43 m. Orientarea sa este SSV (230°)-NNE. Groapa mormântului avea formă trapezoidală, mai largă în zona capului (0,35-0,56x2,08 m). Umplutura gropii consta din sol brun-gălbui, cu concrețiuni de carbonat de calciu și de oxizi de fier și rare urme de cărbune de lemn. Scheletul masiv a aparținut unui individ de sex masculin, cu vârsta la deces de circa 45-50 ani, fiind depus în decubit dorsal, cu craniul deplasat puțin spre vest, ușor întors spre dreapta. Mandibula era ușor căzută pe vertebrele cervicale, brațele erau întinse pe lângă corp, cu

Fig. 9. Detaliu al trepanației. Imagine preluată după restaurarea craniului.

Fig. 9. Photo detail of the trepanation. Picture performed after the restoration process of the skull.

informațiile necesare privind contextul arheologic. Le mulțumim pe această cale domniilor sale pentru sprijin colegial și colaborare, dar și pentru încredințarea materialului osteologic uman spre studiu.

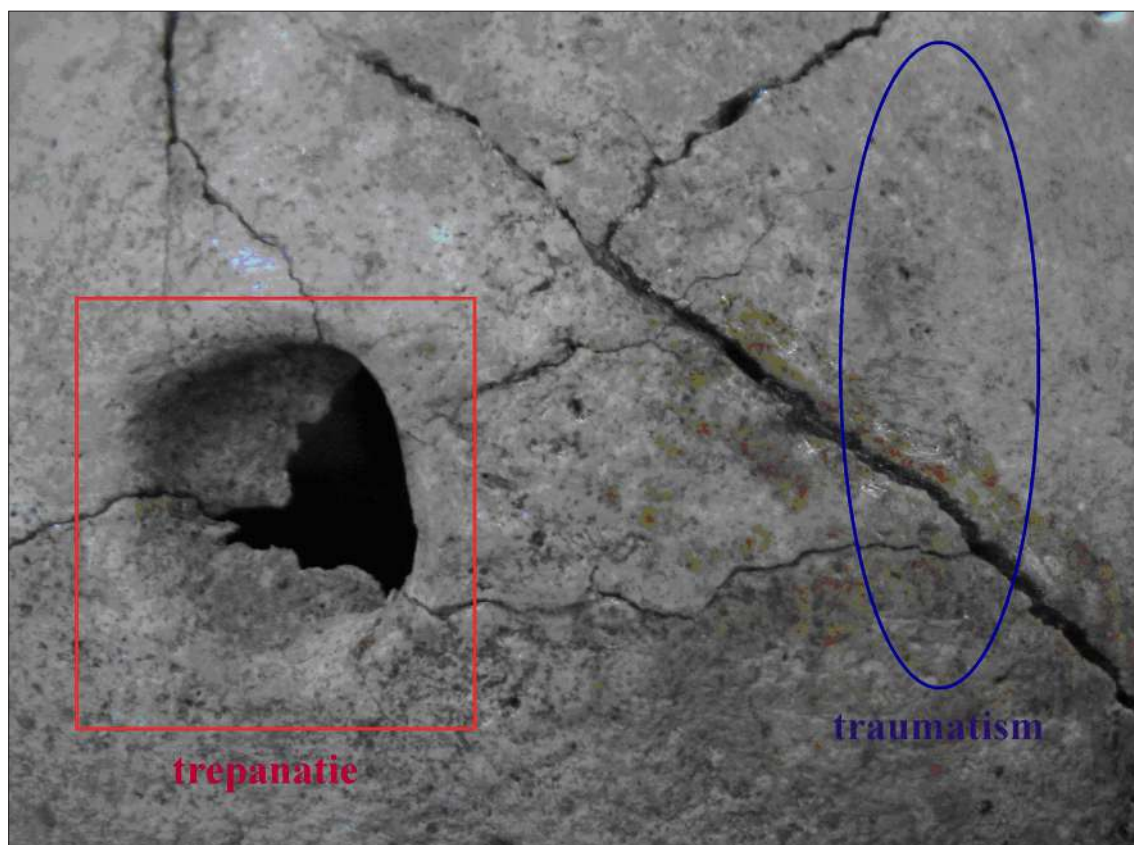

Fig. 10. Detaliu al trepanației localizată pe parietalul stâng și al traumatismului localizat pe parietalul drept.

Fig. 10. Photo detail of the trepanation localized on the left parietal bone and the trauma from the right parietal bone.

palmele așezate pe bazin, iar picioarele, întinse și alăturate. În zona labelor membrelor inferioare s-a găsit un mic fragment atipic de vas tip Hoarda de Aur. Fără alt inventar (Vornic et al. 2012, 247).

Determinarea sexului și estimarea vârstei la deces s-au realizat cu ajutorul metodelor recomandate de specialiștii în domeniu, după cum urmează: Nemeskéri, Harsányi, Acsády (1960, 70-95), Iordanidis (1961, 280-291), Stradalova (1975, 237-244), Ubelaker (1979), Ferembach, Schwidetzky, Stoukal (1979, 7-45), Brothwell (1981), Smith, Knight (1984, 435-438), Buikstra, Ubelaker (1994), Mays (1998), Bruzek (2002, 157-168), Walrate, Turner, Bruzek (2004, 132-137), Schmitt (2005, 1-13), Latham, Finnegan (2010), Blanchard (2010).

Pentru estimarea vârstei la deces am ținut cont de: gradul de uzură a faciesului simfizar pubian, modificarea suprafeței articulare sacro-pelviene și a fosei acetabulare, aspectul țesutului spongios din regiunile metaepifizare ale femurului și humerusului, gradul de degenerare a extremităților

costale sternale, fenomenele de involuție scheletică și existența unor procese patologice ce pot fi legate de înaintarea în vârstă (cum ar fi prezența semnelor osteoartritei degenerative), gradul de sinostozare a suturilor craniene, gradul de uzură a suprafețelor dentare (în special a celor masticatoare).

Pentru determinarea sexului am utilizat un complex de caractere, după cum urmează: caracteristici craniene (aspectul general al craniului, dezvoltarea boselor frontale, dezvoltarea reliefeilor glabelar, supraorbital și mastoidian, forma și gradul de înclinare a frunții, gradul de curbura a occipitalului), caracteristici ale mandibulei, caracteristici ale bazinului (gradul de deschidere, forma suprafețelor auriculare, gradul de deschidere a marii incizuri ischiatice, unghiul arcului compozit, înălțimea și unghiul de înclinare a aripilor coxale, forma foramenului obturat, dimensiunea și forma fațetei semilunare și a cavității acetabulare, aspectul regiunii pubiene, dimensiunea ischionului, dimensiunea regiunii ischiopubice

și a spinei ischiatice, gradul de curbura a crestei iliace și a concavității subpubice, aspectul regiunii preauriculare, caracteristicile osului sacrum), caracteristici postcraniene (masivitatea și gradul de robusticitate a scheletului, gradul de dezvoltare a articulațiilor și a inserțiilor musculare).

Statura probabilă a fost estimată pe baza lungimilor oaselor lungi ale membrilor superioare (humerus, radius, ulna) și inferioare (femur, tibia,

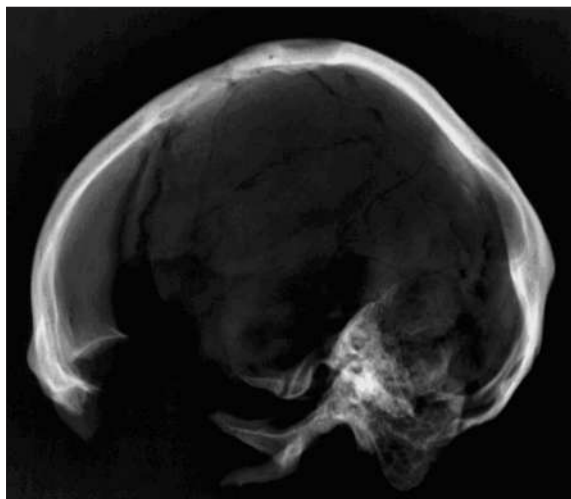

Fig. 11. Imagine preluată radiografic. Craniu văzut din *norma lateralis*.

Fig. 11. *Norma lateralis* of the cranium. Radiographic image.

fibula). S-au utilizat scările dimensionale propuse de Manouvrier (1892, 227-233), Breiting (1938, 249-274), Bach (1965, 12-21), Trotter, Gleser (1951, 311-324; 1952, 469-514; 1958, 79-123).

Determinarea tipului antropologic s-a realizat conform clasificărilor și indicațiilor propuse de Von Eickstedt (1934), Vallois (1934, 119-120; 1944; 1953; 1965, 127-143), Coon (1939), Bunak, Nesturch, Roginskij (1941), Martin, Saller (1956-1959), Comas (1960), Boev (1972), Baker (1974).

Identificarea osteoanomaliilor și patologiilor s-a realizat după metodele recomandate de Wells (1964), Rohlin (1965), Brothwell, Sandison (1967), Janssens (1970), Buikstra, Cook (1980), Ortner, Aufderheide (1991), Buikstra, Ubelaker (1994), Campillo (1994), Mays (1998), Reichs, Bass (1998), Aufderheide, Rodriguez-Martin (1998), Cox, Mays (2000), DiMaio, DiMaio (2001), Ortner (2003), Matshes et al. (2004), Mann, Hunt (2005), Roberts, Manchester (2007), Slootweg (2007), Katzenberg, Saunders (2008),

Kimmerle, Baraybar (2008), Brickley, Ives (2008), Wagner (2008), Waldron (2009), Thali, Viner, Brogdon (2010), Barnes (2012).

După identificarea trepanației localizată pe osul parietal stâng, simetric, pe parietalul drept, aproape în același plan cu trepanația, a fost observată o ușoară depresiune (bănuită a fi urma unui traumatism) fără corespondent pe endocraniu. Pentru siguranța diagnosticului au fost preluate imagini cu ajutorul radiațiilor electromagnetice de tip Roentgen, scopul acestora fiind, în special, identificarea posibilului traumatism. Imaginile radiografice au fost obținute cu ajutorul aparatului Shimadzu, cu următoarele caracteristici: casetă standard – 20/30 cm, voltaj – 76 kV, intensitate – 20 mA, timp de expunere – 80 msec.

Rezultate și discuții

Scheletul la care ne referim în studiul de față aparține unui individ de sex masculin, cu vârsta la deces de circa 45-50 ani. Starea de conservare este foarte bună, fiind prezente toate porțiunile scheletice componente. Osatura acestui individ este extrem de robustă, masivitatea sa fiind la limita extremă. Relieful osos postcranian este extrem de accentuat. Statura a fost calculată ca fiind de circa 169 cm, valoare ce se încadrează în categoria masculină supramijlocie. Din punct de vedere tipologic, acest schelet de sex masculin prezintă un mixaj² de elemente dinaroid și nordoid (Fig. 3-7).

Analiza paleopatologică a relevat prezența semnelor de degenerare caracteristice deceniului al V-lea de viață (Simalcsik 2012, 323-328). Uzura dentară este avansată, de gradul 4, 4+ sau chiar 5 (Brothwell 1981; Smith, Knight 1984, 435-438). Dintre odontopatii, semnalăm prezența a două pierderi dentare in vivo, a patru carii avansate (gradele 4 și 5) și a unui granulom dentar apical. În ceea ce privește patologiile postcraniene, subliniem prezența osteoartritei generalizate, semnele căreia sunt vizibile pe aproape toate segmentele scheletice. Osteoartrita a afectat, în special, coloana vertebrală, manifestându-se prin porozitate,

2. Calotă accentuat brahicrană, hipsicrană și tapeinocrană, occipital de lărgime mijlocie, frunte sferică și accentuat stenometopă, schelet facial lepten și mezoprosop (la limita inferioară a categoriei), nas mezin, orbite mezoconci, boltă palatină brahistafilină, regiune zigomatică dezvoltată și dispusă intermediar față de planul temporalelor, mandibulă înaltă și masivă, menton accentuat piramidal, statură supramijlocie spre înaltă, robusticitate scheletică extremă.

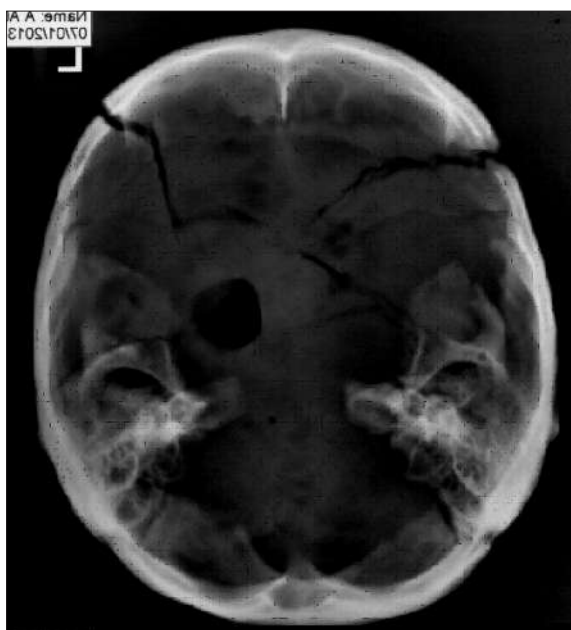

Fig. 12. Imagine preluată radiografic. Craniu văzut din *norma verticalis*.

Fig. 12. *Norma verticalis* of the cranium. Radiographic image.

osteofite și hernie. Semne osteoartritice apar și pe coaste, clavicule, oasele coxale și chiar pe falange.

Notăm prezența unor caractere non-metrice, după cum urmează: foramen parietal (bilateral), foramen mastoid exsutural (bilateral), sulcus (indentație) frontal supraorbital (bilateral), foramen zigomatic facial dublu (pe dreapta), torus palatin, torus mandibular.

Există pe acest schelet și indicatori musculo-scheletali care trădează activitățile cotidiene ale acestui bărbat matur, după cum urmează.

Linia nucală superioară suplimentară, prezentă pe osul occipital, sugerează căratul poverilor cu ajutorul ligaturilor prinse de cap/frunte.

Pe unele oase ale membrelor superioare (humerus, radius, cubitus) și inferioare (femur, tibia, peroneu, rotula) sunt dezvoltate entezofitele, acestea formându-se în urma osificării ligamentelor și a inserțiilor musculare accentuate. Humerusurile prezintă relief deltoidian extrem de dezvoltat și platibrahie, ceea ce dovedește efortul fizic solicitant prestat cu ajutorul brațelor. Prezența entezofitelor pe cubitus și radius trădează efortul fizic intens al mușchilor antebrățelor și mișcări repetitive și solicitante, cum ar fi, de exemplu, trasul cu arc/sulița sau vâslitul.

Prezența entezofitelor pe oasele membrelor inferioare trădează, de asemenea, efortul fizic intens efectuat de acest bărbat în timpul vieții, dar și activități de tipul călăritului, mersul susținut pe distanțe lungi și pe teren denivelat, cu poveri pe spate. Pe femure este foarte bine evidențiat relieful subtrohanterian sub formă de creastă și fosă, fiind prezent și trohanterul suplimentar – indicii ale activităților ecvestre, dar și al mersului pe distanțe lungi și pe teren denivelat. Femurele sunt plati-mere și prevăzute cu pilastru și osteofite pe *linia aspera* (un alt indiciu al călăritului). Tibiile sunt euricneme, prevăzute cu fațete suplimentare pe articulația tibio-talară (indiciu al preferinței pentru poziția chiricită în timpul activităților cotidiene).

Segmentele coloanei vertebrale sunt prevăzute cu osteofite și cu hernie intervertebrală intraspongioasă (noduli Schmorl), ceea ce oferă un indiciu al căratului greutăților pe spate.

Astfel, tot acest complex de trăsături ne sugerează modul de viață al acestui bărbat de vârstă matură destul de avansată.

Oricât de interesanți ar fi indicatorii ocupaționali înșiruiți anterior, totuși, caracteristica inedită identificată pe scheletul bărbatului din mormântul 30 din necropola medievală de la Lozova-*La hotar cu Vornicenii* este trepanația, localizată pe parietalul stâng, la o distanță de circa 6 mm de *sutura sagitalis* (Fig. 5,8,9). Pe parietalul drept, la circa 15 mm distanță de sutura sagitală, am identificat o depresiune (de abia vizibilă cu ochiul liber) de circa 2-3 mm adâncime față de planul *tabula externa ossis cranii*. Depresiunea are formă alungită (Fig. 10) și constituie, cel mai probabil, locul traumatismului cranian suferit de către aparținător. Semnul traumatic, care nu are corespondent pe *tabula interna ossis cranii*, poate fi distins și identificat mai ușor în imaginile preluate radiografic (Fig. 11-13).

Prezența acestui posibil traumatism cranian, probabil rezultat în urma unei lovituri produse cu un obiect bont de formă alungită, este una dintre dovezile scopului curativ, terapeutic al trepanației executate *intra vitam* pe acest craniu, cu menirea de a elibera presiunea intracraniană acumulată posttraumatic.

Trepanația are formă mai mult sau mai puțin rectangulară (aproape pătrată), cu colțuri rotunjite. Dimensiunile maxime ale inciziei (latero-lateral și antero-posterior, pe marginea externă a inciziei)

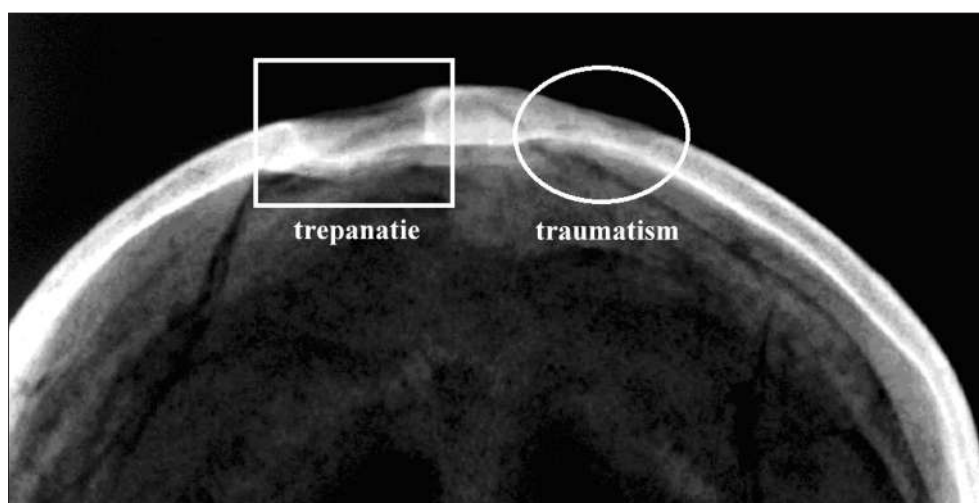

Fig. 13. Imagine preluată radiografic. Detaliu al trepanației localizate pe parietalul stâng și al traumatismului localizat pe parietalul drept.

Fig. 13. Radiographic detail of the trepanation localized on the left parietal bone and the trauma from the right parietal bone. Radiographic image.

sunt de 20-21 mm, cele patru laturi fiind aproape egale. Dimensiunile minime (pe marginea internă, refăcută a deschiderii) sunt de 10mm/14,5 mm. Marginile laterale sunt paralele cu sutura sagitală, iar marginile anterioară și posterioară, paralele cu sutura coronară.

Menționăm că în timpul curățării craniului, în interiorul acestuia, odată cu golirea conținutului, a fost descoperit un fragment osos de formă rectangulară. Credem că acesta provine din zona trepanată refăcută. Fragmentul are margini zimțate, rugoase și neregulate (Fig. 14). Structura sa în secțiunea este asemănătoare cu cea a oaselor calotei craniene, adică tăblie osoasă internă, *diploë* și tăblie osoasă externă, cu specificația că stratul *diploë* este extrem de subțire și mai puțin spongios. În plus, aspectul *tabula ossis cranii interna* al acestui fragment este identic cu cel al zonei trepanate craniene cu marginile refăcute, structura sa fiind trabeculară, ceea ce indică țesut osos nou-format (Fig. 15). Nu putem ști cu siguranță momentul în care acest fragment s-a desprins. Este posibil ca postoperatoriu, după o perioadă de câteva luni, timp în care țesutul osos din regiunea trepanației s-a refăcut în mică măsură, un fragment din această regiune să se fi desprins și să fi alunecat sub tăblia endocraniană. Cert este că, după acest presupus incident, nu s-a produs nici un proces infecțios, iar marginile tăieturii au continuat să se refacă, pentru a ajunge la aspectul din mo-

mentul decesului. Menționăm că fragmentul osos descoperit în interiorul craniului are dimensiuni ceva mai mari față de porțiunea trepanației rămasă deschisă (nevindecată) la momentul decesului individului. Acest fapt indică intensitatea remodelării osoase care a avut loc la acel nivel.

Nu avem dubii că trepanația a fost efectuată în timpul vieții individului. Pe nici una dintre tăbliile craniene (nici pe *tabula externa ossis cranii*, nici pe *tabula interna ossis cranii*) nu există indicii ale instalării osteitei, adică a infecției postoperatorii. Marginile trepanației și conturul inciziei nu sunt tăioase, ci uniforme rotunjite, netede și îngroșate. Stratul *diploë* nu se distinge aproape deloc, ceea ce constituie un indiciu clar că individul a supraviețuit intervenției. Mai mult decât atât, caracteristicile stratului osos refăcut ne sugerează că individul operat a trăit cel puțin un an după intervenție. Stratul osos refăcut se află mult sub planul celui endocranian, adică la circa 6-7 mm sub buza ectocraniană a trepanației. Pe *tabula interna ossis cranii* sunt prezente și evidente prelungirile osoase sub forma de lamele, ceea ce constituie o dovadă a remodelării osoase dinspre tăblia internă către cea externă, dispre marginile inciziei către spațiul liber al acesteia. În plus, pe *tabula interna ossis cranii*, în special în porțiunea refăcută a inciziei, apar urme de țesut nou-format, cu structură trabeculară – un alt indiciu al refacerii stratului osos.

Marginile inciziei sunt ușor înclinate oblic, în bizou, ceea ce ne sugerează că această intervenție, foarte probabil, a fost făcută cu un obiect tăios asemănător cuțitului. În vecinătatea deschiderii nu se observă urme de instrumente. Pe marginile trepanației nu apar urme crestate tipice pentru dințișorii de fierestrău, ceea ce ne sugerează că instrumentul utilizat pentru deschiderea craniului a fost altul. Sunt prezente, în schimb, unele scrijelituri provenite de la obiectul cu care s-a realizat incizia, acestea fiind vizibile mult mai clar la lupa binoculară.

Aspectul îngrijit al deschiderii craniene, alături de absența urmelor de infecție postoperatorie sunt argumente forte pentru a putea susține că această intervenție a fost efectuată cu grijă de către un inițiat, situație ce a condus la supraviețuirea pacientului, credem, cel puțin un an după această procedură.

Concluzii

Scheletul deshumat din mormântul 30 din necropola medievală (secolele XIV-XV) de la Lozova-La hotar cu Vornicenii (Republica Moldova) este extrem de interesant, pentru că ne oferă un crâmpei din viața unui membru al unei comuni-

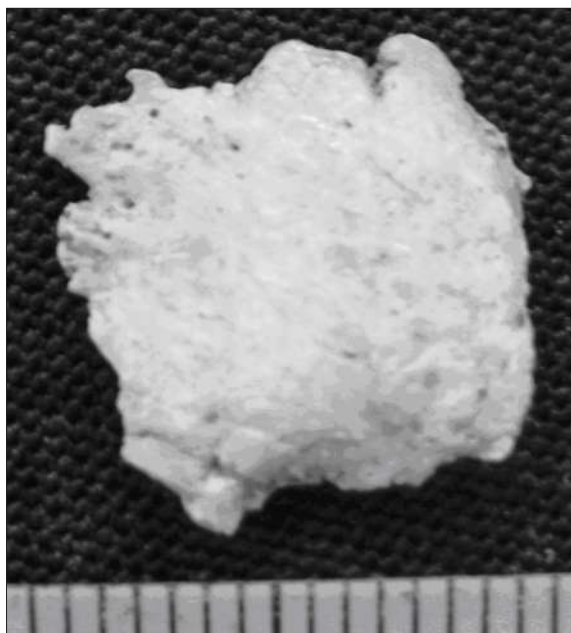

Fig. 14. Fragment osos recuperat din Interiorul craniului. Vedere dinspre *tabula externa ossis cranii*.

Fig. 14. Bone fragment recovered from the intracranial content. View from the *tabula externa ossis cranii*.

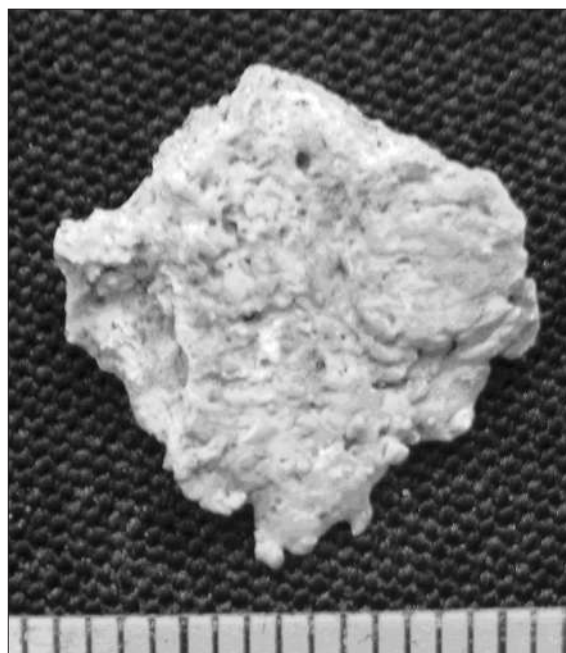

Fig. 15. Fragment osos recuperat din interiorul craniului. Vedere dinspre *tabula interna ossis cranii*.

Fig. 15. Bone fragment recovered from the intracranial content. View from the *tabula interna ossis cranii*.

tății medievale din Basarabia. Mai mult decât atât, craniul acestui bărbat, plecat în lumea de dincolo la o vârstă de circa 45-50 ani, este inedit prin faptul că reprezintă primul caz de trepanație efectuată în scop curativ/terapeutic semnalat pe teritoriul Republicii Moldova.

Bărbatul care a fost supus „operației” pe craniu a depășit cu succes momentul operator, intervenție care s-a impus din cauza unui traumatism (lovitură cu un obiect bont alungit), ale cărui urme au rămas în zona parietalului drept, în apropierea suturii sagitale. Drept urmare a traumatismului produs, presiunea intracraniană a crescut, producându-i bărbatului, probabil, dureri de cap, amețeală, halucinații, delir sau poate chiar inconștiență. Tot acest complex de factori a condus la o singură opțiune – intervenția chirurgicală. Aceasta a fost efectuată, după părerea noastră, de către un inițiat, în sprijinul acestei afirmații venind aspectul îngrijit al deschiderii craniene și absența urmelor de infecție postoperatorie. Credem că inițiatul avea cunoștințe ample de anatomie umană, pentru că a optat pentru o incizie localizată pe parietalul stâng, nu pe cel drept (traumatizat). Această alegere a localizării trepanației s-a bazat,

probabil, pe faptul că în zona traumatizată stratul osos nu s-a fisurat sau crăpat, ceea ce se poate observa din imagini, astfel încât „chirurgul” știa foarte bine că nu existau așchii osoase care trebuiau îndepărtate. Deci, scopul acestei intervenții a fost unul terapeutic, pentru a elibera presiunea intracraniană acumulată în urma traumatismului. Marginile deschiderii craniene, care înfățișează o remodelare osoasă extinsă, aspectul țesutului osos de pe cele două tăblii craniene, dar și structura stratului *diploë* indică urme clare ale procesului de refacere osoasă postoperatorie. Acest bărbat nu numai că a supraviețuit operației, ci a mai trăit cel puțin încă un an după această intervenție. Remodelarea osoasă nu este totuși completă, ci parțială. În jurul trepanației nu există zone care să prezinte osteită, ceea ce ne spune că plaga operatorie nu s-a infectat, iar pacientul s-a recuperat și a supraviețuit o lungă perioadă de timp după intervenție.

În concluzie, trepanația identificată pe craniul bărbatului deshumat din mormântul 30 din necropola medievală de la Lozova-*La hotar cu Vornicenii* este una efectuată în scop medical, terapeutic. Subliniem încă o dată că acesta este primul caz de acest fel semnalat pe teritoriul Republicii Moldova.

Ne simțim obligați să menționăm că odată cu continuarea cercetărilor arheologice de pe teritoriul necropolei de la Lozova-*La hotar cu Vornicenii*, încadrată cronologic în intervalul secolelor XIV-XV, a ieșit în evidență un caracter inedit al acestui complex medieval. În timpul campaniei de săpături desfășurate în iulie 2014³ au mai fost descoperite două schelete (mormintele 73 și 77) care merită o atenție deosebită, craniile acestora prezentând urme de trepanație. Ambele schelete aparțin unor indivizi de sex masculin, cu vârstele la deces trecute de 50 ani, doar că, spre deosebire de craniul analizat în lucrarea de față, în aceste două noi cazuri trepanațiile au fost efectuate cu alte scopuri⁴, după cum urmează.

Craniul scheletului deshumat din mormântul 73 prezintă două trepanații localizate pe osul frontal, în apropierea suturii coronare, deschide

rile fiind mai mult sau mai puțin circulare, dispuse aproape simetric față de linia de simetrie bilaterală. În acest caz trepanațiile au fost efectuate cu un burin, *post mortem*, probabil cu scop magico-ritual, ori, mai degrabă, cu scop educativ (pentru a instrui pe cei care aveau să devină practicanți ai respectivei intervenții). Subliniem că trepanații de acest fel (efectuate *post mortem*) nu au mai fost semnalate pe teritoriul Republicii Moldova.

Craniul scheletului deshumat din mormântul 77 prezintă o trepanație localizată central pe osul frontal, între bose. În acest caz trepanația este una efectuată cu scop simbolic, caracteristică perioadei medievale timpurii și mijlocii din zona Carpato-Balcanică și, în special, din Ungaria. Astfel de trepanații simbolice au fost semnalate pe teritoriul Republicii Moldova și anume, pe 13 craniile, care au fost descoperite în 1970 în necropolele medievale timpurii de lângă satul Hâncești), complexe investigate arheologic de Ion Hâncu (1970, 1973). Aceste 13 craniile cu trepanații simbolice, analizate din punct de vedere antropologic de M.S. Velikanova (1975), erau prevăzute cu câte 1-3 adâncituri (depresiuni) localizate în proximitatea punctului cranian *bregma* (ori pe sutura sagitală, ori în imediata apropiere a acesteia). Însemnele, localizate pe vertexul craniilor, s-au dovedit a fi, de fapt, trepanații simbolice (Khynku, Rafalovich 1973, 161-182; Velikanova 1975).

În ceea ce privește perioada medievală târzie pe teritoriul Europei, putem spune că trepanațiile craniene efectuate in vivo, în scop medical/terapeutic, sunt numeroase. Oferim în cele ce urmează doar câteva exemple, credem noi, mai concludente.

Un caz interesant este cel publicat de Capasso, Di Totta în 1996, referitor la un craniu trepanat care a aparținut unei femei, al cărei schelet a fost deshumat dintr-o necropolă medievală târzie situată în centrul Italiei (Monte d'Argento), încadrată cronologic, pe baza datărilor cu radio-carbon, într-un interval destul de larg, între anii 1030-1470. Trepanația, cu diametrul de circa 4,5 mm, localizată pe osul occipital, a fost efectuată in vivo de către un inițiat și prezintă urme clare de refacere a țesutului osos. Analiza paleopatologică a arătat că această femeie a fost supusă craniotomiei pentru că suferea de un granulom tuberculos sau de gliom, boli ce ar fi dus la creșterea presiunii intracraniene și, drept consecință, la tulburări

3. Rezultatele cercetărilor multidisciplinare realizate în perimetrul necropolei medievale de la Lozova-*La hotar cu Vornicenii* în campania de săpături desfășurată în iulie 2014 nu au fost încă publicate. Atât analizele arheologice, cât și cele antropologice se află în lucru.

4. Analiza detaliată a acestor două cazuri de trepanații se va realiza într-o lucrare ulterioară.

de vedere, bradicardie, migrene, leșin, halucinații Capasso, Di Totta (1996, 316-319).

Cu ocazia cercetărilor antropologice efectuate pe o serie scheletică deshumată dintr-un cimitir din Danemarca, încadrat cronologic în intervalul 1200-1573, a fost descoperit un craniu trepanat, care a aparținut unui bărbat cu vârsta la deces de circa 50 ani. Deschiderea este circulară, cu diametrul de circa 2 cm, localizată pe osul parietal drept, în vecinătatea suturii sagitale. Sunt clar vizibile semnele de regenerare osoasă (Mednikova 2001, 107-109).

Un alt caz de trepanație craniană a fost descoperit în provincia Livorno din Italia, în situl medieval (secolele XVI-XVII) de la S. Cerbone Vecchio. Craniul prezintă o deschidere de 55/49,5 mm, localizată pe parietalul stâng, între bosa parietală și sutura sagitală. Craniotomia a fost realizată *intra vitam*, probabil prin răzuire cu un instrument ascuțit (de tipul cuțitului). Marginile netede ale deschiderii sugerează supraviețuirea postope-

ratorie îndelungată a pacientului. Nu sunt semnalate alte semne traumatice (Piombino-Mascali et al. 2006, 15-20).

López, Caro, Pardiñas în 2001 prezintă două cranii trepanate prin metode diferite (unul feminin și altul masculin), provenite dintr-un cimitir medieval din nordul Spaniei (Gormaz, Soria), încadrat cronologic în intervalul secolelor XIII-XIV. Craniul de sex feminin prezintă urme clare de regenerare osoasă, ceea ce înseamnă că a supraviețuit intervenției. În cazul bărbatului nu apar semne de refacere osoasă, ceea ce arată că decesul acestuia a survenit în timpul efectuării craniotomiei. Pe nici unul dintre cele două cranii nu există semne traumatice vizibile. Drept urmare, ipotezele autorilor în ceea ce privește scopul acestor două trepanații sunt: patologii ale creierului, care nu au lăsat urme pe *tabula interna ossis cranii*, un traumatism cranian produs exact în locul în care s-a efectuat trepanația, intervenție efectuată în scop magico-ritual (López et al. 2001, 247-257).

Bibliografie

- Ackerknecht 1947:** E. H. Ackerknecht, Primitive Surgery. AM ANTHROPOL 49, 1, 1947, 25-45.
- Anda 1951:** T. Anda, Recherches archéologiques sur la pratique médicale des Hongrois à l'époque de la conquête du pays. ACTA ARCH HUNG 1, 1951, 251-312.
- Arseni, Ciurea 1981:** C. Arseni, A. V. Ciurea, Istoricul neurochirurgiei românești (București 1981).
- Aufderheide, Rodriguez-Martin 1998:** A. C. Aufderheide, C. Rodriguez-Martin, Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology (Cambridge 1998).
- Bach 1965:** H. Bach, Zur Berechnung der Körperhöhe aus den langen Gliedmassenknochen weiblicher Skelette. ANTHROPOL ANZ 29, 1965, 12-21.
- Baker 1974:** J. R. Baker, Race (New York-London 1974).
- Barnes 2012:** E. Barnes, Atlas of Developmental Field Anomalies of the Human Skeleton: A Paleopathology Perspective (Hoboken 2012).
- Bartucz 1950:** L. Bartucz, Adatok a koronyalekeles (trepanacio) es a bregmasebek kapcsolatanak problemajához magyarországi nevéndorlaskori koronyak alapján. ANN BIOL UNIV SCEG I, 1950, 389-435.
- Bartucz 1966:** L. Bartucz 1966. The Pre-historic Trepanation and Grave Findings with Medical History National Medical Historical Library (Budapest 1966).
- Bercuș 1981:** C. I. Bercuș, Pagini din trecutul medicinei românești (București 1981).
- Bernert, Évinger, Fóti 2006:** Zs. Bernert, S. Évinger, E. Fóti, New symbolic trephination cases from Hungary. ANNLS HIST-NAT MUS NAT HUNG 98, 2006, 177-183.
- Blanchard 2010:** B. K. Blanchard, A study of the accuracy and reliability of sex estimation methods of the human pelvis. A Thesis presented to the Faculty of California State University (Chico 2010).
- Boev 1968:** P. Boev, Symbolic trephinations in Bulgaria. BUL INST MORPH 9-10, 1968, 289-298.
- Boev 1972:** P. Boev, Die Rassentypen der Balkanhalbinsel und der Ostagaischen Inselwelt und deren Bedeutung für die Herkunft ihrer Bevölkerung (Sofia 1972).
- Bologa 1955:** V. Bologa, Câteva date și conjecturi pentru istoria medicinei în comuna primitivă din patria noastră. Sesiunea Științifică a I. M. F. Cluj (Cluj 1955), 61-65.

- Bologa 1957:** V. Bologa, Cele dintâi urme de practică vindecătoare pe teritoriul patriei noastre. STEAUA VIII, 90, 1957, 104-110.
- Bologa, Lenghel 1930:** V. L. Bologa, Al. Lenghel, Fragmente pentru reconstituirea medicinei şi igienei populare în Dacia preromană. CLUJUL MEDICAL 7, 1930, 354-361.
- Bologa, Russu 1955:** V. Bologa, I. G. Russu, Trepanaţii craniene vechi. SOCIETATEA DE ŞTIINŢE MEDICALE 3, 1955.
- Botezatu, Aldea, Ciugudean 1987:** D. Botezatu, H. Aldea, H. Ciugudean, Consideraţii asupra unui craniu trepanat descoperit la Livezile (judeţul Alba) aparţinând culturii Coţofeni (începutul mileniului II î. e. n.). SCA 24, 1987, 3-7.
- Botezatu, Miu 1991:** D. Botezatu, G. Miu, Studiul unui craniu trepanat de copil, descoperit în necropola de la Mihălăşeni (sec. III-IV e. n.). SCA 28, 1991, 9-12.
- Breitinger 1938:** E. Breitinger, Zur Berenchnung der Korperhohe aus den langen Gliedmassenknochen. ANTHROPOL ANZ 14, 1938, 249-274.
- Brickley, Ives 2008:** M. Brickley, R. Ives, Bioarchaeology of Metabolic Bone Disease (Oxford 2008).
- Brothwell 1981:** D. R. Brothwell, Digging up bones (London 1981).
- Brothwell, Sandison 1967:** D. R. Brothwell, A. T. Sandison, Diseases in antiquity: a survey of the diseases, injuries, and surgery of early populations (Illinois 1967).
- Bruzek 2002:** J. Bruzek, A method for visual determination of sex, using the human hip bone. AJPA 117, 2002, 157-168.
- Buikstra, Cook 1980:** J. E. Buikstra, D. C. Cook, Paleopathology: An American Account. ANNU REV ANTHROPOL 9, 1980, 433-470.
- Buikstra, Ubelaker 1994:** J. E. Buikstra, D. H. Ubelaker, Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains, Arkansas Archaeological Survey Research Series No 44 (Fayetteville 1994).
- Bunak, Nesturch, Roginskij 1941:** V. V. Bunak, M. F. Nesturch, I. I. Roginskij, Antropologhia, kratkij kurs (Moskva 1941) // В. В. Бунак, М. Ф. Нестурх, И. И. Рогинский, Антропология, краткий курс (Москва 1941).
- Campillo 1984:** D. Campillo, Neurosurgical pathology in prehistory. ACTA NEUROCHIR 70, 1984, 275-290.
- Campillo 1994:** D. Campillo, Paleopatología. Los Primeros Vestigios de la Enfermedad, Segunda Parte (Barcelona 1994).
- Capasso, Di Totta 1996:** L. Capasso, G. Di Totta, Possible Treatment for Headaches in Ancient Times. INT J OSTEOARCHAEOL 6, 1996, 316-319.
- Clower, Finger 2001:** W. T. Clower, S. Finger, Discovering Trepanation: The Contribution of Paul Broca. NEUROSURG 49, 6, 2001, 1417-1426.
- Comas 1960:** J. Comas, Manual of physical anthropology (Springfield 1960).
- Comşa 2008:** A. Comşa, Aspects of Archaic Medicine. Human and animal trephination on the territory of Romania (Târgovişte 2008).
- Coon 1939:** C. S. Coon, The Races of Europe (New York 1939).
- Cox, Mays 2000:** M. Cox, S. Mays, Human Osteology: In Archaeology and Forensic Science (London-New York 2000).
- Crişan 1957:** E. Crişan, Câteva date şi informaţii cu privire la neurochirurgia antică. In: (G. Barbu (ed.), Istoria medicinei. Studii şi cercetări, Bucureşti, 317-322.
- Crişan 1964:** E. Crişan, Un craniu trepanat din necropola scitică de la Cristeşti. AMN I, 1964, 79-86.
- Crubézy et al. 2001:** É. Crubézy, J. Bruzek, J. Guilaine, E. Cunha, D. Rougé, J. Jelinek, The antiquity of cranial surgery in Europe and in the Mediterranean basin. CR ACAD SCI IIA 332, 2001, 417-423.
- Crump 1901:** J. A. Crump, Trephining in the South Seas. JRAI 31, 1901, 167-172.
- DiMaio, DiMaio 2001:** D. DiMaio, V. J. M. DiMaio, Forensic Pathology. Practical Aspects of Criminal and Forensic Investigations (London-New York 2001).
- Dunăre 1960:** N. Dunăre, La Trepanation, une pratique chirurgicale empirique dans la vie pastorale des Roumains. Actes du VI Congres International des Sciences Anthropologiques et Ethnologiques II, Paris

(Paris 1960), 523-529.

Dunăre 1966: N. Dunăre, Continuation de la trepanation therapeutique du crane humain par la trepanation veterinaire chez les peuples bergeres de Roumanie. ARH ANTHR ETN XCVI, 1/2/3, 1966, 81-88.

Facchini et al. 2003: F. Facchini, E. Rastelli, L. Ferrero, E. Fulcheri, Cranial trepanation in two skulls of early medieval Italy. HOMO 53, 3, 2003, 247-254.

Ferembach 1962: D. Ferembach, La Nécropole Epipaléolithique de Taforalt (Maroc Oriental). Étude des Squelettes Humains (Casablanca 1962).

Ferembach, Schwidetzky, Stloukal 1979: D. Ferembach, I. Schwidetzky, M. Stloukal, Recommandations pour déterminer l'âge et le sexe sur le squelette. BMSAP XIII, 6, 1, 1979, 7-45.

Finger, Clower 2003: S. Finger, W. T. Clower, On the birth of trepanation: The thoughts of Paul Broca and Victor Horsley. In: (eds. R. Arnott, S. Finger, C. U. M. Smith) Trepanation: history, discovery, theory (Lisse 2003).

Floru, Nicolaescu-Ploșor 1960: E. Floru, D. Nicolaescu-Ploșor, Craniul trepanat de la Histria. Epoca migrațiilor. Studiu antropologic și morfo-funcțional. PROBLEME DE ANTROPOLOGIE V, 1960, 55-70.

Grynaeus 1966: T. Grynaeus, Diseases and their healing methods among the Conquering and Árpád-Age Hungarians (Budapest 1966).

Gross 2003: C.G. Gross, Trepanation from the Paleolithic to the Internet. In: (eds. R. Arnott, S. Finger, C. U. M. Smith) Trepanation: History, Discovery, Theory (Lisse 2003), 307-322.

Gross 2009: C.G. Gross, A hole in the head: more tales in the history of neuroscience (Cambridge 2009).

Khynku 1970: I.G. Khynku, Limbari – srednevekovyi moghil'nik XII-XIV vekov v Moldavii (Kishinev 1970) // И.Г. Хынку, Лимбарь – средневековый могильник XII-XIV веков в Молдавии (Кишинев 1970).

Khynku 1973: I.G. Khynku, Kaprariia – pamiatnik kul'tury X-XII vv. (Kishinev 1973) // И.Г. Хынку, Кэпрэрия-памятник культуры X-XII вв (Кишинев 1973).

Khynku, Rafalovich 1973: I.G. Khynku, I. A. Rafalovich, Slaviane i tiurko-bolgary v VI-X vv. na teritorii Moldavii po arkheologhicheskim dannym. Slavianite i sredizemnomostiat sviat VI-XI vek (Sofia 1973), 161-82 // И.Г. Хынку, И.А. Рафалович, Славяне и тюрко-болгары в VI-X вв. на территории Молдавии по археологическим данным. Славяните и средиземномостият свят VI-XI век (София 1973), 161-182.

Iordanidis 1961: P. Iordanidis, Determination du sexe par les os du squelette. ANN MED LEG CRIMINOL POLICE SCI TOXICOL 41, 1961, 280-291.

Janssens 1970: P.A. Janssens, Paleopathology (London 1970).

Jordanov, Dimitrova 1990: J. Jordanov, Br. Dimitrova, Symbolic trephinations in Medieval Bulgaria. HOMO 41, 3, 1990, 266-273.

Jordanov, Dimitrova, Nikolov 1988: J. Jordanov, Br. Dimitrova, S. Nikolov, Symbolic Trepanations of Skulls from the Middle Ages (IXth-Xth Century) in Bulgaria. ACTA NEUROCHIR 92, 1988, 15-18.

Katzenberg, Saunders 2008: M.A. Katzenberg, R.S. Saunders, Biological Anthropology of the Human Skeleton (Hoboken 2008).

Kimmerle, Baraybar 2008: E.H. Kimmerle, J.P. Baraybar, Skeletal Trauma: Identification of Injuries Resulting from Human Rights Abuse and Armed Conflict (London-New York 2008).

Kshetry, Mindea, Batjer 2007: V.R. Kshetry, S.A. Mindea, H.H. Batjer, The management of cranial injuries in antiquity and beyond. NEUROSURG FOCUS 23, 2007, 8.

Lathan, Finnegan 2010: K.E. Lathan, M. Finnegan, Age Estimation of the Human Skeleton (Illinois 2010).

Latronico 1956: F. Latronico, La medicina degli Antichi (Milano 1956).

Lenghel 1926: Al. Lenghel, Trepanația pe craniu prehistoric, pe craniu din sec. XI și la popoarele naturale. CLUJUL MEDICAL VII, 7-8, 1926, 408-412.

Lisowski 1967: F.P. Lisowski, Prehistoric and Early Historic Trepanation. In: (eds. D. Brothwell, A.T. Sandison) Diseases of Antiquity: A Survey of the Diseases, Injuries, and Surgery of Early Populations (Illinois 1967), 651-672.

López et al. 2001: B. López, L. Caro, A.F. Pardiñas, Evidence of trepanations in a medieval population (13th-14th century) of northern Spain (Gormaz, Soria). ANTHROPOL SCI 119, 3, 2001, 247-257.

- Mann, Hunt 2005:** R. W. Mann, D. R. Hunt, *Photographic Regional Atlas Of Bone Disease: A Guide To Pathologic And Normal Variation In The Human Skeleton* (Illinois 2005).
- Manouvrier 1892:** L. Manouvrier, *Determination de la taille d'après les grands os des membres*. REAP 2, 1892, 227-233.
- Martin, Saller 1956-1959:** R. Martin, K. Saller, *Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung* (Stuttgart 1956-1959).
- Matshes et al. 2004:** E. W. Matshes, B. Burbridge, B. Sher, A. Mohamed, B. Juurlink, *Human Osteology and Skeletal Radiology: An Atlas and Guide* (London-New York 2004).
- Mays 1998:** S. Mays, *The archaeology of human bones* (London-New York 2004).
- Mednikova 2001:** M. Mednikova, *Trepanatsii u drevnikh narodov Evrazii* (Moskva 2001) // M. Медникова, *Трепанации у древних народов Евразии* (Москва 2001).
- Mednikova 2003:** M. Mednikova, *Prehistoric Trepanations in Russia: Ritual or Surgical?* In: (eds. R. Arnott, S. Finger, C. U. M. Smith) *Trepanation: History, Discovery, Theory* (Lisse 2003), 163-174.
- Miu 2006:** G. Miu, *Două cranii trepanate identificate în necropola Monteoru de la Căndeşti (perioada Bronzului Mijlociu)*. AM XXIX, 2006, 209-218.
- Moldovan 2003:** E. Moldovan, *Trepanația craniană la culturile preistorice din Transilvania*. BCȘS 9, 2003, 5-23.
- Necrasov 1954:** O. Necrasov, *Asupra unor cranii vechi trepanate, găsite pe teritoriul R.P.R. Probleme de antropologie I*, 1954, 119-126.
- Necrasov 1959:** O. Necrasov, *Contribution à l'étude de la pratique de la trepanation chez les populations préhistoriques du territoire de la R. P. Roumaine*. PRZ ANTHROPOL XXV, 1959, 9-32.
- Necrasov 1977:** O. Necrasov, *Nouvelles Données sur la Pratique de la Trepanation chez les Populations Préhistoriques et Protohistoriques de Roumanie*. Dunderabdruck aus: *Mitteilungen des Anthropologischen Gesellschaft in Wien* CVII, 1977, 130-136.
- Necrasov et al. 1973:** O. Necrasov, Șt. Comănescu, M. Onofrei, C. Feodorovici, *Etude anthropologique des squelettes de Zimnicea datant de l'Age du Bronze recent*. DACIA XVII, 1973, 99-125.
- Necrasov, Cristescu 1957:** O. Necrasov, M. Cristescu, *Contribuție la studiul antropologic al scheletelor din complexul mormintelor cu ocru de la Holboca-Iași*. PROBLEME DE ANTROPOLOGIE III, 1957, 73-147.
- Nemeskéri, Eri, Kralóvánszky 1960:** J. Nemeskéri, K. Eri, A. Kralóvánszky, *A magyarországi jelképes trepanáció*. ANTHROPOL KOZL 4: 3-32.
- Nemeskéri, Harsányi, Acsády 1960:** J. Nemeskéri, L. Harsányi, Gy. Acsády, *Methoden zur Diagnose des Lebensalters von Skelettfunden*. ANTHROPOL ANZ 24, 1960, 70-95.
- Nicolaescu-Plopșor 1931:** C.S. Nicolaescu-Plopșor, *La trepanation dans la chirurgie populaire olteniene*. AO X, 56-58, 1931, 409-410.
- Oakley et al. 1959:** K. Oakley, M.A. Brooke, A. Akester, D. Brothwell, *Contributions on Trepanning or Trepanation in Ancient and Modern Times*. MAN 59, 1959, 92-96.
- Ortner 2003:** D.J. Ortner, *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains* (Oxford 2003).
- Ortner, Aufderheide 1991:** D.J. Ortner, A.C. Aufderheide, *Human paleopathology. Current Syntheses and Future Options* (Washington-London 1991).
- Pahl 1993:** W.M. Pahl, *Altägyptische Schädelchirurgie* (Stuttgart 1993).
- Piek et al. 1999:** J. Piek, G. Lidke, T. Terberger, U. von Smekal, M. R Gaab, *Stone age skull surgery in Mecklenburg-Vorpommern: a systematic study*. NEUROSURG 45, 1999, 147-151.
- Piombino-Mascali et al. 2006:** D. Piombino-Mascali, F. Bartoli, G. Pagni, G. Fornaciari, F. Mallegni, *A Late Renaissance Case of Trepanation and Pseudopathological Damage from Populonia (Central Italy)*. JoP 18, 1, 2006, 15-20.
- Prioreschi 1996:** P. Prioreschi, *Neolithic skull trephining*. In: (ed. P. Prioreschi) *A History of Medicine: Primitive and Ancient Medicine* (Omaha 1996), 21-32.
- Reichs, Bass 1998:** K.J. Reichs, W.M. Bass, *Forensic Osteology: Advances in the Identification of Human, Second Edition* (Illinois 1998).

- Reshetova 2012:** I.K. Reshetova, Sluchai simvolicheskoi trepanatsii v srede bolgarskovo srednevekovogo naseleniia. Materialy mejdunarodnoi konferentsii „Gosudarstvennost’ vostochnykh bulgar IX-XIII vv.”, Cheboksary, 2-3 decabria 2011 (Cheboksary 2011), 249-258// И.К. Решетова, Случаи символической трепанации в среде болгарского средневекового населения. Материалы международной конференции «Государственность восточных булгар IX-XIII вв.» Чебоксары, 2-3 декабря 2011 г. (Чебоксары 2011), 249-258.
- Roberts, Manchester 2007:** Ch. Roberts, K. Manchester, The Archaeology of Disease (Ithaca-New York 2007).
- Rohlin 1965:** D.G. Rohlin, Bolezni drevnich liudei (Moskva 1965) // Д.Г. Рохлин, Болезни древних людей (Москва 1965).
- Rusu et al. 1957:** I.G. Rusu, M. Șerban, N. Motioc, T. Farkas, Trepanația craniană vindecată, datând din epoca bronzului. In: (ed. G. Barbu) Istoria medicinei. Studii și cercetări (București 1957), 311-317.
- Rusu, Bologa 1961:** I.G. Rusu, V. Bologa, Trepanation im Gebiet des heutigen Rumänien. SUDHOFFS ARCHIV 45, 1, 1961, 34-66.
- Schmitt 2005:** A. Schmitt, Une nouvelle methode pour estimer l’age au deces des adultes a partir de la surface sacro-pelvienne iliaque. BMSAP 17, 1-2, 205, 1-13.
- Simalcsik 2012:** A. Simalcsik, Analiza antropologică a seriei scheletice descoperite în necropola medieval de la Lozova, secolele XIV-XV. RA VIII, 1-2, 2012, 316-343.
- Slootweg 2007:** P.J. Slootweg, Dental pathology. A practical introduction (Berlin 2007).
- Smith, Knight 1984:** B.G. Smith, J. K. Knight, An index for measuring the wear of teeth. BR DENT J 156, 1984, 435-438.
- Stradalova 1975:** V. Stradalova, Sex differences and sex determination on the sacrum. ANTHROPOS 13, 3, 1975, 237-244.
- Thali et al. 2010:** M.J. Thali, M.D. Viner, B.G. Brogdon, Forensic Radiology (London-New York 2010).
- Trotter, Gleser 1951:** M. Trotter, G. Gleser, The effect of ageing on stature. AJPA 9, 1951, 311-324.
- Trotter, Gleser 1952:** M. Trotter, G. Gleser, Estimation of stature from long bones of American whites and Negroes. AJPA 10, 1952, 469-514.
- Trotter, Gleser 1958:** M. Trotter, G. Gleser, A Reevaluation of Estimation of Stature Based on Measurements of Stature Taken during Life and of Long Bones after Death. AJPA 16, 1958, 79-123.
- Ubelaker 1979:** D.H. Ubelaker, Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis and Interpretation (Washington 1979).
- Ullrich 1971:** H. Ullrich, Das Motivproblem der Trepanationsforschung im lichte neuer Funde. Actes du VII-e Congrès International des Sciences Préhistoriques, vol. II, Prague, 21-27 août 1966 (Prague 1971), 1282-1283.
- Vallois 1934:** H.V. Vallois, La valeur raciale des mensurations et indices du tronc et des membres: essai de classification. Congrès International des Sciences Anthropologiques et Ethnologiques, London (London 1934), 119-120.
- Vallois 1944:** H.V. Vallois, Les races humaines (Paris 1944).
- Vallois 1953:** H.V. Vallois, Race. In: (ed. A. L. Kroeber) Anthropology Today (Chicago 1953).
- Vallois 1965:** H.V. Vallois, Anthropometric Techniques. CURR ANTHROP 6, 2, 1965, 127-143.
- Velikanova 1975:** M.S. Velikanova, Paleoantropologija Prutsko-Dnestrovskovo mejdurecija (Moskva 1975) // М.С. Великанова, Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья (Москва 1975).
- Von Eickstedt 1934:** E.F. Von Eickstedt, Rassenkinds und Rassengeschichte der Menschheit (Stuttgart 1934).
- Vornic et al. 2012:** V. Vornic, I. Ursu, L. Bacumenco-Pîrnău, R. Pîrnău, L. Ciobanu, Cercetările arheologice din situl medieval de la Lozova-La hotar cu Vorniceni. Rezultate preliminare. RA VIII, 1-2, 2012, 222-256.
- Wagner 2008:** S.A. Wagner, Death Scene Investigation: A Field Guide (London-New York 2008).
- Waldron 2009:** T. Waldron, Palaeopathology (Cambridge 2009).
- Walrath et al. 2004:** D.E. Walrath, P. Turner, J. Bruzek, Reliability test of the visual assessment of cranial traits for sex determination. AJPA 125, 2004, 132-137.
- Weber, Czarnetzki 2001:** J. Weber, A. Czarnetzki, Brief communication: neurotraumatological aspects of head injuries resulting from sharp and blunt force in the early medieval period of southwestern Ger-

many. AM J PHYS ANTHROPOL 114, 2001, 352-356.

Weber, Wahl 2006: J. Weber, J. Wahl, Neurosurgical aspects of trepanations from Neolithic times. INT J OSTEOARCHAEOL 16, 2006, 536-545.

Wells 1964: C. Wells, Bones, bodies and disease (London 1964).

Angela Simalcsik, antropolog, doctor în medicină, specialitatea „antropologie medicală”, cercetător științific gradul III, Secția de Cercetări Antropologice, Academia Română – Filiala Iași, str. Theodor Codrescu, nr. 2, Iași, e-mail: angellisimal@yahoo.com; antropologie.iasi@yahoo.com.

Alexandra Comşa, antropolog, doctor în antropologie preistorică, cercetător științific gradul II, Centrul de Tracologie, Institutul de Arheologie „Vasile Pârvan” București, Academia Română, str. Calea 13 septembrie, nr. 13, sector 4, București, e-mail: alexcomsa63@yahoo.com.

Vasilica Monica Groza, antropolog, doctor în biologie, cercetător științific, Secția de Cercetări Antropologice, Academia Română – Filiala Iași, str. Theodor Codrescu, nr. 2, Iași, e-mail: moni_ian@yahoo.com; antropologie.iasi@yahoo.com.

Robert Daniel Simalcsik, antropolog, doctor în biologie, cercetător științific, Secția de Cercetări Antropologice, Academia Română – Filiala Iași, str. Theodor Codrescu, nr. 2, Iași, e-mail: robyboy2@yahoo.com; antropologie.iasi@yahoo.com.

Luminița Bejenaru, Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Simina Stanc

Considerații privind importanța porcului domestic (*Sus domesticus*) în economia alimentară a Moldovei medievale*

Keywords: archeozoology, food, meat consumption, pig, Middle Ages, Moldova.

Cuvinte cheie: arheozoologie, alimentație, consum de carne, porc, evul mediu, Moldova.

Ключевые слова: археозоология, питание, потребление мяса, свинья, средние века, Молдова.

Luminița Bejenaru, Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Simina Stanc

Considerations on pig (*Sus domesticus*) importance in the food economy of Medieval Moldova

In this paper we propose to elucidate a particular topic concerning the medieval diet, namely the importance of pig (*Sus domesticus*) in the food economy of Medieval Moldova.

The archaeozoological researches describing different medieval settlements of Moldova have been focused particularly on the evaluation of animal resources and on the identification of the consumer diversity depending on geographical, ethnic/religious factors, in urban vs. rural milieus. According to the archaeozoological assemblages, studied up to the present time, the frequencies of pig register higher values in the Sub-Carpathian zone of Moldova – a region with high level of humidity and large forests (Neamț area), as well as in the Dniester Plateau.

The role of ethnic/religious factor on the livestock composition is archaeozoologically shown for Orheiul Vechi (Old Orhei), where the sample of Mongolian origin (period of Golden Horde) contains almost no pig remains. Concerning the comparison urban vs. rural, on average, there is no a major difference in the frequencies of pig remains. We need to consider the traditional character of the urban life in Medieval Moldova, but also we have to note the fact that the highest frequencies of pig appear in the rural settlements, while in the cities the importance of this domestic species seems to increase in the later stages of urban development.

The archaeozoological data concerning the use of pig in the food economy of Medieval Moldova are complemented by the documentary testimonies contained in chancery papers, foreign travelers' accounts, as well as in some registers drawn to the nobility courts.

Luminița Bejenaru, Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Simina Stanc

Considerații privind importanța porcului domestic (*Sus domesticus*) în economia alimentară a Moldovei medievale

În lucrarea de față ne propunem deslușirea unui aspect important privind regimul alimentar în evul mediu, și anume importanța porcului domestic (*Sus domesticus*) în economia alimentară a populației de pe teritoriul Moldovei medievale.

Cercetările arheozoologice realizate până în prezent pentru diferite așezări medievale ale Moldovei s-au axat mai ales pe evaluarea resurselor animale și identificarea diversității consumatorilor în funcție de factorii geografici, etnici/religioși, de mediul urban sau rural. Potrivit eșantioanelor arheozoologice studiate până la momentul actual, frecvența porcinelor înregistrează o pondere mai mare în zona pericarpatică a Moldovei – cu umiditate crescută și păduri întinse (zona Neamțului), precum și în Podișul Nistrului.

Influența factorului etnic/religios asupra structurii șeptelului este evidențiată din punct de vedere arheozoologic la Orheiul Vechi, unde eșantionul de proveniență mongolă (perioada Hoardei de Aur) nu conține aproape deloc resturi de porc. În ceea ce privește comparația urban/rural, în medie nu există o diferență majoră în frecvența resturilor de porc, dat fiind și caracterul tradițional al vieții urbane din Moldova medievală. Trebuie totuși să remarcăm faptul că la nivel de situri individuale, cele mai mari frecvențe ale porcului apar în așezări de tip rural, iar în orașe ponderea acestei specii pare a crește în fazele mai târzii ale acestora.

Datele arheozoologice privind utilizarea porcului domestic în economia alimentară a Moldovei medievale sunt completate și de mărturiile documentare cuprinse în actele de cancelarie, relatările călătorilor străini, precum și în unele registre întocmite la curțile boierești.

Луминица Беженару, Лудмила Бакуменко-Пырнэу, Симина Станк

К вопросу о роли домашней свиньи (*Sus domesticus*) в рационе питания жителей средневековой Молдовы

В данной статье мы преследуем цель выяснить один важный аспект средневекового питания, а именно значимость домашней свиньи (*Sus domesticus*) в питании населения средневековой Молдовы. Археозоологические исследования, проведенные до сих пор на материалах из различных средневековых городов и сельских поселений Молдовы, были направлены на вычисление животных ресурсов и установление разнообразия потребления в зависимости как от

* Lucrarea de față reprezintă o variantă revizuită și completată a textului comunicării cu titlul *Considerații privind importanța porcului domestic (*Sus domesticus*) în economia alimentară a Moldovei medievale*, prezentată la Conferința științifică cu participare internațională „Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și studiul artelor”, desfășurată sub egida Institutului Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei, Chișinău, din 22-23 mai 2014.

географических, этнических и религиозных факторов, так и от городской или сельской среды. На основании археозоологических данных, можно сказать, что численность свиней более высока в прикарпатской зоне Молдовы, с обширными лесами (окрестности города Неамц), а также и в регионе Днестровской возвышенности.

Влияние этнического и религиозного факторов на структуру поголовья скота хорошо выражено в Старом Орехе, где археозоологический материал, который происходит из золотоордынских комплексов, не содержит почти никаких костей домашней свиньи. При сравнении материала из городских и сельских поселений, не наблюдается существенного различия в численности костей домашней свиньи, имея ввиду и традиционный характер городской жизни в средневековой Молдове. Что касается отдельных памятников, можно сказать, что в сельских поселениях насчитывается больше остеологических остатков свиньи, а в городах они чаще встречаются в более поздний период.

Археозоологические данные, свидетельствующие об использовании мяса домашних свиней в питании жителей средневековой Молдовы, были дополнены письменными сведениями, которые встречаются в документах государственной канцелярии, в журналах путешественников или в хозяйственных записях, составленных боярами.

Introducere

Dieta și nutriția reprezintă un segment important al istoriei vieții cotidiene, al cărui reconstituire a atras o atenție deosebită, mai ales în ultimele decenii, din partea unor cercetători de seamă ai istoriografiei europene, precum Lucien Febvre, Norbert Elias, Fernand Braudel, Maria Dembińska, Robert Fossier, Jean-Louis Flandrin, Massimo Montanari, Michel Pastoureaux, Bruno Laurioux, Alban Gautier, F. Audoin-Rouzeau, Benoît Clavel ș.a., istorici, arheologi și arheozoologi, care au contribuit prin cercetări constante la o cunoaștere și înțelegere mai bună a istoriei și culturii alimentației medievale și premoderne.

Cercetarea evoluției regimului alimentar din spațiul românesc în perioada evului mediu se caracterizează prin rezultate încă destul de modeste, fără a putea avansa în ritmul altor sectoare ale istoriei privilegiate prin existența unor surse mai numeroase și mai coerente. În acest context, relevăm însemnătatea datelor arheozoologice privind resursele animale folosite în economia alimentară a Moldovei medievale, care completează într-un mod continuu și valoros informațiile documentare destul de lacunare și ambigue.

Carnea avea o valoare alimentară prin excelență în perioada evului mediu. Astfel, preocupările cercetătorilor din domeniul arheozoologiei și arheologiei pentru întregirea tabloului regimului alimentar din Moldova în evul mediu s-au axat, în mod firesc, pe aspectele legate de problema consumului de carne, datele arheozoologice referitoare la resursele animale utilizate în alimentație de către locuitori fiind valorificate în scopul deslușirii unor aspecte importante ale istoriei dietei și nutriției medievale, precum vârsta și sexul animalelor sacrificate pentru consum, modul în care au fost

tranzate, volumul de carne produsă de animalele domestice în perioada medievală, diferența dintre carnea folosită de către locuitorii de la orașe și a celor din așezările rurale, variațiile consumului de carne în funcție de perioadă și spațiu, influența factorului etnic/religios asupra structurii șeptelului ș.a. (Bejenaru 2003a; 2003b; 2006; Bejenaru et al. 2003; Bejenaru, Bacumenco-Pîrnău 2011; Haimovici 1980b). Plecând de la aceste segmente de cercetare asupra problemei consumului de carne în societatea medievală din Moldova și, totodată, a unui anume interes în istoriografia europeană pentru porc (*Sus domesticus*)¹, în lucrarea de față ne propunem prezentarea unor rezultate legate de studierea importanței acestui animal domestic în economia alimentară a locuitorilor din Moldova în perioada evului mediu.

Porcinele, crescute pentru carne, dar și pentru grăsime, acopereau necesitățile de proteine animale ale oamenilor. În general, „succesul” porcului în alimentația populației medievale a fost asigurat de câteva caracteristici esențiale: nu este pretențios în ceea ce privește hrana sa, crește și se reproduce ușor și poate fi preparat și consumat în întregime (Hordé, 2004). Acest fapt reiese din rezultatele cercetărilor întreprinse în scopul reconstituirii preferințelor alimentare atât în societatea medievală occidentală, și aici ne referim în special la Franța, Anglia, Germania, Italia (Flandrin, Montanari 1996; Montanari 2003), cât și în cea central-europeană, mai ales Polonia (Dembińska 1999, 88-91).

Dacă ne îndreptăm atenția spre alimentația din societatea occidentală, vedem că în această

1. Semnalăm aici contribuția cunoscutului cercetător francez Michel Pastoureaux (2009), care reprezintă o pasiune în cursul istoriei porcului („un cousin mal aimé”).

perioadă carnea de porc devine „simbol al vieții rurale” sau „simbol al unei economii familiale, de tendință autarhică”, porcul sărat rămâne „carnea obișnuită a celor mai mulți” (Montanari 2003, 77-78), iar carnea de bovină sau ovicaprină era destinată mai mult consumului orășenilor (Flandrin, Montanari 1996, 430). Prin urmare, alimentația medievală este o expresie a diferențelor sociale, consumul de carne provenind de la cele trei specii principale (bovine, porcine și ovicaprine) și variază în funcție de mediul consumatorilor (Clavel 2001, 188). O situație concludentă în acest sens se observă și în Polonia medievală, teritoriu amplasat în vecinătatea imediată a Țării Moldovei, unde datele cuprinse în condicile de cheltuieli ale domeniului regal de la Nowe Miasto Korczyn pe anii 1560-1570, ne indică faptul că porcul era folosit cu prisosință în alimentația servitorilor, în mediul nobilimii poloneze fiind preferată carnea de vită (Wyczański 1962, 320). Totodată, se constată faptul că populația rurală consumă carne de porc, iar cea de la orașe carne de bovine, diferența dintre carnea folosită de către locuitorii de la orașe și a celor din așezările rurale fiind totuși destul de greu de stabilit (Wyczański 1962, 321-322).

Sursele documentare înregistrează diverse realități legate de problema utilizării porcului domestic în economia alimentară din spațiul est-carpatic. Mărturiile scrise asupra creșterii animalelor, și în special a resurselor de carne de porcine în Moldova medievală și premodernă, găsim în relatările călătorilor străini, o sursă de informare care, de altfel, se caracterizează prin mai puțină consistență și veridicitate în comparație cu actele emise de cancelaria domnească a Țării Moldovei (Lazăr, 361-372). Astfel, un călugăr iezuit de origine maghiară, Paul Beke, aflat la curtea lui Vasile Lupu, este impresionat de mărimea și frumusețea vitelor din Moldova, menționând și faptul că „țara este bogată în porci și păsări” (Călători străini V, 1973, 276). În aceeași perioadă, Marco Bandini, prezentând averea bisericii Adormirii Maicii Domnului din Bacău, arăta în notițele sale, pe lângă alte bunuri, 25 de boi și vaci și 16 porci (Călători străini V, 1973, 247).

Despre porcii crescuți în Moldova medievală și importanța lor în economia alimentară găsim date relevante în actele domnești de danie, zapisele și registrele mănăstirilor. La începutul domniei sale, în 1634, Vasile Lupu dăruiește preoților și diaconilor bisericii domnești Sfântul Nicolae din

Iași bani, haine, alimente, precum și 18 porci (Caproșu, Zahariuc 1999, 324). Potrivit catastifului averii mănăstirii Galata, la 25 noiembrie 1588, pe lângă moșii, veșminte bisericești, covoare, vase de argint, unelte și ustensile, bani, cereale, vite, mănăstirea avea și 20 de porci pe moșia de la Vâlcești (ținutul Sucevei), 20 la Sadna, și 100 la Șivița (Caproșu, Zahariuc 1999, 53-54), în total 140 de porci.

Izvoarele înregistrează situații în care porcii fie erau dăruți unor mănăstiri și biserici pentru pomenirea răposaților, fie erau lăsați moștenire, precum în situațiile de mai jos. Potrivit unui act din 26 noiembrie 1587, la moartea soțului său, soția răposatului Lucoci dă mănăstirii Sfântul Sava din Iași din „toată averea” „bani și vite”, 4 boi și 10 vaci, și 100 de oi, și 6 iepe, și 10 porci pentru pomeni (Caproșu, Zahariuc 1999, 45-46), iar un anume Avram, cândva între anii 1591-1600, dădea pentru „o moarte asemenea 3 porci, un stup, 6 potronici” (D.I.R. XVI/4, 1952, 8). În timpul domniei lui Vasile Lupu, înainte de 1645, un anume Stratulat, fost agă, îi lasă fiicei sale moștenire sate, curți, vii cu crame, iazuri, prisăci și vite (zece boi de plug și trei tineri, zece vaci cu viței, șapte iepe cu mânzi), 200 de oi și zece porci (D.R.H. XXVIII, 2006, 144). După împărțirea unor bunuri între Nicolae Ureche și unchiul său, Grigore Ureche, cunoscutul cronicar moldovean, soția lui Ureche ia de pe moșia Goiești, pe lângă obiecte de podoabă, vestimentație, vase și ustensile de bucătărie și „60 de vaci cu boi..., 40 de masculi <porci>” (D.R.H. XXVII, 2005, 50).

Valoarea alimentară a porcului domestic este probată și de faptul că acesta era obiect de schimb intern, realitate înregistrată de izvoarele documentare. Spre exemplu, la 1625, diacul Dumitrașco Fulger cumpără o parte din satul Toderești (ținutul Cărligăturii) în schimbul a 25 de zloți și a doi masculi (D.R.H. XVIII, 2006, 356). Potrivit unui act domnesc din 3 decembrie 1629, o jumătate din satul Vlăiceni, cu vad de moară la Jijia (ținutul Dorohoiului), a fost cumpărată cu 15 „boi de negoț”, 8 vaci cu viței, 50 de oi și 30 de „porci buni, un porc drept patru zloți” (D.R.H. XX, 2011, 199-200). În anii '30 ai secolului al XVII-lea, o anume Antimia vinde fraților săi niște slugi pentru „cinci oi, și o iapă tânără, și doi boi tineri de plug și doi masculi <porci>” (D.R.H. XXIII, 1996, 61). La 4 aprilie 1636, fiul lui Durac, fost pârcălab de Orhei, cumpără o parte din moșia Morozeni în schimbul a unsprezece „masculi <porci> de jâr”

și „un bou de negoț” (D.R.H. XXIII, 1996, 435).

Numărul impresionant al porcilor crescuți în Moldova rezultă și din mărturiile documentare referitoare la comerțul de porci, aceștia fiind un produs de export apreciat în evul mediu. Un negustor mare de porci este considerat Alexandru Lăpușneanu care îi transporta la Bistrița și Brașov („în Ardeal vinde porci, fiind cel mai mare negustor de asemenea marfă pe care l-a avut vreodată nația noastră”) (Iorga 1928, 110, 144, 169) și se supăra când nu primea prețul așteptat pentru animalele aduse la vânzare (Iorga 1925, 171). De acest fel de comerț, probabil, se leagă și existența unui drum al porcilor amintit într-un act domnesc din 20 martie 1584, potrivit căruia un anume Lazăr și frații lui primeau de la domnie „un loc ... ce și-au curățit ei, dinspre Trebeș, cât vor putea să folosească, de la Cârligata pe Drumul Porcilor, drept peste șesul Trebeșului, la apa Suhudolului”, și „să le fie acest loc mai sus scris, în hotarul lor, în pădure...” (D.I.R. XVI/3, 1951, 240).

Un anume Toader din Văștelești (Bârlad) și alți răzeși de acolo au plătit șapte meșteri pentru ieșirea unui heleșteu în timp de șapte săptămâni în satul Șerbăchești, pe Bogdana, cu bani și produse alimentare, precum cereale, pește, brânză, unt, brahă, și, de asemenea, carnea a două vaci și a cinci porci (D.R.H. XXV, 2003, 275).

În ceea ce privește mărimea porcilor consumați în Moldova medievală, documentele nu amintesc nimic despre greutatea acestora, însă se face diferența între porci obișnuiți și „porci buni” sau „porci grași”, „porci țărănești” sau „porci domnești”. Prin „porc domnesc” înțelegem un etalon oficial (probabil, în bani), cu o paritate de 1:10 față de cel „țărănesc”, de care se ținea cont în momentul plății sau scutirii de dările domnești, evitându-se în acest fel anumite conflicte între locuitori și autorități. Potrivit unui act domnesc de danie datat înainte de 31 martie 1640 pentru mănăstirea Trei Ierarhi din Iași, cele trei sate dăruite, Răchiteni, Temeșeni și Iugani, cu mori pe Siret și cu bălți de pește, erau scutite de a da anumite dări, precum și „cinci sute de porci țărănești, care fac cincizeci de porci domnești” (D.R.H. XXV, 2003, 85). De asemenea, în actul de danie din 28 martie 1660 către Mănăstirea Golia, Ștefăniță Lupu confirmă scutirea celor două sate dăruite din ținutul Hotinului de anumite dări și de „cinci sute de mascuri țărănești, care se socotesc 50 de mascuri

domnești” (C.D.M. III, 1968, 126), iar la începutul lunii mai a aceluiași an, domnul confirmă scutirea satului Hlincea, dăruit Mănăstirii Hlincea de lângă Iași, de mai multe dări, printre care și de gorștină de oi și porci, „să li se ție în seamă până în ... 15 mascuri domnești, ce fac 150 de mascuri țărănești” (Caproșu, Zahariuc 1999, 529).

Documentele înregistrează și date despre valoarea slăninii de porc, care era destul de prețuită ca să devină obiect de schimb, fapt consemnat la 1627, când Ignat Benea din Vlășeni cumpără o vie la Dănceni dând în schimb 17 lei, 2 vaci cu viței, 10 merțe de făină și „o slănină” (D.R.H. XIX, 1969, 175). Potrivit unui act din 1652, o anume Mărica vinde în timpul foametei „cele mari”, o parte din moșia Divițeni, cu 12 lei și „o jumătate de slănină” (C.D.M. II, 1959, 426).

Rezultate și discuții

Cercetările arheozoologice realizate până în prezent pentru diferite așezări medievale ale Moldovei (fig. 1) s-au axat mai ales pe evaluarea resurselor animale și identificarea diversității consumatorilor în funcție de factorii geografici, etnici/religioși, de mediul urban sau rural.

Siturile studiate din punct de vedere arheozoologic au fost grupate pe zone, ținându-se cont, în primul rând, de împărțirea teritoriului în unități fizico-geografice pentru evaluarea potențialului său natural și cunoașterea condițiilor care au favorizat populațiile umane vechi din spațiile respective (Velcea et al. 1983). Au fost luate în considerare, de asemenea, condițiile istorice specifice și concentrarea siturilor medievale în anumite spații. Siturile studiate pentru Moldova medievală aparțin mai multor subunități, individualizate prin relief, climă și vegetație, precum Podișul Sucevei, Câmpia Moldovei, Podișul Bârladului, Zona pericarpatică a Moldovei, Platoul Moldovei Centrale și de Nord, Podișul Nistrului (tabelul 1).

Creșterea animalelor a avut o importanță majoră în cadrul economiei așezărilor din Moldova medievală (fig. 2), în majoritatea cazurilor analizate fiind axată pe gestionarea bovinelor (*Bos taurus*), porcinelor (*Sus domesticus*) și ovicaprinelor (*Ovis aries* & *Capra hircus*). În multe dintre așezările Moldovei medievale, printre resturile grupului domestic considerat ca predominant (bovine, porcine, ovicaprine), frecvența cea mai mare este înregistrată de fragmentele scheletice ale

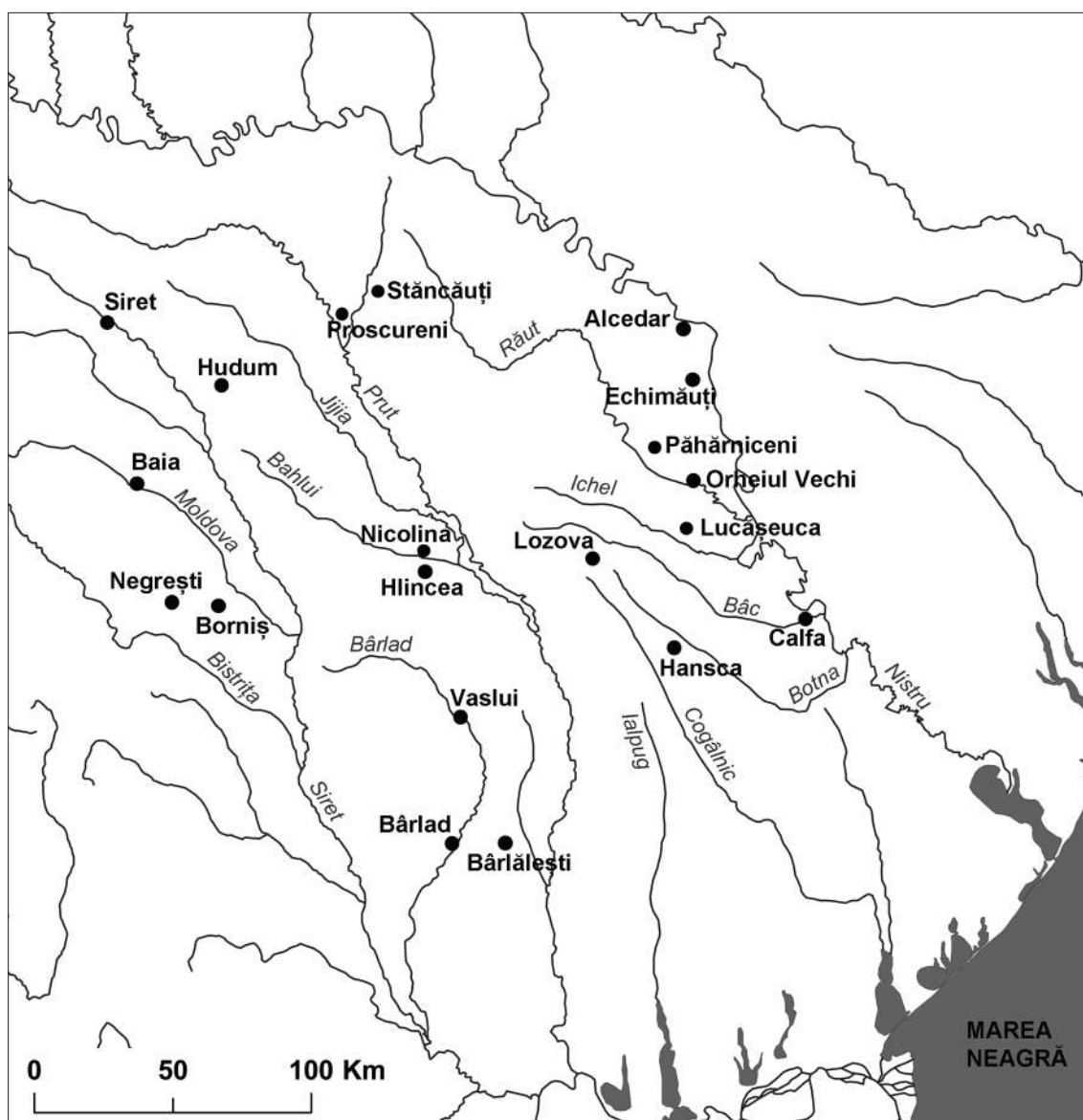

Fig. 1. Distribuția geografică a siturilor medievale studiate din punct de vedere arheozoologic.

Fig. 1. Geographical distribution of the medieval sites archaeozoologically analysed.

bovinelor, fiind urmată de cele ale porcinelor.

În prima parte a evului mediu (până în secolul XIV), în toate siturile studiate, atât de la vestul, cât și de la estul Prutului, predomină bovinele, ca număr de resturi determinate (NR) – cu o medie de 71,60%; pe al doilea loc, ca frecvență a resturilor, se situează ovicaprinele la Bârlad, Bârlălești și Hansca, iar în majoritatea restului de așezări porcinele. La Proscureni proporțiile resturilor de ovicaprine și porcine sunt aproape egale, iar la Calfa grupul ovicaprinelor nu este deloc reprezentat (trebuie ținut cont însă de dimensiunea redusă a eșantionului analizat, de numai 100 de resturi fa-

unistice). Ca număr minim de indivizi prezumați, porcul domestic apare în ierarhie înaintea ovicaprinelor în mai multe situri, excepție făcând cele de la Hansca, Bârlad și Bârlălești. În medie, porcul se plasează ca preferință alimentară înaintea ovicaprinelor, în conformitate atât cu numărul de resturi identificate (19,17% porc și 10,02% ovicaprine), cât și cu numărul minim de indivizi estimați (31,65% porc și 18,38% ovicaprine) (Bejenaru 2006).

Mai târziu (secolele XIV-XVII), în Moldova medievală, majoritatea eșantioanelor analizate indică bovinele pe primul loc ca frecvență a resturi-

lor, cu numai două excepții – Negrești și Orheiul Vechi în perioada Hoardei de Aur (fig. 3). Menționăm că în cazul de la Târgu Trotuș eșantionul aparține cu mare probabilitate unui atelier de prelucrat coarne sau piei de vită, de aceea el conține aproape în exclusivitate (87,95%) resturile acestei specii domestice (Bejenaru, 2003b); prin urmare, el nu a fost luat în calcul alături de celelalte pentru estimarea unor medii de frecvență.

În ceea ce privește siturile din Podișul Sucevei (la Baia în medie 81%, la Siret în jur 69%), ponderea bovinelor este mai mare. De asemenea, procente ridicate ale resturilor au fost înregistrate la Hlincea (68%) și Vaslui (68,27%). Proportii mai reduse apar în așezările rurale din zona subcarpatică a Neamțului, cu o medie de 51,04%, excluzând eșantionul de la Negrești, în care procentul este de numai 30,9%. În aceste situri rurale, o bună reprezentare o au resturile de porc, ele secundând îndeaproape bovinele, cu aproximativ 36,65% și, mai mult, predominând în eșantionul de la Negrești, cu 60,3%. De altfel, importanța porcului domestic în această zonă este mai bine ilustrată de cuantificarea prin numărul indivizilor estimați,

specia clasându-se pe primul loc în trei din cele patru așezări, iar în cea de-a patra (Mălești) fiind aproape egal cu cel al vitelor (fig. 3).

O situație similară, cu o pondere sporită a exemplarelor de porc, ușor peste cea a bovinelor, a fost înregistrată la Orheiul Vechi în cadrul eșantionului de secole XVI-XVII. În aceeași așezare, dar pentru perioada Hoardei de Aur, ovicaprinele predomină ca număr de indivizi estimați, fiind urmate de bovine. În restul siturilor analizate, porcul este specia domestică care urmează vita ca frecvență a resturilor (fig. 3).

La Baia, porcinele ocupă locul doi, în ordinea frecvenței, dar la o depărtare substanțială de taurine, fapt determinat de talia specifică mult mai mică și prin urmare mai puțin importante ca furnizoare de carne. Cercetătorii din domeniul arheozoologiei s-au întrebat în repetate rânduri de ce consumul său nu era agreat de locuitorii așezării urbane de la Baia, cu atât mai mult cu cât creșterea porcilor este mai ușoară, sunt mai prolifici, iar randamentul în ceea ce privește producția de carne și grăsime este mai înalt decât la bovine (Haimovici 1980b, 272). Aceași situație găsim și în așezarea de la Hudum,

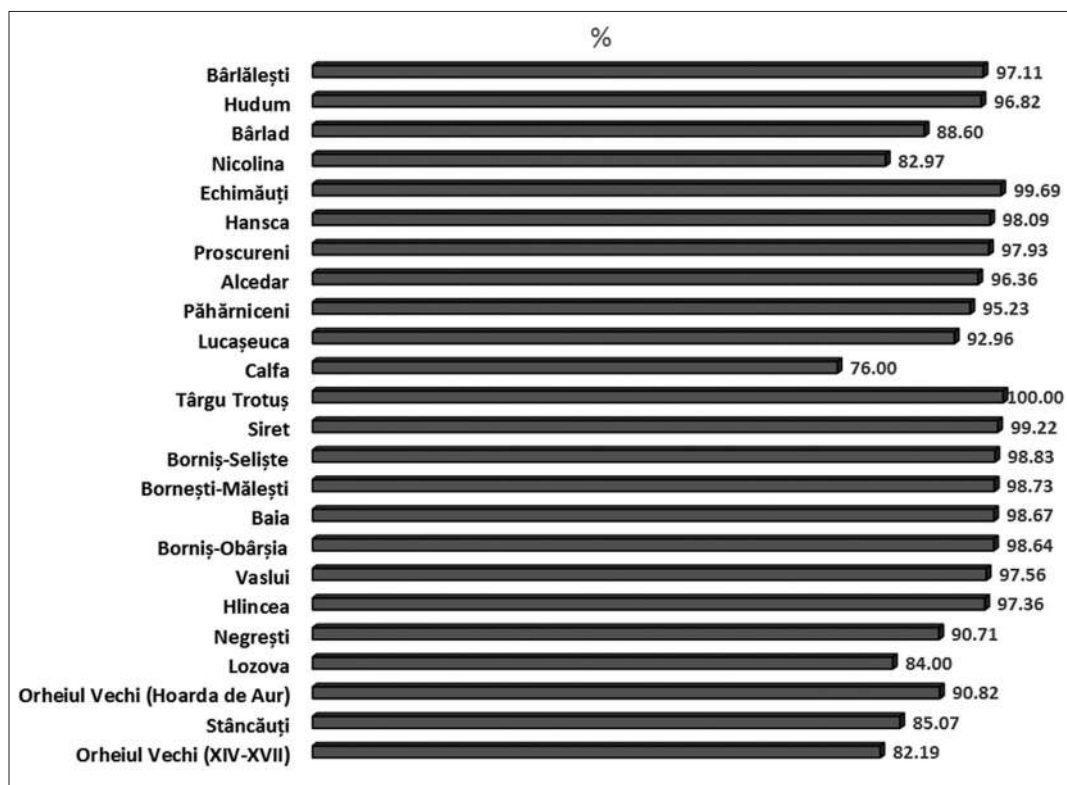

Fig. 2. Proportii procentuale ale resturilor de animale domestice.

Fig. 2. Frequencies of the domestic animal remains.

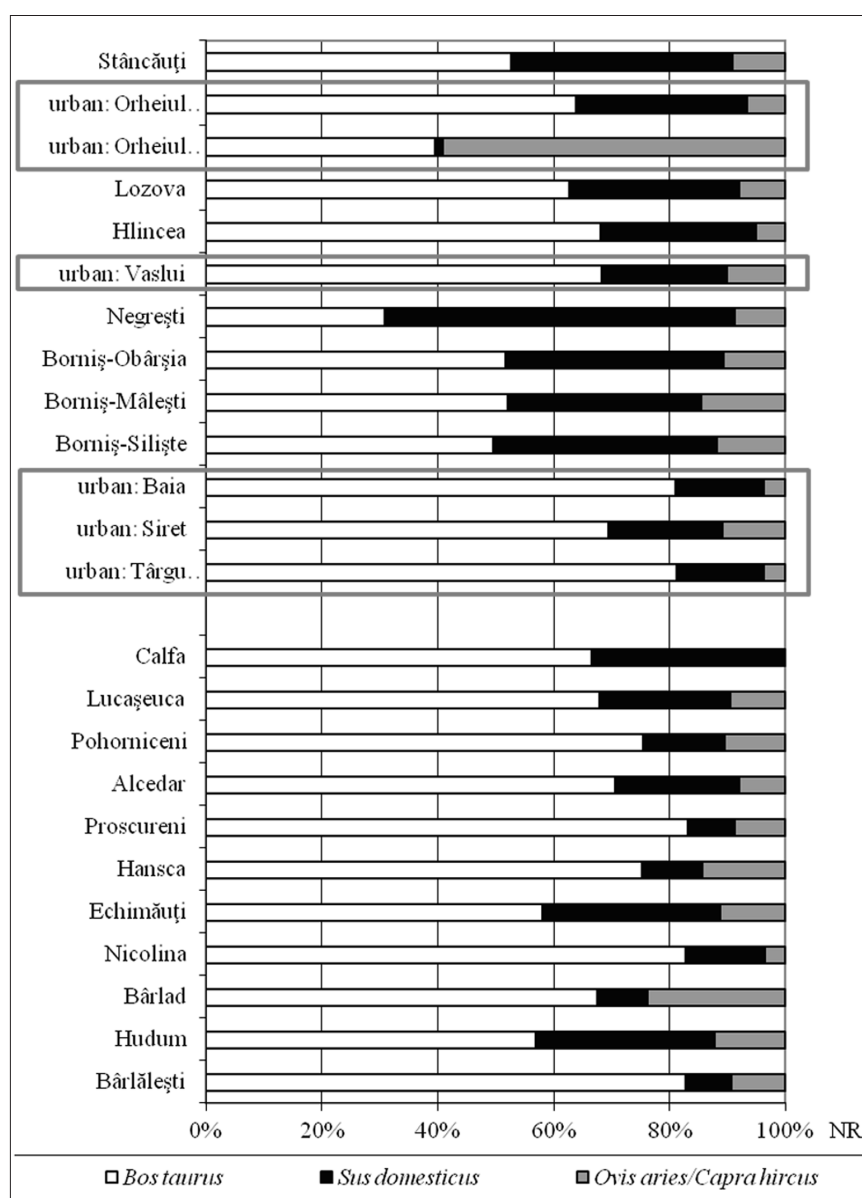

Fig. 3. Proportțiile resturilor provenite de la bovine, porcine și ovicaprine.

Fig. 3. Frequencies of the cattle, pig and sheep/goat remains.

unde porcul, crescut evident doar pentru carne și grăsime, se situează în acoperirea necesităților de proteine animale, cu mult după taurine, fiind sacrificat la peste doi ani, fapt, de asemenea, caracteristic pentru tipurile primitive neameliorate, ce aveau o creștere înceată (Haimovici 1993a, 232).

În medie, și pentru această perioadă, bovinele se plasează primele în preferința alimentară, urmate de porcine, apoi de ovicaprine, în conformitate atât cu numărul de resturi identificate (59% vită, 29% porc și 12% ovicaprine), cât și cu

numărul minim de indivizi estimați (44% vită, 35% porc și 21% ovicaprine).

Potrivit eșantioanelor arheozoologice studiate până la momentul actual, creșterea porcinelor înregistrează o pondere mai mare în zona pericarpatică a Moldovei – cu umiditate crescută și păduri întinse (zona Neamțului), precum și în Podișul Nistrului (fig. 4).

Despre **modul de creștere a porcilor** în evul mediu occidental, Massimo Montanari constată practicarea păscutului liber, arătând că încă din secolele VII-VIII în regiunile cu o puternică amprentă culturală germanică (Anglia, Germania, Franța, nordul Italiei) intrase în uz obiceiul de a evalua dimensiunile pădurilor nu în „termenii abstracți de suprafață, ci în funcție de numărul de porci, cărora ghinda, bobul ori alte fructe și semințe le permiteau acolo creșterea și îngrașarea” (Montanari 2003, 19).

În ceea ce privește teritoriul Moldovei medievale, porcii creșteau în libertate. În funcție de mediul geografic, cârdurile de porci ale boierilor și mănăstirilor erau lăsate în marile păduri

de stejar ca să se îngrașe. Astfel, diacului Constantin Udrea Gânscă i se confirma un loc din hotarul târgului Baia, fost domnesc, dăruit de Moise Movilă, pentru a-și face moară, piuă și prisacă, și „o bucată de făget, să-i fie pentru folosința porcilor lui” (D.R.H. XXIII, 1996, 163-164). În anii '30 ai secolului al XVII-lea, lui Vasile Corlătescu și soției sale i se întărește pe lângă câteva sate din fostul ținut al Fălciului și un loc de prisacă în hotarul Budeștilor, pe Pârâul Glodului (lângă Mogoșești (Iași), cu loc de hrană pentru porci (D.R.H. XXIII,

Tabelul 1. Regionalizarea siturilor medievale analizate arheozoologic.**Table 1.** Regionalization of the medieval sites archaeozoologically analysed.

Regiune		Sit studiat	Datare (secole)	Referință bibliografică	Număr resturi
Podișul Sucevei		Baia	XIV-XVII	Haimovici 1980b; Bejenaru 2003a; Bejenaru, Agache 2000; Albu 2002; Ionescu 2002; Nistor 2003; Cavaleriu 2004	1848 3723 2844
		Siret	XIV-XV	Haimovici et al. 1993; Bejenaru 2003a; Rotaru 2002	1300 4335 198
Câmpia Moldovei		Hudum	XIV	Haimovici 1993a	128
		Nicolina-Iași	XII-XIII	Haimovici 1993b	47
		Hlincea-Iași	XIV-XV	Haimovici, Cojocaru 1987	152
Podișul Bârladului		Vaslui	XV	Haimovici 1992	1900
		Bârlad	XIII-XIV	Haimovici 1980a	800
		Bârlălești	X-XI	Haimovici 1984	1300
Zona pericarpatică a Moldovei		Negrești-Neamț	XVII	Haimovici, Cojocaru 1987	323
		Borniș-Mălești	XIV-XV	Haimovici 1994	450
		Borniș-Obârșia	XIV-XVIII		850
		Borniș-Siliște	XIV-XVIII		774
Podișul Moldovenesc la est de Prut	Platoul Moldovei Centrale și de Nord	Târgu Trotuș	XIV-XVII	Bejenaru 2003b	510
		Proscureni	VI-XII	<i>după</i> David 1982	1691
		Stâncăuți	XV-XVIII	<i>Ibidem</i>	67
	Podișul Nistrului	Lozova	XIV	<i>Ibidem</i>	373
		Păharniceni	VIII-XIV	<i>Ibidem</i>	1175
		Hansca	X-XIV	<i>Ibidem</i>	5999
		Lucașeuca	IX-XV	<i>Ibidem</i>	796
		Orheiul Vechi	XIV-XVI XIV-XVII	<i>Ibidem</i> ; Bejenaru et al. 2003	8175 1778
		Alcedar	IX-X	<i>după</i> David 1982	990
		Echimăuți	IX-X	<i>Ibidem</i>	3911
		Calfa	IX-XI	<i>Ibidem</i>	100

Tabelul 2. Media unor dimensiuni (în mm) pentru porcul domestic medieval: 1. Baia; 2. Siret; 3. Vaslui; 4. Bârlad; 5. Tg.Trotuș; 6. Obârșia; 7. Mălești; M. Moldova; L. Lunca Dunării inferioare; Mn. Muntenia; B. Banat; C. Crișana.**Table 2.** Average of some dimentions (in mm) for medieval pig: 1. Baia; 2. Siret; 3. Vaslui; 4. Bârlad; 5. Tg.Trotuș; 6. Obârșia; 7. Mălești; M. Moldova; L. Lunca Dunării inferioare; Mn. Muntenia; B. Banat; C. Crișana.

Dimensiune	1	2	3	4	5	6	7	8	M	L	Mn	B	C
lg. M ₁ -M ₃	64,8	63,2	64,6	-	66,5	64,8	65	65	64,8	62,4	63,6	62,5	67
lg. M ₃	31,4	31,1	31,5	-	34,3	30,8	31	31,7	31,7	32,9	30,9	30,4	30,3
lg. cav. gl.	36,1	34,6	35	35	-	30	32	36,5	34,2	32,3	33,9	32,8	35
lg. cav. acet.	28,3	32,8	31,3	33	-	33	31,3	30,3	31,4	30,4	31,7	27,7	31
la. dist. hum.	38,2	38,5	36,6	37	39,5	35,6	36	39,8	37,7	35,6	38,4	37,4	38,7
la. dist. tibie	29,5	30,4	28,9	-	-	27,3	30	31,2	29,5	29,9	29,1	28,8	31,5

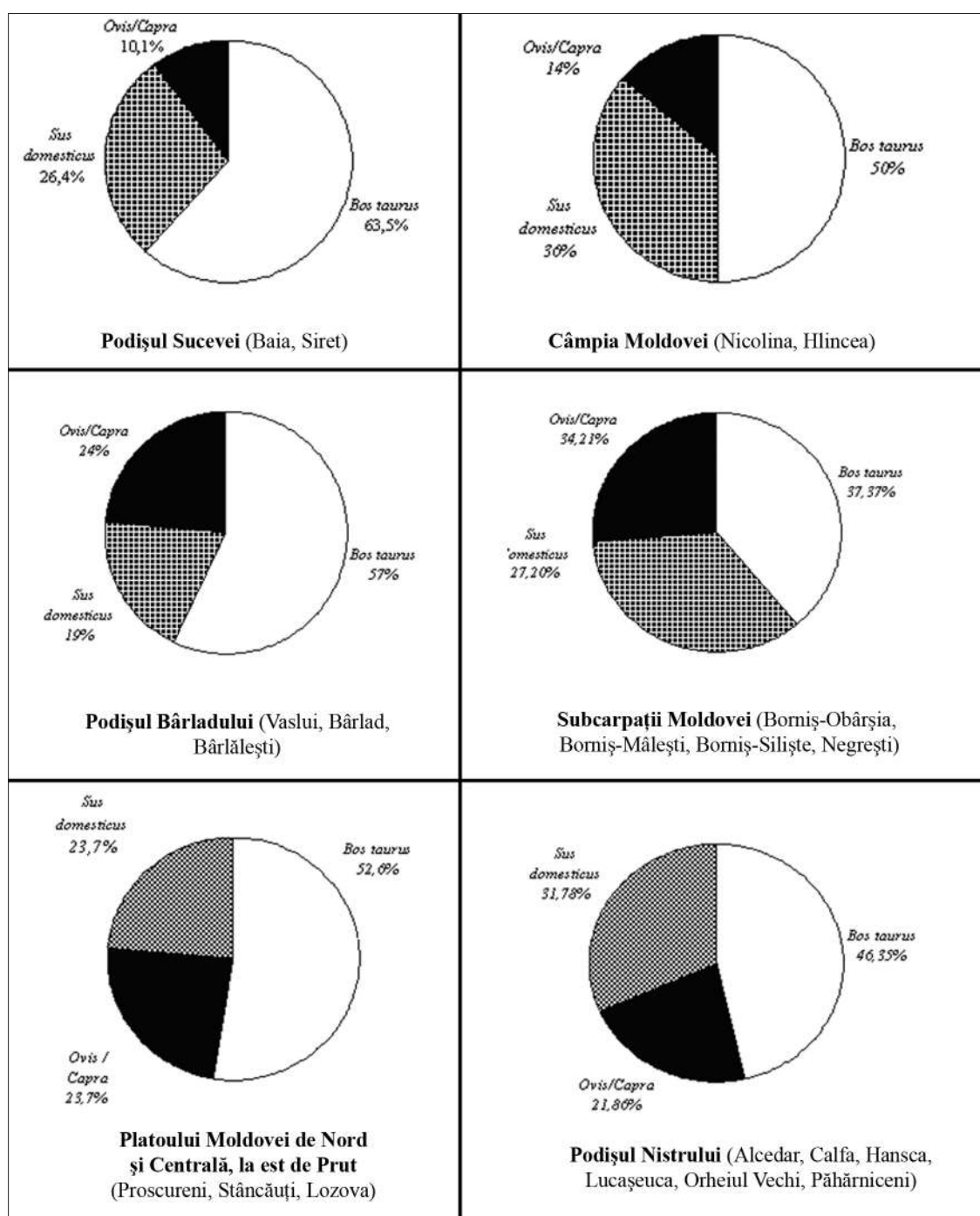

Fig. 4. Proporțiile principalelor specii domestice (număr minim de indivizi estimați).

Fig. 4. Frequencies of the main domestic species (minimum number of individuals).

1996, 27-28), iar la 6 aprilie 1639, Vasile Lupu confirmă cumpărătura vistiernicului Gheorghe Roșca, și anume o jumătate din Poiana de Sus, din hotarul satului Tonbuzeni, pe pârâul Șacovățului „cu loc de moară și ...cu hrană de mascuri într-acel hotar” (D.R.H. XXV, 2003, 331-332). La 23 octombrie

1640, Vasile Lupu împuternicește pe postelnicul Prăjescul să stăpânească ocina din satul Muncelul de Jos, și să aibă loc pentru „bucate”, să umble, „fie loc de dobitoc, fie de mascuri ca sa aibă a-i umbla mascurii la jer” (D.R.H. XXV, 2003, 469).

Porcii crescuți în libertate cauzau în repetate

Fig. 5. Simfize mandibulare de *Sus domesticus*, din eșantionul arheozoologic de la Siret.

Fig. 5. Pig mandible symphysa in the archaeozoological sample of Siret.

rânduri stricăciuni, fapt consemnat de mai multe mărturii scrise. Pentru a-și apăra braniștile, mănăstirile apelau la autoritatea domnească. Astfel, la 15 mai 1593, cancelaria lui Aron vodă emitea actul, prin care apăra braniștea mănăstirii de la Pângărați, „și nimeni să nu aibă a-și face acolo coșare nici pentru oi, nici pentru porci, fără voia lor” (D.I.R. XVI/4, 1952, 84). Mai târziu cu aproape un secol nu se schimbese această situație, întrucât la 1669, Gheorghe Duca împluternicește egumenul mănăstirii Galata de Sus și pe oricine va merge la satul lor Fântâna pe pâraul Gerul, „să nu lase vitele oamenilor să intre în țarină, fânețe, în vii sau la arie pe moșiile mănăstirii, având dreptul să le taie dacă le vor prinde acolo; cine va avea mascuri, vaci, boi...să-și pună păstor” (C.D.M. III, 1968, 387). De asemenea, mănăstirile Bistrița și Pângărați aduc „ungureni” ca „să păzască braniștele lor și să nu lase pe nimeni să pască oi, mascuri sau alte dobitoace” (C.D.M. III, 1968, 438).

Sursele documentare înregistrează faptul amenajării unor locuri speciale pentru creșterea porcilor în perioada premodernă a istoriei Moldovei. Spre exemplu, în unul dintre registrele de cheltuieli ale boierilor

Conăchești este consemnat faptul că un slujitor a primit o sumă de bani pentru construirea *purcărițelor* pe moșia de la Bujoreni, unde apare și un Grigore porcar (Bacumenco-Pîrnău et al. 2012, 180-181).

În ceea ce privește descrierea morfometrică a porcului domestic folosit în alimentația locuitorilor din Moldova medievală, trebuie precizat faptul că cele două forme interfe-cunde de suine indentificate, porcul domestic (*Sus domesticus*) și mistrețul (*Sus scrofa*), au fost separate pe criterii osteometrice doar la nivelul indivizilor adulți.

Tipologia morfometrică a porcului domestic medieval constituie o problemă situată în atenția multor arheozoologi. Gradul puternic de fragmentare a resturilor găsite în siturile medievale, cât și caracterul lor imatur, împiedică un examen mai riguros din acest punct de vedere. Pentru siturile studiate anterior, înălțimile la greabăn au fost calculate sau convertite (cele existente) după coeficienții lui Teichert (1990). Analizând comparativ cu regiuni învecinate (Bejenaru 2003), datele metrice ale diferitelor elemente scheletice nu se distanțează semnificativ, variabilitatea inter-

Fig. 6. Fragmente humerale de porc domestic identificate în eșantionul arheozoologic de la Siret.

Fig. 6. Pig humeral fragments identified in the archaeozoological sample of Siret.

populațională fiind minimă (tabelul 2).

În Moldova medievală, porcul domestic avea un bot cu simfiza mandibulară variabilă ca lungime (fig. 5), înregistrând medii de 56,33 mm la Baia, 54,66 mm la Siret și 62,4 mm la Orheiul Vechi. Minima acestei dimensiuni, de 48 mm, a fost înregistrată la Baia, iar maxima, de 69 mm, la Orheiul Vechi, ultima putând susține ipoteza metisajului între cele două forme de suine.

Înălțimea la greabăn a fost apreciată cu o medie generală de 764 mm, mai ridicată la Orheiul Vechi (în medie 782 mm) decât în așezările din Podișul Sucevei (756 mm la Baia și Siret).

Parametrii corporali mai mari (în jurul valorii de 800 mm), înregistrați în toate așezările cuprinse în tabelul 3 pot fi puși pe seama metisării cu mistrețul.

Porcul domestic cu capul mare, destul de lung, cu râțul lung și puternic, bine adaptat pentru râmat ar sugera rasa Stocli. Trenul anterior, mai dezvoltat decât cel posterior, este bine evidențiat prin înălțimea greabănului mare, membrele nefiind prea groase, după cum arată lărgimile modeste ale extremităților oaselor apendiculare (Bejenaru 2003a). Rasa Stocli, păstrată astăzi în stare pură în regiunea muntoasă din vestul Munților Apuseni, regiunea Vrancei, a Măcinului și în Bălțile Brăilei (România), s-ar fi format în condiții diferite, atât de munte prin varietatea Stocli, cât și de baltă prin varietatea Băltăreț (Gligor 1969). Ea constituie rasa porcilor indigeni din spațiul nostru. Se pretează foarte bine la exploatarea extensivă, specifică evului mediu, în regiunile unde se creștea în număr mare (după cum menționează și unele documente). Poate fi întreținută ușor la pășune, în regiunile de munte și în cele cu ghindă, jir și alte fructe de pădure. Turme de porci erau trimise pentru îngrășare din Moldova spre pădurile Bistriței, după cum atestă mențiunea episcopului de Rădăuți, Efrem, de la începutul secolului XVII: „Doră au dăruit domnul Dumnezău jiru... sau ghende, să faceți dumneavoastră bine pentru voia noastră ca să tremitem orece porci ce avem, doră s-aaru îngrășea. Și ce să va veni domnilor

Asezare	Element anatomic	Lungime maximă	Talie
Baia	metacarp3	75	775,3
Baia	metacarp3	78	807,46
Baia	metatars III	87	818,18
Baia	metatars III	81	762,14
Baia	metatars IV	88,5	778,54
Baia	metatars IV	84	738,76
Baia	astragal	38	703,2
Baia	astragal	39	721,1
Baia	astragal	38	703,2
medie Baia			756
Siret	metacarp III	77	796,7
Siret	calcaneu	76	735,8
Siret	calcaneu	82	791,9
Siret	calcaneu	75	726,5
Siret	calcaneu	75	726,5
Siret	astragal	40	739
Siret	astragal	39	721,1
Siret	astragal	44	810,6
medie Siret			756
Orheiul Vechi	metatars III	81	762,14
Orheiul Vechi	metacarp III	81	839,62
Orheiul Vechi	metacarp IV	72	728,76
Orheiul Vechi	metacarp IV	76	770,88
Orheiul V.	astragal	43	792,7
Orheiul V.	astragal	43,5	801,65
medie Orhei			782
Medie generală			764

Tabelul 3. Estimarea taliei la greabăn pentru porcul domestic (în mm).

Table 3. Estimation of pig withers height (in mm).

voastre, dumneavoastră veți lua” (Giurescu 1976).

În 1891 Cornevin, făcând o excursie în sud-estul Europei, descrie și porcul local ca fiind tardiv, asemănător porcului sălbatic. Datele zootehnice actuale indică o tardivitate accentuată a rasei, sporul în greutate optim pentru exploatare realizându-se abia după vârsta de doi-trei ani. Această situație explică și rezultatele arheozoologice care indică vârste de sacrificare tardivă la porcinele domestice în majoritatea siturilor medievale. Porcii din rasa Stocli pot trăi în libertate, fără adăpost, procurându-și hrana singuri chiar perioade mai lungi – de luni de zile. În acest caz, metisările cu mistrețul pot fi ușor de explicat. De altfel, analizele arheozoologice au menționat deja acest fenomen în așezările din Moldova medievală.

Sit/Vârstă	0 – 13 luni NMI %		1 – 2 ani NMI %		2 – 3 ani NMI %		peste 3 ani NMI %		Total
Baia	4	15,38	8	30,77	9	34,62	5	19,23	26
Siret	6	20	5	16,66	9	30	10	33,33	30
Tg. Trotuș	3	42,85	1	14,28	2	28,57	1	14,28	7
Orheiul Vechi (XV-XVII)	4	18,18	5	22,73	10	45,45	3	13,64	22
Total	17	20	19	22,35	30	35,30	19	22,35	85

Tabelul 4. Vârsta de sacrificare a porcului, conform stadiului de erupție și uzură dentară (NMI=număr minim de indivizi).

Table 4. Age at death for pig based on dentition (MNI=minimum number of individuals).

Cazurile de scurtare a simfizei mandibulare și de gracilizare a dentiției jugale nu pot explica deocamdată existența unui alt tip morfometric, ci mai degrabă o variabilitate individuală în cadrul grupului. Dimensional, porcul domestic care se creștea în evul mediu pe teritoriul Moldovei medievale nu se deosebea cu mult de cel din regiunile învecinate (Bejenaru 2003a) și din restul Europei. Era apropiat de forma din Muntenia (media înălțimii de 763 mm), Banat (media înălțimii de 726 mm), Crișana (media înălțimii de 769 mm), dar se pare puțin mai mic decât cel ce se consuma în acea vreme la curtea de la Louvre-Paris, a cărui talie la greabăn era în jur de 77-84 cm (Meniel 1989).

Despre **selecția animalelor domestice în funcție de vârstă și sex**, menționăm că estimarea vârstelor de abataj la porcul domestic a fost realizată în principal pe seama dentiției (tabelul 4). Datele privind starea de epifizare a oaselor lungi sunt insuficiente în fiecare din eșantioanele analizate, pentru a face posibilă o apreciere statistică a vârstelor pe seama lor, comparabilă cu cea care a avut la bază analiza dentiției. Această situație este datorată slabei rezistențe la factorii tafonomici a oaselor de exemplare tinere, în special câinii fiind

Tabelul 5. Raportul dintre sexe la abatajul porcului domestic (NMI=număr minim de indivizi).

Table 5. Sex distribution for pig (MNI=minimum number of individuals).

	Femele (NMI)	Masculi (NMI)	Total
Baia	2	6	8
Siret	9	5	14
Tg. Trotuș	1	0	1
Orheiul Vechi (XV-XVII)	4	7	11
Total	16	18	34

răspunzători de distrugerea și dispersia oaselor.

Sacrificarea porcului era orientată spre exemplarele de peste un an. Proportțiile animalelor tăiate înainte de 13 luni, mai reduse, oscilează între 15,38% la Baia și 42,85% la Târgu Trotuș (fig. 7). Selecția pentru tăiere a animalelor mature din punct biologic (care au început deja să se reproducă), varia de la o

așezare la alta, după cum indică datele din tabelul 4. Se pare însă, că, în general, categoria de vârstă de 2-3 ani era preferată pentru sacrificare.

Pentru aprecierea sexului la porcul domestic există puține date. Ca și pentru ruda sa sălbatică, mistrețul, a fost utilizat drept criteriu morfologia caninilor. Raportul sexelor printre animalele mature apare aproape echilibrat în așezările studiate (tabelul 5), ceea ce ar indica că nu se realiza o selecție strictă a sexelor, nici la nivelul animalelor tinere sacrificate, nici a celor rămase de tăiat la maturitate. O oarecare disproporționalitate între sexe s-ar părea că există la Baia, însă în acest caz ar putea fi și o distorsiune posibil generată de o selecție a caninilor de masculi în vederea prelucrării lor.

În ceea ce privește **tehnica de măcelărie**, este relevant studiul de caz realizat pentru așezarea medievală de la Baia.

De la sacrificarea animalului și până la descoperirea resturilor sale într-un sit arheologic, intervin o serie de modificări cantitative și calitative ale ansamblului inițial, precum dezorganizarea și dispersia scheletului, conservarea oaselor. Aceste transformări sunt sub influența diferiților factori antropici, precum practicile de tranșare, stocare a rezervelor alimentare, comerț, confecționare de unelte, dar și săpătura arheologică, metodele de colectare și de analiză ale resturilor faunistice. Importanți sunt de asemenea și factorii naturali, precum acțiunea chimică a solului, intervenția rozătoarelor și a carnivorilor. Ca practică cu caracter cultural, tehnica măcelărească poate fi influențată la rândul său de factori economici, sociali, obiceiuri și prejudecăți, norme religioase. De aceea, descifrarea urmelor lăsate de ea pe resturile osoa-

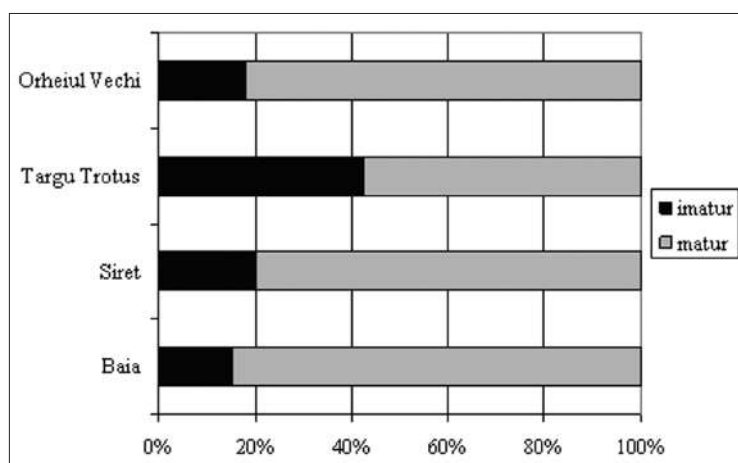

Fig. 7. Proportțiile imatur/matur pentru porcul domestic.

Fig. 7. Frequencies of immature/mature for pig.

se poate avea importanță pentru istoria economiei și a mentalităților. Cercetarea arheozoologică din ultimii ani a evidențiat o variabilitate a practicilor măcelărești medievale în diferite regiuni ale Europei Occidentale. Un studiu comparativ al tehnicilor măcelărești practicate în evul mediu, în diferite zone ale teritoriului țării noastre, ar putea constitui o sursă suplimentară de informații privind economia și mentalitățile.

Distribuția anatomică a fragmentelor scheletice identificate în eșantionul de resturi provenit din orașul medieval Baia relevă prezența, cu frecvențe variabile, a resturilor tuturor părților corporale. Variația de frecvență pe specii și regiuni corporale a resturilor identificate este datorată mai cu seamă fragmentării și conservării diferențiate. Nu a fost înregistrată absența sistematică a vreunei regiuni anatomiche.

În tabelul 6 este prezentată localizarea și frecvența semnelor de măcelărie într-un segment eșantionar de 33 resturi de porc (NR=133), urmele fiind marcate pe fișele descriptive ale scheletului respectiv (fig. 8) propus de Helmer (preluat din Udrescu et al. 1999).

Analiza caracteristicilor de localizare și de frecvență a urmelor de măcelărie au condus spre descrierea unora din operațiile de măcelărie aplicate speciilor de animale luate în discuție, după cum urmează.

Tăierea/sacrificarea animalelor. Urmele lăuate de abatajul animalelor ar putea să difere în funcție de metodele aplicate diferitelor specii, dar nu au fost identificate pe resturile analizate pentru

această lucrare.

Jupuirea animalului. Degajarea și desprinderea pielii lasă de regulă urme de forma unor striuri fine pe extremitățile capului și ale membrelor, în zonele în care pielea se află în contact direct cu osul. Semnele de jupuire au fost identificate cu certitudine doar în cazul bovinelor, pe frontale, în jurul bazei coarnelor.

Tranșarea primară. Această operație urmărește în primul rând separarea capului și a membrelor de trunchi, fiind influențată de anatomia animalului, dar și de regiunea geografică și epoca istorică în care a fost aplicată.

Detașarea capului de corp a fost executată, pentru toate speciile analizate, prin lovituri puternice de satâr sau toporișcă. De regulă, loviturile se aplicau între occipital și atlas, deseori fiind retezate marginile posterioare ale atlasului sau

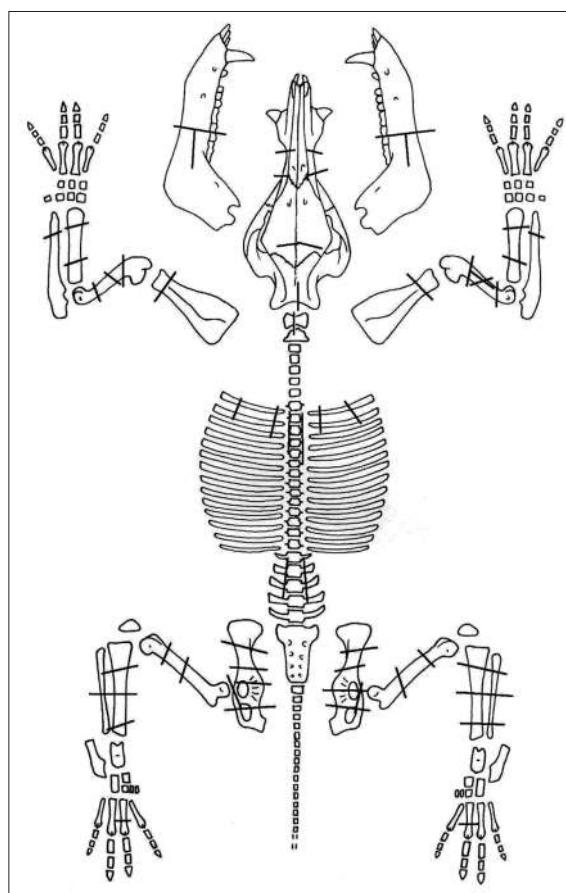

Fig. 8. Schema urmelor de măcelărie pe scheletul de porc.

Fig. 8. Distribution of butchery marks on the pig skeleton.

Tabelul 6. Localizarea și frecvența urmelor de măcelărie identificate pe resturile de porc.**Table 6.** Location and frequency of the butchery marks identified on pig remains.

Localizare scheletică	Descrierea urmei de măcelărie	NR
Craniu	a. tăietură transversală pe frontal	1
	b. tăietură sagitală pe occipital	1
	c. tăietură transversală pe maxilarul superior, între P ⁴ și M ¹	3
	d. tăietură transversală pe maxilarul superior, posterior lui M ³	3
	e. tăietură cu spărtură pe corpul mandibular, în dreptul lui M ¹ /M ²	5
	f. tăietură longitudinală sub dinții M ² -M ³	1
Vertebre: - atlas - cervicală - toracică - lombară	a. tăietură longitudinală pe cele două arcuri	1
	b. tăietura arcului de pe corp	1
	c. tăieturi de detașare a arcului de pe corp	1
	d. tăieturi de separare a coastelor de apofizele transverse	1
	e. tăietura apofizelor transverse	1
Coaste	a. tăietura proximală a corpului, înapoia tuberozității	1
	b. tăietura corpului	2
Omoplat	a. tăietură oblic-transversală sub col	3
Humerus	a. tăietură transversală cu spărtură pe 1/3 proximală a diafizei	4
	b. tăietură oblică pe jumătatea diafizei	1
	c. tăietură transversală pe treimea distală a diafizei	2
	d. tăietură longitudinală cu spărtură pe fața anterioară a diafizei	1
Radius	a. tăietură oblic-transversală în treimea proximală a diafizei	3
	b. tăietură oblic-transversală în treimea distală a diafizei	1
Cubitus	a. tăietură oblic-transversală pe jumătatea diafizei	1
Coxal	a. tăietură oblic-transversală pe ischion	5
	b. tăietură oblic-transversală pe pubis	2
	c. tăietură oblic-transversală pe ilion proximal	4
	d. tăietură oblic-transversală pe ilion distal	1
	e. tăietură transversală pe cavitatea acetabulară	1
Femur	a. tăietură cu spărtură pe jumătatea diafizară	3
	b. tăietură oblic-transversală pe treimea distală a diafizei	1
Tibie	a. tăietură oblic-transversală pe treimea proximală a diafizei	1
	b. tăietură oblic-transversală pe treimea distală a diafizei	1
	c. tăietură oblic-transversală pe jumătatea diafizei	2
Metapodal	a. tăietură transversală pe jumătatea diafizei	2

condilii occipitali. Urmele unor astfel de lovituri apar mai frecvent pe resturile de bovine, fiind de asemenea evidențiate și pentru ovicaprine. Uneori lovitură pentru detașarea capului era aplicată și ușor mai posterior, la limita dintre atlas și axis. Semnele unei astfel de lovituri apar la bovine domestice, apofiza odontoidă fiind secționată transversal, precum și la porcul domestic, la care indirect secționarea longitudinală a atlasului ar indica că el a rămas atașat de cap, fiind tăiat odată cu acesta în plan sagital.

Detașarea membrilor de corp se realiza la nivelul centurilor. Omoplatul era probabil separat

prin tăierea masei musculare care-l leagă de trunchi, nerămânând urme pe resturile scheletice la nici una dintre speciile analizate. Coxalul pare să fi fost detașat de sacrum, la bovinele domestice, prin tăierea paletii iliace și secționarea puternicului ligament sacrospinotuberal, secționarea acestuia din urmă cuprinzând uneori și creasta supraacetabulară. Aceeași operație este sugerată de semne identificate pe rarele resturi de coxale ale celorlalte specii domestice – cal, porc, ovicaprine.

Eviscerarea. Extragerea viscerelor din cavitatea toracică (inima, plămânii) și din cea abdominală lasă rareori urme pe partea internă a coas-

telor și pe cea inferioară a corpurilor vertebrale. În cazul resturilor studiate, aceste urme nu au fost identificate. În schimb, semnele eviscerării de la nivel cefalic sunt numeroase și ușor de recunoscut. Scoaterea limbii necesită îndepărtarea mandibulei de la craniu, cel mai bine dovedit la bovine, prin întreruperea legăturii osoase la limita dintre corpul și ramul mandibular. Probabil această tăietură era precedată de o secționare a legăturii musculare superficiale (în special maseterul), dar și profundă (precum pterigoizii). Separarea celor două corpuri simetrice ale mandibulei se realiza prin secționarea de regulă la nivelul diastemului. Corpul mandibular era secționat în vederea extragerii măduvei, destul de abundentă la porc, chiar și bovine, specii la care de altfel s-au identificat semnele corespunzătoare. Deschiderea cutiei craniene se realiza cu scopul de a extrage creierul. La porcul domestic, craniul era despicat longitudinal, după urma loviturii aplicate la nivelul occipitalului, dar craniul mai era îmbucătățit și prin tăieturi transversale aplicate pe frontal sau maxilar superior. Despicarea sagitală a craniului apare și în cazul bovinelor.

Tranșarea secundară. Operație care corespunde pregătirii unor bucăți mai mari de carne, tranșarea secundară poate varia după obiceiurile sau gusturile consumatorilor, dar și după importanța animalelor folosite în alimentație.

Tranșarea coloanei vertebrale este sugerată prin urmele lăsate doar pentru bovine și porc. La ambele specii se pare că se practica despicarea longitudinală prin două șiruri de tăieturi paralele aplicate de o parte și de alta a arcurilor vertebrale, fiind prinse deseori și apofizele transverse.

Dezarticularea, ca urmare a secționării ligamentelor, lasă multe urme profunde și scurte pe capetele oaselor. Ea apare bine marcată doar la speciile de talie mare precum bovinele și calul, părând să preceadă operația de porționare. Tăietura acestei dezarticulări, la porc, apare la nivelul colului, iar la oaie atinge și afectează apofiza coracoidă. Dezarticularea genunchiului nu a fost surprinsă pe resturile osoase analizate. Se poate presupune că în acest caz erau mai ușor de evitat distrugerile oaselor implicate, datorită distanței mai mari existente între capetele acestora, prin intercalarea meniscurilor articulare.

Porționarea era realizată pentru prepararea propriu-zisă a hranei zilnice (fierbere, frigere) sau pentru conservare. Urmele lăsate de această

operație variază în funcție de particularitățile de structură osoasă, dar și de cerințele culinare. Oasele late, fiind bine îmbrăcate în carne, erau tranșate în mai multe porții. Porționarea omoplatului consta, în general, în separarea capătului articular de restul scapular – operație bine evidențiată în cazul resturilor de bovine și porc, ori sugerată numai la ovicaprine printr-o încercare de tăietură a cărei urmă s-a păstrat pe marginea vertebrală a osului. Restul scapularelor mari, după cum indică resturile de bovine, puteau fi în continuare porționate. Coxalul era porționat de regulă într-o manieră asemănătoare – în trei porțiuni – la toate speciile analizate. Se separa o porțiune preacetabulară, prin secționarea transversală a ilionului și o porțiune postacetabulară, printr-un același tip de tăietură aplicată ischionului și pubisului, rămânând astfel și cea de a treia parte corespunzătoare cavității acetabulare. La speciile de talie mijlocie, precum porcul și ovicaprinele, se putea aplica o singură tăietură transversală pe cavitatea acetabulară, rezultând astfel doar două porțiuni – una anterioară și alta posterioară. Oasele lungi ale stilopodului și zeugopodului erau, la toate speciile, porționate în câte trei segmente: proximal, mijlociu și distal. Apar și cazuri – atât la speciile de talie mare (bovine), cât și la cele de talie mijlocie (porc, ovicaprine) – în care aceste oase erau porționate doar în două segmente. Metapodalele de bovine, ovicaprine sau cal, care sunt elemente osoase lungi bine dezvoltate, dar neîmbrăcate în carne, apar și ele deseori fragmentate, cu intenția probabilă de recuperare a măduvei osoase, bogată în grăsimi.

Dezosarea a lăsat urme mai rar identificabile pe resturile studiate. Majoritatea acestora se găsesc la nivelul omoplaților de bovine, sub formă de tăieturi pe fosele scapulare (subscapulară, infraspinoasă și supraspinoasă), rezultate din detașarea mușchilor de pe ele.

Avem astfel și din punct de vedere arheozoologic dovada că în așezarea medievală de la Baia meșteșugul măcelăriei era bine instituit și practicat de persoane specializate – măcelari. Satărele și cuțitele erau instrumentele de măcelărie medievală cele mai utilizate, acestea fiind descoperite la Baia în număr foarte mare de către arheologi (Neamțu et al. 1980). Urmele folosirii lor au fost cele frecvent identificate și prezentate anterior.

În cadrul modelelor de tranșare descrise, trei principii par să ghideze aplicarea lor: modalitatea

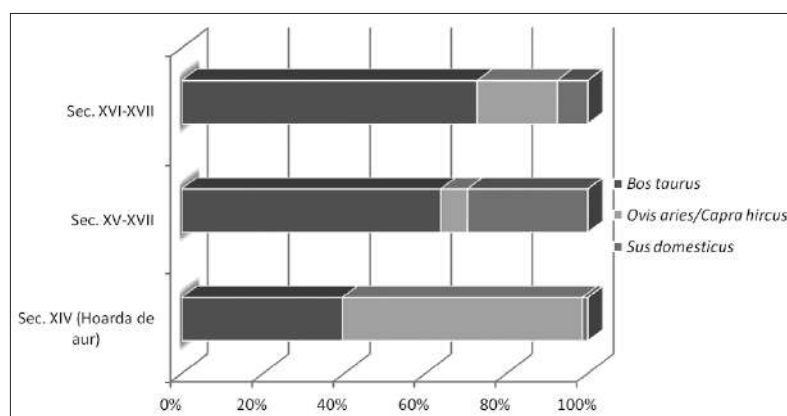

Fig. 9. Structura eșantionului arheozoologic de la Orheiul Vechi.

Fig. 9. Structure of the archaeozoological assemblage from Orheiul Vechi.

de despicare a animalelor, separarea diferitelor categorii de carne, folosirea fiecărei părți din corp. Despicarea animalelor sacrificate se făcea, cel puțin la bovine, porc și ovicaprine, după o metodă mai greoaie, considerată primitivă, care consta în aplicarea a două șiruri de tăieturi paralele pe corpii vertebrali. Acest obicei rustic a fost evidențiat și în Franța secolelor XI-XIV, perioadă după care a fost înlocuit cu metoda despicării în două a coloanei vertebrale prin mijlocul axei sale. Pentru porc s-a menținut multă vreme vechea metodă (Audoin-Rouzeau 1987). Chiar și la vite – această metodă se mai aplică și în zilele noastre de către măcelari din medii rurale românești, precum satul Ruginești, județul Vrancea (Bejenaru, Agache 2000), sau chiar din Franța (Audoin-Rouzeau 1987). Astfel, este demonstrat caracterul conservator al acestei maniere de desfacere a animalului. Tranșarea secundară se înscrie, prin majoritatea operațiilor ei, într-un anumit schematism dictat de anatomia animalului. Particularitățile specifice scheletului au fost luate în considerare pentru simplificarea în efort și viteză a tehnicii de măcelărie, în timp ce specificitatea distribuției masei musculare a influențat tranșarea în funcție de calitatea cărnii.

În general, în ceea ce privește carnea produsă de animalele domestice în perioada medievală și premodernă, estimările medii pentru Europa apuseană și centrală, oferă cifrele 75 de kg pentru un porc; carnea de porc constituia 20-34% din aportul global de carne de consum, cifrele fiind diferite în funcție de epocă și regiune din Europa (Audoin-Rouzeau 1995). Întrucât cercetările ar-

heozoologice din spațiul românesc converg spre concluzia, potrivit căreia taliile animalelor domestice din acest spațiu nu diferă, în mod semnificativ, în această perioadă istorică, în comparație cu cele din Europa apuseană și centrală (Bejenaru 2003a), considerăm că aceste date privitoare la carnea produsă de porcine pot fi folosite și pentru teritoriul Moldovei.

În ceea ce privește comparația urban/rural, în medie nu există o diferență majoră în frecvența resturilor de porc, dat fiind și caracterul tradițional al vieții urbane din Moldova medievală. Trebuie totuși să remarcăm faptul că la nivel de situri individuale, cele mai mari frecvențe ale porcului apar în așezări de tip rural, iar în orașe ponderea speciei pare a crește în fazele mai târzii ale acestora (fig. 3).

Influența factorului etnic/religios asupra structurii șeptelului este evidențiată din punct de vedere arheozoologic la Orheiul Vechi, unde eșantionul de proveniență mongolă (perioada Hoardei de Aur) nu conține aproape deloc resturi de porc (fig. 9).

Resursele de carne de porc erau completate de carnea mistrețului (*Sus scrofa*), care este răspândit în toate pădurile de mare întindere din Moldova. Siturile arheologice în care a fost semnalat mistrețul corespund în general, ca distribuție, arealului său actual de răspândire, iar vestigiile arheozoologice relevă consumul constant a cărnii de mistreț pe întregul cuprins al Moldovei medievale. Mistrețul era un vânat comun în Evul mediu, poate mai mult ca cerbul, resturile lui lipsind doar în două eșantioane analizate: Hudum și Proscureni. Majoritatea resturilor de mistreț provin de la animale mature din punct de vedere sexual, adică cu vârste de peste doi ani. Din cauza dificultății de separare a resturilor de purcei provenite de la cele două forme – sălbatică (mistrețul) și domestică (porcul domestic) – nu este posibil de precizat dacă puii de mistreț erau vânați. Pentru exemplarele ajunse la limita imatur – matur (de circa un an), distincția dintre cele două forme s-a făcut pe seama diferențelor dimensionale.

La Baia, printre piesele atribuite mistrețului se găsesc și două humerusuri cu urme ale cartilajului de creștere superior. Unul dintre acestea,

având epifiza proximală chiar căzută, sugerează o vârstă de până în trei ani și jumătate, iar celalalt, cu epifiza respectivă doar parțial consolidată, indică o vârstă mai precisă, de aproximativ trei ani și jumătate. Restul pieselor ar aparține unor exemplare mature.

La Siret, dintre indivizii estimați, cu siguranță doi sunt maturi, iar la Orheiul Vechi (secole XIV-XVII) cele trei exemplare apreciate sunt de asemenea adulte. Pentru această specie a fost luat în considerare pentru aprecierea sexului doar criteriul morfometric al caninilor, nesesizându-se un dimorfism sexual exprimat prin diferențe semnificative de dimensiuni la nivelul scheletului post-cefalic. Datele obținute apar dispersate, fiind identificați doar izolat: trei masculi și o femelă la Baia, un mascul la Orheiul Vechi.

Concluzii

Prin cele prezentate mai sus, am încercat conturarea unui tablou, în măsura posibilului, al importanței porcului domestic în economia alimentară a locuitorilor din Moldova medievală, ajungând, în mod firesc, la câteva concluzii. Potrivit rezultatelor cercetărilor arheozoologice pentru diferite așezări medievale ale Moldovei,

frecvența porcinelor înregistrează o pondere mai mare în zona pericarpatică a Moldovei – cu umiditate crescută și păduri întinse (zona Neamțului), precum și în Podișul Nistrului. În ceea ce privește comparația urban/rural, în medie nu există o diferență majoră în frecvența resturilor de porc, dat fiind și caracterul tradițional al vieții urbane din Moldova medievală. Trebuie totuși să remarcăm faptul că la nivel de situri individuale, cele mai mari frecvențe ale porcului apar în așezări de tip rural, iar în orașe ponderea acestei specii pare a crește în fazele mai târzii ale acestora. Se constată o anumită influență a factorului etnic/religios asupra structurii șeptelului, evidențiată la Orheiul Vechi, unde eșantionul de proveniență mongolă (perioada Hoardei de Aur) nu conține aproape deloc resturi de porc. Resursele de carne de porc erau completate de carnea mistrețului, fapt relevat de resturile osteologice colectate din mai multe așezări medievale.

Mulțumiri

Studiul a fost realizat în cadrul grantului CNCS-UEFISCDI PN-II-RU-TE-2011-3-0146 (Luminița Bejenaru, Simina Stanc).

Bibliografie

- Albu 2002:** C. Albu, Studiul unui eșantion arheozoologic provenit din așezarea medievală de la Baia (Suceava). Lucrare de Licență, Universitatea „Alexandru Ioan Cuza” din Iași (Iași 2002).
- Audoin-Rouzeau 1987:** Fr. Audoin-Rouzeau, Medieval and early modern butchery: evidence from the monastery of la Clarite-sur-Loire (Nievre). In: Food and Foodways 2, Harwood Academic Published GmbH, 1987, 31-48.
- Audoin-Rouzeau 1995:** Fr. Audoin-Rouzeau. Compter et mesurer les os animaux. Pour une histoire de l'élevage et de l'alimentation en Europe de l'Antiquité aux Temps Modernes. Histoire & Mesure, 10 (3-4), 1995, 277-312.
- Bacumenco-Pîrnău et al. 2012:** L. Bacumenco-Pîrnău, M.-Cr. Amărieuței, L. Bejenaru, S. Stanc. Aspects of Animal Husbandry and Meat Consumption in Southern Moldova (the Second Half of 18th Century) Case Study: Domain of Boyars Conachi. Bulletin of University of agricultural Sciences and Veterinary Medicine Cluj-Napoca. Animal Science and Biotechnologies, 69 (1-2), 2012, 175-184.
- Bejenaru 2003a:** L. Bejenaru, Arheozoologia spațiului românesc medieval (Iași 2003).
- Bejenaru 2003b:** L. Bejenaru, Date arheozoologice privind situl medieval de la Târgu Trotuș. In: (ed. A. Artimon) Orașul medieval Trotuș în secolele XIV-XVII. Geneză și evoluție (Bacău 2003), 249-257.
- Bejenaru 2006:** L. Bejenaru, Arheozoologia Moldovei medievale. Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza” Iași (Iași 2006).
- Bejenaru, Agache 2000:** L. Bejenaru, L. Agache, L'identification archéozoologique des traces d'abattage sur les ossements de Bos taurus, en provenance de la ville médiévale Baia. Analele științifice ale

Universității „Alexandru Ioan Cuza” Iași, s. Biologie animală XLVI, 2000, 161-168.

Bejenaru et al. 2003: L. Bejenaru, L. Bacumenco, S. Stanc, Date arheozoologice privind complexul arheologic Orheiul Vechi. Tyragetia XII, 2003, 85-91.

Bejenaru, Bacumenco-Pîrnău 2011: L. Bejenaru, L. Bacumenco-Pîrnău: Meat consumption in the cities of medieval Moldavia. Archaeozoological data and documentary mentions. Analele Științifice ale Universității „Al. I. Cuza” Iași, s. Biologie animală, LVII, 2011, 157-165.

C.D.M. II, 1959: Catalogul documentelor moldovenești din Arhiva Istorică Centrală a Statului. II (1621-1652), întocmit de M. Regleanu, Iu. Gheorghian, V. Vasilescu și Doina Duca (București 1959).

C.D.M. III, 1968: Catalogul documentelor moldovenești din Arhiva Istorică Centrală a Statului. III (1653-1675), întocmit de M. Regleanu, D. Duca, C. Negulescu, V. Vasilescu, C. Crivăț (București 1968).

Caproșu, Zahariuc 1999: I. Caproșu, P. Zahariuc, Documente privitoare la istoria orașului Iași. I (1408-1660) (Iași 1999).

Cavaleriu 2004: R. Cavaleriu, Date arheozoologice privind orașul medieval Baia-Suceava. Lucrare de Licență, Universitatea „Alexandru Ioan Cuza” Iași (Iași 2004).

Călători străini 1973: Călători străini despre țările române V (ed. M. Holban, M.M. Alexandrescu-Dersca Bulgaru, P. Cernovodeanu) (București 1973).

Clavel 2001: B. Clavel, L'Animal dans l'alimentation médiévale et moderne en France du nord (XIIe-XVIIe siècles). Revue archéologique de Picardie, 19, 2001.

D.I.R. XVI/3, 1951: Documente privind istoria României. A. Moldova, veacul XVI, 3 (1571-1590) (București 1951).

D.I.R., XVI/4, 1952: Documente privind istoria României. A. Moldova, veacul XVI, 4 (1591-1600) (București 1952).

D.R.H. XIX, 1969: Documenta Romaniae Historica, A. Moldova. XIX (1626-1628), întocmit de H. Chirca (București 1969).

D.R.H. XVIII, 1996: Documenta Romaniae Historica, A. Moldova. XXIII (1635-1636), întocmit de L. Șimanschi, N. Ciocan, G. Ignat, D. Agache (București 1996).

D.R.H. XVIII, 2006: Documenta Romaniae Historica, A. Moldova. XVIII (1623-1625), întocmit de I. Caproșu și V. Constantinov (București 2006).

D.R.H. XX, 2011: Documenta Romaniae Historica, A. Moldova. XX (1629-1631), întocmit de I. Caproșu și C. Burac (București 2011).

D.R.H. XXIII, 1996: Documenta Romaniae Historica, A. Moldova. XXIII (1635-1636), întocmit de Leon Șimanschi, Nistor Ciocan, Georgeta Ignat și Dumitru Agache (București 1996).

D.R.H. XXV, 2003: Documenta Romaniae Historica, A. Moldova. XXV (1639-1640), întocmit de N. Ciocan, D. Agache, †G. Ignat, M. Chelcu (București 2003).

D.R.H. XXVII, 2005: Documenta Romaniae Historica, A. Moldova. XXVII (1643-1644), întocmit de P. Zahariuc, C. Chelcu, M. Chelcu, S. Văcaru, N. Ciocanu, D. Ciurea (București 2005).

D.R.H. XXVIII, 2006: Documenta Romaniae Historica, A. Moldova. XXVIII (1645-1646), întocmit de P. Zahariuc, M. Chelcu, S. Văcaru, C. Chelcu (București 2006).

David 1982: A. David, Formirovanie teriofauny Moldavii v Antropogene (Kishinev 1982) // A. Давид, Формирование териофауны Молдавии в Антропогене.

Dembińska, Weaver 1999: M. Dembińska, W.W. Weaver. Food and drink in medieval Poland: rediscovering a cuisine of the past (Philadelphia, University of Pennsylvania Press 1999).

Flandrin, Montanari 1996: Histoire de l'alimentation (coord. J.-L. Flandrin, M. Montanari) (Paris 1996).

Fossier 2011: R. Fossier, Oamenii Evului Mediu (București 2011).

Giurescu 1976: C.C. Giurescu, Istoria pădurii românești din cele mai vechi timpuri până astăzi (București 1976).

Gligor 1969: V. Gligor, Stocli (Băltăreț). In: Zootehnia României. Porcine (București 1969).

Haimovici 1980a: S. Haimovici, Resturile faunistice din așezarea de la Bârlad din secolele XIII-XIV. AM IX, 1980, 85-91.

Haimovici 1980b: S. Haimovici, Studiul materialului faunistic din așezarea orășenească de la Baia. In: E.

- Neamțu, V. Neamțu, S. Chepte. Orașul medieval Baia în secolele XIV-XVII (Iași 1980), 270-273.
- Haimovici 1993a:** S. Haimovici, Studiul materialului paleofaunistic medieval (secolul XIV) descoperit în cătunul Hudum, județul Botoșani. Hierasus IX, 1993, 229-234.
- Haimovici 1993b:** S. Haimovici, Studiul materialului osteologic descoperit într-un bordei din secolele XII-XIII de la Nicolina-Iași. AM XVI, 1993, 307-310.
- Haimovici 1994:** S. Haimovici, Studiul arheozoologic al resturilor din două așezări medievale situate în județul Neamț. MA XIX, 1994, 431-452.
- Haimovici, Cojocaru 1987:** S. Haimovici, I. Cojocaru, Studiul materialului paleofaunistic din unele așezări feudale rurale din Moldova. AM XI, 1987, 259-266.
- Haimovici et al. 1993:** S. Haimovici, C. Tarcan, G. Amaximoaie, Studiul arheozoologic cu privire la materialul provenit din orașul medieval Siret (secolele XIV-XV). AM XVI, 1993, 311-320.
- Hordé 2004:** Tr. Hordé, Dictionnaire des mots de la table: histoire, langue, patrimoine. Éditions Sud Ouest, 2004.
- Ionescu 2002:** G. Ionescu, Studiul unui eșantion arheozoologic provenit din așezarea medievală de la Baia (Suceava). Lucrare de Licență, Universitatea „Alexandru Ioan Cuza” din Iași (Iași 2002).
- Iorga 1925:** N. Iorga, Istoria comerțului românesc. Epoca veche I (București 1925).
- Iorga 1928:** N. Iorga, Istoria românilor prin călători, I, ediția a 2-a adăugită (București 1928).
- Lazăr 1979:** M. Lazăr, Călători străini despre creșterea animalelor în Moldova în secolele XVI-XVIII. Hierasus I, 1979, 361-372.
- Meniel 1989:** P. Meniel, R.-M. Arbogast, Les restes de mammifères de la cour Napoleon du Louvre (Paris) du XVe au XVIIIe siècles. Revue de Paléobiologie 8/2, 1989, 405-466.
- Montanari 2003:** M. Montanari, Foamea și abundența. O istorie a alimentației în Europa (Iași 2003).
- Neamțu et al. 1980:** E. Neamțu, V. Neamțu, St. Chepte, Orașul medieval Baia în secolele XIV-XVII, I (Iași 1980).
- Nistor 2003:** I. Nistor, Reconstituire paleoeconomică pentru așezarea medievală de la Baia (județul Suceava): date arheozoologice. Lucrare de Licență, Universitatea „Alexandru Ioan Cuza” Iași (Iași 2003).
- Pastoureau 2009:** M. Pastoureau, Le Cochon. Histoire d'un cousin mal aimé (Paris 2009).
- Rotaru 2002:** I. Rotaru, Studiul unui eșantion arheozoologic provenit din așezarea medievală de la Siret (Suceava). Lucrare de Licență, Universitatea „Alexandru Ioan Cuza” Iași (Iași 2002).
- Udrescu et al. 1999:** M. Udrescu, L. Bejenaru, C. Hrișcu, Introducere în arheozoologie (Iași 1999).
- Velcea et al. 1983:** V. Velcea, L. Badea, I. Mac, E. Nedelcu, Conceptul de regionalizare. In: Geografia României I (București 1983), 593-655.
- Wyczański 1962:** A. Wyczański, La consommation alimentaire en Pologne au XVIe siècle. Annales. Économies, Sociétés, Civilisations, 17, 2, 1962, 318-323.

Luminița Bejenaru, Universitatea „Alexandru Ioan Cuza”, Facultatea de Biologie, Laboratorul de Bioarheologie - Arheoinvest, Bd. Carol I, 11, 700506, Iași, România, lumib@uaic.ro

Ludmila Bacumenco-Pîrnău, cercetător științific superior, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei, Chișinău, Republica Moldova, ludmila.pirnau@gmail.com

Simina Stanc, Universitatea „Alexandru Ioan Cuza”, Facultatea de Biologie, Laboratorul de Bioarheologie - Arheoinvest, Bd. Carol I, 11, 700506, Iași, România, simina_stanc@yahoo.com

Роман Кройтор

Биомеханические и эко-морфологические особенности черепа неандертальского человека

Keywords. *Homo neanderthaliensis*, skull, eco-morphology, biomechanical adaptations.

Cuvinte cheie. *Homo neanderthaliensis*, craniu, eco-morfologie, adaptațiile biomecanice.

Ключевые слова. *Homo neanderthaliensis*, череп, эко-морфология, биомеханические адаптации.

Roman Croitor

Biomechanical and eco-morphological peculiarities of Neanderthal skull

The overview of previously proposed hypotheses on morphological and functional adaptations of the Neanderthal face (an adaptation to the cold climate, a biomechanical adaptation to alternative use of the front teeth in processing materials or to manipulate objects, and a random genetic drift in small isolated populations) showed that none of them are able to explain fully the morphological features of the skull of Neanderthals. The present work propose to regard the human skull as an integral functional system. It is noteworthy that many of the characteristic for the „classic” Neanderthal skull morphology features, such as the facial prognathism, the drawn back cheekbones, the „migrated” forward dental arches and the retromolar gap on one hand and the low cranial vault, the high degree of posterior projection of the occipital bone (bunning), and the anteriorly shifted foramen magnum with respect to auditory meatus on the other hand are most probably functionally and topographically correlated and maintain the skull in equilibrium during the orthograde posture. Therefore, the anteroposterior extension of the facial part of skull should cause the simultaneous anteroposterior extension of the braincase in order to keep the mass centre of head above the bearing point (neck). Most likely, the morphological and functional changes of the facial part of the Neanderthal skull were the driving force that caused the development of specific low and elongated shape of braincase. Perhaps, the evolutionary changes of the face of Neanderthals were connected to their specialization in the direction of predation: the large, strong, shovel-like and protruding incisors represent a quite convenient device for animal meat consumption, while the grinding function of relatively small cheek teeth is diminished. The consumption of animal meat, and in particular, the bone gnawing, could explain the specific for Neanderthals wear of front teeth on their labial side. Perhaps, the increased volume of the nasal cavity of Neanderthals was associated with an increased area of the olfactory epithelium as a result of evolutionary selection in the direction of predation and, in particular, the strengthening the olfactory capacity, which should ensure success in hunting and competition with carnivores. However, the available data on the anatomy and genetics of Neanderthals (the relatively small olfactory bulb and the higher number of inactive olfactory genes if compared to modern humans) are in conflict with the proposed hypothesis. Possibly, the evolution of Neanderthals in the direction of predation could be relatively short and superimposed on the previous evolutionary path toward a weakening of the olfactory sensory system.

Roman Croitor

Particularitățile biomecanice și ecomorfologice ale craniului omului de Neanderthal

Articolul oferă o nouă ipoteză pentru a explica morfologia specifică a craniului omului neanderthalian. Caracteristicile morfologice tipice ale craniului omului de Neanderthal „clasic”, cum ar fi pe de o parte prognatismul facial, arcadele zigomatice trase înapoi, arcada dentară „migrată” înainte și decalajul retromolar, și pe de altă parte partea cerebrală a craniului aplatizată de sus și alungită, partea occipitală a craniului proeminentă și deplasare anterioară a lui *foramen magnum* în raport cu meatusuri auditive sunt funcțional și topografic interdependente și au funcția de a menține capul în echilibru ținând cont de postura ortograde a omului de Neanderthal. Splanchnocraniul „telescopic” alungit în direcție anteroposterioară a cauzat o întindere simultană a părții posterioare a craniului pentru a menține craniul în stare de echilibru pe punctul de sprijin - coloanei cervicale. Posibil că schimbări evolutive ale omului de Neanderthal au fost legate de specializarea lui în direcția prădării: incisivi proeminenți și comparativ mari în formă de lopată reprezintă un dispozitiv convenabil pentru consumarea hranei. Dieta bazată pe carne, și, în special, roaderea oaselor explică uzarea specifică din partea labială (anterioară) a dinților din față a omului de Neanderthal. Volumul majorat al cavității nazale a omului de Neanderthal ar putea fi asociat cu o creștere suprafeței a epiteliului olfactiv, ca urmare selecției evolutive spre prădare, care include și amplificarea capacităților a sistemului olfactiv și prezintă o condiție importantă pentru asigurare succesului în vânătoare și competiție cu animalele carnivore.

Роман Кройтор

Статья предлагает новую гипотезу, объясняющую специфическую морфологию черепа неандертальского человека

Такие характерные для «классических» неандертальцев особенности морфологии черепа, как лицевой prognatism, оттянутые назад скуловые дуги, «мигрировавшие» вперёд зубные дуги и ретромоларный промежуток, с одной стороны, и вытянутая назад низкая мозговая коробка, «шиньонообразный выступ» на затылке и сдвинутый вперёд по отношению к слуховым отверстиям *foramen magnum*, с другой, стороны являются функционально и топографически взаимозависящими и удерживают череп в состоянии равновесия при прямохождении. Вытянутая в переднезаднем направлении «телескопическая» форма лица неандертальского человека привела к одновременному вытягиванию

задней половины черепа с целью уравновесить голову на точке опоры – шейном отделе позвоночника. Возможно, эволюционные изменения лица неандертальцев были связаны с их специализацией в направлении хищничества: крупные, лопатовидные и как бы выступающие вперёд резцы являются удобным приспособлением для поедания мяса животных. Использование мясной пищи и, в частности, обгладывание костей, объясняет специфическую изношенность передних зубов неандертальцев с лабиальной стороны. Увеличенный объём носовой полости неандертальского человека мог быть связан с увеличением площади обонятельного эпителия также как следствие эволюционного отбора в направлении хищничества и, в том числе, усиления значения ольфакторной системы, что должно обеспечить успех в охоте и конкурентной борьбе с настоящими специализированными хищниками.

Введение

Неандертальский человек рассматривается в наше время как самостоятельный вид *Homo neanderthaliensis*, возникший в умеренных и приледниковых широтах западной и юго-восточной Европы, позднее распространившегося на территорию Ближнего Востока и Центральной Азии, параллельно с современным человеком разумным (*Homo sapiens*), имеющим тропическое африканское происхождение (Finlayson, 2005). Наиболее древние (около 300 тыс. лет) остатки людей с чертами, присущими неандертальцам, были обнаружены в Атапуэрке (Испания), тогда как генетический анализ показал, что эволюционные ветви человека неандертальского и человека разумного разошлись около полумиллиона лет назад (Finlayson, 2005; Rosas et al., 2008; Harvati, 2010) или даже больше (Hughes et al., 2014). Таким образом, *Homo neanderthaliensis* должен рассматриваться как вполне самостоятельный вид, адаптированный к специфическим условиям окружающей среды, в которых он формировался. Несмотря на укоренившееся в начале 20 века расхожее мнение широкой публики о неандертальском человеке как о сравнительно более примитивном родиче современного человека, не выдерживает критики (Harvati, 2010). По объёму мозга (1200-1750 см³: Jones et al., 1992) неандертальский человек соперничает с современным человеком разумным и даже превосходит его. Наиболее продвинутыми и морфологически специализированными являются так называемые вюрмские, или «классические» неандертальцы, которые населяли Европу 80 000 – 30 000 лет назад (Rosas et al., 2008). Многие особенности морфологии черепа «классических» неандертальцев Западной Европы, у которых эти морфологические особенности наиболее выражены (низкий покатый лоб, низкая удлинённая моз-

говая коробка, сильный прогнатизм средней части лицевого профиля), некоторые исследователи склонны объяснять био-механической или эко-морфологической специализацией этого вида, или же просто-напросто генетическим дрейфом в небольших разрозненных популяциях неандертальского человека (Weaver, 2009). И хотя неандертальский человек является наиболее полно изученным, после человека разумного, видом рода *Homo*, единого мнения о морфо-функциональном значении особенностей строения его черепа по сей день нет.

Coon (1962) первым предположил, что специфическая морфология лицевой части черепа неандертальского человека обусловлена приспособлением к дыханию холодным воздухом. По мнению Coon (1962), адаптация к дыханию холодным воздухом в широтах умеренного пояса и приледникового климата привела к увеличению объёма носовой полости, которая выполняла роль радиатора, увлажняющего и согревающего вдыхаемый воздух, предохраняя, таким образом, головной мозг от переохлаждения. Trinkaus (1987) склонен рассматривать увеличенный объём носовой полости у неандертальского человека как приспособление для увлажнения и/или прогрева вдыхаемого воздуха перед его поступлением в бронхи и лёгкие, что особо важно в условиях холодного и/или сухого климата. При этом изменение морфологии всего лицевого отдела черепа рассматривается по большей части как побочный эффект увеличения объёма носовой полости и её выдвижения вперёд, так как грушевидное отверстие увеличено, а средняя часть лица выступает несколько вперёд, выдвигая грушевидное отверстие (лицевой прогнатизм). Так же увеличен объём лобных и верхнечелюстных носовых пазух, что привело к часто упоминаемой якобы характерной для неандертальского человека

«пневматизации» черепа. Такая «телескопическая» форма лица, по-видимому, обусловила и другие характерные для западноевропейских неандертальцев морфологические особенности черепа: скошенные – как бы «оттянутые» назад – скуловые дуги и ретромолярный промежуток между восходящей ветвью нижней челюсти и третьим нижним моляром как следствие «убегания» зубной дуги вперёд вслед за лицевой частью черепа.

Dean (1988) предположил, что увеличенная площадь слизистой поверхности носовой полости у неандертальского человека, напротив, могла играть роль терморегулятора, отдающего в окружающую среду излишки тепловой энергии при высоких физических нагрузках, предохраняя тем самым организм от теплового удара, что должно быть особо важно в случае естественной (развитый подкожный жировой слой) или искусственной (одежда) термоизоляции тела.

Schwartz & Tattersall (1996) в качестве подтверждения гипотезы адаптации верхних дыхательных путей неандертальцев к холодному и/или сухому климату, описывают серию черепов, у которых парные костные выросты боковых стенок внутренней носовой поверхности расположены недалеко от входа в носовую полость. Еще одна пара вздутий внутренних стенок носовой полости, вследствие расширения верхнечелюстных носовых пазух, согласно авторам, должны были увеличивать площадь соприкосновения слизистой поверхности носовой полости с сухим и холодным воздухом, достаточно прогревая и увлажняя его. Эти вздутия и выросты внутренней поверхности носовой полости отсутствуют у людей современного типа, но уже намечаются на неандертальских черепках детского возраста (Schwartz & Tattersall 1996; Tattersall & Schwartz, 1998). Laitman et al. (1996) подтвердили наблюдения и предположения Schwartz & Tattersall (1996) о предназначении описанных морфологических структур в носовой полости для подготовки вдыхаемого воздуха перед поступлением в бронхи и лёгкие и указывали на то, что морфофункциональное значение анатомических структур лицевой части черепа неандертальского человека следует искать, прежде всего, в непосредственно выполняемых ими функциях: дыхании и приеме/пережёвыва-

нии пищи. По мнению Franciscus & Trinkaus (1988), терморегуляторная функция носовой полости неандертальского человека усиливалась благодаря возникновению при вдыхании в верхних дыхательных путях турбулентности воздуха. Однако, Churchill и соавторы (1999) экспериментальным путём показали, что специфическая морфология носовой полости скорее является адаптацией для снижения турбулентности воздуха в носовой полости при дыхании, что важно для снижения энергоёмкости при носовом дыхании холодным и/или сухим воздухом. Позже Franciscus (2003) отказался от идеи предполагаемой турбулентности вдыхаемого воздуха в носовой полости неандертальского человека.

Holton & Franciscus (2008) отмечают парадоксальность наличия широкого грушевидного отверстия (костного входа в носовую полость на черепе) у неандертальцев, которое в наши дни характерно, прежде всего, для групп людей, обитающих в тёплых тропических широтах. Предполагается, что широкое грушевидное отверстие неандертальцев не является самостоятельным морфо-функциональным приспособлением, а находится в корреляции с межжлыковой шириной верхней челюсти, которая у неандертальского человека сравнительно широка благодаря крупным резцам (Coon, 1962; Smith, 1983). Однако, статистический анализ, проведённый на широком ископаемом и современном антропологическом материале, не подтвердил предположение о влиянии межжлыковой ширины на ширину грушевидного отверстия (Holton & Franciscus, 2008). Это подтверждается также фактом автономности онтогенетического развития носовой капсулы и жевательного аппарата у приматов (Holton & Franciscus, 2008 и библиографические ссылки в этой работе). Holton & Franciscus (2008) не отвергают зависимость размеров грушевидного отверстия неандертальцев от климатических условий, но уточняют, что явную корреляцию с климатическими условиями обнаруживает так называемый носовой индекс (отношение ширины грушевидного отверстия к его высоте), а не отдельно взятый промер. Наиболее слабой стороной экоморфологических гипотез остаётся тот факт, что неандертальский человек, судя по географии распространения ископаемых находок, в периоды оледенений вме-

сте с другими теплолюбивыми животными отступал в ледниковые рефугиумы на юге Европы, занимая умеренные широты центральной и западной Европы лишь в периоды межледникового потепления, в то время как богатая фауной мамонтовая степь Евразии неандертальским человеком никогда не заселялась (Finlayson, 2005; Finlayson & Carrion, 2007).

Rae et al. (2011) подвергли сомнению общепринятые постулаты о повышенной пневматизации лицевого черепа и увеличенных носовых пазухах неандертальского человека как адаптации к холодному ледниковому климату. Используя технику трёхмерного моделирования, Rae et al. (2011) показали, что объёмы лобных и верхнечелюстных носовых пазух не отличается от таковых человека современного типа, на основании чего пришли к выводу, что специфическая морфология лица неандертальского человека не является адаптацией к холодному климату. Rae et al. (2011) допускают, что основным фактором, влияющим на структуру лицевой части черепа неандертальцев мог быть биомеханический стресс при жевании или использовании зубов для иных целей.

Гипотеза биомеханической адаптации лицевого отдела черепа неандертальцев детально разработана в работе Smith (1983) и основывается на очевидном факте значительной изношенности относительно крупных резцов на известных черепах неандертальцев (**Рис. 1**). При этом предполагается, что помимо жевательной функции, передние зубы неандертальцев использовались так же для некоторых других функций, например, для фиксации предметов, обработке шкур, подобно тому, что наблюдается у современных гренландских эскимосов (инуитов) (Molnar, 1972). По мнению Smith (1983), прогнатизм средней части лица и наклонность носовых пазух, несущих верхние резцы, являются механически оптимальными для уравнивания вертикальных сил при функциональной нагрузке. Rak (1986) предположил, что так называемые

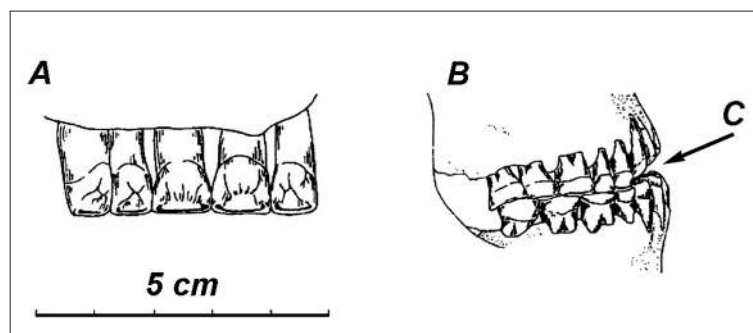

Рисунок 1. А – верхние резцы и левый верхний клык неандертальского человека из Крапины (Хорватия) с лингвальной стороны; В – характерное для неандертальцев изнашивание передних зубов (С) с лабиальной (внешней) стороны (источник: Klein, 1989).

Figure 1. A, the upper incisors and upper left canine of Neanderthal man from Krapina, Croatia; the lingual view; B, the typical for Neanderthals pattern of anterior teeth wear (C) seen on the specimen from Shanidar 1, Iraq (adapted from Klein, 1989).

«инфраорбитальные» структуры черепа (верхнечелюстные кости и височные дуги) ориентированы у неандертальцев параллельно вращающему моменту (и перпендикулярно оси вращения), возникающему в верхней челюсти при работе челюстей, с целью нейтрализации биомеханического напряжения и придания большей стабильности всей конструкции лицевого скелета. Rak (1986) так же предположил, что увеличенное и расширенное грушевидное отверстие (вход в носовую полость) у неандертальского человека отвечает биомеханической необходимости выравнивания всех лицевых скелетных структур вдоль оси вращающего момента, возникающего при работе челюстей. Ретромолярный промежуток в этом случае рассматривается лишь как видимое следствие уменьшения размеров коренных зубов и укорочения длины всей зубной дуги, в результате чего мы наблюдаем кажущийся сдвиг зубной части нижней челюсти вперёд и/или уменьшение передне-задней протяжённости восходящей ветви нижней челюсти. Trinkaus (1987) в целом соглашается с биомеханической моделью Rak (1986), однако указывает на множественность факторов, влияющих на морфологию лицевой части черепа классических неандертальцев, которые рассматриваемая биомеханическая гипотеза не охватывает и не в состоянии объяснить. Также Trinkaus (1987) отмечает, что изменение в ориентации

скуловерхнечелюстной поверхности у классических неандертальцев по сравнению с предшествующими формами гоминид довольно незначительно и не может полностью объяснить морфологические особенности лицевой части черепа. Прежде всего, Trinkaus (1987) считает, что лицевой прогнатизм неандертальцев является плезиоморфным, то есть исходным (предковым) признаком, тогда как пространственная реорганизация морфологии лицевой части произошла за счёт миграции скуловых дуг назад. Это привело к сдвигу назад жевательных мышц и как следствие – к уменьшению биомеханического напряжения в работающих челюстях и смягчению механического стресса передающегося от зубных альвеол к мозговому черепу (Trinkaus, 1987).

Разновидностью биомеханических гипотез следует так же рассматривать предположение Smith & Paquette (1989) о том, что прогнатизм среднелицевой части неандертальского человека является следствием укрупнённых резцов, которые в свою очередь несут увеличенные корни, вместилищем для которых и служат выдающиеся вперёд челюсти. Резцы неандертальцев, по сравнению с людьми современного типа, относительно более крупные, лопатовидные (то есть их боковые края несколько загнуты лингвально), что рассматривается как дополнительные приспособления для их механического усиления (Klein, 1989; Smith & Paquette, 1989; Harvati, 2010).

Harvati et al. (2011) пришли к выводу, что форма нижней челюсти неандертальского человека не даёт явных аргументов в пользу гипотезы адаптации прогнатного лица к высокой дополнительной биомеханической нагрузке, в то время как такой характерный для неандертальцев признак, как ретромолярный промежуток нижней челюсти, подвержен правилу аллометрии, то есть с увеличением размера нижней челюсти усиливается выраженность ретромолярного промежутка.

Clement и соавторы (Clement et al., 2012) проанализировали степень и характер изнашивания передних зубов у неандертальского человека, верхнепалеолитических и эппалеолитических людей современного типа, а так же современных эскимосов Гренландии и выявили большое сходство в сравнительно бо-

лее глубоком изнашивании резцов и клыков неандертальского человека и верхнепалеолитического человека современного типа. В то же время обнаружено различие в характере изнашивания зубов у неандертальцев и гренландских эскимосов. В отличие от эскимосов, у неандертальцев зубы изношены более равномерно, что даёт основание для отказа от гипотезы традиционного использования неандертальцами передних зубов для обработки материалов или компенсации орудий труда (Clement et al., 2012). Самым слабым звеном в гипотезе дополнительной функциональной нагрузки передних зубов неандертальцев является тот факт, что прогнатная средняя часть лица не приспособлена для развития исключительно высоких сил сопротивления в челюстях. Напротив, биомеханически более эффективным в этом случае является ортогнатное лицо человека современного типа (O'Connor et al., 2005; Weaver, 2009). Согласно Weaver (2009), многие специфические черты строения неандертальского черепа уже проявляются у очень молодых, даже новорождённых особей, поэтому должны рассматриваться скорее с точки зрения эволюционной, чем с прижизненной поведенческой точки зрения. На мой взгляд, слабой стороной механистических гипотез компенсаторного использования передних зубов неандертальцами также является полное пренебрежение микроструктурным гистологическим строением костной ткани лицевой части черепа. В частности, совершенно не изучен характер направления остеонов и костных трабекул губчатой ткани, которые всегда биомеханически организованы в противовес механической нагрузки, испытываемой костной тканью.

Последней, третьей гипотезой, объясняющей специфическое строение черепа неандертальского человека, является гипотеза генетического дрейфа (Weaver, 2009). Boaz et al. (1983) высказали мысль, что европейские популяции неандертальского человека были подвержены частичной изоляции в силу климатических и географических причин. Franciscus (2003) пришёл к выводу, что эволюция лицевой части черепа неандертальского человека направлялась главным образом стохастическими процессами и имеет «аккреционный»

и «мозаичный» характер в результате случайного генетического дрейфа и локального отбора в небольших изолированных популяциях. Влияние биомеханических и экологических факторов если и имело место в эволюции черепа неандертальского человека, то только в качестве вторичных, накладывающихся на первичные стохастические факторы которые ограничивают и канализируют адаптационное поле (Franciscus, 2003). Weaver (2009) также считает, что расхождение эволюционных линий человека неандертальского и человека современного типа произошло более 350 000 лет назад. А этого уже достаточно для того, чтобы *Homo neanderthalensis* и *Homo sapiens* различались анатомически в результате простого генетического дрейфа, даже в отсутствие давления естественного отбора. Аргументом в пользу гипотезы генетического дрейфа рассматривается также то обстоятельство, что характерные «неандерталоидные» признаки появляются не одновременно, а постепенно накапливаются на протяжении более чем 300 000 лет (Weaver, 2009). Hawks et al. (2000), проанализировав статистическую изменчивость ширины грушевидного отверстия европейских неандертальцев, пришли к выводу, что изменчивость этого признака не отличается от размаха изменчивости других ископаемых и современных групп людей и, таким образом, гипотеза генетического дрейфа в небольших изолированных группах европейских неандертальцев в этом случае не находит своего подтверждения. На мой взгляд, гипотеза «генетического дрейфа» неандертальцев, в особенности в том виде, в котором она изложена Franciscus (2003), всего лишь раскрывает один из вероятных генетических механизмов эволюции неандертальского человека, но, никоим образом не вступает в противоречие с морфофункциональными исследованиями верхних дыхательных путей и жевательной системы *Homo neanderthalensis*.

Главным же, на мой взгляд, недостатком перечисленных выше морфофункциональных гипотез, фокусирующих своё внимание на той или иной морфологической особенности черепа неандертальского человека, всё же остаётся то обстоятельство, что изучаемые морфологические структуры черепа рассматриваются

изолированно, без учета того, что они являются составными взаимовлияющими элементами единой функциональной системы.

Обсуждение

Череп неандертальского человека в целом отличается рядом морфологических особенностей, потенциально заслуживающих внимание при обсуждении морфо-функциональных особенностей его лицевой части. Специфическими признаками строения черепа неандертальцев являются удлинённая низкая черепная коробка с низким скошенным назад лбом и шиньонобразно выступающей назад затылочной частью черепа, мощные надбровные дуги, представляющая собой двухарочное валикообразное утолщение лобной кости над глазницами, выступающее вперёд в средней части крупное лицо (лицевой прогнатизм), относительно крупное грушевидное отверстие (костный вход в носовую полость), скошенные назад скуловые дуги и связанные с этим слабо выраженные или совершенно отсутствующие клыковые ямки (углубление между грушевидным отверстием, верхнечелюстной костью и скуловой дугой), отсутствие подбородочного выступа, наличие свободного пространства между последним моляром и восходящей ветвью нижней челюсти, округлые нижние края глазниц (в отличие от почти прямоугольных у современного человека), большое затылочное отверстие (foramen magnum), сдвинутое несколько вперёд по отношению к условной линии, проведённой через наружные слуховые отверстия (у современных людей и у более ранних гоминид foramen magnum сдвинут по отношению к этой линии назад), а также некоторые другие, возможно, не менее существенные морфологические признаки, не затрагиваемые данным исследованием (Sollas, 1908; Tattersall & Schwartz, 1998; Weaver, 2009; Harvati, 2010).

Большинство из перечисленных выше краниологических признаков наиболее сильно выражено, у так называемых «классических» западноевропейских неандертальцев.

Следует обратить внимание на то, что череп неандертальского человека, несмотря на его изменённые пропорции по сравнению с человеком современного типа и значительную «вытя-

нутость» в переднезаднем направлении, сохраняет главную и биомеханически очень важную особенность черепа прямоходящих гоминид: симметричность массы черепа по отношению к воображаемой оси, проходящей через точку опоры черепа – затылочные мыщелки. В процессе эволюции и развития приспособлений к прямохождению у гоминид затылочное отверстие (*foramen magnum*) и граничащие с ним затылочные мыщелки сдвигаются вперёд и таким образом в итоге занимают центральное положение на черепе, если смотреть на него снизу, со стороны затылочного отверстия. Таким образом, в итоге череп прямоходящего человека обретает более или менее симметричную уравновешен-

ную форму, которая не требует дополнительных мышечных усилий для поддержания головы в вертикальном положении при прямохождении (Jones et al., 1992). Логично предположить, что многие характерные для «классических» неандертальцев особенности морфологии черепа, такие как лицевой прогнатизм, оттянутые назад скуловые дуги, «мигрировавшие» вперёд зубные дуги и ретромолярный промежуток, с одной стороны, и вытянутая назад низкая мозговая коробка, «шиньонообразный выступ» на затылке и сдвинутый вперёд по отношению к слуховым отверстиям *foramen magnum*, с другой стороны, явно не являются функционально и топографически изолированными и, в целом, удерживают

череп в состоянии равновесия при прямохождении (Рис. 2).

Таким образом, мы можем приблизиться к разгадке биомеханического и/или экоморфологического значения строения черепа классического неандертальского человека, решив вопрос о том, что же было первичным эволюционным приобретением неандертальцев – телескопическое лицо или удлинённый спереди назад мозговой череп – а что выполняло вторичную роль «уравновешивания» черепа.

Yarosh (1996) рассматривает «шиньонообразный выступ» в затылочной части черепа неандертальского человека как следствие вытягивания черепа в переднезаднем направлении. Согласно исследованию Lieberman et al. (2000), форма мозгового черепа у современного человека определяется шириной основной части черепа, которая ограничивает рост мозговой части черепа (нейрокраниума) в ширину.

Таким образом, с увеличением объёма мозга, мозговая коробка увеличивается в

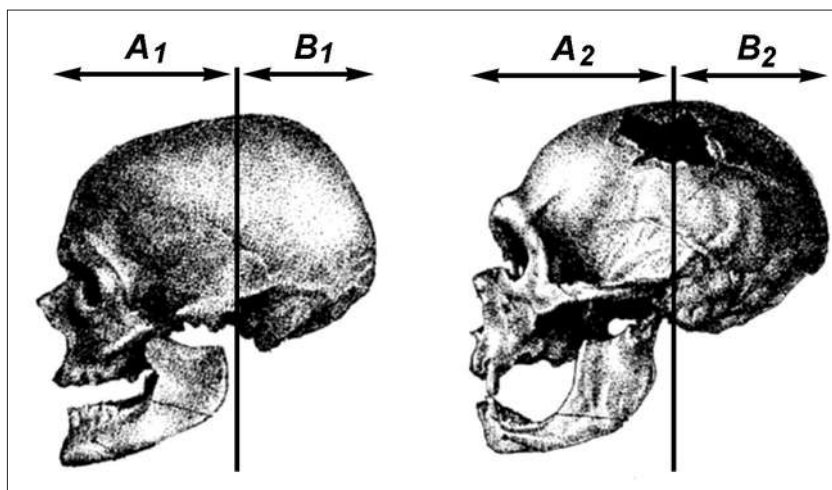

Рисунок 2. Череп человека современного типа из Кро-Маньон, Франция, (слева) и череп неандертальского человека из Ла Феррасси, Франция, (справа) (источник: Stringer & Gamble, 1993; рисунок модифицирован с целью показать принцип механического равновесия головы). Условная вертикальная линия, проходящая через точку опоры черепа (большое затылочное отверстие) показывает приблизительное положение центра массы. Расположение центра массы над точкой опоры является необходимым условием для равновесия головы при прямохождении. В этом случае передняя часть головы (А) должна уравновешивать большую часть мозгового черепа, расположенную позади линии опоры (В). Визуально передняя и задняя части головы не являются симметричными, поскольку лицевая часть содержит полости.

Figure 2. The skull of human of modern type from Cro-Magnon, France, (left) and the skull of Neanderthal man from La Ferrassie, France, (right) (adapted from Stringer & Gamble, 1993; modified with purpose to show the principle of mechanical equilibrium head). The arbitrary vertical line connects the bearing point (situated in the area of *foramen magnum*) and the mass centre of head. The position of mass centre above the bearing point is an important condition for head equilibrium during orthograde posture. In this case, the anterior part of head (A) must balance the main part of neurocranium situated behind the line connecting the mass centre and the bearing point (B). Visually, the anterior and posterior parts of head are not symmetrical because the splanchnocranium contains vacuities.

высоту и удлиняется вдоль переднезадней оси, так как в этих направлениях основная часть черепа не ограничивает рост нейрокраниума. В этом случае развивается долихокранный тип пропорций черепа с неким подобием «шиньонообразного выступа» в затылочной части, как это было отмечено, к примеру, и у палеолитических людей современного типа (Lieberman et al., 2000). Однако некоторое внешнее сходство в форме затылочной части черепа у долихократных палеолитических людей современного типа и неандертальцев не является гомологичным с онтогенетической точки зрения, тем более что основная часть черепа у неандертальцев шире, чем у людей современного типа (Smith, 1984; Lieberman et al., 2000), таким образом шиньонообразный выступ затылочной части мозгового черепа (который, в свою очередь, является сравнительно низким), характерный для классических неандертальцев, имеет, скорее всего, иное происхождение. Gunz & Harvati (2007), используя метод геометрическо-морфометрического анализа профиля затылочной части черепа, склоняются к мысли, что «шиньонообразный выступ» неандертальцев является гомологом выступающей затылочной части у долихократных людей современного типа.

Онтогенетический аспект вопроса был в дальнейшем изучен Gunz et al. (2010), которые отмечают, что новорождённые как современного человека разумного, так и неандертальского человека, имеют сходную удлинённую форму нейрокраниума, что облегчает прохождение плода через родовые пути. По мнению Gunz et al. (2010), неандертальцы, в отличие от людей современного типа, в процессе онтогенетического развития сохраняли исходную младенческую форму черепа.

Функциональное значение лицевой части черепа является более сложным, поскольку она выполняет функцию размещения и защиты жизненно важных органов чувств (зрение, обоняние), верхних дыхательных путей, а так же играет не менее важную роль в механической обработке пищи (пережевывании и измельчении), подготавливая её для дальнейшего пищеварения.

Наиболее выраженной и обсуждаемой морфологической особенностью неандертальского черепа является увеличенное и выдвиг-

нутое вперёд грушевидное отверстие, что является, скорее всего, очевидным следствием увеличения объёма носовой полости. Носовая полость млекопитающих выполняет сразу несколько функций: 1) в носовой полости у млекопитающих расположены обонятельные рецепторы, позволяющие распознавать запахи; 2) носовая полость играет важную защитную роль, очищая вдыхаемый воздух от пыли, прогревая и увлажняя его и таким образом защищая бронхи и лёгкие от неблагоприятных условий окружающей среды; 3) кроме того, носовая полость играет немаловажную роль в водном балансе организма, регулируя содержание водяного пара в выдыхаемом воздухе, что обретает критическое значение в условиях очень сухого воздуха при засушливом и/или холодном климате (Clifford & Witmer, 2004a). Все эти функции, так или иначе, влияют на морфологию носовой полости и граничащих с ней частей черепа.

Следует отметить, что в умеренных и приполярных широтах Евразии существует сразу несколько видов млекопитающих с увеличенной носовой полостью, ареал которых в позднем плейстоцене частично перекрывался с ареалом распространения неандертальского человека (северный олень, лось, сайга). Однако, по имеющимся данным, адаптационное значение увеличенной носовой полости в каждом случае имеет уникальный и специфичный характер, поскольку каждый из вышеупомянутых видов копытных животных имеет свою уникальную ярко-выраженную специализацию.

Увеличенная носовая полость современного северного оленя (*Rangifer tarandus*) интерпретируется как адаптация к дыханию холодным арктическим воздухом и удержания влаги при выдыхании (Флёров, 1952; Соколов, 1995), однако позднеплейстоценовые подвиды северного оленя, обитавшие в условиях тундростепи, не обнаруживают сходного с современными формами увеличенного объёма носовой полости (Флёров, 1934). Современный лось (*Alces alces*) впервые появляется в Европе 200-100 тысяч лет назад во время рисского оледенения (Franzmann, 1981). Флёров (1952) рассматривает увеличенный объём носа у лосей как приспособление к бегу в условиях низких температур (т.е. к дыханию холодным и сухим

воздухом), в то время как Clifford & Witmer (2004a) полагают, что особенности анатомии носовой полости *Alces alces* в меньшей степени связаны с физиологией дыхания.

Среди возможных функциональных предназначений специфической анатомии носовой полости лосей указываются усиление обонятельной функции (и в частности пространственная ориентация при помощи обоняния) и приспособление к частым погружениям головы под воду в поисках водной растительности (запирающий механизм мышц ноздрей) (Clifford & Witmer, 2004a). Увеличенная носовая полость сайги (*Saiga tatarica*), в прошлом также обитавшей в мамонтовой тундростепи, характеризуется рядом анатомических деталей, которые, скорее всего, предназначены для очищения вдыхаемого воздуха от пылевых частиц (Clifford & Witmer, 2004b). Таким образом, увеличенный объем носовой полости в каждом из рассмотренных случаев имеет уникальное происхождение и не даёт простого ответа на вопрос о функциональном значении специфической анатомии лицевой части черепа неандертальского человека.

Обонятельные способности неандертальского человека попали в поле зрения исследователей сравнительно недавно. Прежде всего, стоит отметить, что обоняние современного человека по сравнению со многими другими млекопитающими обладает весьма скромными возможностями. Для примата с таким размером мозга, как у современного человека, обонятельная луковица (часть головного мозга, анализирующая поступающую от обонятельных рецепторов информацию) сравнительно мала и составляет лишь около 30% от размера, которого обонятельная луковица могла бы достигнуть, если бы у человека сохранялись типичные для приматов пропорции мозга.

С другой стороны, обонятельная луковица *Homo sapiens* приблизительно в 1.6 раза больше ожидаемого для примата такого же размера тела (Schoenemann, 2006). Schoenemann (2006) испытывает затруднения в интерпретации различий относительных размеров обонятельной луковицы современного человека по отношению к массе мозга и массе тела, ограничиваясь лишь замечанием, что обоняние для человека, видимо, имеет немаловажное значение.

Bastir et al. (2011) выявили, что обонятель-

ная луковица у современного человека на 12% больше, чем у неандертальца, объясняя этот факт предположительно большим значением обоняния при социальном взаимодействии и познании у современных людей, чем у неандертальцев.

Весьма интересные, но пока недостаточно проливающие свет на эволюцию обонятельных способностей человека данные были получены генетиками.

Геном современного человека содержит 853 гена, определяющих работу обонятельных рецепторов, однако 55% из них утратили активность (466 нефункционирующих генов, или псевдогенов) в процессе эволюции (Hughes et al., 2014). Для сравнения, геном шимпанзе содержит 433 нефункционирующих генов, из которых лишь 99 аналогичны псевдогенам современного человека и были унаследованы от общего с человеком предка (*ibidem*). Имеющиеся данные указывают на то, что обонятельные способности неандертальского человека не превышали таковые современного человека, и, скорее всего, даже несколько уступали им.

Геном неандертальского человека содержит большее количество неактивных обонятельных генов (всего 473 псевдогена), что Hughes et al. (2014) объясняют влиянием низких температур, которые отрицательно влияют на распространение запахов, и, таким образом, ограничивают их значение в ориентации в условиях холодного климата.

Тем не менее, Hughes et al. (2014) справедливо отмечают, что на данный момент неясно, как утрата активных «обонятельных» генов могла сказаться на фенотипическом проявлении обоняния у неандертальского человека.

Многие авторы (Richards et al., 2000; Bocherens et al., 2005; Balter & Simon, 2006; Richards & Trinkaus, 2009) описывают неандертальского человека как активного охотника и хищника, специализирующегося на крупной добыче (мамонт, гигантский олень, первобытная лошадь)¹. Насколько известно, неандертальский человек использовал в пищу так же ряд растений, однако, как отмечают Fiorenza et al. (2011), употребление пищи растительного происхождения у неандертальцев имело скорее всего эпизодический характер и сильно зависело от эколого-климатических условий: неандертальцы, обитавшие в климатически более суровых условиях Западной Европы значительно меньше использовали в

человек, в отличие от человека современного типа, не имел симбиотических взаимоотношений с собакой, чей острый нюх помогал бы в слеживании и охоте на крупного зверя, компенсируя недостаточно чуткое обоняние древнего охотника (Кройтор, 2013). Тем не менее, рацион неандертальца, судя по результатам изотопного анализа, практически не отличался от рациона специализированных хищников (Richards & Trinkaus, 2009). Таким образом, недостаточно острое обоняние могло стать для неандертальского человека достаточно серьёзным препятствием в конкурентной борьбе со специализированными крупными хищниками. Не исключено, что увеличенный объём носовой полости неандертальского человека связан с увеличением площади обонятельного эпителия как следствие эволюционного отбора (сравнительно непродолжительного и накладывающегося на предшествующий эволюционный путь по направлению к ослаблению обонятельной сенсорной системы) в направлении усиления значения обоняния, обеспечивающего успех в охоте и конкурентной борьбе с настоящими специализированными хищниками. Однако, на данный момент неоспоримых фактов, подтверждающих эту гипотезу, в моём распоряжении нет. Впрочем, учитывая явную привязанность географического распространения неандертальского человека к ледниковым рефугиумам на юге Европы (Finlayson, 2005), фактов в пользу гипотезы об адаптации неандертальцев к дыханию холодным воздухом не больше.

Другая специфическая особенность лицевого скелета неандертальского человека – лицевой прогнатизм и крупные резцы – в большей мере могут быть связаны со специализацией к хищничеству. Выступающие вперёд челюсти с крупными режущими резцами должны облегчить поедание мясной пищи (откусывание мяса, обглаживание костей), в то же время сравнительно уменьшенные коренные зубы свидетельствуют об ослаблении их перетирательной функции. Некоторую функциональную аналогию резцам неандертальского человека можно найти у ископаемых саблезубых хищников. В частности, крупные наземные кошачьи рода *Homotherium*, верхние саблезидные клыки которых были трансформированы в эф-

фективное орудие моментального умерщвления жертвы, обладали так же необычно крупными для кошачьих и как бы выдвинутыми вперёд резцами, на которые ложилась важная роль при поедании добычи (Rawn-Schatsinger, 1992). Если следовать гипотезе эволюции неандертальского человека в направлении хищничества, то получает так же логическое объяснение специфическая изношенность передних зубов неандертальского человека (Smith, 1983), которая может быть следствием обглаживания костей (Рис. 1В).

Выводы

Обзор предыдущих гипотез морфо-функциональных адаптаций лицевой части черепа неандертальского человека (адаптации к суровому климату, биомеханические адаптации к альтернативному использованию передних зубов в качестве подспорья и средства обработки материалов и для манипулирования предметами, и случайный генетический дрейф в небольших изолированных популяциях) показал, что ни одна из них не в состоянии полностью объяснить морфологические особенности черепа неандертальского человека. Главным недостатком предложенных ранее гипотез является то, что они рассматривают изучаемые морфологические структуры черепа изолированно друг от друга, не предполагая, что они являются составными взаимовлияющими элементами единой функциональной системы. Если рассматривать череп неандертальского человека в целом, то обращает на себя внимание то, что многие характерные для «классических» неандертальцев особенности морфологии черепа, такие как лицевой прогнатизм, оттянутые назад скуловые дуги, «мигрировавшие» вперёд зубные дуги и ретромолярный промежуток с одной стороны и вытянутая назад низкая мозговая коробка, «шиньонообразный выступ» на затылке и сдвинутый вперёд по отношению к слуховым отверстиям *foramen magnum* с другой стороны явно не являются функционально и топографически изолированными и удерживают череп в состоянии равновесия при прямохождении. То есть вытягивание в переднезаднем направлении одной из частей черепа привело к одновременному вытягиванию и второй половины черепа с целью урав-

пищу растения и их обычный рацион в основном состоял из добытых на охоте крупных млекопитающих.

новесить голову на точке опоры – шейном отделе позвоночника. Скорее всего, морфо-функциональные изменения в лицевой части черепа неандертальского человека привели к изменению формы и мозговой части черепа. Возможно, эволюционные изменения лица неандертальцев были связаны с их специализацией в направлении хищничества: крупные, лопатовидные и как бы выступающие вперёд резцы являются достаточно удобным приспособлением для поедания мяса животных. Использование мясной пищи и, в частности, обгладывание костей, объясняет специфическую изношенность передних зубов неандертальцев с наружной (лабиальной) стороны.

Возможно, что увеличенный объём носовой полости неандертальского человека связан с увеличением площади обонятельно-

го эпителия также как следствие эволюционного отбора в направлении хищничества и, в том числе, усиления значения обонятельной системы, что должно обеспечить успех в охоте и конкурентной борьбе с настоящими специализированными хищниками. Имеющиеся данные по анатомии и генетике неандертальского человека (сравнительно небольшая обонятельная луковица и большее по сравнению с современным человеком количество неактивных обонятельных генов) вступают в противоречие с предложенной гипотезой.

Однако эволюция неандертальского человека в направлении хищничества могла быть сравнительно непродолжительной и накладываться на предшествующий эволюционный путь по направлению к ослаблению обонятельной сенсорной системы.

Библиография

- Balter, Simon 2006:** V. Balter, L. Simon, Diet and behavior of the Saint-Ce'saire Neanderthal inferred from biogeochemical data inversion. *Journal of Human Evolution* 51, 2006, 329-338.
- Bastir et al. 2011:** M. Bastir, A. Rosas, P. Gunz, A. Peña-Melian, G. Manzi, K. Harvati, R. Kruszynski, C. Stringer, J.-J. Hublin, Evolution of the base of the brain in highly encephalized human species. *Nature Communications* 2: 2011, doi:10.1038/ncomms1593.
- Boaz et al. 1982:** N.T. Boaz, D. Ninkovich, M. Rossignol-Strick, Paleoclimatic setting for *Homo sapiens neanderthalensis*. *Naturwissenschaften* 69 (1), 1982, 29-33.
- Bocherens et al. 2005:** H. Bocherens, D.G. Drucker, D. Billiou, M. Patou-Mathis, B. Vandermeersch, Isotopic evidence for diet and subsistence pattern of the Saint-Césaire I Neanderthal: review and use of a multi-source mixing model. *Journal of Human Evolution* 49, 2005, 71-87.
- Churchill et al. 1999:** S.E. Churchill, L.L. Shackelford, J.N. Georgi, M.T. Black, Airflow dynamics in the Neanderthal nose. Abstracts for the Paleoanthropology Society meetings. *Journal of Human Evolution* 36 (4), 1999, A5.
- Clement et al. 2012:** A.F. Clement, S.W. Hillson, L.C. Aiello, Tooth wear, Neanderthal facial morphology and the anterior loading hypothesis. *Journal of Human Evolution* 62, 2012, 367-376.
- Clifford, Witmer 2004a:** A.B. Clifford, L.M. Witmer, Case studies in novel narial anatomy: 2. The enigmatic nose of moose (*Artiodactyla: Cervidae: Alces alces*). *Journal of Zoology* 262 (London 2004), 339-360.
- Clifford, Witmer 2004b:** A.B. Clifford, L.M. Witmer, Case studies in novel narial anatomy: 3. Structure and function of the nasal cavity of saiga (*Artiodactyla: Bovidae: Saiga tatarica*). *Journal of Zoology* 264 (London 2004), 217-230.
- Coon 1962:** C.S. Coon, The origin of races (University of Michigan 1962).
- Dean 1988:** M.C. Dean, Another look at the nose and the functional significance of the face and nasal mucous membrane for cooling the brain in fossil hominids. *Journal of Human Evolution* 17, 1988, 715-718.
- Croitör 2013:** R. Croitor, Human activity as a Possible Factor in the Extinction of Large Mammals in the Late Pleistocene North Eurasia. „Homo armatus and Pleistocene extinctions”. *Stratum Plus* 1 (Kishinau 2013), 113-132 // Р. Кройтор, Человек как возможный фактор вымирания крупных позднплей-

стоценовых млекопитающих в Северной Евразии. «Homo armatus и плейстоценовые вымирания». *Stratum Plus* 1 (Кишинёв 2013), 113-132.

Jones et al. 1992: S. Jones, R. Martin, D. Pilbeam (Eds.), *The Cambridge Encyclopaedia of Human Evolution* (Cambridge 1992).

Finlayson 2005: C. Finlayson, Biogeography and evolution of the genus *Homo*. *Trends in Ecology and Evolution* 20 (8), 2005, 457-463.

Finlayson, Carrion 2007: C. Finlayson, J.S. Carrion, Rapid ecological turnover and its impact on Neanderthal and other human populations. *Trends in Ecology and Evolution* 22 (4), 2007, 213-222.

Fiorenza et al. 2011: L. Fiorenza, S. Benazzi, J. Tausch, O. Kullmer, T.G. Bromage, F. Schrenk, Molar Macrowear Reveals Neanderthal Eco-Geographic Dietary Variation. *PLoS ONE* 6 (3), 2011, e14769. doi:10.1371/journal.pone.0014769.

Flerov 1952: C.C. Flerov, A new Paleolithic reindeer from Siberia. *Journal of Mammology* 15 (3), 1934, 239-240.

Flerov 1952: C.C. Flerov, Musk deer and deer. *The Fauna of USSR. Mammals*, 1 (2) (Moscow-Leningrad 1952) // К.К. Флёров, Кабарги и олени. Фауна СССР. Млекопитающие 1 (2) (Москва-Ленинград 1952).

Franciscus 2003: R.G. Franciscus, Internal nasal floor configuration in *Homo* with special reference to the evolution of Neanderthal facial form. *Journal of Human Evolution* 44, 2003, 701-729.

Franciscus, Trinkaus 1988: R.G. Franciscus, E. Trinkaus, The Neanderthal nose. *American Journal of Physical Anthropology* 75, 1988, 209-210.

Franzmann 1981: A.W. Franzmann, *Alces alces*. *Mammalian Species* 154, 1981, 1-7.

Gunz, Harvati 2007: P. Gunz, K. Harvati, The Neanderthal „chignon”: Variation, integration, and homology. *Journal of Human Evolution* 52, 2007, 262-274.

Gunz et al. 2010: P. Gunz, S. Neubauer, B. Maureille, J.J. Hublin, Brain development after birth differs between Neanderthals and modern humans. *Current Biology* 20 (21), 2010, R921-R922.

Harvati 2010: K. Harvati, Neanderthals. *Evolution: Education and Outreach* 3(3), 2010, 367-376.

Harvati et al. 2011: K. Harvati, N. Singh, E. Nicholson López, A Three-Dimensional Look at the Neanderthal Mandible. In: S. Condemi and G.-C. Weniger (eds.), *Continuity and Discontinuity in the Peopling of Europe: One Hundred Fifty Years of Neanderthal Study*, *Vertebrate Paleobiology and Paleoanthropology*, Springer Science & Business Media B.V., 2011, 179-192.

Hawks et al. 2000: J. Hawks, S. Dobson, M.H. Wolpoff, Variation in nasal breadth as a test of genetic drift in European Neanderthals. *Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris*, 12 (3-4): 431-436.

Henry et al. 2010: A.G. Henry, A.S. Brooks, D.R. Piperno, Microfossils in calculus demonstrate consumption of plants and cooked foods in Neanderthal diets (Shanidar III, Iraq; Spy I and II, Belgium). *Proceedings of the National Academy of Sciences of USA* 108 (2), 2010, 486-491.

Holton, Franciscus 2008: N.E. Holton, R.G. Franciscus, The paradox of a wide nasal aperture in cold-adapted Neanderthals: a causal assessment. *Journal of Human Evolution* 55, 2008, 942-951.

Hughes et al. 2014: G.M. Hughes, E.C. Teeling, D.G. Higgins, Loss of Olfactory Receptor Function in Hominin Evolution. *PLoS ONE*, 9 (1), 2014, e84714, doi:10.1371/journal.pone.0084714.

Klein 1989: G. Klein, *The Human Career. Human Biological and Cultural Origins* (Chicago/London 1989).

Laitman et al. 1996: J.T. Laitman, J.S. Reidenberg, S. Marquez, P.J. Gannon, What the nose knows: New understandings of Neanderthal upper respiratory tract specializations. *Proceedings of the National Academy of Sciences of USA* 93, 1996, 10543-10545.

Lieberman et al. 2000: D.E. Lieberman, O.M. Pearson, K.M. Mowbray, Basicranial influence on overall cranial shape. *Journal of Human Evolution* 38, 2000, 291-315.

Molnar 1972: S. Molnar, Tooth wear and culture: a survey of tooth functions among some prehistoric populations. *Current Anthropology* 13, 1972, 511-526.

O'Connor et al. 2005: C.F. O'Connor, R.G. Franciscus, N.E. Holton, Bite force production capability and efficiency in Neanderthals and modern humans. *American Journal of Physical Anthropology* 127, 2005, 129-151.

- Rae et al. 2011:** T.C. Rae, T. Koppe, C.B. Stringer, The Neanderthal face is not cold adapted. *Journal of Human Evolution*, 60, 2011, 234-239.
- Rak 1986:** Y. Rak, The Neanderthal: A New Look at an Old Face. *Journal of Human Evolution*, 15, 1986, 151-164.
- Rawn-Schatsinger 1992:** V. Rawn-Schatsinger, The scimitar cat *Homotherium serum* Cope. Osteology, functional morphology, and predator behavior. *Illinois State Museum Reports of Investigation* 47, 1992, 1-80.
- Richards et al. 2000:** M.P. Richards, P.B. Pettitt, E. Trincaus, F.H. Smith, M. Paunovic, I. Karavanic, Neanderthal diet at Vindija and Neanderthal predation: The evidence from stable isotopes. *Proceedings of the National Academy of Sciences of USA* 97 (13), 2000, 7663-7666.
- Richards, Trincaus 2009:** M.P. Richards, E. Trincaus, Isotopic evidence for the diets of European Neanderthals and early modern humans. *Proceedings of the National Academy of Sciences of USA* 106 (38), 2009, 16034-16039.
- Rosas et al. 2008:** A. Rosas, M. Bastir, C. Martinez-Maza, A. Garcia-Tabernero, A. Lalueza-Fox, 2008. Inquiries into Neanderthal craniofacial development and evolution: „accretion” versus „organismic” models. In: K. Harvati & T. Harrison (Eds.): *Neanderthals revisited: New Approaches and Perspectives*, „Springer”, 37-70.
- Schoenemann 2006:** P.T. Schoenemann, Evolution of the Size and Functional Areas of the Human Brain. *Annual Review of Anthropology* 35, 2006, 379-406.
- Schwartz, Tattersall 1996:** J.H. Schwartz, I. Tattersall, Significance of some previously unrecognized apomorphies in the nasal region of *Homo neanderthaliensis*. *Proceedings of the National Academy of Sciences of USA* 93, 1996, 10852-10854.
- Smith 1983:** F.H. Smith, A behavioral interpretation of changes in craniofacial morphology across the archaic/modern *Homo sapiens* transition. In: E. Trincaus (Ed.): *The Mousterian Legacy: Human Biocultural Change in the Upper Pleistocene*. BAR International Series 164.
- Smith 1984:** F.H. Smith, Fossil hominids from the Upper Pleistocene of Central Europe and the origin of modern Europeans. In: F. H. Smith & F. Spencer (Eds.): *The Origins of Modern Humans: A World Survey of the Fossil Evidence* (New York 1984), 137-209
- Smith, Paquette 1989:** F.H. Smith, S.P. Paquette, The adaptive basis of Neandertal facial form, with some thoughts on the nature of modern human origins. In: E. Trincaus (Ed.): *The emergence of modern humans* (Cambridge 1989), 181-210.
- Sokolov 1995:** A. Sokolov, Eco-physiology of Late Pleistocene reindeer in light of the modern data. *First International Mammoth Conference (abstracts)* (Sankt-Petersburg 1995), 639-640 // A. Соколов, Эко-физиология северного оленя позднего плейстоцена в свете современных данных. Первое международное мамонтовое совещание (тезисы докладов) (Санкт-Петербург 1995), 639-640).
- Sollas 1908:** W.J. Sollas, On the Cranial and Facial Characters of the Neanderthal Race. *Philosophical Transactions of the Royal Society* 199, 1908, 281-339.
- Stringer, Gamble 1993:** C. Stringer, C. Gamble, *In Search of the Neanderthals: Solving the puzzle of human origins*. 247 pp. (New York 1993) Thames and Hudson.
- Tattersall, Schwartz 1998:** I. Tattersall, J.H. Schwartz, Morphology, Paleoanthropology, and Neanderthals. *The Anatomical Record (New Anat.)*, 1998, 113-117.
- Trinkaus 1987:** E. Trinkaus, The Neandertal face: evolutionary and functional perspectives on a recent hominid face. *Journal of Human Evolution* 16, 1987, 429-443.
- Weaver 2009:** T.D. Weaver, The meaning of Neanderthal skeletal morphology. *Proceedings of the National Academy of Sciences of USA* 106 (38), 2009, 16028-16033.
- Yarosh 1996:** L.A. Yarosh, Shape analysis using the thin-plate spline: Neanderthal cranial shape as an example. *American Journal of Physical Anthropology* 101 (23), 1996, 43-89.

Роман Кройтор, доктор биологии, старший научный сотрудник, Центр Археологии, Институт Культурного наследия Академии наук Молдовы; бульвар Штефан чел Маре 1, МД 2001, Кишинёв, Республика Молдова, e-mail: romancroitor@europa.com

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

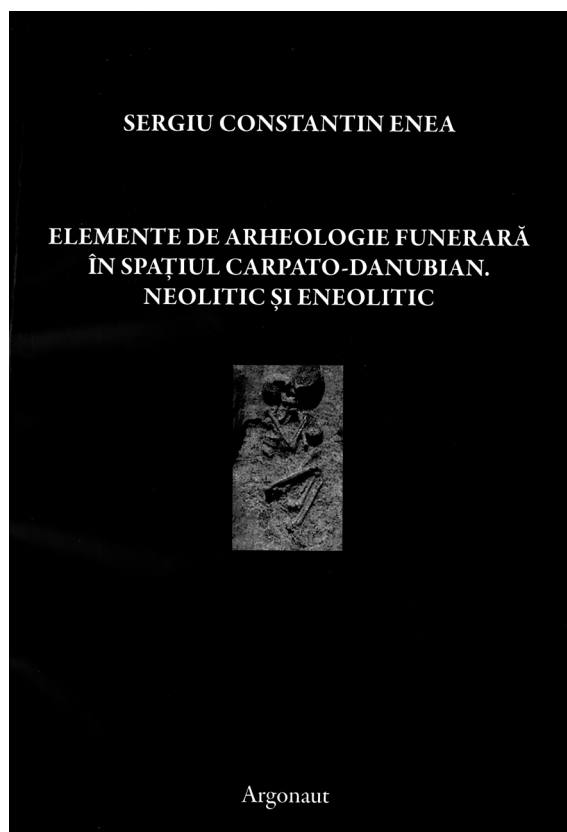
Sergiu Constantin Enea, *Elemente de arheologie funerară în spațiul carpato-danubian. Neolitic și eneolitic*, Cluj-Napoca, Editura Argonaut, 2011, 197 p., ISBN 978-973-109-301-7.

De cele mai multe ori, în vizorul specialiștilor preocupați de cercetarea culturilor neo-eneolitice din spațiul est-carpatic, se află analiza aspectelor legate de viața social-economică, mai puțin atenție acordându-se ritului și ritualului funerar practicat de acele comunități. De-a lungul timpului s-au profilat diferite concepții prin care moartea a fost percepută ca o post-existență, unde individul își continuă viața sub diverse forme. În lipsa izvoarelor scrise, studierea acestui aspect întâmpină multiple dificultăți, și oricât de complexe nu ar fi reconstituirile arheologice, făcute pe baza ritului și ritualului funerar practicat de diferite comunități pre- și protoistorice, ele vor apărea în fața noastră sub forma unui tablou incomplet, în care legătura este asigurată de un ansamblu de materiale, care ajung până în zilele noastre sub formă de resturi fosilizate.

Analiza detaliată a tuturor componentelor legate de practicile funerare necesită să fie finalizate sub forma unor studii de sinteză sau monografice. Rezultatul unui astfel de efort a fost ilustrat în lucrarea domnului dr. Sergiu Constantin Enea, în care sunt reunite materialele arheologice, publicate până în prezent, referitoare la neoliticul carpato-danubian. Prin acest studiu s-a încercat de a găsi și reconstitui, sincron și diacronic, diferite tipare sociale preistorice. Este bine știut că problema dată întâmpină dificultăți, deoarece au fost cercetate sistematic puține complexe funerare neo-eneolitice, din regiunile cuprinse între munții Carpați și râurile Prut și Dunăre, și doar câteva au fost publicate exhaustiv și interdisciplinar.

Volumul vizat valorifică o parte însemnată a muncii din cadrul programului de doctorat, care s-a încheiat cu susținerea, în anul 2009, a tezei *Simboluri ale ierarhiilor sociale la civilizațiile eneolitice din spațiul românesc*, sub coordonarea prof. univ. dr. Nicolae Ursulescu, la Universitatea „Al. I. Cuza” din Iași și în care un capitol important se referă nemijlocit la necropolele din neolitic și eneolitic.

Studiul a ieșit de sub tipar în anul 2011, la editura Argonaut din Cluj-Napoca, în seria „Is-

torii, Documente, Mărturii”, coordonată de prof. univ. dr. Nicolae Bocșan. Cuprinsul lucrării, în limbile română și engleză, se începe cu Cuvânt înainte *Arheologia funerară și societatea*, semnat de conf. univ. Dumitru Boghian, după care urmează cinci capitole împărțite în mai multe compartimente, un rezumat în limba engleză, lista abrevierilor, bibliografia, și se încheie cu liste ale tabelor, hărților, graficelor și anexelor.

Capitolul I îl reprezintă *Introducerea*, în care autorul începe cu informații generale despre gradul de cercetare a arheologiei funerare, făcând apel la surse din literatura de specialitate anglo-saxonă și franceză. În finalul capitolului se aduc mulțumirile de rigoare persoanelor care au susținut cu idei și finanțare apariția acestui volum.

Capitolul II *Repere teoretice și metodologice* a fost divizat în patru subcapitole, în care sunt

prezentate explicații de ordin istoriografic, teoretic și metodologic.

În subcapitolul *II.1 Scurt istoric al cercetărilor necropolelor din actualul spațiu românesc*, autorul trece în revistă date referitoare la nivelul de cercetare a necropolelor: Iclod (grupul cultural Iclod); Decea Mureșului (grupul cultural Decea Mureșului); Cernavodă (cultura Hamangia); Brăilița (cultura Cernavodă I); Vărăști-Grădiștea Ulmilor (cultura Gumelnița); Cernica, Radovanu și Sultana-Valea Orbului (cultura Boian); Sarichioi-La Bursuci (faza de tranziție a culturii Boian spre cultura Gumelnița)¹; Urziceni-Vamă (cultura Bodrogkeresztúr/Gornești), făcându-se referire la informația despre anii când s-au efectuat investigații de săpătură, suprafața cercetată, și alte date despre campaniile de săpătură.

Subcapitolul *II.2 Despre arheologia funerară din arheologia românească*, ilustrează pe scurt interesul nesemnificativ al specialiștilor din România față de importanța studierii necropolelor și posibilitatea reîntregirii tabloului general specific perioadei, în baza multiplelor interpretări generate în urma analizei acestui aspect. Problemele practicilor funerare au fost tratate din alte perspective decât cele făcute anterior, însă, după cum se exprimă autorul, noile abordări nu au fost însoțite de metode specifice arheologiei la zi.

Subcapitolul *II.3 Despre arheologia funerară din arheologia străină* prezintă două direcții de cercetare a practicilor funerare. Prima, reprezintă continuarea încercării de a susține critica adusă abordării ipotezei Saxe-Binford. Reformularea și reînvierea programului Saxe-Binford a fost cumulat într-un volum editat de Lane Anderson Beck, în 1995, care a avut drept obiectiv extinderea variabilității dintr-un sit în practicile funerare. A doua direcție a decurs din tradiția critică a post-procesualiștilor, lucrările cărora au continuat să pună la îndoială folosirea generalităților interculturale în analizele mortuare. Ca rezultat au început să apară studii de caz arheologice relevante și convingătoare. Multe dintre investigațiile efectuate au îmbrățișat ideea, că defuncții și moartea lor sunt oportunități pentru manipularea activă a structurilor sociale, politice, etnice și materiale. Direcția dată a trezit în rândurile post-procesualiștilor un interes pentru cunoașterea rolului decedaților în structura vieții celor vii la oamenii preistorici.

Deoarece în subcapitolul II.3 este abordată o tematică complexă, el a fost divizat în câteva compartimente.

În primul, *Domenii ale arheologiei funerare străine*, autorul face apel la cercetările întreprinse de M. Parker Pearson, pe baza cărora studiile de arheologie funerară pot fi împărțite în mai multe domenii cum ar fi: considerații teoretice; explicații și justificări în studiile funerare; perspective bioarheologice; studii de caz arheologice; studii arheologice și etnografice privind tratamentul morților; perspective etnice în arheologia funerară. Iar relațiile dintre vii și morți sunt împărțite în trei tipuri de analize: a) a relațiilor spațiale și topografice între locurile celor vii și celor morți; b) analiza inter-organizațională între domiciliul celor vii și necropole; c) analiza distribuirii artefactelor și depozitelor între așezări, depozite funerare și alte contexte.

În compartimentul doi, autorul vorbește despre *Repere de sociologie funerară în New archaeology*. Teoriile reprezentanților acestei direcții au drept punct comun crezul că analiza practicilor funerare reprezintă un mijloc important în cunoașterea sistemelor sociale din preistorie. Astfel, prin analiza minuțioasă a practicilor funerare, poate fi sesizat tipul de organizare a unei anumite societăți, fie că este egalitară sau stratificată, sau putea fi constituit din diverse grupuri distincte.

Ținându-se cont de conceptul variabilității mortuare (introdus în literatura de specialitate de L. Binford) pentru analiza practicilor funerare a fost creat un model teoretic prin care s-a încercat o separare a caracteristicilor inventarului funerar al unei persoane sociale în două categorii: subordonate și supraordonate. Autorul definește pentru practicile funerare o serie de variabile, toate aflate în conexiune, cum ar fi: modul în care era amplasat mormântul; interiorul mormântului și inventarul funerar; modul în care a fost tratat scheletul; caracteristici biologice etc. În analiza statutului social, organizării sociale și a semnelor ierarhiilor sociale pe baza inventarului arheologic, deosebit de importantă este prezența artefactelor din morminte.

În subcapitolul *II.4 Probleme metodologice*, autorul reiterează informații despre baza de date, creată cu scopul realizării unui instrument funcțional de analiză, prin adunarea informațiilor pentru fiecare necropolă și ordonarea lor. În

1. Termenul este utilizat de către autorul lucrării prezentate.

rezultat au fost realizarea tabele, hărți, grafice și tabele combinatorii care au ajutat la urmărirea situațiilor concrete și la profilarea particularităților. S-a operat numai cu informații preluate din studii și articole, iar baza de date, după spusele autorului, reflectă nivelul actual al cercetării și publicării necropolelor descoperite în granițele actuale ale spațiului românesc.

În scopul de a nu îngreuna lectura, autorul, pentru necropolele mari, a inserat tabelele-anexă la sfârșitul volumului, iar în cazul celor mici le-a inclus în text. Din rațiunea că informația a fost preluată din literatura de specialitate, volumul este lipsit de ilustrații. La fel, în acest subcapitol, sunt explicate un șir de noțiuni necesare pentru studierea problematicii legate de complexele funerare.

Capitolul III a fost intitulat *Necropolele neolitice și eneolitice (cca 6600-3800/3700 a.Chr.) - dovezi arheologice* este împărțit în trei subcapitole care la rândul lor sunt divizate pe compartimente. Autorul afirmă că descoperirile cu caracter funerar reprezintă una dintre cele mai frecvente categorii de fapte sociale analizate de arheologi, și propune împărțirea neo-eneoliticului în funcție de existența unor fenomene culturale, la care se aliniază perfect apariția și dezvoltarea necropolelor, excluzând-o pe cea clasică – cronologică.

Complexele funerare analizate au fost prezentate pe perioade, astfel încât descoperirile reprezentative pentru neoliticul timpuriu, aparținând culturii Starčevo-Criș, unde necropolele lipsesc, iar înmormântările erau făcute în cadrul așezărilor (ex.: maturii fiind depuși în apropiere de locuințe, iar copiii sub podea în zona vetrei). În funcție de amploarea săpăturilor au fost distinse două grupuri de morminte – una la Gura Baciului (jud. Cluj) și alta la Trestiana (jud. Vaslui). Ritul funerar predominant a fost înhumația, cunoscându-se și un caz de incinerare – M7 de la Gura Baciului. Defunctul era depus în poziție chirchită pe dreapta ori stânga.

Pentru perioada neoliticului evoluat (cca 5500-5000 a.Chr.) – eneoliticul timpuriu (cca 5000-4500 a. Chr.) a fost constatată o modificare a concepțiilor despre viață și moarte. În această perioadă apar necropolele, fiind legate, după părerea autorului, de o nevoie crescută de unitate și identitate comună, dat fiind faptul că sunt situate într-o zonă în care așezarea s-a extins și în care populația a crescut. În compartimentul respectiv este

iterată informație despre descoperirile funerare aparținând culturilor Hamangia (Cernavodă, Durankulak, Mangalia și Limanu), Boian (Cernica, Sultana-Valea Orbului, Popești-Vasilași, Andolina, Vărăști-Boian A, Glina, Radovanu, Căscioarele-D'Aia Parte), Turdaș (Orăștie-Dealul Pemilor) și grupul Iclod (Iclod).

Pentru perioada eneoliticului dezvoltat (cca 4600/4500-3800/3700 a.Chr.) descoperirile cu caracter funerar au fost grupate pe culturi arheologice. Astfel, necropolele cercetate aparțin culturilor: Gumelnița (Dridu, Chirnovi-Șuvița Iorgulescu, Chirnovi-Terasa Rudarilor, Gumelnița, Vărăști și Sultana-Malu Roșu), Sălcuța (Gârlești-Gherești), Tiszapolgár (Românești), Bodrogkeresztúr-Gornești (Cămin-Podu Crasnei, Urziceni-Vamă), amestec de influențe Sălcuța și Bodrogkeresztúr (Ostrovul Corbului), grupul cultural Decea Mureșului (Decea Mureșului) și cultura Cernavodă I (Brăilița).

Titlul **capitolului IV** este *Practici și comportamente funerare „neobișnuite”* unde se discută despre multiplele înmormântări de la Alba Iulia-Lumea Nouă, descoperiri care aparțin grupului Foeni. În urma golirii a două gropi a fost identificat un număr mare de oase umane, distribuite întâmplător, cu toate că anumite părți ale corpului puteau fi reconstituite anatomic. Din lotul de material osos identificat, pentru doar 25 din aproximativ 100 de indivizi, s-a reușit de precizat sexul. Autorul săpăturilor a propus ca teorie probabilă, pentru descoperirile de la Lumea Nouă, o moarte pe cale violentă, neexcluzând și alte cauze cum ar fi: decesul cauzat de boli, sacrificii, victime de război.

Tot în acest capitol, autorul tratează și problema incinerării ca componentă a ritului funerar practicat de populațiile neo-eneolitice din regiunea vizată. Vreme îndelungată, în literatura de specialitate, s-a afirmat că comunitățile preistorice preferau să-și înhumeze decedații, însă cercetările din ultimele decenii au demonstrat că anumite populații neo-eneolitice au foslosit și incinerarea (ex.: Gura Baciului – M7; Tărtăria, Tășad; Suplacu de Barcău-Corău I etc.). Identificarea ambelor elemente în cadrul unei necropole indică spre prezența biritualismului.

Capitolul V al volumului a fost rezervat *concluziilor*, autorul afirmând că analiza realizată nu a fost influențată de cercetări, de modul în care acestea au fost introduse în circulația științifică, de

maniera de prezentare sau omitere a unor aspecte legate de comportamentul funerar al comunităților neo-eneolitice din spațiul est-carpatic. În final, menționăm că studiul dlui dr. Sergiu Constantin Enea merită să fie reflectată ca referință în lucrările de specialitate. Bineînțeles că lucrarea poartă un

caracter aparte față de cele tradiționale, fiind îmbinate diferite stiluri de abordare a problematicii ritului funerar la populațiile preistorice, însă considerăm că pentru complexitatea volumului, ar fi fost binevenită cooptarea datelor și din literatura publicată în limba rusă.

Ghenadie Sîrbu

Liviu Marta, Daniel V. Sana, Ioan Bejinariu, L. Nagy Márta, Elisabeta Berendi,
The late Bronze Age settlement of Nyíregyháza-Oros „Űr Csere”.
Satu Mare: Editura Muzeului Sătmărean, 2010, 272 pagini, 20 figuri,
4 planșe tipologice, 41 planșe, ISBN 978-973-1843-42-1

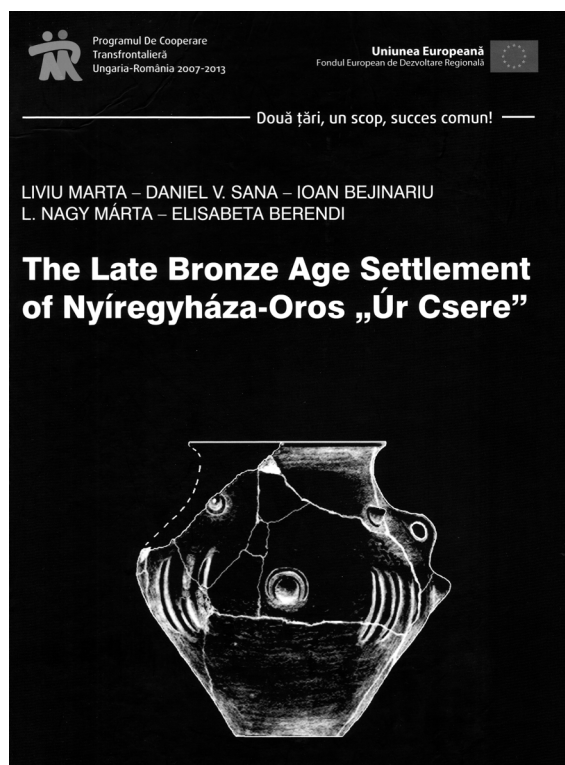
În anul 2010 la Editura Muzeului Sătmărean a ieșit de sub tipar volumul **The late Bronze Age settlement of Nyíregyháza-Oros „Űr Csere”**, semnat de un grup de autori în frunte cu domnul Liviu Marta. Acest material a fost publicat în cadrul proiectului „*Patrimonium. Valorificarea moștenirii culturale comune în regiunea de graniță*”, finanțat prin Programul de Cooperare Transfrontalieră Ungaria-România 2007-2013, sub sloganul „*Două țări, un scop, succes comun!*”.

Lucrarea a fost judicios structurată de către autori și conține: *Note de autori*, 10 compartimente, *Abrevieri bibliografice*, *Bibliografie*, *Rezumat în limba română*, *Rezumat în limba maghiară*, *Figuri*, *Planșe tipologice* și *Planșe*. Trebuie de menționat, că fiecare compartiment are și o structură internă, dar care nu este introdusă și în cuprinsul general.

Notele de autori reprezintă o succintă introducere în istoricul cercetărilor. Stațiunea arheologică Nyíregyháza-Oros, punctul „Űr Csere” a fost tăiată de un drum, ceea ce a impus împărțirea ei convențională în două părți și ulterior, denumirea diferită, în pofida faptului că reprezintă un singur sit. Autorii amintesc că este vorba de un sit pluristratigrafic, în procesul săpăturilor fiind descoperite o serie de complexe aparținând eneoliticului, bronzului timpuriu, epocii romane și epocii migrațiilor, însă materialele publicate vizează doar perioada târzie a bronzului.

Compartimentul I **Cadrul natural**, realizat de L. Nagy Márta, oferă informații referitoare la amplasarea geografică a așezării, care se află la vest de orașul Nyíregyháza și spre sud-est de localitatea Oros. Geografic, zona se află în Câmpia Nirului, cu un relief compus predominant din dune de nisip.

Compartimentul II **Sistemul de fortificare al așezării** este o colaborare a domnilor Daniel V. Sana și Liviu Marta și prezintă date despre elementele sistemului defensiv. Unul din ele ar fi un șanț, care a fost urmărit în partea de vest a așezării pe o lungime de 20-125 m. În profil are forma literei „V”, cu deschiderea la gură între 2,5-5,5 m și

adâncimea de 1,2-1,5 m. Pe fundul șanțului a fost observată o lentilă compactă de cenușă și cărbune, care după părerea autorilor poate reprezenta rămășițele unei *palisade* simple, construită din pari și nuiele. La fel au fost atestate și un șir de gropi, care probabil au rămas de la parii acestei construcții. Trebuie de menționat, că estimarea suprafeței așezării de asemenea a fost posibilă în baza delimitării elementelor defensive, fiind vorba de cca 9 ha.

Compartimentul III **Complexele arheologice și amenajarea așezării** este realizat de Daniel V. Sana, conține informații generale referitoare la complexele descoperite și, în prealabil, la funcționalitatea lor. Autorul începe cu prezentarea *locuințelor*, care numeric sunt foarte puține, și practic nu pot fi încadrate în anumite categorii, din considerentul că au forme (dreptunghiulară, circulară, ovală) și dimensiuni diferite. Apoi continuă cu *gropile*, care din punct de vedere numeric sunt mai multe. În dependență de profilul lor, au

fost divizate în 3 categorii: tronconice, cu profilul în formă de sac sau neregulat, și cilindrice. Prima categorie este reprezentată de gropi de dimensiuni mari și de regulă au și inventar. Gropile din a doua categorie în general sunt înguste la gură și cu diametrul fundului mare, de asemenea au dimensiuni mari și respectiv și inventar, asemănător primei categorii. Cea de a treia categorie este mai specială din considerentul că se împarte la rândul său încă în două categorii: a) gropi de provizii/ menajere; b) gropi cu depuneri de ofrande. Deosebirea dintre ele a fost făcută în baza materialului descoperit, astfel încât autorul susține că gropile de provizii după deteriorare au fost utilizate drept gropi reziduale, artefactele fiind descoperite haotic, iar cele cu depuneri de ofrande au inventarul (câni, cești, oase de animale etc.) dispus într-un fel anume.

Referitor la *amenajarea așezării*, autorul face o delimitare clară a zonelor strict în baza rezultatelor cercetărilor de teren. Astfel, a constatat existența unei locuiri sporadice în afara incintei fortificate, și o zonă destinată depunerii de ofrande. Iar lipsa complexelor de locuit în incintă și descoperirea unui număr mare de gropi de provizii, l-a determinat pe autor să creadă că zona era destinată exclusiv pentru păstrarea proviziilor, pe când casele erau situate în altă parte, mai departe de zona mlăștinoasă, astfel încât să fie protejate de inundații și umezeală.

Compartimentul IV **Ceramica** este de asemenea o colaborare dintre Liviu Marta, L. Nagy Márta și Daniel V. Sana, care ne oferă un studiu amplu, fructificat într-o bază de date complexă, ce are un rol deosebit în realizarea unui tablou general referitor la formele și particularitățile materialului ceramic din cadrul sitului de la Oros, totodată încercându-se încadrarea și în contextul istoric specific perioadei. Trebuie de menționat faptul că autorii au împărțit compartimentul în câteva părți. În baza analizei unui șir de parametri *tehnologici* precum pasta din care au fost lucrate vasele, degresanții, tratarea suprafețelor, arderea ș.a., au fost diferențiate trei categorii:

- *ceramica fină*, modelată din pastă bine frământată și fără adaosuri vizibile la suprafață. Din numărul total de fragmente descoperite, ceramicii fine îi sunt atribuite 14%.

- *ceramica semifină*, lucrată la fel din pastă bine frământată, doar că are în amestec degresanți

de granulație mai mare. Ea constituie 57,43% din numărul total de fragmente.

- *ceramica uzuală/grosieră*, modelată din pastă în amestec cu degresanți de granulație mare, ușor sesizabili și din cauza suprafeței poroase și neuniforme. Acestei categorii aparțin 28,64% din fragmentele colectate.

Referitor la *formele de vase*, autorii realizează un repertoriu al formelor, care include câteva tipuri de bază, fiecare cu variante, dictate în funcție de profilul buzei, pereților, fundului, pe de o parte, dar și de prezența sau absența unor elemente funcționale (de ex. torțile), pe de altă parte. Astfel încât, din 640 de fragmente ceramice descoperite, au fost încadrate tipologic 494, care în urma analizei au permis conturarea câtorva tipuri de bază. Cele mai des întâlnite sunt: amforele, vasele-sac, vasele-vatră portativă, vasele de provizii, străchinile, ceștile și câmile. Mai rar întâlnite sunt așa-numitele protectoare de jar.

Decorul ceramicii a fost și el supus unei analize minuțioase, în urma căreia a fost grupat în: butoni, nervuri reliefate, alveole, striuri, împunsături, caneluri și incizii.

Autorii subliniază că un element destul de important îl reprezintă arderea ceramicii. În așezarea de la Oros s-a constatat prezența mai mare a ceramicii arse în mediu oxidant, care mai mult este specifică pentru ceramica de bucătărie și pentru vasele de stocat produse (oale, vase-vatră portativă și vase de provizii). A fost atestată și arderea în mediu reducător, mai frecvent întâlnită în cadrul ceramicii specifice la servirea mesei (cești, castroane, amfore). Trebuie de menționat începutul apariției vaselor bicrome (negre lucioase pe fața exterioară și brune, cărămizii sau cenușii pe cea interioară). Autorii susțin ideea că procentul ceramicii arse bicrom este foarte mic, din considerentul că acest proces se afla abia la început de cale.

De asemenea, autorii au încercat și depistarea unor analogii, și au constatat că atât formele ceramice cât și decorul se regăsesc și în mediile culturale ale epocii bronzului târziu din zonele învecinate. De aceea nu lipsesc influențele „străine”, materializate în așa-numitele „importuri ceramice” (de ex. Suciul de Sus, Piliny, sau influențe venite din zona de nord-vest a Banatului).

Compartimentul V **Piese de metal**, întocmit de Ioan Bejinariu, este unul care se referă nu doar la artefactele de metal descoperite, dar și la atesta-

rea și conturarea metalurgiei ca meșteșug în așezare versus regiune.

Obiectele de metal au fost descoperite în câteva complexe de locuit, în șanț și în stratul așezării care a fost degajat cu ajutorul mijloacelor tehnico-mecanice. Dintre ele a fost posibil de identificat: un dorn, o daltă, 5-6 ace (dintre care unul cu capul sferic și partea superioară a tijeii decorate), un pandantiv de tip potcoavă și multe alte piese fragmentare, care nu au putut fi atribuite unei categorii anume.

Referitor la *practicarea metalurgiei*, autorul propune un șir de piese care ar certifica prezența ei, precum: resturi de turnare și reziduuri, zgură, un creuzet și cel puțin 4 tipare (dintre ele fiind clar identificate unul pentru topoare cu disc și spin, altul pentru celturi și al treilea pentru dălți), ce pot servi drept dovezi temeinice că această activitate își găsea locul în cadrul așezării de la Oros.

Compartimentul VI *Piese de piatră și lut* este realizat de Liviu Marta. În primul rând sunt prezentate obiectele litice, făcându-se referire la cele mai numeroase, râșnițe și zdrobitoare, după care se trece și la acele artefacte utilizate în metalurgie, care au fost amintite mai sus. În al doilea rând, autorul examinează obiectele din lut, reprezentate de greutăți (în general de formă piramidală, perforate la extremitatea superioară), o placă de lut de formă dreptunghiulară cu marginile îndoite și două piese circulare confecționate din pereți de vase, a căror funcționalitate încă rămâne incertă.

Compartimentul VII *Activitățile desfășurate în așezare* este lucrat de Ioan Bejenariu în comun cu Liviu Marta și reprezintă un studiu complex și interesant, în care autorii încearcă să atribuie materialul descoperit unor anumite activități specifice. Astfel, ei consideră că numărul mare de râșnițe și prezența lutului impregnat cu pleavă de cereale (pentru lipirea caselor) este un argument important în susținerea ideii că comunitățile din această așezare practicau *agricultura*. Materialul osteologic a servit drept indiciu sigur pentru certificarea *creșterii animalelor și vânatului*. Mai mult, au fost stabilite și speciile de animale caracteristice ambelor activități (creșteau bovine, porcine, ovicaprine, cai și vâneau cerbul, bourul și iepurele).

Descoperirea tiparelor, fragmentelor de creuzet și bucăților de metal brut reprezintă o dovadă clară a practicării metalurgiei în zonă. Dar totuși, după părerea autorilor, cea mai importantă reali-

zare este determinarea unei zone rezervată pentru practicile cultice.

Compartimentul VIII *Concluzii. Importanța cercetărilor de la Nyíregyháza-Oros pentru cunoașterea epocii târzii a bronzului* la rândul său are și o structură internă. Inițial autorii se referă la *importanța cercetărilor* care au dus la schimbarea tabloului general al perioadei bronzului târziu în regiune. Deoarece situl Nyíregyháza-Oros „Űr Csere” se află în zona de confluență a unor culturi de la sfârșitul epocii bronzului și a unor populații, a căror răspândire nu poate fi precizată cu exactitate, el a devenit unul de referință pentru arheologie. Astfel, în urma acestor cercetări autorii au constatat că ceramica de tip Suci de Sus descoperită în zonă poate fi considerată un „produs de import”.

Apoi, urmează *încadrarea culturală*, care a fost făcută în baza analizei raporturilor dintre materialele arheologice atribuite grupului Hajdúbágos-Cehlăuț și cele din descoperirile considerate anterior Berkesz. Astfel, în materialul ceramic descoperit în așezarea de la Nyíregyháza-Oros, nu au fost identificate forme estice, ceea ce a permis autorilor să susțină ideea că cel puțin o parte din vestigiile atribuite anterior culturii Berkesz ar trebui încadrată într-o perioadă mai recentă din evoluția grupului Hajdúbágos-Cehlăuț. Iar prezența pieselor de bronz răsăritene, descoperite pe teritoriul grupului Hajdúbágos-Cehlăuț, poate fi argumentată prin existența legăturilor cu metalurgia din mediul Noua-Sabatinovka, la fel ca și în cazul pieselor descoperite în aria culturii Suci de Sus.

Ulterior, autorii discută despre *cronologie*, care se bazează atât pe descoperirile pieselor de metal și a formelor de turnat, la care se adaugă și datele obținute drept rezultat al analizei ceramicii, cât și a corelațiilor cronologice făcute în baza importurilor din mediile culturale învecinate. Dar, deoarece piesele de la Oros au o valoare cronologică redusă, fiind vorba de tipuri ce nu pot fi încadrate într-o perioadă îngustă, ele nu au putut servi drept repere cronologice concrete. Dintre toate piesele cel mai sugestiv pare a fi un tipar fragmentar pentru turnat topoare cu disc și spin, care erau produse într-o perioadă de timp contemporană cu depozitele Uriu-Ópályi, încadrate cu precădere în faza BrD. Însă, pe de altă parte, autorii nu doar că nu susțin vehement această limită cronologică, dar nici nu exclud existența acestor depozite și în perioadele imediat următoare. Un rol important

în încadrarea cronologică l-a jucat și analiza materialului ceramic, conform căreia s-a demonstrat prezența unui număr mare de forme și decor specific aproape pentru toate siturile Hajdúbagos-Cehlăuț și celor de tip Berkesz. Autorii, de asemenea, menționează aici prezența unor elemente mai timpurii (Otomani) și, respectiv, mai târzii (Gáva I – Lăpuș II). Importurile descoperite în așezare (de tip Suci de Sus, Igrîța, Piliny și elemente specifice bazinului Košice), au fost și ele utilizate drept repere pentru o mai bună corelare cronologică a sitului, mai ales prin stabilirea unor convergențe interculturale.

În final, se face referire la *contribuția cercetărilor de la Oros la cunoașterea epocii târzii a bronzului din zona Tisei Superioare*. Aici autorii realizează o sinteză a materialului expus în lucrare, încercând să îl încadreze în tabloul general, pe de o parte, și să scoată în evidență rolul lui în cunoașterea perioadei date. Cercetările de la Nyíregyháza-Oros au oferit elemente noi referitoare la structura internă a unei așezări a grupului Hajdúbagos-Cehlăuț, și la forma complexelor. Această așezare este una dintre puținele, unde a fost surprinsă o zonă delimitată de un șanț (care, probabil, reprezenta un element al unui sistem defensiv). Dar, cel mai important aspect îl reprezintă identificarea zonei de depuneri rituale la marginea așezării. În baza materialului vast și divers a fost posibil de certificat prezența unor activități umane. Toate aceste caracteristici au făcut posibilă stabilirea unor elemente definitorii ale așezării, a unor corelații între evoluția materialelor Hajdúbagos-Cehlăuț și a celor de tip Suci de Sus/Lăpuș, respectiv, fixarea datării așezării într-o perioadă târzie a epocii bronzului, pe parcursul etapei BrD. În încheiere autorii susțin ideea că aceste cercetări sunt în măsură să ofere noi date referitoare la evoluția grupului Hajdúbagos-Cehlăuț, mai mult chiar, să dea o alură mai veridică asupra aportului pe care acesta l-a avut în procesul de constituire a manifestărilor culturale ulterioare din nordul Câmpiei Maghiare și nord-vestul Transilvaniei.

Compartimentul IX *Descrierea complexelor arheologice* reprezintă un capitol amplu asupra tuturor complexelor surprinse în așezare. Are o structură clară, unde sunt reflectate denumirea/numărul complexului, localizarea, tipul, dimensiunile, structura/umplutura, inventarul și descri-

erea modului în care a fost descoperit. În cazul când în cadrul complexelor a fost descoperită ceramică, textul este însoțit și de un tabel statistic, unde sunt trecute informațiile privind categoria, tipul, subtipul, varianta, pasta, elementele decorative și trimiterile la planșe și figuri. Ținem să menționăm efortul depus la realizarea compartimentului de față, deoarece descrierea, înțelegerea și corelarea corectă a materialului, a făcut posibilă apariția acestui volum, care are menirea să completeze semnificativ informațiile referitoare la perioada târzie a bronzului.

Compartimentul X *Descrierea materialului arheozoologic*, realizat de E. Berendi, este împărțit în patru părți. Prima parte conține descrierea fiecărei specii de animale, textul fiind însoțit de tabele cu distribuția numerică și procentuală a speciilor, date metrice, diagrame și imagini. A doua parte se referă la descrierea materialului din câteva complexe (în special din gropile cu depuneri rituale), care au prezentat interes pentru autor fie datorită stării de păstrare, fie datorită unor urme de pe suprafață, cu tentă ritualică. A treia parte prevede informații referitoare la oasele cu urme de prelucrare. Mai întâi autorul amintește specia, tipul oaselor (femur, tibie, coastă), tehnicile de prelucrare (tăiere, șlefuire, despicare) și în final face referire la utilitatea pieselor. A patra parte este una mai inedită, din considerentul că reflectă „alte câteva elemente interesante despre oase”, unde autorul încadrează oase cu anomalii patologice, oase trecute prin foc și/sau calcinate, oase cu suprafața zgrunțuroasă și oase ce păstrează urme de la reacții chimice. Acest compartiment se încheie cu un sumar mic, este însoțit de un bogat material ilustrativ, care ajută la o mai bună înțelegere a materialului și are atașată la final o listă bibliografică, ce, menționez, nu face parte din cea generală a lucrării.

În susținerea volumului vine *lista abrevierilor bibliografice*, după care urmează nemijlocit *lista bibliografică*, ce conține peste 180 de titluri, apărute din 1950 până în 2010 în limbile română, engleză, ucraineană, maghiară și germană.

Datorită faptului că lucrarea a apărut în limba engleză, iar proiectul propriu-zis a fost implementat de România și Ungaria, volumul mai cuprinde un *rezumat* în limba română și unul în limba maghiară.

Lucrarea este însoțită de un vast *material ilustrativ*, care se impune atât prin calitatea înaltă

cât și prin varietatea formelor de redare. Ținem să menționăm rolul important al acestui compartiment, deoarece el oferă un tablou clar asupra amplasării așezării (hărți și aerofotograme), planului general al săpăturilor, structurii interne (desene îmbinate cu poze din săpătură), concentrațiilor de complexe și, nu în ultimul rând, ne reprezintă până în cele mai mici detalii varietatea complexelor și a vestigiilor arheologice (planșe tipologice și planșe) descoperite în cadrul așezării Nyíregyháza-Oros.

În concluzie ținem să menționăm că lucrarea **The late Bronze Age settlement of Nyíregyháza-**

Oros „Úr Csere” reprezintă un volum amplu de informații, care are menirea de a contura, completa și elucida un șir de probleme ale perioadei târzii a epocii bronzului din nordul Câmpiei Maghiare și nord-vestul Transilvaniei în particular, cât și din perioadele precedende, respectiv ulterioare care vizează și spațiile învecinate, în general. Toate elementele constitutive ale acestei publicații, împreună cu limbajul științific coerent și accesibil, ne permit să susținem ideea că acest studiu poate servi drept exemplu de cercetare complexă, de valorificare și de diseminare a unui sit arheologic.

Livia Sîrbu

VIAȚA ȘTIINȚIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

Centrul de Arheologie la cea de-a VI-a ediție a Conferinței științifice cu participare internațională „Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și studiului artelor” a Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM

Încă de la prima ediție a Conferinței științifice anuale a Institutului Patrimoniului Cultural (în continuare IPC) „Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și studiului artelor”, organizată în 2009 la inițiativa dr.hab. Valentin Dergaciov, directorul de atunci al IPC, Centrului de Arheologie i-a revenit un rol primordial pentru buna derulare a lucrărilor acestui forum.

Dacă la început susținerea materială și logistică a acestei inițiative a fost destul de modestă – doar din partea Universității Pedagogice de Stat (în continuare UPS) „Ion Creangă” din Chișinău, – atunci ulterior, pe parcursul anilor 2010-2013, IPC a beneficiat constant de susținerea Comisiei Naționale a Republicii Moldova pentru UNESCO (secretar general, dl Constantin Rusnac). Demersul științific al IPC în anul 2010 a fost susținut, de asemenea, de Societatea de Genealogie, Heraldică și Arhivistică „Paul Gore”, reprezentată de dr. Silviu Andrieș-Tabac. În anul 2014 numărul instituțiilor, sub egida cărora s-a desfășurat manifestarea științifică, a ajuns la cinci – Academia de Științe a Moldovei, Institutul Patrimoniului Cultural, Agenția Națională Arheologică (în continuare ANA), UPS „Ion Creangă”, Universitatea de Stat din Moldova (în continuare USM) și Instituția Publică Institutul Științifico-practic de Horticultură și Tehnologii Alimentare.

Din 2012 au început a fi publicate rezumatele comunicărilor prezentate la conferința noastră științifică, în condiții grafice foarte bune. Menționăm că în anul 2014 acest lucru a fost posibil datorită susținerii din partea ANA, în persoana dlui director general, dr. Vlad Vornic.

În total, pentru lucrările Secției Arheologie din anul curent ale conferinței s-au înscris 74 de cercetători cu 61 comunicări. O bună parte dintre participanți (în număr de 25) sunt angajații și doctoranzii Centrului de Arheologie.

La ședința în plen dr.hab. Gh. Postică, vice-ministru al Culturii, s-a referit în comunicarea sa la *Prioritățile strategice ale patrimoniului cultural al*

Republicii Moldova, dr.hab. I. Bruiako, directorul Muzeului Arheologic din Odesa, a relatat despre *Investigațiile arheologice din necropola cetății Kartal*, iar dr. L. Dergaciovă – despre *Surfraparea monedelor străine ca sursă de venit pentru vistieria Țării Moldovei în domnia lui Bogdan III (1504-1517)*.

Pentru susținerea comunicărilor, la Chișinău au venit în total 17 participanți, inclusiv șase colegi de breaslă din România, nouă din Ucraina și doi din Belarus. De la Iași, ne-au onorat cu prezența și comunicări interesante dr. Senica Țurcanu, dr. Angela Simalcsik și drd. Vasilica-Monica Groza. Din or. Sfântu Gheorghe a venit dr. Valeriu Căvruc, din Suceava – dr. Dumitru Boghian și din Târgu Frumos – dr. Sergiu-Constantin Enea. Cel mai numeros grup l-au constituit cei șase oaspeți ai noștri din Odesa, în frunte cu distinsa doamnă dr. Tatiana Samoilova. Din or. Zaporozh'e au venit Oleg Tubol'tsev și Anna Bushmeleva, cu o comuni-

care despre urmele unor vechi drumuri medievale. Colegul Valentin Pankovskii din Kiev s-a referit la *Obiecte, scopuri și strategii de grupare în industriile de prelucrare a osului-cornului*. Din or. Ternopol a revenit din nou la Chișinău cu o comunicare interesantă Vasil' Il'chishin. Tinerii colegi Vadim Laki-za și Zoia Haritonovich au ajuns la noi din capitala belarusă Minsk cu informații despre investigațiile din ultimii doi ani de la cetatea Obchin.

În anul curent au continuat colaborările tradiționale frumoase cu colegii de la Muzeul Național de Istorie a Moldovei, ANA, USM, UPS „Ion Creangă” și Școala Antropologică Superioară, reprezentată la întrunirea noastră prin 14 cercetători.

Tematica comunicărilor la Secția Arheologie a fost foarte diversă. În general, participanții s-au referit la aspecte interesante ale cercetărilor științifice din ultima perioadă. Intervalul cronologic vizat de arheologii și în acest an a inclus paleoliticul, neo-

eneoliticul, epoca bronzului, epoca timpurie a fierului, epoca antică timpurie și târzie, epoca medievală.

Un real interes au suscitât comunicările prezentate de V. Dergaciov (*Planigrafia și structura așezării culturii Criș Sacarovca I*), S. Țurcanu (*Asupra utilizării tracțiunii animale în cadrul complexului cultural Cucuteni-Tripolie*), S-C. Enea și D. Boghian (*Plastica antropomorfă și zoomorfă din situl de la Tăcuta-Dealul Miclea*), V. Cavruc (*Câteva precizări cu privire la statutul taxonomic al „culturii Costișă-Komarov”*), T. Samoilova (*Ceramica cu ornament imprimat în relief din Olbia*), S. Reabțeva (*Cu referire la datarea și atribuirea culturală a unei forme de turnat provenind din săpăturile de la Cetatea Albă*), A. Simalcsik, R.D. Simalcsik, M. Groza (*Trepanația – ritual magico-religios sau procedeu terapeutic? Un caz semnalat în necropola medievală de la Lozova [r-nul Strășeni, Republica Moldova], secolele XIV-XV*).

Evidențiem de asemenea și cele câteva comunicări referitoare la investigațiile arheologice de salvare efectuate de arheologii de la Chișinău datorită implicării prompte din ultima perioadă a Agenției Naționale Arheologice. Ele au fost prezentate de S. Bodean și V. Bicbaev (*Cercetări arheologice preventive în așezarea eneolitică Rogojeni I, r-nul Șoldănești*), S. Agulnicov, E. Mistreanu și S. Popovici (*Săpăturile preventive la tumulii din zona construcției traseului Sărăteni-Soroca*), S. Matveev și V. Vornic (*Cercetări de salvare la situl arheologic Lipoveni II, r-nul Cimișlia*), V. Vornic și S. Tabuncic (*Descoperiri în situl medieval din sec. XIV de la Vorniceni-Gura Văii, r-nul Strășeni*).

În încheiere, ne exprimăm speranța ca tradiția organizării și derulării Conferinței științifice anuale a IPC va continua, bucurându-se de o popularitate binemeritată printre colegii de breaslă de la noi și de pe meleaguri mai mult sau mai puțin îndepărtate.

Colegiul de redacție

Masa rotundă cu tema *Arheologia din RSSM în anii 40-60 ai sec. XX*

În ziua de 1 aprilie 2014, în corpul central al Academiei de Științe a Moldovei din Chișinău a avut loc o Masă rotundă cu genericul *Arheologia din RSSM în anii 40-60 ai sec. XX*, organizată de Centrul de Arheologie din cadrul Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M. în colaborare cu Agenția Națională Arheologică. Lucrările acestei manifestări științifice au cuprins trei comunicări și discuții, consacrate împlinirii a 110 de ani de la nașterea arheologilor T.S. Passek și G.D. Smirnov și 90 de ani de la nașterea lui E.A. Rikman.

În deschiderea lucrărilor Mesei rotunde au luat cuvântul domnii dr.hab. Oleg Levițki, directorul Institutului Patrimoniului Cultural, și dr. Nicolai Telnov, șeful Secției de Arheologie antică și medievală, care au subliniat importanța și semnificația desfășurării unei asemenea dezbateri științifice în condițiile schimbării generațiilor de arheologi și, în bună parte, a conținuturilor discursului științific în domeniul arheologiei la momentul actual. Ei au accentuat faptul că această întrunire comportă două dimensiuni majore, prima fiind cea restitativă, orientându-se către trecut cu scopul de restituire, iar cea de-a doua una formativă.

Domnul dr.hab. Valentin Dergaciov a prezentat diferite aspecte ale vieții și activității profesionale ale cunoscutei savante T.S. Passek (1903-1968), specialistă în domeniul istoriei societății arhaice, care a activat de-a lungul carierei științifice în cadrul Institutului de Arheologie al Academiei de Științe din URSS. Datorită contribuțiilor sale cultura Cucuteni-Tripolie de pe teritoriul Moldovei a devenit cunoscută în întreaga lume. A cercetat așezările de la Solonceni, Holercani, remarcabila necropola de la Ofatinți. Printre cei mai apreciați discipoli ai T. Passek se numără E. Cernysh, T. Movsha, A. Meliukova și V. Marchevici.

În continuare, dr. Ludmila Bacumenco-Pîrnău a evocat personalitatea arheologului G.D. Smirnov (1903-1978), unul dintre primii arheologi sovietici stabiliți la Chișinău, considerat a fi printre cei care au contribuit la dezvoltarea fundamentelor arheologiei moldovenești din perioada postbelică, în general, și la reconstituirea realităților istorice din prima epocă a fierului și a evului mediu. A fost relevată contribuția sa la identificarea, prin prospecțiuni arheologice, a mai multor așezări din valea Răutului și la Saharna (în zona Orheiul Vechi - 15; la Saharna - 12, dintre care patru așezări fortificate, precum și cimitirele din punctele Țiglău și Hulboaca), la cercetarea vestigiilor traco-getice de la Butuceni, Potârca, Maș-

căuți, Saharna, Stolniceni, astfel punând temelia cercetării așezărilor traco-getice în spațiul dintre Prut și Nistru. De asemenea, a fost evidențiată contribuția lui G.D. Smirnov la cercetarea importantului sit medieval de la Orheiul Vechi, unde în anii 1947-1963, el a coordonat săpăturile arheologice de pe suprafața faimoasei așezări, scoțând la iveală cele mai cunoscute vestigii de acolo, și anume construcțiile monumentale de piatră de pe promontoriul Peștere: cetatea medievală de piatră; „palatul pârcălabului”; biserica de piatră și de lemn, băile nr.1, nr.2 și nr. 3; trei cimitire etc.

Un al treilea arheolog, evocat de către domnul conf. univ. dr. Sergiu Matveev în cadrul acestei întruniri, a fost Ț.A. Rikman (1923-1987), un renumit arheolog și etnograf, care a activat peste 30 de ani în RSS Moldovenească. Ț.A. Rikman aparține, de asemenea, primei generații postbelice de arheologi, care au pus bazele arheologiei sovietice moldovenești. Totodată, colegul Sergiu Matveev a subliniat faptul că Ț.A. Rikman a publicat pe parcursul carierei academice peste 110 studii științifice referitoare atât la arheologia și istoria antică (sciți, traci, sarmați etc.) și a evului mediu timpuriu (slavi, volohi, moldoveni etc.), cât și la etnografia Europei de Est, istoria culturii Moldovei, Rusiei Vechi etc., dar a fost preocupat, în special, de vestigiile arheologice din perioada romană (prima jumătate a mileniului I d.Chr.) și procesele

etnogenetice de pe teritoriul RSSM. Atrage atenția că, pentru începutul anilor '80 ai secolului al XX-lea, istoriografia sovietică practic încetează utilizarea termenului volohi, fiindcă deja existau statalitățile moldovenească și munteană, deci nu mai existau volohii din „mileniul întunecat”.

Intervenția domnului profesor Ion Niculiță de la Facultatea de Istorie și Filosofie a Universității de Stat din Moldova a fost de o consistență aparte, comunicând publicului prezent diverse informații valoroase despre personalitatea celor trei arheologi evocați, iar domnul dr. Vlad Vornic, directorul general al Agenției Naționale Arheologice, a relevat importanța evocărilor unor personalități marcante ale arheologiei postbelice din RSSM și a restituirilor istoriografice.

Concluziile finale formulate de către domnul Oleg Levițki, moderatorul întruniri, au încheiat această manifestare științifică de aleasă ținută, la care au participat reprezentanți de seamă ai vieții academice și universitare, precum și tineri aflați la începutul carierei de cercetător.

În final, dorim să salutăm inițiativa organizatorilor de a evoca viața și activitatea unor reprezentanți marcanți ai arheologiei din Moldova postbelică și intenția de a continua această serie tematică de întruniri științifice.

Ludmila Bacumenco-Pîrnău

Susținerea unei teze de doctorat în cadrul Centrului de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM, cu tema: *Migrația bastarnilor în spațiul carpato-nistrean (în baza necropolei de la Borosești)*, elaborată de Vasile Iarmulschi

Am deosebită plăcere să deschid o nouă rubrică pe care au conceput-o editorii și care mi se pare foarte potrivită caracterului revistei și care, fără îndoială, pune în valoare una dintre importanțele fațete ale activității Centrului de Arheologie al IPC al AȘM a RM. În luna iunie a anului curent, în aula Mică a Academiei de Științe, au fost propuse spre discuție și aprobate rezultatele studiilor de doctorat ale colegului Vasile Iarmulschi, cercetător la Institutul Patrimoniului Cultural. Alegerea subiectului de cercetare a mai tânărului nostru coleg a fost rezultatul căutărilor de mai mulți ani în direcția obținerii soluțiilor la multiplele probleme ce definesc evoluția silvostepii est-carpătice de-a lungul secolelor III-I a.Chr. Vreau să atenționez asupra faptului că interesul pentru problemele perioadei Latène-ului mijlociu și târziu din spațiul est-carpatic, vine la Vasile Iarmulschi dintr-o perioadă mai timpurie, astfel încât familiarizarea cu subiectul respectiv i-a permis o aprofundare suficient de nuanțată, încât să constate că de-a lungul timpului s-au format suficiente goluri în acest domeniu. Delimitarea lacunelor existente în cadrul istoriografiei privind cultura Poienești-Lucașeuca și căutarea posibilităților de a le înlătura, l-a adus în fața unor probleme ce vizează calitatea vestigiilor adunate, prezentate și, mai ales, publicate. Astfel, în ciuda unor rezultate importante pe care le-au obținut înaintașii, s-a constatat că numărul siturilor de habitat ce au fost cercetate prin săpături arheologice este încă foarte mic, iar caracterul exhaustiv al investigației rămâne a fi deocamdată doar un deziderat, de altfel, ca și publicarea unora dintre vestigiile descoperite. Nu s-a excelat nici în cazul cercetărilor din siturile funerare, iar unele dintre cele investigate, dintr-un considerent sau altul, au fost publicate doar parțial. În multe dintre cazuri, procedura de cercetare nu a oferit informații suficient de concludente pentru analiza lor ulterioară, iar datele statistice relevante sunt puse la dispoziție doar pentru cazuri rare. Chiar dacă într-o anumită etapă a cercetării s-au observat particularitățile vestigiilor din siturile funerare în raport cu cele de habitat, investigații ce ar

**ACADEMIA DE ȘTIINȚE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE**

Cu titlu de manuscris
C.Z.U.: 903/904(478+498)(043.2)

IARMULSCHI VASILE

**MIGRAȚIA BASTARNILOR
ÎN SPAȚIUL CARPATO-NISTREAN
(ÎN BAZA NECROPOLEI
DE LA BOROSEȘTI)**

SPECIALITATEA 613-01 – ARHEOLOGIE

Autoreferatul tezei de doctor în istorie

CHIȘINĂU 2014

viza necropolele și așezările din același punct, s-au efectuat în cazuri extrem de rare, iar dacă s-au și realizat, nu au fost puse în circuitul științific integral. Corelarea materialelor din siturile funerare cu cele de habitat, în ciuda diferențelor remarcate, așa și nu a devenit un subiect solid de cercetare. Iată doar câteva dintre situațiile care definesc caracterul lacunar și incomplet al tabloului general ce schițează evoluția fenomenelor din silvostepa carpato-nistreană la finalul mileniului I a.Chr.

În aceste condiții, una dintre constatările-cheie privind vestigiile de tip Poienești-Lucașeuca, este că se impune, mai întâi, o acumulare și evidență mai calitativă a materialului arheologic, după care ar fi posibile interpretări generalizatoare mai consistente și mai exacte. Din aceste raționamente, autorul tezei pe care o prezentăm, a considerat că contribuția cea mai eficientă pe care o poate aduce la moment pentru a pregăti viitoarele cercetări cu caracter generalizator, este

să acopere unul dintre aceste goluri prin introducerea în circuitul științific al unuia dintre siturile cele mai semnificative ale culturii Poienești-Lucașeuca – necropola de la Borosești, ale cărei vestigii au fost publicate doar parțial de către autorul săpăturilor, reputatul arheolog Mircea Babeș.

Punerea în vizor a acestui cimitir se justifică și prin faptul că în preajma lui a fost descoperită și cercetată o parte din așezarea sincronă care încă nu este publicată integral. Având în vedere și perspectiva analizei comparate a vestigiilor necropolei și așezării sincrone, s-a decis să se axeze pe acest sit și să elaboreze, într-o primă etapă, o investigație cu caracter monografic a necropolei de la Borosești, fapt care ar permite să se deschidă ulterior calea unui studiu complex, extins și asupra așezării. Totodată, pornind de la rezultatele obținute la Borosești, s-a căutat să fie oferite propriile răspunsuri la principalele întrebări pe care le ridică antichitățile de tip Poienești-Lucașeuca în general și la care nu s-au găsit până acum răspunsuri fără echivoc – cronologia, originea și apartenența etno-culturală a purtătorilor acestei culturi.

Un astfel de demers nu ar fi fost posibil fără intervenția decisivă a colegului de la București – profesorul Mircea Babeș, autorul cercetărilor arheologice din acest important sit arheologic, dar și cel mai documentat specialist în domeniul subiectelor legate de pătrunderea semințiilor germanice în spațiul est-carpatic. Experimentatul profesor de la București a fost extrem de receptiv și generos, încredințându-i lui Vasile Iarmulschi spre studiu și valorificare o serie de materiale și informații arheologice inedite, rezultate din săpăturile necropolei de la Borosești (1968-1978), conduse de prof. dr. Mircea Babeș (*Institutul de Arheologie „Vasile Pârvan”*), ajutat de antropologul N. Mirițoiu (*Centrul de Antropologie „Dr. Fr. Rainer”*). Au urmat, în cadrul acestui acord de colaborare, un șir de deplasări la București, unde doctorandul a studiat minuțios toată documentația de șantier și a trecut prin mână toate vestigiile descoperite în necropolă, acțiune soldată cu un prim pas foarte important pe care l-a realizat în demersul său științific Vasile Iarmulschi – întocmirea catalogului descoperirilor în care s-au regăsit rezultatele sistematizării tuturor categoriilor de vestigii, însoțite de reprezentări grafice pentru fiecare complex în parte (ambele realizări fiind incluse în anexa tezei).

Odată acumulat acest bagaj, s-a recurs la

procedura analitică a materialului care a presupus importante lecturi și discuții cu specialiștii din domeniu. În acest sens, foarte util a fost stagiul de documentare la *Institut für Prähistorische Archäologie der Freie Universität*. Cu acest prilej, doctorandul a avut ocazia să studieze în una dintre cele mai dotate biblioteci din Europa, să poarte discuții cu mai mulți specialiști ale căror interese științifice țin de epoca preromană recentă a fierului (Prof. dr. hab. M. Meyer, dr. R. Müller, dr. P. Ettel, B. Raucfuss etc.), dar să și studieze materialele de tip Jastorf și Przeworsk din muzeele din Germania (*Museum für Vor- und Frühgeschichte Berlin*, *Archäologische Museum aus Hannover*, *Archäologische Museum aus Halle* etc.) și Polonia (*Muzeum Archeologii w Szczecinie*). Cunoștințele aprofundate și experiența căpătată i-au permis, în final, utilizând o abordare metodologică coerentă, să se focalizeze asupra etapei analitice a materialului. Aceasta a însemnat, în primul rând, un susținut efort pentru precizările de ordin tipologic care au fost extinse asupra tuturor categoriilor de descoperiri, după care a urmat verificarea reperele cronologice pentru fiecare dintre ele, respectiv fixarea analogiilor de bază atât în mediul culturii, cât și în cadrul culturilor din spațiile nordice ale Europei. Consider oportun să atenționez asupra unui moment important al cercetării care a presupus utilizarea noilor programe informaționale pentru prelucrarea materialelor arheologice (programul WinBasp). Rezultatele obținute, fiind corelate cu asocierea pieselor de inventar, au permis delimitarea limitelor și fazelor cronologice de evoluție a necropolei, dar și a culturii Poienești-Lucașeuca în general, racordând rezultatele obținute la sistemul cronologic al culturii celtice din centrala Europei în baza căruia s-au oferit și ancorările cronologice absolute. De remarcă, în acest context, convergența rezultatelor obținute pe căi diferite de Vasile Iarmulschi și Mircea Babeș, la distanță de peste 20 de ani. Metodele utilizate atunci de profesorul Babeș au dat rezultate care vin să fie confirmate astăzi de metodele ce au la bază programe informaționale: înscrierea cronologică a mormintelor de la Borosești, Poienești și Doliniany, descrisă și ilustrată de Mircea Babeș în anul 1993 în *Die Poienesti-Lukasevka Kultur*, grupează aceleași morminte, în aproximativ aceeași ordine, pe care o găsim realizată acum de Vasile Iarmulschi cu metode computerizate.

Analogiile identificate pentru vestigiile de la Borosești, pornind de la rit, ritual funerar și până la materialele arheologice, au demonstrat o prezență incontestabilă a acestora în spațiile Europei de nord ocupate de culturile „germanice” din epoca preromană recentă a fierului, pe de o parte, iar pe de alta – o distribuție extrem de neuniformă pe spațiile lumii „germanice” și lipsa oricărui grup regional care să corespundă în totalitate descoperirilor de la Borosești. Constatarea dată i-a permis autorului să reafirme postulatul conform căruia populația înmormântată la Borosești a pornit din diferite zone ale Europei nord-centrale, în special – Mecklenburg, Pomerania, Holstein, Brandenburg, Saxonia Anhalt, Lausitz – la care s-au alăturat triburile din Iutlanda, insulele daneze precum și populațiile de la est de Oder, și că pe parcurs au antrenat într-o mișcare mai amplă și alte populații de pe traseul deplasării lor și au dus, în regiunea

respectivă, la formarea unei noi culturi și unei noi comunități etnice menționate de autorii antici sub numele generic de bastarni.

În final, fără a intra în detalii, cred că nu voi greși dacă aș constata că practic în orice lucrare de cercetare, inclusiv în cea pe care am prezentat-o, rămîne loc pentru perfecționare. Ceea ce a realizat, însă, colegul meu mai tânăr în materie de valorificare monografică a unui sit arheologic – atât ca metodă de cercetare, ca acuratețe de sistematizare și analiză a materialului, dar și ca rezultat obținut, trădează un nivel de profesionalism care merită toată atenția. În acest context, îmi exprim speranța că rezultatele obținute de Vasile Iarmulschi, vor fi coordonate cu domnul profesor Babeș și ajustate pentru publicare în timp cât mai apropiat, pentru a oferi specialiștilor, dar și publicului larg, interesat de aceste probleme, un material valoros pentru perceperea fenomenelor de la sfârșitul mileniului I a.Chr.

Octavian Munteanu

Revista Arheologică (serie nouă) la a 10-a aniversare

Revista Arheologică este o publicație științifică cu apariție bianuală sub egida Centrului de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural din cadrul Academiei de Științe a Moldovei, în care materialele sunt prezentate în limba română sau în alte limbi de circulație internațională. Este consacrată cercetării arheologice, numismatice și abordărilor interdisciplinare, urmărind să aducă în circuitul științific studii de sinteză și materiale de teren inedite, care se referă la trecutul teritoriului actual al Republicii Moldova, precum și la regiunile limitrofe. Publicația se adresează în mod deosebit arheologilor și istoricilor, dar este deschisă și pentru cercetătorii din domeniile științelor conexe, precum arheozoologia, antropologia, pedoarheologia, arheobotanica ș.a.

Ideea unei reviste care să adune în paginile sale rezultatele cercetărilor arheologice din Republica Moldova și a celor din zonele învecinate a apărut firească la începutul anilor 90 ai secolului trecut. Atunci, în 1991, tocmai fusese creat Institutul de Arheologie și Istorie Veche al AȘM și se resimțea stringent nevoia unui dialog între cercetătorii din diferite centre academice și universitare, fiind conștientizată existența unui potențial necesar atât pentru realizarea unor studii arheologice de calitate, cât și pentru a atrage alături savanți din alte state din proximitate, cu un trecut în bună parte comun.

În astfel de împrejurări, în anul 1993 la Chișinău a fost fondată o nouă revistă de arheologie în cadrul Institutului de Arheologie și Istorie Veche, primul număr fiind îngrijit de reputații arheologi Valentin Dergaciov, Gheorghe Postică, Victor Sorochin, Ilie Borziac și Eugen Sava. Însă, în virtutea condițiilor economice precare din acea perioadă, următorul volum al revistei a apărut doar după cinci ani, în 1998. Din colegiul de redacție atunci făceau parte Valentin Dergaciov, Ilie Borziac, Ion Tentiuc, Eugen Sava și Oleg Levițki. După editarea acestui număr 2, apariția publicației s-a întrerupt pentru o perioadă și mai lungă. De altfel, după numai șapte ani de existență, în 1998, Institutul de Arheologie și Istorie Veche este reorganizat drept rezultat al desființării Institutului de Etnografie și Folclor, constituindu-se Institutul de Arheologie și Etnografie. Așadar, prima serie a Revistei Arhe-

ologice a însumat doar două numere.

Abia după alți șapte ani, și anume în 2005, prin străduința dlui dr.hab. Eugen Sava, cunoscut cercetător în domeniul arheologiei epocii bronzului, a fost inițiată o serie nouă a revistei la Institutul de Arheologie și Etnografie. În comparație cu începutul modest din anii 1993 și 1998, de data aceasta standardele revistei au fost substanțial ridicate. Având experiența unei burse de postdoctorat a Fundației Alexander von Humboldt la Berlin, dl Eugen Sava a reușit să revigoreze publicația de profil în domeniul arheologiei de la Chișinău. Pornind de la aspectul exterior – un format mai potrivit pentru articolele de specialitate în arheologie, ce cuprind de regulă multe planșe de ilustrație – și continuând cu calitatea structurii și conținutului lucrărilor, toate luate împreună au urmărit să corespundă unor stricte rigori europene, în special celor germane.

După o altă reorganizare a instituției în toamna anului 2006, Revista Arheologică își continuă apariția deja sub auspiciile Centrului de Arheologie, unul dintre cele trei centre ale nou înființatului Institut al Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei. Menținerea bunei calități din punct de vedere al aspectului, structurii și conținutului științific se datorează mai ales laborioșilor cercetători Maia Kashuba, Oleg Levițki, Vlad Vornic, Nicolai Telnov, Svetlana Reabțeva ș.a., în colegiul de redacție regăsindu-se și numele unor prestigioși savanți-arheologi din Germania, România, Ucraina, Rusia și Republica Moldova.

Revista Arheologică are o structură obișnuită unui asemenea gen de publicație, cuprinzând câteva rubrici esențiale pentru prezentarea rezultatelor unor cercetări curente, și anume: **Studii; Materiale și cercetări de teren; Discuții; Cercetări interdisciplinare; Recenzii și prezentări de carte.**

Publicația mai include și alte două secțiuni necesare pentru astfel de reviste de specialitate. Prima este **In honorem**, în paginile căreia au fost omagiați distinși arheologi și cercetători ai preistoriei și istoriei vechi ajunși la o vârstă venerabilă, precum Nicolae Chetaru, Gheorghe Cebotarenco, Ion Ioniță, Ilie Borziac, Valentin Dergaciov ș.a. Sub genericul **In memoriam** au fost comemorați colegi de breaslă trecuți în „Lumea celor drepti”

– Pavel Bîrnea, Leon Șimanschi, Victor Sorokin, Gavrilă Simion, Anatol Gorodenco, Tudor Arnăut, Vasile Grosu, lista completându-se recent cu numele regretatului Gh. Cebotarenco.

Două dintre primele numere au inserat secțiunea **Monografie**, în care au fost publicate două monografii semnate de cunoscuți cercetători în domeniul arheologiei preistorice Valentin Dergaciov, Alexei Rezepekin și Bertil Lionne. Din structura revistei nu lipsește rubrica **Cronica** sau **Viața științifică**. De asemenea, unul dintre numerele Revistei a găzduit rubrica **Patrimoniul cultural**, cuprinzând un material consacrat problemei arheologiei între știință, cadru legal și infracțiune, contribuție aparținând lui Sergiu Musteață.

În cei 10 de ani de existență a seriei noi a Revistei Arheologice, au fost publicate în total 14 ediții, paginile acestora găzduind numeroase studii și articole consacrate unor probleme importante ale arheologiei și științelor conexe. Subiectele abordate se înscriu într-o arie tematică diversificată și acoperă un spațiu temporal vast, din preistorie până în evul mediu târziu, însumând circa 370 de contribuții. Studii savante și materiale inedite au fost semnate de prestigioși autori și tineri cercetători atât din R. Moldova (Valentin Dergaciov, Olga Larina, Oleg Levițki, Ilie Borzic, Gheorghe Postică, Eugen Sava, Vasile Haheu, Nicolai Telnov, Serghei Covaenco, Maia Kashuba, Serghei Agulnikov, Svetlana Reabțeva, Vlad Vornic, Anatol Gorodenco, Octavian Munteanu, Eugen Ușurelu, Lilia Dergaciova, Sergiu Bodean, Oleg Chitic, Ion Ursu, Vasile Iarmulski, Ghenadie Sîrbu, Sergiu Heghea ș.a.), cât și din importante centre academice și universitare din România (Vasile Chirica, Nicolae Ursulescu,

Dumitru Boghean, Vasile Diaconu, Sergiu Enea, George Hânceanu ș.a.), Ucraina (Sergei Skoryi, Igor Bruiaiko, Marina Daragan, Aleksandr Mogilov ș.a.), Rusia (Vera Balabina, Nikolai Anisiutkin, Nikolai Malov ș.a.), Polonia (Jan Chochorowski, Jerzy Hałas, Marek Żyromski), Germania (Nikolaus Boroffka).

De-a lungul celor 10 ani de apariție, în paginile Revistei Arheologice au fost publicate contribuții valoroase provenite din aria cercetărilor interdisciplinare, îndeosebi din domeniul arheozoologiei și antropologiei, acestea fiind semnate de către cunoscuți cercetători și universitari, precum Anatol David, Luminița Bejenaru, Simina Stanc, Roman Croitor, Angela Simalcsik, Viorica Pascaru ș.a.

Menționăm și faptul că Revista Arheologică, în rezultatul evaluării și clasificării revistelor științifice, a fost acreditată prin Hotărârea Consiliului Suprem pentru Știință și Dezvoltare Tehnologică al Academiei de Științe a Moldovei nr. 61 din 30 aprilie 2009, fiind încadrată în categoria B. În Registrul revistelor științifice de profil din anul 2013, Revista Arheologică apare sub numărul 19 în cadrul aceleiași categorii.

Revista este difuzată în numeroase biblioteci din prestigioase centre academice și universitare din R. Moldova, România, Ucraina, Rusia, Germania, Franța ș.a., cu care Centrul de Arheologie are încheiate acorduri de colaborare.

În ultima vreme, se fac eforturi susținute pentru includerea Revistei Arheologice în prestigioasa bază internațională de date cu caracter academic SCOPUS.

Ludmila Bacumenco-Pîrnău,
Larisa Ciobanu
(Chișinău)

Indicele bibliografic al Revistei Arheologice serie nouă (volumele I [2005] - X [2014])

Întocmirea indicelui bibliografic al Revistei Arheologice era necesar și binevenit după 10 ani de la apariția primului număr al seriei noi, având în vedere volumul important de informație acumulat în paginile sale. Materialul este ordonat pe modelul sumarului Revistei, redând astfel o imagine completă a conținutului acesteia pe parcursul a celor zece ani de apariție.

MONOGRAFIE – МОНОГРАФИЯ – MONOGRAPH

1. DERGACIOV VALENTIN, О скипетрах. Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас, **I, 2, 2005, 6-166.**
2. REZEPKIN ALEKSEI, LIONNE BERTIL, Поселения эпохи ранней бронзы на Кубани, **III, 1-2, 2007, 5-73.**

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

3. AGULNICOV SERGEI, BRUIAKO IGOR, KOZHOKARU VALERII, Золотая гривна из окрестностей городища Новосельское II на Нижнем Дунае, **II, 1-2, 2006, 78-89.**
4. ANISIUTKIN NIKOLAI, К вопросу о времени и месте появления начального верхнего палеолита в Европе, **VI, 1, 2010, 5-12.**
5. ANISIUTKIN NIKOLAI, О специфике трансформации среднего палеолита в верхний на территории Восточного Прикарпатья, **IX, 2, 2013, 5-21.**
6. BALABINA VERA, Серпенты и люди: специфика отождествлений в неолите–энеолите Анатолии и Южной Европы, **IX, 1, 2013, 21-29.**
7. BOGHIAN DUMITRU, ENEA SERGIU-CONSTANTIN, The Pre-Cucuteni–Cucuteni/Tripolye cultural complex – between the West and the East, **IX, 1, 2013, 30-47.**
8. BORZIAC ILIE, CHIRICA VASILE, Considerații referitoare la evoluția paleoliticului final și epipaleoliticului în spațiul dintre Nistru și Carpații Orientali (aspecte paleoecologice și tehnico-tipologice), **II, 1-2, 2006, 5-34.**
9. BORZIAC ILIE, CHIRICA VASILE, DAVID ANATOLIE, OBADĂ THEODOR, Planigrafia nivelului superior de locuire din stațiunea aurignaciană Climăuții de pe Nistrul Mijlociu, Locuința „din oase și pământ”, **III, 1-2, 2007, 74-88.**
10. BORZIAC ILIE, HAESAERTS PAUL, CHIRICA VASILE, Cadrul cronostratigrafic al paleoliticului superior din spațiul cuprins între Carpații Orientali și Nistru, **I, 2, 2005, 168-201.**
11. BRUIAKO IGOR, Киммерийцы, фракийцы и могильник Стойкань, **I, 2, 2005, 202-211.**
12. BURDO NATALIA, К вопросу об интерпретации углубленных объектов на поселениях трипольской культуры, **IX, 1, 2013, 48-53.**
13. CHERNOVOL DMITRII, Постройки петренской локальной группы, **IX, 1, 2013, 72-87.**
14. CHIRICA VASILE, BORZIAC ILIE, VĂLEANU MĂDĂLIN, Imaginea femeii în arta și religiile preistorice: Oranta, **V, 2, 2010, 5-27.**
15. CHOCHOROVSKI JAN, Scythian quiver (gorytos?) from the Býčí skála cave in Moravia, **IX, 1, 2013, 221-226.**
16. COVALENCO SERGEI, Мезолит Пруто-Днестровского междуречья, **VI, 1, 2010, 13-23.**
17. DARAGAN MARINA, KASHUBA MAIA, Аргументы к ранней дате основания Жаботинского поселения, **IV, 2, 2008, 40-73.**
18. DERGACIOV VALENTIN, LARINA OLGA, Планиграфия и структура поселения культуры Криш Сакаровка I (Р. Молдова), **X, 1-2, 2014, 6-30.**
19. DERGACIOV VALENTIN, Динамика развития домашнего стада неолита-бронзы Юго-Вос-

- точной Европы как возможный индикатор климатических изменений прошлого, **II, 1-2, 2006, 56-77.**
20. DERGACIOV VALENTIN, Cu privire la originea și evoluția topoarelor-celt din epoca bronzului, **IX, 2, 2013, 22-28.**
21. DERGACIOV VALENTIN, Неолитизация Северо-Понтийской зоны и Балкан в контексте разливов морей, **I, 1, 2005, 4-33.**
22. DIACHENKO ALEKSANDR, Палеодемографические реконструкции Кукутень-Трипольского населения: современное состояние, проблемы и перспективы, **IX, 1, 2013, 98-107.**
23. DIACONU VASILE, Considerații privind topoarele de luptă din piatră specifice epocii bronzului din Moldova, **V, 1, 2010, 5-21.**
24. ENEA SERGIU CONSTANTIN, Simboluri eneolitice ale puterii. Despre topoarele de aramă cu brațele „în cruce” din România, **IV, 2, 2008, 5-32.**
25. GORBANENKO SERGEI, KARAVAIKO DMITRII, Рыболовный промысел населения Юхновской культуры, **VIII, 1-2, 2012, 37-49.**
26. GORODENCO ANATOL, Tipologia cahlelor din secolul XV de la Orheiul Vechi, **IV, 2, 2008, 100-104.**
27. GRECHKO DENIS, Некоторые вопросы изучения архаического некрополя Ольвии Понтийской, **VI, 2, 2010, 44-57.**
28. GRECHKO DENIS, О бескурганных погребениях аборигенного населения Восточноевропейской лесостепи скифского времени, **X, 1-2, 2014, 81-104.**
29. GROSU VASILE, VORNIC VLAD, CIOBANU LARISA, Ceramica romană din necropola de tip Sântana de Mureș-Černjachov de la Brăviceni (raionul Orhei, Moldova), **II, 1-2, 2006, 104-127.**
30. HAHEU VASILE, Lumea egeeană și impactul cultural al acesteia asupra evoluției tracilor septentrionali, **X, 1-2, 2014, 105-118.**
31. HAHEU VASILE, Originea culturii getice – repere istoriografice, **II, 1-2, 2006, 90-103.**
32. HAHEU VASILE, Sinergetica și getica (în susținerea teoriei transformărilor culturale), **III, 1-2, 2007, 155-160.**
33. HAHEU VASILE, Tracii septentrionali și sciții: interferențe și transformări culturale, **IX, 2, 2013, 29-45.**
34. IARMULSCHI VASILE, Contribuții la poziția cronologică a necropolei de tip Poienеști-Lucașeuca de la Dolinjany, **VIII, 1-2, 2012, 84-92.**
35. IARMULSCHI VASILE, MUNTEANU OCTAVIAN, Ceramica lucrată cu mâna din așezarea Lucășeuca II (secolele II-I a.Chr.), **X, 1-2, 2014, 124-131.**
36. IVANOVA SVETLANA, Эпоха ранней бронзы Причерноморских степей, **I, 1, 2005, 34-43.**
37. KASHUBA MAIA, DARAGAN MARINA, LEVIȚKII OLEG, Технологические новшества раннего железного века: перспективы изучения ранней гончарной сероглиняной керамики восточного Прикарпатья, **V, 2, 2010, 28-61.**
38. KASHUBA MAIA, SMIRNOVA GALINA, VAKHTINA MARINA, Un secol de la începutul investigațiilor arheologice la cetatea Nemirov de pe Bugul de Sud (scurte bilanțuri și noi obiective), **VI, 2, 2010, 24-43.**
39. CAVRUC VALERII, Олово и соль в Карпатском бассейне в бронзовом веке (часть первая), **VII, 1-2, 2011, 5-46.**
40. CAVRUC VALERII, Олово и соль в Карпатском бассейне в бронзовом веке (часть II), **VIII, 1-2, 2012, 16-36.**
41. KRAVCHENKO E.A., Кто сжег Уч-Баш? (к вопросу о финале предскифского периода в Северном Причерноморье), **X, 1-2, 2014, 49-70.**
42. KURCHATOV SERGEI, Следы неведомых «царей», **X, 1-2, 2014, 132-142.**
43. KUSHTAN DMITRII, Ранние металлические серпы и кельты эпохи бронзы на территории Среднего Поднепровья, **IX, 1, 2013, 131-143.**
44. LARINA OLGA, OKHRIMENKO GRIGORII, Крайняя восточная периферия западной линей-

- ной керамики (пространственно-географический аспект), **III, 1-2, 2007, 89-109.**
45. LARINA OLGA, Жатвенные орудия Ближнего Востока как начальный этап становления древнейшего земледелия, **VIII, 1-2, 2012, 5-15.**
46. LARINA OLGA, Неолитическая керамика поселения Тэтэрэука Ноуэ XV (к проблеме исчезновения культуры линейно-ленточной керамики), **II, 1-2, 2006, 35-55.**
47. LEVINSCHI ALEXANDRU, Ceramica grecească de lux în așezările getice din silvostepa Nistru-Prut, **X, 1-2, 2014, 119-123.**
48. LEVIȚKI OLEG, DEMCENCO TATIANA, Construcții și obiceiuri funerare practicate de comunitățile hallstattiene târzii din Platoul Moldovei de Nord (în baza necropolei Trinca „Drumul Feteștilot”), **I, 1, 2005, 44-71.**
49. LEVIȚKI OLEG, Despre unele piese de inventar din epoca bronzului depistate în așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”, **III, 1-2, 2007, 138-154.**
50. LEVIȚKI OLEG, Piese din categoria ceramicii tehnice depistate în așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”, **IV, 1, 2008, 5-30.**
51. LEVIȚKI OLEG, HAHEU VASILE, Necropola hallstattiană târzie de la Giurgiulești în contextul cultural-istoric de la Dunărea de Jos, **VII, 1-2, 2011, 55-71.**
52. LEVIȚKI OLEG, SÎRBU GHENADIE, Date referitoare la prelucrarea bronzului în așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”, **VI, 1, 2010, 71-88.**
53. LEVIȚKI OLEG, SÎRBU LIVIA, Considerații privind stadiul actual și prioritățile cercetării culturii Hallstattului de canelat de tip Chișinău-Corlăteni din spațiul carpato-nistrean (sec. XII-X î.e.n.), **VIII, 1-2, 2012, 58-68.**
54. МАКХОРТЫКН SERGEI, Об одной группе раннескифских памятников Днепроовского лесостепного Правобережья, **X, 1-2, 2014, 71-80.**
55. MALIUKEVICH ALEKSANDR, Construcții de cult din așezarea Mologa II, **IX, 2, 2013, 66-75.**
56. MATEEVICI NATALIA, SAMOILOVA TATIANA, Imagini de vase grecești antice de pe ștampile amforistice de Sinope de la Tyras, **IX, 2, 2013, 57-65.**
57. MUNTEAN ION, Obținerea și prelucrarea fierului în epoca romană târzie în spațiul pruto-nistrean, **III, 1-2, 2007, 181-194.**
58. MUNTEANU OCTAVIAN, IARMULSCHI VASILE, Linguri de lut din mediul culturii Poienesti-Lucașeuca, **IX, 2, 2013, 76-84.**
59. MUSTEAȚĂ SERGIU, Meșteșugul prelucrării osului și cornului la nordul Dunării de Jos în sec. VIII-IX, **II, 1-2, 2006, 128-142.**
60. NICULICĂ BOGDAN P., BUDUI VASILE, POPESCU DANIELA, POPESCU LIVIA, IGNAT IOAN, The Komariv (Komarów) settlement of Adâncata-Sub Pădure (Adâncata commune, Suceava county). Archaeological researches and habitat conditions, **IX, 1, 2013, 144-155.**
61. OȚA SILVIU, Podoabe de tradiție bizantină descoperite în așezările rurale și târguri de la nordul Dunării (secolele XI-XIV), **X, 1-2, 2014, 168-176.**
62. PALAGUTA ILIIA, «Биноклевидные» изделия в культуре Триполье-Кукутень: опыт исследования категории «культовых» предметов, **III, 1-2, 2007, 110-137.**
63. POLTAVETS VASILII, Браслеты суботовского типа (к вопросу о контактах чернолесской культуры Среднего Поднепровья), **IX, 1, 2013, 198-220.**
64. POSTICĂ GHEORGHE, Structuri teritoriale medievale timpurii în spațiul pruto-nistrean, **I, 2, 2005, 212- 236.**
65. REABȚEVA SVETLANA, Coronițele din plăcuțe imprimare din regiunea carpato-dunăreană în contextul antichităților din Europa de Est și Sud-Est (sec. XII-XV), **VIII, 1-2, 2012, 93-104.**
66. REABȚEVA SVETLANA, Pandantive de tâmplă sau cercei în formă de semilună și mărgelați în situările arheologice din regiunea carpato-danubiană (secolele XII-XVII), **IX, 2, 2013, 111-126.**
67. REABȚEVA SVETLANA, RABINOVICI ROMAN, К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях в IX-X вв., **III, 1-2, 2007, 195-230.**
68. REABȚEVA SVETLANA, Кресты-реликварии в контексте культурно-исторических контактов

- Пруто-Днестровского региона в XI-XVI вв., **VI, 1, 2010, 98-107.**
69. REABȚEVA SVETLANA, О византийских лунницевидных серьгах VI-VII вв., **IV, 1, 2008, 31-39.**
70. REABȚEVA SVETLANA, Парадные диадемы и венцы X-XV вв. в памятниках Восточной и Юго-Восточной Европы. Общие черты и моменты отличия, **VII, 1-2, 2011, 72-95.**
71. REABȚEVA SVETLANA, Перстни с полусферическими щитками и специфика престижного ювелирного убора X-XII вв. населения Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы, **X, 1-2, 2014, 143-167.**
72. REABȚEVA SVETLANA, Ювелирные украшения Пруто-Днестровского междуречья в контексте этнокультурных связей региона в X-XI вв., **II, 1-2, 2006, 143-168.**
73. RYZHOV SERGEI, SHUMOVA VALENTINA, Культовая постройка поселения Коновка-Пущита и некоторые религиозные представления трипольского населения Пруто-Днестровского региона, **IX, 1, 2013, 64-71.**
74. SCHUSTER CRISTIAN, Landscape and demographic dynamics in Southern Romanian Bronze Age. The larger Lower Argeș Basin, **IX, 1, 2013, 117-130.**
75. SKAKOV ALEKSANDR, Фибулы древней Колхиды: происхождение, типология, хронология, **IV, 2, 2008, 74-99.**
76. SKORYI SERGEI, Поясная пряжка – скачущий всадник из предгорного Крыма, **IX, 2, 2013, 46-56.**
77. TELNOV NICOLAI, SINIK VITALII, Фракийские влияния на материальную культуру скифов III-II вв. до н.э., **VIII, 1-2, 2012, 69-83.**
78. TELNOV NICOLAI, Об уровне экономического и социального развития племен Пеньковской и Пражско-Корчакской культур в Молдавии, **VI, 1, 2010, 89-97.**
79. TKACH EVGENII, Костобоки в маркоманских войнах, **IX, 2, 2013, 85-103.**
80. TSIMIDANOV VITALII, «Ограбленные» погребения Белозерской культуры, **X, 1-2, 2014, 31-48.**
81. ȚERNA STANISLAV, Probleme actuale în interpretarea statuetelor antropomorfe cucuteniene, **IV, 2, 2008, 33-39.**
82. URSU ION, Piese din echipamentul de apărare descoperite în complexe funerare ale turanicilor târzii din spațiul carpato-nistrean, **IX, 2, 2013, 104-110.**
83. URSU ION, Sabia la populațiile turanice din spațiul carpato-nistrean în secolele X-XIV, **X, 1-2, 2014, 177-183.**
84. URSULESCU NICOLAE, Questions soulevées par les sceptres préhistoriques récemment publiés en Roumanie, **IX, 1, 2013, 54-63.**
85. UȘURELU EUGEN, Генезис и эволюция двушковых топоров-кельтов Восточной Европы эпохи поздней бронзы, **V, 1, 2010, 22-67.**
86. UȘURELU EUGEN, Cronologia complexelor ce țin de prelucrarea metalelor în perioada târzie a epocii bronzului din spațiul carpato-dunăreano-nord-pontic I, **VI, 1, 2010, 24-70.**
87. UȘURELU EUGEN, Apariția și evoluția dălților cu toc de înmănușare longitudinal în epoca bronzului din Europa de Est, **VI, 2, 2010, 5-23.**
88. UȘURELU EUGEN, Apariția și evoluția topoarelor-celt cu urechiușă frontală în epoca bronzului din Europa de Est, **VII, 1-2, 2011, 47-54.**
89. UȘURELU EUGEN, Apariția și evoluția așa-numitelor „sape” în epoca bronzului din Europa de Est, **VIII, 1-2, 2012, 50-57.**
90. VIDEIKO MIKHAIL, Исследования микрохронологии крупных трипольских поселений, **IX, 1, 2013, 88-97.**
91. VORNIC VLAD, CIOBANU LARISA, Ceramica lucrată la roată din așezările „de tip Etulia” Cișmichioi I și Cișmichioi II, **III, 1-2, 2007, 161-180.**
92. VORNIC VLAD, CIOBANU LARISA, Obiecte de podoabă descoperite în necropola de tip Sântana de Mureș-Černjachov de la Brăviceni, **VI, 2, 2010, 58-80.**
93. VORNIC VLAD, CIOBANU LARISA, Погребения с западно-восточной ориентировкой из могильника культуры Сынтана де Муреш-Черняхов у села Брэвичень. К вопросу о распространении

нии христианства в Готии, **V, 2, 2010, 62-90.**

**MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS**

94. AGULNICOV SERGEI, Поселения эпохи поздней бронзы в Буджакской степи, **II, 1-2, 2006, 217-262.**
95. AGULNICOV SERGEI, Памятники эпохи поздней бронзы микрозоны Верхне-Пугаченского массива, **III, 1-2, 2007, 231-251.**
96. AGULNICOV SERGEI, Necropola medievală târzie de lângă satul Budești, **III, 1-2, 2007, 339-343.**
97. AGULNICOV SERGEI, Могильник Сабатиновской культуры в кургане 1 у с. Твардица (некоторые проблемы погребального обряда периода поздней бронзы Пруто-Днестровского междуречья), **IV, 2, 2008, 124-138.**
98. AGULNICOV SERGEI, Раскопки кургана 17 у с. Казаклия в 1985 году, **VII, 1-2, 2011, 129-156.**
99. AGULNICOV SERGHEI, BURLACU VITALIE, O nouă colecție de piese litice de la Nicolscoe (raionul Slobozia), **IV, 2, 2008, 119-123.**
100. AGULNICOV SERGEI, KURCIATOV SERGEI, Погребально-поминальные комплексы сарматского времени Буджакской степи, **I, 2, 2005, 285-294.**
101. AGULNICOV SERGEI, KURCHATOV SERGEI, Курган сарматской элиты в Буджакской степи, **IX, 2, 2013, 175-184.**
102. AGULNICOV S.M., IVANOVA S.V., Кинжал «киммерийского типа» из окрестностей с. Севериновка, **V, 1, 2010, 151-157.**
103. AGULNICOV SERGEI, MALIUKEVICH ALEKSANDR, Ритуальный комплекс периода поздней бронзы с поселения Молога II в Нижнем Попрутье, **VI, 1, 2010, 151-163.**
104. AGULNICOV SERGEI, MALIUKEVICH ALEKSANDR, Стратиграфия кургана 20 Казаклийского курганного могильника, **IX, 2, 2013, 185-190.**
105. AGULNICOV SERGEI, MISTREANU EUGENIU, Новые находки каменных орудий на памятниках позднего бронзового века степной зоны Молдовы, **X, 1-2, 2014, 206-212.**
106. AGULNICOV SERGEI, REDINA EVGENIIA, Могильник эпохи ранней бронзы Змеиная Балка у с. Кошары, **I, 2, 2005, 267-276.**
107. AGULNICOV SERGHEI, URSU ION, Complexe funerare tumulare din zona Prutului Inferior, **IV, 1, 2008, 61-79.**
108. AILINCĂI SORIN CRISTIAN, JUGĂNARU GABRIEL, ȚÂRLEA ALEXANDRA, MIHAIL FLORIAN, VERNESCU MIRELA, AILINCĂI ADINA, Noi date referitoare la așezarea culturii Babadag de la Enisala-Palanca, com. Sarichioi, jud. Tulcea. Cercetările arheologice din perioada 2003-2006, **VII, 1-2, 2011, 157-199.**
109. ANDRIEȘ-TABAC SILVIU, CAMINSCHI IURIE, Un vârf de steag descoperit în Codrii Tigheciului, **VIII, 1-2, 2012, 257-259.**
110. ANDRUKH SVETLANA, TOSHCHEV GENNADII, Курган у г. Токмак (исследования 2011 г.), **VIII, 1-2, 2012, 121-136.**
111. ANDRUKH SVETLANA, TOSHCHEV GENNADII, Раннескифское изваяние из Запорожья (проспект Советский), **VIII, 1-2, 2012, 190-192.**
112. ANISIUTKIN NIKOLAI, COVALENCO SERGEI, VITALII BURLACU, Новые данные о раннем палеолите Приднестровья, **VII, 1-2, 2011, 96-107.**
113. BODEAN SERGIU, Plastica antropomorfă din așezarea Cucuteni-Tripolie Ciulucani I (raionul Telenești, Republica Moldova), **VIII, 1-2, 2012, 105-112.**
114. BODEAN SERGIU, URSU ION, Socola – o stațiune pluristratificată a culturii Cucuteni-Tripolie din bazinul Nistrului, **VIII, 1-2, 2012, 113-117.**
115. BORZIAC ILIE, BURLACU VITALIE, Noi contribuții la cunoașterea paleoliticului în zona Orhe-

iului Vechi, **V, 2, 2010, 143-150.**

116. BORZIAN ILIE, BURLACU VITALIE, VARTIC ION, Situri mezolitice din valea râului Căinari, Republica Moldova, **IV, 1, 2008, 40-60.**

117. BORZIAN ILIE, Noi piese de artă mobilă, podoabă și exotice de la stațiunea pluristratigrafică gravetiană Cosăuți de pe Nistrul Mijlociu, **I, 1, 2005, 183-192.**

118. BRUIAKO IGOR', Поселение Ново-Некрасовка II («Геродотовы» геты на Нижнем Дунае), **I, 1, 2005, 279-300.**

119. BRUIAKO IGOR', О костюме населения предскифской эпохи Северо-Западного Причерноморья, **IV, 2, 2008, 139-145.**

120. BUBULICI VALERIU, KURCIATOV SERGEI, Cercetările arheologice de salvare în curtea bisericii Adormirea Maicii Domnului din Căușeni în vara anului 2004, **I, 2, 2005, 402-416.**

121. CARP LILIAN, Mănăstirea „În cretă” de la Cosăuți, **I, 2, 2005, 386-401.**

122. CHETVERIKOV IGOR, BUBULICI VALERII, Уникальный погребальный комплекс на Нижнем Днестре (по материалам курганного могильника у с. Глиное), **I, 1, 2005, 321-330.**

123. CHITIC OLEG, O nouă așezare a culturii Cucuteni-Tripolie de la Temeleuți, raionul Florești, Republica Moldova, **II, 1-2, 2006, 213-216.**

124. CIOBANU LARISA, Două amfore romane inedite din colecțiile Muzeului Național de Arheologie și Istorie a Moldovei, **V, 1, 2010, 162-166.**

125. CIOBANU LARISA, NOROC ION, Materiale din așezarea cu mai multe niveluri de locuire Ustia-La Plopi, raionul Glodeni, **IX, 2, 198-202.**

126. COVALENCO SERGEI, Верхнепалеолитическая стоянка Дрэгэнешть X, **X, 1-2, 2014, 184-191.**

127. COVALENCO SERGEI, BODEAN SERGEI, Кремневый инвентарь раннетрипольского поселения Александровка I, **II, 1-2, 2006, 198-212.**

128. COVALENCO SERGEI, CHETRARU NICOLAE, Техничко-типологическая характеристика верхнепалеолитического комплекса Рашков 8, **I, 1, 2005, 152-167.**

129. COVALENCO SERGEI, CHETRARU NICOLAE, Рукоятки из рога и кости верхнепалеолитической стоянки Рашков 7, **I, 2, 2005, 262-266.**

130. COVALENCO SERGEI, CROITOR ROMAN, LEVIȚKI OLEG, Археологические исследования в гроте Тринка III в 2011 г., **IX, 2, 2013, 127-135.**

131. COVALENCO SERGEI, GRAMMA ANNA, LEVINSKII ALEKSANDR, Культовый пещерный комплекс Холеркань-Маркэуць, **IV, 2, 2008, 186-207.**

132. COVALENCO SERGEI, PUȚUNȚICĂ SERGEI, Раннепалеолитическая находка из Кошницы, **I, 1, 2005, 168-169.**

133. DEMCENCO TATIANA, LEVIȚKI OLEG, Курганы у села Бурлэнешть, **II, 1-2, 2006, 293-327.**

134. DERGACIOV VALENTIN, Клад поздней бронзы из села Баху в Республике Молдова, **VIII, 1-2, 2012, 154-160.**

135. DERGACIOV VALENTIN, Клады поздней бронзы из сс. Жавгур и Отак в Республике Молдова, **IX, 2, 2013, 169-174.**

136. DERGACIOV VALENTIN, Новые комплексы и единичные находки металлических предметов поздней бронзы – раннего гальштата на территории Республики Молдова, **VIII, 1-2, 2012, 161-181.**

137. DERGACIOV VALENTIN, Новые металлические предметы поздней бронзы – раннего гальштата с территории Молдовы, **VI, 2, 2010, 120-129.**

138. DERGACIOVA LILIA, Неизвестные монеты Богдана III из Сесенского клада, **I, 1, 2005, 364-367.**

139. DERGACIOVA LILIA, Монета Петра Мушата, найденная на Подолии, **II, 1-2, 2006, 384-386.**

140. DERGACIOVA LILIA, Monede medievale moldovenești din colecții particulare (I), **IV, 2, 2008, 208-217.**

141. DERGACIOVA LILIA, Monede medievale moldovenești din colecții particulare din Republica Moldova (V), **VI, 1, 2010, 180-187.**

142. DERGACIOVA LILIA, KRIVENKO ANDREI, К вопросу о денежном обращении в Молдавии в конце XV – первой половине XVI вв. Клад из с. Пэнэшешть (Стрэшенский район, Республика Молдова), **VII, 1-2, 2011, 240-253.**
143. DERGACIOVA LILIA, Monede medievale moldovenești din colecții particulare din Republica Moldova (VI), **VIII, 1-2, 2012, 260-265.**
144. DERGACIOVA LILIA, TELNOV NICOLAI, Monede medievale moldovenești din colecții particulare din Republica Moldova (VII), **IX, 2, 2013, 203-210.**
145. DERGACIOVA LILIA, Monede medievale moldovenești din colecții particulare din Republica Moldova (VIII), **X, 1-2, 2014, 222-228.**
146. FIDELSKII SERGEI, SINIK VITALII, Два новых степных киммерийских погребения (к вопросу о северокавказских влияниях на юго-восточную Европы в предскифское время), **VI, 1, 2010, 164-170.**
147. GERSHKOVICH IAKOV, PANKOVSKII VALENTIN, SHAMRAI ANATOLII, Клад бронзовых изделий из леса у села Крестище (Славянский р-н Донецкой области, Украина), **IX, 1, 2013, 188-197.**
148. GLAZOV VICTOR, KURCIATOV SERGEI, Тецканские курганы. Новое в погребальном обряде сармат Днестровско-Прутского региона, **I, 1, 2005, 301-320.**
149. GORODENCO ANATOL, DERGACIOV LILIA, Considerații privind reprezentarea călărețului pe monedele din Podolia și Moldova de la finele secolului XIV și al treilea deceniu al secolului XV, **I, 1, 2005, 359-363.**
150. HAHEU VASILE, Statueta antropomorfă de la Speia, **I, 2, 2005, 284.**
151. HAHEU VASILE, POPOVICI SERGIU, Раскопки курганов у с. Жюржюлешть в Нижнем Попрутье, **VI, 1, 2010, 130-150.**
152. HÂNCEANU GEORGE D., Cercetări de suprafață pe teritoriul județului Neamț (I), **VIII, 1-2, 2012, 201-221.**
153. HÂNCEANU GEORGE DAN, Ornamentele ceramicii modelată cu mâna din situl de la Roșiori-Neamț, **VII, 1-2, 2011, 230-239.**
154. HEGHEA SERGIU, Așezările complexului cultural Precucuteni-Cucuteni-Tripolie din regiunea Podișului Moldovei de Nord, **IX, 2, 2013, 161-168.**
155. IARMULSCHI VASILE, Observații privind așezările de tip Poienești-Lucașeuca, **V, 2, 2010, 158-168.**
156. JERZY HATŁAS, The most important sepulchral discoveries on territory of antique thrace in years 1972-2005 (on margin of ten congresses of Thracology), **I, 2, 2005, 277-283.**
157. KARNAUKH EVGENII, Могильник среднесарматского времени Приморское в Приазовье, **IV, 2, 2008, 164-178.**
158. KASHUBA MAIA, FIDELSKII SERGEI, Находки финальной бронзы и раннего железного века из многослойных поселений Рашков XI и Рашков XII, **III, 1-2, 2007, 266-281.**
159. KASHUBA MAIA, Гетские материалы из многослойного поселения Холеркань (раскопки 1954 года), **II, 1-2, 2006, 334-347.**
160. KAZAROV ALEKSANDR, KRIVENKO ANDREI, Находки золотоордынских монет Сакчи в Молдове и в Украине. Новый монетный двор – Акча Керман, **VI, 2, 2010, 139-146.**
161. KOLESNIKOVA VIKTORIA, IANENKO ANNA, Украинско-молдавские археологические исследования 30-40 годов XX столетия: планы и реализация, **IX, 1, 2013, 227-235.**
162. KRAVCHENKO EVELINA, К вопросу об изменениях в материальной культуре населения горного Крыма в предскифское время, **III, 1-2, 2007, 282-294.**
163. KURCHATOV SERGEI, LEVINSCHII ALEKSANDR, Новые материалы сарматского времени из Попрутья, **III, 1-2, 2007, 311-320.**
164. KURCHATOV SERGEI, Исследование курганов эпохи бронзы на среднем Пруте, **II, 1-2, 2006, 263-292.**
165. KURCHATOV SERGEI, Новые находки клинкового оружия эпохи Великого переселения народов в Днестровско-Прутском междуречье, **IV, 1, 2008, 180-185.**

166. KURCHATOV SERGEI, Сарматский горизонт могильника Шолдэнешть, **V, 1, 2010, 151-161.**
167. KURCHATOV SERGEI, Сарматы на городище Рудь-Ла Шанцурь, **VIII, 1-2, 2012, 193-200.**
168. KUSHTAN DMITRII, Позднебронзовый горизонт многослойного поселения Шарин III на юге лесостепного Побужья, **III, 1-2, 2007, 252-265.**
169. LARINA OLGA, Производственно-хозяйственный комплекс поселения позднечернолесской культуры Тэтэрэука Ноуэ XV, **I, 1, 2005, 240-267.**
170. LARINA OLGA, KASHUBA MAIA, Позднейшие позднечернолесские материалы поселения Тэтэрэука Ноуэ XV в Среднем Поднестровье, **I, 1, 2005, 212-239.**
171. LARINA OLGA, BIKBAEV VIACESLAV, CONDORACHI CONSTANTIN, Новые артефакты культуры линейно-ленточной керамики из Сынджерея, **V, 1, 2010, 91-97.**
172. LARINA OLGA, SÎRBU GHENADIE, Rezultatele investigațiilor arheologice din așezările Fetești I și II (r-nul Edineț), **X, 1-2, 2014, 192-202.**
173. LEVINSCHI ALEXANDRU, BRIHUNEȚ EMANUIL, Vestigiile arheologice din raza satelor Zamciogi și Rădeni pe r. Ichel, **IX, 2, 2013, 191-197.**
174. LEVINSCHII ALEKSANDR, ROMANCIUC ALEKSEI, Памятник культуры Сахарна-Солончень на левобережье Днестра (Рашков-Млыны), **II, 1-2, 2006, 328-333.**
175. LEVIȚKI OLEG, HAHEU VASILE, VORNIC VLAD, CIOBANU LARISA, Așezarea de tip Sântana de Mureș-Černjachov de la Giurgiulești – „Stâna lui Ion” și „Stâna lui Mocanu”, **I, 2, 2005, 312-350.**
176. LEVIȚKI OLEG, SÎRBU GHENADIE, BABII ANDREI, Lipcani „La Rabii” – un nou sit arheologic cu nivel de locuire hallstattian târziu în zona Podișului Moldovei de Nord, **V, 1, 2010, 142-150.**
177. LEVIȚKI OLEG, SÎRBU GHENADIE, SÎRBU LIVIA, HEGHEA SERGIU, Cercetările arheologice din situl Trinca-La Șanț, campania anului 2011. Rezultate preliminare, **IX, 2, 2013, 136-160.**
178. LYSENKO SERGEI, Белогрудовский горизонт малополовецкого археологического комплекса на Киевщине, **IV, 1, 2008, 100-134.**
179. MALIUKEVICH ALEKSANDR, AGULNICOV SERGEI, Раскопки кургана 2 у с. Молога в Нижнем Поднестровье, **I, 1, 2005, 193-211.**
180. MALOV NIKOLAI, Парное погребение семейного типа из кургана 35 Покровской группы ранней фазы эпохи поздней бронзы Волго-Уральского очага культурогенеза, **IX, 1, 2013, 156-165.**
181. MOGILOV ALEKSANDR, К археологической карте северной Буковины раннего железного века, **V, 1, 2010, 98-129.**
182. MUNTEANU OCTAVIAN, Noi linii defensive cercetate în microzona fortificației Cosăuți, **III, 1-2, 2007, 295-310.**
183. MUSTEAȚĂ SERGIU, SÎRBU GHENADIE, Vestigii ale culturii Șoldănești-Basarabi descoperite în așezarea Mașcăuți-Livada Boierului, raionul Criuleni, Republica Moldova, **V, 1, 2010, 130-141.**
184. OBADĂ TEODOR, COVALENCO SERGEI, BURLACU VITALII, VAN DER PLIKHT IOKHANNES, Стоянка верхнего палеолита Валя Морилор в Центральной части Молдовы, **VII, 1-2, 2011, 96-107.**
185. OSTROVERKHOV ANATOLII, SUBBOTIN ALEKSANDR, Подборка античного культового литья из Одесской коллекции, **VI, 2, 2010, 130-138.**
186. PIVOVAROV SERGEI, IL'KIV NIKOLAI, Палеометаллические изделия с Буковины: неопубликованные материалы, **IX, 1, 2013, 108-116.**
187. POLIN SERGEI, CHERNYKH LIUDMILA, DARAGAN MARINA, RAZUMOV SERGEI, Исследования курганов эпохи бронзы и скифского периода у г. Орджоникидзе (Украина), сезон 2007 г. (предварительное сообщение), **IV, 1, 2008, 135-145.**
188. POLIN SERGEI, DARAGAN MARINA, Проблемы датировки скифского царского кургана Александрополь (сезон 2006 г.), **IV, 2, 2008, 146-163.**
189. POPA ALEXANDRU, MUSTEAȚĂ SERGIU, BICBAEV VEACESLAV, RASSMANN KNUT, Considerații privind sondajele geofizice din anul 2009 în Republica Moldova, **VI, 1, 2010, 171-179.**
190. POPOVICI SERGEI, Исследования кургана у г. Орхей, **IV, 1, 2008, 93-99.**
191. POPOVICI SERGIU, O nouă necropolă plană a culturii Mnohovalikovaja, **VIII, 1-2, 2012, 118-120.**

192. POSTICĂ GHEORGHE, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi, **I, 2, 2005, 371-385.**
193. RABINOVICI ROMAN, Ножи с волютообразными рукоятками на территории Молдовы и их культурно-исторический аспект, **I, 2, 2005, 351-359.**
194. REABȚEVA SVETLANA, О листовидных украшениях-подвесках, копоушках и решмах, **I, 1, 2005, 350-358.**
195. REABȚEVA SVETLANA, Пальчатые фибулы Молдовы в контексте древностей сопредельных территорий, **I, 2, 2005, 360-370.**
196. SAPOZHNIKOV IGOR, (+)SOROKIN VICTOR, Новые позднепалеолитические памятники Молдовы, **I, 1, 2005, 170-182.**
197. SAVVA EUDZHEN, BOROFFKA NIKOLAUS, Новые находки бронзовых предметов эпохи поздней бронзы в Пруто-Днестровском междуречье, **IX, 1, 2013, 166-187.**
198. SINIK VITALII, CHETVERIKOV IGOR, TELNOV NIKOLAI, Материалы из разрушенных скифских погребальных комплексов IV-II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра, **X, 1-2, 2014, 213-221.**
199. SKORYI SERGEI, Селище в урочище Лисовый Кут на большом укреплении Бельского городища (материалы раскопок 1999-2001 и 2004 гг.), **IV, 1, 2008, 146-179.**
200. SUBBOTIN LEONID, AGULNICOV SERGEI, Клад белозерской культуры из окрестностей с. Каменка в Дунай-Днестровском междуречье, **VIII, 1-2, 2012, 182-189.**
201. TELNOV NICOLAI, BELOTACI ALA, Așezarea fortificată de la Horodiște, raionul Călărași, **I, 1, 2005, 268-278.**
202. TELNOV NICOLAI, CHETVERIKOV IGOR, SINIK VITALII, Полевые исследования у с. Дойбань-2 Дубэсарского района в 2007 г., **IV, 1, 2008, 80-92.**
203. TELNOV NICOLAI, Литейная формочка из городища Потырка, **V, 1, 2010, 167-171.**
204. TOSHCHIEV G.N., Кромлехи с каменными плитами со знаками в Причерноморье и Крыму, **X, 1-2, 2014, 169-178.**
205. URSU ION, Morminte cu schelete de cai la populațiile turanice târzii din spațiul carpato-nistean, **V, 2, 2010, 169-178.**
206. VORNIC VLAD, Ceramica lucrată cu mâna din așezarea și necropola de tip Sântana de Mureș-Černjachov de la Budești, **I, 1, 2005, 331-339.**
207. VORNIC VLAD, CIOBANU LARISA, Un complex funerar cu amforă romană din secolul IV, descoperit la Cantemir, **I, 1, 2005, 340-349.**
208. VORNIC VLAD, CIOBANU LARISA, Ceramica romană de import din așezarea și necropola de tip Sântana de Mureș-Cherniakhov de la Budești, **I, 2, 2005, 295-311.**
209. VORNIC VLAD, BUBULICI VALERIU, CIOBANU LARISA, O așezare dacică din epoca romană descoperită la Odaia (comuna Miciurin, raionul Drochia, Moldova), **II, 1-2, 2006, 348-363.**
210. VORNIC VLAD, TABUNCIC SERGIU, CIOBANU LARISA, URSU ION, IARMULSCHI VASILE, Sondajul în obiectivul arheologic de la Ialoveni-Marginea de sud a orașului, **IV, 1, 2008, 186-208.**
211. VORNIC VLAD, TABUNCIC SERGIU, CIOBANU LARISA, URSU ION, IARMULSCHI VASILE, Sondajele arheologice de la Ialoveni, **VII, 1-2, 2011, 200-229.**
212. VORNIC VLAD, TABUNCIC SERGIU, Contribuții la cunoașterea realităților arheologice din microzona orașului Ialoveni, **II, 1-2, 2006, 364-383.**
213. VORNIC VLAD, TABUNCIC SERGIU, Obiective arheologice din epoca romană identificate în microzona orașului Ialoveni, **III, 1-2, 2007, 321-338.**
214. VORNIC VLAD, TABUNCIC SERGIU, Un mormânt sarmatic descoperit la Trușeni (mun. Chișinău), **IV, 2, 2008, 179-185.**
215. VORNIC VLAD, URSU ION, BACUMENCO-PÎRNĂU LUDMILA, PÎRNĂU RADU, CIOBANU LARISA, Cercetările arheologice din situl medieval de la Lozova-La hotar cu Vornicenii. Rezultate preliminare, **VIII, 1-2, 2012, 222-256.**
216. VORONTSOV DANIIL, SKORYI SERGEI, Андрушевский курган, **VIII, 1-2, 2012, 137-153.**

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

217. AGULNICOV SERGEI, Хронология и периодизация белозерских памятников Пруто-Днестровского междуречья, **I, 1, 2005, 77-91.**
218. BODEAN SERGIU, A few unpublished archaeological research data carried out in 1943 at Petreni (Republic of Moldova), **VI, 2, 2010, 81-84.**
219. DARAGAN MARINA, KASHUBA MAIA, RAZUMOV SERGEI, Геоинформационный анализ чернолесской фортификации (10.-9. вв. до н.э., правобережье среднего Днепра): поиск объяснительной модели, **V, 2, 2010, 91-128.**
220. DARAGAN MARINA, Памятники раннескифского времени среднего Поднепровья и гальштат: поиск хронологических реперов, **VI, 2, 2010, 85-113.**
221. ENEA SERGIU CONSTANTIN, Despre arheologia funerară neolitică și eneolitică. Privire comparativă între arheologia românească și cea străină, **V, 1, 2010, 68-79.**
222. HAHEU VASILE, BRATCO DUMITRU, Originea și evoluția viței de vie în spațiul dintre Nistru și Prut, **VIII, 1-2, 2012, 285-290.**
223. HAHEU VASILE, BRATCO DUMITRU, Unelte și dispozitive, tehnici și practici vitivinicole la traco-geto-daci, **IX, 2, 2013, 218-227.**
224. HAHEU VASILE, Despre un tip de descoperiri din perioada halstattiană târzie: dispozitivele elice-forme tripaletate de bronz, **VIII, 1-2, 2012, 275-283.**
225. HAHEU VASILE, Puncte de vedere cu privire la originile culturii getice, **I, 1, 2005, 92-97.**
226. HAHEU VASILE, Puncte de vedere referitoare la arealul constituirii culturii traco-getice, **V, 2, 2010, 129-142.**
227. HAHEU VASILE, BRATCO DUMITRU, Vitivinicultura Moldovei în epoca medievală, **X, 1-2, 2014, 241-251.**
228. KASHUBA MAIA, Сахарна – terra incognita? **IV, 2, 2008, 105-118.**
229. KURCHATOV SERGEI, Пережитки зоолатрии у Бессарабских молдован, **VI, 1, 2010, 125-129.**
230. LARINA OLGA, Антропоморфная пластика и ее разнообразие, **IX, 2, 2013, 211-217.**
231. LEVINSCHI ALEKSANDR, Оборонительная система на укрепленных поселениях гетов лесостепной Молдовы, **I, 1, 2005, 98-109.**
232. LEVIȚKI OLEG, CHITIC OLEG, În ce perioadă putea fi fortificată așezarea Trinca „La Șanț”? **II, 1-2, 2006, 169-180.**
233. MATEEVICI NATALIA, Difuzarea amforelor grecești în regiunea nord-vest pontică în secolele VI-V a.Chr., **I, 1, 2005, 110-119.**
234. MUNTEANU OCTAVIAN, Weak chain or where have the Gets disappeared? **I, 2, 2005, 247-257.**
235. PELIVAN ADRIAN, Cercetarea paleoliticului în spațiul pruto-nistean (1923-1973), **VI, 1, 2010, 108-124.**
236. PELIVAN ADRIAN, Noi date privind procesul de organizare a primelor expediții arheologice din RSS Moldovenească, **VII, 1-2, 2011, 264-273.**
237. POPOVICI SERGIU, Sculptura monumentală zoomorfă a culturii Usatovo, **VII, 1-2, 2011, 254-263.**
238. POSTICĂ GHEORGHE, Considerații privind „citadela de pământ” de la Orheiul Vechi în lumina săpăturilor arheologice din anii 1996-2001, **I, 1, 2005, 133-151.**
239. RABINOVICI ROMAN, О культурном и хронологическом соотношении Алчедарского и Брэнештского могильников, **I, 1, 2005, 120-132.**
240. RABINOVICI ROMAN, О происхождение и функциональном назначении средневековых круглых городищ в Пруто-Днестровском междуречье, **II, 1-2, 2006, 181-197.**
241. REABȚEVA SVETLANA, Об одном типе средневековых ювелирных украшений XII-XVI вв., **V, 1, 2010, 80-90.**
242. ROGUDEEV VASILII, Бычья упряжь и проблема происхождения колесничества в южнорусских степях, **VIII, 1-2, 2012, 266-274.**
243. ROMANCIUC ALEXEI, MAMALIGĂ VALENTINA, Orfeu, Zalmoxis și Pitagora sau geneza

geților, **I, 2, 2005, 244-246.**

244. SHYTKO IVAN, SNYTKO ELENA, NIKOLAEV NIKOLAI, О культе героев в нижнем Побужье в античную эпоху, **VI, 2, 2010, 114-119.**

245. UȘURELU EUGEN, Contribuții noi la cronologia pieselor metalice caracteristice bronzului târziu carpato-nistrean, **I, 1, 2005, 72-76.**

246. UȘURELU EUGEN, Coraportul cultural-cronologic între complexe metalice ale culturilor Noua și Sabatinovka, **I, 2, 2005, 238-243.**

247. ŻYROMSKI MAREK, The question of social mobility in ancient Rome – some demographical considerations, **I, 2, 2005, 258-261.**

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

248. ARNĂUT TUDOR, CROITOR ROMAN, POPOVICI SERGEI, URSU-NANIU RODICA, Остеологический материал из раскопок гетского городища Столничень, 2006 г., **III, 1-2, 2007, 361-369.**

249. BEJENARU LUMINIȚA, BACUMENCO-PÎRNĂU, STANC SIMINA, Considerații privind importanța porcului domestic (*Sus domesticus*) în economia alimentară a Moldovei medievale, **X, 1-2, 2014, 271-289.**

250. COMȘA ALEXANDRA, Anthropological data regarding the Hallstatt skeletons discovered in the Tumulus III from Trinca-Drumul Feteștilor, Republic of Moldova, **IX, 1, 2013, 236-251.**

251. CROITOR ROMAN, (†)ARNĂUT THEODOR, CEBAN ION, Archeozoological remains from the Getic fortified monument Stolniceni (Hîncești, Moldova), **VIII, 1-2, 2012, 305-315.**

252. CROITOR ROMAN, ARNĂUT TUDOR, A short report on new osteological and taphonomical records from the getic monument Stolniceni, **V, 2, 2010, 179-183.**

253. CROITOR ROMAN, BODEAN SERGEI, Костные остатки диких и домашних животных из трипольского поселения Хорodka V, **IV, 1, 2008, 216-224.**

254. CROITOR ROMAN, Domestic horse from early Iron Age of Crimea, **IX, 2, 2013, 245-255.**

255. CROITOR ROMAN, LEVIȚKI OLEG, ȘÎRBU GENNADII, Археозоологический комплекс из трипольского памятника Тринка-Ла Шанц, **VIII, 1-2, 2012, 291-304.**

256. CROITOR ROMAN, VORNIC VLAD, The archaeozoological complex from the Dacian settlement near Pruteni (Fălești district, Republic of Moldova), **VI, 1, 2010, 188-191.**

257. CROITOR ROMAN, Биомеханические и эко-морфологические особенности черепа неандертальского человека, **X, 1-2, 2014, 290-303.**

258. CROITOR ROMAN, Воздействие деятельности человека на природу Пруто-Днестровского региона в исторической перспективе, **VII, 1-2, 2011, 274-285.**

259. CROITOR ROMAN, Критические замечания о бизонах (*Bison*, *Bovidae*, *Mammalia*) из плейстоцена Молдовы, **V, 1, 2010, 172-188.**

260. CROITOR ROMAN, О находке нижней челюсти бизона из третьего слоя позднепалеолитической стоянки Косэуць, **IV, 1, 2008, 209-215.**

261. CROITOR ROMAN, О предполагаемой экологической связи между раними видами *Ното* и саблезубыми кошками, **IV, 2, 2008, 218-238.**

262. CROITOR ROMAN, Эко-физиологическая стратегия лошади и проблема ее одомашнивания (комментарии к третьей главе монографии Валентина Дергачева «О скипетрах, о лошадях, о войне. Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас». Санкт-Петербург: издательство «Нестор-История», 2007, 488 с., 172 рис., 43+3 таб.), **III, 1-2, 2007, 354-360.**

263. DAVID ANATOLIE, PASCARU VIORICA, Impactul vânatului omului preistoric asupra faunei de vânătoare din Moldova, **III, 1-2, 2007, 344-353.**

264. DAVID ANATOLIE, PASCARU VIORICA, RUSU VIORELIA, GĂLEANU LUCIA, Caracteristica reminiscentelor scheletice și componenței sistematice a mamiferelor de la stațiunea paleolitică pluristratigrafică Buzdujeni I, **II, 1-2, 2006, 387-392.**

265. DAVID ANATOLIE, Teriofauna stațiunii paleolitice Ofatinți, **I, 1, 2005, 368-373.**
266. GORBANENKO SERGEI, Зерновое хозяйство северян, **IX, 2, 2013, 256-272.**
267. KISHLIARUK VIKTOR, Литолого-фациальный анализ пойменных отложений Днестра в районе поселения Чобручи и его использование в палеогидрологических реконструкциях, **III, 1-2, 2007, 370-385.**
268. MEDIANIC SVETLANA, CHETRARU NICOLAI, Реконструкция растительности и природной среды в палеолите Молдовы (по палинологическим данным из культурных слоев в гроте Буздужень), **II, 1-2, 2006, 395-404.**
269. OLENIUC FLORENTINA, BEJENARU LUMINIȚA, Notă arheozoologică privind unele resturi de pești atribuite stratului Cucuteni B, din Tell-ul de la Poduri-Dealul Ghindaru (județul Bacău, România), **VI, 2, 2010, 163-164.**
270. PASCARU VIORICA, Морфотипическая изменчивость зубов M1 и M3 *Microtus gregalis* Pallas из раскопок палеолитической стоянки Буздужень I, **I, 1, 2005, 374-380.**
271. REDKOZUBOV OLEG, Амфибии и рептилии палеолитической стоянки Буздужень I (Республика Молдова), **II, 1-2, 2006, 393-394.**
272. SIMALCSIK ANGELA, Analiza antropologică a seriei scheletice descoperite în necropola medievală de la Lozova, secolele XIV-XV, **VIII, 1-2, 2012, 316-343.**
273. SIMALCSIK ANGELA, COMȘA ALEXANDRA, GROZA VASILICA MONICA, SIMALCSIK ROBERT DANIEL, Trepanația – ritual simbolic/magico-religios sau procedeu terapeutic? Necropola medievală de la Lozova (r-nul Strășeni, Republica Moldova), secolele XIV-XV. Studiu de caz, **X, 1-2, 2014, 252-270.**
274. SIMALCSIK ANGELA, SIMALCSIK ROBERT DANIEL, GROZA VASILICA MONICA, Hipoplazia smalțului dentar în seria scheletică deshumată din necropola de la Lozova, secolele XIV-XV, **IX, 2, 2013, 228-244.**
275. STANC SIMINA, BEJENARU LUMINIȚA, Sheep and Goat valuation in the communities of the Sântana of Mureș-Černjachov culture (4th-5th Centuries) identified on the territory of Romania, **VI, 2, 2010, 165-169.**
276. TENCARIU FELIX-ADRIAN, Tehnologia arderii ceramicii în preistorie. „Enigme” arheologice, informații etnografice, interpretări etnoarheologice, **VI, 2, 2010, 147-162.**
277. VARZARI ALEXANDR, PEZHEMSKIY DENIS, LARINA OLGA, Палеоантропологический материал позднечернолесского комплекса Тэтэрэука Ноуэ XV (Предварительное заключение), **I, 1, 2005, 381-386.**

PATRIMONIUL CULTURAL – КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ – CULTURAL HERITAGE

278. MUSTEAȚĂ SERGIU, Arheologia între știință, cadru legal și infracțiune, **I, 2, 2005, 418-426.**

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

279. ARNĂUT TUDOR, Rodica Ursu Naniu, Limbajul mitic și religios al artei princiare getice, Cartdidact, Chișinău, 2004, 247 p., **IV, 2, 2008, 242.**
280. BACUMENCO LUDMILA, Jurij M. Mogarichev, Пещерные церкви Таврики [Peschenye cerkvi Tavriki], Simferopol, Editura Tavrija, 1997, 382 p., **II, 1-2, 2006, 424-425.**
281. BACUMENCO LUDMILA, Nicolae Chetraru, Nicolae Raileanu, Ion C. Surucean în arheologia și muzeologia basarabeana, Chișinău, Editura Tyragetia, 2001, 256 p., **II, 1-2, 2006, 426-428.**
282. BACUMENCO LUDMILA, Крепостной ансамбль Фуны 1423-1475 гг. [V.P. Kirilko, Krepostnoi ansambl' Funy 1423-1475 gg.], Киев, издательство: «Издательский дом «Стилос», 2005, 268 с., ISBN 966-8518-30-6, **III, 1-2, 2007, 390-391.**
283. BACUMENCO LUDMILA, Н.Г. Оболенская (коорд.), Византийская идея. Византия в эпоху

- Комнинов и Палеологов [N.G. Obolenskaja (coord.), Vizantijskaja ideja. Vizantija v epochu Komninov i Paleologov], Санкт-Петербург, Издательство «Государственный Эрмитаж», 2006, 215 стр. + 32 табл., ISBN 5-93572-219-4, **IV, 2, 2008, 243-247.**
284. BACUMENCO-PIRNĂU LUDMILA, Sergey Bocharov, Victor Cojocaru (ed.), North and West Black Sea Area during Antiquity and the Middle Ages, Ed. Tavriya, Simferopol, 2009, 316 p., ISBN 978-966-435-290-8, **VI, 1, 2010, 192-194.**
285. BACUMENCO-PÎRNĂU LUDMILA, A.B. Ostrovskij (coord.), Russkij pravoslavnyj krest v sobranii Rossijskogo etnograficeskogo muzeja [Crucea ortodoxă rusă în colecțiile Muzeului Rus de Etnografie], Sankt-Petersburg: „Art Palas”, 2007, 348 p. (CCLXI pl. col. și CLXXXV pl. alb-negru), ISBN 5-89468-038-7, **V, 1, 2010, 207-208.**
286. BACUMENCO-PÎRNĂU LUDMILA, Antichitatea târzie în bazinul Prutului: catalog, coordonat de Ion Ioniță, Mircea Mamalaucă și Vlad Vornic, Bârlad, Editura Sfera, 2009, XX+131 p., ISBN 978-606-8056-50-0, **V, 2, 2010, 186-188.**
287. BACUMENCO-PÎRNĂU LUDMILA, Câteva studii interdisciplinare referitoare la istoria alimentației medievale, **VII, 1-2, 2011, 299-302.**
288. BACUMENCO-PÎRNĂU LUDMILA, Voica Maria Pușcașu, Nicolae N. Pușcașu, Mănăstirea Dobrovățului. Monografie arheologică și istorică, Putna, Editura Mitropolit Iacov Putneanul, 2012, 180 pag. + 26 pl., ISBN 978-606-92292-8-6, **IX, 2, 2013, 273-276.**
289. BACUMENCO-PÎRNĂU LUDMILA, Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии: Памяти Татьяны Чуковой [Iconografia creștină a Orientului și Occidentului redată pe vestigii ale culturii materiale a Rusiei kieviene și a Bizanțului: In memoriam Tatiana Čukova], Sankt-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006, 344 p., ISBN 5-85803-322-9, **V, 2, 2010, 191-194.**
290. BANARU VALERIU, D. Braund (ed.), Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and Early Roman Empire (sixth century BC- first century AD), Exeter: University of Exeter Press, 2005, XII+254 p., **II, 1-2, 2006, 413-419.**
291. BANARU VALERIU, Die Thraker. Das goldene Reich des Orpheus. Katalog zur Ausstellung 23.7-28.11.2004 in der Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland in Bonn [Tracii. Regatul de aur al lui Orfeu. Catalogul expoziției între 23 iulie-28 noiembrie 2004 în sala de artă și expoziții a Republicii Federale Germania din Bonn] (Mainz: von Zabern 2004). 384 pagini, 742 figuri, 1 tabel, 7 planuri și 19 hărți. ISBN 3-8053-3341-2, **I, 1, 2005, 387-391.**
292. BORZIAN ILIE, M. Cărciumaru, M. Anghelinu, E-C. Nițu, M. Cosac, G. Murătoreanu, Geo-Arheologie du Paléolithique moyen, Paléolithique supérieur, Epipaléolithique et Mésolithique en Roumanie. Editura „Cetatea de Scaun; Editura Logos s.r.l., Târgoviște, România , 187 p. 188 foto color, 3 scheme color, bibliografie (394 titluri). ISBN 978-973-8966-38-3, **IV, 2, 2008, 239-241.**
293. BORZIAN ILIE, Marcel Otte, Vasile Chirica, Paul Haesaerts (eds.), L'Aurignacien et le Gravettien de Mitoc-Malu Galben, Liège, 2007, ERAUL 72, 226 p., **IV, 1, 2008, 225-230.**
294. BORZIAN ILIE, Николай Оленковский. Эпиграветт Восточной Европы. Культурно-исторический аспект. Херсон, 2008, 430 стр., **V, 1, 2010, 191-199.**
295. BULAI CRISTINA, Recent Research in the Prehistory of the Balkans. Publications of the Archaeological Institute of Northern Greece, nr. 3, edited by D. V. Grammenos, Thessaloniki, 2003, 544 pagini, capitol introductiv (în limba greacă și engleză), **I, 2, 2005, 428-430.**
296. CĂTĂLIN NICOLAE, Constantin Haită, Sedimentologie și micromorfologie. Aplicații în arheologie, Editura Cetatea de Scaun, București, 2003, 114 p., 12 pl., **I, 2, 2005, 437-438.**
297. CĂTĂLIN NICOLAE, D. Popovici, A. Bălășescu, C. Haită, V. Radu, A.M.F. Tomescu, I. Tomescu, Cercetarea arheologică pluridisciplinară. Concepte, metode și tehnici, Editura Cetatea de Scaun, București, 2002, 78 p. 12 pl., **I, 1, 2005, 392-393.**
298. CIOBANU LARISA, Igor Cereteu, Satul Drochia: pagini de istorie. Editura Pontos, Chișinău 2007, 134 p. (74 p. text + 14 anexe-documente de arhivă și 14 planșe foto). ISBN 978-9975-102-53-7, **IV, 1, 2008, 235-238.**

299. CIOBANU LARISA, Vasile Grosu, Talmaza: localitate străveche de pe Valea Nistrului de Jos (vol. I). Chișinău, Ed. Elan Poligraf 2009, 462 pag., ISBN 978-9975-4047-3-0, **VII, 1-2, 2011, 286-290.**
300. CIOBANU LARISA, С.И. Посохов, С.В. Дьячков, С.Д. Литовченко (ред.), Харьковский историко-археологический ежегодник ДРЕВНОСТИ 2011 [Anuarul istorico-arheologic din Harkov ANTICHITĂȚI 2011] Harkov, 2011, 420 pag., ISBN 978-617-578-066-4, **VIII, 1-2, 2012, 344-348.**
301. CIOCANU SERGIUS, O lucrare importantă din domeniul cartografiei istorice a Țării Moldovei, **IV, 2, 2008, 248-249.**
302. CRAIU CLAUDIA, Valeriu Leahu, Cultura Tei. Grupul cultural Fundenii Doamnei. Probleme ale epocii bronzului în Muntenia, Ministerul Educației și Cercetării, Institutul Român de Tracologie, Bibliotheca Thracologica, XXXVIII, 2003, 343 p., 88 pl., **I, 2, 2005, 431-432.**
303. GERSHKOVICH IAKOV, Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы (Сост., отв. за выпуск: А.И. Василенко), Луганск: „Глобус”, 2010, 487 с., ISBN 978-966-95528-34-6, **VI, 2, 2010, 175-179.**
304. IARMULSCHI VASILE, С.П. Пачкова, Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы [S.P. Pachkova, Zarubineskaia kul'tura i latenizirovannye kul'tury Evropy], Киев 2006, ISBN 966-02-3955-6, 371 с., **III, 1-2, 2007, 386-389.**
305. MATVEEV SERGIU, Sergiu Musteață, Populația spațiului pruto-nistean în secolele VIII-IX, Editura Pontos, Chișinău, 2005, 404 p., **I, 2, 2005, 433-436.**
306. MUNTEANU OCTAVIAN, Vlad Vomic, Așezarea și necropola de tip Sântana de Mureș-Černjachov de Ia Budești, Chișinău, Editura Pontos, 2006, 472 p., **II, 1-2, 2006, 420-423.**
307. MUNTEANU OCTAVIAN, Vlad Vornic, Nicolai Telnov, Valeriu Bubulici, Larisa Ciobanu, Pruteni. Un centru de olărie dacic din epoca romană, Chișinău, 2007, 247 p., ISBN 978-9975-9519-99, **V, 1, 2010, 201-202.**
308. MUSTEAȚĂ SERGIU, Т.А. Щербакова, Е.Ф. Тащи, Н.П. Тельнов, Кочевнические древности Нижнего Поднестровья (по материалам раскопок кургана у г. Слободзея) [Antichități nomade de pe Nistrul Inferior (pe baza materialelor din tumulul de lângă or. Slobozia)], Biblioteca de arheologie IV, Chișinău, 2008, 138 p., ISBN 978-9975-66-105-8, **V, 2, 2010, 189-190.**
309. PÎRNĂU RADU, Konnie L. Wescott and R. Joe Brandon (ed.), Practical Applications of GIS for Archaeologists. A Predictive Modeling Toolkit, Taylor&Francis, 2005, 187 pag., eBook, ISBN 0-203-26953-5, **V, 2, 2010, 184-185.**
310. PÎRNĂU RADU, Vance T. Holliday, Soils in Archaeological Research, Oxford University Press, New York, 2004, 464 p., ISBN 0-19-514965-3, **V, 1, 2010, 189-190.**
311. PUSTOVALOV SERGEI, Валентин Дергачев, О скипетрах. Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас, Revista Arheologică, Serie nouă, vol. I, nr. 2, Chișinău, 2005, 6-166, **II, 1-2, 2006, 405-412.**
312. REABȚEVA SVETLANA, А.Ф. Кочкина, Л.В. Кузнецова, Д.А. Сташенков (ред.), Culturile stepei Евразии второй половины I тыс. н.э. Вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия, Изд. ОФОРТ, Самара, 2010, 268 с., ISBN 978-5-473-00653-7, **VII, 1-2, 2011, 291-298.**
313. SÎRBU GHENADIE, Oleg Levițchi, Necropola tumulară hallstattiană târzie Trinca-„Drumul Feteștilor”, Iași 2006, 148 p.+48 de fig., **IV, 1, 2008, 231-234.**
314. SÎRBU GHENADIE, Sergiu Constantin Enea, Elemente de arheologie funerară în spațiul carpato-danubian. Neolitic și eneolitic, Cluj-Napoca, Editura Argonaut, 2011, 197 p., ISBN 978-973-109-301-7, **X, 1-2, 2014, 304-307.**
315. SÎRBU LIVIA, Liviu Marta, Daniel V. Sana, Ioan Bejinariu, L. Nagy Márta, Elisabeta Berendi, The late Bronze Age settlement of Nyíregyháza-Oros „Űr Csere”. Satu Mare, Editura Muzeului Sătmărean, 2010, 272 pagini, 20 figuri, 4 planșe tipologice, 41 planșe, ISBN 978-973-1843-42-1, **X, 1-2, 2014, 308-312.**
316. STANC SIMINA, Luminița Bejenaru, Arheozoologia Moldovei medievale, Ed. Universității „Alexandru Ioan Cuza” Iași, Iași, 2006, 282 p. ISBN 978-973-703-161-7, **VI, 2, 2010, 170-171.**
317. TABUNCIC SERGIU, Ludmila Bacumenco, Tinutul Orheiului în secolele XV-XVI, Editura Universitatii „AL.I. CUZA”, 2006, 358 p.+ 30 planșe, **III, 1-2, 2007, 392-394.**

318. URSU ION, Харьковский историко-археологический ежегодник. ДРЕВНОСТИ 2006-2008 [Anuarul istorico-arheologic din Harkov. ANTICHITĂȚI 2006-2008] Harkov, 2008, 304 p. ISBN 978-966-8603-358, **V, 2, 2010, 195-197.**
319. VLAD VORNIC, O.B. Гопкало, Бусы и подвески черняховской культуры [Mărgele și pandantive în cultura Černjachov], Kiev 2008, 252 pag., 21 tab., 72 fig., 9 planșe foto, ISBN 978-966-02-49-39-4, **VI, 1, 2010, 195-200.**
320. VORNIC VLAD, N.M. Kravčenko, O.V. Petrauskas, R.G. Šiškin, A.V. Petrauskas, Pamjatniki arheologii pozdnerimskogo vremeni Pravoberežnoj Kievščiny [Monumente arheologice de epocă romană târzie din regiunea Kiev de pe malul drept al Niprului], Kiev, 2007, 456 p., ISBN 978-966-373-223-7, **V, 1, 2010, 203-206.**
321. VORNIC VLAD, Vasile Ursachi, Săbăoani. Monografie arheologică, vol. I, Iași, 2007, 234 pag.+33 fig.+316 pl., ISBN 978-973-152-011-7, **VI, 2, 2010, 172-174.**

VIAȚA ȘTIINȚIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА - SCIENTIFIC LIFE

322. BACUMENCO-PÎRNĂU LUDMILA, Masa rotundă cu tema Arheologia din R.S.S.M. în anii 40-60 ai sec. XX, **X, 1-2, 2014, 314-315.**
323. BACUMENCO-PÎRNĂU LUDMILA, CIOBANU LARISA, „Revista Arheologică (serie nouă) la a 10-a aniversare, **X, 1-2, 2014, 319-320.**
324. BACUMENCO-PÎRNĂU LUDMILA, Indicele bibliografic al „Revistei Arheologice” (volumele I (2005) - X (2014), **X, 1-2, 2014, 321-336.**
325. BOGATAIA LARISA, Activitatea științifică a Centrului de Arheologie în anul 2007, **IV, 1, 2008, 239-241.**
326. LEVIȚKI OLEG, Centrul de Arheologie la cea de-a VI-a ediție a Conferinței științifice cu participare internațională „Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și studiului artelor” a Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM, **X, 1-2, 2014, 312-313.**

IN HONOREM

327. К 75-летию со дня рождения Николая Антоновича Кетрару (NICOLAI TELNOV), **II, 1-2, 2006, 429-431.**
328. Патриарху молдавской археологии – Николаю Кетрару – 75 лет (SERGEI COVALENCO), **II, 1-2, 2006, 432-433.**
329. С Сергеем ... мы шагаем (к 50-летию Сергея Агульникова) (MAIA KASHUBA), **II, 1-2, 2006, 434-439.**
330. 50 лет Игоря Манзуры, или несколько впечатлений в связи с юбилеем (ROMAN RABINOVICI), **II, 1-2, 2006, 440-446.**
331. Ora împlinirii (Doctor habilitat Oleg Levițki la 50 de ani) (VASILE HAHEU), **II, 1-2, 2006, 447-451.**
332. «Оставляя на бумаге знаков след»: Евгению Саве – 50 лет (MAIA KASHUBA), **II, 1-2, 2006, 452-459.**
333. Молдавия полна неожиданостей ...Папе Юре – 80 (SERGEI AGULNICOV), **III, 1-2, 2007, 395-396.**
334. Ion Tentiuc la 50 de ani (GHEORGHE POSTICĂ), **III, 1-2, 2007, 396-401.**
335. Александру Николаевичу Левинскому 50 лет (SERGEI COVALENCO), **III, 1-2, 2007, 402.**
336. Сергей Курчатова, 50 (SERGEI AGULNICOV), **III, 1-2, 2007, 403-404.**
337. Василию Хахее – 50 (SERGEI AGULNICOV), **III, 1-2, 2007, 405-406.**
338. К юбилею Ивана Власенко (EKATERINA ABYZOVA), **III, 1-2, 2007, 407-408.**
339. К юбилею Николая Петровича Тельнова (SVETLANA REABȚEVA), **IV, 1, 2008, 242-243.**
340. К 60-летию Вячеслава Муратовича Бикбаева (OLGA LARINA), **IV, 1, 2008, 244-245.**
341. Valentin Dergaciov la 65 de ani (MAIA KASHUBA), **IV, 1, 2008, 246-247.**
342. 60 лет Илье Александровичу Борзияку (SERGEI COVALENCO), **IV, 2, 2008, 250-251.**

343. К юбилею Галины Смирновой – работы в Молдавии (OLEG LEVIȚKI, MAIA KASHUBA), IV, 2, 2008, 252-254.
344. Arheologul Serghei Covalenco la 50 de ani (VITALIE BURLACU), VI, 1, 2010, 201-203.
345. К 60-летию юбилею С.А. Скорого (С.С. BESSONOVA), V, 1, 2010, 209-211.
346. Profesorul Ion Ioniță la 75 de ani (VLAD VORNIC, LARISA CIOBANU), VII, 1-2, 2011, 303-310.
347. К 85-летию Георгия Феоктистовича Чеботаренко (NICOLAI TELNOV), VIII, 1-2, 2012, 351-352.
348. К 65-летию Николая Петровича Тельнова (SVETLANA REABȚEVA), IX, 2, 2013, 277-278.
349. Arheologul Valentin Dergaciov la 70 de ani (OLEG LEVIȚKI), IX, 1, 2013, 6.
350. В споре и дружбе: Валентину 70 (LEV KLEIN), IX, 1, 2013, 19-20.
351. Omagiu Profesorului Gheorghe Postică la 60 de ani (LUDMILA BACUMENCO-PÎRNĂU, LARISA CIOBANU), X, 1-2, 2014, 337-338.

IN MEMORIAM

352. † Павел Петрович Бырня (NICOLAI TELNOV), I, 2, 2005, 439-440.
353. † Leon Șimanschi (19.08.1938 – 16.07.2005) (ANATOL GORODENCO), III, 1-2, 2007, 409-410.
354. † Памяти Владимира Петровича Ванчугова (1948-2007) (SERGEI AGULNICOV), IV, 1, 2008, 248-249.
355. † Tatiana Passek – Vsevolod Marchevici. File de corespondență (SERGIU BODEAN), IV, 2, 2008, 255-266.
356. † In memoriam Victor Sorochin (OLEG CHITIC), IV, 2, 2008, 267-269.
357. † Omagiu bunului prieten și coleg (VASILE CHIRICA), VI, 1, 2010, 204-206.
358. † Gavrilă Simion (18 noiembrie 1928 – 28 aprilie 2010) (TUDOR ARNĂUT), VI, 1, 2010, 207-208.
359. † Память о друге (SERGEI AGULNICOV), VI, 1, 2010, 209-210.
360. † Светлой памяти Анатолия Городенко (ROMAN RABINOVICI), V, 1, 2010, 212-213.
361. † Activitatea arheologului G.D. Smirnov în RSSM (ADRIAN PELIVAN), V, 1, 2010, 214-216.
362. † Памяти Г.Ф. Коробковой (9.03.1933 – 27.08.2007) (OLGA LARINA), V, 2, 2010, 198-199.
363. † Памяти Марка Борисовича Щукина (14.10.1937 – 14.07.2008) (SERGEI KURCHATOV), V, 2, 2010, 200-201.
364. † К 80-летию со дня рождения Исаака Александровича Рафаловича (NICOLAI TELNOV), V, 2, 2010, 202-203.
365. † Памяти Вадима Михайловича Массона – историка и археолога (V.S. BOCHKAREV, L.B. KIRCHO), VI, 2, 2010, 180-182.
366. † К 80-летию со дня рождения Павла Петровича Бырни (NICOLAI TELNOV), VI, 2, 2010, 183-185.
367. † Vasile Lica (25.01.1953– 08.11.2010) (OCTAVIAN MUNTEANU), VI, 2, 2010, 186-187.
368. † Памяти Николая Антоновича Кетрапу (S.I. COVALENCO, N.R. ANISIUTKIN, N.P. OLENKOVSKII, V.A. BURLACU, T.F. OBADĂ), VII, 1-2, 2011, 311-312.
369. Contribuții la genealogia familiei profesorului Ion Hîncu (SERGIU TABUNCIC), VII, 1-2, 2011, 313-314.
370. † In memoriam Tudor Arnăut (SERGIU MATVEEV), VIII, 1-2, 2012, 353-355.
371. † Памяти Татьяны Александровны Щербаковой (N.P. TELNOV), VIII, 1-2, 2012, 356-358.
372. Antropologul basarabean Alexandru N. Donici (SERGIU POPOVICI), VIII, 1-2, 2012, 359-362.
373. † È.A. Rikman – destinul unui arheolog (SERGIU MATVEEV, ADRIAN PELIVAN), IX, 2, 2013, 279-289.
374. † In memoriam Vasile Grosu (28.02.1934 – 27.12.2013) (LARISA CIOBANU, VLAD VORNIC), IX, 2, 2013, 290-291.
375. † Г.Ф. Чеботаренко (N. TELNOV), X, 1-2, 2014, 339-341.

Ludmila Bacumenco-Pîrnău

IN HONOREM

OMAGIU PROFESORULUI GHEORGHE POSTICĂ LA 60 DE ANI

Împlinirea a 60 de ani de viață a profesorului, cercetătorului și omului cetății Gheorghe Postică ne prilejuiește un moment sărbătoresc pentru îndelungata și rodnică sa activitate în știința și cultura noastră.

Având privilegiul de a-l fi cunoscut în urmă cu peste două decenii și de a ne fi bucurat în tot acest răstimp de generoasa sa susținere, ne permitem să creionăm câteva aspecte ale personalității sale care, credem cu tărie, îi asigură o poziție meritorie în viața științifică și socială din țară.

Se spune că nu ajungi la izbânzii însemnate decât înfruntând și înlăturând anumite piedici și făcând anumite sacrificii: „pe căi înguste, spinoase, la fapte strălucite (*ad augusta per angusta*)”, replică care pune în evidență curajul, determinarea și perseverența în împlinirea unor vise. Aceste cuvinte ilustrează în chip sintetic cariera profesională a profesorului Gheorghe Postică, care și-a croit itinerariul istoriografic înfruntând anumite vicisitudini și respectând cu sfințenie canoanele meseriei de cercetător în domeniul arheologiei și istoriei antichității târzii și a evului mediu.

Viitorul cercetător și profesor s-a născut într-o zi de iarnă, la 22 ianuarie 1954, în comuna Mereni, într-o veche familie de neam de răzeși. În aceeași localitate de baștină a urmat studiile preuniversitare, iar în anul 1971 s-a înscris la Facultatea de Istorie a Universității de Stat din Moldova, unde a întâlnit eminenți profesori și cercetători, precum Ion Niculiță, Ion Hâncu, Constantin Drăhnenberg, Alexandru Moșanu, Vladimir Potlog ș.a. Aceste personalități au avut un rol de netăgăduit în formarea temeinică a tânărului studios ca Om al cetății și ca cercetător, motivându-i opțiunea pentru arheologie și oferindu-i modele demne de urmat.

După încheierea studiilor universitare, Gheorghe Postică activează în calitate de cercetător la Institutul de Arheologie și Istorie Veche (1976-1978), apoi în același an este încadrat ca lector-asistent la catedra de Istorie Antică și Medievală până în 1985. Ulterior, pentru un interval de șase ani se regăsește la Facultatea de Istorie și Etnopedagogie a Universității Pedagogice de Stat „Ion

Creangă”, unde „contaminează” mai mulți studenți ai săi cu pasiunea pentru arheologie, istorie veche și medievală. Printre aceștea din urmă, în afară de semnatarele acestor rânduri, se număra dr. Igor Cereteu, dr. Octavian Munteanu, Galina Bodareu-Cereteu, dr. Sergiu Tabuncic, dr. Vlad Vornic, dr. Sergiu Musteață, dr. Ludmila Coadă ș.a., astfel câștigându-și binemeritat calitatea de întemeietor de școală.

În perioada anilor 1979-1983, face doctoratul la Catedra de Arheologie din cadrul Universității „M. Lomonosov” din Moscova, având-l ca îndrumător pe cunoscutul profesor universitar și cercetător Leonid Kâzlasov și finalizând stagiul în anul 1988, când susține cu succes lucrarea sa de doctorat.

Subliniem în mod special că în perioada 1991-1995 domnul Postică a activat în funcția de șef al Secției de Arheologie daco-romană și medievală și director adjunct al instituției noastre (pe atunci Institutul de Arheologie și Istorie Veche al AȘM), remarcându-se prin opțiuni progresiste și încurajarea tinerilor cercetători.

În continuarea parcursului profesional de recunoaștere a realizărilor științifice în domeniul arheologiei și istoriei vine și obținerea în anul 2006 a titlului de doctor habilitat la două specialități – Arheologie (07.00.06) și Istoria Românilor (07.00.02). Menționăm aici și faptul că domnul Gheorghe Postică este profesor universitar din anul 2007, iar din anul 2010 devine membru de onoare al Institutului de Arheologie din Iași a Academiei Române.

Dintr-o privire retrospectivă a celor aproape patru decenii de muncă asiduă, metodică și organizată se profilează o personalitate complexă, bogată și generoasă, urmărind stăruitor o serie de probleme fundamentale ale arheologiei și istoriei medievale ale acestui spațiu. Atent observator al fenomenului arheologic și foarte bun cunoscător al izvoarelor, Domnia sa a promovat cu perseverență și asiduitate câteva direcții de cercetare fundamentală, între care cea a arheologiei epocii migrațiilor și a așezărilor medievale urbane și rurale, precum și cea a arheologiei lăcașurilor de cult, dând cercetării acestora o dimensiune cu adevărat valoroasă.

La începuturile carierei sale de cadru didactic și cercetător, menționăm faptul că Gheorghe Postică a participat alături de cunoscuți specialiști în domeniul arheologiei, precum Ion Niculiță, Ion Hâncu și Emanuil Rikman, la săpăturile arheologice de la Hansca (1972-1981). În continuarea drumului său profesional, distinsul arheolog a coordonat șantiere arheologice de reală însemnătate pentru epoca marilor migrații și pentru evul mediu la Cărcășeni Noi (1977), Bursuceni (1978), Dănceni (1980), Mereni (1986-1987), Păharniceni-Petruha (1988), Molești (1989), Hansca (1990-1991), Rudi (1995), Giurgiulești (1997), Mașcăuți-Livada Boierului (1997-1998) ș.a. Atât pe teren, cât și pe parcursul etapelor ulterioare ale cercetării arheologice, până la publicarea rezultatelor, profesorul Gheorghe Postică era un bun exemplu de urmat pentru discipoli în privința exactității, meticulozității înregistrării datelor, dar și responsabilității asumate pentru afirmațiile emise. Remarcăm că deși până la urmă s-a specializat în domeniul arheologiei și istoriei medievale, s-a implicat uneori și în cercetarea vestigiilor altor culturi din spațiul pruto-nistean datând din epoca timpurie a fierului, bronzului târziu sau epoca romană târzie.

Cercetările întreprinse la Mănăstirea Vărzărești (1993), Mănăstirea Căpriană (1993, 2001-2003), Biserica Sf. Arhangheli Mihail și Gavriil din satul Lăpușna (2011) ș.a. se încadrează în șirul preocupărilor Domniei sale care constituie o direcție de cercetare nouă în Republica Moldova și anume, arheologia bisericească/ecclesiastică. Se cuvine să menționăm faptul că cercetările arheologice din cadrul Mănăstirii Căpriană, unde i-a fost mereu alături reputatul arheolog Nicolae Constantinescu de la Institutul de Arheologie „Vasile Pârvan” din București, reprezintă „cartea de vizită” a Domniei sale. În paginile unei valoroase monografii consacrate cercetărilor istorico-arheologice de la Mănăstirea Căpriană, elaborată în colaborare cu cunoscutul medievist român de la București și publicată în anul 1996 la Chișinău, găsim confirmarea unei cercetări perseverente și temeinice a începuturilor și evoluției unuia dintre cele mai vechi lăcașuri de cult din Moldova. Aceleași direcții de cercetare inițiate de către domnul Gheorghe Postică se încadrează și săpăturile arheologice de la Biserica Sf. Arhangheli Mihail și Gavriil din satul Lăpușna desfășurate în anul 2011 în scopul precizării stratigrafiei arheologice și deslușirii perioadei de început a istoriei acestui sfânt lăcaș.

Pasiunea pe care a nutrit-o neconținut pentru reconstituirea trecutului, experiența și competența sa indubitabilă l-au recomandat cu prisosință pentru preluarea coordonării șantierului de mare complexitate de la Orheiul Vechi, după cum avea să scrie emeritul profesor și cercetător ieșean Victor Spinei, membru corespondent al Academiei Române, în *Cuvântul înainte* la monografia domnului Gheorghe Postică consacrată rezultatelor cercetărilor arheologice întreprinse la Orheiul Vechi în anii 1996-2001 (Iași, 2006), relevând următoarele: „această nouă etapă în amplitudină de a se face lumină în trecutul învolburat al așezării de pe valea Răutului pretindea în chip indispensabil o angajare emanând fervoare, un standard profesionist înalt, în consonanță cu performanțele arheologiei medievale continentale”. Astfel, pentru profesorul Gheorghe Postică, coordonatele directe ale cercetărilor arheologice ample de la Orheiul Vechi începând cu anul 1996 au fost decodarea cronologiei și planimetrice cetății de pământ și a citadelei din piatră, sistemul defensiv, în general, al acesteia, precum și alte probleme fundamentale ale evoluției așezării

medievale urbane, invalidând totodată, cu rigoare demonstrativă, anumite teorii tendențioase exprimate în legătură cu realitățile istorice din această microzonă.

Spirit sistematic și constructiv, Domnia sa este un om de inițiativă și de acțiune, doritor să-și realizeze idealurile în forme concrete de viață socială, dezvoltând idei și orientând oameni. Astfel se explică faptul că activitatea didactică de la catedră a profesorului și cercetătorului Gheorghe Postică a fost completată cu încurajarea continuă a tinerilor, ținând seama de personalitatea și înclinațiile fiecăruia și sprijinind neconținut activitatea lor de cercetare în domeniul arheologiei. Cu har, altruism și tenacitate, a avut meritul de a-și forma numeroși discipoli dintre foștii studenți și colaboratori, putând conta pe sprijinul acestora în derularea cercetărilor de la Căpriană, Orheiul Vechi, Lăpușna ș.a.

Cu susținerea efectivă și dezinteresată a domnului profesor Gheorghe Postică mulți tineri cercetători au urmat stagii de formare doctorală și de documentare în mari centre științifice din România și Europa. Aceste calități îl relevă ca educator de vocație, prin însăși pilda vieții lui, închinată cercetării, școlii și domeniului administrativ.

Fuziunea armonioasă între gândire și acțiune explică larga participare la viața social-culturală

la țării și îndeplinirea exemplară a unei serii de sarcini de înaltă responsabilitate didactico-științifică și socială. Drept recunoaștere a acestor calități și de netăgăduite realizări ale dr.hab. Gheorghe Postică este faptul oferirii titlului de *Doctor Honoris Causa* al Universității Pedagogice de Stat „Ion Creangă”.

Numele domnului Gheorghe Postică se regăsește, alături de cele ale altor personalități notorii din breaslă, în colegiile de redacție onorifice ale unui șir de publicații din domeniu, cum ar fi revistele de specialitate „Arheologia Moldovei” (Iași), „Tyragetia”, „Revista Arheologică”, „Arheologia preventivă în Republica Moldova” (Chișinău) ș.a. Totodată, prin înalta funcție de viceministru al Culturii deținută în decursul ultimilor ani, a avut șansa de a contribui efectiv la îmbunătățirea semnificativă a situației în acest domeniu, de regulă deseori neglijat de factorii politici.

Sărbătorirea Profesorului Gheorghe Postică la împlinirea a 60 de ani de viață rodnică, dă un prilej fericit colegilor, discipolilor și prietenilor de la Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural, AȘM să-i ureze din inimă un călduros **LA MULȚI ANI**, sănătate deplină, fericire personală, putere de muncă, și încă mulți ani de activitate și noi realizări pe tărâmul arheologiei, în slujba muzei Clio.

**Ludmila Bacumenco-Pîrnău,
Larisa Ciobanu**

IN MEMORIAM

Памяти Георгия Феоктистовича Чеботаренко

25 сентября 2014 года ушел из жизни видный молдавский археолог Георгий Феоктистович Чеботаренко. Родился он 12 мая 1927 года в селе Дэркэуць Сорокского уезда в семье учителей. В коммуне Згурица того же уезда закончил четыре класса начальной школы и затем обучался в лицее города Сорока. Там же в послевоенное время закончил техникум механизации сельского хозяйства. В 1948 году поступил на исторический факультет Кишиневского педагогического института им. И. Крянгэ, который закончил в 1952 году. Уже в студенческие годы он увлекся археологией и ежегодно принимал участие в археологических экспедициях, где получил первые навыки полевой работы. Его научным наставником стал Г.Б. Федоров, с которым Г.Ф. Чеботаренко работал во многих экспедициях и дружбой с ним дорожил всю свою жизнь. После окончания вуза Георгий Феоктистович поступил на работу в Институт истории Молдавского филиала АН СССР. В 1966-1967 гг. он прошел научную стажировку в Институте археологии АН СССР в Москве. В 1968 г. там же защитил кандидатскую диссертацию на тему «Материальная культура Первого Болгарского царства в Пруто-Днестровском междуречье (по материалам раскопок поселения Калфа)». Все последующее время Г.Ф. Чеботаренко работал в АН Молдавии, где прошел путь от коллектора до старшего научного сотрудника. Георгий Феоктистович являлся участником многочисленных археологических экспедиций и сам руководил многими из них. Одним из первых в Молдавии он начал руководить экспедициями, которые проводили хозяйственные работы в связи со строительством на юге Молдавии оросительных систем. В этом регионе Г.Ф. Чеботаренко исследовал интересные курганные могильники, которые дали новые археологические материалы, весьма важные, для изучения истории Молдавии.

Георгий Феоктистович был очень восприимчив к опыту других исследователей и

старался приобретать этот опыт не только в Молдавии, но и за ее пределами. С этой целью, в начале семидесятых годов двадцатого столетия, он является участником археологической экспедиции, которая работала под руководством московского археолога Светланы Александровны Плетневой в Белгородской области. Работы проводились в Шебекинском районе, в селе Дмитриевка, на ставшем широко известным позднее салтовском средневековом могильнике. Он также постоянно поддерживал стабильные связи с украинскими коллегами и по возможности принимал участие в работе украинских археологических экспедиций.

Г.Ф. Чеботаренко довелось исследовать археологические памятники от эпохи энеолита до позднего средневековья. Результатом этих многолетних полевых работ стали несколько монографий, написанных Георгием Феоктистовичем самостоятельно и в соавторстве с другими исследователями, и десятки на-

учных статей, которые внесли существенный вклад в молдавскую археологию. Несмотря на то, что Г.Ф. Чеботаренко исследовал древности широкого хронологического диапазона, в своей более узкой специализации он отдал предпочтение средневековой тематике и достиг в ее изучении значительных результатов.

Так, с 1955 по 1966 год под руководством Георгия Феоктистовича производились раскопки на очень интересном археологическом памятнике – поселении и городище Калфа. В это же время велись активные разведки средневековых памятников на юге Молдавии. В результате проводившихся работ был получен значительный материал, который в сочетании с письменными, этнографическими и другими источниками позволил охарактеризовать различные стороны материальной культуры раннесредневековых памятников VIII-X вв. в южной части Пруто-Днестровского междуречья и отнести их к культуре Первого Болгарского царства. По этой теме, кроме кандидатской диссертации, была подготовлена монография «Калфа – городище VIII-X вв. на Днестре», которая вышла из печати в 1973 г. В монографии автор выдвинул и обосновал оригинальную идею о влиянии культуры Первого Болгарского царства на развитие культуры славян южной части Дунай-Днестровского междуречья.

Важным вкладом в изучение молдавских средневековых древностей является работа, изданная в соавторстве Г.Б. Федоровым и Г.Ф. Чеботаренко, посвященная славянским памятникам Молдавии. Эта книга, «Памятники древних славян (VI-XIII вв.). Археологическая карта Молдавской ССР. Выпуск 6», вышла из печати в 1974 году в серийном издании и стала первой полной сводкой всех известных на тот момент в республике славянских памятников. Она до сегодняшнего дня не утратила своего значения и еще долго будет служить исследователям, занимающимся средневековой тематикой.

Исследуя в центральной Молдавии такие средневековые памятники как Молешть, Логэнешть, Ханска и другие, Георгий Феоктистович обоснованно выделяет здесь этнокультурную контактную зону. В 1982 году он издает монографию «Население центральной части Днестровско-Прутского междуречья в X-XII вв.», в которой анализирует материалы посе-

лений и могильников, расположенных в контактной зоне двух основных оседлых культур – древнерусской и южнославянской с кочевниками в X-XII вв. Автор комплексно подошел к решению проблемы и по-новому посмотрел на этнокультурные процессы, происходившие в этой зоне, произвел объективную датировку древностей, выделил общие и особенные черты в материальной культуре населения центральной части Днестровско-Прутского междуречья в период формирования феодальных отношений. Эта работа стала новым шагом вперед в средневековой археологии Молдавии и получила позитивные отзывы исследователей.

Особого внимания заслуживает монография «Бранештский могильник X-XII вв.», подготовленная совместно Г.Ф. Федоровым, Г.Ф. Чеботаренко и М.С. Великановой и изданная в 1984 году. В ней полностью вводились в научный оборот материалы археологических раскопок памятника 1962-1963 гг. Работа носила комплексный характер, так как в ней, кроме всестороннего анализа погребального обряда и археологического материала, были приведены и антропологические определения со сравнительным анализом. Монография является ценным исследованием по истории Молдавии периода раннего феодализма, и заслуженно пользуется вниманием специалистов.

После проведения археологических раскопок в Сорокской крепости, Г.Ф. Чеботаренко публикует монографическую работу об этом историко-архитектурном памятнике, который ранее не подвергался археологическим исследованиям. Серию статей Георгий Феоктистович посвятил археологическим работам, проведенным на ряде средневековых памятников в районе придунайских озер. Новые материалы, особой важности, были получены при исследовании Нижнего Траянова вала. Результативными были раскопки раннего железного века Хыртопул Маре в центральной Молдавии. Ряд работ Г.Ф. Чеботаренко посвящен курганным древностям, среди которых следует выделить монографию «Курганы Буджакской степи» изданную в 1989 году. Все его работы отличаются высоким научным уровнем, глубиной анализа и обоснованностью исторических выводов. Георгий Феоктистович принимал самое активное участие в архео-

логических конференциях и симпозиумах. Его доклады отличались широтой и важностью поставленных задач.

Георгий Феоктистович Чеботаренко был жизнелюбивым и жизнерадостным человеком, всегда проявлявшим участие к проблемам коллег и товарищей. Благодаря своей доброте

и отзывчивости, он привлекал к себе людей и особенно молодежь, которая всегда получала у него совет и необходимую поддержку.

Все, кто знал Георгия Феоктистовича, работал с ним, учился у него, навсегда сохраняют о нем добрую память.

Николай Тельнов

**LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ –
LIST OF ABBREVIATION**

AAC	Acta Archaeologica Carpathica, Kraków
ACTA ARCH HUNG	Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, Magyar Tudományos Akadémia, Budapest, Hungary
ACTA NEUROCHIR	Acta Neurochirurgica, Vienna, Austria
ACTA TERRAE FOGRASIENSIS	Acta Terrae Fograsiensis, Făgăraș
AJPA	American Journal of Physical Anthropology, American Association of Physical Anthropologists, Hoboken, New Jersey, USA
AM	Arheologia Moldovei, Institutul de Arheologie, Iași
AM ANTHROPOL	American Anthropologist, American Anthropological Association, USA
AM J PHYS ANTHROPOL	American Journal of Physical Anthropology, American Association of Physical Anthropology, USA
AMM	Acta Moldaviae Meridionalis, Vaslui
AMN	Acta Musei Napocensis, Cluj-Napoca
AMP	Acta Musei Porolissensis, Zalău
ANN BIOL UNIV SCEG	Annales Biologicae Universitatis Scegediensis, Budapest, Hungary
ANN MED LEG CRIMINOL POLICE SCI TOXICOL	Annales de Medecine Legale, Criminologie, Police Scientifique et Toxicologie, Société de médecine légale de France, Paris, France
ANNLS HIST-NAT MUS NAT HUNG	Annales Historico-Naturales Musei Nationalis Hungarici, Természettudományi Múzeum, Hungary
ANNU REV ANTHROPOL	Annual Review of Anthropology, Stanford University, Stanford, USA
ANTHROPOL ANZ	Anthropologischer Anzeiger, Journal of Biological and Clinical Anthropology, Stuttgart University, Germany
ANTHROPOL KOZL	Anthropologiai Közlemények, Budapest, Hungary
ANTHROPOL SCI	Anthropological Sciences, The Anthropological Society of Nippon, Tokyo, Japan
ANTHROPOS	Anthropos Institute, Sankt Augustin, Germany
AO	Arhivele Olteniei, Universitatea din Craiova, Craiova, România
Apulum	Apulum. Acta Musei Apulensis, Muzeul Unirii, Alba Iulia
Arbeitsber. Boden. Brandenburg	Arbeitsberichte Bodendenkmalpflege Brandenburg, Wünsdorf
ARCH ANTR ETN	Archivio per l'Antropologia e l'Etnologia, Società italiana d'Antropologia e Etnologia, Firenze, Italia
Balcanoslavica	Balcanoslavica, Институт за старословенска култура, Прилеп
BAR	British Archaeological Records, Oxford
BCȘS	Buletinul Cercurilor Științifice Studentești –Arheologie–Istorie–Muzeologie, Universitatea „1 decembrie 1918” Alba Iulia, România
BMSAP	Bulletine et Memoires de la Societe d'Anthropologie de Paris, Societe d'anthropologie de Paris, Musee de l'Homme, Laboratoire d'anthropologie, Paris
BR DENT J	British Dental Journal, British Dental Association, UK
BSNR	Buletinul Societății Numismatice Române, București
BUL INST MORPH	Bulletin de l'Institut de Morphologie, Българска Академия на Науките, Sofia, Bulgaria
BMI	Buletinul Monumentelor Istorice, București
Carpica	Carpica, Muzeul județean de istorie „Iulian Antonescu”, Bacău
CAANT	Cercetări Arheologice în Aria Nord Tracă, București
CI	Cercetări Istorice, Complexul Muzeal Național „Moldova”, Iași
CLUJUL MEDICAL	Clujul Medical, Universitatea de Medicină și Farmacie “Iuliu Hațieganu”, Cluj, România
CN	Cercetări numismatice, Muzeul Național de Istorie a României, București

- CR ACAD SCI IIA** Comptes Rendus de l'Académie des Sciences, Serie IIA, Earth and Planetary Science, Paris, France
- CURR ANTHROP** Current Anthropology, University of Chicago, USA
- Dacia** Dacia, Recherches et Découvertes Archeologiques en Roumanie, București, I (1924) – XII (1948). Nouvelle Série: Revue d'Archéologie et d'Histoire Ancienne, București
- DIR** Documente privind istoria României, I (1384-1475), București 1954
- DRHM** Documenta Romaniae Historica. A. Moldova, I, 1975; II, 1976; III, 1980, București
- Drobeta** Drobeta, Drobeta-Turnu Severin
- FolArh** Folia Arhaeologica, Budapest
- Forsch. und Funde zur Ur- und Frühgeschichte** Forschungen und Funde zur Ur- und Frühgeschichte, Berlin
- Hammaburg N.F.** Hammaburg Neu Folge, Neumünster
- Hierasus** Hierasus, Muzeul Județean Botoșani, Botoșani
- HOMO** Journal of Comparative Human Biology, Stuttgart, Germany
- INT J OSTEOARCHAEOL** International Journal of Osteoarchaeology, London, UK
- JoP** Journal of Paleopathology, University Museum, State University „G. d'Annunzio”, Chieti, Italy
- JRAI** Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, UK
- MA** Memoria Antiquitatis, Acta Musei Petrodavensis, Revista Muzeului de Istorie, Piatra-Neamț
- MAN** MAN, Journal of the Royal Anthropological Institute, London, UK
- MCA** Materiale și Cercetări Arheologie, București
- MNIM** Muzeul Național de Istorie a Moldovei
- NEUROSURG** Neurosurgery, Official Journal of the Congress of Neurological Surgeons, Illinois, USA
- NEUROSURG FOCUS** Neurosurgical Focus, American Association of Neurological Surgeons, Illinois, USA
- Offa** Berichte und Mitteilungen zur Urgeschichte, Frugeschichte und Mittlalterarchäologie, Neumünster
- Oxford Journal of Arhaeology** Oxford Journal of Arhaeology, Oxford
- PA** Památky archeologice, Praha
- PAS** Prähistorische Archäologie in Südosteuropa, München
- Patrimonium Apulense** Anuar de arheologie, istorie, cultură, etnografie, muzeologie, conservare, restaurare, Alba Iulia
- PBF** Prähistorische Bronzefunde, München/Stuttgart
- Peuce** Peuce. Studii și cercetări de istorie și arheologie, Tulcea
- Pontica** Pontica, Muzeul de Istorie Națională și Arheologie, Constanța
- PROBLEME DE ANTROPOLOGIE** Probleme de Antropologie, Institutul de Antropologie „Fr. I. Rainer”, București, România
- PRZ ANTHROPOL** Przegląd Antropologiczny, Polish Anthropological Society, Poznan, Poland
- PZ** Prähistorische Zeitschrift, Berlin
- RA** Revista Arheologică, Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural, Chișinău
- REAP** Revue de l'Ecole d'anthropologie de Paris, Institut international d'anthropologie, Paris
- RI** Revista Istorică, București
- RMM-MIA** Revista Muzeelor și Monumentelor, seria Monumente istorice și de artă, București
- Sargetia** Sargetia, Deva
- SCA** Studii și Cercetări de Antropologie, Institutul de Antropologie „Fr. I. Rainer”, București, România

SCIV(A)	Studii și Cercetări de Istorie Veche (și Arheologie), Institutul de Arheologie „V. Pârvan”, București
Slovenska archeologia	Slovenska archeologia, Bratislava
SOCIETATEA DE ȘTIINȚE MEDICALE	Societatea de Științe Medicale, Revista Institutului Medico-Farmaceutic, Tg. Mureș, România
Starinar	Arheologški Institut, Belgrade
STEUA	Steaua literară, artistică și cultural, Cluj Napoca, Uniunea Scriitorilor din România, Ministerul Culturii și Patrimoniului Cultural, România
Stratum plus	Stratum plus, Școala Antropologică Superioară, Chișinău
Suceava	Studii și Materiale, Anuarul Muzeului Județean Suceava, Suceava
SUDHOFFS ARCHIV	Sudhoffs Archiv, Untertitel Zeitschrift für Wissenschaftsgeschichte, Stuttgart, Deutschland
Thraco-Dacica	Thraco-Dacica, Institutul Român de Tracologie, București
Tyras	Tyras, Muzeul Național de Istorie a Moldovei, Chișinău
Veroff. der Branderbur. Landsm. für Ur- und Frühgesch.	Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte, Potsdam
АИМ	Археологические исследования в Молдавии, Кишинев
АЛЛУ	Археологічний літопис Лівобережної України, Центр охорони та досліджень пам'яток археології Нац. акад. наук України, Полтава
Археологія	Археологія, Київ
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа, Ленинград/Санкт-Петербург
ВДИ	Вестник Древней Истории, Москва
Восточноевропейские древности	Восточноевропейские древности. Сборник научных трудов, Воронеж
Древности Босфора	Древности Босфора, Российская Академия наук, Москва
ДКМ	Древняя культура Молдавии, Кишинев 1974
Донецький археологічний збірник	Донецький археологічний збірник, Донецький Національний Університет, Донецьк
ИАК	Известия Археологической Комиссии, Санкт-Петербург
ИА АН УССР	Институт археологии Академии Наук УССР, Киев
ИА НАНУ	Институт археологии Национальной Академии Наук Украины, Киев
Известия на Археологический институт	Известия на Археологический институт с музей при БАН, София
КСИА	Краткие сообщения Института Археологии АН СССР, Москва
КСДИ ИИМК	Краткие сообщения о докладах и исследованиях Института истории материальной культуры, Москва
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры, Москва
МАСП	Материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья, Одесса
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР, Москва-Ленинград
МИАЭМ	Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавии, Кишинев 1960
НА НЗХТ	Научный Архив Научного Заповедника «Херсонес Таврический»
Опус	Опус. Междисциплинарные исследования в археологии, Москва
РА	Российская археология, Москва
Русин	Международный исторический журнал Русин, Общественная ассоциация «Русь», Кишинев

ПИФК	Проблемы истории, филологии, культуры, Институт археологии РАН, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И.Носова, Москва–Магнитогорск–Новосибирск
СА	Советская археология, Москва
САИ	Свод археологических источников, Москва
СГЭ	Сборник Государственного Эрмитажа
ССПК	Старожитності Степового Прічорномор'я і Kryма, Запоріжжя
СЭ	Советская этнография
ТИЭ	Труды института этнографии АН СССР
Труды АС	Труды Археологического съезда, Москва
ЭО	Этнографическое обозрение

INFORMAȚII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE

Stimați colegi,

**Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei
vă invită să prezentați materiale pentru *Revista Arheologică* – volumul X, nr. 1-2**

Considerații generale:

Revista prevede publicarea lucrărilor arheologice și rezultatele cercetărilor interdisciplinare, care reflectă investițiile din spațiul carpato-balcanic și teritoriile limitrofe, în formă de:

lucrări de sinteză;
materiale și rezultate ale cercetărilor de teren;
discuții;
studii și materiale cu caracter interdisciplinar;
recenzii și prezentări de cărți;
personalia;
antologii;
cronica cercetărilor științifice.

Toate genurile de lucrări pot fi prezentate în limba română, rusă, engleză, germană sau franceză.

Lucrările de sinteză, discuțiile, materialele și rezultatele cercetărilor de teren, studiile și materialele cu caracter interdisciplinar prevăd unele cerințe speciale.

Structura acestor lucrări este următoarea:

I. Adnotare:

La începutul textului principal se va face o adnotare în limba română; rusă; engleză, germană sau franceză. Adnotările se vor prezenta în format: *Times New Roman; Font size 10; Space 1,0*. Volumul fiecărei adnotări nu va depăși 1500 caractere, inclusiv spațiu.

II. Textul lucrării:

Volumul maxim nu va depăși 1,5 c.a., inclusiv bibliografia și ilustrațiile. Textul lucrărilor trebuie prezentat în manuscris și în format electronic: *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*.

III. Planșele cu materialul ilustrativ:

Planșele, în format A4, se vor prezenta în formă grafică clară, cu numerotarea poziției fiecărui obiect. Planșele trebuie să fie numerotate. Materialul ilustrativ va fi însoțit de o listă a planșelor cu o legendă exhaustivă. În cazul lucrărilor în limba rusă și română, legendele planșelor trebuie să fie asociate de o traducere în engleză, franceză sau germană. Planșele și lista planșelor se vor prezenta și în format electronic (JPG sau TIF – nu mai puțin de 600 dpi, oglinda imaginii – 17 cm lățime).

IV. Bibliografie:

Notele bibliografice din text se prezintă cu caractere latine (pentru bibliografia în chirilică se va face transliterare **conform sistemului Bibliotecii Congresului SUA**).

Exemple de note bibliografice în text: (Petrache 1999, 15, fig. 3,4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15,4-6; Petrov 1999, 15, ris. 3,4-6).

Lista bibliografică se prezintă în ordine alfabetică la sfârșitul textului, după normele următoare:

Modul de citare a monografiilor:

Bader 1978: T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. Cultura pretracică și tracică (București 1978).

Avanesova 1991: N.A. Avanesova, Kul'tura pastusheskikh plemen epokhi bronzy aziatskoi chasti SSSR (Tashkent 1991) // Н.А. Аванесова, Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (Ташкент 1991).

Modul de citare a articolelor publicate în culegeri de lucrări științifice:

Metzner-Nebelsick 1998: C. Metzner-Nebelsick, Abschied von den „Thrako-Kimmeriern“? - Neue Aspekte der Interaktion zwischen karpatenländischen Kulturgruppen der späten Bronze- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppenkoine. In: (Hrsg. B. Hänsel und J. Machnik) Das Karpatenbecken und die osteuropäische

Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeit (4000-500 v.Chr.) (München-Rahden/Westf. 1998), 361-422.

Dergaciov 1969: V.A. Dergaciov, Poselenie epokhi bronzy u sela Slobodka-Shireutsy. In: (ed. L.L. Polevoi) Dalkoe proshloe Moldavii (Kishinev 1969), 110-122 // B.A. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Ширеуцы. В сб.: (отв. ред. Л.Л. Полевой) Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110-122.

Modul de citare a lucrărilor publicate în ediții periodice (reviste, jurnale etc.):

Zaharia 1990: E. Zaharia, La culture de Monteoru. La deuxième étape de développement a la lumière des fouilles de Sărata-Monteoru (dép. de Buzău). Dacia N.S. XXXIV, 1990, 23-51.

Kachalova 1970: N.K. Kachalova, Il'menskie kurgany. Arkheologicheskii sbornik 12, 1970, 7-34 // Н.К. Качалова, Ильменские курганы. Археологический Сборник 12, 1970, 7-34.

Modul de citare a rezumatelor publicate în volumele de simpozioane, conferințe și seminare științifice:

Sava 1994: E. Sava, Investigațiile istorico-arheologice în microzona Rudi-Tătărauca Nouă-Arionești, raionul Dondușeni. Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1993. A XXVIII-a Sesiune Națională de rapoarte arheologice, Satu Mare, 12-15 mai 1994 (Satu Mare 1994), 114.

Savva 1993: E. Savva, Pozdnefrakiiskii kul'turno-hronologicheskii gorizont VII-VI vv. do n.e. v Moldove (po materialam kurgannogo mogil'nika u s. Trinka). P'rvy mezhdunaroden simpozium „Sevtopolis”. „Nadgrobnite mogili Iugoiztochna Evropa” (Kazanl'k, B'lgaria 1993), 55-56 // E. Савва, Позднефракийский культурно-хронологический горизонт VII-VI вв. до н.э. в Молдове (по материалам курганного могильника у с. Тринка). Първи международен симпозиум «Севтополис». «Надгробните могили Югоизточна Европа» Казанлък (България 1993), 55-56.

Modul de citare a rapoartelor științifice și actelor de arhivă:

Larina ș.a. 1996: O.V. Larina, K.P. Wechler, V.A. Dergaciov, S.I. Kovalenko, V.M. Bicbaev, Periegeze arheologice în raioanele Dondușeni, Drochia, Sîngerei în anul 1996. Arhiva MNIM. Nr.inv. 358 (Chișinău 1996).

Agul'nikov 1987: S.M. Agul'nikov, Otchet o polevykh issledovaniakh Slobodzeiskoi novostroechnoi ekspeditsii v 1987 g. Arkhiv NMIM. Inv. nr. 266 (Kishinev 1988) // С.М. Агульников, Отчет о полевых исследованиях Слободзейской новостроечной экспедиции в 1987 г. Архив НМИИ. Инв. № 266 (Кишинев 1988).

V. Lista abrevierilor

VI. Date despre autor:

numele, prenumele, gradul științifico-didactic, funcția, instituția, adresa, telefon, fax, e-mail.

Recenzii, prezentări de cărți, personalii, antologii etc.

Materialele se prezintă în redacția autorului, dar trebuie să corespundă normelor stabilite (*Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*). Volumul maxim – 0,5 c.a. (20000 caractere, inclusiv spațiu)

Termenul limită de prezentare a lucrărilor pentru volumul X, nr. 1-2 este 1 iulie 2014

Manuscrisele și varianta electronică pot fi prezentate direct la redacție sau trimise prin poștă pe adresa: Colegiul de redacție *Revista Arheologică*, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare, 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova.

Informații suplimentare pot fi solicitate: tel: (037322) 27 06 02; 26 09 59

E-mail: levitkioleg_ipc@yahoo.com; ghena_ipc@yahoo.com

ИНФОРМАЦИЯ И УСЛОВИЯ ИЗДАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА

Уважаемые коллеги,

Институт культурного наследия Академии наук Молдовы приглашает Вас принять участие в издании *Археологического Журнала* – том X, № 1-2

Основные положения:

В журнале будут опубликованы работы по археологии и междисциплинарным наукам, которые освещают результаты исследований в Карпато-Балканском регионе и прилегающих территорий. Основные рубрики журнала:

аналитические работы;
материалы и результаты полевых исследований;
междисциплинарные исследования;
рецензии;
антологии;
персоналии;
хроника научных исследований.

Все виды работ могут быть представлены на румынском, русском, английском, немецком или французском языках.

Основные требования к работам аналитического характера, материалам полевых исследований, статьям по междисциплинарным исследованиям

Структура этих работ должна быть следующей:

I. Аннотация:

Перед основным текстом должна быть аннотация на трех языках: румынском; русском; английском, немецком или французском. Объем каждой аннотации не должен превышать 1500 символов. Аннотации представляются в формате: *Times New Roman*; *Font size 10*; *Space 1,0*.

II. Рукопись основного текста:

Текст представляется в виде рукописи и в электронном варианте в формате: *Times New Roman*; *Font size 12* *st*; *Space 1,5*. Максимальный объем рукописи 1,5 а.л., включая иллюстрации и список литературы.

III. Иллюстрации:

Представляются на листах в формате A4 и в четком графическом изображении. Каждый рисунок должен быть пронумерован и сопровожден подписью. Если рукописи подаются на русском или румынском языках, подписи рисунков должны сопровождаться переводом на английский, немецкий или французский языки. Желательно представить иллюстрационный материал и в электронном виде (JPG и TIF, не менее 600 dpi, ширина изображения/рисунка – 17 cm).

IV. Библиография:

Ссылки на библиографические источники в рукописи даются на латинице (библиография на кириллице транслитерируется **по системе Библиотеки Конгресса США**) согласно следующей форме: (Petrov 1999, 15, ris. 3,4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15,4-6).

Список использованной литературы представляется в алфавитном порядке в конце основного текста с учетом ниже указанных требований.

Примеры для монографий:

Bader 1978: T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. Cultura pretracică și tracică (București 1978).

Avanesova 1991: N.A. Avanesova, Kul'tura pastusheskikh plemen epokhi bronzы aziatskoi chasti SSSR (Tashkent 1991) // Н.А. Аванесова, Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (Ташкент 1991).

Примеры для работ, опубликованных в сборниках:

Metzner-Nebelsick 1998: C. Metzner-Nebelsick, Abschied von den „Thrako-Kimmeriern“? - Neue Aspekte der Interaktion zwischen karpatenländischen Kulturgruppen der späten Bronze- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppenkoine. In: (Hrsg. B. Hänsel und J. Machnik) Das Karpatenbecken und die osteuropäische

Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeit (4000-500 v.Chr.) (München-Rahden/Westf. 1998), 361-422.

Dergaciov 1969: V.A. Dergaciov, Poselenie epokhi bronzy u sela Slobodka-Shireutsy. In: (ed. L.L. Polevoi) *Dalekoe proshloe Moldavii* (Kishinev 1969), 110-122 // В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Ширеуцы. В сб.: (отв. ред. Л.Л. Полевой) *Далекое прошлое Молдавии* (Кишинев 1969), 110-122.

Примеры для работ, опубликованных в периодических изданиях:

Zaharia 1990: E. Zaharia, La culture de Monteoru. La deuxième étape de développement a la lumière des fouilles de Sărata-Monteoru (dép. de Buzru). *Dacia* N.S. XXXIV, 1990, 23-51.

Kachalova 1970: N.K. Kachalova, Il'menskie kurgany. *Arkheologicheskii sbornik* 12, 1970, 7-34 // Н.К. Качалова, Ильменские курганы. *Археологический Сборник* 12, 1970, 7-34.

Примеры для работ, опубликованных в материалах конференций и семинаров:

Sava 1994: E. Sava, Investigațiile istorico-arheologice în microzona Rudi-Tătărauca Nouă-Arionești, raionul Dondușeni. *Cronica cercetărilor arheologice. Campania* 1993. A XXVIII-a Sesiune Națională de rapoarte arheologice, Satu Mare, 12-15 mai 1994 (*Satu Mare* 1994), 114.

Savva 1993: E. Savva, Pozdnefrakiiskii kul'turno-hronologicheskii gorizont VII-VI vv. do n.e. v Moldove (po materialam kurgannogo mogil'nika u s. Trinka). P'rvy mezhdunaroden simpozium „Sevtopolis”. „Nadgrobnite mogili Iugoiztochna Evropa” (Kazanl'k, B'lgaria 1993), 55-56 // Е. Савва, Позднефракийский культурно-хронологический горизонт VII-VI вв. до н.э. в Молдове (по материалам курганного могильника у с. Тринка). Първи международен симпозиум «Севтополис». «Надгробните могили Югоизточна Европа» Казанлък (България 1993), 55-56.

Примеры для научных отчетов и архивных материалов:

Larina ș.a. 1996: O.V. Larina, K.P. Wechler, V.A. Dergaciov, S.I. Kovalenko, V.M. Bicbaev, *Periegheze arheologice în raioanele Dondușeni, Drochia, Singerei în anul 1996*. Arhiva MNIM. Inv. nr. 358 (Chișinău 1996).

Agul'nikov 1987: S.M. Agul'nikov, Otchet o polevykh issledovaniakh Slobodzeiskoi novostroechnoi ekspeditsii v 1987 g. *Arkhiv NMIM*. Inv. nr. 266 (Kishinev 1988) // С.М. Агульников, Отчет о полевых исследованиях Слободзейской новостроечной экспедиции в 1987 г. *Архив НМИМ*. Инв. № 266 (Кишинев 1988).

V. Список сокращений

VI. Сведения об авторе:

ФИО, научное звание, должность, место работы, почтовый адрес, телефон, факс, e-mail

Рецензии, персоналии, антологии и пр.

Рукописи из данной категории могут быть представлены в произвольной форме, однако с учетом технических требований, предусмотренных для издания журнала (*Times New Roman; Font size 12 cm; Space 1,5*). Максимальный объем рукописи не должен превышать 0,5 а.л. (не более 20000 символов)

Крайний срок подачи материалов для тома XI, №1-2 – 1 июля 2015 г.

Рукописи и их электронные варианты могут быть высланы обычной почтой или непосредственно представлены в редакцию журнала по адресу: Редакция *Археологического Журнала*, Институт культурного наследия АНМ, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова.

Дополнительная информация может быть получена по тел. (037322) 27 06 02; 26 09 59

E-mail: levitkioleg_ipc@yahoo.com; ghena_ipc@yahoo.com

INFORMATION AND CONDITIONS OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE

Dear colleagues,

The Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of the Republic of Moldova invites you to take part in the issue of the *Archaeological Magazine* – Vol. X, no. 1-2

The Main Provisions

Papers on Archaeology and interdisciplinary sciences, which unveil the results of the surveys in the Carpathian-Balkan region and the adjacent territories, will be published in this review. The main rubrics of the review are as follows:

analytical works,
materials and results of the field surveys,
applied researches,
reviews,
anthologies,
personalities,
chronicles of researches.

All these types of papers will be presented in Romanian; Russian; English, German or French. The editorial board of the review reserves the right to send the manuscripts for additional reading.

The main requirements for analytical papers, materials of field surveys, articles on museography and interdisciplinary researches:

Analytical papers, materials and results of field surveys, articles on museography and interdisciplinary researches must meet the special requirements.

The structure of these papers must be as follows:

I. Annotation (summary):

An annotation in three languages: Romanian, Russian, English, German or French must precede the main text. The volume of each annotation must not exceed 1500 symbols. The annotations must be presented in the following format: *Times New Roman; Font size 10; Space1,0*.

II. The main text:

The manuscript should be presented in a printed form and an electronic version: *Times New Roman; Font size 10; Space1,5*. The maximal volume of a manuscript must be 1.5 author's list, including the illustrations and the list of literature (bibliography).

III. Illustrations:

The illustrations should be presented in an A4 format with a high quality graphic representation. Each illustration (figure) should be numbered and supplemented with a caption. In the case of papers submitted in Russian or Romanian, the figure captions must be translated in English, German or French. It is preferable to present the illustrations in an electronic format (JPG and TIF, 600 dpi at list; the image/figure – 17 cm).

IV. Bibliography:

The references should be given in the original language/in transliteration in accordance with the US Library of Congress system (Petrov 1999, 15, ris. 3,4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15,4-6).

The list of bibliographic sources must be given in an alphabetic order at the end of the main text according to the requirements indicated below.

Examples for monographs:

Bader 1978: T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. Cultura pretracică și tracică (București 1978).
Avanesova 1991: N.A. Avanesova, Kul'tura pastusheskikh plemen epokhi bronzы aziatskoi chasti SSSR (Tashkent 1991) // Н.А. Аванесова, Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (Ташкент 1991).

Examples for papers published in the reviews:

Metzner-Nebelsick 1998: C. Metzner-Nebelsick, Abschied von den „Thrako-Kimmeriern“? - Neue Aspekte der

Interaktion zwischen karpatenländischen Kulturgruppen der späten Bronze- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppenkoine. In: (Hrsg. B. Hänsel und J. Machnik) Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeit (4000-500 v.Chr.) (München-Rahden/Westf. 1998), 361-422.

Dergaciov 1969: V.A. Dergaciov, Poselenie epokhi bronzy u sela Slobodka-Shireutsy. In: (ed. L.L. Polevoi) Dalekoe proshloe Moldavii (Kishinev 1969), 110-122 // В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Ширеуцы. В сб.: (отв. ред. Л.Л. Полевой) Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110-122.

Examples for papers published in the periodicals:

Zaharia 1990: E. Zaharia, La culture de Monteoru. La deuxième étape de développement a la lumière des fouilles de Sărata-Monteoru (dép. de Buzău). Dacia N.S. XXXIV, 1990, 23-51.

Kachalova 1970: N.K. Kachalova, Il'menskie kurgany. Arkheologicheskii sbornik 12, 1970, 7-34 // Н.К. Качалова, Ильменские курганы. Археологический Сборник 12, 1970, 7-34.

Examples for papers published in proceedings of conferences and seminars :

Sava 1994: E. Sava, Investigațiile istorico-arheologice în microzona Rudi-Tătărauca Nouă-Arionești, raionul Dondușeni. Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1993. A XXVIII-a Sesiune Națională de rapoarte arheologice, Satu Mare, 12-15 mai 1994 (Satu Mare 1994), 114.

Savva 1993: E. Savva, Pozdnefrakiiskii kul'turno-hronologicheskii gorizont VII-VI vv. do n.e. v Moldove (po materialam kurgannogo mogil'nika u s. Trinka). P"rvi mezhdunaroden simpozium „Sevtopolis”. „Nadgrobните могили Iugoiztochna Evropa” (Kazanl"к, B"lgaria 1993), 55-56 // E. Савва, Позднефракийский культурно-хронологический горизонт VII-VI вв. до н.э. в Молдове (по материалам курганного могильника у с. Тринка). Първи международен симпозиум «Севтополис». «Надгробните могили Югоизточна Европа» Казанлък (България 1993), 55-56.

Examples for scientific reports and archives:

Larina ș.a. 1996: O.V. Larina, K.P. Wechler, V.A. Dergaciov, S.I. Kovalenko, V.M. Bicbaev, Periegreze arheologice în raioanele Dondușeni, Drochia, Singerei în anul 1996. Arhiva MNIM. Inv. nr. 358 (Chișinău 1996).

Agul'nikov 1987: S.M. Agul'nikov, Otchet o polevykh issledovaniakh Slobodzeiskoi novostroechnoi ekspeditsii v 1987 g. Arkhiv NMIM. Inv. nr. 266 (Kishinev 1988) // С.М. Агульников, Отчет о полевых исследованиях Слободзейской новостроечной экспедиции в 1987 г. Архив НМИМ. Инв. № 266 (Кишинев 1988).

V. The List of the Abbreviations

VI. The Data on the Author:

Surname, first name, position, place of work, postal address, telephone, fax, e-mail

The main requirements for reviews, anthologies, reviews and other papers

Such papers can be presented in a free form, but with taking into consideration the technical requirements, accepted for the Review: *Times New Roman*; Font size 10; Space 1,5. The maximal volume must be 0,5 author's list or not more than 20000 symbols

The deadline for manuscript submitting for the vol. X, nr. 1-2 is July 1, 2014

The manuscripts and the electronic version on a CD can be sent by post or directly to the editorship of the Review to the following address: The editorship of the *Archaeological Magazine*, Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of the Republic of Moldova, bul. Ștefan cel Mare 1, MD-2001 Chisinau, the Republic of Moldova

The additional information can be obtained on telephone: (037322) 27 06 02; 26 09 59

E-mail: levitkioleg_ipc@yahoo.com; gheana_ipc@yahoo.com

LISTA

**instituțiilor de profil de peste hotare cu care Centrul de Arheologie al IPC AȘM
întreține relații de colaborare științifică și efectuează schimb de publicații**

- Eurasien Abteilung des Deutsches Archäologisches Instituts*, Im Dol 2-6, D-14195, Berlin, Deutschland
Institut für Prähistorische Archäologie Freien Universität Berlin, Altensteinstraße 15, D-14195, Berlin, Deutschland
Bibliothèque de Préhistoire LAMPEA-MMSH 5, rue du Château de L'Horloge, B.P.647 13094 Aix-en-Provence Cedex 2, France
MTA Regeszeti Intezete Budapest, Uri u. 49, 10145, Ungarn
Археологически институт с музей, Българска та Академия на Науките (БАН), Съборна, 2 1000, София, България
Institutul de Arheologie „Vasile Pârvan”, Academia Română, str. Henri Coandă nr.11, București, România, 71119
Institutul de Arheologie, Academia Română – Filiala Iași, str. Lascăr Catargiu nr. 18, Iași, România, 700107
Institutul de Arheologie și Istorie a Artelor, Academia Română – Filiala Cluj, str. Constantin Daicoviciu nr. 2, Cluj Napoca, România, 400020
Centrul Internațional de cercetare a culturii Cucuteni – Muzeul de Istorie și Arheologie Piatra Neamț, str. Mihai Eminescu nr. 10, Piatra Neamț, România, 610029
Asociația de studii pentru arheologie funerară – Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, str. 14 noiembrie nr. 3, Tulcea, România, 38800
Институт Археологии, Российская Академия Наук, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, Россия, 117036
Институт Истории Материальной Культуры, Российская Академия Наук, Дворцовая Набережная 18, Санкт-Петербург, Россия, 191065
Институт Археології, Національна Академія Наук України, вул. Героїв Сталинграду 12, Київ, Україна, 04210
Государственный Эрмитаж, Дворцовая Набережная 34, Санкт-Петербург, Россия, 191065
Одеський Археологічний Музей, Національна Академія Наук України, вул. Ланжеронівська 4, Одеса, Україна, 65026
Кафедра археологии исторического факультета, Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Россия, 119990
Кафедра археологии исторического факультета, Санкт-Петербургский Государственный Университет, Менделеевская Линия, 5, Санкт-Петербург, Россия, 191065
Кафедра археологии та музеєзнавства. Історичний факультет, Київський Національний Університет ім. Тараса Шевченка, вул. Владимирська, 64, 01 033 Київ - 33, Україна
Археологічна лабораторія. Запорізький Національний Університет, вул. Жуковського 66, м. Запоріжжя, Україна, МСП-41, 69600
Археологічний науково-дослідний центр «Спадщина», Східноукраїнський Національний Університет ім. Володимира Даля, Квартал Молодіжний 20-а, Луганськ, Україна, 91034

REVISTA ARHEOLOGICĂ serie nouă, vol. X, nr. 1-2

Redactare: Oleg Levițki, Larisa Ciobanu, Nicolai Telnov, Svetlana Reabțeva. Machetare computerizată: Ghenadie Sirbu.

Bun de tipar: 30.12.2013. Formatul 60x84, 1/8. Coli de tipar: 18,25. Comanda 973. Tiraj 200 ex.

SRL „Garomont Studio”, MD-2065, Chișinău, str. Ion Creangă, 1. Tel. 022-50-86-16.